U 555/1
т. 36 г. 3

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

7-е переработан. издание

ПОД РЕДАК: (до 33 тома) ПРОФ. В.Я. ЖЕЛЕЗНОВА, М.М. КОВАЛЕВСКОГО, С.А. МУРОМЦЕВА и К.А. ТИМИРЯЗЕВА.

9380

ИЗД. РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ

V 555/1

ЭНЦИКЛОПЕДИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

РУССКОГО БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА ГРАНАТ.

СЕДЬМОЕ ИЗДАНИЕ

до 33-го тома под редакцией

проф. Ю. С. Гамбарова, проф. В. Я. Железнова, проф. М. М. Ковалевского, проф. С. А. Муромцева и проф. К. А. Тимирязева.

Том тридцать шестой — часть III.

Род — Россия.

Lexicographis secundus post Herculem labor.
(Скалигер).

Редакция и экспедиция «Русского Библиографического Института Гранат»:
Москва, Тверской бульвар, 25.

10549-43

2015147926

Главлит № 26608 24½ л. Заказ 6605. Тираж 7100

Фабрика книги «Красный пролетарий» издательства ЦК ВКП(б) Партиздата
Москва, Краснопролетарская, 16

1 з

КНИГА ИМЕЕТ

Листов печатных	Выпуск	В перепл. един. соедин. №№ вып.	Таблиц	Карт	Иллюстр.	Служебн. №№	№№ списка и порядковый	1974 г.
		т 36				Д	294 / 31	94

ВАЖНЕЙШИЕ СТАТЬИ В ТОМЕ.

Столб.

Род и семья—проф. П. Ф. Преображенского 3
Родбертус — М. Бера (M. Beer) 19
Роды — проф. М. А. Колосова 62
Рожь — В. В. Антропова 89
Роза — С. И. Матвеева 108
Роллан Р. — проф. П. С. Когана 155
Роман — проф. Б. А. Грифцова 165
Романовы — проф. Б. И. Сыромятникова 193
Романские языки — акад. М. М. Покровского 223
Романский стиль — проф. Н. И. Романова 235
Романтизм — проф. В. И. Жирмунского 265
Россия (история): 325
I. Древняя Русь — проф. Б. Д. Грекова 325
1. Русь под гегемонией Киева 325
2. Новгород Великий 366
3. Ростово-Суздальская земля 388
II. Московское государство — проф. Б. Д. Грекова 402
III. Крепостная Россия XVII—XVIII в. — проф. П. Г. Любомирова 471
1. Социально-экономическая характеристика районов Московского государства середины XVII в. 471
2. Господство дворянства и рост буржуазии 502
3. Накануне реформ 520
4. Войны и состояние страны в 1696—1709 гг. 532
5. Преобразования 1710—1724 гг. 549
6. Дворянская реакция 577
7. Хозяйство в середине XVIII в. 586
8. Экономические районы России в середине XVIII в. . . 622
9. Состояние умственной культуры в середине XVIII в. . . 676
10. Политика «просвещенной монархии» в годы «либерализма» 691
11. Реформы после Пугачевщины и захваты новых территорий 721
12. Реакция и хозяйственные затруднения с середины 1780-х гг. 733
13. Военная диктатура Павла 760

ИСПРАВЛЕНИЕ

Столбец	*Строка*	*Напечатано*	*Следует*
681	14 св.	Тредияковским	А. Ф. Хрущевым

ТОМ ТРИДЦАТЬ ШЕСТОЙ—ЧАСТЬ III.

Род—Россия.

РОД.

Род (грамматический), особая грамматич. категория, свойственная многим языкам, но особенно полно и четко проведенная в семье индо-европейских (*см.*). Она распределяет имена существительные, прилагательные и личные местоимения либо в зависимости от формальных признаков (суффиксы, флексии), либо на основании значения, по различным Р., б. ч. *мужскому* и *женскому* (не всегда совпадающим с физическим полом живых существ), а также (в индо-европ. семье) т. н. *среднему* (букв. «никоторый Р.» — genus neutrum), возникшему, несомненно, позже на основе уже существовавших мужского и женского Р.; к среднему Р. были отнесены, напр., названия детенышей, людских и животных, остатки чего сохраняются и теперь в славянских языках: *дитя* в русском, *теля, порося* в украинском. Языки семитические (*см.*) и хамитские (*см.*) различают лишь мужской и женский Р.

Свойство языков распределять понятия по двум или трем Р. роднится психологически, с одной стороны, со стремлением (сохранившимся, напр., в русском яз.) дифференцировать формально (в именит. и винит. падежах един. числа м. Р.) названия лиц (одушевленных) и предметов (неодушевленных): «я вижу этого человека и этот дом»; с другой стороны, оно роднится со стремлением, наблюдаемым, напр., у американских индийцев (в языке ирокезов), распределять названия лиц и существ, живых или мифических, и вообще предметов — на категории *высших* и *низших*: к первым относятся, напр., имена богов, духов и мужчин, а ко вторым — женщины, дети и все прочее.

Для обозначения животных разного пола еще в индо-евр. праязыке существовал ряд отдельных слов (часто разного корня) для м. и ж. Р., что наблюдается и теперь: бык—корова (der Stier—die Kuh), жеребец—кобыла (der Hengst—die Stute), мужчина—женщина, муж—жена (der Mann—die Frau). Такие слова и их падежные формы могли влиять на установление соответствующих категорий Р. и в других понятиях-словах. Однако, нельзя утверждать, как это предполагали раньше, будто примитивно мысливший человек действительно усматривал наличность половых признаков даже в неодушевленных предметах. Зато в поэзии, в мифотворчестве граммат. Р. благоприятствует отнесению олицетворяемого понятия к определенному Р. (луна, ночь, заря, месяц, ветер и т. д.). Особенно четко дифференциация была проведена в индо-евр. праязыке среди именных основ, оканчивавшихся на *-o*. Имена м. Р. имели в ед. ч. в им. пад. — *os*, а в вин. — *om*, с которым совпадали им. и вин. п. ед. ч. среднего Р. Во множ. числе эти имена ср. Р. принимали в им. и вин. п. окончание *-a*, сближаясь с формой именит. пад. ед. ч. женск. Р. тем на *a*.

В остальных падежах ср. Р. совпадал с м. Р. В современных живых языках и теперь часто определенный именной суффикс обязательно подводит имя под определенный Р.: напр., к ср. Р. относятся в слав. яз. имена на *-ство*, а в немецком уменьшительные на *-chen*, *-lein*: das Mädchen, das Fräulein. Однако, в народных, не литературных говорах говорят die Fräulein, под влиянием основного die Frau. Такой случай, как *das* Weib (ср. Р.), можно сближать с нашим *это бабьё*, употребленным не в коллективном, а в индивидуальном значении. Вообще, категория граммат. Р. усложняет и без нужды отягощает языковый аппарат, и многие из индо-евр. языков начали ее сокращать или утрачивать; так, литовский яз. (*см.* XXVII, 244) утратил ср. Р., как утратили его французский и итальянский. Английский сохранил родовое различие лишь в местоимении: he, she, it (он, она, оно). Совсем утратили категорию Р. армянский (*см.*) и ново-персидский.

См.: *W. Wundt*, «Völkerpsychologie», II B., 2 Teil (Die Sprache), 4 Aufl., 1922, S. 15—24 (Artunterscheidungen der drei Nominalgenera); *K. Brugmann*, «Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen», 1903, § 434—439; *его же*, «Grundriss der vergleichenden Grammatik», 2 Aufl., 1913, II B., S. 82—109 (Die drei Nominalgenera); *А. И. Томсон*, «Происхождение форм им. и вин. падежей и грамматич. рода в индо-европ. праязыке» (Известия Академии Наук за 1913 г., отд. русск. яз. и словесности, стр. 148—172). *П. Р.*

Род *и семья*. Вопрос о происхождении Р. и с. и определении их функциональной зависимости от определенной социально-экономической формации является одним из самых сложных и запутанных в тех социальных науках (этнография, социология, история), предметом которых он служит. Благодаря тесной связи обоих институтов, теоретические исследования очень часто рассматривали их генезис и эволюцию совместно, и некоторое разделение при их анализе может быть произведено только для более тщательного рассмотрения их специфических особенностей. Еще Аристотель рассматривал семью как древнейшую ячейку человеческого общества, из которой последовательно развились Р., община и государство. Эта теория в своих общих чертах продержалась до середины XIX в., тем более, что она имела за собой авторитет Библии и отцов церкви. Некоторое изменение она претерпела в теории известного английского юриста Мэна (*см.*), который первой общественной клеткой считал не современную моногамную семью, а известную, гл. обр. по памятникам римского права, патриархальную семью с властью домовладыки-отца. Решительный удар этим схемам общественного развития был нанесен открытиями, тесно связанными с именами Бахофена (*см.*) и Моргана (*см.*). Первый из них, соединявший в себе большого ученого и гениального мистика, по определению Энгельса, подорвал «патриархализм» старых теорий тем, что он на основании развернутого анализа античных сказаний и мифов показал возможность существования совершенно иных форм сексуальной и экономической организации, чем это предполагалось раньше. Если несколько отвлечься от религиозно-мистической оболочки бахофеновских теорий, то схема развития, предложенная в «Материнском праве» (1861) швейцарским ученым, сводилась к следующему: отправным пунктом в ней является неорганизованное общество, первобытная анархия с господством сильного, «первобытным коммунизмом» (*см.* XL, 388/89) в экономических отношениях и беспорядочным половым общением — *гетеризмом* (см.) в сексуальных; после этого женщина

выступает первым организатором урегулированного общежития, создавая *матриархальную* семью, где она господствует—это эпоха женовластия, *гинекократии* (см.); только впоследствии мужчина захватывает власть в свои руки, и матриархальная семья сменяется патриархальной. Почти одновременно (1865) подобную же теорию, но без мистики Бахофена и на основании богатого этнографического материала, выдвинул Мак-Леннан (*см.* XXVIII, 54/55). В своих очертаниях к схеме Бахофена весьма близка схема, развитая Морганом (1877), только последняя гораздо более детализирована, а, главное, Морган считал, что семья является «продуктом» определенной социальной системы, а вовсе не результатом развития определенной религиозной идеи, как это было у Бахофена. Основными данными для построения схемы развития Р. и с. у Моргана являлись: во-1-х, прямые наблюдения над существующими формами семьи, непохожими на европейскую моногамную, и, во-2-х, косвенные заключения из открытых им систем кровного родства и свойства, которые в отличие от европейской «описательной» были названы им «классификационными», так как их термины всегда обозначали целую группу лиц с определенными правами и обязанностями. Современной европейской моногамной семье, по Моргану, предшествовала «парная», или «синдасмическая», которую он наблюдал у сев.-американских индейцев. Отличительной чертой этой формы семьи по сравнению с моногамией является ее сравнительно легкая расторжимость. Предшественницей парной семьи для Моргана являлась найденная на Гавайских островах семья «пуналуа», где группа братьев находилась в групповом браке с группой сестер. Не довольствуясь этим, Морган пытался реконструировать еще две предыдущие ступени в развитии семьи — «кровнородственную» семью, реконструированную им на основании т. наз. «малайской» системы родства, где родные братья и сестры находились в кровосмесительном групповом браке между собой, и, наконец, уже чисто теоретическое начало семейной жизни человечества — *промискуитет*, или беспорядочное общение полов, хотя ему представлялось весьма сомнительным, чтобы подобное состояние могло наблюдаться где-либо в историческое время. К грани между семьей пуналуа и парной Морган относил и появление родовой организации в ее матриархальной форме. Методологическое превосходство Моргана над предшественниками и современниками, огромное количество привлеченного им материала привели к тому, что автор «Систем кровного родства и свойства человеческого рода» и «Древнего общества» своими выводами произвел большое впечатление на основателей научного социализма — Маркса и Энгельса. Правда, самому Марксу так и не пришлось связать результаты работ Моргана с данными «материалистического исследования истории и этим дать возможность понять их значение», но зато Энгельс, использовав марксовские конспекты, выпустил в 1884 г. свое «Происхождение семьи, частной собственности и государства». В своей работе Энгельс не просто использовал выводы Моргана, но уничтожил еще присутствовавший в работах Моргана идеалистический налет, написав, по своим собственным словам, свое исследование «im Anschluss» к морганоВскому. По мнению Ленина, работа Энгельса «одно из основных сочинений современного социализма, в котором можно с доверием отнестись к каждой фразе, с доверием, что каждая фраза сказана не наобум, а написана на основании громадного исторического и политического материала». В общем Энгельс принял схему развития Р. и с., данную

Морганом, обосновав ее методологически и дав абрис критического рассмотрения буржуазных форм семьи.

Примерно с начала 90-х гг. схема Моргана, и раньше имевшая много противников (в том числе, отчасти, Мак-Леннана), становится объектом оживленной критики со стороны ряда исследователей, при чем главными пунктами нападения являются утверждения Моргана о существовании промискуитета и группового брака. Наиболее крупным из противников морганов ской теории является, несомненно, Э. Вестермарк (*см.*) в своей «Истории человеческого брака» (I изд. в 1 томе —1891, последнее 3-томное —1921). Вестермарку путем разбора морганов ского материала, а также и нового, накопленного с той эпохи в этнографической литературе, удалось показать одно,—а именно, что конкретные наблюдения современных этнографов и современный этнографический материал не дают возможности дать твердые доказательства существования промискуитета и группового брака, но зато он не смог доказать и своего противоположного тезиса об извечном существовании моногамной семьи, хотя для этого им был привлечен даже зоологический материал. Сам Энгельс знал исследование Вестермарка в его первом издании, но аргументация Вестермарка не заставила его пересмотреть свои взгляды и отойти от Моргана. Единственная уступка, сделанная Энгельсом, заключалась в признании возможности «существования временных одиночных пар» даже при промискуитете. Можно сказать, что со времени выступления Вестермарка современная наука очень мало продвинулась вперед в разрешении проблемы семьи—осталось прежнее разделение на сторонников «классической» точки зрения морганов ского эволюционизма, которые, правда, находятся сейчас в численном меньшинстве, и на более или менее последовательных «вестермаркианцев», при чем основные положения Вестермарка приняли у некоторых исследователей новые методологические оттенки, из которых особенно характерной для кризиса современной зап.-европейской науки является позиция правого, или, вернее, католического крыла т. наз. «культурно-исторической» школы в этнологии. Эта группа исследователей, во главе с патером Шмидтом, использовала вестермарковские выводы, хотя и в иной методологической обработке, для апологетических целей, для своеобразного проецирования земного рая в начало развития человечества с идиллической моногамией в качестве одного из основных признаков этого рая. Некоторый прогресс в истории проблемы семьи наблюдается в двух отношениях. Прежде всего в уточнении самых объектов дискуссии. Последняя сводится лишь к вопросу о существовании групповых форм полового общения до появления парной семьи. Остальные формы семейного союза,—как то полигамия, или, точнее, полигиния (многоженство), полиандрия (многомужество)—с точки зрения современной этнографии являются лишь вариантными формами парной семьи, возникающими при определенных экономических условиях: многоженство—при начавшейся социальной дифференциации и только для сравнительно узкого круга лиц, а многомужество—при совершенно специфических условиях убийства девочек (ср. *брак*, VII, 445/47). Затем самый термин «семья» потерял свой прежний характер преобладания сексуальных отношений. Уже Вестермарк, особенно в последнем издании своей работы, выдвинул в характеристике семьи элемент экономического союза индивидов различного пола. Этот экономический характер семьи у народов наименее развитых культур все более и более ярко выступает в свете новейших конкретно-этнографических

исследований. И, наконец, было освещено значение семьи в определении социального положения индивида в обществе, а также как передатчика целого ряда культурных ценностей,— технических навыков, языка и т. п. Этот последний момент в значении семьи был особенно подчеркнут английскими учеными Риверсом (*см.* XLVIII, прил. 39) и Малиновским (B. Malinowski).

Нельзя сказать, чтобы и в разрешении проблемы Р. современная наука пришла к вполне определенным результатам. Несомненно, что основы для рассмотрения проблемы Р. были заложены опять-таки Морганом. Энгельс считал, что величайшим делом Моргана было открытие природы индейского Р., из которого могла быть объяснена сущность Р. римского и греческого. Для Энгельса «этим самым была найдена новая основа для всей первобытной истории». Пользуясь данными Моргана, Энгельс дал и подробную характеристику родовой организации, относя сюда в качестве основных признаков обладание общим именем, сохранение имущества внутри Р., взаимопомощь между сородичами и кровную месть, экзогамию, т.-е. запрещение браков внутри Р., право усыновления, т.-е. принятия в Р. посторонних, более или менее общие религиозные церемонии и общее кладбище и, наконец, родовую демократию. Характеризуя Р., Энгельс говорит: «И какая удивительная организация, во всем ее младенчестве и простоте, этот родовой строй. Без солдат, жандармов и полицейских... все идет своим заведенным ходом... Бедных и нуждающихся быть не может. Коммунистическое хозяйство и Р. знают свои обязанности по отношению к престарелым, больным и изувеченным на войне. Все равны и свободны — не исключая и женщин». Несмотря на подробность этой развернутой характеристики, практическая работа с ней по исследованию конкретных родовых организаций, решению вопроса о месте родового строя в истории человеческого общества и его всеобщности встретила ряд затруднений. Попытки найти более удовлетворительную форму для характеристики Р. не дали особых результатов, приводя лишь к менее полной и даже более спорной формулировке (Ковалевский), либо давая настолько пустое содержание (Пост), что под него могли быть подведены самые различные типы общественных организаций. Трудности при исследовании проблемы Р. имеют под собой несколько оснований. Далеко не все исследователи давали себе труд точно провести разграничительную линию между Р. и такими формами семьи, как т. наз. «большая семья», т.-е. совокупность нескольких парных семей, ведущих общее хозяйство (*см.* для примера о сербской „задруге“, XXXVIII, 349/52). Лишь в настоящее время Риверсом предложен вполне достаточный критерий для различения Р. и с., заключающийся в принципиальном разделении счета родства в каждом из этих институтов. В то время, как в Р. счет родства всегда односторонний — либо по отцу, либо по матери, т.-е. Р. является либо материнским, либо отцовским, семейный счет родства включает в себя родственников и по материнской и по отцовской линии. Следующею трудностью при изучении родового строя является крайняя пестрота и сбивчивость употребляемых в конкретной этнографии при описании Р. терминов. Если еще в русском языке термин «Р.» единственен и весьма широк по своему употреблению, то, напр., английские описания родового строя у различных народов почти что безразлично употребляют термины gens, clan, kin (отсюда иногда встречающиеся и в русской литературе термины *клан*, «гентильный»), при чем

неясно, сопутствуют ли этим словесным различениям реальные факты. Не лучше обстоит дело и в немецкой этнографической литературе. Правда, для уничтожения этой терминологической путаницы предлагались некоторые паллиативы; так, напр., Риверс считал удобным употреблять термин gens для обозначения Р. с отцовским счетом родства, термин clan для обозначения подобной же общественной единицы с материнским счетом родства, а новый термин sib для обозначения Р. вообще. Однако, это разграниченное словоупотребление нашло бы себе место только в англо-американской науке, да и там оно еще не принято. Все эти неточности привели к тому, что конкретные примеры родовой организации в этнографических описаниях имеют самый разнообразный по своему типу характер. В одном случае Р. весьма мал, всего несколько семей, и весьма возможно, что это просто «большая семья»; в другом — Р. разрастается чуть ли не до пределов целого племени. Кроме того, самые признаки Р. в отдельных конкретных случаях весьма разнятся между собой. Если взять определение Энгельса, как наиболее полное, то окажется, что в одном случае отсутствует коллективная родовая собственность, в другом коллективная ответственность, связанная с институтом кровной мести, а в третьем даже может быть наиболее характерная или, вернее, постоянная черта родовой организации — ее экзогамность. В последнем случае дело заключается, по всей вероятности, не только в одних терминологических неточностях, но и в том, что исследователь подходит к динамичному социальному явлению с неподвижной формулой, совершенно забывая, что родовая организация может находиться и в периоде сложения и расцвета, и еще чаще разложения, и благодаря этому в одном случае часть характерных признаков Р. может еще не образоваться, а в другом уже выпасть. Эта точка зрения подтверждается и конкретными наблюдениями — в некоторых случаях этнографические данные прямо свидетельствуют о распадении Р. на более мелкие разделения, «колена», «отделения», которые в свою очередь становятся самостоятельными родовыми единицами. Вполне понятно, что эти процессы интеграции и дезинтеграции сопровождаются существенными изменениями в самой структуре Р. и его функциях. Это разнообразие сведений о величине родовых делений, о конкретных функциях Р. значительно затруднило решение ряда вопросов, выдвинутых относительно Р. этнографическими и историческими дисциплинами. Сюда относится прежде всего вопрос о всеобщности родового строя. Здесь мнения исследователей значительно расходятся, но все же представляется более или менее ясным, что народы, стоящие на самой низкой ступени развития, как австралийцы, карликовые народности Азии и Африки, родового строя еще не имеют. В то же время все эти этнические группы уже обладают парной семьей. Таким обр., мнение Моргана, что организация образуется где-то на переходе от пуналуальной семьи к парной, повидимому нуждается в некоторых поправках. Не предрешая вопроса о том, предшествовали ли групповые формы семьи парной, можно с весьма значительной долей вероятности утверждать, что образование парной семьи, каким бы оно ни было, предшествовало образованию Р. Это положение влечет за собой постановку вопроса о причинах происхождения родового строя. Несомненно, что эти причины следует искать в каком-то экономическом сдвиге. По всей вероятности, именно появление новой техники полированного камня (неолита) в связи с появлением мотыжного земледелия, скотоводства и, может

быть, организованной сезонной охоты повлекло за собой необходимость большего объединения человеческих групп, и место более рыхлых территориальных орд заняла более тесная организация, основанная на действительном или мнимом кровном родстве.

В связи с этим несколько по-иному должен быть поставлен вопрос об относительном приоритете материнского или отцовского Р. Для Моргана вопрос о приоритете материнского Р. не подлежал сомнению, и сам Энгельс видел заслугу Моргана в «раскрытии в первобытном материнско-правовом Р. первичного зародыша отцовско-правового Р. культурных народов». Нет сомнения, что в чрезвычайно большом количестве случаев Энгельс безусловно прав. Ряд наблюдений над современными народностями установил частые случаи перехода от материнского Р. к отцовскому, и даже в довольно тонких градациях. Так, для Меланезии установлены различные способы перехода самого родового звания, титула, разных типов имущества в зависимости от все большего и большего внедрения принципов отцовского права. В то же время нет ни одного случая, когда бы материнское право сменило отцовское. Однако, это еще не решает вопроса о возможности появления отцовского Р. без предшествования ему материнского. Разрешение поставленной проблемы лежит, повидимому, в увязке материнского и отцовского Р. с различными формами хозяйства. Здесь, к сожалению, приходится иметь дело с некоторой неустановленностью смены хозяйственных форм и, в частности, с вопросом о приоритете мотыжного земледелия, как преимущественно женского занятия, над скотоводством, как занятием специфически мужским. Существование такого приоритета повсеместно вряд ли можно утверждать. Поэтому появление мотыжного земледелия с преобладающей ролью женщины влекло за собой через практику *матрилокальных*, т.-е. таких браков, когда мужчина входил в являвшуюся хозяйственным центром семью жены, и появление материнского счета родства, который лишь впоследствии, при наличии новых социально-экономических условий, переходил в отцовский. Как правило, мотыжное земледелие возникало чаще, чем скотоводство, на смену собирательства и примитивной охоты, и потому положение о приоритете материнского Р. в основном совершенно правильно. Однако, в тех более редких случаях, когда скотоводство возникало непосредственно и являлось основным занятием данной этнической группы, в этой последней сразу возникал отцовский Р. Конечно, в подобных случаях перехода к материнскому Р. быть не могло. И в том, и в другом гипотетическом случае исключается, разумеется, возможность культурного влияния или заимствования. Впрочем, и самое понятие «материнского» права в значительной степени изменило свое содержание со времен Бахофена и Моргана. Если Бахофен мог говорить о материнском праве, как о настоящем преобладании женщины в социальной жизни или даже прямо о женовластии, гинекократии, а Морган — о весьма почетном положении женщины в ирокезском материнском Р., вызывая этим представление о материнской власти, *матриархате*, как одной из наиболее древних ступеней в развитии человеческого общества, — то в настоящее время такие общие формулировки вряд ли возможны. Понятие гинекократии может быть лучше всего сдано в архив. Общества «матриархального» типа, т.-е. такие, в которых влияние женщины действительно очень велико, хотя и вовсе не преобладающе, встречаются, но довольно редко. Сюда надо отнести описанных Морганом сев.-американских ирокезов, индейцев пуэбло, ашанти в з. Африке. Возможно,

что некоторые сведения писателей античной древности действительно указывают на подобные же факты. Тем не менее, следует признать, что в большинстве случаев понятие матриархата должно быть сужено до более скромных рамок материнского права, да и то понимаемого, гл. обр., как переход родового имени, титула, имущества по женской линии. Фактически, даже при этом последнем условии, женщина все же находится в подчинении, только не у мужа, а обычно у своего брата, наследниками всех прав которого и являются ее дети. Таким образом, материнское право идет в конечном счете на пользу не матери, а материнскому дяде, чем и объясняются весьма тесные отношения последнего со своими племянниками.

Небольшое количество положительных результатов, достигнутых наукой в исследовании проблемы Р. и с. со времен Моргана и Энгельса, спорность большинства положений, крайне страстный характер самих споров объясняются не только огромным количеством заново накопленного материала, самим характером последнего, поскольку он часто допускает различнейшие интерпретации и с трудом позволяет делать заключения в действительную «праисторию» человеческого общества, и даже не трудностью толкования археологических памятников, но — необходимо вновь напомнить — и все более растущим консерватизмом буржуазной науки, которая со времени наступления империалистической эпохи в значительной степени развивает в себе охранительные тенденции, направленные к закреплению и таких институтов, как моногамная семья в глубокой древности человеческого существования. Успех «католической» этнологии на Западе в этом отношении весьма показателен.

Литература: *Morgan*, «Ancient society», L. 1877; *Энгельс*, «Происхождение семьи, частной собственности и государства» (разн. изд.); *Н. Зибер*, «Очерки первобытной экономической культуры» (1885); *М. Ковалевский*, «Evolution de la famille et de la propriété» (1890); *Westermarck*, «History of human marriage», I—III v. v., L. 1921 (первое изд.—1891, в одном томе); *А. Максимов*, «Теория родового быта», М. 1913; *Rivers*, «Social organisation», L. 1924; *Lowie*, «Primitive society», L. 1925; *П. Преображенский*, «Курс этнологии», М. 1929.

П. Преображенский.

Род (в логике), *см.* XXVII, 305.

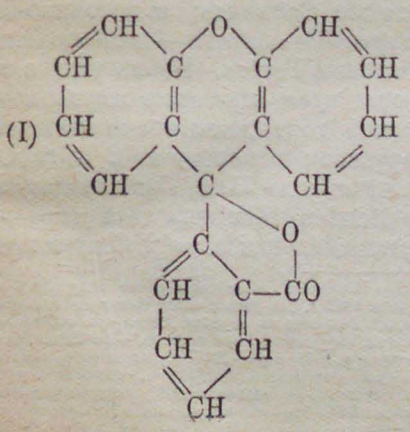
Род Айлэнд (Rhode Island), самый маленький (3.232 *кв. км*) и в то же время наиболее густо населенный (213 чел. на 1 *кв. км* в 1930 г.) штат Сев. Америки. Входит в состав Новой Англии. На в. и с. граничит с Массачусетсом, на з. с Коннектикутом, на ю. омывается Атлантическим ок., образующим здесь бухту Наррагансет, изобилующую островами, из кот. наиболее крупный — Р. А. (25 *км* дл.)—дал свое имя штату. Береговая линия в вост. части сильно изрезана. Поверхность—низкая, выпаханная ледником, местами холмистая равнина с песчаной почвой и большим количеством озер и прибрежных лагун. Реки (наиб. — р. Потэкет) невелики, но с быстрым течением, дающим энергию для нужд промышленности. Население (687.497 ч. в 1930 г.) в подавляющей массе (97,5%) живет в городах и насчитывает значит. количество иммигрантов (29%). Сельское хозяйство, благодаря малоплодородной почве (исключение — острова и побережье бухты Наррагансет) и незначительной территории штата, не получило заметного развития; скотоводство, гл. обр. молочное, преобладает над земледелием (кормов. травы, картофель и пр.). 59% самодеятельн. населения занято в обрабатыв. промышленности; на пер-

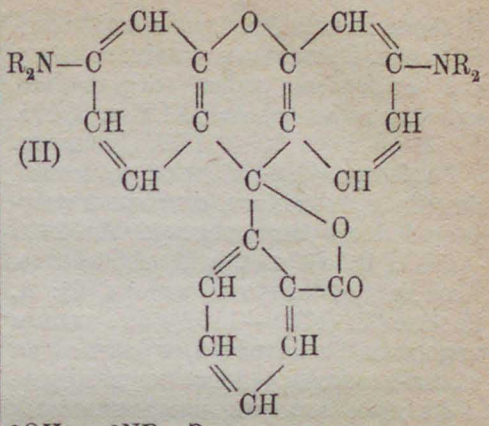
вом месте стоит издавна развитая (в гор. Потэкет, Pawtucket, в 1789 г. была сконструирована первая в С. Ш. прядильная машина по образцу аркрайтовской) текстильная пром. (шерст., хлопчатобум. и др.), далее ювелирн. произ., машиностроение и пр. Гл. гор.—*Провиденс* (см.; 252.981 ж.). Высш. учебн. завед. штата представлены 2-мя колледжами и университетом (баптистск.). Законодат. учрежд.—сенат (39 чел.) и палата представит. (100 чел.). В федеральн. конгресс Р. А. посылает 2 сенаторов и 3 депутатов. Р. А. один из 13 первоначальных штатов, был основан в 1636 г. выходцами из Массачусетса, ушедшими во главе с Роджером Уильямсом от религиозн. преследований массачусетских пуритан (см. *баптисты*, IV, 604), и первоначально носил имя — Providence Plantations.

Род-Айлэнд, порода кур, см. XXXIII, 676[1]/77[1].

Родамины, азотистые красители, являющиеся, как и фталеины, производными *флуорана* (I), в которых ауксохромными группами являются NR_2, общая формула их (II), см. ниже.

Получаются конденсацией фталевого ангидрида с алкилированными метаамидофенолами (см. *амидофенолы*). Могут быть получены из флуоресцеина (*см.*) косвенным замещением





2OH на $2NR_2$. Это — основные красители очень красивого красного цвета с блестящей флуоресценцией. Окрашивают шерсть, шелк и хлопчатобумажные ткани, протравленные танином (см. *краски*, XXV, 363/64, прил., 4,16). *Н. Д.*

Родан, см. *роданистые соединения.*

Роданистые соединения (*тиоцианистые*), соединения, заключающие радикал SCN — *родан,* получивший название от кровавокрасной окраски раствора $Fe(SCN)_3$ (характерная реакция на Fe). Строение радикала SCN может быть двояким — SCN или NCS, т.-е. соединенный с ним атом металла или органический радикал может быть соединен с S или с N. Для органич. соединений типа RSCN действительно известно два ряда производных: *роданновые эфиры* RSCN (R — углеводородный радикал)и *изороданновые эфиры*, или *горчичные масла* RNCS. Водородистое соединение HSCN (*роданистоводородная кислота*) и соли этой кислоты известны в виде одного ряда. В отличие от синеродистых солей соли HSCN не ядовиты и встречаются даже в организмах животных (в слюне, желудочном соке, крови) и растений; в последних встречается и свободная HCNS, напр. в соке лука (Allium cepa). Соли роданистоводородной кислоты находят применение в технике и лабораторной практике и потому готовятся заводским путем.

Известны также двойные и комплексные соли. Сравнительно недавно получен *свободный родан* $(SCN)_2$. См. *цианистые соединения*, XLV, ч. 3, 405.

Н. Демьянов.

Родбертус, Карл Иоганн, известный немецкий экономист, сторонник государственного социализма (12/VIII 1805—6/XII 1875), род. в Грейфсвальде. Его дед со стороны матери, И. А. Шлеттвейн (1731—1802), был видным немецким физиократом, профессором полит.-экономич. дисциплин в Базеле и Гиссене, автором многочисленных трудов по финансовым, политическим и т. п. вопросам. Отец Р. был профессором римского права в грейфсвальдск. унив., но в 1808 г. вышел в отставку и переехал с семьей в имение своей жены, где занимался сельским хозяйством (ум. в 1828 г.). После хорошей домашней подготовки и по окончании гимназии (1823), Р. поступил в геттингенск. унив., а в 1825 г. перешел в берлинск. унив., где как раз тогда начинал свою академическую деятельность гегельянец Эдуард Ганс, человек очень передовых общественных взглядов. В 1827 г. Р. сдал первый государственный экзамен и получил место члена коллегии (без права голоса) в старо-бранденбургском областном суде. Год спустя он выдержал второй экзамен и поступил референдарием в верховный областной суд в Бреславле.

В 1820/30 г.г. широкие круги учащейся молодежи Германии были вовлечены в национально-освободительное движение, но Р. не был боевой натурой. Тем не менее, июльская революция 1830 г. произвела на него, как и на многих представителей тогдашней немецкой интеллигенции, сильное впечатление. На литературное поприще выступила Молодая Германия; установилось сближение с новыми социальными идеями французских мыслителей. Издававшаяся Коттой «Аугсбургская Всеобщая Газета» опубликовала в 1831 г. ряд статей Гейне о сен-симонизме. 1830 год составляет переломный пункт в жизни Р. В этом году он отказался от продолжения своей юридической карьеры и решил посвятить свои силы изучению политич. экономии и истории хозяйства. В 1832 г. он отправился в Гейдельберг и здесь до 1834 г. слушал лекции известного экономиста Рау (*см.*) и изучал классические древности. Затем он посетил Швейцарию, Францию и Голландию. В эти годы он положил основание своим обширным познаниям в английской политической экономии и критике социального строя Англии, а также близкому знакомству с аналогичным идейным движением во Франции.

Р. вернулся из своих заграничных поездок с твердо сложившимися убеждениями. В 1830 г. он приобрел имение Ягецов (в Померании), занялся практически сельским хозяйством, но все свободное время отдавал научным занятиям по экономике и экономической истории, все более принимавшим характер критики буржуазного строя с точки зрения интересов рабочего класса. В вопросах экономики на него, повидимому, особенно глубоко повлияли Рикардо и выступившая вслед за ним антикапиталистическая и социалистическая школа (Равенстон, Годжскин и Грей), а также Сисмонди; в историко-философской области — сен-симонизм, Шеллинг и Гегель. Но на ряду с тем Р. оставался всю свою жизнь померанским помещиком, тесно связанным с прусским юнкерством. В 1839 г. Р. пишет статью «Die Forderungen der arbeitenden Klassen» («Требования трудящихся классов»[1]). Статья пред-

[1]) Его биографы и издатели относят написание этой статьи к 1837 г. Эта дата должна быть, однако, отвергнута, ибо в первых же строках Р. говорит о «чартистских митингах и бирмингамских сценах» — событиях, разыгравшихся в 1839 г.; в 1837 г. выражение «чартист» было еще совершенно неизвестно, так как «хартия» была опубликована только в 1838 г.; столкновение между полицией и рабочими массами в Бирмингаме произошло лишь летом 1839 г.

назначалась автором для «Аугсбургской Всеобщей Газеты», но редакция не приняла ее. Она была слишком смелой для тогдашних германских условий и предполагала гораздо более глубокое знакомство с экономической мыслью Англии и Франции, чем оно было даже у редакции очень передовой германской газеты того времени. В этой первой своей статье Р. указывает, что одной политической свободы, которую буржуазия обещает пролетариату, недостаточно. Политическая свобода — только начало; в своем дальнейшем логическом развитии она должна привести к экономической свободе, к социальной справедливости; господствующий закон заработной платы, ограничивающий доход трудящихся классов необходимыми средствами существования, должен быть устранен; рабочие должны получить свою долю в возрастающей производительности труда и считаться равноправной стороной в производстве рядом с помещиками и фабрикантами, ибо труд есть источник и мерило стоимости товаров. Экономика оказывает глубокое влияние на жизнь общества. Степенью хозяйственной производительности определяется даже форма общественного строя. При низкой производительности неизбежны порабощение и эксплоатация большинства народа, которое обрекается на политическое бесправие и материальную нищету в интересах меньшинства, занимающегося государственными делами, искусством и наукой. Так это было в древности: «На ступени, — пишет Р., на которой известны только ручные мельницы, рабство должно существовать. Без него древность никогда бы не выполнила своей миссии» (Rodbertus-Jagetzow, «Schriften», т. III, стр. 207, под ред. А. Вагнера, Б. 1899). Современное хозяйство, необычайно обогащенное техническими изобретениями и естественно-научными знаниями, создает условия, при которых и рабочие могут быть подняты на более высокий уровень существования. И если они все еще остаются в прежнем положении, то виною этому современные правовые и политико-экономические порядки. «Общественная организация должна быть поэтому изменена. Мы смело утверждаем, что сейчас положение именно таково» (там же, 207—208).

Таков был дебют Р. Статья была опубликована только в 1872 г. в «Berliner Revue» Рудольфа Мейера. Она уже содержит в зародыше все позднейшее мировоззрение Р., теоретически обоснованное им в появившейся в 1842 г. книге «Zur Erkenntnis unserer staatswirtschaftlichen Zustände. Erstes Heft: Fünf Theoreme» («К познанию нашего народно-хозяйственного положения. Первый выпуск: пять теорем»). Эта небольшая книга, всего в 175 страничек, малого формата и крупной печати, отличается исключительным богатством и остротою мысли. Тем не менее, она осталась почти совершенно незамеченной (она не вошла даже в «Сочинения» Р.-Ягецова, изданные в 90-х гг. прошл. века Вагнером, Коцаком и Виртом). Р. обозначил книгу как «первый выпуск», предполагая дать еще два выпуска, в которых собирался систематически изложить свою положительную программу. Однако, неуспех первого выпуска отбил у автора охоту к выполнению этого плана. Содержание «первого выпуска» — «Zur Erkenntnis etc» сводится в главном к следующему.

В нашем обществе хозяйственные блага, товары, производятся капиталистическим способом. Ценность продукта выше, чем ценность капитала, затраченного на его производство. Этот избыток Р. называет рентой (прибавочным продуктом), или «излишком продукции» («Mehrertrag der Production»): он представляет превышение ценности продукта над ценностью ко-

личества благ, необходимых рабочему для поддержания своего существования, и присваивается собственниками в виде «ренты» (стр. 112). «Труд есть единственная сила, производящая блага» (стр. 67); «он один есть то, что составляет стоимость благ». Труд — источник ценности. Трудовые издержки определяют высоту ценности, и высчитываются они по количеству времени, потребного для производства благ. Рабочее время и есть в конечном счете мерило стоимости или ценности. Однако, все это верно лишь как общее правило; на практике же, т.-е. на рынке, меновые соотношения ценностей подвергаются значительным колебаниям, так что обмениваемые количества труда не всегда равны между собой. Происходит это по двум причинам: 1) потому, что прибыль на капитал имеет тенденцию устанавливаться во всех предприятиях на одном и том же уровне; и 2) потому, что средняя ценность какого-либо продукта определяется стоимостью того предприятия, которое работает в наименее благоприятных условиях» (стр. 130—131). Отклонения рыночной ценности (цены) от трудовой ценности вызываются также соотношением спроса и предложения. В общем, однако, рыночная ценность «тяготеет» к трудовой ценности, никогда, все же, не совпадая с ней совершенно. Трудовая ценность вообще не может выявиться во всей своей чистоте в обществе, построенном на частной собственности на землю и капитал; она могла бы выявиться целиком только в социалистическом обществе, в котором государственная власть приводит в соответствие производство и потребление и оценивает хозяйственные блага по затраченному на них рабочему времени («Schriften», 1899, т. I, стр. 151—153).

При господстве частной собственности изготовленный трудом продукт принадлежит не рабочим, а помещику или фабриканту. Согласно действующему праву, частные лица являются предпринимателями, т.-е. ведут производство и присваивают себе продукт. Ценность всей годовой продукции составляет национальный доход, из которого рабочие получают только такую долю, которая необходима для поддержания их существования. Остальное идет на уплату ренты капиталистам. Рента есть, стало быть, доход, получаемый в силу права собственности, без соответствующей затраты труда (стр. 88). Неверно, что земельная рента возникает с переходом сельского хозяйства к менее плодородным участкам земли, как учит Рикардо; она является неизбежным последствием частной собственности. Там, где господствует последняя и где производительность труда настолько высока, что производится больше благ, чем их требуется для поддержания существования рабочих, — там излишек продукции обращается в ренту. Рикардо объясняет в сущности не происхождение ренты вообще, а лишь происхождение сельскохозяйственной дифференциальной ренты. «Источником образования ренты служит частная собственность на землю и капитал». Исторически дело развивалось так, что первоначально землевладелец сам обрабатывал свою землю. Пока этот порядок не знал исключений, ренты не существовало. Рента возникает лишь с момента разъединения собственности и земледельческого труда. Только насилие и привычка могли создать этот новый порядок. Покоренные враги, обнищавшие соотечественники делались земледельцами; победители и кредиторы стали новыми собственниками, господами и получателями ренты. Вместе с подъемом производительности, развитием обработки сырья и ростом городов возник движимый капитал и класс капиталистов; отныне рента распадается на земельную ренту и ренту

на капитал. Общий излишек продукции страны над необходимым для поддержания существования рабочих, т.-е. вся рента, получаемая в народном хозяйстве, делится теперь между сельским хозяйством и промышленностью по количеству труда, затраченного в каждой из этих областей производства. Отношение затраченного в промышленности к сумме ренты, приходящейся на нее, определяет норму прибыли на капитал (ренты на капитал), но в сельском хозяйстве вследствие отсутствия затрат капитала на сырье одинаковая сумма ренты падает на меньший капитал и дает так. обр. излишнюю прибыль по сравнению с общей нормой ренты на капитал. Эту излишнюю прибыль конкуренция вынуждает капиталистов отдать землевладельцу, что и образует земельную ренту, распределяющуюся по количеству используемой земли (см. *рента*, XXXVI, ч. 1, 490/91).

Заработная плата в общем всегда определяется реальной ценностью, необходимой для поддержания существования рабочего, как бы ни возрастала производительность труда. И в том — корень всех экономических бедствий современности, корень социального вопроса.

Современное распределение вытекает из правового института частной собственности. Но если предположить такой порядок, при котором земля и движимый капитал принадлежат государству, то никто не сможет получать что-нибудь в силу одного лишь факта владения. Национальный доход будет тогда распределяться по другим правовым нормам. Неправомерные притязания на национальный доход будут ликвидированы посредством замены металлических денег трудовыми деньгами. Каждый, кто будет иметь удостоверение о таком-то количестве затраченного им труда в часах, днях и неделях, сможет достать по этому удостоверению в государственных магазинах и лавках соответствующее количество благ и получить таким образом справедливую долю в национальном продукте (стр. 122—124). Конечно, и здесь будут неизбежны вычеты из приходящихся на отдельных работников долей для покрытия издержек государственного управления и для расходов на дальнейшее расширение производства (Schriften, т. I, стр. 124—126). Но частная рента и другие несправедливые формы распределения исчезнут при таком порядке.

План реформы должен был составить содержание 3-го выпуска; во втором выпуске Р. предполагал исследовать «язвы нашего времени» — пауперизм, перепроизводство, промышленные кризисы и т. д. Как мы уже сказали, эти выпуски так и не были написаны, но в своих «Социальных письмах к Кирхману» (1850—52), равно как и в своих посланиях к международному и германскому объединениям рабочих (1862—63), Р. отчасти изложил свои взгляды на поставленные задачи. Однако, из всех позднейших работ Р., по богатству идей, по логическому развитию мысли и по точности формулировок, ни одна не может сравниться с «первым выпуском». Это—его подлинный шедевр.

В последующие годы интересы Р. сосредоточиваются на общественно-политической жизни, в которой начинает обнаруживаться все больший подъем (*см.* XIV, 1/15). В 1845—1847 гг. он опубликовал несколько работ о денежном кризисе в Пруссии, о сельскохозяйственном кредите и о реформе поземельного налога и был выбран дворянством округа Узедом-Воллин в провинциальный ландтаг; позднее он выбран также во «второй объединенный ландтаг» и в национальное собрание, перед которым стоял вопрос о будущей свободной Пруссии. Р. примкнул там к левому центру (к конституционным демокра-

там). Он отстаивал принцип народного суверенитета, но когда проект соглашения с короной был принят большинством, он высказался за соглашение, так как вообще находил, что «история всегда двигалась только путем компромиссов» («Schriften», 1889, стр. 228), а соглашение было, по его мнению, компромиссом между короной и народом, двумя равномерными факторами и сторонами прусского государства. Но отсюда он делал тот вывод, что корона не имеет права сама распустить или закрыть национальное собрание без согласия народных представителей. Само собой разумеется, Р. был пламенным сторонником одновременно заседавшего во Франкфурте-на-М. общегерманского национального собрания (*см.* XIV, 15/36), вырабатывавшего план единого государственного устройства для всех немецких государств. 26 июня 1848 г. Р. был приглашен в министерство Ауэрсвальда в качестве министра исповеданий и нар. просвещения, но уже 4 июля он подал в отставку в знак протеста против позиции прусского правительства, отказавшегося признать суверенитет франкфуртского парламента. Р. участвовал в депутации, явившейся во главе с кенигсбергским демократом Иоганном Якоби к королю для протеста против назначения министерства Бранденбурга (*см.*). Когда 9 ноября правительство предписало ландтагу временно прекратить свои заседания и переехать в г. Бранденбург, Р. принял участие в заседаниях ландтага, продолжавших происходить в Берлине, голосовал за отказ от уплаты налогов и оказал сопротивление прусскому майору, явившемуся с отрядом солдат для разгона заседавших депутатов. После того как 5 декабря ландтаг был распущен, Р. опубликовал брошюру под заглавием «Mein Verhalten im Konflikt zwischen Krone und Volk» («Моя позиция в конфликте между короной и народом»), в которой доказывал, что настоящими революционерами являются министры, нарушившие права народа. В целях борьбы с подобным положением он обращается к народу, как к «источнику всякого права», и просит о возобновлении его мандата на предстоящих выборах в созываемое на 26 февраля 1849 г. прусское национальное собрание. О популярности Р. можно судить по тому, что он был выбран тремя избирательными округами: одним округом в Трире — в первую палату, и двумя берлинскими округами — во вторую. Его деятельность в прусском национальном собрании была проникнута духом 1848 г. Р. произнес речь против всяких исключительных законов, против осадного положения, за признание принятой франкфуртским парламентом конституции. Это было 21 апр. 1849 г., за шесть дней до распоряжения короля о роспуске национального собрания. Всеобщее избирательное право было отменено, вместо него была октроирована трехклассная система выборов. Тогда Р. высказался за неучастие в выборах, отказался от всяких дальнейших мандатов, удалился от всякой политической деятельности и вернулся к своим научным занятиям.

В 1850 — 1852 гг. Р. написал свои четыре «социальных письма» к фон-Кирхману, из которых только три первые были тогда напечатаны (2-е и 3-е письмо вышли в 1875 г. 2-м изданием под заглавием «Zur Beleuchtung der socialen Frage»), четвертое же, под заглавием «Капитал», было издано только лет через 10 после смерти автора. Первое и второе письмо трактуют о пауперизме, о промышленных кризисах; третье — о поземельной ренте; четвертое («Капитал») резюмирует главные мысли автора и дает сравнительную характеристику индивидуалистического и коммунистического (социалистического) хозяйства.

Юлиус фон-Кирхман (1802—1884), к которому обращены эти письма, был юристом по профессии, но занимался также философией и основал серию «Philosophische Bibliothek»; он был членом национального собрания и партийным единомышленником Р.в 1848 г., интересовался вопросами пауперизма и промышленных кризисов. По Кирхману непрерывный рост населения повышает спрос на средства питания; сельское хозяйство переходит к обработке менее плодородных участков земли, вследствие чего растет земельная рента; растет она за счет прибыли на капитал и заработной платы; в результате широкие массы населения при своих низких заработках не могут покупать товаров в прежних размерах; в то же время предприниматели, не осведомленные в должной мере относительно состояния рынка, не могут установить нужное соотношение между предложением и спросом, чтобы приспособить к нему свое производство, — отсюда кризисы. Р. отвечает на это, что пауперизм не может быть последствием убывающей производительности сельского хозяйства, ибо такое убывание в действительности вовсе не имеет места; на основании как природы земледелия, так и его истории и статистики легко доказать (и он приводит эти доказательства в своем третьем письме, «Schriften», т. II, стр. 103 и след.), что в сельском хозяйстве производительность труда тоже возрастает, как в фабричной промышленности и на транспорте, хотя и не в такой мере. Что же касается промышленных кризисов, то они с неизбежностью вытекают из того факта, что доля рабочих в национальном продукте, несмотря на рост производительности труда, относительно падает, ибо она всегда ограничена лишь тем, что безусловно необходимо для поддержания существования рабочих. Рост производительности приводит лишь к повышению земельной ренты и прибыли на капитал. В этом корень болезни современного общества: «Отсюда постоянная неудовлетворенность в нашем обществе при постоянном росте производительности, отсюда хроническая язва затрудненности сбыта и постоянной борьбы с нуждой» (Schriften», т. I, стр. 61). Отсюда и возникает социальный вопрос, еще обостряемый тем обстоятельством, что трудящиеся являются теперь свободными гражданами, с такими же правами и обязанностями, как и имущие классы. Социальный вопрос есть спор между освободившимися трудящимися классами и свободными землевладельцами и капиталистами о доходе, соответствующем данному уровню производительности. Это совершенно новое явление в истории («Schriften», т. III, стр. 277).

В чем решение социального вопроса? Одним из его решений является коммунизм, при котором все общество в целом владеет землей и капиталом, возлагает на каждого из своих взрослых членов трудовую обязанность и регулирует в государственном порядке производство, транспорт и распределение. Навстречу такому строю и идет современное общество. «Я открыто признаю, — говорит Р., — что со своей стороны верю в будущее уничтожение собственности на землю и капитал; история, современная жизнь и наука укрепили во мне эту веру. Но если я и верю в будущность коммунизма, ... я все-таки не считаю уничтожение собственности на землю и капитал делом близкого будущего. Противоположные народно-хозяйственные и правовые убеждения, множество связанных с частною собственностью интересов, умственный и нравственный уровень как имущих, так и трудящихся классов — все это не позволит, думается мне, покончить со столь глубоко укоренившимся порядком еще в течение многих десятиле-

тий. ... Я думаю поэтому, что как всегда история двигалась только путем компромиссов, так и теперь задачей нашей науки может быть только компромисс между трудом и капиталом» («Schriften», т. I, стр. 221—228). Но надо заметить, что говоря в приведенной цитате о «многих десятилетиях», Р. в своих письмах к Лассалю и Рудольфу Мейеру заявляет, что полное осуществление коммунизма едва ли будет возможно раньше, чем *через 500 лет*. Предстоит медленный переход от приносящей ренту собственности к уничтожению всякой ренты — переход, который будет характеризоваться реформой оплаты труда и средств обмена. Основным принципом реформы должно быть «участие трудящихся классов в возрастающей производительности труда». Только таким путем можно поднять экономические права рабочих до уровня их политических прав. Однако, этот проект реформы оплаты труда не был понят даже лучшими друзьями Р. Лассаль пишет ему: «С величайшим интересом жду того момента, когда вы снимете мистический покров с ваших соображений о реформе заработной платы». Этот момент так и не наступил. Рудольф Мейер тоже жалуется на неясности и получает от Р. следующий ответ: «Мою идею об урегулировании заработной платы вы не поняли, но виноват в этом я сам, потому что в моей статье о «нормальном рабочем дне» (1871) я едва набросал только предварительные соображения по этому вопросу. Я имею в виду обще-национальную систему заработной платы, при которой оплачивался бы только труд, так чтобы оплата нормального труда .... могла уже сама по себе обеспечить рабочим и в экономической сфере такое положение, которое соответствует их современному правому положению и производительности национального труда. *Правда, как этого добиться, я все еще не сказал*, но публика не поняла бы меня, не уяснив себе сначала, что такое относительная заработная плата,— а до этого едва ли дошла даже наука» (письма Р. к Рудольфу Мейеру, 1880, стр. 249—251). Но все же в различных местах сочинений Р. разбросано достаточно указаний на то, как он представлял себе осуществление реформы заработной платы. Мысли Р. по этому вопросу можно формулировать следующим образом.

Все продукты, как сельско-хозяйственные, так и промышленные, а также все услуги, в которых нуждается общество, должны быть исследованы с точки зрения среднего рабочего времени и средней трудоспособности, потребных для их производства или оказания. Далее, надо исследовать, какое количество этих благ и услуг или их частей может быть изготовлено или оказано в течение 6-, 8- или 10-часового рабочего дня. Продолжительность рабочего дня может быть различна в зависимости от характера труда, от его опасности или утомительности. Блага, производимые в течение установленного рабочего дня при среднем умении, составляют *нормальную единицу труда*. В идеальном обществе, думал Р., каждый рабочий за каждую нормальную единицу труда будет получать установленную государством трудовую денежную единицу (за вычетом государственных налогов); эту денежную единицу он сможет обменять на нужную ему единицу чужого труда. Но пока — при господстве частной собственности и в переходный период—необходимо, чтобы государство или объединенный комитет работодателей и работников установили нормальную оплату нормальной единицы труда (тариф). Установленная оплата должна меняться через известные сроки, в соответствии с ростом производительности труда. Вся масса заработной платы рабочих должна составлять определен-

ную долю национального дохода, так чтобы вместе с ростом последнего возрастала и масса заработной платы в правильном соотношении с ростом ренты с земли и капитала. Р. считал, что общая величина заработной платы должна равняться одной трети всего национального дохода («Schriften», т. I, стр. 152—153; т. IV, 337—359; «Zur Erkenntniss и т. д.», стр. 164—175).

Аналогичные мысли высказаны Р. в его послании к «рабочему съезду во время лондонской промышленной выставки 1862 г.» — тому самому съезду, из которого два года спустя возникло Международное товарищество рабочих. В то же самое время политическим идеалом Р. сделалась мало-по-малу социальная монархия, и он советовал поэтому рабочим воздерживаться от всякой политики и сосредоточить все свои силы на предложенном им решении социального вопроса. Когда в 1863 г. лейпцигские рабочие задумали основать свою рабочую партию, они обратились за советом, между прочим, к Лассалю и Р. Лассаль послал им свой «Открытый ответ», в котором предлагал добиваться всеобщего избирательного права и создавать производственные товарищества, субсидируемые государством. Р. же писал: «Провозглашением всеобщего избирательного права вы вызовете вражду всех германских правительств. Я открыто заявляю, что как мораль выше права, так социальные вопросы для меня выше политических... Я не могу разделять взгляда, подчиняющего социальный вопрос лишь другой политической партии. Будьте же прямо и без обиняков *социальной партией*, каковой вы в конце-концов являетесь. Требуйте без лишних слов улучшения вашего положения в обществе — материального, духовного и нравственного улучшения, которого вы никогда не добьетесь при свободном товарообороте... В ваших социальных устремлениях я считаю себя вашим...» (т. IV, стр. 319—336). Р. отказался примкнуть к Всегерманскому союзу рабочих, несмотря на все уговоры Лассаля, и отвечал ему, что он «не может соединиться в социальном вопросе ни с кем, кто не смотрит на этот вопрос как на чисто экономический».

После написания четырех «социальных писем» к Кирхману, Р. обратился к изучению античной хозяйственной жизни, особенно римской империи вплоть до раннего средневековья. В «Jahrbuch für Nationalökonomie» Гильдебранда он напечатал работу «Zur Geschichte der agrarischen Entwicklung Roms unter den Kaisern» (1864), «Zur Geschichte der römischen Tributsteuern» (1865) и «Zur Frage des Sachwertes des Geldes im Altertum» (1870).

Социальный вопрос стоял в центре научных изысканий Р., а наиболее заинтересованный в социальном вопросе класс — пролетариат — в центре его внимания. Политика представлялась ему чем-то второстепенным. Пока он думал, что демократия победит и приступит к разрешению социального вопроса, он был демократом. После неудачи революции 1848 г. он стал склоняться к цезаризму, стал думать, что Гогенцоллерны осуществят социальную монархию, и сделался монархистом. Даже его яркий германский национализм и прямая склонность к германскому империализму вызывались отчасти тем убеждением, что единая и сильная германская нация создаст, как об этом пророчествовал уже Фихте, всемирное царство социальной справедливости. Во втором объединенном ландтаге и в национальном собрании, в 1848-1849 г. г., Р. был политическим противником Бисмарка, но в 1860-1872 г. г., когда Бисмарк щеголял социально-политической фразеологией, Р. сделался его поклонником, и ярко капитали-

стическая, анти-социальная политика «железного канцлера» после франко-прусской войны явилась для Р. тяжким разочарованием. В последние годы своей жизни (1872-1875) Р. все больше склонялся к мысли присоединиться к Всегерманскому рабочему союзу (к лассальянским социалистам). Он был «глубоко тронут», когда по случаю его серьезного заболевания большое собрание берлинских социалистических рабочих приняло резолюцию (20 апр. 1873 г.) с выражением самых горячих симпатий и благодарности заболевшему мыслителю (Рудольф Мейер, «Briefe von Rodbertus», стр. 295). 14 янв. 1874 г. Р. пишет Мейеру: «Если бог вернет мне здоровье, я выступлю кандидатом от социалистов. В 1848 г. я сделал кое-что, чтобы открыть демократии доступ в салоны; может быть мне удастся сделать то же самое и с социализмом» («Briefe», стр. 352). Этой характерной для Р. мечте — открыть социализму доступ в салоны—не суждено было осуществиться: в конце следующего года Р. умер.

Кроме теоретических и исторических исследований, Р. принадлежат также некоторые работы по прикладной экономике. Из них большое внимание привлек к себе его проект реорганизации земельного кредита на рентном принципе (*см.* XXV, 407/09).

Общее значение учения Р. в развитии теоретической экономии полностью еще в достаточной степени не освещено; наименьшее сочувствие встречает центральный пункт его системы — его теория промышленных кризисов; наибольшее — его возражения против теории убывающего плодородия вновь обращаемых под обработку земель. Практическая программа его — «консервативный социализм» на основе компромисса — всего менее могла содействовать развитию рабочего движения, а освящала и питала «катедер-социализм». Р. недооценивал решающего значения концентрации производства и капитала, делающей в определенный момент неизбежной смену капитализма социалистическим строем, и потому его социализм получил почти мечтательный характер, и полное осуществление его можно было откладывать хоть на 500 лет. (*Ср.* XL, 455/57).

О теории земельной ренты Р. см. *Маркс*, «Теория прибавочной ценности», вып. II (р. пер. 1923, стр. 120 — 218); см. далее предисловие *Энгельса* ко II т. «Капитала»; о теории промышленных кризисов см. *Роза Люксембург*, «Накопление капитала»; изложение и общую оценку учения Р. дали в русской литературе *Н. Н. Зибер*, «Карл Р.-Ягецов» (Юридич. Вестник, 1881, № 1 — 3), и *Г. В. Плеханов* в «Отеч. Зап.» (под псевд. Валентинов, перепечат. в сборн. *Бельтов*, «За 30 лет», 1905, стр. 503 — 647). Важное значение при изучении Р., помимо его сочинений, имеют также его письма к Рудольфу Мейеру («Rodbertus'Briefe an Rudolph Meyer», Вена, 1880), а также его переписка с Лассалем (см. *Gustav Mayer*, «Ferdinand Lassalle, Schriften des Nachlasses», т. VI, стр. 285 — 381, Штутгарт — Берл., 1925). Лучшие сочинения о Р. на немецком языке: *Kozak*, «Rodbertus-Jagetzow's sozialökonomische Ansichten», 1882; *Dietzel*, «Rodbertus' Leben und Lehre», 1886 — 1888. Хорошего издания полного собрания сочинений Р. до сих пор не существует; изданные проф. Вагнером, Коцаком и Виртом «Сочинения Р.» лишены всякого критического аппарата и всяких комментариев; к тому же они далеко не полны. На русск. яз. из работ Р. имеются: «Исследования в области национ. экономии классич. древности», под. ред. И. Тарасова, вып. I — IV, Ярославль, 1880 — 1887; «Капитал. 4-е социальное письмо к фон Кирхману», пер. с нем. И. Давыдова, 1906; «1-е соц. письмо к ф. Кирхману», пер. И. Давыдова (Спб., «Начало», 1899); «Теория ренты и исследования о капитале. Соц. письма к ф. Кирхману», сокращенный пер., изд. М. Прокоповича, 1908.

М. Бер (*M. Beer*).[1])

Роде (Rohde), Эрвин, историк греческой религии и литературы (1845 — — 1898), друг Ницше, был профессором в Иене, Тюбингене, Лейпциге и Гейдельберге. Главная его работа «Psyche. Seelenkult u. Unsterblichkeitsglaube der Griechen» (2 т., 1890 — 94; 10-е изд., 1925), считающаяся спец. критикой «монументальным произведением». Р. стоит на точке зрения школы Узенера (*см.*) и впервые применил узенеровскую концепцию к истории греческой религии, пробив брешь в старых классических построениях. Основой для Р. являются народные верования (Volksreligion); к сожалению, Р. пользуется почти исключительно греческим литературным материалом, упуская данные греч. эпиграфики и

[1]) *Перевод с рукописи.*

почти не пользуясь параллелями из других религий, вследствие чего выводы Р. не всегда правильны, и некоторые части его работы устарели. Тем не менее, Р. с полным основанием считается основоположником современной школы в изучении греч. религии, найдя себе блестящего продолжателя в лице шведского ученого Нильсона. Другою, также чрезвычайно важной, но до сих пор недостаточно оцененной работой Р. является «Der griechische Roman u. seine Vorläufer» (1876,3-е изд. 1914), где Р. стремится исследовать тематическое происхождение и формальные особенности греч. романа и новеллы эллинистической и римской эпохи. Книга впервые поставила вопрос о синкретическом характере этого греч. жанра и о связи его характерных черт со вкусами и бытом верхушки эллинистического об-ва. В 70-х годах книгу не могли оценить по существу, т. к. Р. явился здесь чуть ли не первым пионером; теперь к ней возвращаются, хотя она местами значительно устарела и недостаточна (из восточных влияний прослежено внимательно только индийское). Дополнением к «Psyche» и «Gr. Roman» являются многочисленные статьи и рецензии Р., собранные в изд. «Kleine Schriften» (2 т., 1901). — Ср. *Crusius*, «E. R.», 1902.

Н. Никольский.

Родез (Rodez), гл. гор. франц. деп. Авейрон, 10.693 ж. (1926); произв. шерст. издел. Готическ. собор XIII — XVI вв. и др. старинн. здан.; остатки римских построек.

Родезия (Rhodesia), брит. колония в южной Африке, получившая свое название от имени Сесиля *Родса* (см.), расположена между 9° и 22° южн. широты и 22° и 33° вост. долготы, единственная из британских колоний, нигде не касающаяся моря. Обнимает она гл. обр. бассейн реки Замбези, а также верховьев Конго и левых притоков Лимпопо. С 1924 г. Р. административно разбита на две провинции: Северную и Южную Р., разделенные рекою Замбези.

Северная Р., образованная в 1911 г. из Сев.-восточной и Сев.-западной Р., граничит на с.-з. с Бельгийским Конго, с которым тесно связана экономически, на с.-в. — с британскими колониями Танганийка и Ньясса, на юге — с Южною Р., на з. — с португ. колонией Анголою, на ю.-в. — с Португ. Вост. Африкою. Сев. Р. занимает 745.760 *кв. км* с 1.331.229 чел. населения (1930); из них лишь ок. 10.000 европейцев. Сев. Р. представляет высокое (ок. 1.000 *м* высоты), слабо холмистое плоскогорье, с отдельными скалистыми вершинами и массивами; из последних Мушинга превышает 1.500 *м*, а горные хребты местности Лонгва (между озерами Бангвеоло и Танганийка) достигают 2.000 *м* выс. Климат — горно-тропический, с дождливым периодом (окт. — апр.) и сухим жарким остальным временем. Дни обычно очень жаркие, ночи довольно прохладные. Осадков от 100 до 200 *см* в год. Малярия почти повсеместна; в последнее время из Бельгийского Конго распространилась и сонная болезнь, с которой систематически и довольно успешно борются. Реки отличаются обилием порогов и водопадов; особенно известны водопады Виктории на р. Замбези с падением в 120 *м*. Растительный и животный мир — богатый. Преобладают саванны с отдельными группами деревьев. На горах — леса. Местность вполне пригодна для субтропического земледелия (пшеница, маис, хлопок, табак) и скотоводства, которому местами мешает муха це-це. Население Сев. Р. состоит гл. обр. из негров баротсе (из племени банту, *см.*), живущих земледелием, скотоводством и работою в рудниках. Европейские колонисты разводят субтропические плоды (апельсины, лимоны, виноград, персики и т. п.). Для мирового хозяйства главное значение имеют ископаемые богатства Сев. Р.,

добыча которых началась гораздо позже, чем в Южной Р., в значительных размерах только после Мировой войны. Главные рудные богатства Сев. Р.: медь (добыча в 1929 г. на сумму ок. 400 т. фунт. стерл.), олово (на 500 т. ф. стерл.), золото (на 3.000 ф. ст.) и ванадий (на 16 т. ф. ст.). Полоса медных месторождений Сев. Р., длиною около 300 *км*, шириною от 40 до 100 *км*, мощностью от 70 до 800 *м*, с средним содержанием меди около 4—5%, представляет, повидимому, одно из богатейших месторождений в мире. За эксплоатацию его взялась работающая в соседнем Бельгийском Конго компания Union Minière de Haut Katanga. Импорт в Сев. Р. в 1929 г. достиг 3.600 т. ф. ст., экспорт — 900 т. ф. ст. (медь, олово, ванадий, золото, табак, маис, живой скот, свинина и пр.). Главная жел.-дор. артерия Сев. Р. пролегает от Ливингстона до Букамы (в Бельг. Конго), входя звеном в ныне осуществляемую линию Капштадт — Каир. Гл. города: *Ливингстон*—администр. центр Сев. Р., на р. Замбези, недалеко от водопадов Виктории; *Брокен Гилль* (здесь в пещере найдены остатки доисторического человека, Homo Rhodesiensis), вблизи—электростанция на 25.000 л. с. Во главе Сев. Р. стоит губернатор с советом из 5 лиц.

Южная Р. расположена между реками Замбези и Лимпопо и прилегает на востоке к Португальской Вост. Африке, на юге — к Трансваалю, на ю.-з. — к британск. протекторату Бечуана, на с.—к Сев. Р. Площадь 386.000 *кв. км* с населением в 1.108.949 чел. (1931); из них 50.000 европейцев и около 4.000 азиатов. Южн. Р. представляет плоскогорье, высотою около 1.200 — 1.500 *м* н. ур. м., опускающееся крутыми ступенями к Индийскому океану и долинам Замбези и Лимпопо, а на западе сливающееся с плоскогорьем пустыни Калахари. Коренные породы страны, граниты и гнейсы, выступают из этого плоскогорья в виде горных массивов или скал. На ю.-в. страны поднимаются горы Матоппо, до 1.700 *м*. Климат тропический, горный, с довольно значительными суточными колебаниями и зенитными дождями (с ноября по март). Ландшафт страны — степь (саванна) с редкими деревьями, на западе переходящая в полупустыню. Местность вполне пригодна для земледелия и скотоводства, а в орошенных долинах — и для разведения риса, сахарного тростника, хлопка и южных фруктов. Главные сел.-хозяйственные культуры: маис, табак, земляные орехи. В европ. фермах много плодовых, лимонных и апельсиновых деревьев. Рогатого скота в 1929 г. было около 2.500.000 голов, овец — 360.000, свиней — 61.300 штук. Основное население страны — мирное земледельческое негритянское племя машона, которое в начале прошлого века было покорено воинственным охотничьим племенем кафров — матабеле. Племя машона распространено гл. обр. на севере Южн. Р., матабеле—на юге. На рудниках, кроме того, много пришлого населения. Главное богатство страны — ее минеральные ископаемые. Богатые золотые россыпи (добыча в 1930 г. на 2,5 млн. ф. ст.), залежи коксующегося каменного угля (запасы до 6 миллиардов *т*, добыча в 1930 г. свыше миллиона *т*, главный рудник около гор. Ванки, к ю.-в. от водопадов Виктории), богатейшие залежи хромистого железняка (добыча свыше 300.000 *т* — до 60% мировой продукции), месторождения первоклассного асбеста (добыча на 1 млн. ф. ст.), залежи меди (запасы около 2,5 млн. *т* руды с 2-3%-ным содержанием меди, добыча в 1930 г. — на 70.000 ф. ст.). Кроме того, добываются, хотя и в небольших количествах, алмазы, топазы, рубины, корунд, мышьяк, вольфрам и никкель. В стране около 3.000 *км* железных дорог (1930), из них главнейшие: линия из Южно-

африканского союза в Бельгийское Конго (Мефкинг — Булавайо — Ливингстон) и линия к порту Беира в Португальской Вост. Африке (Булавайо — Солсбери — Беира). Порт Беира служит главным местом вывоза рудных богатств. Уголь вывозится также через Сев. Р. в Катангу (*см.* XXIV, 636), а кроме того предполагается соединение с дорогами в Британской Зап. Африке для вывоза угля в Аргентину через Китовую бухту. Экспорт из Южн. Р. в 1929 г. достигал 8.637 тыс. ф. ст. и состоял из золота, хромистого железняка, асбеста, меди, угля, маиса, яиц, молока, сыра, масла, лимонов и пр. Направлялся он гл. обр. в Великобританию (30% вывоза) и в Южно-африканский союз (25%). Импорт в 1929 г. достигал 8.864 т. ф. ст. и состоял из фабрикатов (текстильных и металлических изделий, машин и т. п.). Импорт шел гл. обр. из Великобритании (50%), Южно-африканского союза (20%) и из С.-А. С. Ш. (12%).— Гл. города: *Солсбери* (Salisbury), администр. центр колонии (28.800 жит., из них 9.711 европейцев); *Булавайо* (31 т. жит., из них 11.727 европейцев). Управляется колония британским губернатором, при котором состоит совещательный совет из 6 лиц.

Британское правительство одинаково и в Южной и в Северной Р. всецело и беспощадно проводит интересы горнопромышленных компаний. Чтобы обеспечить рудники необходимой и дешевой рабочей силой, оно ведет планомерную политику экспроприации туземцев, облагая их землю явно непосильными налогами, чтобы заставить их продать свои участки и пойти в рабочие. Труд для туземцев объявляется обязательным, и уклонение от этой повинности карается как преступление. В то же время различные виды более квалифицированного труда для негров закрыты. На ряду с тем, иммигрантам из Англии выдаются казенные субсидии (из средств местного и английского правительств) на покупку земли у туземцев и на устройство хозяйства (при условии, чтобы переселенец обладал и известным собственным капиталом).

Р., или вернее — страны Матабеле и Машона, были известны уже финикиянам и арабам, благодаря их богатству золотом. Первыми европейцами здесь были португальцы—Перейра (1796) и Лацерда (1798). Первым настоящим исследователем страны явился Ливингстон (*см.*). Воинственные негритянские племена, находившиеся под властью местных князей, в XIX в. были под торговым влиянием португальцев. Однако, привлеченные золотом и другими металлами, англичане в 1888 — 89 гг. захватили страну, объявив ее сперва британскою сферою влияния и передав в управление Британской южно-африканской компании (Chartered Co). Директор этой компании, Сесиль *Родс* (см.), после усмирения ряда местных восстаний в 1894 — 96 г. г., расширил пределы колонии и присоединил ее окончательно к Британской империи. Из Южной Р. д-р Джемсон сделал нападение на Трансвааль, закончившееся поражением при Крюгерсдорпе (см. *буры*, VII, 222). В 1914 г. Р. отказалась вступить в Южно-африканский союз. *Г. Шенберг.*

Роден (Rodin), см. *Родэн.*

Роденбах (Rodenbach), Жорж, бельгийский поэт (*см.* V, 235/36), один из деятелей бельгийского литературного возрождения конца XIX в. (1855-1898), в молодости переселившийся в Париж, где он и провел большую часть своей жизни. В своих ранних сборниках стихов — «Les Tristesses» (1879), «La Mer élégante (1881), «L'hiver monda in» (1884) — Р., будучи по манере своей учеником Коппе, соединяет тонкую чувствительность с изысканными настроениями «дэндизма». Но уже с середины 80-х гг. («L'ivresse blanche»,

1886) он примыкает к символизму, который у него вскоре окрашивается мистическими настроениями. Постепенно он все чаще обращается к образам своей родины. Таковы его сборники: «Le royaume du silence» (1891), «Les vies encloses» (1896) и «Miroir du ciel natal» (1898), в которых этот «поэт молчания» воспевает пустынные улицы, тихие застоявшиеся каналы, молчаливых монахинь Фландрии, вскрывая в этом символ «глубокой духовной жизни». Но полнее всего он выразил эти упадочные настроения в своем единственном романе, пользовавшемся большой славой в среде символистов: «Bruges la morte» (1892). — О Р. см. *Daxhelet*, «Georges R.» (1899). *А. Смр.*

Родерих, последний король вестготского королевства в Испании, в 710 г. убил короля Витика и уже через год погиб сам при Херес де ла Фронтера в битве с арабами, которых призвали на помощь сыновья убитого (*ср.* IX, 612; XIX, 421, и XXII, 186).

Родес, Иоганн де, шведск. комиссар (торговый фактор) в России с 1651 по 1655 г. С молодых лет служа в разных казенных и частных шведских учреждениях и предприятиях, был прикомандирован в 1649 г. к шведскому посольству в Москву. Здесь он провел несколько лет до самой своей смерти в 1665 г., изучая русскую торговлю и наблюдая текущие события. Повышенный в то время интерес Швеции к России отразился в ряде тщательных и продуманных донесений Р. своему правительству, из которых главным является «Подробное донесение о происходящей в России коммерции» (*см.* XLI, ч. 5, 662). Донесения Р. вследствие обильного экономич. и политич. материала и вдумчивости их составителя являются ценным источником для русской истории XVII в.—См. „Ж. М. Н. П.“, 1912, 3,—*Куриц*, «Донесения Р.»; *его же*, перевод «Донесений» в Чтениях О. И. Д., 1915, 3. *В. С.*

Роджерс (Rogers), Джемс Эдвин Торольд, известный английский экономист и историк (1823—1890). В молодости был священником, но потом сложил с себя сан. Под влиянием Кобдена заинтересовался экономическими проблемами; с 1859 г. — профессор статистики и политической экономии в Лондоне, с 1862 г. по 1867 г. — также и в Оксфорде. По истечении пятилетнего срока он снова предложил свою кандидатуру. Однако, на этот раз передовые политические взгляды Р., его активность, как оратора, оттолкнули от него наиболее консервативных членов конвокации. Принимал деятельное участие в политической жизни. В политических речах выступал (1860—1880) как сторонник освобождения американских негров, отстаивал прогрессивные взгляды на дело народного образования, протестовал против системы подкупов на парламентских выборах. С 1880 по 1886 г. был членом парламента, принадлежа к либеральной партии. В вопросе о гомруле последовал за Гладстоном. Главный труд — «История земледелия и цен в Англии» (A History of agriculture and prices in England), охватывающая время между 1259 и 1793 гг. При жизни Р. вышло 6 томов, 7-й (в двух книгах) был издан по его материалам его сыном. Другие работы Р. в большинстве случаев опираются на этот труд. Р. проделал огромную работу по собиранию и обработке материалов, особенно по истории цен; целые тома состоят из одних таблиц, содержащих собранные им цифры и сводки по десятилетиям. Его выводы отличаются новизной, смелостью и оригинальностью. По большинству изучавшихся им вопросов он выступал как пионер; им был впервые пущен в оборот огромный запас фактов и теорий. Не будучи последовательным материалистом, Р. усиленно подчеркивал значение экономического фактора в истории, объяснял полити-

ческие и социальные движения экономическими причинами и требовал от историков, чтобы они были в то же время и экономистами и изучали источники эконом. истории. Р. оказал огромное влияние на дальнейшее изучение экономической и социальной истории Англии. Всем последующим историкам, работавшим в этой области, приходилось отправляться от его взглядов, соглашались ли они с ним или полемизировали. Материалы и особенно выводы Р. не однажды подвергались критике, многое в его взглядах теперь представляется устарелым, но до сих пор еще не появилось работы, которая могла бы заменить его исследование по истории цен; на него постоянно опираются и новейшие исследователи (*ср.* XXXIV, 384/85). Друг Кобдена, знавший лично Брайта, Р. стоял в своих работах на радикально-фритредерской точке зрения. Но он принадлежал к тем радикальным буржуа, которые рано поняли значение фабричного законодательства и рабочих союзов для упрочения капиталистического строя. Он жестоко критиковал правительственное вмешательство в отношения между нанимателями и рабочими в прошлом, видя в мероприятиях Тюдоров и в практике следующих веков заговор правительства и господствующих классов против трудящихся. Его взгляды на развитие денежной ренты в Англии (раннее вытеснение барщины денежными рентами) много раз оспаривались, но подтверждаются новейшими исследованиями. Его теория «феодальной реакции», наступившей после Черной смерти 1348 г. и вызвавшей восстание Уота Тайлера, нашла много противников, но имеет и авторитетных сторонников среди современных историков. Несомненно, значительные преувеличения имеются в его оценке благосостояния английских трудящихся классов в XV веке. Маркс и Энгельс были знакомы с главным трудом Р. Маркс использовал его I том в 23 и 24 гл. I т. «Капитала», отметив беспристрастие автора и тщательность произведенной им работы. Значительно меньше дал Р. в области экономической теории; представляют интерес его критические замечания на взгляды Рикардо и немецкой исторической школы.

Главные труды Р.: «A History of Agriculture and Prices in England», Oxf., 1866-1902; «Six Centuries of Work and Wages», 2 vols, L., 1886, 3-е изд. 1890 (есть рус. пер.—«История труда и заработной платы в Англии»); «Economic interpretation of History», L., 1888 (интересна для методологических взглядов Р.); «Industrial and Commercial History of England», L., 1892 (посмертное издание курса лекций по промышленной и торговой истории Англии); «Cobden and modern political opinion», L., 1873; «A manual of political economy», Oxf., 1879 (руководство для студентов).

Е. Косминский.

Родзянко, Михаил Владимирович, политич. деятель (1859—1924), крупный помещик Екатеринославской губ. (*см.* XVII, *прилож.* 70′), председатель 4-й Госуд. Думы. После образования в Госуд. Думе «прогрессивного блока», положение Р., как одного из виднейших вождей этого блока и вместе с тем единственного официального посредника между Думой и властью (Николаем II и его министрами), делало Р. виднейшею политическою фигурой. Р. прекрасно осознал двойную свою задачу — обеспечения успешного исхода империалистической войны и предотвращения революции. И чем неблагоприятнее обозначался ход внешних и внутренних событий, тем решительнее становился в сношениях с властью Р., в борьбе с распутинским режимом не останавливавшийся перед такими необычными для октябриста приемами, как распространение политически скандальных

документов в роде своего письма Горемыкину об его отставке. Когда в феврале 1917 г. революция безвозвратно разрушила старую власть, монархист Р. лишь в последний момент образовал «Временный комитет Гос. Думы», думая предотвратить этим развитие революции. Однако, когда оказалось, что ход революции сметает с политической арены, вслед за старою властью, также и ее помещичье-буржуазную опору, Р. создал контрреволюционный центр в виде «частного совещания членов Г. Д.», функционировавший, пока Керенский не вынужден был распустить Г. Думу. После Октября Р. переезжает на Дон и — сперва при Корнилове, а затем при Деникине — пытается то воссоздать совещание членов Гос. Думы (всех четырех созывов), то создать Национальный совет. Но для крайней правой Р. был безвозвратно запятнан своею февральскою ролью, и как политич. деятель он в своей же среде был конченным человеком. Оставалось самооправдание, и в первой редакции своих воспоминаний («Государственная Дума и февральская 1917 года революция», Ростов на Дону, 1919) Р. пытается отвести ту «всю вину», которую «за прошлые и за настоящие ужасающие события принято валить на Гос. Думу, и в частности на ее председателя». Иначе во многом излагает дело Р. в своих посмертных воспоминаниях («Крушение империи», Лгр., 1925) и еще иначе в первом вообще изложении своей деятельности, в показаниях в следственной комиссии 1917 г. («Падение старого режима», Лгр., 1927, т. VII). Умер в эмиграции, в Югославии.

С. В.

Родий, Rh, металл, принадлежащий к легким платиновым металлам VIII группы периодической системы элементов. Атомн. вес — 102,9. Порядковое число 45. Удельн. вес 12,44. Температура плавления 1.970°. Открыт Волластоном в 1803 г. Название дано по розовому цвету солей (ῥόδον, роза). Сплавленный Р. напоминает по наружному виду алюминий и так же мягок, тягуч и ковок, как серебро. В уральской платине Р. содержится в среднем до 8%, в платине другие месторождений до 3½%. Т. наз. иридий-осмий (*невьянскит*), образующий вростки в платину, содержит Ir до 13%. Минерал *родит* представляет природный сплав Р. (34 — 43%) и золота (66 — 57%). Р. выделяется из остатков от обработки самородной платины, обыкновенно вместе с иридием. Путем сложной обработки этой смеси получается отлично кристаллизующаяся пентаминовая соль состава $Rh(NH_3)_5Cl_3$ (чрезвычайно мало растворимый порошок лимонно-желтого цвета), из которой Р. уже выделяется в чистом виде. При действии едкого кали на раствор хлорного Р. ($RhCl_3 . 4H_2O$) раствор окрашивается в желтый цвет и даже при нагревании не выделяет никакого осадка. При прибавлении же алкоголя при обыкновенной температуре выделяется чернобурый осадок *гидрата окиси Р.*, $Rh(OH)_3$. Муравьиная кислота выделяет из раствора *родиевую чернь*, которая, подобно палладиевой (*см.*), поглощает водород и служит катализатором. Она легко растворяется в кипящей концентрированной серной кислоте и царской водке. После сильного прокаливания тонко раздробленный Р. не растворяется в кислотах и даже в разведенной царской водке. Сплав 30% Р. и 70% платины тоже не поддается действию царской водки. При действии расплавленного кислого сернокислого калия на Р. получается желтая двойная сернокислая соль Р. и калия, от прибавления соляной кислоты окрашивающаяся в красный цвет. Сплавы Р. служат для изготовления термоэлектрических пар и употребляются в астрономических инструментах. Термоэлемент Ле-Шателье состоит из

проволоки чистой платины и сплава 90% платины с 10% Р. Такой термоэлемент может служить для измерения температур, достигающих 1.500°. При прокаливании на воздухе Р. превращается в закись Р., RhO. Р. образует 3 ряда основных окислов: 1) *закись Р.*, RhO—серый порошок, нерастворимый в воде, спирте и эфире; 2) *окись Р.*, Rh_2O_3 — серый аморфный порошок, получаемый при нагревании Р. с перекисью бария; нерастворим в воде и спирте; 3) *двуокись Р.*, RhO_2, — бурый порошок, нерастворимый в воде и спирте. Из солей укажем: темнокрасный кристаллогидрат *хлорного Р.*, $RhCl_3.4\ H_2O$, легко растворимый в воде и спирте (дает розовые растворы), тогда как *безводный хлорный Р.*, $RhCl_3$, получаемый при прямом действии хлора на Р., не растворяется ни в воде, ни в соляной кислоте; *азотнокислый Р.*, $Rh(NO_3)_3.2H_2O$, растворим в воде, но нерастворим в спирте; *цезиевы квасцы Р.*, $Cs_2\ Rh_2\ (SO_4)_4.\ 24\ H_2O$, желтые октаэдрические кристаллы, плав. при 110°, растворимые в воде.

Ив. Кб.

Родильная горячка, см. *роды*, и *акушерство*.

Родильные дома и *приюты*, см. *роды*.

Родимчик, народное обозначение детской эклампсии (*см.*).

Родимые пятна, *родинки*, порок развития кожи, толчок к возникновению которого дается в утробной жизни; поэтому большинство Р. п. существует уже в момент рождения; реже они возникают в более поздние периоды детства, юности, взрослости. Этот порок состоит в том, что в области Р. п. различные анатомические составные части кожи — сосуды, кровеносные или лимфатические; железы, сальные или потовые; волосы, пигмент, от которого зависит физиологич. окраска кожи, или же пучки соединительной ткани, или эластические волокна — формируются то в избыточном количестве, то при нормальном числе имеют крупный объем, или же недоразвиваются по числу или объему. Иногда сказанным изменениям в пределах Р. п. подвергается не одна какая-либо составная часть кожи, а несколько; например, в избыточном количестве могут наблюдаться сразу пигмент, волосы, сосуды, железы и пр. в различных комбинациях. Порой одновременно изменяются физиологические свойства соединительной ткани и эластической: они утрачивают свою нормальную эластичность; в таких случаях кожа приобретает дряблый, старчески морщинистый вид, обвисает складками.

Р. п. могут быть *плоскими*, т.-е. лежать в уровень с окружающими частями, или же *возвышенными*, т.-е. более или менее выдаваться над окружающим уровнем, при чем нередко поверхность их бывает мелкозернистой и изборожденной канавками и точечными западениями от расширенных кожных пор. Иногда Р. п. мелки, например с булавочную головку, дробинку, или же крупны и могут занимать, напр., всю щеку, большую часть плеча или спины; они могут быть единичными или множественными; распределяться по коже беспорядочно, рассеянно или же системно — линиями прямыми, волнистыми, сетчатыми. В зависимости от того, какие части кожи претерпевают изменения, внешний вид Р. п. весьма разнообразен. Всего чаще встречаются: *сосудистые* Р. п., образованные густой сетью кровеносных сосудов, отчего имеют цвет от бледно-розового до сине-красного, малинового или вишневого; располагаются они обычно на лице и шее; *пигментные*, образованные обильным скоплением пигмента в толще кожи; имеют окраску от светло-кофейной до угольно-черной. Некоторые из таких Р. п. нередко бывают обильно покрыты во-

лосами различных оттенков (*волосатые* Р. п.). Реже встречаются снежно-белые Р. п. (*«анемические»*), что зависит от ненормально малого количества кровеносных сосудов в ткани кожи.

Обычно Р. п. существуют неизменно всю жизнь; реже подвергаются обратному развитию и исчезают. Выпуклые Р. п. темного цвета при случайном повреждении могут превращаться в злокачественную опухоль — черный рак. Уничтожение Р. п. может быть достигнуто путем вырезывания, применения снежной углекислоты, радия и различных видов электролечения. *Г. Мещерский.*

Родинол и *родиналь*, см. *терпены*, XLI, ч. 7, 603; *ср.* II, 471.

Родит, см. *родий*.

Родители, см. *дети*, XIX, 286 сл., и *Союз ССР — семейное право*, XLI, ч. 3, 114/19.

Родицит, редкий минерал из группы боратов. Кристаллы его, по внешнему виду принадлежащие к кубической сингонии, на самом деле состоят из множества моноклинных кристалликов, образующих двойники. Тв. 8, уд. в. 3,3, химич. состав $R_2Al_4B_6O_{15}$, где R = K, реже Na, Mg, Ca. Р. встречается на красном турмалине и кварце на Урале, в окрестностях дер. Сарапульки и Шайтанки. Ср. *борокальциты*, VI, 325.

Родичев, Федор Измайлович (*см.* XVII, прил. 19′, 45′, 70′), после Февральской революции не играл заметной политической роли, заняв в среде кадетов крайне правую позицию, особенно по аграрному вопросу. Недолгое время пробыл финляндским генерал-губернатором. Теперь—в эмиграции.

Родники, см. *источники*, XXII, 323.

Родники, гор., районн. центр Ивановской промышл. области (в 1929—30 г.—Шуйск. окр.), в 9 *км* от ж. д.; 15.470 ж. (1926); хлопчатобумажн. фабрика (12 тыс. рабоч.). Р.—ранее небольш. поселок Костромск. губ., сильно вырос после революции.

Роднички. Кости черепа соединяются между собою большей частью посредством швов (*см.* II, 627). Однако, у новорожденного кости еще не находятся в соприкосновении друг с другом, и на месте будущих швов у ребенка имеются плотные соединительнотканные перепонки. У краев теменной кости, на местах пересечения будущих швов, находятся более широкие части таких перепонок, так назыв. Р., к двум годам обычно зарастающие (*ср.* XI, 353). *Н. Кабанов.*

Родовая месть, см. *кровная месть*.

Родовой быт, *родовой строй*, см. *род и семья*; ср. *сельская поземельная община*, XXXVIII, 19 сл., также *славяне*, XXXIX, 466.

Родовспомогательные учреждения, см. *роды*.

Родовые имения и *имущества*, см. *имущество*, XXI, 591, и *наследование земельной собственности*, XXIX, 614′.

Рододендроны, *альпийские розы*, Rhododendron, род деревянистых растений из сем. вересковых, с очередными кожистыми листьями, крупными воронковидными или колокольчатыми цветами пятерного типа, одиночными или собранными в зонтиковидные соцветия, иногда весьма душистыми, как у гималайского вида Rh. Dalhousiae. Плод—пятигнездная коробочка. Около 200 видов (сюда теперь включают в виде подрода и *азалею*, Azalea), распространенных преимущественно в Азии от Камчатки до Гималаев и в Сев. Америке; немногие виды в Европе. Большой известностью пользуются альпийские кустарники Rh. hirsutum и Rh. ferrugineum (*снежная роза*). Одним из наиболее красивых видов является Rh. arboreum, родом из сев. части Ост-Индии, со стволом 6—9 *м* высоты, с крупными темно-красными цветами. В культуре большим распространением (особенно в Англии) пользуются Rh. ponticum с

фиолетовыми цветами (*см.* XLIV, 8/9) и Rh. Dalhousiae.

Родоканаки, Эммануэль, историк, см. XLVIII, прил. *современ. деятели науки*, 58.

Родоксантин, один из главных представителей красных пигментов в хромопластах (*см.*), по химич. составу представляет кислородное производное углеводорода каротена, повидимому изомерное с ксантофиллом (*см.*). Впервые был получен из зимних побуревших листьев туйи (Цвет), а затем в кристаллич. виде был выделен из присемянников Taxus baccata (Монтеверде и Любименко). На ряду с уменьшением количества хлорофилла в растениях нередко начинается образование Р. (напр., у Selaginella). *М. Н.*

Родонит, или *орлец*, минерал из группы авгитов (*см.*), кристаллизуется в формах триклинической сингонии, но кристаллы крайне редки; обыкновенно встречается в сплошном виде плотными и зернистыми массами. Тверд. 5,5... 6, удел. в. 3,4...3,7. Химич. состав: метасиликат марганца— $MnSiO_3$, при чем Mn частью замещается Ca, Fe, Mg. Цвет розово-красный с черными прожилками перекиси марганца (MnO_2). Р. представляет прекрасный поделочный материал, хорошо полируется, применяется для выделки ваз и пр. Встречается среди кремнистых сланцев и является результатом метаморфизма морских кремневых отложений, куда проникли марганцевые руды осадочного типа. Лучшее и наиболее мощное месторождение Р. находится на Урале в 30 *км* к югу от Свердловска близ дер. Мал. Седельниковой. Значит. массами Р. встречается также в Испании в провинции Гуэльва, в С.-А. С. Ш. в шт. Массачузетс и в др. местах. *М. Н.*

Родопсин, см. *пурпур зрительный*.

Родопские горы, см. *Балканский полуостров*, IV, 535/36.

Родос (латин. Rhodus, итал. Rodi, турецк. Редос, в древности — Офиуза, или Коримбия), самый восточный и самый крупный из *Спорадских* о-вов (см.), расположенный у ю.-з. угла М. Азии и отделенный от нее проливом в 18 *км* ширины в самом узком месте. Тектонически остров принадлежит к М. Азии и оторван от нее только в конце третичного периода. Площадь Р.—1.404 *кв. км*. Самая большая длина с с.-в. на ю.-з. — 84 *км*, самая большая ширина—41 *км*. Остров образован мезозойскими известняками, но окружен третичными отложениями. Посредине острова тянется горный хребет, достигающий высоты 1.215 *м* в вершине *Атаиро*. С древних времен Р. славится своим климатом. Зима теплая, хотя и дождливая, средн. январ. t° + 10° с редкими заморозками. Лето сухое, жаркое (средн. t° июля + 24°), несколько умеряемое близостью моря и западными ветрами. Только в июле и в августе при знойных суховеях из М. Азии t° повышается иногда до 40° и больше. Осадков, особенно в зимнюю половину года, выпадает достаточно (до 500 *мм*). С гор стекает большое количество непересыхающих речек и ручейков, пригодных для искусственного орошения. В питьевой воде недостатка нет. Почвы в общем хорошие, хотя и каменистые. Когда-то Р. изобиловал лесами (сосны, ели, кипарисы). Еще в 1880 г. считалось около 300 *кв. км* леса, в 1900 г. — всего 60 *кв. км*; теперь же значит. меньше. Несмотря на благоприятный климат, только $^1/_3$ площади, гл. обр. побережья, находится под культурою. Возделываются на полях: ячмень, пшеница, лук, сезам, а в садах: гранаты, апельсины, лимоны, оливки, виноград. Р. прежде славился своим вином, но виноделие теперь пало, и идет только небольшой вывоз столового винограда. — Население 41.571 чел. (перепись 1927 г.); из них $^4/_5$ греки, около 5.000 турок, остальное — спаниолы (средиземно-

морские евреи), итальянцы и др. Главные занятия населения, кроме земледелия и садоводства, — скотоводство, рыбная ловля и торговля. Ввоз в 1929 г. достигал 75 млн. лир и состоял гл. обр. из мануфактурных товаров. Значительная доля его — транзит на М. Азию. Вывоз всего на 16 млн. лир (фрукты, растительн. масло, смола стиракс, шелк, губки). Гл. гор. Р., того же названия, расположен на с.-в. конце о-ва, имеет ок. 20.000 жителей, гл. обр. греков, турок и евреев; это — лучший порт острова, резиденция итальянской администрации всего Додеканеза (12 итальянских островов у берегов М.Азии); еженедельное пароходное сообщение с Александриею и Бриндизи; итальянский университет (с 1927 г.). Р.—курорт и центр довольно значительного туристического движения. Много средневековой старины.

История. В древности Р. играл большую роль как торговый центр. Его колонии и торговые связи простирались до Испании и Балеарских о-вов; он служил также центром процветания наук — первые определения широты и долготы, Родосское морское право (*см.* XLI, ч. 8, 572)— и искусств—группа Лаокоона (*см.*), Родосский колосс (см. *колосс*, XXIV, 535). В средние века Р. был яблоком раздора между Византией, Генуей и арабами; в 1309 г. захвачен орденом иоаннитов и до 1530 г. служил последним боевым оплотом христианства против турок (*см.* XLI, ч. 10, 187, 189). Под властью турок потерял свое значение. В 1911 г., во время Триполитанской войны, захвачен был итальянцами и в 1923 г. официально закреплен за Италией. Сейчас идет усиленная итальянизация острова.

Г. Шенберг.

Родословие и *родословные книги*, см. *генеалогия*, XIII, 133/34; *дворянство*, XVIII, 77, 78, 87; *местничество*, XXIX, 488/91.

Родосский колосс, см. *колосс*.

Родосто (тур. *Текир-даг*), гор. в Европ. Турции, гавань на Мраморном море, 14.387 ж. (1927), центр одноим. вилайета (5.950 *кв. км*, 132. 120 жит.); вывоз вина, масла, фруктов, шелков. коконов.—Р.—стар. Rhaedestus, или Bisanthe, основ., вероятно, самосцами. В 1920 г. по Севрскому договору был отдан Греции, но по Лозаннскому миру (1923) возвращен Турции.

Родохрозит, см. *марганцевый шпат*, XXVIII, 184.

Родригес (Rodrigues), о-в в Индийск. ок., самый вост. из Маскаренских, в 560 *км* к в. от о. Маврикия; 109 *кв. км* с 8.526 ж. (1930). О-в холмист, вулканич. происхождения, окружен коралловыми рифами. В сев. части о-ва — гавань *Порт Матюрен*. Население—гл. обр. потомки ввезенных из Африки рабов-негров, говорящие преимущественно по-франц., небольшое колич. европ., индусов и китайцев — занимается скотоводством, рыболовством и земледелием (бобы, маис, сахарный тростник, кофе и пр.). — Р. открыт португальцами в 1645 г., с 1690 г. принадлежал французам, в 1810 г. был захвачен англичанами и ныне входит в британскую колонию о. Маврикия.

Родригес Альвес (Rodrigues Alves), Франциско де Паула, бразильск. полит. деятель (1848—1919), был губернатором Сан-Паоло, членом учредит. собрания 1889 г., мин. финансов и в 1902—1906 гг. президентом (*см.* VI, 432).

Родс (Rhodes), Сесиль Джон, один из крупнейших колониальн. политиков Англии эпохи империализма (1853—1902). Трудность сделать карьеру в Англии и слабое здоровье заставили Р. попытать счастья в ю. Африке, где он появился как раз к моменту открытия Кимберлейских алмазных россыпей (см. *Кимберлей*). В этой сфере деятельности Р. проявил таланты не столько искателя сколько

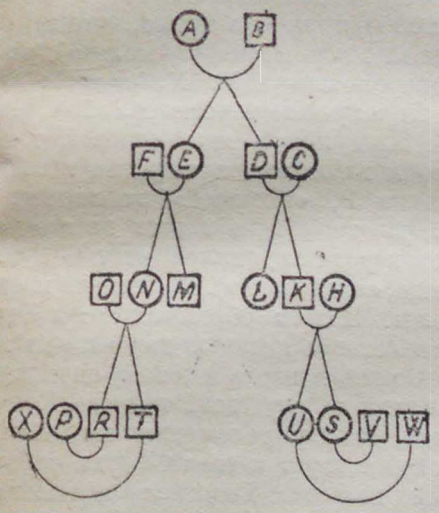
ловкого финансового комбинатора, скупавшего участки у неудачников или у тех, у кого не хватало средств для дальнейшей разработки. После ряда сложных финансовых операций Р. удалось к 1888 г. организовать монополистическую компанию по добыче южно-африканских алмазов (т. н. De Beers Consolidated Mines). Рядом с этим он почти что добился монополизации добычи трансваальского золота (в руках компании The Gold Fields of South Africa). К 1890 г. Р. обладал ежегодным доходом ок. 1 млн. ф. ст. Но Р. сделался не только финансовым королем ю. Африки. По словам В. И. Ленина, «в конце XIX в. героями дня в Англии были Сесиль Родс и Джозеф Чемберлен, открыто проповедывавшие империализм и применявшие империалистическую политику с наибольшим цинизмом». И, действительно, с 1881 г. Р. становится членом парламента Капской колонии и начинает проводить империалистическую политику, в которой, по его собственным словам, он «думал континентами», имея в виду фактическую монополию Англии в Африке с дорогой Капштадт — Каир в качестве вещественного выражения торжества английского империализма. В 1885 г. английское правительство по настоянию Р. отправляет вооруженные силы в Бечуаналэнд и провозглашает протекторат над этой областью. Но это было только захватом «ключа» к ю. Африке. В 1888 г. эмиссары Р. заключили контракт с царьком негритянских племен матабеле и машона Ло Бенгулой, по которому последний дал Р. право эксплоатировать все минеральные богатства своей страны за смехотворное вознаграждение в 1.000 ружей Мартини, 100 тыс. патронов, 100 ф. ст. в каждый «лунный» месяц и весьма подержанный пароход. Основываясь на этом «договоре», правительство королевы Виктории дало в 1889 г. хартию «Южно-африканской компании», предоставив ей необычайно широкие полномочия и даже не определив северной границы территории, на которую распространялись ее полномочия. Деятельность этой компании повлекла за собой основание современных английских колоний Южной и Северной Родезии (см. *Родезия*), а сам Ло Бенгула, чересчур поздно осознавший значение подписанного им документа, был попросту изгнан из своих владений. С 1890 по 1896 г. Р., становясь премьером Капской колонии, оказывается не только финансовым, но и просто некоронованным королем ю. Африки. Срыв его политической карьеры был следствием его чересчур большой импульсивности и самоуверенности. Недовольство трансваальским правительством, которое ставило различные препоны деятельности владельцев золотых рудников, привело Р. к почти разбойничьему шагу. В золотопромышленном центре Трансвааля, Иоганнесбурге, образовался заговор, частью из лиц, стремившихся к английскому владычеству, частью — к государственной самостоятельности. Все нити заговора были в руках Р. — он организовывался его агентами и субсидировался из добытых им сумм. Р. замышлял даже такое вопиющее с точки зрения международного права дело, как участие родезийских полицейских сил в трансваальском перевороте. В конце концов, администратор Родезии д-р Джемсон (*см.*), один из ближайших сподвижников Р., желая форсировать события, вторгнулся в пределы Трансвааля, но потерпел жалкое фиаско. Этот «набег Джемсона» получил международную огласку. Сам Джемсон, захваченный бурами, был судим в Претории и приговорен к смерти, замененной крупным штрафом, который был уплачен за него Р. Но и сам Р. сломал на этом «подвиге» свою карьеру политического деятеля: это дело вызвало резкие протесты Германии, имев-

шей свои виды на бурские республики, и, между прочим, знаменитую телеграмму Вильгельма II президенту Крюгеру, сыгравшую некоторую роль в англо-германских отношениях. Расследования, произведенные комиссиями капского парламента и английской палаты общин, признали, правда, что Р. не ответственен за самый факт набега, но все же установили, что его действия несовместимы с его официальным положением капского премьера, и ему пришлось уйти в отставку. Впрочем, вина Р. заключалась только в том, что он чересчур форсировал темпы — он дожил до осуществления джемсоновского набега в его имперской форме, — до англо-бурской войны (см. *буры*), и если ему не удалось увидеть заключения мира, то он все же был свидетелем окончательной победы Англии. Остаток своей жизни Р. занялся развитием английской колонизации в Родезии, но в то же время, будучи другом Дж. Чемберлена, играл закулисную роль в обще-имперской политике. Его политические взгляды, м. б., всего лучше характеризуются приводимым Лениным отрывком из воспоминаний Стэда: «Если вы не хотите гражданской войны, вы должны стать империалистами». Последним крупным политическим выступлением Р. было его посещение Берлина весной 1899 г., накануне англо-бурской войны. Подвиг Джемсона был уже «забыт» Германией, и в разговорах с германскими политиками и даже самим Вильгельмом II Р. удалось наметить осуществление своей старинной мечты: добиться,— правда, весьма условного,— согласия Германии на прохождение будущей линии Капштадт — Каир через германскую территорию и получить безусловное разрешение на проведение соотв. телеграфной линии. Р. — одна из интереснейших фигур империалистической Англии — смесь финансового гения и политического авантюриста. «Строитель империи» (Empire Builder) — таково его прозвище у историков империалистической Англии.

Литература: *Moon*, «Imperialism & world politics», N.-Y. 1927 (есть русск. перев.); *Williams*, «Cecil Rhodes», N.-Y. 1921. *П. Преображенский.*

Родство (иначе *кровное Р.*), отношение двух лиц, обусловленное фактом происхождения одного из них от другого или происхождением их обоих от третьего лица, являющегося их общим предком-родоначальником. Лица, связанные Р., именуются по отношению друг к другу *родственниками*. Р. между предком и его потомком (отец — сын, дед — внук и т. д.) образует *прямую линию* Р. между асцендентами (предками, букв. «восходящими») и десцендентами (потомками, букв. «нисходящими»), при чем прямая линия, рассматриваемая по направлению от предка к потомку, называется нисходящей, а обратно — от потомка к предку — восходящей. Р., возникшее в результате происхождения двух данных лиц от общего родоначальника (напр., два брата, сестры, дядя — племянник и проч.), именуется Р. по *боковой линии*. Братья и сестры, происходящие от одних и тех же родителей, называются *полнородными*; родившиеся от одного и того же отца, но от разных матерей, именуются *единокровными*, а родившиеся от одной и той же матери, но от разных отцов — *единоутробными*. Близость Р. определяется *степенями*. В основе общепризнанной ныне системы исчисления степеней лежит принцип римского права: «сколько рождений, столько и степеней». Другими словами, для определения степени Р. между двумя данными лицами подсчитывается количество рождений, в результате которых данное Р. возникло; подсчет ведется от каждого данного лица по направлению к общему предку, и полученные две цифры склады-

ваются. Сумма этих цифр определяет степень Р. От Р. отличается *свойство*, т.-е. семейственная близость двух лиц, являющаяся результатом брака, заключенного между собой родственниками этих лиц или одним из этих лиц с родственниками другого. Лица, находящиеся в свойстве, именуются *свойственниками*. Степень свойства определяется так же, как и степень родства, при чем муж и жена при исчислении принимаются за одну единицу, т.-е. определенная степень Р. данного лица с одним из супругов является в то же время той же степенью свойства с другим супругом. Христианская церковь по аналогии с Р. кровным усматривает Р. *духовное* между восприемником (крестным отцом; *см.*) или восприемницей (крестной матерью) и воспринятым (крестником), а также между восприемниками по отношению друг к другу (кум и кума). В целях облегчения исчисления степеней Р. и свойства обычно пользуются родословными графическими таблицами, в которых лица мужского пола обозначены кружками, лица женского пола — квадратиками, брачный союз — дугой, соединяющей кружок с квадратиком, а рождение ребенка — прямой линией, проводимой от середины дуги к данному ребенку (кружку или квадратику; *см.* ст. 61).



A и *B* — муж и жена; *A* и *E* — отец и сын (1-ая степ. Р.); *A* и *D* — отец и дочь (1-ая степ. Р.) *B* и *E* — мать и сын (1-ая степ. Р.); *B* и *D* — мать и дочь (1-ая степ. Р.); *A* и *F* — свекор и сноха (1-ая степ. свойства); *A* и *C* — тесть и зять (1-ая степ. свойства); *B* и *C* — теща и зять (1-ая степ. свойства); *B* и *F* — свекровь и сноха (1-ая степ. свойства); *O* и *M* — невестка и золовка (2-ая степ. свойства); *L* и *H* — шурин и зять (2-ая степ. свойства); *P* и *T* — зять и свояченица (2-ая степ. свойства); *U* и *V* — деверь и невестка (2-ая степ. свойства); *A* и *M* — дед и внук (2-ая степ. Р.); *N* и *L* — двоюродн. братья (4-ая степ. Р.); *U* и *T* — троюродн. брат и сестра (6-ая степ. Р.); *E* и *U* — двоюродн. дед и внучатый племянник (4-ая степ. Р.); *P* и *X* — свояки (4-ая степ. свойства); *V* и *W* — невестки, или сношеницы (4-ая степ. свойства).

Точное исчисление степеней Р. и свойства по некоторым законодательствам имеет огромное практическое значение, так как в конкретных случаях от установления определенной степени разрешается в том или другом смысле обязанность алиментирования (содержания), право наследования, право вступления в брак с данным лицом, отвод свидетелей в судебных процессах и проч. Вот почему в теоретических курсах гражданского права вопросам Р. и свойства обычно отводится специальная глава в разделе, именуемом семейным (реже — семейственным) правом.

А. Винавер.

Родство *духовное*, см. *родство*.

Роды, процесс, которым заканчивается беременность (*см.*) и который заключается в том, что плодное яйцо изгоняется из своего вместилища (матки), где оно развивалось в течение беременности. Родовой процесс распадается на три периода: в первом периоде наблюдается постепенное раскрытие шейки матки, во втором — изгнание плода, рождение ребенка в собственном значении этого слова, и, наконец, в третьем периоде изгоняются оболочки плода и послед (т. наз. детское место, *см.* XX, 614). В огромном большинстве случаев Р. протекают как процесс физиологический, не причиняя вреда ни матери, ни плоду. Для такого благополучного течения Р. необходима, однако, наличность целого ряда условий: 1) мать дол-

жна быть правильно сложена и главн. образом иметь костный таз (*см.*) нормальной величины и строения; 2) плод должен быть нормальной величины и занимать в матке правильное положение; 3) изгоняющие силы, т.-е. сокращения самой матки (схватки) и сокращения брюшных стенок (потуги), должны быть достаточной силы и правильного характера.

Причины, в силу которых начинаются Р., до сих пор неизвестны, но в огромном большинстве случаев Р. наступают через 270—290 дней после начала беременности, если за начало беременности считать первый день последней менструации (во время беременности менструаций у женщин, как правило, не бывает). Такие Р. называются *срочными*, в отличие от *преждевременных*, если рождение плода происходит между седьмым и десятым месяцем беременности (в научном акушерстве продолжительность беременности принимается в десять «лунных» месяцев). Если Р. происходят раньше семи месяцев, то плод родится нежизнеспособным, и такие Р. называются *выкидышем* (см.). Начало Р. определяется тем, что матка начинает сокращаться, при чем сокращения матки (схватки) повторяются с очень правильной периодичностью (сперва приблизительно каждые четверть часа, а затем все чаще и чаще). Во время беременности матка тоже время от времени сокращается, но такие сокращения не принимают такой правильной периодичности. Далее, с началом Р. схватки становятся чувствительными, тогда как во время беременности женщина их не ощущает. Под влиянием схваток повышается внутриматочное давление; давление это передается на плодное яйцо, и яйцо своим нижним полюсом начинает выдавливаться из маточной полости в канал шейки, образуя здесь т. наз. *плодный пузырь*. Этот плодный пузырь постепенно расширяет канал шейки, доводя его до такого размера, что через него без особого сопротивления может пройти доношенный, зрелый плод, головка которого имеет в окружности 34 *см.* Для того чтобы канал шейки вполне раскрылся, у первородящих требуется около 18 часов, а у повторно рожающих около 8 часов. Когда канал шейки совершенно раскроется, плодный пузырь лопается, и истекает часть той жидкости, в которой находится плод (*«околоплодные воды»*).

Затем начинается второй период Р., во время которого к каждой схватке присоединяется сокращение брюшных стенок (потуги), — под влиянием обеих этих сил плод начинает постепенно выталкиваться из матки и продвигаться по родовому пути. Для того чтобы такое поступательное движение плода совершалось правильно, плод не должен быть слишком велик (вес нормального доношенного плода около 3.200 *г*), и крайне важно, чтобы он лежал вдоль матки (продольно), а не поперек или косо. Мало того: для благополучного течения Р. важно, чтобы плод лежал вниз головой, т.-е., чтобы головка шла впереди туловища (такие Р. «головкой» наблюдаются 97 раз на сто, а 3 раза на сто ребенок родится нижней частью туловища, «ягодицами»). Положение плода головкой вниз обусловливается тем, что головка является наиболее тяжелой частью плода и потому опускается вниз в силу своей тяжести. Кроме того, такому положению плода благоприятствует и самая форма маточной полости. Головное положение плода является наиболее благоприятным для его прохождения через родовые пути, ибо головка является не только более тяжелой, но и наиболее объемистой его частью. В силу этого туловище плода легко проходит через родовые пути вслед за головкой. Важное значение имеет здесь и то, что головка плода обладает способностью изменять свою форму и таким образом

приспособляться к тому пути, через который она должна пройти. Эта способность головки обусловлена тем, что черепные кости у плода еще не вполне окостенели и не сращены друг с другом. Вследствие этого они могут изменять свою форму и смещаться одна по отношению к другой. Все это ведет к тому, что объем головки плода может как бы уменьшаться, а это, конечно, облегчает Р. Однако, нельзя сказать, чтобы *всякое* головное положение было уже тем самым совершенно благоприятно для течения Р. Для полного благополучия необходимо, чтобы головка была согнута и вниз был обращен ее затылок. Если головка плода разогнута и книзу обращено, напр., темя, личико или лобик плода, то рождение плода сильно затрудняется, а часто становится и совершенно невозможным без оперативной помощи. При прохождении плода через родовые пути он не только продвигается вперед, но одновременно совершает целый ряд довольно сложных вращений — все эти вращения в совокупности дают то, что называется *механизмом Р.* При нормальных Р. механизм этот складывается в строгой постепенности и правильности; нарушение этой постепенности и правильности может тоже повести к серьезным осложнениям родового акта. Так, напр., при правильном механизме затылок плода постепенно переходит кпереди и подходит под лонное сращение, а личико обращается кзади, к крестцу матери. Если же затылок повернется не кпереди, а кзади, то уже одного этого достаточно, чтобы сильно нарушилось правильное течение родового акта, а иногда одного этого бывает достаточно, чтобы рождение ребенка без помощи акушерского искусства стало невозможно.

Кроме правильного положения плода и правильного механизма Р., для благополучного течения Р. крайне необходимо, чтобы мать обладала правильным тазом. Если таз меньше нормы (см. *таз*), если он «узок», то и нормальной величины ребенок может родиться лишь с трудом и с опасностью как для своей жизни, так и для жизни матери, а при очень узких тазах Р. через естественные пути или вообще невозможны, или возможны только при помощи операции, во время которой жизнь плода иногда сознательно приносится в жертву для спасения жизни матери. Впрочем, в настоящее время в таких случаях при соответствующей обстановке часто делают *«кесарское сечение»*, т.-е. операцию, при которой плод извлекается через разрез стенки живота и матки (см. *кесарское сечение*). Такого же рода осложнения наблюдаются и в том случае, если при нормальном тазе ребенок гораздо больше нормальной величины.

Период изгнания плода при нормальном течении Р. продолжается у первородящих около 2-х часов, у повторнородящих—около $^1/_2$часа. Однако, несмотря на свою кратковременность, этот второй период Р. является для матери более мучительным, чем первый, так как теперь схватки становятся значительно болезненнее. Болезненно также и растяжение мягких родовых путей. Болезненность особенно усиливается, когда головка плода выходит наружу и при этом сильно растягивает наружные половые части. Болезненность Р., если она не переходит границы терпимости, нужно, однако, рассматривать как весьма целесообразное приспособление. В самом деле, чувствительность родовых схваток в самом начале Р. дает сигнал, что Р. наступили, и заставляет беременную подготовиться к этому столь важному в ее жизни событию. Болезненность же, которую женщина испытывает во время изгнания плода, и особенно в самый момент его рождения, тоже является целесообразной, так как является есте-

ственным регулятором родовой силы. Так, при сильной боли роженица начинает стонать или кричать, при этом она открывает рот и в этот момент перестает тужиться,—тем самым уменьшается сила потуги, что часто бывает очень кстати, ибо таким путем Р. несколько замедляются, а Р., протекающие слишком быстро, связаны с опасностью разрывов мягких частей, особенно промежности.

Рождением ребенка Р. еще не заканчиваются, так как в матке остается еще детское место. Оно обычно изгоняется в ближайший час после рождения ребенка. Это — третий — «последовый» — период Р.

Таким образом, общая продолжительность Р. у первородящих будет около суток, а у повторнородящих около 10 часов.

По окончании Р. начинается т. наз. *послеродовой* (*пуэрперальный*) *период*, который продолжается 6 — 8 недель. В течение этого времени организм матери постепенно возвращается в то состояние, в каком он был до беременности. Главным образом это касается половых органов и особенно матки, которая особенно сильно изменилась во время беременности. Тотчас же после Р. матка так велика, что занимает почти половину брюшной полости и весит около килограмма, тогда как в небеременном состоянии матка имеет величину небольшой груши и весит всего около 50 грамм. В послеродовом периоде матка довольно быстро уменьшается, и, что особенно важно, в полости ее возрождается (регенерируется) слизистая оболочка. Это возрождение слизистой оболочки сопровождается выделением из матки т. наз. *послеродовых очищений* (*лохий*). В первые дни эти очищения состоят почти из чистой крови, но постепенно количество крови уменьшается, и, наконец, очищения принимают чисто слизистый характер. Весьма важным изменениям в послеродовом периоде подвергаются грудные железы: они сильно увеличиваются в объеме (нагрубают) и с третьего дня после Р. начинают выделять молоко, тогда как во время беременности и в первые три дня после Р. они выделяли лишь небольшое количество т. наз. молозива (*см.*).

Хотя Р. и являются физиологическим процессом, тем не менее женщина во время Р. нуждается в помощи и в уходе как за собой, так и за новорожденным. Этот уход должен осуществляться особо подготовленным медицинским персоналом (акушерки), а в случаях осложненных необходима помощь врача, и при том по возможности специалиста-акушера. Главная задача ухода за роженицей и родильницей заключается в том, чтобы во время Р. и после Р. охранить мать от загрязнения ее родовых путей гнилостными бактериями, так как такое загрязнение ведет к очень серьезным заболеваниям, которые в просторечии носят общее название *родильной горячки*. Достигается это соблюдением щепетильной чистоты уже до Р., в последние недели беременности, во время Р. и в послеродовом периоде. Такое соблюдение чистоты лучше всего достигается, если Р. проводятся в соответствующей обстановке, т.-е. в специально оборудованных родовспомогательных учреждениях. Особенно это важно в тех случаях, когда Р. протекают с осложнением и для благополучного их завершения требуется то или иное оперативное вмешательство. Посему в настоящее время повсеместно строятся *родильные дома*, или *родильные приюты*, где и должны проводиться по возможности все Р. К сожалению, пока такая постановка дела родовспоможения имеется лишь в городах или густо населенных сельских местностях, а там, где этого нет, женщины-матери предоставлены почти всецело своей собственной судьбе и в огром-

ном большинстве принуждены рожать при помощи невежественных и нечистоплотных повитух.

Для благополучного течения Р. и предупреждения возможных осложнений весьма важно, чтобы женщины уже во время беременности находились под непрестанным наблюдением врачей. Это достигается учреждением т. наз. *консультаций для беременных*, где каждая беременная периодически подвергается осмотру и пользуется советами врача в отношении состояния своего здоровья и поведения. Наконец, после Р. женщина-мать нуждается в советах по кормлению и уходу за своим новорожденным ребенком. Это достигается учреждением *консультаций для грудных детей*. Всего этого, однако, недостаточно, если беременная и родильница в силу бытовых или социальных условий не может обеспечить себе необходимый в конце беременности и после Р. отдых. Обеспечение такого отдыха отчасти достигается соответственным законодательством, которое в настоящее время и имеется во всех почти культурных государствах, но наиболее широко разработано в СССР (см. *социальная гигиена*, XLI, ч. 1, 18/19).

Все мероприятия по охранению женщины-матери и ее ребенка входят в систему того государственно-общественного аппарата, который известен под названием «охрана материнства и младенчества». В СССР эта сторона социальной заботы о женщине-матери поставлена шире, чем где бы то ни было. При дальнейшем расширении и улучшении этого дела Р. и вообще материнство не будут сопряжены с тем риском для жизни, здоровья и благополучия женщины, как это было еще совсем недавно и как это, к сожалению, иногда имеет место еще и теперь (ср. *акушерство*).

В заключение дадим краткий очерк личной («индивидуальной») *гигиены*, которой должна придерживаться каждая беременная, роженица и родильница, чтобы Р. и послеродовой период протекли у нее благополучно; это особенно важно для тех, кто не может пользоваться советами консультаций для беременных и акушерской помощью в родильном учреждении. В первые месяцы беременности беременная может вести свой обычный образ жизни, если, конечно, он не связан с какими-нибудь особенными бытовыми или профессиональными вредностями. Можно лишь посоветовать избегать резких движений, чтобы не вызвать нарушения беременности — «выкидыша» (*см.*). Из осложнений беременности в ранние ее сроки чаще всего беспокоят женщину тошноты и рвоты, особенно по утрам. Здесь можно посоветовать беременной не вставать натощак, т.-е. первое питание проводить в постели и по возможности в горизонтальном положении, т.-е. лежа. Этого уже часто бывает достаточно, чтобы уменьшить, а то и совсем прекратить тошноту и позывы к рвоте. Можно еще рекомендовать питаться почаще, напр. каждые 2 часа, но в каждом приеме пищи ограничивать количество ее и принимать ее в жидком или сильно размягченном виде. По современным представлениям в организме женщины при беременности накопляются кислые продукты, образующиеся при усвоении пищевых веществ и при собственном обмене веществ в организме беременной. Эти кислые продукты увеличивают «кислотность» крови и всех тканей организма и как бы отравляют его. Такая повышенная кислотность соков организма называется «ацидозом», а самое состояние «отравления» — «токсикозом беременных». Давно уже замечено, что при этих состояниях полезно принимать щелочи в виде, напр., щелочных минеральных вод (боржом). Так как тошноты и

рвоты беременных являются проявлением такого токсикоза, то, очевидно, что как общую меру при этом осложнении можно рекомендовать употребление щелочей. Однако, если тошнота и рвота не поддаются вышеуказанным простым мероприятиям, то необходимо, не затягивая дела, обратиться за врачебным советом и помощью.

Впрочем, очень полезно обращаться в консультацию для беременных и при совершенно нормальном течении беременности, чтобы установить, нет ли каких-нибудь уклонений от нормы, ничем явно не проявляющихся и потому незаметных ни самой беременной, ни ее окружающим. При этом, между прочим, точнее устанавливается срок беременности, а следовательно и срок Р., а также измеряется таз и вообще оценивается сложение беременной, поскольку это важно для правильного течения беременности и Р. В частности оценивается строение и развитие молочных желез и сосков в смысле их годности для вскармливания новорожденного.

Во второй половине беременности наиболее частым осложнением является токсикоз, который проявляется отеками разных частей тела и появлением белка в моче. Этот токсикоз в конце беременности, при Р. и после Р. может проявиться тяжелыми судорогами с потерей сознания, т. наз. эклампсией (*см.*). Эклампсия является одним из самых опасных осложнений Р. Ее в значительной мере можно предупредить, если во второй половине беременности держаться определенного пищевого режима. Вообще говоря, этот режим (диэта) должен быть молочно-вегетарианский с ограничением соли. В настоящее время признается, что культурное человечество вообще злоупотребляет поваренной солью, что особенно вредно во время беременности, так как соль, задерживаясь в организме беременной, ведет к отечности и нарушению нормальной деятельности почек. Чтобы во-время обнаружить расстройство почечной деятельности, каждая беременная должна время от времени (не реже одного раза в 2 — 3 — 4 недели) исследовать свою мочу. При появлении белка или отеков необходимо обратиться за врачебным советом. Но и при совершенно нормальном течении беременности во второй ее половине все же очень полезно посещать консультацию. Здесь опять-таки подметят такие явления и осложнения, которые легко ускользают от внимания самой беременной и ее окружающих (напр., повышенное кровяное давление, что иногда наблюдается при токсикозе еще до появления отеков тела и белка в моче). Здесь же врач еще раз измерит таз и определит развитие плода (его величину) и положение в матке, что, как сказано выше, имеет существенное значение для благополучного течения Р. В случае резких отклонений от нормы врач даст совет непременно родить в специальном родильном учреждении, так как осложненные Р. требуют оперативной помощи, а такая помощь не может быть оказана в домашней обстановке. Только в тех случаях, где предполагаются совершенно нормальные Р., можно примириться с необходимостью проводить их дома. Самым важным условием благополучного исхода Р. является соблюдение самой щепетильной чистоты как самой беременной, так и в окружающей ее обстановке, что особенно касается того помещения, где будут протекать Р. Личная [illegible] женщины в конце беременности должна заключаться в соблюдении чистоты всего тела и в особенности наружных половых органов, которые необходимо дважды в день обмывать прокипяченной водой и обсушивать хорошо проглаженным, чистым и мягким бельем. Ванны полезны, но толь-

ко если самая ванна безукоризненно чиста, так как в грязной ванне зараза вместе с водой может проникнуть во влагалище, что впоследствии может отразиться на течении послеродового периода. Весьма важным требованием гигиены является воздержание от половых сношений по крайней мере в последние два месяца беременности. Дело в том, что при сношениях во влагалище женщины тоже заносятся заразные вещества, которые и могут оставаться здесь до Р. и опять-таки повести к осложнению послеродового периода. Для проведения самых Р. в домашней обстановке нужно заранее подготовить помещение, где Р. должны происходить, и запастись всем необходимым для Р. Самое важное, однако, обеспечить роженицу помощью знающего лица. При соблюдении всех перечисленных условий нормальные Р. и в домашней обстановке могут пройти и закончиться вполне благополучно для матери и ребенка. К сожалению, некоторые осложнения Р. мы не умеем еще предугадать и предвидеть заранее, во время беременности. Такие осложнения всегда таят опасность для роженицы, не обеспеченной дома акушерской помощью. Сюда относятся все осложнения в третьем периоде Р., когда после рождения ребенка отделяется и выделяется послед. Кстати сказать, в последние годы эти осложнения стали наблюдаться значительно чаще, чем раньше, в связи и в зависимости от повреждений, которые наносят матке и всему женскому организму искусственные аборты, особенно — часто повторяемые. Осложнения, которые бывают в первом и во втором периоде Р., в значительной степени можно предвидеть уже во время беременности, почему именно и важно наблюдение за беременной до Р. Сюда относятся, напр., сужение таза и неправильное положение плода. Некоторые из таких осложнений можно не только предвидеть, но и своевременно исправить.

Наблюдаются, однако, и здесь такие осложнения, которые заранее предвидеть невозможно. Так, напр., околоплодные воды могут пройти раньше времени — это обычно нарушает течение первого периода Р. и может сильно его затягивать. В силу этого роженица утомляется, и у нее просто не хватает физических сил, чтобы родить ребенка, хотя в остальном все обстоит правильно.

Такое же истощение сил наблюдается и в тех случаях, когда при рождении плода нарушается самый «механизм Р.», несмотря на первоначальное правильное («головное») положение плода. Такое нарушение механизма Р. заранее не может предсказать даже самый опытный акушер — оно обнаруживается только во время самого родового акта. Очевидно, что и здесь роженица подвергается опасности, если рожает дома без врачебного наблюдения.

Помимо таких непредвиденных и неожиданных осложнений, нормальные Р. не представляют той преувеличенной опасности и не причиняют тех преувеличенных страданий, о которых принято говорить с давних библейских времен. Это нужно знать и ждать Р. без преувеличенного страха, который так отравляет душевное благосостояние беременной, а отсюда может неблагоприятно отозваться и на самом течении Р. и послеродового периода.

После Р. первую неделю родильницу надо рассматривать как больную, а затем еще недели две-три как выздоравливающую от болезни. В первую неделю родильница должна оставаться в постели. Уход за ней заключается в подмывании наружных половых органов и в соблюдении основных требований гигиены. При правильном течении послеродового периода температура не должна по-

вышаться, и нормальная температура является лучшим показателем, что все идет благополучно. Вторым показателем является характер послеродовых выделений из половых органов: в первые дни после Р. они кровянисты, но уже к концу первой недели становятся бледнее. Если выделения остаются кровянистыми и к концу первой недели, то требуется сугубая осторожность даже при нормальной температуре и хорошем состоянии родильницы, ибо заболеть родильной лихорадкой можно не только в первые дни после Р., но и позднее, пока половые органы, в частности матка, не пришли еще в свое обычное состояние, а кровянистые выделения как раз и указывают, что дело в этом смысле обстоит не совсем благополучно. Со второй недели родильница может вставать, но и теперь она должна полеживать в постели и ни в коем случае не утомляться уходом за новорожденным и работой по домашнему хозяйству. При благополучном течении послеродового периода родильница к концу второго месяца после Р. вполне восстанавливает свое здоровье и силы.

Для благополучного течения послеродового периода и полного благосостояния родильницы огромное значение имеет кормление грудью. При кормлении грудью матка и вообще весь организм родильницы гораздо скорее возвращается в свое нормальное состояние, так как при каждом прикладывании ребенка к груди матка сильно сокращается и накопившиеся в ней послеродовые отделения удаляются наружу. Самое кормление можно начинать, как только мать отдохнет от Р., т.-е. через 12—24 часа. Если новорожденный развит вполне нормально и достаточно крепок, то необходимо соблюдать следующие основные правила: 1) кормить с перерывами в 3 часа, а ночью делать перерыв в 6 часов; так. обр. кормить приходится 7 раз в сутки, примерно в 6, 9, 12, 15, 18, 21 и 24 часа; 2) кормить каждый раз только *одной* грудью. Это правило очень важно и для матери, и для новорожденного. При таком кормлении грудные соски между двумя кормлениями имеют 6-часовой отдых, и за это время часто успевают зажить маленькие ссадинки и трещинки, которые образуются на сосках при кормлении, особенно у первокормящих, а между тем, если эти трещинки не подживают, то при кормлении они причиняют мучительную боль и могут загрязниться и повести к нагноению грудной железы (*грудница*, см.). Для новорожденного кормление одной только грудью имеет значение потому, что молоко в начале кормления и в конце его бывает различного состава. Мало того, чтобы отсосать все молоко из груди, новорожденному приходится потрудиться, так как по мере сосания молоко отсасывается все трудней и трудней. Между тем наблюдения показывают, что самый *труд* сосания способствует лучшему усвоению молока, и, кроме того, утомившись, ребенок не рискует отсосать слишком много молока, что бывает, когда дают обе груди в один прием. 3) Не кормить слишком долго— в среднем около 15 мин. Это ограничение опять-таки оберегает мать от трещин сосков, а ребенка от перекорма. 4) Не кормить ночью, т.-е. строго соблюдать вышеуказанный перерыв в 6 часов. Это дает и матери, и ребенку необходимый ночной отдых и сон (*ср.* XI, 346).

Соблюдения этих четырех основных правил кормления обычно достаточно, чтобы развитие новорожденного шло правильно, не причиняя ни матери, ни окружающим ее излишних забот и огорчений.

Показателем правильного развития новорожденного служит как общее его хорошее состояние, так, в частности, и постепенное нарастание веса,

что легко проверять повторным взвешиванием новорожденного каждые 7—10 дней. Более тщательное наблюдение за развитием новорожденного и грудного ребенка достигается, если его через определенные промежутки времени носить в соответствующие консультации. В уходе за новорожденным в первые дни имеет большое значение уход за пуповинным остатком и за пупочной ранкой, пока она не зарастет после отпадения пуповинного остатка. Здесь тоже главнейшее правило—соблюдение щепетильнейшей чистоты (*см.* XI, 337/38). Правильное кормление новорожденного (ср. *вскармливание*) и правильный за ним уход ведут к тому, что заболеваемость и смертность детей на первом году жизни может быть сведена до ничтожных цифр. В нашей стране за время осуществления государственной охраны материнства и младенчества (см. выше) удалось понизить эту цифру более, чем вдвое. Теперь она колеблется около 10%, тогда как недавно приближалась к 30%, а иногда была и выше.

О смертности детей в западноевропейских странах *см.* XLI, ч. 7, 375/76.

Литература: *Игумнов С.*, «Р. и уход за роженицей», Л.-М., 1926; *Занченко П. В.*, «Как обеспечить правильные Р.», Л.-М., 1930; *Колосов М. А.*, «Рождение человека», М., 1927; *Лагутяева А. И.*, «Гигиена материнства», М., 1924; *Шестакова М. А.*, «Женщина и материнство», Л.-М., 1925. *М. Колосов.*

Родэн (Rodin), Огюст, франц. скульптор (1840—1917), род. в Париже; проведя детство в старинном Бове, Р. 14 лет поступает в школу декоративного искусства в Париже, где много рисует и начинает впервые лепить; делает также рисунки в зоологическом саду под руководством Бари (*см.*), трижды неудачно пытается попасть в Школу изящных искусств, получает отказ при своей первой попытке попасть в Салон («Человек со сломанным носом», 1864); работает в мастерской Карьер-Беллеза при Севрском фарфоровом заводе; после Коммуны уезжает в Брюссель, где работает почти 8 лет над декоративным украшением зданий (дворец Академии, здание биржи). Поездки по Италии (1875) и по старым городам Франции (1877) углубляют его знакомство с эпохою ренессанса и готики. В Брюсселе Р. начинает фигуру юноши, т. наз. «Бронзовый век», выставляет его в парижском Салоне 1877 г. В 1879 г. создается «Иоанн Креститель», в 1881 г.— «Уголино», в 80-х годах—ряд бюстов: Виктора Гюго, Далу, Антонена Пруста; в 1884-1894 гг. Р. работает над памятником-группой «Граждане Кале», который открывается в 1895 году. В 1886 г. Р. начинает работу над памятником Виктора Гюго; в 1889-1898 гг. он работает над статуей Бальзака. «Общество писателей», заказавшее статую, отвергает, однако, роденовского «Бальзака». В 1889 г. Р. устраивает совместную выставку с Клодом Моне; в 1900 г. на всемирной выставке в Париже он организует собственный павильон; эта выставка кладет начало мировой известности Р. В 1901 г. Р. создает «Благословение»—группу для увенчания «Башни труда», и заканчивает памятник В. Гюго. В 1904 г. заканчивает статую «Мыслителя», которую воздвигают по общественной подписке перед Пантеоном (ныне в саду музея Р.). Из работ последних лет отметим бюсты Клемансо и Клемантеля. «Башня труда» не была осуществлена Р., неоконченными остались и грандиозные «Врата Ада», отдельные детали которых выкристаллизовались в самостоятельные произведения. Р. принес в дар государству богатое собрание антиков, которое он составил постепенно, а также комплекс своих работ и эскизов; эти коллекции легли в основу

«Musée Rodin» в Париже. Произведения Р. имеются в большинстве европ. музеев, при чем в некоторых из них ему посвящены целые залы. В Гос. муз. нов. зап. иск. в Москве Р. представлен двумя работами из мрамора, 6-ю бронзами, одним гипсом и 3-мя рисунками. В искусстве Р., выросшем на реализме Бари и Карпо (*см.*), скульптура совершила переход в сторону импрессионизма (*см.*). Импрессионизм в скульптуре создается теми же предпосылками, как и импрессионизм в живописи, являясь выражением в искусстве идеологии буржуазии в условиях растущего индустриализма. Передача природы сменяется передачей впечатлений от природы. Как и в живописи, импрессионизм в скульптуре стремится запечатлеть случайные, беглые, интимные впечатления, фиксировать мгновенное; проблема самодовлеющего построения скульптурной формы отодвигается новыми исканиями света и атмосферы; композиция становится ассиметричной и динамичной; «живописные» тенденции получают господство, выражаясь в повышенном интересе к поверхности, к фактуре, светотени; «законы» скульптурного материала нарушаются. Эти тенденции, сказавшиеся в своей крайней форме у одновременно работавшего в Париже итальянца Медардо Россо (*см.*), осложнены в искусстве Р. поисками содержательности, «литературной» символикой его образов; большинство произведений Р. психологически насыщено и в этом смысле экспрессивно. Искусство Р. никогда не формалистично в своих исканиях. Р. стремится к выразительности, смело прибегает к деформациям, подчеркиваниям и обобщениям. Его работы, получающие полный смысл при рассматривании вблизи, в камерных условиях, когда видна сплетающаяся сеть мазков и нажимов пальца, теряются на открытом воздухе; они лишены монументальности; отсутствие архитектоники, полноты формы искупается, однако, необычностью композиционного замысла. На ряду с многочисленными фигурами и группами, где с особой силой сказалась трагичность, страстность, сенсуализм родэновского искусства («Весна», «Сфинкс», «Поцелуй», «Отчаяние», «Вечный идол», «Сон», «Сладострастие» и др.), следует отметить ряд чрезвычайно выразительных скульптурных портретов; уходя от пассивной объективности натурализма, Р. стремится в характеристике модели подчеркнуть неожиданные, острые черты, делающие его портреты полными жизни. Влияние Р., охватившее в начале века всю европейскую скульптуру, сказалось также в творчестве ряда выдающихся мастеров Франции, которые, как, например, Деспио, Бурделль, в дальнейшем своем развитии выдвигают, однако, другие принципы (*ср.* XLV, ч. 1, 547/49). В русской скульптуре под влиянием Р. находились Голубкина, Судьбинин, Домогацкий, Андреев и др. мастера.

Литература: *Aug. Rodin* (Gzell), «L'art», P., 1911; *Aug. Rodin*, «Les Cathédrales de France», P., 1914; *Ch. Morice*, «R.», P., 1900; *G. Kahn*, «A. R.», P. 1906; *J. Cladel*, «R.», P. 1908; *O. Grautoff*, «R.», Lpz., 1913; *R. Direks*, «Auguste R.», London, 1909; *R. M. Rilke*, «Auguste R.», Lpz. 1913; *G. Coquiot*, «Le vrai R.», P. 1913; *G. Coquiot*, «R. à l'Hôtel de Biron», P., 1917; *L. Bénédite*, «R.», P., 1923 (ed. Levy); *L. Bénédite*, «R.», P. 1926; *C. Aveline*, «R.», P. 1927. Рисунки Р. см. «Les dessins d'Aug. R.», P., 1897. См. также каталоги выставок Родена 1889 г. (статьи *Geffroy*) и 1900 (статья *Alexandre*) и общие труды по франц. скульптуре *Martinie, Basler, Salmon, Kuhn* и др. На русс. языке: *А. А.Сидоров*, «Р.», Москва, 1918, и *О. Роден*, «Искусство» (изд. «Огни», Птб. 1914).

Б. Терновец.

Роение, см. *пчелы*, XXXIV, 246, 256/59.

Рожа (erysipelas), инфекционная заразительная болезнь с преимущественной локализацией в коже, вызываемая стрептококком (*см.* IV, 497). По большей части болезнь начинается с озноба, повышения температуры до 39—40° и нередко рвоты. Местно проявление болезни начинается с какой-нибудь раневой поверхности или на коже без видимого повреждения. Самая частая локализация Р. — лицо. Здесь она начинается с крыльев носа,

слезных путей или угла рта. Появляется яркая краснота с небольшим вспуханием кожи и довольно сильная боль. Затем краснота и болезненность с каждым днем распространяются дальше; с носа рожистое воспаление кожи переходит на щеки, веки, может перейти на волосистую часть головы, обойти всю голову. С головы на туловище краснота переходит не часто. Покрасневший участок кожи имеет неправильные очертания, резко отграничивающие его от здоровой кожи. Так как пораженный участок припухает, то образуется как бы некоторый уступ между больной и здоровой кожей. Самое легкое ощупывание, проведение пальцем по больному участку вызывает живую боль, между тем рядом непораженная кожа безболезненна. В тех местах, где имеется рыхлая подкожная клетчатка, она сильно отекает; поэтому при Р. лица припухают веки, и иногда настолько, что закрываются глазные щели. В некоторых случаях на пораженной покрасневшей коже выступают пузыри, а при более сильной инфекции воспаленная кожа местами омертвевает. Иногда под кожей образуется гнойное пропитывание клетчатки (см. *флегмона*). Лимфатические железы, берущие лимфу из пораженного участка, часто припухают. Поступательное движение Р. по коже продолжается обычно несколько (7—10) дней, после чего температура по большей части спадает, кожа бледнеет, шелушится и быстро приходит к норме. Выздоровление при Р. гораздо чаще, чем смертный исход: умирает несколько более 10%. Плохо переносят Р. алкоголики, истощенные, диабетики, страдающие нефритом. Опасность при Р. состоит в распространении процесса по кровеносным сосудам, в тяжкой интоксикации, поражении внутренних органов: сердца, легких, почек, суставов. Раз перенесенная Р. наклонна к повторению. Повторные Р. ведут, особенно на нижних конечностях, к особому утолщению кожи, т. наз. слоновости (см. *элефантиазис*). Р., возникающая как раневая инфекция, в настоящее время встречается очень редко, между тем как в доантисептический период (см. *хирургия*) она была обычным явлением в хирургических отделениях. Профилактика раневой Р. состоит в соблюдении правил асептики.

Лечение. Издавна применяют мази (напр., камфарную) или компрессы из водки, утишающие боль. Применяют также смазывание иодной настойкой вокруг пораженного участка и др. средства для остановки процесса, мало, однако, действительные. Противострептококковая сыворотка также оказалась ненадежной. В последние годы стало входить в употребление лечение «горным солнцем» (кварцевой лампой; см. *фототерапия*). Особое внимание обращают на деятельность сердца, применяя средства, тонизирующие его: камфару, кофеин и другие. *А. Мартынов.*

Рожа *свиней*, иначе *краснуха*, инфекционная болезнь, появляющаяся чаще в жаркое время года в возрасте от 3 до 12 месяцев. Заболевают все породы, но простые русские породы более устойчивы. Болезнь сильно распространена за границей и в СССР; в последнем в 1922—23 г. была зарегистрирована в 58 губерниях и автономных областях. Р. с. вызывается попаданием в тело микроорганизма в форме бациллы, почему и называется «бациллярной Р.» в отличие от рожистого воспаления у людей, вызываемого стрептококком и ничего общего с этой болезнью не имеющего. Заражение происходит через пищеварительные органы посредством загрязненного корма, пойла, подстилки, пожирания трупов больных, реже через кожу. Чаще заражаются на пастбище, при перегоне через зараженные местности, при покупке поросят на ярмарках и базарах. Забо-

левшая свинья теряет позыв на корм, зарывается в подстилку, температура у нее повышается до 41—42° С; характерным признаком являются на различных местах тела красные пятна; смертность достигает 50—85%. Самым действительным средством являются предохранительные прививки вакцины, а в уже зараженных хозяйствах с успехом применяется лечебная сыворотка. *Г. Гурин.*

Рождаемость, см. *теория и статистика населения*, XLI, ч. 7, 373/74, 380/96.

Рождественский, см. *Рожественский.*

Рождество христово, один из главных христианских праздников, был установлен лишь в IV в. (в Риме—в 336 г., в Константинополе — в 389 г.), на Востоке не сразу был принят и утвердился повсюду в древней церкви лишь в VI в. Ранее признавался лишь праздник явления Христа-бога, сошедшего на землю (богоявление), установленный по примеру восточных праздников теофаний (*см.*) и приурочивавшийся к 5-6 января, подобно праздникам эпифаний греч. Диониса, араб. Дусара, егип. Осириса и др. Мотивом для введения специального праздника Р. х. послужила в Риме конкуренция с религией Митры (срок праздника — 25 декабря — тот же, что срок праздника рождения Митры), и отчасти догматическая борьба с монофизитством, отрицавшим человеческую природу Христа (*см.*); впоследствии на Востоке новый праздник соединился с прежним праздником богоявления в один двухнедельный праздничный цикл (русск. «святки»). В армянской церкви Р. х. празднуется 5 января. При распространении христианства среди германских и славянских народов праздник Р. х. слился с прежним дохристианским праздником зимнего солнцеворота, магические обряды которого (см. *колядЫ*) в народном культе попрежнему сохранили преобладающее значение (ср. *елка рождественская*). — Летосчисление от Р. х. было введено лишь около 525 г. Дионисием Малым (*см.* XVIII, 465), который высчитал год Р. х. на 754 г. от основания Рима; на самом деле, если судить по евангельским данным, Иисус должен был родиться ок. 750 г. *Н. Никольский.*

Роже де ла Пастюр, *Р. Брюгский*, франц. наименование нидерл. художника *Ван дер Вейдена* (*см.* VII, 589/90).

Рожер I (Roger), «великий граф сицилийский», младший из 12 сыновей Танкреда Готвилльского (1031 — 1101), помогал своему брату Роберту Гюискару (*см.*) в завоевании Апулии и Калабрии, а затем Сицилии (1072), которую и получил от него в ленное владение. По смерти брата (1085) Р. закончил завоевание Сицилии (1091) и с этих пор занял первое место среди южно-италийских норманнов, заключил в 1098 г. союз с папой Урбаном II против его соперника Климента, поддерживаемого императором (*см.* XIII, 500), и получил от папы обширные права над церковью в Сицилии. Р. отличался терпимым отношением к покоренным в Сицилии грекам и мусульманам и даже вербовал из последних свою пехоту. Тем не менее, мусульманство уже при Р. пошло на убыль в Сицилии, вытесняемое напором романо-германских элементов (*см.* XXXIX, 81). *И. Ш.*

Рожер II, король сицилийский, сын предыдущего (1098 — 1154). Первоначально (с 1112 г.) Р. был графом сицилийским, наследником владений своего отца. В споре пап-конкурентов, Иннокентия II и Анаклета, Р. принял сторону второго, который за это признал его королем Сицилии (где в 1127 г. умер внук Роберта Гюискара, Вильгельм). В 1130 г. Р. торжественно венчался в Палермо королевской короной. Началась многолетняя борьба с Иннокентием и его сторонниками, пока Иннокентий, сменивший Анаклета, в свою очередь не признал Р. королем. Р. является подлинным основателем

и устроителем Королевства Обеих Сицилий. (О его деятельности подробно *см.* XXXIX, 81/82). Р. совершил ряд завоеваний по африканскому побережью (1135—1153) и пытался, хотя и безуспешно, оказывать давление на Византию.—Дочь Р. Констанция позднее (в 1186 г.) была выдана замуж за Генриха VI, вследствие чего Королевство Обеих Сицилий перешло во владение Гогенштауфенов (*см.* XXXIX, 84 сл.). *И. Ш.*

Рожественский *(Рождественский)*, Зиновий Петрович, адмирал (1848—1909), окончил морское училище и Михайловскую артиллерийскую академию (1873), с 1868 г. служил в военном флоте. Незнатный и небогатый (сын обер-офицера), Р. — в значительной мере благодаря светской ловкости — довольно быстро делал карьеру и к 1904 г. был уже контр-адмиралом, генерал-адъютантом царской свиты и занимал пост начальника главного морского штаба. В 1904 г. Р. был назначен командующим 2 тихоокеанской эскадрой. Тяготясь назначением, не веря в успех плохо вооруженной эскадры, откровенно называя ее в рапортах «неспевшимся стадом», Р. не имел гражданского мужества отказаться от назначения. Не использовав семимесячного плавания для боевого воспитания недавно набранного и плохо обученного экипажа, Р. допустил ряд тактических ошибок во время похода и самого боя. Это сделало поражение эскадры,— предопределенное общей военно-технической отсталостью русского флота,— особенно тяжелым: 14 мая 1905 г. у о. Цусима она была уничтожена почти целиком (см. *Россия — русско-японская война*). Р., тяжело раненный, попал в плен. Возвратясь в Россию, Р. вышел в отставку (1906). Привлеченный к суду, Р. был оправдан. В 1907 г. пытался выступить в печати с объяснениями (статья в журнале «Море», № 6—7, за 1907 г.). *См.:* некролог Р., «Исторический вестник», 1909, № 1; письма Р. к О. Н. Рожественской, журн. «Море», № 6, 1911; «Заключение следственной комиссии по выяснению обстоятельств Цусимского боя», П., 1917. *Б. Кочаков.*

Рожки маточные, см. *спорынья*.

Рожки сладкие, или *цареградские*, см. *стручки*.

Рожков, Николай Александрович, историк России и политич. деятель (1868—1927). Род. в Верхотурье Пермской губ., учился в б. екатеринбургской гимназии (Свердловск), в 1886 г. поступил в московск. университет, который и окончил в 1890 г. по истор.-филол. факультету. Был преподавателем древних языков в пермской гимназии (1891—1897). В 1899 г. защищал диссертацию «Сельское хозяйство Московской Руси XVI в.». С 1898 г. стал преподавать в московском университете, сочетая эту работу с преподаванием в др. высших и средних учебных заведениях; сотрудничал в ряде т. н. легальных марксистских журналов («Научное обозрение», «Образование», «Мир божий», «Жизнь», «Правда»), участвуя в то же время в ряде научно-обществени. и политич. организаций. В 1905 г. вступил в партию с.-д. (большевиков), где обнаружил очень большую активность, и был избран в московский комитет партии. В 1907 г. был делегирован на лондонский партийный съезд, на котором был избран в члены ЦК. В 1908 г. был арестован и после 25-месячного заключения в тюрьме был сослан в Сибирь на вечное поселение, где провел семь лет (1910—1917). В Сибири Р. отошел от большевизма (к 1911 г.). Здесь он был редактором ряда журналов и газет, продолжая в то же время сотрудничать в журналах Европ. России («Современный мир», «Мысль», «Наша заря»). После Февральской революции Р. переехал в Москву, где участвовал в создании организации «с.-д. объединенцев», с согласия кото-

рой принял пост товарища министра почт и телеграфов, но после июльских дней из министерства вышел. В том же 1917 г. вступил в меньшевистскую партию. В 1922 г. Р. вышел из партии и, оставаясь беспартийным, все более сближался с коммунистической партией. Последние годы вел педагогическую и научную работу в Ленинграде (был ректором Педагогического института им. Герцена) и в Москве, в Институте истории Раниона, в Институте красной профессуры и др., был директором Исторического музея.—Р. отличался совершенно исключительной работоспособностью и энергией. Его перу принадлежит 400 номеров напечатанных научных и политических работ. Наиболее ценными и показательными исследованиями по истории России и по основным проблемам социологии, кроме указанной диссертации, необходимо назвать: «Город и деревня в русской истории», «Происхождение самодержавия в России», «Политич. партии в Вел. Новгороде XII—XV вв.», «Очерки права и процесса по Русской Правде», «Исторические и социологические очерки», «Обзор русской истории с социологической точки зрения», «История труда в России», наконец, 12-томный труд «Русская история в сравнительно-историческом освещении».

На протяжении своей 34-летней научной деятельности Р. постоянно пересматривал и перерабатывал свои историко-социологические концепции. Выйдя из историко-юридической школы Ключевского, он закончил свою научную работу борьбой с этой школой, не доведя ее, однако, до конца. Ранний период в научной работе Р. характеризуется влиянием позитивизма, в частности—ведущей свое начало от Конта психологической школы в социологии. В нач. XX в., в годы, предшествующие 1905-му, в объяснении социальн. и политич. явлений у него заметно преобладание экономического фактора. Изменение хозяйственных форм делается у него основой развития исторического процесса. Но эту мысль он проводит далеко не последовательно, понимая к тому же изменение хозяйственных форм не в смысле развития производственных общественных отношений, а как чередование отраслей производства (добывающая промышленность, сельское хозяйство, обрабатыв. промышленность, торговля). Движущей силой хозяйства он продолжает считать плотность населения и не отказывается от излюбленной схемы юридической школы, согласно которой государство закрепощает сословия, — отбрасывая эту схему лишь в 1906 г. в своей работе «Происхождение самодержавия». И в этот, как и в позднейший период, Р. остается верным Конту в делении социологии на статику и динамику, чем отмежевывает себя от понимания историч. процесса в диалектич. смысле. Несмотря на очень значительное приближение к марксизму, попытка объединить наследство юридич. школы с позитивизмом и марксизмом приводила его к ряду противоречий, которых он так и не успел изжить до конца.

Невзирая на незавершеность его социологических исканий, работы его, всегда построенные на огромном конкретном материале, часто им же впервые открытом, представляют очень большую научн. ценность, и для всякого, ищущего подлинного познания нашего прошлого, являются совершенно необходимыми.

Р. принадлежит ряд статей в настоящем Энциклопедическом словаре.

Литература о Р.: *М. Н. Покровский*, «Борьба классов и русская историч. литература», 1923; *М. В. Нечкина*, «Русская история в освещении экономич. материализма», Казань, 1922; *М. М. Двибак*, «Р.—историк», Ташкент, 1927; *А. А. Авербух*, «Эволюция социологич. воззрений Н. А. Р.»; *Н. Степанов*, «Политич. деятельность Н. А. Р.»; *К. В. Сивков*, «Материалы для библиографии трудов Н. А. Р.» (последние три статьи помещены в «Учен. зап.» Инст. истории Раниона, т. V., М. 1929); *А. Петрова*, «Н. А. Р. как историк России» (Рус. истор. литература в классовом освещении, т. II, М. 1930).

Б. Греков.

Рожок, муз. инструмент, *см.* XXIX, 415/16, прил. 448′.

Рожок английский, *см.* XXIX, 415/16, прил. 431′.

Рожь, Secale cereale L., вид из сем. злаков (*см.*). Основная масса корней развивается в верхних горизонтах почвы, на глубине до 25 *см*. Всходы, в отличие от всходов других хлебных злаков, коричнево-фиолетовой окраски, очень редко — зеленые. Соломина с 4 — 7-ю междоузлиями. Лист состоит из листового влагалища, охватывающего стебель (*рис.* 1, *б*), и длинной, узкой, ланцетовидной пластинки, цельнокрайной, с параллельно идущими нервами (*а*). На границе между влагалищем и листовой пластинкой находится перепончатый, каемчатый язычек (*в*). Здесь же, по бокам листовой пластинки обычно присутствуют короткие ушки (*г*). Однако, можно встретить формы без ушков или с ушками пшеничного или ячменного типа. Соцветие—колос (*рис.* 2), обычно грязновато-желтой или соломенно-желтой окраски. Колосовой стержень членистый, простой, редко ветвистый, всегда имеет боковое опушение (пучки волосков). У форм сорно-полевой Р. (см. дальше) он нередко в той или иной степени ломкий (как у диких видов Secale L.), распадающийся при созревании по членикам стержня на отдельные колоски. Колоски двухцветковые (*рис.* 3), реже трех- и многоцветковые, которые по очереди сидят на выступах колосового стержня. Густота их распределения по колосовому стержню обусловливает плотность колоса (количество колосков на 1 *см*). Колосковых чешуй две, расположенных по бокам колоска (*а*). В отличие от пшеничных, они узкие. Цветки обоеполые, состоят из двух цветковых чешуй: наружной (*б*) — однокилевой, несущей обычно длинную (3 — 5 *см*) зазубренную ость (*з*), и внутренней — двухкилевой, в форме лодочки (*в*). Киль наружной цветковой чешуи обычно имеет реснички. Три тычинки и завязь с двумя перистыми рыльцами (*г*). Пыльники длинные, обычно желтой окраски (*е*). Плод — зерно (зерновка), овальное или удлиненное, с продольной бороздкой, у основания косо-срезанное, на вершине часто несет пучек мелких волосков (хохолок)

Рис. 1.

Рис. 2.

Окраска зерна грязновато-зеленая или желтая, реже коричневая или фиолетовая. Зародыш без щитка, семядоля короткая, почечка сидячая, корешков 4. Р. характеризуется 7-ю парами хромозом, хотя иногда попадаются расы с 8 парами хромозом.

Из диких видов Secale L. известны: S. montanum Guss., S. anatolicum Bois., S. dalmaticum Vis., S. africanum

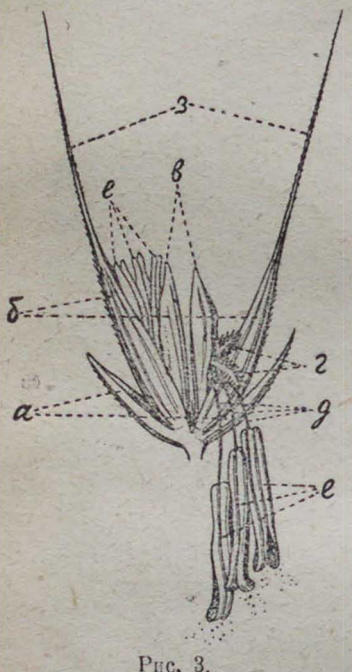


Рис. 3.

Staph., S. fragile M. B. и некоторые другие.

В отличие от других настоящих хлебов, Р. является перекрестно опыляющимся растением. Во время цветения цветковые чешуи расходятся под некоторым углом друг к другу (30°—35°), цветок раскрывается. Тычиночные нити быстро выдвигают пыльники вверх. Выйдя из чешуй, последние опрокидываются наружу, свисая на нитях, раскрываются и высыпают массу легкой пыльцы, которая подхватывается ветром и разносится по полю. Рыльца тоже выдвигаются наружу, но во время высыпания пыльцы они находятся над пыльниками. Такой способ цветения благоприятствует перекрестному опылению и до некоторой степени предохраняет Р. от самоопыления. Самоопылившийся цветок обычно не дает зерна. Однако, в популяциях Р. возможно встретить расы, дающие при изоляции отдельных колосьев или растений тот или иной процент зерна. Эти расы свою склонность к самоопылению передают потомству. Наблюдаются также случаи, указывающие на возможность самоопыления в пределах одного и того же цветка.

Благодаря нивеллирующему действию перекрестного опыления, формы Р. в естественных условиях произрастания трудно различимы. Однако, благодаря изучению Р. Афганистана, Персии, Мал. Азии и Закавказья, установлено весьма большое разнообразие форм, по существу не уступающее разнообразию форм пшеницы. В этих странах Р. как культурное растение возделывается в весьма ограниченных размерах, но как сорняк она обычно сопровождает посевы оз. пшеницы и ячменя. В этой сорно-полевой Р. Кернике, Н. И. Вавилов, П. М. Жуковский, В. и В. Антроповы установили 39 разновидностей, которые по целому комплексу качественных признаков явно различимы. Интересными являются формы с ломким колосовым стержнем, с окрашенными колосьями (рыже-красными, коричневыми, черными), с опушением, бугорками и шипиками по наружным цветковым чешуям, безъязычковые, закрыто-зерные — неосыпающиеся, без ресничек по килю наружных цветковых чешуй, с оригинальными, приподнимающимися язычками, как у некоторых видов осок (Carex disticha Huds.) и др.

Сорно-полевая Р. юго-зап. Азии и является, как установил акад. Вавилов, родоначальницей Р. культурной. Теория акад. Вавилова об истории происхождения Р. состоит в следую-

щем. Древний человек, передвигая оз. пшеницу и ячмень от очагов первоначальной земледельческой культуры, тем самым расширял ареал распространения Р.—постоянного сорняка этих культур. При движении на север, когда условия для произрастания оз. пшеницы и ячменя становились все более и более неблагоприятными, Р., как менее требовательное к климату и почве растение, вытесняла из посевов эти культуры. Человек, ближе знакомясь с этим растением, постепенно убеждался в полезности многих его свойств. Продвигаясь дальше на север, где произрастание оз. пшеницы становилось уже невозможно, человек вполне естественно выдвинул Р. как самостоятельную культуру. Интересно, что на границе Р.-сорняка и культурной Р.—на Сев. Кавказе—население возделывало до последнего времени суржу—смесь оз. пшеницы и Р., чтобы обеспечить себя некоторым урожаем последней, в случае гибели оз. пшеницы.

Продвигаясь на север от центров, разнообразная сорно-полевая Р. становилась по ботаническому составу все более и более однородной. Так, напр., в северных районах Закавказья ее разнообразие ограничивалось незначительным количеством разновидностей (до 6-ти), в юго-западном же районе (Нахичев. край) было установлено не менее 24-х разновидностей. Далее на север, в Сев.-Кавказском крае возможно еще встретить некоторое число разновидностей (около 4-х), тогда как культурная Р. уже представлена почти исключительно одной разновидностью—S. cereale var. vulgare Körn. Прослеживая таким образом путь движения Р. с юга на север, возможно установить связь сорно-полевой Р. с культурной Р.

В связи с этим вполне естественно будет предположить, что Сев. Кавказ является одним из тех исходных пунктов, от которых Р., как культурное растение, стала распространяться по территории нашего Союза и далее—на запад. Проследить, однако, историю культуры Р. в настоящее время чрезвычайно трудно. Известно, что население древнейших государств (Ассиро-Вавилонии, Китая и Индии) не знало этой культуры. В то же время Р. как сорно-полевое растение, повидимому, была известна с древнейших времен жителям Персии, Туркестана, Афганистана, Индии, Аравии и Мал. Азии. Поэтому, Н. И. Вавилов считает, что начало этой культуры должно относиться к значительно более позднему времени, чем начало культуры пшеницы и ячменя. De Candolle еще ранее указывал также, что он не может считать Р. древней культурой.

Самые древние остатки Р. найдены в свайных постройках в Моравии и относятся к концу бронзового века. Точные же указания на культуру Р. в Европе мы находим лишь у Плиния, жившего в I в. н. э. Он указывает на возделывание Р. таврами у подножия Альп. Первые же точные указания на возделывание Р. в древней Руси, повидимому, имеются лишь в несторовом «Житии пр. Феодосия» (XI в. н. э.). Однако, необходимо предполагать, что начало культуры Р. у нас относится к значительно более древнему периоду. Об этом, до некоторой степени, может свидетельствовать и то широкое распространение Р., какое она имеет в настоящее время, и современное ее значение, особенно для северных районов.

В настоящее время Р. имеет различное применение. Но гл. обр. она возделывается для получения зерна, размалываемого на муку, из которой выпекается хлеб. Исследователи приходят к заключению, что ржаной хлеб является наиболее полноценным питательным хлебным продуктом, хотя и уступающим по усвояемости пшеничному хлебу. В прежние времена

около 2% зерна Р. шло на винокурение и производство крахмала, теперь для этого значительно шире стали применять картофель. Как корм для скота, Р. употребляется в виде дерти, отрубей и муки-посыпки к сену и соломе. Ржаная солома в чистом виде редко используется в качестве кормового средства для скота, но все же она применяется для этой цели в виде «резки», напр. в черноземной полосе европ. части Союза. Перед употреблением «резка» смешивается с ржаной мукой и обливается горячей водою. Однако, наиболее важное значение ржаной соломы заключается в том, что она имеет весьма широкое применение в качестве подстилочного материала и для получения навоза, особенно необходимого для всего нечерноземного севера. Кроме того, ржаная солома может быть использована для силосования, для выделки корзин и шляп, плетения матов, для покрытия крыш, для отопления и т. д. В животноводческих хозяйствах Р. может быть использована также в качестве позднего осеннего и раннего весеннего зеленого корма для скота и для посева в кормовых смесях.

Указанное значение Р., а также те, сравнительно незначительные, требования ее к климату и к почве, которые предъявляет эта культура для своего более или менее успешного произрастания, в значительной степени определяют современную географию ее посевов, выдвигая Р. в качестве основной культуры северных районов. И только на крайнем севере, у пределов земледелия, ячмень приобретает большее значение, чем Р.

Главнейшими современными центрами производства Р. являются: СССР, Германия, Польша и др. страны Европы (*табл.* № 1).

Из таблицы видно, что в послевоенный период мировая площадь под культурою Р. была выше, чем в довоенное 5-тилетие, что объясняется значительным приростом ее посевов в СССР, в Польше, САСШ и Канаде. В большинстве же других стран происходило явное вытеснение Р. и за счет ее увеличение посевов пшеницы.

На долю СССР приходится свыше 50% мировой площади, занятой Р., и ее посевы здесь главным образом производятся в европ. части Союза, в нечерноземной полосе. Так, по средним данным 1925—28 гг., Р. занимает более 40% всей посевной площади в Северном крае, в Ленинградской, Западной, Центрально-промышленной областях, в Вятском районе, в Белорусской, Татарской, Чувашской, Бурято-монгольской республиках и в Центр.-черноземной области. При чем в европ. части Союза почти исключительно возделывается озимая Р., тогда как в Сибири, в ее восточной части (Бурято-монгольская и Якутская республики и ДВК) значительно преобладают посевы яровой Р., что объясняется чрезвычайно суровыми зимами, неблагоприятно отражающимися на перезимовке озимой Р.

В последние годы площади посевов Р. по Союзу СССР также несколько сократились (см. таблицу). И в дальнейшей перспективе, в связи с районированием сельского хозяйства и его специализацией, с дальнейшим развитием совхозов и колхозов, будет происходить дальнейшее сокращение ее посевов. В южных районах Р. в значительной мере заменят технические культуры и пшеница, в нечерноземной же полосе изменения площадей посевов Р. будут происходить в связи с упразднением трехполья и переходом к травопольным севооборотам.

Из таблицы видно, что мировое производство Р. в довоенный период (1909—1913) было равно 450.393 тыс. центнеров, что составляло около 44% мирового сбора пшеницы. В последние годы значение Р. в мировом производстве зерновых хлебов еще более уменьшилось, и, напр., в 1928 г. Р. со-

ТАБЛ. № 1. — ПЛОЩАДИ ПОСЕВОВ И ВАЛОВОЙ СБОР ЗЕРНА РЖИ.

Страны.	1909—1913 (средние за год)				В процентах к периоду 1909—1913 гг.								1926—1929 гг. (средние за год).					
	Площади посевов.		Валовой сбор		1926 г.		1927 г.		1928 г.		1929 г.		Площади посевов.			Валовой сбор.		
	Тыс. га	В % % к миров. итогу	Тыс. цен.	В % % к миров. итогу.	Площ. посев.	Вал. сбор	Площ. посев.	Вал. сбор	Площ. посев.	Вал. сбор	Площ. посев.	Вал. сбор	Тыс. га	В % к миров. итогу	В % к периоду 1909—1913 гг.	Тыс. центн.	В %% к миров. итогу	В%% к периоду 1909—1913 гг.
Германия	5.163,5	11,6	95.850,3	21,3	91,6	66,8	91,0	71,3	89,7	89,0	91,5	85,1	4.697,9	10,1	91,0	74.792,0	16,4	77,4
Франция	1.252,7	2,8	13.335,9	2,9	63,3	57,3	62,1	64,7	61,4	64,9	62,5	75,1	780,6	1,7	62,3	8.736,0	1,9	65,5
Польша	5.087,2	11,4	57.111,6	12,7	111,7	90,7	113,3	103,1	104,9	105,3	113,9	122,9	5.647,6	12,2	112,0	60.473,0	13,3	105,9
Остальные страны Европы без СССР	7.006,6	15,7	84.692,2	18,6	85,9	81,4	84,3	83,3	81,8	87,7	83,4	92,6	5.877,5	12,7	83,9	73.286,0	16,3	86,5
Вся Европа без СССР . . .	18.510,0	41,5	250.990,0	55,5	90,3	77,1	90,3	82,2	89,0	91,4	90,3	95,6	17.603,6	36,7	91,1	217.287,0	47,9	86,6
СССР	25.100,0	56,2	189.100,0	42,0	114,5	126,5	113,0	129,1	103,8	101,1	103,8	106,9	27.308,0	58,9	108,8	219.175,0	48,3	115,9
САСШ и Канада	952,0	2,1	9.700,0	2,1	184,1	138,7	186,7	192,8	183,6	151,9	179,3	140,8	1.746,2	3,5	183,4	15.144,0	3,4	156,1
Весь мир без СССР	19.549,0	43,8	261.293,0	58,0	98,4	79,8	93,2	86,9	95,3	94,4	97,5	97,7	19.054,5	41,1	97,5	234.438,0	51,7	89,7
Весь мир с СССР	44.649,0	100	450.393,0	100	107,5	99,6	106,7	104,6	100,1	97,2	101,0	101,5	46.362,5	100	103,8	453.613,0	100	100,7

ставляла уже не более 35% от общего сбора пшеницы (ср. *хлебное дело*, XLV, ч. 2, 440). Немного менее 50% мирового сбора Р. приходилось на долю СССР.

В мировой торговле зерновыми хлебами Р. занимает второстепенное место, т. к. она является сравнительно малоценной и нерентабельной для экспорта культурой. Следующая таблица (№ 2) выясняет экспортное значение Р.

ТАБЛИЦА № 2. — ЭКСПОРТ РЖИ.

	1909—1913 гг. (средн. за год).			1925—1927 гг. (средн. за год).			
	Тыс. *центн.*	В % к экспорту пшен.	В % к экспорту овса и ячменя	Тыс. *центн.*	В % к периоду 1909—13 гг.	В % к экспорту пшеницы	В % к экспорту овса и ячменя
Мировой	19.755,0	11,6	21,0	17.451,0	88,3	9,7	34,5
СССР	6.551,5	15,5	13,6	2.501,5	38,6	46,6	63,3
СССР в % к мировому экспорту	33,2	—	—	14,3	—	—	—

Таким образом, мировой экспорт Р. в последние годы (1925—27) составлял около 88% от довоенного и был равен 9,7% экспорта пшеницы и около 54% экспорта овса и ячменя. Участие нашего Союза в мировом экспорте Р. выражалось 14,3% (2.501,5 тыс. центн.). Это указывает на значительное снижение участия СССР в мировом экспорте Р., несмотря на то, что ее относительное значение в нашем экспорте зерновых хлебов сильно возросло (*ср.* XLV, ч. 2, 442/43, 467/68). Вывоз нашей Р. почти полностью шел в зап.-европ. страны и гл. обр. в Голландию и Германию.

Из сопоставления валового сбора зерна Р. в СССР (*табл.* № 1) и его экспорта (*табл.* № 2) видно, что Р. почти полностью потребляется внутри нашей страны. Так, в довоенный период наш экспорт Р. составлял не более 4%, а в последние годы даже 2% от валового сбора зерна.

Сравнивая относительные числа производства Р. и занимаемой площади под этой культурой в СССР и в других странах, мы видим, что урожаи Р. в нашем Союзе стоят ниже средних мировых урожаев; в особенности далеко отстают они от урожаев стран Зап. Европы. В нижепомещаемой таблице приводятся данные об урожаях Р. тех стран, в которых валовой сбор зерна этой культуры превышает 5 млн. центнеров (*табл.* № 3).

Таким образом, урожаи Р. нашего Союза составляют около 80% средних мировых урожаев и около 63% урожаев Зап. Европы. Но, как показывает опыт, развитие крупных социалистических хозяйств является верным средством в повышении наших урожаев. Если принять, напр., урожаи Р. в крестьянских хозяйствах за 100, то для социалистических хозяйств будем иметь следующий ряд относительных чисел (*табл.* № 4).

Следовательно, крупные социали-

ТАБЛИЦА № 3. УРОЖАИ РЖИ.

Страны.	1909—1913 гг.		1926—1929 гг.	
	Центн. с *га*	В %% к мировому урожаю с *га*	Центн. с *га*	В %% к мировому урожаю с *га*
Германия	18,6	184,1	15,9	162,2
Австрия	13,6	134,6	13,1	133,7
Бельгия	22,1	218,8	24,1	244,9
Испания	8,7	86,1	8,3	84,7
Франция	10,6	104,9	11,2	114,3
Венгрия	11,8	116,8	11,3	115,3
Италия	9,3	92,7	8,7	88,8
Польша	11,2	110,9	16,7	170,4
Чехословакия	—	—	15,0	153,1
Европа без СССР	13,6	134,6	12,8	130,6
СССР	7,5	74,5	8,0	81,6
САСШ	10,1	100,0	8,2	83,5
Весь мир без СССР, в среднем	13,4	132,6	12,4	126,5
Весь мир с СССР, в среднем	10,1	100	9,8	100

стические хозяйства действительно являются мощным рычагом в поднятии благосостояния нашей страны.

Весьма важное значение в деле поднятия урожаев Р. имеет замена местного посевного материала сортовым. В настоящее время селекционные сорта распространены по Союзу еще далеко недостаточно. Однако, уже ближайшие годы представляется возможным произвести смену «беспородного» местного материала сортовым, что может дать прибавку в урожаях, напр. нечерноземной полосы, около 25% (по данным государственного сортоиспытания). Для нечерноземной полосы наиболее урожайным сортом является «Вятка», выведенная на б. Вятской обл. опытной станции. Этот сорт рекомендуется

ТАБЛ. № 4. СРАВНИТЕЛЬНАЯ УРОЖАЙНОСТЬ РЖИ В ХОЗЯЙСТВАХ ИНДИВИДУАЛЬНЫХ, СОВХОЗАХ, КОММУНАХ И С.-Х. АРТЕЛЯХ ЗА 1928—1929 гг.

	Совхозы	Коммуны	Артели	Крестьянские хозяйства
Нижне-Волжский край	145,2	134,2	118,3	100
Средне-Волжский край	142,0	130,6	116,9	100
Уральская область	131,5	112,3	111,6	100
Центрально-Черноземная область	157,4	154,3	127,9	100
УССР	129,1	106,6	109,6	100
БССР	137,8	126,4	117,3	100

почти для всей нечерноземной полосы европ. части Союза, за исключением Татарской и Чувашской республик и южной половины БССР. Для первых двух республик более урожайным сортом является «Авангард», выведеннный б. Казанской обл. опытной станцией, а для указанной части БССР — переродны «Петкусской» Р. Районирования сортов Р. в черноземной полосе и в Сибири произведено пока не было. Но все же по данным украинской сети и областным сортоиспытаниям можно наметить следующие сорта:

для *Украинской ССР* — «Таращанская» (Верхнячской оп. ст.), «Немышлянская» (Харьковской обл. оп. ст.), «Петкусская» (Веселоподолянской ст. и Харьковской ст.);

для *Ц. Ч. О.* — «Лисицынская» (б. Шатиловской оп. ст.), «Триумф» (Воронежской и Рамоньской ст.), сорта «Пульмана» (Богородицкого оп. поля) и «Местная улучшенная» (Степной ст.);

для *Средне-Волжского края* — «Безенчукская желтозерная» (Безенчукской ст.);

для *Нижне-Волжского края* — «Елисеевская» (работа производится в институте зерна в Саратове).

Для северной части *Сибирского края* наиболее урожайным сортом являлась «Вятка», в *Восточной же Сибири* — сорта, выведенные Тулунской оп. ст. Все эти сорта получены в местных условиях, большинство из них из местного материала, и потому являются достаточно хорошо приспособленными к этим условиям. Иностранные же сорта, особенно германские, хотя и являются высоко-урожайными, в наших условиях весьма слабо переносят зимовку и поэтому широкого распространения иметь не могут.

Из сортов яровой Р. могут быть указаны — «Тулунская зеленозерная» и «Саксонская», распространяемые в Сибири, а из иностранных заслуживают внимания: «Петкусская» яровая Р. и яровая «Р. Егера».

Р. может возделываться на различных почвах. Лучшими же для нее должны считаться хорошо удобренные, рыхлые—супесчаные или песчаные почвы. На связных почвах, трудно пропускающих воду, Р. может страдать от избытка влаги сильнее, чем пшеница. Посеву Р. должен предшествовать пар. В засушливых районах, особенно у нас на юго-востоке, надежнее применять чистые пары, которые служат хорошим средством для накопления влаги и в борьбе с сорняками. При чистом паре вспашка производится или осенью (черный пар), или ранней весной (ранний пар). Затем, в течение лета чистый пар поддерживается поверхностной обработкой в чистом от сорняков и рыхлом виде. Для задержания влаги применяются также кулисные пары, когда паровое поле весною занимается пропашными культурами (кукурузой, подсолнечником), которые высеваются широкими рядами (не менее одного-двух ходов сеялки). Промежутки между рядами обрабатываются в течение лета так же, как и чистые пары. На зиму стебли кукурузы или подсолнечника остаются в поле не снятыми и задерживают снег, что может благоприятно отразиться и на перезимовке озими, посеянной в промежутках между рядами. В связи с естественно-историческими условиями и специализацией хозяйств могут применяться различные занятые пары. Эти пары хотя и дают несколько пониженный урожай Р. по сравнению с чистыми парами, но получаемый недобор обычно с избытком покрывается урожаем парозанимающей культуры. Занятые пары могут быть засеваемы: виково-овсяной и горохово-овсяной смесями, льном, картофелем, кукурузой и подсолнечником (на силос), клевером, горчицей, тыквой, арбузами и

т. д. При выборе той или иной культуры необходимо иметь в виду также и то, что парозанимающая культура должна освободить поле по крайней мере за 15—20 дней до посева Р., т. к. урожай последней в значительной мере зависит от того, попадает ли зерно в достаточно осевшую почву. Для повышения урожаев Р. имеет громадное значение внесение в почву навоза и минеральных удобрений (фосфорнокислых, азотных и калийных). На севере навоз вносится осенью или весной в количестве около 36 тонн на *га*. На более легких почвах, если заинтересованы в более высоких урожаях Р., возможно навоз вносить и после уборки виковой смеси, перед посевом Р. После уборки вики поле немедленно лущится, а в случае запоздалой уборки перепахивается на полную глубину (13—15 *см*). В более южных районах (черноземных) навоз вносится с осени в количестве 18—20 тонн на *га*. Весной, возможно ранее, поле мелко перепахивается и засевается, одновременно вносятся минеральные удобрения — суперфосфат или томасшлак в количестве 2—3 центн. на *га*. После уборки парозанимающей культуры поле тотчас перепахивается и затем до посева озими поддерживается в чистом и рыхлом виде. В юго-вост. части, напр. на опытных станциях Саратовской и Краснокутской, удобрение навозом не давало почти совсем увеличения урожаев, а поэтому ими здесь не рекомендуется. В общем, в вопросах об удобрении, обработке и др. агро-технических приемах полеводства полезнее всего обратиться непосредственно к отчетам опытных станций соответствующих районов.

Срок посева Р. определяется тем расчетом, чтобы осенью до морозов дать растениям возможность достаточно хорошо развиться (но не дойти до стадии выхода в трубку) и сделать необходимые запасы питательных веществ для нормального развития весною. При этом необходимо помнить, что легкие и теплые почвы ускоряют осеннее развитие растений, тогда как влажные и холодные задерживают всходы на стадии кущения. Посевы *озимой* Р. в различных районах Союза производятся в разное время, и, в общем, чем севернее район, тем ранее происходят ее посевы. Так, в Северном крае они происходят преимущественно в конце июля и в начале августа, тогда как на Украине — в конце августа, до середины сентября и даже позднее. Посевы Р. *яровой* должны производиться весною возможно ранее, и в Вост. Сибири, напр., они происходят в начале мая или, главным образом, в средних числах этого месяца. Количество семян, высеваемое на 1 *га*, зависит от многих причин и прежде всего от культурности почв — чем культурнее поля, тем норма высева должна быть меньше. Далее, играют немаловажную роль сроки посева (при запозданиях с посевами должны соответственно увеличиваться нормы высева), крупнозерность (крупнозерные сорта требуют высева большего количества семян по весу, чем мелкозерные), способы посева (рядовые посевы требуют меньше зерна), хозяйственная годность зерна (чем выше хозяйственная годность, тем меньше зерна идет на посев), и т. д. Кроме того, большое влияние на нормы высева оказывают климатические условия того или иного района. Так, в нечерноземной полосе нормы высева Р., рекомендуемые опытными станциями, колеблются от 0,9 до 1,5 центн. на *га*, тогда как в Средне- и Нижне-Волжском краях — от 0,45 до 1,05 центн. на *га*. Большинством опытных станций вполне установлено преимущество рядовых посевов перед разбросными, т. к. при них семена заделываются на одну и ту же глубину, в совершенно одинаковые условия влажности, чем дости-

гается однообразие в развитии всходов, и в результате, несмотря на меньшие нормы высева, урожаи получаются более высокие, чем при разбросном посеве. Посевы Р. осенью ухода обычно не требуют, и только в случае перерастания озими (выхода в трубку или весьма пышного развития), во избежание вымерзания, приходится ее скашивать или стравливать крупным рогатым скотом, прогоняя его по полю, когда почва уже высохнет или даже немного подмерзнет. Весной иногда применяется боронование, которое, правда, не всегда дает положительные результаты. Уборку Р. лучше производить в стадии восковой спелости, слегка недозревшею, так как она хорошо доходит в снопах и к тому же меньше осыпается и поэтому лучше допускает механическую уборку. Так же, как и посев, уборка Р. по Союзу растягивается на продолжительный срок. Однако, в противоположность посеву, самая ранняя уборка происходит в южных районах (преимущественно — в июле) и самая поздняя — в Северном крае (в средних числах августа).

Литература: *Вавилов, Н. И.*, «Центры происхождения культурных растений», Тр. по Прикл. Ботанике и Селекции, т. XVI, вып. 2, 1926; *его же*, «О происхождении культурной Р.», Тр. по Прикл. Ботанике и Селекции, т. X, вып. 7 — 10, 1917; *его же*, «Закон гомологич. рядов в наследственной изменчивости», Тр. III съезда по селекции, Саратов, 1920; *Прянишников, Д. Н.*, «Частное земледелие», 1929; *Антроповы, В. и В.*, «Р. СССР и сопредельных стран», Тр. по Прикл. Ботанике, Генетике и Селекции, прилож. 36-е, 1929; *Эмме, Е. К.*, «Материалы к цитологии рода Secale L.», Тр. по Пр. Бот., Ген. и Сел., т. XVII, № 3, 1927; *De Candolle*, «L'origine des plantes cultivées», 1883; *Becker*, «Handbuch des Getreidebaues», Berlin, 1927; *Schulze, A.*, «Die Geschichte des Roggens», 1911; *Fruwirth*, «Handbuch der landwirtschaftl. Pflanzenzüchtung», Bd. IV, Berlin, 1923; *Heribert-Nilsson*, «Populationsanalysen und Erblichkeitsversuche über die Selbststerilität und Sterilität bei dem Roggen», Zeitschr. für Pflanzenzüchtung, Bd. IV, 1916; *Цинзерлинг, Ю. Г.*, «Северные пределы земледелия», Тр. по Прикл. Бот., Ген. и Сел., т. XV, 3, 1925; «Annuaire International de Statistique Agricole, 1929-30», Inst. Internat. d'Agriculture, Rome, 1930; *Гордвинкель, Е. С.*, «СССР в системе мирового хозяйства», Москва, 1929; «Сдвиги в сельском хозяйстве СССР между XV и XVI партийным съездом», Планхозгиз, Москва, 1930; *Фляксбергер, К. А.*, «Определитель настоящих хлебов», 1923; *Вакар, В. А.*, «Важнейшие хлебные злаки», Новосибирск, 1929; *Слезкин, П. Р.*, «Р. и ее возделывание в России», Спб. 1910; *Винер, В. В.*, «Р.», Москва, 1922; *Тулайков, Н. М.*, «Озимая Р.», Москва, 1924; Отчеты опытных станций.

В. Антропов.

Рожье (Rogier), Шарль-Латур, бельг. государств. деятель (1800—1885). Род. во Франции, в бельг. семье, вместе с которою Р. мальчиком вернулся в Бельгию, сделался адвокатом, основал журнал «Mathieu Laensberg» (позднее «Le Politique»), резко выступавший против голландской администрации. Вспыхнувшая в Брюсселе в 1830 г. революция (*см.* V, 309/10) увлекла Р. из Льежа в Брюссель, куда он привел отряд в 150 чел. со знаменем, носившим девиз «Vaincre ou mourir pour Bruxelles», и где сразу занял видное место среди революционной партии. Осенью Р. стал во главе Commission administrative, был затем делегатом во временном правительстве в Антверпене, заседал в Национальн. собрании в Льеже, где отстаивал наследственную монархию и двухпалатную систему и подал голос за избрание королем Леопольда Саксен-Кобургского. С 1831 г. Р. был губернатором Антверпена, неоднократно участвовал в министерствах, возглавляя либеральную партию, боролся с клерикалами по вопросам народного образования, отстоял проведение первой на материке жел. дороги и постройку укреплений Антверпена. Крупнейшим дипломатическим успехом Р. было достижение свободного плавания по устьям Шельды, что сразу выдвинуло Антверпен на место 2-го порта в Европе. С 1868 г. Р. отстранился от государственной деятельности, но продолжал принимать живое участие в общественной жизни Бельгии. В 1878 г. был председателем чрезвычайной сессии палаты.

Роза, Rosa (ботан.), род из сем. розанных, по б. ч. кустарники с шипами, прямостоячие или лазящие, с опадающими листьями или вечнозеленые. Листья непарноперистые, с прилистниками, приросшими к черешку. Цветы крупные, одиночные или собранные в зонтики, б. ч. пахучие, нередко махровые. Ле-

пестки и тычинки прикреплены по краю цветоложа. Плодолистиков много. Плоды маленькие, жесткие, с шелковистыми волосками, односеменные, при созревании окружены мясистым цветоложем и образуют ложный плод. Р. принадлежит к числу самых древних, самых известных и любимых цветов. С незапамятных времен она культивировалась в Китае и Индии, откуда была перенесена в Переднюю Азию, Сирию, Египет и около 750 г. до н. э. — в европ. Грецию, где она была посвящена Афродите и Дионису, а затем Эросу, грациям и музам, считалась царицей цветов и символом любви, служила украшением и на пирах, и на гробницах. Род Р. насчитывает около 100 видов, распространенных в сев. полушарии, по б. ч. между 20° и 70°. Культурные разновидности, благодаря своей красоте и аромату, распространены по всем странам света.

Р. (*цветоводство*). Наиболее совершенной и новейшей классификацией Р. признается система ботаника Крепена (Crepin), которая подразделяет разные виды Р. на 16 секций: 1. Synstylae — пучкорыльчатые; сюда относятся все вьющиеся Р.; 2. Indicae — индийские; сюда входят чайные гибриды, бенгальские (месячные), бурбонские, нуазетовые и полианты; 3. Stylosae — длиннорыльчатые; 4. Banksiae — банксиевы Р., вьющиеся Р., родом из Китая; 5. Gallicae — французские Р.; к этому виду относятся: R. gallica, centifolia, moschata и damascena; последняя послужила материалом для выведения путем гибридизации ремонтантных Р.; 6. Caninae — шиповники: R. canina, rubiginosa, villosa, macrantha и др.; 7. Carolinae — каролинские Р.; 8. Cinnamomeae — коричные Р.: R. cinnamomaea, acicularis, pendulina, rugosa; 9. Pimpinellifoliae — бедренцеволистные Р.: R. pimpinellifolia, sulphurea; 10. Luteae — желтые или капуцинские Р.: R. lutea и ее гибриды дали целый новый класс замечательно окрашенных и красивых Р. — пернецианские Р.; 11. Sericeae — волосистые Р.; 12. Minutifoliae — мелколистные Р.; 13. Bracteatae — прицветниковые Р.: R. bracteata; 14. Laevigatae — глянцевые Р.: R. laevigata; 15. Microphyllae — мелколистные Р.: R. microphylla; 16. Simplicifolia — однолистные Р.

Среди садоводов распространено деление Р. на следующие группы: 1) шиповники; 2) грунтовые кустовые Р. типа R. rugosa, centifolia и др.; 3) Р. ремонтантные, 4) чайные; 5) чайные гибриды; 6) пернециана, произошли от R. lutea; 7) полианта, мелкоцветные, цветущие пучками; 8) вьющиеся.

1. *Шиповники* дают богатый материал для украшения садов, а некоторые виды служат как подвои для прививки разных ценных сортов Р. Из шиповников, интересных для посадки в садах, следует указать: R. lutea, bicolor, rubrifolia с красной листвой, moyesi и др.

2. *Кустовые* Р. типа R. rugosa, centifolia, muscosa — моховые, заслуживают большого внимания, как красивые, ценные для декоративных целей растения, большинство хорошо зимует. К кустовым Р. относятся также известные сорта Р., как Conrad Ferdinand Meyer, Mad. Plantier, Nova Zemla и др.

3. Р. *ремонтантные* характеризуются сильным ростом и хорошей выносливостью. В культуре встречается значительное число сортов; наиболее популярными являются Ulrich Brunner с красными цветами, Frau Carl Druschki — с белыми, Georg Arends — с розовыми и мн. др. Ремонтантные Р. хорошо зимуют в грунту даже в северных районах, при чем для лучшей сохранности от мороза рекомендуется растения осенью окучивать землей. Ремонтантные Р. применяются для посадки в клумбы,

а также для выгонки в оранжерее в зимнее время и для срезки. Можно рекомендовать следующие сорта: Georges Dickson, Marie Baumann, Sachsengruss, Cartain Christy и др.

4. Первая *чайная* Р. была вывезена из Китая в Англию в 1798 г. Типичным представителем этой группы является старинный сорт Marechal Niel, желтой окраски. Этот сорт особенно удается при возможности его высадки в холодном отделении оранжереи, в грунт, где он быстро разрастается, нередко достигая размера большого дерева, и обильно покрывается цветами в огромном количестве. Чайные Р. для открытого грунта на севере мало пригодны по своей малой выносливости, боятся холода и сырости.

5. *Чайные гибриды* произошли от помеси ремонтантных Р. с R. gallica и indica. Эта группа дает наиболее ценные и красивые сорта. Цветение их очень обильно и продолжительно. Р. этой группы отличаются довольно хорошей морозостойкостью, при условии покрышки на зиму растений землей. Классической Р. этой группы является сорт La France, розовой окраски. Выдающимися сортами последних лет являются: Mrs. Henry Morse, Freiburg II, General Mc Arthur, Hadley Jonkheer Mock, Kaiserin A. Victoria, Mrs. Charles Russel, и мн. др.

6. Р. *пернецианa* — гибриды от R. lutea. Класс, созданный французским садоводом M. Pernet в Лионе. Первый гибрид был получен в 1900 г. от скрещивания сортов Antoine Ducher и Persian Yellow. Этот класс Р. характеризуется преимущественно желтой окраской цветов, доходящей до темно-оранжевой, прежде не существовавшей у Р. В настоящее время эта группа Р. особенно ценится. Наилучшими сортами последнего времени считаются: Souvenir de Georges Pernet, M-me E. Herriot, Golden Emblem, Talisman, Juliet, Souvenir de Claudius Pernet, и пр.

7. *Полианта*, или многоцветные Р., характеризуются низким ростом—40-50 *см*, и богатым беспрерывным цветением. Цветы мелкие, одинокие или махровые, собраны в кисти. В последние годы к розовым, белым и красным окраскам прибавилась желтая и яркооранжевая, не существовавшие у Р. этой группы. Цветы почти всегда без запаха, за исключением некоторых сортов (Echo). Низкие кустовые экземпляры хороши для клумб. Цветут все лето. Штамбовые экземпляры особенно эффектны — сильно разрастаются и дают богатые декоративные эффекты. Размножаются хорошо зелеными черенками, а также прививкой. При земляной прикрышке могут зимовать в грунту. Можно рекомендовать следущие сорта: Eblouissant, Elsie Poulsen, Frau Rudolf Schmidt, Orlean rose, Goldlachs, Suzanne Turbat, Echo, и др.

8. *Вьющиеся* Р. — R. multiflora, R. Wochuriana. Вьющиеся Р., как показывает самое название, обладают длинными побегами и отличаются быстрым ростом. Цветы собраны пучками, отдельные цветки обычно не крупные. Хороши лишь для юга. В северном климате побеги выше снега вымерзают. Лучшими сортами являются: Crimson Rambler, Tausendschön Sodenia, Veilchenblau, Hiawatha, American Pillar, Dorothy Perkins.

Размножение Р. Культурные сорта Р., как то: ремонтантные, чайные, пернецианные и др., обычно размножаются прививкой на шиповник R. canina. Эта разновидность является наиболее стойкой, обладает хорошим ростом, корневой системой и отличается долговечностью. Шиповник размножается семенами. Для скорейшего прорастания туго всхожих семян шиповника, необходима стратификация семян — предварительная, перед посевом, подготовка для прорастания

семян. Семена кладут в горшок или ящик, слоем до 1 *см*, и последовательно переслаивают таким же слоем песку, затем кладут опять семена и т. д. К стратификации приступают с осени. Посуда с семенами ставится в подвал, а зимой выносится и закапывается в снег для промораживания сроком на 2 — 4 недели, после чего снова вносится в подвал. Весною семена высеиваются на гряды рядами. Другой способ: весной семена, смешанные с песком, кладут в мелкий ящик и закапывают в землю до осени, осенью семена высевают на гряды; обычно к следующей весне семена все прорастают. С появлением 3-го листа молодой шиповник пересаживают (зеленая пикировка) на новые гряды, рядами, на расстоянии 5 — 6 *см* одно растение от другого, при расстоянии между рядами 15 *см*. При хороших условиях некоторые растения к осени делаются пригодными для прививки, преимущественно же шиповник идет на прививку на второй год после посева.

Прививка Р. производится двояким способом. Прививка «спящим глазком» (*окулировка*) производится в июле—августе в грунту. После зимовки глазок прорастает и дает побег. Для прививки берется (вырезается) из хорошо вызревшего побега Р. глазок-почка и вставляется в разрез, за кору шиповника. Привитой глазок завязывается крепко мочалой. В оранжерее прививка производится зимой с декабря по март — *черенком* (веткой). Обычно прививается черенок с двумя глазками. Прививка производится: 1) в шейку (нижняя часть стебля) для получения низких кустов Р.; 2) на полуштамбе (20 — 30 *см*) специально для выгонки Р.; 3) на штамбе (около 1 *м*) для высоких Р.

Чаще всего прививка производится способом «за кору». Для успеха прививки в оранжерее должна поддерживаться температура 12 — 14° по Цельсию при достаточной влажности. Лучшее время прививки декабрь — январь. Для завязывания употребляется мочала «раффия». Завязка обмазывается садовым варом. Хороший вар получается следующим образом: берется одна часть канифоли, распускается на плите или в печке, добавляется $^1/_{10}$ часть воску или бараньего сала. После снятия с огня в смесь добавляется денатурированный спирт. Вар необходимо держать в металлической банке с крышкой. Приготовленный таким образом вар сохраняется долгое время жидким, пригодным для прививки в любое время. Размножение черенками обыкновенно применяется для Р. полианта. Для других Р. оно не рекомендуется. Для укоренения срезаются молодые зеленые черенки, каковые легко дают корень в оранжерее или парнике. Для укоренения в комнате рекомендуется черенки накрыть стаканом.

Культура Р. в открытом грунту. Большинство Р. свободно зимует в грунту даже в Подмосковном районе. Для успеха зимовки Р. в открытом грунту необходимо осенью окучить Р. землей, с тем чтобы хорошо прикрыть землей основания побегов. Самые побеги предварительно срезаются с расчетом, чтобы оставалось 2—3 глазка на каждом побеге у куста. Р. не столько боятся мороза, сколько сырости; поэтому разного рода покрышки: листом, соломой и пр. являются мало удовлетворительными. В частности, солома привлекает мышей. Иногда прикрывают Р. деревянными ящиками, но этот способ является очень дорогим.

Р. довольно нетребовательны к почве. Хорошо растут как на суглинке, так и на черноземе, и даже на песчаной почве, но требуют удобрения. Лучшим удобрением является навоз, каковой следует вносить в землю с осени. Поливка жидким навозным удобрением, начиная с весны, приносит

большую пользу. Почву обрабатывают возможно глубже — до 35 *см*.

Особенное значение имеет правильная обрезка Р. От этого зависит цветение. Одни сорта требуют короткой резки, другие—длинной. Обычно слабо растущие сорта, как чайные и их гибриды, режутся с расчетом, чтобы на ветке, считая от основания ее, осталось 2 — 3 глазка. Сильно растущие рекомендуется резать на 3 — 4 глазка, а вьющиеся совсем не обрезают, так как цветы у них появляются из почек, расположенных на верхней части стебля. Обрезка производится особыми садовыми ножницами — секатором. Особенно наблюдают за обрезкой дикой поросли на подвое, своевременно удаляя молодые ростки, которые нередко образуются в большом количестве на стволе и корнях. Летом Р. после первого цветения обрезаются, как было выше указано, после чего во второй половине лета снова цветут. Семенами Р. размножаются лишь особыми специалистами для получения новых сортов Р.

Цветущие Р. можно иметь почти во все времена года. Зимой Р. выгоняются в *оранжереях*. Главные условия для нормального развития Р.: температура 10 — 15° Цельсия, ежедневное проветривание оранжереи, достаточный свет и влажность. Для успеха цветения Р. до выгонки должны хорошо укорениться в горшках. Особенно выгодной является культура Р. на срезку в грунтовых оранжереях со съемными рамами.

Зимой горшечные Р. сохраняются в подвале. Лучшей температурой является 3 — 4°. Необходима хорошая вентиляция. В течение зимы Р. в подвале осматривают и удаляют на них все сгнившие листья и плесень в случае ее появления. Земля в горшках должна быть влажная.

Из *болезней* Р. чаще всего бывает *бель* — Sphaeroteca pannosa, паразитный грибок, который поражает главным образом листья Р., каковые бывают как бы посыпаны мукой. Если своевременно не принять мер, бель переходит на стебли и бутоны. Отличным средством для опрыскивания Р. является предлагаемое автором этой статьи: раствор 400 *г* зеленого мыла и 5 *г* медного купороса в 1 ведре воды; этим раствором опрыскивают растения вечером. На следующий день уже заметен результат опрыскивания: белые пятна желтеют и уничтожаются. В течение лета опрыскивание приходится повторять несколько раз. Для Р. это опрыскивание совершенно безвредно. Вторая распространенная болезнь у Р.—*ржавчина* (Phragmidium subcorticium). На листьях и стеблях появляются оранжево-желтые пятна. Против ржавчины рекомендуется опрыскивание: на 10 литров воды—200 *г* медного купороса и 250 *г* соды. И. В. Мичурин рекомендует опрыскивание соком дикорастущего молочая — Lactuca scariola. В сосуд с водой кладут мелкие куски стебля молочая, при чем белый сок этого растения быстро смешивается с водой.

Из насекомых, поражающих Р., следует отметить *зеленую тлю* (Aphis rosae), которая нападает на молодые побеги. В оранжерее тля уничтожается окуриванием табаком. На листы железа кладут горящий уголь и насыпают на огонь табак (листья или табачную пыль). От табачного дыма вся тля погибает. На воздухе рекомендуется Р. опрыскивать отваром табака: 100 *г* махорки на 1 бутылку воды, заваривать в кипятке. Против личинок (*червей*) насекомых, грызущих бутоны и листья Р., приходится бороться внимательным и своевременным сбором и уничтожением появившихся червей на растении.

В заключение следует указать на использование Р. для технических целей и для получения розового масла (*см.*). В Болгарии имеются огромные

культуры Р. для этой цели. Так наз. казанлыкская Р. (Rosa damascena) дает особенно большой выход розового масла. Площадь Р. в казанлыкском районе достигает 5.000 *га*. С 1 *га* собирается до 3.000 кило лепестков.

Общее число сортов Р., известных в культуре, превышает 7.000 и ежегодно увеличивается выведением новых, которые получаются от искусственного скрещивания (опыления) разных сортов Р. между собой. У нас в настоящее время в этой области очередной задачей является вывести новые, свои, морозостойкие красивые сорта Р.

Литература: *Crépin*, „Einteilung der Rosen“ (в Journal of the Royal Horticultural Society, 1889); *Oibrich*, „Der Rose Schnitt u. Pflege“ (3-е изд. 1925); *Rausch*, „Die Welt der R.“ (1928); „Das Rosenbuch“, hrsg. von *Mätze* u. *Schneider* (2-е изд. 1928); *J. H. Pemberton*, „Roses, their History, Developement and Cultivation“ (1928); *L. H. Bailey*, „The Standard Cyclopedia of Horticulture“ (изд. National Rose Society, 1914-27); *И. И. Кичунов*, „Культура Р.“ (1929); *И. А. Штегман*, „Руководство в культуре Р.“; *Г. Н. Шульцин*, „Р.“.

С. Матвеев.

Роза (архитект.), круглое узорчатое окно, в виде орнамента знакомое уже романскому стилю, но получившее богатую художественную разработку в готике, особенно над дверными порталами (напр., в соборе Парижской богоматери, в Страсбургском соборе и др.).

Роза, форма шлифовки драгоценных камней, *см.* XIX, 51.

Роза, Сальватор, выдающийся итальянск. живописец (1615 — 1673). Род. в Аренелле, близ Неаполя. Многие из родни и предков Р. были живописцами. Отсутствие средств к жизни, по смерти отца, побудило 17-тилетнего юношу оставить духовную школу, где он готовился к литературной карьере, и отдаться ради заработка живописи. Хотя учителем Р. был его дядя, живописец Доменико Антонио, Р. был все же скорее самоучкой, не прошедшим основательной школы, но зато сохранившим творческую непосредственность и оригинальность форм и техники. С 1635 г. Р. работал в Риме, с 1640 по 1649 г. — во Флоренции, на службе у герцога Тосканского, затем снова в Риме, где и умер. — Вначале Р. изображает в небольших жанровых картинах — в духе неаполитанского натурализма — нищих, крестьян, солдат, бандитов и библейские сцены на фоне скал и деревьев. Вскоре он становится известен также как автор батальных картин (в галл. Pitti, в Лувре), пейзажей и морских видов. Увлеченный литературной атмосферой Флоренции, Р. пишет сам сонеты и сатиры, метко характеризуя в них нравы современной литературной и художественной среды. Лучшее в творчестве Р. — большие пейзажи с живописным освещением, вековыми ветвистыми деревьями, светлой полосой воды и красивыми группами фигур (*ср.* XXII, 556). Типичны также для него картины гаваней, с лесом корабельных мачт, кучевыми облаками и горною грядой вдали (морские виды в Pitti). Не отличаясь тонкостью морального чувства и ведя широкий образ жизни, Р. любил представляться философом, презирающим богатство и порочность света, и часто избирал для картин темы из жизни философов («Лес философов» с фигурой Диогена, бросающего чашку в воду — в Pitti). Не довольствуясь писанием баталий и пейзажей, Р. упорно стремился к славе классического мастера и писал картины с фигурами в величину натуры на мифологические, исторические и религиозные темы. Большинство этих картин отличается надуманно-холодным характером. Свои картины на академические темы Р. воспроизводил офортом и исполнял новые композиции в том жероде. Но только в некоторых листах («Эдип-ребенок в лесу», «Сон воина»), в сериях солдат и «capriccі» (бытовых фигур в духе Callot) и дерущихся тритонов Р. обнаружил свои обычные достоинства: остроту и живописность

стиля, бурную жизненность и страстный лиризм. Очень много картин Р. находится в частных собраниях Англии. В Эрмитаже имеются его картины: «Улисс и Навзикая», «Демокрит и Протагор», «Блудный сын», «Бандит», «Молодой пастух», «Пейзаж». — См. *L. Ozzola*, «Vita e opere di Salvator Rosa... con poesie e documenti inediti», 1908, с указанием источников и библиографии. *Н. Романов.*

Роза Алая и Белая, см. *Алая и Белая Роза*, и *Великобритания*, VIII, 341/45.

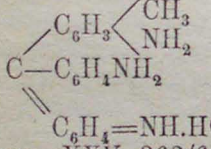
Роза альпийская, *Р. снежная*, см. *рододендрон.*

Роза иерихонская, см. *иерихонская роза*, XXII, 624.

Розалия, Hapale rosalia, *игрунка*, см. *игрунковые.*

Розамунда, см. *Альбоин.*

Розанилин, $COH\begin{cases}C_6H_3CH_3NH_2\\(C_6H_4NH_2)_2\end{cases}$, и низший гомолог его *пararозанилин*, $COH(C_6H_4NH_2)_3$, являются основными ядрами анилиновых красок. Фуксин (*см.*) представляет однокислотную соль Р. и имеет хиноидное строение



(см. *краски*, XXV, 363/64, прил. 4). *Н. Д.*

Розанов, Василий Васильевич, критик, публицист и философ (1856—1919). Учился на ист.-филогич. факультете московск. унив., по окончании которого сделался преподавателем истории и географии в провинциальных гимназиях. В 1886 г. издал книгу «О понимании». В 1893 г. Р. приехал в Петербург и поступил на службу в госуд. контроль. Примкнул к кружку петербургских славянофилов (Н. Н. Страхов, Н. П. Аксаков, С. Ф. Шарапов и др.). В 1899 г. оставил службу в контроле и начал работать в суворинском «Новом Времени», где писал постоянно вплоть до 1917 г. Около 1900 г. сблизился с группой писателей, участвовавших в журн. «Мир Искусства», и напечатал в этом журнале ряд статей. Принимал участие в деятельности СПБ Религиозно-философского о-ва. В публицистике занял беспринципную позицию, высказывая попеременно (а иногда и одновременно в разных газетах) то крайне реакционные взгляды, то либеральные (в «Русском Слове» под псевдон. Варварин В.); в частности, Р. сочетал психологическое юдофильство с политическим юдофобством.

В тематическом отношении основными произведениями Р. являются его книги: «Темный лик» и «Люди лунного света» (1911), в духе реакционного идеализма трактующие о метафизике христианства. Вопросам семьи и брака, проблемам пола (являвшимся для Р. центральным пунктом его работ) и религии посвящены книги Р.: «В мире неясного и нерешенного» (1901), «Семейный вопрос в России» (1903), «Апокалипсическая секта» (1914) и др. В книгах: «Литературные очерки» (1899), «Сумерки просвещения» (1899), «Природа и история» (1900), «Религия и культура» (1901) собраны статьи Р. по вопросам науки, истории и философии; вопросы эти освещаются им с реакционной мистико-идеалистической точки зрения, придающей первенствующее значение интуиции, прозрению, религиозному чувству. Это миропонимание проникает и литературно-критические работы Р., — его книгу о Достоевском («Легенда о великом инквизиторе», 1896; *ср.* XLV, ч. 3, 90), статьи о Гоголе (приложение к «Легенде»), Пушкине (полемика с Вл. Соловьевым в «Мире Искусства»), Конст. Леонтьеве и др. Своеобразный стиль Р. особенно выражен в книгах: «Уединенное» (1912), «Опавшие листья» (2 т., 1913—1915) и «Апокалипсис нашего времени» (вып. 1—10,

1917—1918), представляющих собою сборники фрагментарных заметок и афоризмов по разнообразным философским, литературным и бытовым вопросам. Не менее самобытен Р. и в области эпистолярного жанра.

Розанов, Матвей Никанорович, историк литературы. Род. в Москве, в 1858 г., образование получил на ист.-филологич. факультете москов. ун-та, где в особенности пользовался руководством Н. И. Стороженко. Награжденный золотою медалью за сочинение «Гамлет Шекспира и его толкователи», Р. был оставлен при ун-те по кафедре истории всеобщ. литературы и одновременно начал преподават. деятельность в различн. учебн. завед. Москвы. Во время двухгодичной командировки за границу (1896 — 1898) слушал лекции по литературе и германо-романской филологии в Гейдельберге, Страсбурге и Париже. За критическое исследование «Поэт периода «бурных стремлений»—Якоб Ленц, его жизнь и произведения» (М. 1901) получил магистерскую степень (работа эта премирована Акад. наук и перев. на нем. язык: «Jakob M. R. Lenz, der Dichter der Sturm- u. Drangperiode. Sein Leben u. seine Werke», Lpz. 1909). По защите докторской диссертации «Ж. Ж. Руссо и литературное движение конца XVIII и нач. XIX в. на Западе и в России», т. I (М. 1910), Р. с 1911 г. занял кафедру истории зап.-европ. литератур в московск. ун-те, продолжая преподавание и в других высш. учебн. заведениях, и принял ближайшее участие в организации при них специальн. отделений для изучения романо-герм. лит-ры и филологии. В 1921 г. избран в д. чл. Академии наук. Из универс. курсов Р. изданы: «История англ. литературы XIX в.» (1915), «Франц. литература эпохи просвещения» (1916), «Очерки истории англ. литературы XIX в., т. I. Эпоха Байрона» (1922). Р. много писал в журналах и газетах и редактирует ряд сборников и собран. сочинений (Гете, Шекспира, Байрона и др.). Работа Р. посвящена, гл. обр., изучению литературн. направлений и школ XVIII в. и первой полов. XIX в.: периоду «бурных стремлений», сентиментализму и руссоизму, романтизму и байронизму — с точки зрения «сравнительной» истории литературы. Сюда же примыкают этюды о русск. писателях: Лермонтове, Пушкине, Толстом, Блоке.

Розанные (*розовые*), Rosaceae, сем. двудольных растений из пор. розоцветных, травы, деревья и кустарники с очередными, б. ч. сложными листьями с прилистниками; цветы с двойным, реже с одиночным околоцветником, правильные, 4—5-численные; чашечка иногда двойная; тычинок и пестиков много; цветоложе расширенное. Плоды б. ч. нераскрывающиеся, но часто вследствие разрастания цветоложа плод делается сборным. В отличие от лютиковых (*см.*), с которыми Р. имеют значительное внешнее сходство, Р. обыкновенно не содержат ядовитых веществ. Сем. Р. обнимает свыше 2.000 видов, распространенных гл. обр. в умеренных и холодных странах сев. полушария. К ним принадлежит большинство наших плодовых деревьев (яблоня, груша, миндаль, персик, абрикос, слива и др.) и ягодных кустарников (ежевика, малина, морошка, далее земляника, клубника); из декоративных: розы, черемуха, спирея, боярышник; из обыкновенных полевых трав: лапчатки, гравилат, репейник, манжетка и пр. *М. Н.*

Розарио, см. *Росарио*.

Розас (*Росас*), Хуан Мануэль, диктатор Аргентинской республики (1793 — 1877). В молодости был вакеро (ковбоем), потом понемногу завел собственные стада и собственных вакеро. Так как Аргентина после завоевания независимости очень долго не могла выйти из состояния анархии и вынуждена была упорно защищаться

против индейцев, то всякая организованная вооруженная сила в стране ценилась очень высоко. Из своих многочисленных вакеро Р. образовал хорошо обученную и слаженную небольшую армию. Она и вознесла Р. на высший пост в государстве. Р. чрезвычайно искусно пользовался своими силами, выдвинулся сначала в провинции Буэнос-Айрес, потом стал во главе партии федералистов и, сочетая партийные комбинации с нажимом своих вооруженных сил, расширял свою популярность удачными походами против индейцев; в 1829 г. он стал губернатором Буэнос-Айреса, а в 1835 г. — диктатором страны. О его деятельности см. *Аргентина*, III, 402. Свергнутый в 1852 г., он едва спас свою жизнь бегством в Англию. Там он и умер в нищете глубоким стариком. См. о нем: *Martens*, «Ein Caligula unseres Jahrhunderts», 1896; *Opisso*, «Don J. M. R.», 1916; *Quesada*, «La época de R.», 1923. *А. Дж.*

Розбери (Rosebery), Арчибальд Филипп Примроз (Primrose), граф, англ. госуд. деятель (1847—1929). Сын лорда Дальмени, Р. по достижении совершеннолетия в 1868 г. наследовал графский титул своего деда и место в палате лордов, где примкнул к либералам. Политическая карьера его началась в критический момент борьбы вокруг ирландского гомруля. В 1881 г. в кабинете Гладстона он получил место тов. мин. внутр. дел (Гаркорта), а в 1884 г. — пост министра обществ. работ. В гладстоновском кабинете 1886 г. (*см.* XV, 82, и IX, 255) самым значительным из молодых людей был Р. Ему был поручен портфель мин. иностранных дел. Политические взгляды Р. уже тогда значительно расходились со взглядами как лидера партии, так и большинства ее членов. Он был антигомрулером и всегда склонялся к империализму. Гомруль, предложенный Гладстоном, не прошел, и на выборах 1886 г. консервативная партия получила большинство. Лишь после выборов 1892 г., давших большинство либералам, образовался кабинет Гладстона (последний), и Р. скоро занял в нем место удалившегося от дел премьера (*см.* IX, 256). Гомруль остался мертвой буквой, а либеральная партия испытала новый удар: от нее откололась группа «новых радикалов», которая поставила своею целью либо реформировать, либо уничтожить палату лордов. Позиция Р. была слаба, партия распадалась, большинство было незначительно, а оппозиция объединена и активна. Р. оставался на посту премьера до 21 июня 1895 г., когда он вышел в отставку, получив меньшинство по второстепенному вопросу (*см.* IX, 256), и в следующем году отказался от лидерства в либеральной партии, которое перешло к Кемпбель-Баннерману (*см.*). Во время англо-бурской войны Р. возглавлял империалистическое крыло (Аскит, Грей); несколько сблизился с большинством на почве критики тарифной программы Джозефа Чемберлена (*см.*), но затем окончательно разошелся с Кемпбель-Баннерманом по вопросу о гомруле для Ирландии и не принял участия в его кабинете (1905). В 1909 г. Р. резко выступил против известного бюджета Ллойд-Джорджа (*см.* XXVII, 290), заявив, что этот билль — «революция без народного мандата». В последние годы перед Мировой войной он выступал против парламентского билля, предлагавшего отнять у палаты лордов право «veto». После прохождения билля (*см.* IX, 307/08) он перестал посещать палату лордов. — Р. пользовался значительной популярностью в английском обществе; его выступления были всегда интересны, как показывают его речи («Speeches», 1874—96) и его биографические этюды о У. Питте (1891), Роберте Пиле (1899), Кромвеле (1900) и некоторые другие. *И. П.-Л*

Розги, см. *телесные наказания*, XLI, ч. 7, 255/57.

Розе (Rose), Генрих, нем. химик (1795—1864), учился у Клапрота, работал у Берцелиуса, с 1823 г.— проф. в Берлине. Произвел ряд важных исследований в области аналитической и неорганической химии. В 1844 г. открыл ниобий. См. *аналитическая химия*, II, 549.

Розе, Густав, брат предыдущего, минералог (1798—1873), с 1826 г.— проф. минералогии в Берлине, в 1829 г. сопровождал Гумбольдта в его путешествии по Сибири, в 1850 г. изучал вместе с Митчерлихом вулканы Средиземного моря, в 1852 г. — вулканы южн. Франции. Установил кристаллохимическую систему минералов, изучал связь между кристаллической формой и электрической полярностью, зависимость формы кристаллов от внешних условий при их образовании и пр. Наи.: «Elemente der Kristallographie» (1833), «Das Kristallochemische Mineralsystem» (1852), обработал минералого-геогностическую часть описания путешествия по Уралу, Алтаю и Каспийскому морю (вместе с Гумбольдтом и Эренбергом, 1837—1842).

Розеггер (Rosegger), Петер, известный нем. писатель (1843—1918), род. в Штирии (Австрия), в крестьянской семье, патриархальной и религиозной, среди красивой природы, в уединенной гористой местности, богатой сказками и легендами. Не получив образования, но наделенный поэтическим дарованием, Р. в этой обстановке развился в крупного писателя-народника с глубоким чувством природы, с редким знанием крестьянского быта и внутреннего мира крестьянства. Р. занимает выдающееся место в европейской народнической литературе, широко распространенной повсюду во второй половине прошлого века. Он — идеолог середняцкой крестьянской массы, которая крепко держится за свою собственность и тяжело ощущает соседство крупного землевладельца, аристократа-помещика. Р. идеализирует этого мелкого собственника, его хозяйственность, трудолюбие, свежесть натуры, умеренные потребности людей неискушенных и неиспорченных соблазнами городской культуры. Он обличает насилия и злоупотребления помещиков, духовенства и властей, но в этих обличениях нет гнева и революционного протеста. Их сила ослаблена мягким юмором и духом миролюбия, порою чувствительными и романтическими настроениями. Р. чувствует надвигающуюся гибель этого дорогого ему патриархально-земледельческого уклада жизни (*см.* XIV, 308/09). Грустью подернут его роман «Последний Яков» («Jakob der Letzte», 1888), изображающий отчаянную борьбу крестьянина, защищающего землю своих отцов от крупного землевладельца, который скупает участки крестьян для расширения своих владений, отведенных под охоту. Один за другим вынуждены крестьяне покидать родную землю. Яков держится дольше других; умирает его жена, убит на войне сын, другой пропал без вести, работники покидают его. Бесплодна его борьба против разрастающихся лесов, против пернатых хищников, и, доведенный до крайности, он кончает жизнь самоубийством. Тем же грустным сочувствием к человеческому горю проникнут рассказ «Die Schriften des Waldschulmeisters» (1875), трогательная история неудачника, искавшего забвения от пережитых им потрясений в Альпийских горах, в уединенной местности, среди диких и грубых людей, где он долгие годы состоит школьным учителем. Не найдя успокоения, он убегает, и его находят в горах ослепшим и замерзшим. Романтикой деревенских полей и лесов обвеян роман Р. «Der Gottsucher» (1883), изображающий столкновение общины

с местным священником. Один из прихожан по жребию убивает священника; его одиннадцать сообщников казнены, проклятье божье тяготеет над общиной, которая приходит в полное запустение. Убийца тщетно ищет примирения с богом и церковью и в конце концов сжигает себя и своих земляков. К числу лучших вещей Р. принадлежат его мелкие рассказы, изображающие быт родной Штирии, и вообще произведения, навеянные впечатлениями детства («Heidepete rs Gabriel», 1882, «Waldheimat», 1877), менее ярки его изображения городской жизни («Martin der Mann», 1889). Кроме повестей и романов, Р. принадлежит «народная драма»: «Am Tage des Gerichts» (1892), ряд воспоминаний («Aus meinem Handwerkleben», 1880, «Als ich noch jung war» 1895, «Mein Weltleben oder wie es de'm Bauerbuben bei den Stadtleuten erging», 1892) и книг религиозного содержания («Mein Himmelreich», 1900, «J. N. R. J.», 1905).

Как увлекательный рассказчик и яркий бытописатель, совмещающий дар острой наблюдательности с богатством воображения, Р. стал популярнейшим писателем не только у себя на родине, но и далеко за ее пределами. Значительно ниже его роль в истории общественного сознания: его обличительный пафос не достигает даже той силы, какую мы находим порою у Анценгрубера (*см.*) и особенно у его французских собратьев (Эркмана-Шатриана; *см.* XLIX, 122/23). *П. Коган.*

Розен, Андрей Евгеньевич, барон, декабрист (1800—1884), род. в эстляндской дворянской семье и по окончании кадетского корпуса, в 1818 году, поступил в гвардейский Финляндский полк. Служебная деятельность, без особых умственных запросов, поглощала Р. вплоть до последних дней перед 14 декабря, когда сотоварищ Р. по полку, тоже декабрист, Репин, привлек Р. (не бывшего членом тайного о-ва) к совещаниям относительно намеченного военного восстания. С 10 дек. Р. принимает участие в совещаниях декабристов и 14-го выходит с батальоном к Сенатской площади, но с запозданием. Р. был осужден по 5 разряду, на 10 лет, сокращенных до 6, каторжных работ. Уже в 1837 г. он получил разрешение поступить рядовым в кавказские войска, где провел два года. Впоследствии был мировым посредником. Известны его записки, значение которых, впрочем, ограниченно, так как они являются первоисточником лишь для первых годов сибирской жизни декабристов. Из их изданий лучшее: «Записки декабриста», СПБ. 1906.

С. В.

Розен, Виктор Романович, крупный русский арабист (1849—1908), ученик известного герм. ученого Г. Флейшера, профессор вост. фак. спб. ун-та и (с 1890 г.) член Академии наук. В Зап. Европе он особенно известен участием в издании старейшего арабского историч. свода Табария (серия III, т. 3, Лейд. 1883—1884), эрудитным описанием на франц. яз. богатого собрания арабских и персидских рукописей мин. иностр. дел (1877—1891) и тесным научным общением со всеми выдающимися представителями европ. востоковедения. В России широкий интерес для историков древней Руси и для византологов представляют собою «Известия аль-Бекри и других авторов о Руси и славянах» (1878, при 32 т. «Записок Ак. наук»), далее докторская диссертация «Император Василий Болгаробойца», из (новооткрытой, XI в.) летописи Яхьи Антиохийского (1883, при 44 т. «Зап. Ак. наук»), и проницательные «Пролегомена к ибн-Фадлану» (1903, в 15 т. «Зап. Вост. Отделения»). С 1885 г. до самой смерти Р. состоял председателем Вост. отд. Русск. археологич. общества и чрезвычайно трудолюби-

вым редактором «Записок» этого отделения, которых ко дню его смерти вышло 17 тт. В них он сам поместил свыше 70 содержательных критик, рецензий и небольших статей, далеко выходящих за пределы узкой арабистики, сумел сосредоточить вокруг «Записок» все живые научно-востоковедные силы России и поставил этот орган наравне с лучшими ориенталистическими органами Европы. В истории развития русского востоковедения 2-й полов. XIX в. Р., как организатору и учителю молодых (впоследствии крупных) ученых, принадлежит значительная роль. Ко дню 25-летнего юбилея ученики выпустили посвященный Р. «Сборник статей» (Спб. 1897), где, сверх будущих профессоров-арабистов Н. Медникова и А. Шмидта, встречались имена будущих академиков — туркестанского историка В. Бартольда, кавказоведа Н. Марра, семитолога П. Коковцова, ираниста-индианиста С. Ольденбурга, проф.-ираниста В. Жуковского, египтолога В. Голенищева, проф.-тюркологов Н. Катанова и П. Мелиоранского, и др.,—и каждый из его разнообразных учеников предпослал своему исследованию в этом «Сборнике» какую-нибудь цитату из соответствующей работы Р., стараясь этим подчеркнуть органическую научную преемственность его разносторонней школы. Посмертный обзор научной деятельности Р. дан в приложении к XVIII т. «Записок Вост. Отд.» под заглавием «Памяти бар. В. Р. Р., сообщения, читанные в заседании Отделения, и список трудов бар. Р.» (Спб. 1909); докладчики: Н. Медников, Н. Марр, В. Бартольд и (последний по времени ученик Р.) И. Крачковский. См. также некролог, написанный акад. П. Коковцовым в «Изв. Акад. Наук», 1908 (ст. 167—182), заканчивающийся словами, что деятельность Р. есть одна из самых блестящих страниц в истории русского востоковедения. *А. Крымский.*

Розен, Георг, граф, шведск. живописец (1843—1923), *см.* XXXIX, 204.

Розен, Егор (Георгий) Федорович, барон, писатель (1800—1860), происходил из остзейских баронов. В 1819 г. вступил в русскую военную службу. В 1835 г. был назначен, по ходатайству Жуковского, секретарем при в. к. Александре Николаевиче. По выходе, в 1840 г., в отставку Р. всецело посвятил себя литературным занятиям. Стихотворения Р. впервые появились в печати в 1825—26 гг. Кроме традиционных элегических стихов, рассыпанных по периодическим изданиям, Р. выпустил отдельными книгами: в 1829 г. поэму «Дева семи ангелов и тайна» и в 1828 г. «Три стихотворения» — собственно три небольшие поэмы. Все эти произведения вполне подражательны и напоминают то Пушкина, то Жуковского, то Баратынского. В 1830 г. вышла поэма «Рожденье Иоанна Грозного», по теме сближающаяся с драматическим творчеством Р. Из всех произведений Р. наибольшей известностью у современников пользовались его, написанные пятистопным белым ямбом, драмы и трагедии: «Россия и Баторий» (1833), «Осада Пскова» (1837—единственная из пьес Р., появившаяся на сцене), «Петр Басманов» (1835) и др. Эти тяжеловатые и растянутые пьесы принадлежали к тому патриотическому жанру, оперировавшему событиями допетровской эпохи, который в 30-х годах входит в моду вместе с условной литературной «народностью». В этом же духе было написано Р. в 1836 г. либретто к опере Глинки «Жизнь за царя». Отдельными изданиями вышли еще: роман «Сидонский» и трагедия «Князья Курбские» (1857). Кроме того, Р. издавал альманахи: в 1830 г. «Царское село» (вместе с Коншиным) и в 1831, 1832,1833 гг.— «Альциону».

Л. Г.

Розен, Фридрих, германский дипло-

мат, см. XLVII, *био-библиографич. указатель*, 68.

Розенберг, гор. в Словакии, см. *Ружомберок*.

Розенберг, Фредерик Ганс, герм. полит. деятель, см. XLVII, *био-библиогр. указатель*, 68. С 1924 г. Р. был герм. посланником в Стокгольме.

Розенберг-Липинский, Альберт, известный практик и теоретик сельского хозяйства (1797—1881), работавший в Германии над усовершенствованием методов обработки полей едва ли не шесть десятилетий. Важнейшим трудом Р.-Л. является его фундаментальное «Практическое земледелие» («Der praktische Ackerbau», 1862, 2 т.), которое далеко пережило его автора. Важнейшим изобретением Р.-Л. явились система лущения и самый лущильник—многокорпусный плуг (*см.* XXXIX, 71/72, прил. 15). Система Р.-Л., примененная к травяному пласту, уступила здесь свое место культурной вспашке (цилиндрический овал с дерноснимом), однако и по отношению к травам она сохраняет известное значение и в современном земледелии. Центральную же роль лущение получило и удержало до настоящего времени при обработке жнивья, т. к. именно здесь система Р.-Л. «давала и дает возможность с успехом бороться против зол, господствующих в сельском хозяйстве—против засух и против сорных трав». Капиталистический строй с его хищническими методами земледелия использовал способ Р.-Л. лишь в ограниченных размерах, но в социалистическом земледелии он получает широкое применение, делаясь достоянием миллионных колхозных масс. Меньшее, но также серьезное значение имел и другой метод Р.-Л.: пахание узкими бороздами (ср. *вспашка*, XI, 521/22). В целом только эти два способа, не считая ряда других предложений Р.-Л., позволяют считать его одним из творцов системы рациональной обработки почвы. Написанная более полувека назад, его книга быстро выдержала несколько изданий, затем была забыта, но в некоторых частях сохранила интерес до нашего времени, когда происходит полная перестройка приемов обработки почв.

И. Якушкин.

Розенберг-Плекшан, Эльза (*Аспазия*), латышская поэтесса, род. в 1868 г. (*см.* XXVI, 524, и *Райнис*).— Полное собр. сочин. изд. в 1924 г. (Рига).

Розенблют (Rosenblüt, Rosenplüt), Ганс, нем. поэт, ок. 1444 г. был в Нюрнберге оружейником (отсюда его кличка Schneppererer, т.-е. арбалетчик), автор мелких рассказов, застольных песен и фарсов, особенно масляничных (*см.* XIV, 259). Р. отражал, м. пр., тюркофильские настроения Европы XV в. (*см.* XLI, ч. 10, 190).

Розенбуш, Гарри, нем. геолог, см. XLVIII, прил. *совр. деятели науки*, 12.

Розенбушит, редкий минерал, оранжево-желтого цвета, из группы авгитов, кристаллы моноклинной сингонии или радиальнолучевые и волокнистые аггрегаты. Тв. 5...6. Встречается в гранитов. жилах близ Барневика в шхерах Норвегии и в Бразилии. Содержит титан и цирконий. О хим. составе *см.* XXVIII, 697.

Розенгейм, Михаил Павлович, поэт и публицист (био-библиографию *см.* XI, 693). В 1838 г. его стихи появились в журн. «Сын Отечества». Вскоре, однако, из-за преследования цензуры Р. прекратил печатать свои стихотворения, в которых звучали нотки гражданственности и либерализма, впрочем весьма умеренного. Но обличительные стихотворения Р. широко ходили в списках по рукам читателей («Недоимка», «Плач откупщика», «В приемной», «Старый город» и др.); некоторые из них звучали протестом, хотя и сдержанным, против крепостного права («Вот куда довелось мне добраться», «Утопленник» и др.). В своих патриотических стихотворе-

ниях Р. переходил нередко в то «национальное бахвальство», которое, по словам Антоновича, приводило в глубокое негодование Добролюбова и было свойственно не одному Р., а почти всей либеральной печати («На развалинах Севастополя», «Сабля», «Космополиту» и др.). В своих расплывчатых незвучных стихах Р. ценил обличительную сторону, столь характерную для общественных настроений после разгрома Севастополя: «Я в деле общем не молчал, пред злом не гнул главу покорно и дух неправды отрицал» («Отрывок»). «Либеральные стихи Р.— писал Добролюбов — могли увлечь, но все же большая часть читателей, похваливши благонамеренность, потребует, однако, от стихов его некоторых положительных достоинств и прежде всего — поэзии». И Добролюбов был, конечно, прав: поэзии меньше всего в дилетантски-любительских стихах Р., не отличающихся ни живостью образов, ни глубиной чувств, ни задушевностью, ни силой воображения.

В 1858 — 1863 гг. Р. появляется на страницах многих журналов того времени: «Рус. Вестн.», «Отеч. Записок», «Сына Отеч.», «Русск. Слова» и др. С 1859 г. до конца 1860 г. ежемесячно печатались в «Отеч. Записках» «Заметки праздношатающегося» (в прозе) — род юмористических фельетонных обозрений общественной жизни. Неумолимая цензура заставила Р. прекратить эти заметки. Шуточная надпись, сделанная на одной фотографич. карточке, правильно характеризует этого поэта-чиновника в военном мундире, при орденах, с его вялой патриархальной поэзией и тепловатым чиновничьим либерализмом: «Сшит по старому покрою, стихотворством согрешал, был военным он судьею и в Коломне обитал». *В. Львов-Рогачевский.*

Розенкрейцеры, одно из направлений масонства (см. *масоны*), появились в качестве организованного общества впервые в 1757 г. во Франкфурте. (О возникновении Р. *см.* XXVIII, 297). Впоследствии важнейшею организацией Р. стала берлинская. Здесь, в Берлине, в противодействие «просвещенной» политике Фридриха II, Р., объединив в своих рядах сторонников крайней социальной и политической реакции, сплотились вокруг наследника, будущего Фридриха-Вильгельма II, ставшего тоже Р. Действительно, после его вступления на престол вожди Р., Вельнер и Бишофсвердер, заняли посты министров и стали авторами ряда обскурантских и реакционных мероприятий. Русские масоны вошли в сношение с Р. в 1781 г., когда в Берлин поехал посланный ими московский проф. Шварц (*см.*), по возвращении явившийся «верховным представителем» Р. в России. Вслед за тем были организованы розенкрейцерские ложи в Москве, Казани, Могилеве и Симбирске. Политические и социальные симпатии русских Р. вполне подходили к взглядам их берлинских собратьев. Пережив пугачевщину, они знали, что внутренняя война хуже внешней, страшнее: «тогда и с кем идешь усмирять, страшись». Все они были теперь крепостниками. Если С. И. Гамалея (*см.*) был против освобождения крестьян, так как ими на свободе овладеют де только «корыстолюбие и зависть», то О. А. Поздеев (*см.* XXXII, 456), характернейший и виднейший из Р. (глава Р. после ареста Новикова), доведя на построенной им стеклянной фабрике крестьян до возмущения, полагал, что по отношению к ним довольно иметь лишь «экзекуторский дух» (надо отметить, что и Новиков, после выхода из Шлиссельбурга, завел в своем обнищавшем имении «суконную фабричонку»). Этому социальному идеалу соответствовал и политический; по формулировке того же Поздеева, это

был: «государь самодержавный, подкрепленный множеством дворян». Неудовлетворенные политикою Екатерины II, которую винили за пугачевщину, Р. попытались привлечь на свою сторону Павла, при посредстве знаменитого архитектора Баженова, и, повидимому, небезуспешно. Но именно это повело к разгрому Р. Екатериною, к сужению их издательской деятельности, закрытию лож и, наконец, к аресту Новикова (*см.*). В специфически масонской сфере Р. отличались от других разветвлений масонства своими алхимическими и магическими тайнами (*см.* XXVIII, 297/98), а также большею сложностью иерархии (русские Р. достигли четвертой ступени — «теоретического градуса»).—О Р. см. *Я. Барсков*, «Переписка московских масонов» (Пг. 1915); *Г. Вернадский*, «Русское масонство в царств. Екатерины II» (Пг. 1917), а также др. работы по масонству. *С. Валк.*

Розенов, Эмиль, нем. писатель, см. *Германия*, XVI, 319.

Розенфельд (Rosenfeld), Моррис, еврейский поэт, писавший на еврейско-разговорном языке («жаргон»). Род. в 1862 г. в б. Сувалкск. губ., эмигрировал в Англию, а потом в Америку, ум. в 1923 г. в Нью-Йорке. Работал портным и гранильщиком-ювелиром. Тяжелый быт еврейской рабочей массы, нужда, печали и скупые радости ее нашли свое яркое выражение в поэзии Р., лирической по преимуществу, носящей на себе печать гейневского влияния. Напис.: «Колокол» (1888), «Книгу песен» (1897), «Избранные стихотв.» (1904) и др. Наибольшей популярностью пользовались его «Песни Гетто», переведен. почти на все европейские языки.

Розеокобальтовые соли, см. *кобальтиаки*, XXIV, 379.

Розеола, см. *сифилис*, XXXIX, 74.

Розе сплав, легкоплавкий сплав, найденный берл. фармацевтом *Валентином Р.* (1736 — 1771), см. *сплавы*, XLI, ч. 4, 178.

Розетта (арабск. *Решид*), египетск. город на западном (розеттском) рукаве дельты Нила, в 15 *км* от устья, ж. д. соедин. с Александрией; 23.048 жит. (1927); вывоз риса. Р., служившая ранее гл. пунктом транзитн. торговли с Индией, потеряла свое значение с прорытием Мехметом-Али канала, соедин. Александрию (*см.*) с Нилом.— О *Розеттском камне* см. *египтология*, XIX, 600, и *Шампольон*.

Розиндулин, см. *краски*, XXV, 363/64, прил. 16.

Розмарин, Rosmarinus (лат. ros marinus — морская роса), род из сем. губоцветных. Единств. вид — R. officinalis, вечнозеленый кустарник до 1 *м* высоты, с поднятыми ветвями и линейными листьями, снизу белыми от густых звездчатых волосков, и с многочисленными 4 — 8-клеточными железками с эфирным маслом. Цветы белые или голубые, с 2 тычинками. В диком состоянии растет по скалистым берегам Средиземного моря и у нас близ Новороссийска. Часто разводится в открытом грунту и в теплицах. В Италии и Франции употребляется в качестве пряности. У нас может быть разводим на южн. берегу Крыма, в Закавказьи и в Туркестане. Греки наз. Р. горным ладаном и вместе с лавром употребляли его в качестве украшения при культе.—*Розмариновое масло* добывается перегонкой с водой листьев или верхушек молодых побегов. Ветки срезаются несколько раз в течение лета во время цветения. Из 50 *кг* материала получается 1 *кг* масла. Розмариновое масло подвижное, бесцветное или желтоватое, на воздухе темнеет, растворяется в спирте; состоит из пинена (80%), камфена, цинеола, борнеола и камфары, имеет сильный камфарный запах и пряный горький вкус. Применяется в парфюмерии при изготовлении одеколона. *М. Н.*

Употребляемые *в медицине* листья и цветы Р. (folia et flores Rosmarini) принадлежат к так наз. «благовонным» средствам. Масло, добываемое из листьев, входит в состав различных мазей, напр. оподельдока (*см.*), и пластырей в качестве «отвлекающего». Кроме того, розмариновое масло употребляется как средство для укрепления волос. *Н. К.*

Розмариновое масло, см. *розмарин.*

Розмирович, Е. Ф., см. XLI, ч. 2, прил. *деятели СССР и Октябрьской революции*, 206.

Розмыслов, Федор, ученик морской академии, впоследствии штурман, русский мореплаватель второй полов. XVIII в., первый исследователь Новой Земли (*см.*), которую до него посещали лишь малообразованные промышленники, создававшие о ней самые фантастические рассказы. В 1768 г. богатый архангельский купец Бармин, привлеченный слухами о несметных минеральных богатствах этого острова, снарядил на свой счет трехмачтовик и отправил его в полярное плавание под начальством Р., которому правительство, с своей стороны, поручило произвести точную опись берегов Новой Земли. Р. провел в плавании больше года, при чем выдержал зимовку на Н. Земле, сопровождавшуюся страшными лишениями, от которых больше половины его небольшого экипажа погибло; сам Р., не теряя энергии, все время продолжал, по возможности, свои исследования, старательно разыскивая местонахождения руды, рисуя карты побережья и производя метеорологические наблюдения. В Архангельск Р. вернулся с уцелевшими спутниками осенью 1769 г. на барке звероловов-промышленников, так как его судно уже не годилось для обратного плавания. Исследования Р., после которого остались описание Маточкина Шара (пролив) и дневник путешествия, дали возможность ученому миру впервые познакомиться с действительными естественными богатствами Н. Земли, с ее природой и животным миром (*см.* XXX, 279). *В. С.*

Розничная торговля, см. *торговля*, XLI, ч. 8, 467/70.

Розничная цена, см. *цены*, XLV, ч. 3, 326/27, 335/40.

Розовая вода (Aqua rosarum), получается б. ч. как побочный продукт при добывании розового масла (*см.*), содержит в растворе весьма малое количество последнего. Во Франции (Грасс, Канны, Ницца), где разводят много роз, Р. в. получается сл. обр.: помещают 50 *кг* розовых лепестков и 300 *л* воды в перегонный куб и отгоняют 100 *л*. Первые 25 *л* дают т. наз. двойную Р. в., следующие 50 *л* — обыкновенную Р. в., и последние 25 *л* — 3-й сорт, имеющий очень слабый запах розового масла. Р. в. готовят также взбалтыванием 1 *г* розового масла в 4 *л* тепловатой воды. Р. в. применяется в косметике и кондитерском производстве.

Розового дерева масло (Oleum ligni Rhodii), эфирное масло, получаемое из древесины корней видов вьюнка — канарского, Convolvulus scoparius, и тенерифских, C. virgatus и C. floridus, а кроме того из древесины корней дрока, Genista canariensis. Эта древесина, очень плотная, имеет запах, подобный запаху розы. Масло употребляется в парфюмерии. В целях фальсификации к нему по б. ч. подмешивают масло сандального дерева и кедровое масло.

Розовое дерево, наиболее дорогое из привозных деревьев, употребляемых на мебельное дело и наиболее ценные столярные работы, получается от нескольких видов Dalbergia (D. Sissoo и др.; см. *дальбергия*), растущих на Малабаре, в Ост-Индии, на Яве и местами в Центр. Америке. Отполированная древесина имеет нежный ро-

зовый цвет. Превосходит все другие породы красотою в обделке. Под названием Р. д. в торговле обращаются и некоторые другие породы, напр. *африканское Р. д.*, Pterocarpus erinaceus, близкое к сандалу (*см.* XVIII, 248, прил. 4), *австралийское Р. д.* из одного вида акаций, Acacia excelsa, растущего в вост. Австралии, и др.

Розовое эфирное масло. Благодаря необыкновенно приятному запаху, розовая вода (*см.*) и Р. м. широко применялись с косметическими и отчасти медицинскими целями уже в древности (по свидетельству Гомера, Диоскорида). До XVII в. Р. м. получалось гл. обр. из Персии, и только в XIX в. первенство перешло к Болгарии, которая в настоящее время является главным поставщиком этого масла для Европы. Главнейшие физические константы натурального Р. м.: $d_{20} = 0{,}856$ до 0,870; $[\alpha]_D = -1°$ до $-4°$; $[n]_D^{20} = 1{,}452$ до 1,464; темп. застывания $+18°$ до $+23{,}5°$. Составными частями его являются спирты: *гераниол* (60—76%) — первичный спирт $C_{10}H_{18}O$ (см. *цитраль*) и его геом. изомер *нерол*, третичный спирт того же состава *линалоол* (см.), *цитронеллол* — спирт $C_{10}H_{20}O$ (*см.* XLV, ч. 2, 603), *фенилэтиловый алкоголь* $C_6H_5CH_2CH_2OH$ (пахнет розой), *фарнезол* $C_{15}H_{26}O$; альдегиды: *нониловый* $C_9H_{18}O$, *цитраль* $C_{10}H_{16}O$, *фенол-эвгенол* и *стеароптен* (твердая часть) — два углеводорода с темп. плавл. 20° и 40°. Т. к. в лепестках розы эфирного масла содержится очень мало — 0,0107% — и оно очень дорого, его давно стали фальсифицировать прибавлением или других эфирных масел, чаще всего масла из Andropogon Schoenanthus, или подходящими непахучими веществами. В настоящее время имеется *искусственное* Р. м., и на Западе на изготовление его различными фирмами взяты патенты. В состав искусственных Р. м. входят те же главные составные части, что и в натуральное, но соотношения между сост. частями в разных маслах различны. Так, напр., есть масло, содержащее в 100 ч.: гераниола — 80 ч., цитронеллола — 10 ч., фенил-этилового алкоголя — 1 ч., линалоола — 2 ч., цитраля — 0,25 ч., октилового альдегида — 0,5 ч. Стеароптен в одних содержится, в других его не бывает.

Н. Демьянов.

Получение Р. м. Р. м. получается из цветов нескольких видов роз, гл. обр. Rosa damascena (казанлыкская; в Болгарии, СССР, Германии), R. gallica (Франция, Алжир), R. centifolia, R. burgundica и нек. др. (Франция, Англия, Тунис, Индия), R. moschata (Индия, Египет), R. safrana (чайная; изредка во Франции). Способов получения Р. м. два: перегонка с водой и поглощение жирами. В самых больших размерах Р. м. добывается в Болгарии (Старозагорский и Пловдивский округа), лучшее добывается в окрестностях гор. Казанлыка. В 1927 г. в Болгарии под культурой роз было занято 5.459 *га*, с которых собрано было 9.182.943 *кг* роз. Полный сбор начинается на 4—5 г. жизни куста, при чем с одного куста собирается более 1 *кг* цветов, а с гектара до 3 тыс. Перегонка идет кустарным способом в кубах примитивного устройства на голом огне. Для перегонки берут здесь розы целиком, как их срывают с куста. Несовершенный способ получения Р. м. значительно понижает достоинство масла, несмотря на лучший сорт материала. Болгарское Р. м. редко бывает не фальсифицировано гераниевым маслом или даже скипидаром и жирными маслами. Гораздо выше поставлено получение Р. м. в Германии и Франции. Производство здесь ведется в усовершенствованных аппаратах большой емкости (60.000 литров), при чем для перегонки берут только лепестки. Из 5.000 *кг* роз получается в Германии в среднем 1 *кг* масла (0,02%). Очень высокого качества Р. м. было полу-

чено из казанлыкских роз на Кавказе, в Кахетии в «Напареули»; оно значительно лучше болгарского и германского, выход также выше: 1 *кг* из 3.000—4.000 *кг* роз. Способ поглощения жирами дает масло, далеко превосходящее своими качествами масло, полученное перегонкой. Для насыщения 1 *кг* жира требуется 10 *кг* роз. Экстрагированием Р. м. из такой «помады» выделяют масло необычайно нежного запаха.

М. Н.

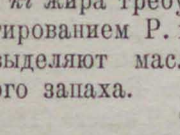
Розовопальмовое масло, см. *цитраль*, XLV, ч. 3, 481.

Розовые, см. *розанные.*

Розовый скворец, см. *скворцы.*

Розовый червь, вредитель хлопчатника, *см.* XLV, ч. 2, 546.

Розоловая кислота, кислородное соединение, отвечающее розанилину (соб. фуксину) и являющееся также производным трифенилметана. Формула строения Р. к.:



Известен также низший гомолог, отвечающий пararозанилину, называемый *ауриной* (см.). Р. к. получена окислением сырого фенола (содержащего крезол $C_6H_4\langle^{CH_3}_{OH}$). Красные кристаллы с желтоватым оттенком. В щелочах растворяются с интенсивно красным цветом. Р. к. применяется как индикатор, а также, в форме лаков, при фабрикации окрашенной бумаги.

Н. Д.

Розоцветные, Rosiflorae (Rosales), порядок двудольных растений, заключающий сем. камнеломковых, толстянковых, розанных, миндальных и яблочных (последние 3 сем. часто соединяют в одно сем. розанных). Цветки с двойным, редко простым околоцветником, почти всегда правильные. Пестик состоит из одного или нескольких плодолистиков, свободных или спаянных в одну завязь. Замечается тенденция цветоложа к расширению, вследствие чего цветок из подпестичного превращается в околопестичный или даже надпестичный.

Розыскной процесс, см. *судопроизводство*, XLI, ч. 5, 267/70, 282.

Розье, см. *Пилатр де Розье.*

Роидис, Эммануил, греч. писатель, см. *Греция*, XVII, 50/51.

Рой, Манабендранат, см. XLVII, *указ. соврем. политич. деятелей*, 68; *ср.* XLVIII, 93. В 1929 г. Р. выпустил книгу «Китайская революция и Коминтерн». В том же году исключен из Коминтерна за сотрудничество с группой Брандлера.

Ройе-Коллар (Royer-Collard), Пьер-Поль, франц. политич. деятель, публицист и философ (1763—1845), принадлежал к янсенистской фамилии; в ранней молодости был преподавателем математики, скоро, однако (1787), перешел к адвокатской деятельности (при парижском парламенте). В революции он не играл сколько-нибудь видной роли, а после переворота 18 фруктидора стал определенным сторонником монархической реставрации; при империи отдался научным занятиям. В 1811 г. он стал читать лекции по философии в духе шотландской психологической школы Рида. В этих лекциях им были заложены основания позднейшего эклектизма (его учеником был, между прочим, Кузен). К политич. деятельности Р.-К. вернулся в эпоху реставрации. Он был выбран членом палаты депутатов, в которой выступал сторонником существующего ценза в 300 фр., борясь против делавшихся в то время попыток его увеличения. В сущности Р.-К. был сторонником союза между умеренно-аристократич. кругами и крупной буржуазией, ведя в то же время борьбу против ультра-роялистов и предостерегая правительство от крайних реакционных увлечений.

Постепенно он стал переходить в оппозицию и примкнул к партии «доктринеров» (*см.* XLV, ч. 1, 232 сл.). Ведя энергичную борьбу против реакционного министерства Виллеля, Р.-К. в 20-х гг. стал одним из наиболее популярных людей во Франции. В 1827 г. он был избран членом французской Академии. Когда на выборах 1827 г. умеренные получили перевес, Р.-К. был избран президентом палаты и в качестве такового поддерживал умеренное либеральное мин-ство Мартиньяка. В 1830 г., после назначения первым министром ультра-реакционера Полиньяка, Р.-К. стоял во главе известной парламентской депутации, требовавшей от короля отставки министерства. При новой династии Р.-К., уже дряхлый старик, не принимал активного участия в политич. жизни. Из его лекций по истории философии записаны и изданы лишь немногие. Публицистические же его сочинения довольно многочисленны. — См. *Barante*, «Vie politique de M. R.-C.» (1861); *Philippe*, «R.-C., sa vie politique, sa vie privée, sa famille» (1857).

В. Перцев.

Royal Society, см. *академии*, I, 544.

Рока (Roca), Хулио, аргентинск. политич. деятель (1843—1914), генерал, в 1879 г.—военн. министр, руководил экспедицией против индейцев Рио-Негро; дважды (1880—86 гг. и 1898—1904 гг.) был президентом Аргентины (*см.* III, 403/04).

Рокайль (rocaille), декоративное убранство, в основу которого положен мотив раковины; *см.* XLI, ч. 4, 586.

Рок Айлэнд (Rock Island), гор. в сев.-амер. штате Иллинойс, на лев. бер. Миссисипи, 39.093 ж. (по пер. 1930 г.). Название свое получил от о-ва на Миссисипи, соединенн. с Р. А. (а также с соседн. гор. Молин и Девнпорт) мостами. С.-х. машиностр., хлопчатобумажн. и др. пром. На о-ве наход. федеральн. арсенал.

Рокамболь, см. *луг*, XXVII, 447.

Рока мыс (португ. Cabo da Roca, т.-е. «мыс скалистый»), крайний западн. пункт Европы, в Португалии, под 9°30′ зап. долг. (от Гринича) и 38°47′ сев. шир.; 142 *м* выс.

Рокен (Rocquain), Феликс, франц. историк (1833—1925), член академии наук. Нап.: «L'esprit révolutionnaire avant la révolution» (1878), «La papauté au moyen âge» (1881), «La cour de Rome et l'esprit de réforme avant Luther» (1893—97, 3 т.) и др. *См.* XLV, ч. 1, 402.

Рокингем (Rockingham), Чарльз Уотсон Уэнтворс, маркиз, англ. политич. деятель (1730—1782). Бесцветный политик, возглавлявший группу вигов, стоявших в оппозиции к Гренвилю. Дважды был премьером, в 1765 и 1782 гг.,—последний раз в течение лишь нескольких недель (умер на этом посту). *См.* IX, 146.

Рокитанский (Rokitansky), Карл, барон ф., знамен. патолого-анатом (1804—1878), род. в Кениггреце в Чехии, изучал медицину в Праге и Вене. В 1834 г. сделался прозектором при венской городской больнице и экстра-ордин. профессором патологич. анатомии, а в 1844 г.—ордин. проф. по той же кафедре. В 1848 г. избран членом Академии наук, в 1869 г.—ее президентом и в 1870 г.—членом парижской Академии наук. Самым выдающимся его произведением является руководство «Handbuch d. patholog. Anatomie» (1842-1846, 3 т.; в 1855-1861 гг.—3 перераб. изд.), содержащее чрезвычайно богатый, почти исчерпывающий и прекрасно разработанный патолого-анатомический и гистологический материал, собранный преимущественно им самим и его учениками. Достаточно сказать, что ко времени появления в печати этого труда Р. располагал свыше чем 16.000 протоколов вскрытий, а к концу жизни их количество достигло колоссальной цифры 100.000. Будучи преимущест-

венно патолого-анатомом, Р. также имеет крупные работы по гистологии. Таковы: «Über d. Auswachsen d. Bindegewebsubstanzen» (1854), «Über Bindegewebswucherung im Nervensystem», и др. Р. сохранял работоспособность и ясность ума до последнего дня своей жизни. В 1875 г., в год выхода своего в отставку и уже незадолго до смерти, опубликовал крупное исследование: «D. Defekte d. Scheidewände d. Herzens». Р. построил учение о различных «кразах». Кладя в основу заболеваний изменения в крови и соках организма, он видел в этом причину различных конституциональных страданий, различая «Typhuscrase», «Tuberculosecrase» и др. Это учение еще при жизни Р. было признано ошибочным. Важнейшая заслуга Р. состоит в том, что он впервые доказал значение патологич. анатомии для многих медицинских дисциплин, что и было использовано проф. Шкодой, Геброй и др., которые создали новое направление в учении о накожных болезнях, в диагностике и терапии, и которым благодаря этому венско-пражская медицинская школа того времени обязана своей славой. *С. Коршун.*

Рококо, см. *мебель*, XXVIII, 359/60, прил. 366′, и *стили орнаментальные*, XLI, ч. 4, 586.

Рокотов, Федор Степанович, знаменитый художник-портретист. Род. в 1730-х гг., ум. в 1808 г. в Москве. Сведения о жизни Р. скудны и сбивчивы. Не установлены точно ни год, ни место его рождения, ни среда, из которой он вышел. Сохранилось сведение, что он стал известен фавориту имп. Елизаветы Петровны—И. И. Шувалову (П. Н. Петров). Известно, что Р. был учеником француза Ле Лоррена, профессора петербургской Академии художеств, и итальянца — гр. Ротари (*см.*), у которого одновременно с Р. обучались Антропов и Ив. Аргунов (Ровинский, Штелин). Самый ранний из известных нам пока портретов Р. — портрет молодого человека в зеленом кафтане, датированный 1757 годом и производящий впечатление автопортрета (Трет. гал.). Он еще беспомощен, слаб по рисунку и скучен по живописи. Почти непонятно, как в течение всего лишь одного года Р. умудряется превратиться из дилетанта в мастера: портрет наследника престола Петра Федоровича — будущего имп. Петра III, — писанный в 1758 г., выдвигает Р. в первый ряд тогдашних портретистов. Еще через 3 года, в 1761 г., он становится таким виртуозом, что может тягаться своим искусством с величайшими зап.-европейскими мастерами портрета. И действительно, портреты цесаревича Павла Петровича в Гатчинском дворце (подписной, 1761 г.) и его же в б. Романовской галлерее Эрмитажа (ныне оба в Русском музее) должны быть признаны подлинными шедеврами, одними из высших достижений всей русской школы живописи. Написанные поразительно легко и свободно, они отличаются тонким колористическим чувством и острой характеристикой. В них особенно ярко вылилось то исключительное очарование, которое свойственно портретам Р. и было по достоинству оценено при дворе, а затем петербургской и московской знатью 2-й пол. XVIII в.

За портрет Петра III, повторенный им несколько раз (оригинал в Русском музее, повторение в Трет. галл.), Р. назначается адъюнктом Академии, и в 1763 г. ему позирует сама Екатерина II. (Оригинал в Русском музее, куда он перешел из Гатчинского дворца, повторение — в Третьяк. галл., куда оно передано из владимирского имения Воронцовых; оба подписные и датированные). Императрице портрет очень понравился, и она считала его лучшим из всех, когда-либо с нее писанных. Писал ее Р. еще в 1761 г.

в Петергофе и во второй раз в 1762 г. в Москве, но были ли то сеансы для одного и того же профильного, т. н. гатчинского портрета, датированного 1763 г., или в Москве был написан этюд с натуры для другого типа, изображающего Екатерину в трехчетвертном повороте, неизвестно. Во всяком случае Р. исполнил между 1763 и 1779 гг. много портретов императрицы, среди которых известны портрет в рост в Трет. галл., имеющий поддельную подпись «Боровиковский», овальный портрет в Академии наук (1769) и портрет Русского музея (1779). Недовольная портретом, писанным с нее в 1777 г. шведом Рослином (*см.*), Екатерина приказала писать все свои официальные портреты с этого последнего (ранее в Романовской галлерее, ныне в Русском музее), заменяя рослиновскую голову рокотовской.

Естественно, что с этого времени Р. заваливают заказами. Продолжая состоять при Академии, от которой получает в 1765 г. звание академика, он в 1767 г. переезжает в Москву, где остается до 1789 г., лишь изредка наезжая в Петербург. В этом году его вызывают обратно на должность «смотрителя Академии», — но вскоре он снова уезжает в Москву, где обзаводится домом и доживает свой век старым холостяком, под конец, видимо, забросив живопись, т. к. до сих пор не найдено ни одного портрета конца XVIII или нач. XIX вв., который ему можно было бы приписать.

Творчество Р. очень неровно, и на ряду с такими блестящими вещами, как два портрета мальчика Павла, портреты Григория и Ивана Орловых, графини Санти, В. Н. Суровцевой (оба в Русском музее), Неизвестной (из собр. Ю. А. Новосильцева, 1780; ныне в Трет. галл.) и П. Н. Ланской (в частном собр. в Москве), встречаются портреты посредственные и слабые, заставляющие думать, что у Р. была мастерская, в которой по его рисункам и этюдам с натуры ученики писали или заканчивали портреты. На это наводит рассказ Штелина, видевшего в 1764 г. в его мастерской до 40 портретов, на которых были написаны только головы, без аксессуаров. Лишь немногие портреты писаны Р. собственноручно. Как эти последние, так и все, выходившие из его мастерской, имеют неизменный технический признак: они обведены по ободку тонкой желтой каймой, являющейся как бы паспортной приметой подлинности. Большинство портретов сосредоточено в Трет. галл. и Русском музее. — См.: *Бар. Н. Н. Врангель*, «Федор Степанович Р.» («Старые годы», 1910, апр.); *Игорь Грабарь*, «Федор Степанович Р.» (Каталог выставки портретов в «Трет. галл. 1923); «Каталог Рокотовской выставки в Русском Музее», 1923.

Игорь Грабарь.

Рокруа (Rocroi), крепость во Франции, в деп. Арденн, у бельг. границы, 968 ж. (1926). 9 мая 1643 г. — знаменит. победа Конде (*см.*) над испанцами.

Роксана, см. *Александр Великий*, II, 186.

Роксбург, *Роксборо* (Roxburgh), графство в южной Шотландии, на границе с южной Англией (Нортумберлэнд); 1.724 *кв. км*; 42.900 ж. (1930). Поверхн. б. ч. холмистая, гористая на юге (Чивиотские горы). Орошается р. Твидом с притоками. Гл. занятие населения — скотоводство, преим. овцеводство (овцы cheviot, отсюда «шевиот»); земледелие (овес, ячмень, свекла) развито гл. обр. по долинам рек и на севере. Шерстяная («твид») и трикотажная пром. Гл. гор. Джедбург (Jedburgh; 2.426 ж.), наиб. — Гоуик (Hawick; 16.353 ж.)

Роксолана, жена Сулеймана Великолепного, *см.* XLI, ч. 10, 192.

Роксоланы, один из сарматских на-

родов (*см.* XXXIX, 233), во времена Страбона (*см.*) живший между Танаисом и Борисфеном (между Доном и Днепром). Вторгнувшиеся в пределы римской империи в I в. н. э., Р. во II и III в.в. упоминаются в числе народов, теснивших римлян на нижнем Дунае. Имп. Адриан платил им регулярную дань. Позднее Р., подобно другим варварам, вступали на службу к римлянам. Со времени историка готов Иорнанда (см. *Иордан*, XXII, 664) о Р. нет известий. Как и все сарматы, Р. ныне считаются иранцами (*см.* XXXIX, 245).

Рокфеллер (Rockefeller), Джон Дэвисон, америк. миллиардер, типичный представитель эпохи «первоначального накопления» в САСШ и, здесь непосредственно за ней следовавшей, эпохи монополистического капитала. Род. в 1839 г., начал свою карьеру мелким клерком в Кливленде, в 19 лет сделался совладельцем небольшой комиссионной фирмы, занимавшейся преимущественно торговлей керосином и приобретшей вскоре нефтеперегонный завод. В 1870 г. Р. объединил несколько нефтеперегонных предприятий в акционерное о-во «Стандарт Ойль» (Standard Oil Co of Ohio), реорганизованное затем в трест. Путем различного рода незаконных операций, спекуляций, злоупотреблений в области ж.-д. тарифов и скупки конкурирующих предприятий «Стандарт Ойль» сосредоточил в своих руках свыше 90% производства нефтепродуктов С. Ш. и продолжает сохранять свое монопольное положение, несмотря на законодательство против трестов и ряд судебных процессов, поведших лишь к формальному его разделению в 1913 г. на 33 общества, в действительности между собою тесно связанные и проводящие общую политику (*см.* XLI, ч. 6, 248, 251, 387). В 1911 г. Р. удалился от руководства делами, которое перешло к его сыну Джону Дэвисону Р. младшему. К этому времени личное состояние Р. оценивалось в миллиард долларов.

Рокфорд (Rockford), гор. в сев.-ам. штате Иллинойс, на р. Рок Ривер (лев. прит. Миссисипи), 85.864 ж. (1930; в т. ч. значит. колич. шведов-иммигрантов); развитая промышл. (бумажн., машиностроит., мебельн. и др.).

Рокхилл (Rockhill), Уильям Вудвилль, америк. дипломат и путешественник (1854 — 1914), в 1905 — 1909 гг. был посланником в Пекине, в 1914 г. — послом в Петербурге. О его путешествиях по Тибету *см.* XLI, ч. 8, 42.

Ролан (Roland de la Platière), Жан-Мари, франц. полит. деятель (1734 — 1793), принадлежал к судейской семье, но как младший из братьев не мог вступить в судебное сословие и 19-ти лет отправился искать счастья. Вскоре ему удалось получить место инспектора торговли в Амьене. Досугами, связанными с этой должностью, и деловыми поездками за границу Р. воспользовался, чтобы углубить свое общее и экономическое образование. В 1775 г. он познакомился с Манон Флипон (см. *Ролан М.-Ж.*), на которой женился пять лет спустя. Трудолюбивый и честный, но человек средних дарований, он едва ли бы выдвинулся без энергичной и талантливой жены. В следующие годы Р. добился перевода из Амьена в Лион. Уже в революцию лионский муниципалитет делегировал Р. с поручением в Париж, где он провел 7 месяцев. Он познакомился и сблизился с вождями жирондистов, а в декабре 1791 г. переехал в столицу окончательно. Там он вступил в якобинский клуб (жирондисты еще не выделились из него), где ему была поручена переписка с многочисленными филиалами. В марте 1792 г. Р. сделался министром внутр. дел в первом жирондистском министерстве, в котором главную роль стала играть его жена. Министерство просуществовало меньше трех мес. Р. безуспешно ста-

рался склонить двор к уступками и даже отправил королю письмо (10 июня), в котором убеждал его искренно примкнуть к революции и утвердить принятые Законодат. собранием декреты (против неприсягнувших священников и об устройстве под Парижем лагеря федератов). Ответом на это письмо была отставка Р. и двух других министров-жирондистов (13 июня). Через два месяца, однако, уже после свержения короля, Р. снова стал мин. внутр. дел. Это второе пребывание его у власти в пору, когда позиции крупной буржуазии уже были поколеблены, отмечено нерешительностью и вялостью. Он осуждал сентябрьские убийства, но ничего не сделал, чтобы их остановить. Он пытался бороться с растущим влиянием Коммуны и монтаньяров, но достиг лишь того, что потерял свою популярность. В процессе короля он голосовал за апелляцию к народу. В экономических вопросах Р. был сторонником безусловной свободы торговли и промышленности, защищая т. о. интересы крупной буржуазии. 22 янв. 1793 г. Р. подал в отставку. После падения жирондистов (31 мая-2 июня) Р. бежал и в течение пяти месяцев скрывался в провинции. Узнав о казни своей жены, он покончил жизнь самоубийством. *В. Перцев.*

Ролан, Мари-Жанна (Манон), жена предыдущего (1754—1793), род. в семье гравера Флипон, получила хорошее образование (знала даже латинск. язык). От отца она унаследовала артистические наклонности, от матери — выдающуюся красоту. В ранней юности она много и беспорядочно читала, восторженно увлекалась одно время религией и хотела даже поступить в монастырь, но быстро перешла от правоверного католицизма к янсенизму, затем к стоицизму и, наконец, к деизму. Чтение Плутарха и доходившие до нее слухи о разврате двора (был конец царствования Людовика XV) развили в ней демократические наклонности и республиканские чувства. Многочисленным претендентам на ее руку она сурово отказывала, мечтая о браке с человеком античного стиля, — просвещенным, простым и строгой нравственности, — «истинным философом», как она говорила. В таком настроении она познакомилась с Роланом (*см.*), который был старше ее на 20 лет, но своей серьезностью и импонирующей простотой в обращении отвечал ее идеалу мужа-философа. С ним она могла вести занимавшие их обоих разговоры о греках и римлянах, о Монтескье и Вольтере, о политической экономии и о праве, но только через 5 лет после начала знакомства Ролан решился сделать ей предложение, которое она приняла. Ее брак был браком по рассудку, не по любви. Она с большой энергией отдалась работе, помогая мужу, переводя для него, подавая ему новые мысли и в значительной степени руководя его занятиями. Так прожила она 10 лет, сначала в Амьене, потом в Лионе, в тесном кругу домашних друзей, изредка разнообразя свою провинциальную жизнь поездками в Англию (1784), Швейцарию (1787) и различные города Франции. Революция дала возможность развернуться ее крупным дарованиям. Уже в первый приезд ее мужа в Париж (февр. — сент. 1791 г.) она сумела привлечь в свой дом ряд выдающихся людей, которые позднее стали во главе Жиронды. У нее собирались Бриссо, Петион, Бюзо, Кондорсе и др. Ее стремление к обществу высокообразованных людей, в кот. она могла играть выдающуюся роль, теперь нашло полное удовлетворение. Она была поистине блестящей представительницей буржуазии того времени, относясь с несколько аристократическим пренебрежением к народным массам, которыми она хотела руководить, не смешиваясь с ними. Ее роль еще более

увеличилась после того, как ее муж стал министром. В это время она составляла циркуляры, инструкции и др. документы, между ними знаменитое письмо королю от 10 июня. Когда ее муж второй раз стал у власти, по ее инициативе бол. частью принимались самые важные шаги жирондистов. Она в сущности вдохновляла всю деятельность жирондистского министерства. Она толкала его членов на борьбу с монтаньярами и побудила Лувэ, автора «Фоблаза», написать инвективу против Робеспьера, которого — как и Дантона и Марата — она ненавидела. В этот последний год своей жизни она полюбила жирондиста Бюзо (*см.*), при чем не скрывала свою любовь от мужа. После событий 31 мая — 2 июня 1793 г. она была арестована, 8 ноября 1793 г. ее судил Революционный трибунал, и 9-го ноября она была гильотинирована. В тюрьме она написала свои мемуары («Mémoires de M-me Roland»), изданные впервые без пропусков Dauban'ом (1864), позднее J. Claretie (1884) и Perroud (1905). *В. Перцев.*

Роланд (Roland), один из виднейших героев франц. феодального эпоса. Единственное историческое свидетельство о нем (в хронике Эйнгарда «Vita Caroli Magni») сводится к следующему: когда армия Карла В. возвращалась в 778 г. из похода в Испанию, на ее арьергард напали баски, и в этой схватке пал, в числе других, «Хруотланд, маркграф Бретани». Повидимому, вскоре после гибели Р. стали возникать героические предания о нем, постепенно все более осложнявшиеся легендарными чертами. Баски были заменены маврами, небольшая стычка превращена в грандиозное сражение в Ронсевальском ущельи, в котором Р., вооруженный своим мечом Дюрандалем, выказывает чудеса храбрости, а главное — присочинена была тема предательства: отчим Р., Ганелон, из личной ненависти к нему сговорился с маврами его погубить. В смертный час Р. трубит в свой знаменитый рог-«олифант», звук которого доносится до Карла В., извещая его о гибели его паладина. В таком виде сказание было обработано в конце XI в. в поэме «Chanson de R.» (ок. 4.000 строк), анонимный автор которой, человек образованный (вероятно, лицо духовное) и выдающийся поэт, на ряду с народными преданиями пользовался как образцами «Энеидой» и другими латинскими произведениями. (*Ср.* XLV, ч. 1,440). Эта «Песнь о Р.», являющаяся одним из самых ранних памятников франц. эпоса и, на ряду с почти одновременно появившейся латинской «Хроникой псевдо-Турпина», послужившая образцом для многих других поэм такого рода, превосходно отражает феодальное миросозерцание с его идеалами верности, смелости и других рыцарских добродетелей, воплощенных в образе Р. На протяжении XII — XIII вв. легенда о Р. развивается далее во Франции, путем измышления новых, юношеских подвигов его («Aspremont», «Entrée d' Espagne» и т. п.). Вместе с тем появляются переделки франц. поэм о Р. на всех почти европ. языках; важнейшие из них: нем. «Rolandslied» попа Конрада (ок. 1133), нижне-нем. «Karlmeinet» (XIV в.), скандин. «Karlamagnussaga» (XIV в.), итал. компиляция «Reali di Francia» (ок. 1370), и т. д. Высказывалось также предположение (Дашкевич) о влиянии «Песни о Р.» на «Слово о полку Игореве». В последний раз легенда о Р. (итал. Орландо) ожила в частью шуточном, частью романтическом придворном эпосе итальянского Возрождения: «Morgante Maggiore» Пульчи (1481), «Orlando Innamorato» Боярдо (*см.*; 1486) и «Orlando Furioso» Ариосто (1516; *см.* III, 466/67).

Издания «Chanson de R.»: Th. Mül-

ler (1878), E. Stengel (1900), L. Gautier (1872 и след.; с параллельным перев. на нов. франц. яз.), и др. Рус. перевод — Ф. де-Ла-Барта (переизд. в 1929 г. с комментариями Б. Ярхо). — О Р.см. *G. Paris*, «Histoire poétique de Charlemagne»(1866); *J. Bédier*, «Legendes épiques», t. III (1912); *его же*, «La Chanson de R., Commentaires» (1927).

А. А. Смирнов.

Роланд-Гольст (Roland Holst), Генриетта, нидерл. писательница и полит. деятельница (род. в 1869 г.), см. XLVII — прил. *биобибл. указатель современн. полит. деятелей*, 68. — Как писательница, Р.-Г. занимает видное место в нидерландской литературе; она является автором ряда беллетристических произведений и стихов. Поэзия ее («Opwaartsche wegen» и др.) насыщена социальными мотивами, проповедью общечеловеческого братства, но вместе с тем окрашена в мистические тона (*ср.* XXX, 189).

Ролен-Жакмэн (Rolin-Jacquemyns), Гюстав, бельг. юрист и полит. деятель (1835 — 1902). Адвокат по профессии, Р.-Ж. был депутатом (1878—86), мин. вн. дел в либеральн. кабинете (1878 — 1884), с 1892 г. работал в международн. судебной палате в Египте, затем (до 1901 г.) реорганизовывал управление в Сиаме по приглашению сиамск. правительства. Р.-Ж. был одним из основателей Института международного права (1873), долгие годы был затем его генеральн. секретарем и соиздателем «Revue de droit international et de législation comparée» (осн. в 1869 г.).

Роли (Raleigh), Уольтер, см. *Рэли*.

Роллан (Rolland), Ромэн, знаменитый французский писатель, род. в 1866 г. в Кламси в Бургундии, в семье нотариуса. Путь его, по его собственным словам, «лежит от старинной французской буржуазии, от старинной французской провинции, воспитанной хоть и в светском, но все же религиозном преклонении перед Родиной и Революцией — перед одной только революцией 1789 г.». Образование Р. получил в лицее Людовика Великого, а затем в Ecole Normale, где изучал философию и историю, с юных лет увлекался Шекспиром и Толстым и музыкой. Смущенный взглядами Толстого на искусство, Р. написал ему в 1887 г. письмо, в ответ на которое получил от Толстого целую диссертацию на 38 страницах, произведшую на Р. неизгладимое впечатление. Распространенное мнение о «толстовстве» Р. не вполне верно. Из учения Толстого он воспринял идеи о значении искусства как средства единения людей, о том, что создать ценное художественное произведение может только художник, проникнутый любовью к человечеству. Но Р. осталась чужда идея непротивления злу. Вступив в сознательную жизнь, он уже чувствовал отвращение к «внукам и правнукам жирондистов и якобинцев, которые разжирели, добросовестно уничтожили «тощих» Коммуны и продали душу Панаме». Защитив свою диссертацию по «Истории оперы в Европе», он становится преподавателем по истории музыки в Ecole Normale, а с 1903 г.—в Сорбонне, женится и в доме своего тестя знакомится с разнообразными кругами парижского общества, учеными, финансистами, чиновниками, укрепляется в своем критическом отношении к буржуазии, наблюдает здесь те типы, которые выведет позднее в «La foire sur la place». Дело Дрейфуса взволновало Р. и побудило его стать на сторону «лучших людей Франции», носивших на себе печать Бетховена и «Воскресенья», «итти в атаку против лжи политики и преступлений цивилизации». Правда, борьба с продажностью и общим разложением, вскрытыми этим делом, у молодежи, к которой примыкал Р., выразилась в идее «служения», в жажде «самопо-

жертвования ради веры», в «героической религии жизни-жертвы». Империалистическая война раскрыла глаза Р. на тяжелые последствия такого идеалистического подхода к совершенно реальным преступлениям. Р. пришел в отчаяние, когда узнал, что под влиянием его учения о добровольном служении и героизме молодежь шла на войну, в особенности, когда мать одного из погибших от немецкой пули юношей сообщила ему с благодарностью, что в его книгах ее сын обрел «ту силу, тот героизм, которые слишком угашаются критическим духом нынешнего воспитания». После тяжелых разочарований он бросается в борьбу против войны, пишет ряд статей, позднее собранных в сборник «Над схваткой» («Au-dessus de la mêlée»), в которых среди всеобщего разгула шовинизма и безумия призывает к отрезвлению, изобличает «зловещих актеров вечной войны», предсказывая, что они со временем первые поладят с зарейнскими дельцами, «когда речь зайдет о делах». Патриоты всех мастей обрушиваются на него с небывалой злобой. Не только обезумевшие буржуазные ученые и писатели, в роде Бурже, Барреса, Олара или Л. Доде, но и тысячи неведомых анонимов с ежедневной почтой «доставляли на завтрак полную миску плевков, букет анонимных угроз, обещавших мне участь Жореса». Но мужественные выступления Р. приобрели ему симпатии немногих лучших людей, сохранивших здравый рассудок в дни, когда даже А. Франс и Метерлинк требовали полного уничтожения немецкого народа. Элеонора Дузе, Эллен Кей, Мартине, Жув, Эйнштейн, рабочие организации, оставшиеся верными международной пролетарской солидарности, горячо приветствовали неподкупного писателя. И в эту эпоху протест Р. не переходил за пределы гуманистических призывов, Циммервальд и Кинталь не нашли отклика в его сознании. Он, по его собственному признанию, «медленно, с трудом и через боль освобождался от иллюзий, сковавших его молодость (ложь официальной истории, ложь национальных и социальных условностей, ложь традиций и государства). Только через 17 лет в своем знаменитом ответе Риу по вопросу о пан-Европе (нап. в январе 1931 г. в «Nouvelle Revue Mondiale») он признал свою ошибку: «Я тогда едва начинал с трепетом вникать в раскрепощающий человечество ответ, который должны были бы дать своим правительствам народы, я не осмелился тогда высказаться. Я это делаю сейчас. Это ответ Ленина в 1917 году: восстание европейских армий против руководителей войны и братание их на поле битвы». Падение царизма в России Р. приветствовал статьей: «России свободной и освобождающей», но он все еще оставался во власти интеллигентски-гуманистических представлений, оставался в роли «наблюдателя, проникнутого симпатией к величию героев и высоким целям, поставленным ими перед собой, но отвергающего насильственный и кровавый характер их средств». Ленин предлагал ему ехать вместе с собой в Россию в марте 1917 г., Р. отказался («Прощание с прошлым», Кр. Новь, 1931, VII). Быстрый рост советского строительства, мировая демонстрация превосходства социалистической формы хозяйства перед сотрясающимся капитализмом в конце концов произвели решительный переворот в сознании Р. «Наконец, пишет он, самый ход событий, та Ананке, которую Маркс сводит к железному закону экономического материализма, — раскалывая мир на два лагеря и с каждым днем углубляя пропасть между интернациональным капитализмом и другим великаном — союзом рабочих пролетариев, неизбежно заставил меня перешагнуть эту

пропасть и стать в ряды СССР». В последние годы Р. выступает пламенным защитником Советской страны, «осуществляющей самый героический опыт, самую твердую надежду будущего», и клянется в тот день, когда начнется решительный поединок между двумя мирами, стать на сторону Советского союза, «кто бы ни был его врагом».

Как художник, Р. исходил из тех же стремлений, которые привели его к нашей революции. Он томился среди мелких интересов, среди будничных серых сумерек, которые заволакивали жизнь мещанской Европы. Он искал величия, героизма, творчества, энтузиазма, великих народных движений,— всего того, что отсутствовало среди окружавшей его действительности. Он начал с больших драматических циклов, и эта форма, сохраненная им и в романах, соответствует грандиозности его замыслов. Первый цикл — сборник итальянских трагедий — не увидел света, потому что самому автору показался неудовлетворительным. За первым последовал (1895—1898) цикл «Трагедий веры» («Saint-Louis», «Aërt»), который был первым художественным воплощением культа героизма, жажды подвига, самоотверженного служения человечеству. Третий цикл (1898—1902), «Театр революции» («Le Quatorze Juillet», «Danton», «Les Loups», «Le Triomphe de la Raison»), является в значительной степени предшествием наших революционных театральных исканий. Р. стремился «освободить по возможности действие от всякой романтической интриги, загромождающей и умаляющей его развитие», стремился выявить во всей глубине крупные политические и социальные интересы, за которые человечество борется уже целое столетие. Его книга «Народный театр» («Théâtre du Peuple»), переведенная у нас в первые дни революции, была манифестом, направленным против запутанного психологизма, всякой изысканности, символических туманностей, «всего этого искусства салонов или альковов»: расслабленный французский театр может обрести силу только в живом прикосновении к массам, только жизненные силы народа могут вернуть ему жизнь и здоровье, из предмета роскоши для десяти тысяч привилегированных он должен стать пищей для массы.

Не только в драматических образах ищет Р. выхода своим стремлениям к героическому и монументальному. Он создает ряд мастерских биографий своих любимых художников — Бетховена, Микель Анджело, Толстого, потому что мир задыхается, «воздух вокруг нас слишком тяжел», он хочет «открыть окна, впустить вольный воздух, дышать дыханием героев». Его театр и эти биографии были подготовкой к его главному творению, десятитомному роману «Жан Кристоф» («Jean Christophe»), который он задумал в 1895 г. и последний том которого — «La Nouvelle Journée» — появился в октябре 1918 г. Герой этого произведения, доставившего его автору мировую славу,— носитель идей творчества, музыкант, художественное воплощение творческой личности. Для него жить значит творить. «Существуют только те, кто творят, все другие — тени, блуждающие по земле, чуждые жизни. Все радости жизни суть радости творчества: любовь, гений, действие... творить, это значит убить смерть». Но Кристоф — не самодовольный художник, ушедший от жизни, служитель «чистого искусства». Он находится в состоянии непрерывного антагонизма с окружающей его мещанской жизнью. Его путь — это путь к искусству и к нравственному совершенству, и каждый шаг на этом пути есть одновременно и раскрытие внутреннего мира художника и обличение уродливого

внешнего мира. Такие части романа, как «Ярмарка на площади» и «Подруги», вызвали бурю негодования, так как нанесли удар не в бровь, а в глаз современному филистерству, снобам всех видов, критикам и журналистам, покорным рабам толпы, рвачам, невеждам и бездарностям, спекулирующим пером, моде, рекламе, кружковщине, продажности. Самое служение Кристофа искусству уже является мятежной разрушительной силой в современном обществе и как бы должно оправдать основной тезис Р., что истинное искусство всегда революционно. В этом романе, затрагивающем все глубочайшие проблемы, выдвинутые нашей эпохой, ярко сказываются особенности стиля Р. Не раз указывалось (Ст. Цвейг), что здесь нет определенного ритма, структура фразы лишена устойчивости, что автор не налагает свою печать повсюду, и вместо того, чтобы дать форму содержанию, он предоставляет последнему создавать свою форму, он наделен гениальной способностью применяться к ритму события, к данной ситуации, к настроению. Он только резонанс, продолженная вибрация чувства. Как в поэме, у него первая строка всегда дает тон, а затем ритм увлекает за собой все действие. Отсюда короткие и сжатые эпизоды, которые часто представляют собою только песни, несомые каждая своей собственной мелодией, умолкающие внезапно, чтобы дать слово новому чувству, новому впечатлению. Р.— музыкант, и его роман построен в форме торжественной симфонии, открывающейся величественным хоралом — гулом Рейна, и в этом грохоте стихийной силы возникает тихая мелодия: родился Жан Кристоф. Здесь «все формы жизни и музыки разрешаются в гармониях и диссонансах: трагические приступы меланхолии, как у Бетховена, гениальные фуги на артистические темы, сельские пляски (как в «Неопалимой купине»), гимны беспредельному, песни природе, чистые, как песни Шуберта».

После «Жана Кристофа» появляется ряд произведений, свидетельствующих о бесконечном разнообразии таланта Р. «Colas Breugnon» (1913) — роман, полный жизни и бодрой радости, история веселого, жизнерадостного бургундца, столяра-ремесленника, который одинаково любил и труд и выпивку, жил в том же Кламси, где родился его автор. Этот роман, который Горький назвал замечательнейшей книгой нашего времени, был для его автора чем-то в роде интермедии, желанием на мгновение приобщиться к прошлому родной Бургундии. «Liluli» (1917) — траги-комедия, пронизанная сарказмом и жгучей горечью, отражение тревог и разочарований, пережитых Р. в годы войны. «Pierre et Luce» — поэтическая любовная идиллия, завершающаяся трагическим концом. «Clérambault» (1920) — «история свободной совести». «Le Jeu de l'Amour et de la Mort» (P. 1925), «Les Léonides» (P. 1928) — продолжение его прерванного цикла «трагедий революции». «L'Ame enchantée» (1922 сл.)— история женщины, которая ведет борьбу за свою независимость среди мещанского общества, — цикл романов, еще незаконченный. В настоящее время Р. пользуется огромным моральным авторитетом во всем мире. Ему была присуждена Нобелевская премия, которую он пожертвовал всю целиком на цели, соответствующие его идеям. Весь гонарар, причитающийся ему за полное собр. его соч. в Союзе, он предоставил I МГУ для стипендий студентам, превратив это пожертвование в манифестацию своих дружеских чувств к советской стране. К его шестидесятилетию друзьями и почитателями был издан сборник статей и приветствий («Liber Amicorum», 1926, Zürich und Leipzig).

В настоящее время Р. подготовляет книгу о Ленине.

Библиография. Соч. Р. издавались неоднократно в русск. пер. В наст. время выходит полное собр. сочин. в изд-ве «Время» под ред. П. Когана и С. Ольденбурга со статьями Горького, Луначарского, Цвейга и предисловием Р. (лучш. изд.).

Из лит. о Р.: *St. Zweig*, «R. R. Der Mann und das Werk», Frankf. a. M. 1920; *P. J. Jouve*, «R. R. vivant», Paris, 1920; *Hans Leo Gottfried*, «R. R. Das Weltbild im Spiegel seiner Werke», 2-te Aufl., Stuttgart, 1931; *В. Фриче*, «Зап.-европ. лит. XX века», 1926; *П. С. Коган*, «Р. Р.» («Рост», март 1931); *А. Луначарский*, «Игра любви и смерти» («Нов. Мир», 1926, V).

П. Коган.

Роллен (Rollin), Шарль, франц. историк (1661—1741), род. в семье мелкого ремесленника в Париже. Монах, случайно встретившийся с ним в церкви, обратил внимание на талантливого юношу и содействовал поступлению его в университет. Двадцати двух лет от роду Р. был уже преподавателем философии в коллеже de-Plessis-Sorbonne, 30-ти лет — ректором университета, сорока — членом Академии надписей. Его важнейшей заслугой было реформирование преподавания истории в светском духе; он освободил историю от схоластических методов и поднял ее на ступень самостоятельной и важной науки. Его главные работы: «Traité des études» (1726—31, 4 т.т.), в кот. он развивает свои методологические взгляды на преподавание гуманитарных наук, «L'histoire ancienne» (1730—38), сочинение, чуждое критики и компилятивное, и неоконченная, прерванная смертью «L'histoire Romaine» (1738—48, 15 т.), в настоящее время также лишенная научного значения (*см.* XXII, 316). Тем не менее, исторические работы Р. сыграли для своего времени известную роль: они популяризировали исторические сведения в образованном обществе и утверждали чуждый всяким конфессиональным точкам зрения взгляд на историю (*см.* XLV, ч. 1, 475).

В. П.

Роллон (Rollo, Rolf, др.-сканд. Hrolfr; в крещении назывался *Робертом*), первый герцог Нормандии (ум. 932). О получении им Нормандии в лен от короля Карла Простоватого *см.* XXX, 334, и XLIV, 512. Р. был женат на дочери Карла, Гизеле.

Ролль (Roll), Альфред-Филипп, франц. живописец (1847—1919), род. в Париже, начал свою художеств. деятельность рисованием орнаментов и узоров, затем учился в Школе изящных искусств у Жерома, после этого был учеником у Бонна́, ездил по Европе, писал животных и пейзажи в стиле Добиньи. Выдвинула Р. в 1878 г. большая картина «Тулузское наводнение», где он в тяжелых тонах Бонна́, в композиции, навеянной «Плотом Медузы» Жерико, изобразил группу ждущих спасения женщин и детей, сбившихся на крыше маленького дома в затопленной части города. Этой картиной Р. начал серию изображений быта рабочих и бедняков, не прикрашивая и правдиво перенося на полотно тяжелую их трудовую жизнь. В этой серии главные произведения — большая картина «Стачка горняков» (1880), где в тусклых тонах серого дождливого дня он показал толпу голодных и оборванных, покрытых угольной пылью рабочих, готовых поднять бунт, и «Труд» (1887), где выразительно выступают вспотевшие, с апатичными лицами, в заплатанных штанах и блузах, в натуральный рост фигуры парижских рабочих-поденщиков. В конце 80-х годов в Р. произошел крупный перелом. Он отбросил серые темные тона, обратился к культу формы и красок, примкнул к пленеризму (*ср.* XLV, ч. 1, 561). Он писал ярко освещенный луг, пропитанную зеленым светом древесную заросль

и на этом фоне фигуры девушки и быка («После удоя», 1887, «Девушка и бык», 1889), добиваясь удачной передачи трепета игры солнечных пятен, переливов света на обнаженном теле молодой женщины и блестящей шкуре быка. В то же время Р. отвернулся от изображения будничной тяжелой жизни и нужды пролетариата и перешел к изображению жизни верхов крупной буржуазии. В военных картинах он сделался выразителем воинствующего национализма, в портретах он давал изображения президентов и министров, в парижской ратуше показывал «Радости жизни» и в ряде картин являлся официальным хроникером-живописцем франц. правительства. В больших полотнах он давал только что установленный (1880) французск. правительством праздник 14 июля, юбилейную картину революции 1789 г. (1893), торжественную закладку Александровского моста в Париже (1896). При всех изменениях, которые прошел Р. на своем живописном пути, он всегда рисовал экспрессивно, писал грубыми широкими мазками и клал гармонично краски. — О Р.: *Roger-Miles*, «A. R.», 1904. *Н. Тарасов.*

Ролль (Rolle), Мишель, франц. математик (1652—1719), член парижск. Академии наук. Р. был первоначально писцом и лишь с большими усилиями проложил себе дорогу к научной деятельности. Предметом его занятий была высшая алгебра, по которой им был издан трактат в 1696 г. («Traité d'Algèbre») и в области которой он известен носящей его имя «теоремой Р.». Пользуясь этой теоремой, Р. дал свой способ для приближенного решения уравнений высших степеней. Но та же теорема является теперь основной и при изложении дифференциального исчисления, к которому Р., при его возникновении, относился, однако, отрицательно. Р. указал также способы для решения неопределенных уравнений первой и более высоких степеней в целых положительных числах. *И. Ч.*

Роль, то же, что *голландер*, см. *писчебумажное производство*, XXXII, 229′.

Ром, см. *водка*, X, 519/20.

Рома (Roma), богиня, олицетворение города Рима, впервые стала предметом поклонения в малоазиатских городах (II в. до н. э.); при Августе богине Р. воздвигались храмы в греч. городах, где ее чтили вместе с Августом; при имп. Адриане ей был построен храм уже и в Риме, на Via Sacra. Изображение Р. в виде воинств. женщины со щитом, копьем и в шлеме (иногда в короне с зубцами городск. стены) нередко встречается на римских монетах (ср. *религия*, XXXVI, ч. 1, 429).

Роман. Термин Р. возник в средневековой Франции и первоначально обозначал произведения, написанные не на латинском, а на старо-французском языке. Латинским языком пользовалось государство в своих актах, им пользовалась церковь, от него все более отказывалась художественная литература. Таким образом, Р. обозначалось произведение, которое мы назвали бы беллетристическим, независимо от того, написано оно прозой или стихами, коротко ли и тематически узко или, наоборот, состоит из множества эпизодов и напоминает собою то, что в новое время называют Р. А так как основную группу произведений XII—XV вв., впервые получивших это наименование, составляли фантастические повествования о военных и любовных похождениях рыцарей, то надолго слово «Р.» останется синонимом «выдумки». Когда первый теоретик Р., галантный епископ *Юэ* (Huet), попытался в 1670 г. определить этот термин, он указал такое именно соотношение: Р. есть выдумка (fiction), любовь должна быть главным сюжетом Р. Часто и сейчас в просторечии,

применительно к житейскому явлению, это слово употребляется точно в таком же смысле. Но история литературы никак не может согласиться с этим определением: особенно в XIX в. Р. стал, наоборот, выражением наиболее реалистических тенденций литературы, а эротический признак для него не более характерен, чем для любой музыкальной композиции или лирического стихотворения. Впрочем, далеко не единообразны литературные термины разных языков. Русский язык дает возможность разграничить четыре прозаических жанра: 1) рассказ (*см.*), т.-е. эпизод из жизни, трактуемый обычно психологически; 2) новелла (*см.*) — сжатое, сюжетно заостренное, однотемное произведение, по большей части стилизованное; 3) повесть (*см.* XXXII, 389) — эпическое произведение, обильное бытовыми подробностями, дающее воспоминания о законченной группе событий; 4) Р. — крупное по объему, широкое по захвату или углубленное по трактовке произведение, темою которого служит конфликт, столкновение интересов, контрастность характеров, драматичность событий. Аналогией Р. является в театральной литературе драма (*см.*). Но драма, рассчитанная на кратковременное восприятие, строится по принципу кульминационных точек и развязки, тогда как Р., не ограничиваемый объемом, гораздо глубже анализирует социальные и психологические конфликты, богаче живописует характеры, картины и события, при чем в этом анализе и в этих картинах его цель, а не в развязке, по существу для него не обязательной. Так же логично, но в ином направлении, различает термины английский язык: 1) romance — прозаическое повествование о необычайных событиях; 2) novel — пространное прозаическое повествование, изображающее характеры и события, взятые из реальной жизни и соединенные между собой непрерывной интригой; 3) romaunt — Р. в стихах. Французский язык не отличает Р. от повести, именуя иногда Р. и то, что мы назвали бы рассказом. Еще менее расчленяя, испанский язык именует novela всякое вымышленное произведение. Итальянский romanzo и немецкий Roman приблизительно соответствуют русскому Р.

Древнейшие образцы Р. дает Греция в первые века нашей эры, может быть немного раньше. Конечно, элементы Р. можно найти в древности, гораздо более глубокой, напр. в египетской «Повести о двух братьях» (нов. пер., М. 1917), в древнееврейских повестях о Руфи или об Иосифе. Но египетская повесть синкретична и иносказательна, реалистические элементы тонут среди сказочного и религиозно-символического материала, чуждого европейской концепции Р. Руфь — небольшая пасторальная повесть. В повествовании об Иосифе есть налицо зерно авантюрного Р., однако недоразвившееся. Бесчисленные вариации сюжета «Прекрасный Иосиф» дает поздняя восточная литература; в частности, сохранилось немало персидских поэм-Р. о любовной чете, отданной превратностям и испытаниям. Однако, и тут перед нами произведения иного порядка, чем европейский Р. Известнейший в этой серии — Р. в стихах *Джамия* (*см.* XVIII, 294/96) «Юсуф и Зулейка» (XV в.), стилистически чрезвычайно красочный и пряный, развертывает вне истории цепь испытаний, дедуктивно подводящих к теологическому тезису: мир творится откровением красоты.

Подобная символичность отсутствует в греческих Р. (*см.* XVI, 677, 679), которые можно считать предшественниками этого распространеннейшего в Европе жанра. Хотя они не богаты литературными достоинствами, но переводились много раз на евро-

пейские языки, даже и на русский, еще в XVIII в. и, несомненно, влияли на европейскую концепцию Р. «Абракомей и Антея» *Ксенофонта Эфесского*, «Эфиопика» *Гелиодора* (*см.* XIII, 101; нов. пер. изд. Academia, 1932), «Левкиппа и Клитофонт» *Ахилла Татия* (нов. пер. 1925), «Херей и Каллироя» *Харитона из Афродисии* — все эти авантюрные Р., с трудом датируемые в пределах I—VIII вв. нашей эры, выросли из тех упражнений по риторике, которые в ораторских школах именовались «контроверсами». Они абстрактны, их самоцель — в развитии крайне запутанного приключенческого сюжета, осложняемого обратным его развертыванием и параллельными эпизодами; схема сюжета такова: необычайно красивые юноша и девушка покинуты в детстве родителями, они странствуют по миру, спасаются от бурь, от пиратов, от покушений на их честь, они разлучены пленом, но, благодаря неожиданным встречам и вещим снам, вновь находят друг друга и своих высокопоставленных родителей. Интерес чисто внешний, психология заменена риторикой, бытовой и исторический элементы отсутствуют. В этой группе особняком стоит пастораль «Дафнис и Хлоя», приписываемая безвестному *Лонгу* (*см.* XVI, 679), своим лиризмом пленившая Гете и занявшая почетное место в европейских библиотеках (пер. Д. Мережковского, 1896).

Римская литература Р. небогата. Охотно читаемый сейчас «Золотой Осел» *Апулея* (см.; нов. пер. изд. Academia, 1929) состоит из вереницы занимательных новелл. «Сатирикон» *Петрония* (см.; нов. пер. 1926) грубо и сильно рисует развратный быт эпохи Нерона, предвещая возникновение реалистического Р., но фрагментарность дошедшего до нас отрывка и отсутствие продолжателей у Петрония не позволяют точнее характеризовать римскую художественную прозу.

Начиная с средних веков, Р. развивается почти непрерывно, все более расширяющимся потоком, рукава которого все более отклоняются от направления, данного ему в XII—XIII вв., когда круг читателей был узок и строго очерчен. И «Романы Круглого Стола» (*см.* XLV, ч. 1, 445/47), включающие в себе разнородные повествования о волшебнике Мерлине (*см.*), о Ланселоте (*см.* XXVI, 441) и Джиневре, о Парсифале (см. *Кретьен де Труа*) и кубке Грааль (см. *Граль*), и не входящий в этот цикл роман о Тристане (*см.*; дошел в отрывках разных веков и авторов; реконструкция 1900 г. франц. филолога Ж. Бедье, есть русск. перев.), и повести, традиционно именуемые Р., в роде анонимной «Берты с большой ступней» или «Мелузины» *Жана из Арраса* — относятся к куртуазной поэзии (*см.* XXXIII, 502). Они составлялись и записывались для феодальных дам, житейски далеко не столь куртуазных, но в своей бездеятельной замкнутости истончавших воображаемые чувства до сладостной идеи «любовь сильнее смерти». Однако, вопреки схематической романичности этого мотива, средневековые Р. все же разнообразны и свежи: одни из них психологичны (вариант Тристана, написанный Томасом), другие — внешне авантюрны (Ланселот), третьи переработаны философски (особенно германские варианты легенды о Парсифале), но, главное, они свежи тем, что первоначальные составители и рассказчики включали в куртуазную ткань различные мотивы древнего фольклора, природные, наивные, чувственные. В своей дальнейшей эволюции *рыцарский* Р., уже на испанской почве, к XVI в. выродился в головоломную абракадабру приключений «Амадиса Гальского» (*см.*), которая вызвала

вполне естественную реакцию: *плутовской Р.* (см.) и «Дон Кихота» (*см.* XVIII, 631/32), задуманного *Сервантесом* (см.) как пародия на жеманные варианты рыцарского Р. Первый образец плутовского Р. (novela picaresca) — анонимная незаконченная книга «Ласарильо из Тормеса» (1554, нов. пер. изд. Academia 1932). Плутоватый бродяга Ласарильо (*см.* XXII, 236/37) становится поводырем слепого нищего, слугою попа, потом — спесивого дворянина, продавца индульгенций, полицейского; выиграв в социальной выразительности отдельных сатирических очерков, реалистический Р. отказывается на первых порах от связной фабулы. Шире и цельнее Р. *Матео Алемана* (*см.* II, 221) «Гусман из Альфараче» (1599) — история беспризорного, то поваренка, то рассыльного, то жулика, разбогатевшего и зажившего по-дворянски, ставшего жертвою воров и вновь сделавшегося профессиональным вором, вновь возвысившегося и вновь бродяжничающего. Еще резче «Жизнь и приключения великого пройдохи Пабло из Сеговии» (1627) *Ф. Х. Кеведо* (*см.* XXIV, 55) — хаотические и не всегда пристойные сцены из жизни мошенников и странствующих актеров, написанные резко, безбожно и социально выразительно. Все эти Р. вызвали множество подделок и подражаний и в конце концов померкли в славе их французского подражателя *Лесажа* (см.); его «Жиль Блаз» (1715—1735) конструктивнее, благонравнее, элегантнее, но лишен бунтарской силы испанских подлинников. Этот вид Р. не был единственным в Испании XVI—XVII вв., когда ее литературная жизнь интенсивно расцвела. Сервантеса иногда трактуют как основоположника реализма; однако, он, помимо «Дон Кихота» (1605—1615), написал типичную манерную пастораль «Галатея» (1584) и приключенческий Р. «Персилес и Сигизмунда» (1617), который справедливо сопоставляют с «Эфиопикой» («Феаген и Хариклея») головоломного Гелиодора. Не однороден и «Дон Кихот». В его канву включены и законченные новеллы, и жеманные пасторали, и сцены в стиле picaresco. Осмеивая приключенчество, Сервантес сам строит запутанные приключения. Еще никогда не осуществлялся в Р. так широко принцип амальгамы. Тем не менее, эта книга заняла в истории литературы исключительное место благодаря тому, что сквозь мешанину конструктивных стилей встают фигуры Дон Кихота и Санчо Пансы, уже давно и прочно ставшие именами нарицательными.

Во Франции, которой в течение XVII — XIX вв. принадлежит литературная гегемония, история новоевропейского Р. начинается с антагонизма между его видами: романическим, бытовым и психологическим. К первому относится нескончаемая, слащаво жеманная «Астрея» *д'Юрфэ* (1607—1627; *см.* XLV, ч. 1, 468), где благородные юноши и девицы, пасущие овечек на берегах Линьона, изъясняются в чувствах, и такие же образцы жеманства (préciosité) — ходульные выдумки мадемуазель *де Скюдери* (см.); ко второму — резкий их антипод — «Франсион» *Сореля* (1622; *ср.* XLV, ч. 1, 468/69), картины из жизни школяров, и «Актерский роман» *Скаррона* («Roman Comique», 1651; *ср.* XLV, ч. 1, 469), вереница комических эпизодов из жизни странствующей труппы; к третьему — «Принцесса Клевская» (*ср.* XLV, ч. 1, 471) *г-жи Лафайет* (1672), где бедный фактами и персонажами сюжет углублен охлажденным, наукообразным анализом чувств. Характерно, что Сорель другую из своих книг снабдил подзаголовком «анти-Р.» и пояснил: «Моя книга — могила Р. о поэтической чепухе», тем

подчеркивая, что для XVII в. Р. и вычурная выдумка были синонимами. XVIII в. ослабил тенденцию вычурно-пастушескую, но в реалистический Р. включил приключенческое начало (*Лесаж*, «Жиль Блаз», *см.* XXVII, 69/70). Р. о чувствах стал эмоциональным («Манон Леско» *аббата Прево*, 1732; нов. рус. пер. изд. Academia, 1932; *см.* XXX, 309/10) и в другой линии еще более охлажденно аналитическим (*Лакло*, «Опасные связи», рус. пер. изд. Academia, 1933; *см.* XXVI, 387/88). Верхом эмоциональности явилась для читателей XVIII в. «Новая Элоиза» *Ж. Ж. Руссо* (1761), принятая ими как новое слово. Отвечая в предисловии воображаемому критику, Руссо определяет свою концепцию так: «Вам нужны обыкновенные люди, но исключительные события; я предпочитаю как раз обратное». Исключительны же, по его мнению, те люди, которые способны не остроумничать, не беседовать блестяще, но чувствовать, которым нужна не столица, не эффекты цивилизации, но искренность чувств. Таким образом, являясь родоначальником *романтического* Р. и на целый век затопив литературу эмоциональностью, «Новая Элоиза» относится по своему дидактизму к Р. философскому, рационалистические образцы которого дали *Вольтер* «Кандидом» (1759, нов. пер. изд. Academia 1931) и *Дидро* — антирелигиозной «Монахиней» (1760; напечатан только в 1796 г.; новое русское изд. 1929).

Начало английского Р. обычно относится к XVIII веку. Однако, недавние открытия показали, что уже в шекспировскую эпоху существовали первые его образцы. Только в XX в. исследователи обратили внимание на беллетристические произведения ткача *Томаса Делонэ* (изд. 1597—1600, переизд. 1912; рус. пер. 1928), которые меняют обычное представление о начальных стадиях Р. Произведения норфолькского ткача свободны от вычурной занимательности, круг его интересов ограничен профессиональными делами, характеры просты и живы, взяты из хорошо знакомой ему среды. Весьма возможно, что аналогичные зародыши реалистического Р. существовали в Англии и помимо Делонэ, но были заслонены более эффектными и широкими произведениями, представляющими собою шаг назад в реалистическом отношении. Реалистическим не может быть назван «Робинзон Крузо» *Даниеля Дефо* (см.), сразу завоевавший себе огромный успех в 1719 г. и с тех пор непрерывно переиздающийся. Дефо никогда не выезжал из Лондона, дикари его фантастичны, описываемые им бури — аллегории испытанных им коммерческих невзгод и крахов, пуританское поучение о правде труда и терпения ставил он целью своего Р., который захватывает читателя мнимой реалистичностью воображаемых им событий. Свою пуританскую деловитость еще более обнаружил Дефо в Р. «Молль Фландерс» (1722, нов. пер. изд. Academia, 1932), в котором эффектные приключения авантюристки, переменившей 5 мужей, бывшей 12 лет проституткою и 12 лет воровкою, он непрестанно иллюстрирует цифрами, подсчетами, сметами. В противоположность деловому Дефо, целиком на любви, на ее столкновениях с «добродетелью» сосредоточился *Ричардсон* (см.) в «Памеле» и «Кларисе» (*нравоучительный* Р.). Реалистичен лишь по частностям, бытовым и психологическим, «Том Найденыш» *Фильдинга* (1749; *см.*), интригующий запутанной фабулой. Оригинально разрушает канон Р. *Даниель Стерн* (см.), зря именуемый иногда создателем сентиментальной школы. В Р. «Жизнь и мнения Тристрама Шенди» он едва успел рассказать о рождении своего героя, настолько

он занят психоаналитическими отступлениями, мелочами повседневной жизни и странностями его чудаковатых родственников, изображенных в свете мрачного юмора. Наконец, в последние годы XVIII в. были очень модными Р. той школы, которой сейчас посвящается на Западе много исследований и которая именуется черной, неистовой, или, более обобщенно, *готической*. Рыцарский замок, полный привидений, всяких ужасов и таинственности, запертая в его подземельях невинная героиня — эту схему *Уольполь* («Отрантский замок», 1765) трактует всерьез. *Анна Редклифф* (см.; «Тайны Удольфского замка», 1794), пользуясь ею же, потом сама разоблачает технику своих устрашающих фокусов. *Дж. Льюис* («Монах», 1795) заменяет внешние ужасы душевными муками, столь же раздирающими. Умереннее *Матюрен*, оказавший наибольшее влияние на французскую литературу «Мельмотом» (1820), однако и он не в плане пассивно мечтательном разрешает тему вечного странника, но сквозь бури на море, инквизиторские пытки и дьявольские махинации монахов (*ср.* III, 39/40). Другой вариант готической школы дает *Вальтер Скотт* (см.; «Веверлей», 1814, «Айвенго», 1820, «Вудсток», 1826), который использует замки, тайны, палачей и разбойников для создания псевдоисторического, декоративного Р., по существу добродушного и даже не лишенного человечности в отдельных характерах. В эти же 1824—1826 гг. поселился в Париже, здесь добыв себе славу, американский писатель *Фенимор Купер* (*см.* XXVI, 191/92, и XLI, ч. 6, 495/96), создатель Р. подлинно *морского* («Штурман», «Красный Корсар») и *колониального* («Последний из Могикан»). Причудливо скрещиваясь, все эти мотивы, черные, разбойничьи, декоративно-исторические, морские и дикарские, внесли оживление в литературу и многим вскоре потом забытым писателям дали головокружительную славу; редко кто и из тех авторов, которые ставили перед Р. иные, серьезные задачи, не соблазнился приемами вульгарного Р. Так, *Жорж-Санд* (*см.* XX, 332), феминистка, гуманистка, социалистка, в своей ранней и наиболее ее прославившей «Лелии» (1833) не так далека от декламаций «Отшельника» *д'Арленкура* (1821); так, *Виктор Гюго* (см.) использовал целый пучок вульгарных мотивов в «Гане Исландце» (1823) и свои зрелые вещи строил на опернности истории, на романтических гиперболах и риторических антитезах. С другой стороны, как будто не претендовавшие на серьезность создатели Р.-фельетона *Эжень Сю* (см.; «Парижские тайны», 1844) и *Фр. Сулье* (см.; «Мемуары дьявола», 1837) соединили ужасные эффекты с социальною темою о «низах общества». Не избежал самых вульгарных мотивов, спускающихся иногда до столь популярного когда-то *Дюкрэ-Дюминиля* («Селина, или дитя тайны», 1798), даже и *Бальзак* (см.), как никто разрушавший основной линией своего творчества поэтику «вальтер-скоттизации» и романичности. Но произведения Бальзака, чаще недлинные и однотемные повести, и меньше Р. и больше его, так как объединялись единым огромным замыслом «Человеческой Комедии» (1829—1850), которая, включая в себя многие сотни характеров, схваченных с самой прозаической их стороны, деловой и повседневной, формально не подходя к рубрике Р., является образцом сложного, насыщенного, многоплоскостного Р. Из крупных писателей один только *Стендаль* (см.) остался вне эмотивного Р., в силу этого, вероятно, и мало замеченный при жизни. Зато гораздо позже, уже на грани XX в.,

он был признан больше других ради его творческого протеста против пустой торжественности, ради беспощадности его психологического анализа («Красное и Черное», 1831) и энергии его повествования («Пармский Монастырь», 1839). Уничтожающий удар романтическому Р. нанес *Флобер* (см.). Его «Мадам Бовари» (1859) начинает собою длинный ряд Р., ставящих целью тщательнейшую фиксацию среды и обстановки, скрупулезную мотивировку чувств и поступков. Возникший на этой основе *натуралистический* Р. (см. *реализм*) станет *психопатологическим* у братьев *Гонкур* («Жермини Ласерте», 1865; *см.* XV, 424/27) и *изобличающим* у *Зола* (см.), для которого важен не отдельный герой, а социальные и производственные группы или, с другой стороны, группы биологические, позволяющие установить предопределенность характеров законами наследственности. К концу XIX в. Р. измельчал в изображении частных инцидентов или психологических казусов. Попытки вернуть ему структивность пошли по линии стилизации (*Анри де Ренье*, см.) или возврата к философскому Р. (*Анатоль Франс*, см.). Р., как историю творческого духа, дает *Ромен Роллан* (см.; «Жан Кристоф», 1904—1912). Картина послевоенного французского Р. крайне пестра: социальный Р., еще никогда не достигавший такой резкости (*А. Барбюс*, «В огне»; см. XLVIII, прил. *современ. деят.*, 117), изощреннейший психологизм (*М. Пруст*, «В поисках за потерянным временем»; *см.* XLVIII, прил. 143), противоположные ему поиски простоты и человечности в крестьянской среде (*Альфонс Шатобриан*, «Бриэра»; *Луи Эмон*, «Мария Шаделэн»; *Жан Жионо*, *Андрэ Шансон*), Р. *производственный*, насыщенный техническими процессами и терминами (*Пьер Амп*; *см.* XLVIII, прил. 115/16), Р. *фантазерский*, где сюжет уступает место причудливой игре стилистических фигур (*Жан Жироду*; *см.* XLVIII, прил. 132), и на ряду с этими серьезно трактуемыми жанрами — расцвет *приключенческой* дешевки (*Пьер Бенуа*; *см.* XLVIII, прил. 119, и друг.) и гибридного жанра — «романизированных биографий» (vies romancées).

Другие европейские страны проделали в XIX в. тот же путь от романтических форм к реалистическим и от них — к эклектической пестроте, с той разницей, что в каждой стране у Р. обнаружились и специфические черты. В Германии развитие Р. начинается поздно — с «Ученических годов Вильгельма Мейстера» *Гете* (1795—1796), где осуществлена та очень привившаяся концепция Р., по которой он является пространной хроникой, повествующей не столько о конфликтах, сколько о пути, о странствиях героя, о его развитии, созревании (Erziehungsroman). По такому же биографическому канону построен сентиментальный «Геспер» *Жан-Поля* (1795; см. *Рихтер*), неистово романтические «Вильям Ловель» (1796) и «Странствия Франца Штернбальда» *Людвига Тика* (см.), «Живописец Нольтен» *Эд. Мерике* (см.; 1832) и реалистический «Der grüne Heinrich» *Готфрида Келлера* (1854; см.). Вторая особенность немецкого Р. в том, что реалистические тенденции здесь прочнее, описательность глубже, и фабула, соответственно, менее обязательна. Имеется специфическая разновидность — *пейзажный* Р. (Landschaftsroman). Длительнее и систематичнее развивается Р. нравов: купеческий мир (*Фрейтаг*, «Потерянная рукопись», 1864; *см.* XLV, ч. 1, 618), история мелкого крестьянина (*фон Поленц*, «Крестьянин», 1895; *см.* XXXII, 487); вновь купечество в истории его четырех поколений уже в период распада (*Томас Манн*, «Будденброкки», 1901; см. XLVIII, прил. *совр. деяте-*

ли, 138). Третья особенность: немецкий Р. идеологичен. По нему легко восстановить историю мировоззрения от эпохи «Молодой Германии» (*Карл Гуцков*, «Рыцари духа», 1850; *см.* XVII, 445/46) и туманной революционности (*Шпильгаген*, «Загадочные натуры», 1864; *см.* L, 382/83) до явственного осознания классовой борьбы (*Иоганнес Бехер*, «Единственно справедливая война», 1925; *см.* XLVIII, прил. 120).

Англо-американский реалистический Р. развивается в двух основных направлениях: 1) традиционный Р., *семейный*, широкий по захвату, сочетающий тщательно выписанные характеры с богатой фабулой; он эволюционирует от мягкого юмора *Диккенса* (см.; 1812—1870) до необходимости констатировать разложение семейного уклада (*Джон Голсуорси*, «Сказание о Форсайтах», 1922 сл.; см. XLVIII, прил. *соврем. деят.*, 127), до резкого портрета стандартного янки (*Синклер Льюис*, «Беббит», 1922; *см.* XLI, ч. 6, 513/14) и до рабочих Р. *Эптона Синклера*; 2) Р. волевой: в варианте фантастически-приключенческом (*Роберт Стивенсон*, «Остров сокровищ», 1883, «Странная история д-ра Джекилля», 1886, нов. пер. 1923; *см.* XLI, ч. 4, 576); в варианте психологическом (*Джозеф Конрад*, 1857—1925; *см.* XLVIII, прил. 135); в варианте упрощенческом, противополагающем энергию простого человека запутанности буржуазной культуры (*Джек Лондон*, 1876—1916; *см.* XLVIII, прил. 137).

Малые европейские страны также преодолевали романтизм реализмом, а на грани XX в. сменяли реализм острой противоположностью отдельных индивидуальностей и маленьких групп. Однако, каждая из них внесла в Р. и некоторые своеобразные черты. Так, Италия, долго предпочитавшая стих прозе, создала свой тип Р., внося сердечность в самые программные его виды. *Алессандро Манцони* (см.), создатель целой школы, в общем следовал схеме вальтер-скоттовского историзма, но ценность его романа «Обрученные» (1 изд. 1825—1827, перераб. 1840—1842) не в историзме, не в фабуле, а в множестве частных черточек и в сердечном внимании к человеку. Также и *Антонио Фогаццаро* (см.) в расцвет натурализма с волнением и оптимистично воспринимает внешне незначительного человека («Старинный мирок», 1895). С другой стороны, ницшеански жесткий индивидуализм расцвечивается у *д'Аннунцио* (1864—1933; «Наслаждение», 1899; «Огонь», 1900; *см.* XLVIII, прил., 116) такой яркостью изобразительных средств, что литература подходит к грани живописи. Эта конкретность итальянского Р., где слово становится красочно-блестящим или портретно-точным, позволяет устанавливать особый вид Р. итальянски-пластического.

Скандинавские страны развивались неотделимо от германских культур. И *Кнут Гамсун* (*см.* XLVIII, прил. 125) следует немецкой схеме повествовательного, по существу нескончаемого Р. о множестве происшествий в жизни бродяги. Но и здесь оправдывается наблюдение о конкретизирующей тенденции у Р. малых стран. Только на этот раз скудость родного края приводит к тому ощущению конфликта между вырывающимся из него одиночкой и миром закостенелым, которое позволит признать высокою формой Р., в самом стержневом его значении, не только напряженно лирического «Пана» (1894), но и безбрежно повествовательную книгу «Бродяги» (1927).

Литература. *П. Боборыкин*, «Р. на Западе», Птб. 1900; *Б. А. Грифцов*, «Теория Р.», М. 1927; *E. Rohde*, «Der griechische Roman», 1876; *H. Mielke* und *H. Homann*, «Der deutsche Roman des 19 u. 20 Jahrh.», 1920; *W. Dibelius*, «Englische Romankunst», 1910; *André Le Breton*, «Le Roman Français aux XVII—XIX ss.», 3 vol. 1893—1913; *Forster*, «Aspects of the Novel».

Б. Грифцов.

Роман, имя многих русских князей удельного времени. Из них более известны: 1) *Р. Даниилович*, князь галицкий (ум. 1288), сын Даниила Романовича (*см.* XVII, 568/70), участник похода своего отца, в 1255 г. брал в плен самого вел. кн. киевского Изяслава; в 1257 г. женился на сестре австрийского герцога Фридриха, Гертруде и даже пытался обосноваться в Нейбурге под Веной, но был вытеснен оттуда Оттокаром чешским и вернулся к себе в Новгородок. 2) *Р. Мстиславич*, князь волынский и галицкий (ум. 1205), создатель объединенного Галицко-волынского государства (*см.* XII, 369). Сын Мстислава Изяславича волынского, Р. был с 1168 г. князем в Вел. Новгороде и сумел отстоять его от поползновений Андрея Боголюбского, которого разбил под самым городом (1169); по смерти отца княжил 15 лет и устроял свое волынское княжество (1173—1188); в 1188 г., по изгнании кн. Владимира, Р. занял было галицкий престол, но был свергнут венгерским королем Белою и окончательно водворился в Галицкой Руси лишь в 1199 г., заняв выдающееся положение в восточной Европе: у него искали поддержки польский король Лешко и византийский император Алексей Ангел; папа Иннокентий III предлагал ему королевскую корону. В 1205 г., на возвратном пути из польского похода, Р. был убит из засады. 3) *Р. Ростиславич*, кн. смоленский и великий кн. киевский (ум. 1180). В 1151 г. помогал своему дяде Изяславу Мстиславичу отстаивать Киев от Юрия Долгорукого, в 1154 г. был новгородским князем, но был изгнан в том же году, в 1169 г. вместе с Андреем Боголюбским брал Киев и с ним же ходил под Новгород. В 1172 г. Андрей Боголюбский сделал Р. великим князем киевским, но через два года сместил его. По смерти Андрея Р. снова сел в Киеве, но в 1177 г. опять вынужден был удалиться под давлением Святослава Всеволодовича. Умер в своем смоленском княжестве. *И. Ш.*

Роман, имя четырех византийских императоров (*см.* X,127/29). 1) *Р. Лекапин*, родом армянин; после свержения имп. Зои, правившей (913—919) за малолетнего Константина Багрянородного (*см.* XXV, 73/74), Р. женил последнего на своей дочери Елене и стал его соимператором (919—944). Р. беспрерывно воевал с болгарами, венграми, русскими, арабами, боролся против крупных землевладельцев, защищая крестьянство (*см.* X, 127). Своих четырех сыновей Р. сделал соправителями, но был свергнут двумя из них и заточен в монастырь.— 2) *Р. II* (имп. 959—963), внук предыдущего, сын Константина Багрянородного и Елены, преемник Константина Б., малодеятельный правитель. Предполагают, что Р. был отравлен своей женой Теофано (см. *Феофано*, XLIII, 207). Дочь Р., тоже *Теофано*, была женой герм. императора Оттона II (*см.* XLIII, 207/08).—3) *Р. III Аргирос* (имп. 1028—1034), занял престол 60-ти лет от роду после своего тестя Константина VIII, неудачно воевал с арабами.—4) *Р. IV Диоген* (1067—1071), по смерти Константина X (имп. 1059—1067), пытался поднять восстание, был схвачен, но сумел приобрести расположение имп. Евдокии Макремболитиссы (*см.*). Побежденный сельджуками (1071), попал в плен и по возвращении в Константинополь был ослеплен Михаилом, сыном Константина X. *И. Ш.*

Роман *Сладкопевец*, крупнейший византийский церковный поэт, *см.* X, 88/89, 90.

Роман, румынск. окр. гор. в Молдавии, близ впадения р. Молдавы в Серет, на ж. д. Бухарест—Черновицы; 28.948 ж. (1930); мукомольн., сахарн., спиртов., кожев. пром.; собор XVI в.

Романес (Romanes), Джордж Джон, англ. биолог (1848 — 1894), занимался сначала богословием, но затем перешел к естественным наукам и завязал дружеские отношения с Дарвином. В 1886 г. Р. читал лекции в эдинбургском унив. по философии естественных наук, с 1888 по 1891 г. был проф. физиологии Корол. института в Лондоне, в 1890 г. переселился в Оксфорд, где выступал с лекциями на разные темы. Всю свою научную деятельность Р. посвятил разработке вопросов общей биологии. Жизнь его прошла, не будучи ознаменована такими событиями, которые обыкновенно интересуют посторонних лиц, но, повидимому, он пользовался большим влиянием на своих учеников. Р. преждевременно сошел в могилу, оставив по себе самые теплые воспоминания своих друзей. Помимо ряда специальных работ по анатомии, преимущественно нервной системы низших беспозвоночных, Р. оставил три ряда обширных, более общих работ: 1) теория физиологического подбора и этюды, связанные с нею; 2) приложение эволюционной доктрины к психологии (в 3-х томах), и 3), наконец, опыт определения главнейших направлений, вызванных в биологии учением Дарвина.

Р. считал, что чрезвычайно важным фактором при новообразовании видов и форм меньшего значения является изоляция, которая может быть или географической, или физиологической (см. *эволюционное учение*, L, 650). На географической базировался Мориц Вагнер (*см.*), сам Р. остановился на физиологической. Р. считал, что не все видовые признаки полезны, а бесполезные не могут подвергаться воздействию естественного подбора. Поэтому, развивал он свою мысль далее, должен быть фактор, влияющий на бесполезные признаки, и таким признаком является физиологическая изоляция, которая ведет к физиологическому подбору. По мнению Р., свободное скрещивание даже особей с небольшими полезными особенностями с особями коренной формы должно парализовать развитие новой формы. Но наблюдения над домашними и дикими животными показывают, что такого свободного скрещивания нет, что та или другая особь обнаруживает весьма различную степень плодовитости при скрещивании с разными особями. Тогда как в одном случае она остается вполне бесплодной, в других она плодится превосходно. При этом в наружных признаках таких особей ровно ничего не наблюдается, что объясняло бы такую разницу, и все дело, очевидно, в половой системе. Общепризнано, что половая система наиболее восприимчива к внешним воздействиям, и, повидимому, изменения в условиях жизни прежде всего сказываются на ней, вызывая то изменение в степени плодовитости, то бесплодие. Отсюда физиологически сходные особи плодовиты при скрещивании друг с другом, но бесплодны при скрещивании с особями другой группы. Сначала такие физиологически различные особи извне не отличаются между собою, но если у них появляется какой-либо внешний признак, он может усиливаться из поколения в поколение, несмотря на его бесполезность. И особи, обладающие им, могут стать разновидностями и даже видами.

Теория физиологического подбора прежде всего слаба тем, что бесполезность видовых признаков не только не доказана в общем виде, но даже и в частных случаях. Уоллэс делает следующее роковое для теории замечание. Р. допускает, что образование новых признаков следует за развитием бесплодия при скрещивании начинающейся разновидности с коренной формой. Но на это можно возразить, что не только разновидности одного вида плодовиты при скрещивании между собой, но и виды одного

рода, а иногда даже виды разных родов. Отсюда следует, что не физиологическое различие предшествует морфологическому, а обратно. Далее, если мы обозначим через a особей коренного вида и через b особей зарождающейся разновидности, в таком случае большинство пар будет $a \times b$, которые, следуя Р., должны быть бесплодны. Только немногие пары $b \times b$ должны дать от себя потомство, которое не может быть многочисленно. Если b составит, напр., 1% всего населения, потомки $b \times b$ составят даже менее 1%, т.-е. новая форма не только не будет вытеснять коренную форму, но сама будет поглощаться ею. Если b составит даже 10%, т.-е. 10% особей всего населения будут плодовиты при спаривании друг с другом, но бесплодны при спаривании с другими особями населения, то, по вычислению Уоллэса, они исчезнут уже в третьем поколении. Следовательно, для физиологического подбора необходимо распространение фактора бесплодия на большинство населения, что совершенно недопустимо. Таким образом, теория физиологического подбора неприемлема.

Совсем в ином виде представляется работа по умственной и психической эволюции животных и человека. Первая часть этого труда является чисто фактической, во второй рассматривается умственная эволюция животных, в третьей—умственная эволюция человека. На первой части, как содержащей только необходимый фактический материал, мы не станем останавливаться; в следующих автор начинает с описания физической стороны психических явлений и дает описание постепенного осложнения нервной деятельности у современных животных, иллюстрируя пройденный ею путь развития в виде генеалогического дерева и излагая все дальнейшие главы своего сочинения в виде простого пояснения своей таблицы. Р. рассматривает и бессознательную и сознательную волевую деятельность в качестве приспособления нервной деятельности к окружающим условиям и отнюдь не противополагает одну другой. Усовершенствование умственной деятельности прослеживается легко, психическое развитие представляет длинный ряд постепенных осложнений, выражающихся, с одной стороны, в степени относительного развития того или другого чувства и ощущения, с другой—в прибавлении к уже существующим душевным движениям все новых и новых. Классифицируя душевные движения, Р. располагает их в таком порядке. На первом месте стоят психические акты, связанные с сохранением и поддержанием жизни особи. Дальше следуют такие чувства и ощущения, которые направлены не только на поддержание и сохранение жизни особи, но и на поддержание и сохранение жизни вида. Таковы половые стремления, чувства родителей к детям, общественные стремления, воинственность, эстетические чувства и т. д., кончая чувством стыда, совести, обмана и смеха. Последние чувства, неразрывно связанные с известным умственным совершенством, взятые вместе, представляют нечто, заслуживающее название нравственных начал.

Вместе с тем Р. доказывает, что психическое развитие животных подчинено тем же самым законам эволюции, какие управляют их физическим развитием. Р. заканчивает этот обзор психического совершенствования животных развитием психической деятельности человека в первых стадиях его жизни, начиная с яйца и кончая пятнадцатилетним возрастом. Следуя за Дарвином, Р. доказывает, что психическое развитие человека является прямым продолжением психического развития животных.

Надо упомянуть, что Р. дает хорошую разработку вопроса об инстинкте, держась того взгляда, что ин-

стинкты развивались под влиянием закона борьбы за существование и естественного подбора.

Во второй группе своих работ Р. является прямым продолжателем работ Дарвина, точное изложение учения которого он хотел дать в своей последней работе — «Дарвин и после Дарвина», не оконченной за смертью автора, но почти доведенной до конца, согласно его желанию, его учеником — Ллойдом Морганом.

М. Мензбир.

Романино (Romanino), Джироламо, итал. живописец, *см.* XXII, 548.

Роман-Кош, вершина Яйлы, см. *Крым*, XXVI, 97.

Роман-на-Изере (Romans-sur-Isère), гор. во франц. деп. Дром, на прав. бер. р. Изер; 15.041 ж. (1926); церковь XII—XIII вв.; произв. обуви, перчаток, шелков. издел. и пр.

Романо, Джулио (или Дж. *Пиппи* Р.), итальянск. живописец и архитектор (1492 — 1546), род., вероятно, в Риме. Любимый ученик и главный сотрудник Рафаэля (*см.*), Р. по характеру таланта имел меньше всего общего с Рафаэлем, хотя ему и удавалось внешне, без резкого разрыва, сливать свою манеру с творческим замыслом учителя. Сильное участие Р. заметно не только в исполнении, но и в композиции некоторых фресок Рафаэля в Ватикане (гл. обр. в станцах «Гелиодора» и «Пожара в Борго»), в вилле Фарнезина («История Психеи»), в ватиканских лоджиях. Картины последнего периода Рафаэля, занятого в это время множеством других работ, также носят явную печать стиля и манеры Р. (напр., «Св. семейство» Франциска I в Лувре). Из мастерской Рафаэля Р. вынес понимание красоты античных форм, интерес к антикварно-бытовым деталям и необычайное богатство декоративных мотивов. По смерти Рафаэля, Р., оставшись главою школы, закончил начатые Рафаэлем картины («Преображение») и начал строить и расписывать заказанную Рафаэлю кардиналом Джулио Медичи виллу Мадама. В 1524 г. были исполнены по картонам Рафаэля, под руководством Р. и с его изменениями, и фрески последней станцы Ватикана («Битва Константина с Максенцием», «Речь Константина к воинам» и др.), в которых ясно выступают, уже не стесненные влиянием учителя, все типичные черты манеры Р.: тяжелый и горячий красноватый колорит, чернота непрозрачных теней, преувеличенность движений, банальные образы. К римскому периоду Р. относятся картины, изображающие в духе Рафаэля или в его собственном стиле мадонну с младенцем среди святых, на фоне фантастических руин и ландшафта (в ц. S. Maria dell' Anima) или в кругу близких лиц, с плоским реализмом типов и мотива («Мадонна купает младенца» в Дрезденск. гал.). В лучшей картине Р. этого периода — «Убиении св. Стефана» (в ц. S. Stefano в Генуе) заметно влияние «Преображения» Рафаэля и барочного оттенка форм в духе Микель Анджело. В 1524 г. Р. поступил на службу к герцогу Мантуи Федериго Гонзага. Во главе многочисленных учеников и помощников: архитекторов, живописцев, лепщиков, резчиков, позолотчиков, Р. производит ряд больших архитектурных и живописных работ. Он организует придворные празднества и церемонии и, как главный архитектор руководя всеми новыми постройками, становится законодателем художественного вкуса в Мантуе и придает городу печать декоративной пышности и классического стиля. Самое известное произведение Р. в Мантуе—это Палаццо дель Те, грандиозная загородная вилла герцога (1524—1534). Характерная для Р. тяжесть величавых форм украшенного грубой рустикой и дорийскими пилястрами фасада сменяется внутри затейливо и радостно расписанными

залами и рядом обращенных к саду светлых лоджий. Портреты лошадей герцога, эпизоды из истории Давида, из мифов о Психее, Венере и Марсе, Фаэтоне, чувственная нагота богинь Олимпа и амуров, сцены быта и занятия человека, образы цезарей и исполненные по рисункам Р. болонцем Приматиччио изящные рельефы из стукко с изображением — в стиле античного триумфа — въезда императора Сигизмунда в Мантую украшают стены, потолки, люнетты, паруса и медальоны отдельных зал. Отличаясь неистощимой фантазией, смелостью композиции, декоративным великолепием форм и колорита и типичной для Р. кипучей жизненностью образов, эти обширные росписи, исполненные Р. с помощью учеников, уже далеки от ясного стиля школы Рафаэля и часто поражают бесвкусными эффектами: подчеркнутой пластичностью форм, резкостью раккурсов, движений и мимики, панорамною иллюзией и грубым нарушением границ архитектуры и живописи (в зале Гигантов), пышностью орнамента, утратившего легкость «гротесков» ватиканских лоджий. Из других произведений Р. в Мантуе уцелела только в незначительных остатках роспись пристроенных Р. к Кастелло (старому дворцу мантуанских герцогов) комнат герцогини (сломанных в 1899 г.) и так наз. Appartamento di Troja, одного из зал, в котором изображены эпизоды из Илиады и сказаний о Троянской войне. Р. перестроил старый готический собор Мантуи в большой светлый храм в стиле развитого Ренессанса. Сохранился еще дом Р., с красивой плоской рустикой фасада, выстроенный им в Мантуе. В инвентаре картинной галлереи Гонзага, проданной в XVII в. в Англию, числилось около 50 религиозных, мифологических и аллегорических картин Р. Особенно ценились также картины и рисунки Р. для тканых ковров. В Мантуе, где Р., несмотря на многочисленные приглашения со всех сторон, оставался до самой смерти (1546), он воспитал группу выдающихся граверов, воспроизводивших его композиции в гравюре. Представляя стиль школы Рафаэля, так сказать, в фазе перезрелости, творчество Р. предвосхищает в своих преувеличениях и крайностях элементы маньеризма и барокко, характеризующих дальнейшее развитие итальянского искусства.

Литература: *G. Vasari*, «Le Vite de' più eccelenti pittori, scultori e architetti» (Vita di G. R.); *Carlo d'Arco*, «Istoria della vita e delle opere di G. Pippi R. con tavole», 2 ed., 1842; *Collezione Alinari*, «G. R.» (краткий очерк и изображения); *H. Voss*, «Die Malerei der Spätrenaissance in Rom und Florenz», 1920, B. I.

Н. Романов.

Романов, Николай Ильич, искусствовед, р. в Москве в 1867 г. Окончив москов. универс. по истор.-фил. фак., Р. первоначально преподавал в средн. школе русский яз. и историю. Как магистрант по каф. истории искусства, в 1900 г. был командирован за границу, с 1902 г. читал лекции по истории западно-европейск. искусства в москов. ун-те, проводя в преподавании историко-формальный метод, в 1911 г. был избран проф. москов. Высш. женск. курсов и ун-та им. Шанявского, а в 1918 г. утвержден профессором госуд. ун-та. В 1921 г. Р. защитил диссерт. «Доменико Гирландайо (Историко-художественн. этюды)». Как хранитель отдела изящн. искусств Румянц. музея (с 1910 г.) и директор Гос. музея изящных искусств в Москве (1923-1928), Р. одним из первых начал применять научно-эстетич. методы в музейной работе. Он руководил созданием в музее отдела стар. западной живописи и пополнением других отделов. В состав музея Р. ввел также кабинет гравюр и библиотеку быв. отдела изящн. иск. Румянцов. музея.

Научные труды Р.: «Румянцовск. картинн. галлерея», изд. Кнебеля (1905); статьи о творчестве П. А. Федотова, А. А. Иванова в «Стар. Год.» (1907, 1912, 1913), «Аполлоне» (1912), «Среди коллекционеров» (1922); «А. А. Иванов и значение его творчества», М. 1907; отрывок из диссертации «Д. Гирландайо», в «Трудах

Ин-та Археол. и Искусствозн.» за 1928 г. М.); «История итальян. иск-ва XV в.», 1909; «Рембрандт» («Научн. Слово», 1910); «Искусство Бельгии» («Голос Минувшего», 1915); «Произведения Рафаэля в России» (1922); «Ян Мостарт» (Памятн. Музея изящн. иск., вып. V, 1926); «The Flemish Tapestry «Spes» in the Moscow Museum of Fine Arts» (в «Art in America and elsewhere», 1929, № 5).

Романов, Пантелеймон Сергеевич, писатель, род. в 1884 г. в одоевск. у. Тульск. губ. в мелкопоместной семье. Окончил тульскую гимназию. Первый рассказ «Суд» напечатан в «Русск. Мысли»; в газете М. Горького «Новая жизнь» в 1917 г. стали появляться его мелкие рассказы, но только с 1923 г. Р. стал много печататься и приобрел значительную популярность целым рядом своих маленьких, непритязательных по форме и языку, остроумных, хотя и достаточно поверхностных, рассказов-новелл из крестьянского и провинциального быта эпохи военного коммунизма, в которых свежо сочетались элементы сатиры, юмора и лирики («Технические слова», «Дружный народ» и др.). Меньший успех имел его незаконченный до сих пор роман «Русь» (вышли 3 части), полный настроений умирающего дворянского усадебного быта. Стилистически этот роман является перепевом мастеров русского дворянского романа, но тенденция его, поскольку она выявляется самим автором,— дать широкое полотно Руси старой, переходной эпохи войны на переломе ее к новой, дать картину превращения Руси в СССР. Значительно слабее сентиментально-элегические рассказы Р. на тему женских переживаний, настроений бывших людей и пр. («Рассказы о любви», «Письма женщины», «Белые цветы», «Осень»). Целую литературу породил своей тематикой его рассказ «Без черемухи» о современной молодежи и половой проблеме. Вопросы пола и быта современной служилой интеллигенции продолжают интересовать Р. (встретивший резко отрицательную критику роман «Товарищ Кисляков», рассказ «Право на жизнь», роман «Новая скрижаль»). Собр. сочинений Р. вышло в издат. «Недра» в 12 томах (1928—30).

Библиография: *А. Воронский* («Прожект.», 1925, «Кр. Новь», 1925); *Горбачев* («Звезда», 1926); *Г. Якубовский* («Нов. Мир», 1925); *И. Скворцов-Степанов (Федоров)* («О Руси» — «Изв.», 1926, 2/VII); Сборн. стат. о Р. (издат. «Никит. Субботн.», 1928).

Романов-Борисоглебск, см. *Тутаев.*

Романово-борисоглебский уезд, см. *тутаевский уезд.*

Романович-Славатинский, Александр Васильевич, юрист-государствовед (1832—1910). Окончив нежинскую гимназию и киевский ун-т, Р.-С. в 1856 г. начал чтение курса по госуд. праву в своей alma mater. Продолжая научную традицию Неволина (*см.*) и работая под руководством проф. Иванишева, Р.-С. явился горячим поборником «историко-догматического метода», стремясь «сочетать юридич. и официальную сторону» изучаемых вопросов «с историч. и бытовой». Он резко осудил старые методы «законоискусников», сводивших изучение гос. права к чтению «Полн. собр. законов» и истолкованию его статей. Вместе с Андреевским, Чичериным и Градовским, Р.-С. является основателем научной постановки изучения у нас гос. права, много обязанный в этом смысле своей заграничной командировке, когда он слушал Гнейста, Шталя, Моля, Ранке, Блунчли и др., глубоко усвоив начала исторической и позитивной школы правоведения и социологические конструкции своих западн. учителей. Особое внимание Р.-С. уделял при этом английск. конституц. праву, вводя в свой курс историю политич. учений и подробно останавливаясь на истории крепостн. права. Основные его работы (диссертации) — «Историч. очерк губерн. управления в России» (1859) и «Дворянство в России от нач. XVIII в.» (1870) —

посвящены историко-правовым темам, с очевидным стремлением продолжить в этом смысле работы Чичерина, в противоположность которому, однако, вместо начала «государственного» Р.-С. выдвигал принцип «общественности» (самоуправления). Попытки построения историко-догмат. «Курса рус. гос. права» не пошли у Р.-С. дальше первых отделов, и курс не был закончен («Пособие», 1871, и «Система русск. гос. права», 1886). Помимо гос. права, Р.-С. неоднократно читал и курс истории русск. права. В качестве профессора Р.-С. пользовался широкой популярностью среди студенчества, а его лучший труд, «Дворянство», где он доказывал, что «историч. миссия русского дворянства, как сословия, навсегда окончилась», пользовался распространением среди широкой массы читателей. Из других работ Р.-С. можно назвать: «Госуд. деятельность Сперанского» (1873) и «Жизнь и деятельность Иванишева» (1876). — См. *Р.-С.*, «Моя жизнь и академ. деятельность» (Вестн. Евр., 1903). *Б. С.*

Романовские овцы, см. *овцы*, XXX, 484.

Романовский хутор, до революции — сел. в кавказском отделе Кубанск. обл., ныне — гор. *Кропоткин*, районн. центр Сев.-Кавказск. края (до 1930 г. — в армавирском округе), на прав. бер. р. Кубани, в 2 *км* от ж.-д. станции Кавказская; 34.371 ж. (1931); механич. завод, табачная фабр., пивовар., маслобойн., мукомол. пром.; элеваторы.

Романовы, последняя династия, царствовавшая в России официально под этим именем с 21 февр. 1613 до 2 марта 1917 г., фактически же прекратившаяся в конце XVIII ст., когда под фамилией Р. на российском престоле утвердился голштинский дом. Предки Р. принадлежали к одному из старейших боярских родов, теснейшим образом связавшему свои судьбы с судьбами моск. княжества в эпоху позднего феодализма, так наз. «собирания» Руси. Карьера бояр Р. развертывалась вместе с историч. ростом Москвы и ее великих князей. Первым достоверным предком Р. является боярин Андрей Иванович *Кобыла*, занимавший видное место при дворе в. к. Ивана Калиты и Симеона Гордого и в 1347 г. ездивший сватать для в. князя тверскую княжну. Имеются основания предполагать, что и сами Р. были родом из Твери, откуда и отъехали на службу к московск. «двору», заняв при нем позицию «ближних бояр» среди родословной знати. Позднейшая традиция, выводившая род Р. «из Прусс» от некоего потомка прусского короля Гландоса, Камбилы, якобы выехавшего в 1283 г. к моск. в. к. Даниилу, очевидно возникла на почве той борьбы, которую пришлось вести потомкам Кобылы с медиатизированными удельными «княжатами», в процессе ликвидации политического феодализма массами переходившими с серед. XV в. на службу к московским вел. князьям. Титулованные феодалы удельной Руси, превращаясь из владетельных в «служилых» князей, «заезжали» в иерархии московских «чинов» боярскую знать, стараясь оттеснить ее на второй план. Отстаивая свои позиции, старинные боярские роды и начинают создавать свои мифические генеалогии, приписывая свое происхождение знатным иноземным выходцам, подобно тому как сами моск. государи в то же время выводили свой «царский корень» через легендарного Прусса от «рымского кесаря Августа». Предки Р., вечно враждовавшие с «княжатами», неизменно удерживают свое властное положение при моск. дворе, пока, наконец, не овладевают и самим царским престолом. Роднясь с княжескими фамилиями, а при Иване IV и с царской династией, «дом» Кобылы постепенно разделяется на целый ряд ветвей —

бояр *Кошкиных*, *Захарьиных*, *Юрьевых*, *Шереметевых* и, наконец, Р. («Никитичей»), из среды коих вышел целый ряд всесильных «любовников» (Иван Ф. Кошка) и интимных советников «сам третей у постели» (Михаил Юрьевич) московских князей, фаворитов-вельмож, столь ненавистных княжатам, открыто восставшим против них в 1533 г. у одра болезни Грозного. Недаром Димитрий Донской, обращаясь к ним на смертном ложе, заявил: «При вас возростох и с вами царствовах... Вы не нарекостеся у меня бояре, но князи земли моей». Особенно яркой фигурой является первый Р. — *Никита*, сын Романа Юрьева-Захарьина, отца «юницы» Анастасии, выданной за Ивана Грозного, так сказать, накануне прекращения выродившейся династии «от рода варяжска». Плодовитый родоначальник новой династии, имевший 13 человек детей, унаследовал от своих предков как их колоссальные земельные богатства, так и прочное положение при дворе в качестве «царского шурина», еще раз породнившись с царствующим домом через вторую жену свою, Шуйскую-Горбатую. После падения Шуйских и Глинских Никита Романович, сохранив положение «земского» боярина, занял влиятельное положение при грозном царе. Крупнейший феодал-землевладелец, «вотчины» которого были разбросаны по всему государству, Никита льготами и покровительством «сильной руки» ловко привлекал на свои земли массы тяглецов, оставаясь в то же время непричастным ужасам опричнины, чем и создал себе известную популярность. В качестве устроителя «береговой черты» на южной окраине, он снискал и симпатии порубежного казачества, сыгравшего позднее столь видную роль при «обирании» Михаила Федоровича. Оппозиция Грозному даже воспользовалась его именем, восхваляла его в песнях и рядила в ореол заступника перед царем за гонимых. Эта популярность распространилась и на весь род «Никитичей», отличавшихся дружной сплоченностью. По свидетельству И. Массы, Никитичи являлись в свое время «самым знатным, древнейшим и могущественным» из родов «в земле московской», державшим себя с «царским достоинством». Они неизменно выступали, до воцарения Михаила Федоровича, в роли министров, дипломатов, боевых воевод и администраторов. Они же ловко интриговали в борьбе с Годуновым, с Шуйскими и в «воровских» комбинациях Смуты. Среди Никитичей первое место занял старший сын *Федор*, впоследствии «тушинский», а затем и московский патриарх, отец царя Михаила, до своего невольного пострижения щеголь, страстный охотник и ловкий политик из «перелетов» эпохи великой разрухи, фактический правитель — второй «великий государь» — при неспособном сыне-царе. Но прежде чем подняться, Никитичам пришлось пережить тяжелую катастрофу. При царе Федоре царский опекун Никита Романович (ум. в 1586 г.), состоя в «союзе дружбы» с Годуновым, разделял вместе с ним руководящую роль в государстве, но наступивший династический кризис поставил вопрос о престоле, и столкновение Бориса с Р. стало неизбежным. Заговор и коварная интрига последних с «названным Димитрием» (1598), который «был в холопех у бояр Никитиных детей» и «жил у Р. во дворе», привели к временному разгрому романовской партии, сумевшей перетянуть в оппозицию Борису часть поместного класса. Трое Р. гибнут в ссылке, и только Иван да постриженный Федор Никитич (см. *Филарет Никитич*) переживают катастрофу. С появлением самозванца (1604 — 1605) Р. вновь воскресают, и Филарет еще в заточении вдруг

начинает, по свидетельству монастырской стражи, «смеяться неведомо чему» и открыто пророчить: «увидят они, каков он впредь будет». И действительно, с воцарением Лжедмитрия I Р. вновь овладевают прежними позициями и выступают на арену борьбы за власть то в союзе с титулованной знатью, то в рядах ее исконных противников (см. *Смутное время,* XXXIX, 650 сл.). После неудавшегося заговора против царя Шуйского, Р. все вместе собираются в лагере «тушинского вора», где Филарет нарекается патриархом. Здесь и назревает та «польская интрига» (выбор Владислава), с помощью которой боярская партия с Филаретом во главе и в союзе с титулованной олигархической знатью пытается восстановить свое поколебленное положение путем формальной феодально-аристократической конституции. Эта неудачная попытка, как известно, привела Филарета в польскую западню, уготованную себе самим же боярством, запутавшимся в интригах. Боярская измена, приведшая к «измене» польского короля, всколыхнула на этот раз все моск. государство, и прежде всего массу служилого дворянства, в результате чего избирательный собор 1613 г. и «обрал» на царство *Михаила* Р. (*см.* XXIX, 105/06 сл.), поддержанного блоком средних классов и служилого казачества, после отпадения от него радикальных «воровских» низов и краха крестьянской революции. Так совершилось воцарение новой династии, первых «помещиков» российского государства, как любили себя величать позднее Р. Опираясь в первую очередь на служилую дворянскую массу феодалов-помещиков, Р. в то же время тянули руку торгового капитала, по традиции от своих предшественников, первых царей московских, являясь крупными купцами и привилегированными монополистами («заповедных» товаров) как на внутреннем, так и на внешнем рынках. Победа на два фронта, над феодальной знатью и народными низами, одержанная служилым дворянством и «торговыми мужиками», определила судьбу новой династии.

Избирательный собор под видом санкции прав «природного царя», как гласил приговор 21 февраля, выдвинул в лице Михаила «сродича» царя Федора и сына «родного племянника» царицы Анастасии, якобы воспринявшего власть «по божию изволению», при чем пущено было в обращение и предание, будто бы еще царь Федор в 1598 г. «приказал» престол Федору Никитичу. «Глас народа», так. обр., как бы не вносил ничего нового ни в порядок преемства, ни в самое понятие царской власти. Роль земского собора оказалась при таких условиях консервативной, его формальная задача сводилась к реставрации «природного корени» московских царей на социальной базе, утвержденной в итоге революционной борьбы, т. наз. «смуты». Собор довершил т. обр. дело Грозного утверждением основных классовых устоев московской «самодержавной» монархии — *крепостного поместья* и *купеческого капитала.* Такой же прокламационный характер носил и земский собор, избравший «гораздо тихого» *Алексея Михайловича* (*см.* II, 102 сл.), право которого на престол было уже гарантировано избирательной грамотой 1613 г., после чего практика соборного избрания отмирает окончательно. Неписанный «старый обычай преемства», утвердившийся с XIV в. на Москве по принципу первородства в нисходящей мужской линии, закрепленный волею «всей земли», вновь утвердился в практике «наследия» новой династии. Но воцарившись de jure, новая династия, соправительствовавшая с «домом Рюрика» со времен Кобылы, как бы

истощила свои богатые силы. В лице Филарета мы видим последнего сильного волей, властного представителя некоронованных Р. Его ближайшее потомство оказалось хилым и слабым, явно дегенерирующим. Слабовольный, страдающий «меланхолией, сиречь кручиной», Михаил Федорович, как и его внук царь *Федор Алексеевич* (*см.* XLIII, 195), оба были больными цынгой, при чем Михаил «скорбел ножками», и оба являлись лишь ширмой для правивших их именем родственных кругов: при Михаиле — в лице Филарета с приспыми, при Федоре — тех же боярских элементов, представлявших интересы землевладельческого класса с его закрепостительными стремлениями. Сын царя Алексея от Милославской, царь *Иван* (*см.* XXI, 413; тоже болевший цынгой) был слабоумным кретином («скорбен главою»). Что касается самого «тишайшего» царя, то при всем его внешнем дородстве и прадедовской плодовитости (16 чел. детей), мы видим в нем рыхлую, пассивную натуру, хотя и обладающую живым умом и интересом к новым явлениям культурной жизни, но неспособную к творческой деятельности и решительным поступкам. Вот почему воспитанник боярина Б. Морозова, хорошо образованный и увлеченный в домашнем быту «латынскими хитростями» европейской цивилизации, царь Алексей остается типичным представителем старой Москвы, вечно колеблющимся между симпатиями к близким своей среде и требованиями руководящих «чинов» государства, диктовавших ему свои условия в петициях—«челобитьях» собора 1649 г. (см. *Россия — история*). Всецело отдавшись в руки своих любимцев, он не только покрывает их явные хищения и беззакония, но при всем своем личном добродушии санкционирует тот беспощадный режим, который, при вышеуказанных обстоятельствах, нашел свое яркое выражение в «Соборном Уложении» 1649 г. и не раз приводил московское государство к грозным мятежам и революциям (бунты 1648—50 гг., Ст. Разин, раскол). Большой хозяин в своем вотчинном хозяйстве, Алексей Михайлович отнюдь не чувствовал себя хозяином на своих «многих государствах». Являясь центром преломления антагонистических классовых интересов, он, как и его преемники, за редкими исключениями, был орудием этих интересов в большей мере, чем их руководителем. Романовский дом оказался «зяблым древом». Мужское потомство от Милославской быстро вымирает бездетным или не дает мужского потомства.

Из всего многочисленного потомства Милославских лишь одна *Софья Алексеевна* (*см.* XL, 266 сл.), «мужска ума исполненная дева», явила исключительный пример сильной волевой натуры, дерзнувшей, путем стрелецкого дворцового переворота, узурпировать (1682—1689) власть своего юного брата, *Петра* (*см.* XXXII, 115 сл.). Однако, борьба между Софьей и подросшим Петром кончилась падением мятежной правительницы вместе с ее фаворитом, В. В. Голицыным (*см.*), после неудачной попытки положить начало правлению «женских персон». Как известно, нарышкинская партия восторжествовала, а вместе с тем пресеклась и московская «царская» традиция, уступившая свое место «императорскому» дому, основанному Петром на европейский, «немецкий манир».

Петр по своей одаренности явился ярким исключением в семье захудалого потомства ц. Алексея, унаследовав — в противоположность Софье — родовые черты (по матери) Нарышкиных. В противоположность Алексею Михайловичу, плывшему, с оглядками назад, по течению исторических «стихий», молодой правитель проявил редкое упорство железной воли в

реализации давно назревших и частично уже осуществленных его предшественниками ближайших очередных задач своего времени, не только закреплявших и расширявших позиции *торгового капитала*, но и открывавших впервые двери *капиталу промышленному*. Форсируя процесс роста буржуазного государства, Петр, по существу с неумолимой «жестокью» неограниченного деспота, приступил к окончательному проведению в жизнь программы своего далекого предтечи Ивана Грозного, с которым у него так много было общего. Петровские преобразования носили т. обр. органический характер и лишь по своей внешней форме и резкой агрессивности производили впечатление «революции» сверху. Насильственное насаждение европейской техники и буржуазной культуры (быта и нравов), решительно порывавшие с традициями, хранимыми «тишайшим» царем и старо-московской общественностью непримиримых феодалов, создали легенду о царе-антихристе, «мироеде», «немце», дневавшем и ночевавшем в Лефортовской слободе. И это впечатление усиливалось тем более, что Петр столь же резко порывает и с традицией династической исключительности и связывает «дом» Р. с мелкими немецкими владетельными дворами узами родства, которые в конце концов приводят к полному онемечению российской императорской фамилии. Последнее обстоятельство, впрочем, подготовлялось давно. Великая борьба XVI в. за торговые пути, западные порты и рынки, втягивавшая моск. государство в сложные отношения со Швецией, Данией, Польшей, Литвой, Ливонией, сев. Германией и Англией, особенно благоприятствовала закреплению указанных связей. Известно, что на почве балтийской ориентации возникли и первые брачные союзы династии Р. с иноземными дворами. Еще Иван Грозный, выдававший себя в сношениях с иноземными правительствами за «немца», одно время усиленно сватал (при живой жене) племянницу английской королевы. Филарет Р. пытался в 1623 г. женить Михаила Федоровича на иностранной принцессе (шведской или датской), но вероисповедный вопрос расстроил затею государя-патриарха. Между тем, усиленное привлечение наемных и пленных иноземцев на русскую службу привело к образованию в самой Москве целой немецкой колонии, где, как известно, под руководством «дебошана французского» Лефорта (*см.*) получил свое крещение в новую жизнь юный Петр, царь-«немчин» народной легенды после его заграничной поездки. Единственный из уцелевших сыновей царя Алексея, Петр вступил сначала в свободную связь (1703), а затем и законный брак (1712) с иноземкой темного происхождения, будущей Екатериной I (*см.*), от которой до брака имел двух дочерей — Анну и Елизавету. Сочетав в себе европейца и варвара-скифа, глубокомысленного политика и грубую российскую натуру, не знавшую меры в эксцессах «пьянственного жития», Петр явился последним представителем романовской династии pur sang. Переживши с детских лет все ужасы придворной смуты, сопровождавшейся стрелецкими бунтами и семейной драмой, надорвав свои богатырские силы в излишествах разгульного «дебоша», Петр погиб, истощив свои силы за насаждение основ буржуазной цивилизации, и в 53 года сошел в могилу, положив начало затяжной династической анархии.

Поборник полицейского «регулярного» государства, Петр, казнив своего единственного сына, обнародовал первый акт о престолонаследии 5 февраля 1722 г., обоснованный мотивированным изъявлением «правды воли монаршей». Отвергнув прежнее правило «от обы-

чая старого, что большему сыну наследство давали», он установил новое начало, «дабы назначение наследника», как того требовали интересы государства, «было всегда в воле правительствующего государя». Однако, сам Петр умер, не успев изъявить своей последней воли. В результате—дворцовый переворот и узурпация престола, при решающем участии гвардии, имп. *Екатериной I* (см. XIX, 618), фактически знаменовавшая диктатуру Меншикова (*см.*), «метрессой» которого некогда была вдова Петра. С этого момента и начинаются те капризные зигзаги в порядке преемства власти, которые создали эпоху дворцовых переворотов, знаменовавших торжество *дворянской реакции*, когда с кинематографической быстротой на российском престоле сменялись женщины и дети, являвшиеся игрушками в руках своих временщиков, фаворитов, новой знати, сменившей «упалые роды» старого вельможества. Под давлением той же гвардии и при участии австрийского и датского посланников, Екатерина I, это полное ничтожество на троне, санкционировавшая свой захват двусмысленной ссылкой на указ 1722 г., вопреки этому последнему должна была утвердить продиктованный ей «тестамент» 1727 г., устанавливавший определенный порядок наследия в лице внука Петра, Петра II (*см.*), с опекой Верховного тайного совета, а в случае бездетной смерти Петра переносивший корону на Анну Петровну и Елизавету Петровну с их потомством. Однако, с пресечением мужской линии Р. со смертью *Петра II*, промелькнувшего на троне жалким орудием дворцовой интриги титулованной знати (*см.* XXXII, 130) и скончавшегося 14 лет, новым гвардейским переворотом (1730) на престол, с явным нарушением и «тестамента» и указа 1722 г., была возведена (см. *Верховный тайный совет*) курляндская (по мужу) герцогиня *Анна Ивановна*, дочь Ивана Алексеевича, номинально соправительствовавшего с Петром I в правление Софьи (*см.* XXI, 413). Типичная старосветская помещица, окруженная шутами и сказочницами, пропадающая со скуки среди сытой праздности и все возрастающей придворной роскоши, чуждая делам правления, курляндская «вдова», всецело отдавшаяся своему фавориту Бирону (*см.*), явилась последним прямым потомком Михаила Р. по женской линии (*см.* III, 13/36 сл.). В дальнейшем уже окончательно вступает в свои права традиция Петра I, положившая начало быстрому онемечению династии путем брачных союзов с протестантскими семьями мелких немецких княжеских фамилий, по преимуществу прусско-австрийской ориентации, при активном участии в династических комбинациях дипломатических миссий иностранных держав. Отныне на российском престоле прежде всего появляются представители дома Р. немецкой крови по мужской линии. Так, в лице царя-младенца, позднее погибшего в тюрьме, *Ивана Антоновича* (*см.* XXI, 413), короной номинально овладевает отпрыск «Брауншвейгской семьи», назначенный в порядке указа 1722 г., еще как nasciturus, имп. Анной наследником российского престола и объявленный императором под регентством Бирона, а затем своей матери *Анны Леопольдовны* мекленбургской (*см.* III, 140), внучки царя Ивана Алексеевича, жены Антона-Ульриха Брауншвейгского. Новая конъюнктура знаменует момент открытого засилья немецкой партии при дворе. Режим «бироновщины» приводит к новому двойному дворцовому перевороту, сбросившему поочередно и «курляндского каналью», «лютора» Бирона, и диктатуру Остермана (*см.*), игравшего при Анне Леопольдовне роль «царя всероссийского» в виду полного устранения ничтожной герцогини от дел правления. Волею—как гласил

монарший манифест — «лейб-гвардии полков» бразды правления вручаются (1741) дочери Петра I, *Елизавете*, плоду и жрице свободной любви, вступившей на престол якобы по «законному праву», т.-е. «по близости крови к самодержавным дражайшим родителям» (*см.* XX, 35 сл.). Беспечное правление «кроткия Елисавет», унаследовавшей характер своей матери-авантюристки, не вмешивавшейся в дела «своего» правления, но и не смешивавшей своей веселой жизни с политикой, знаменует окончательное торжество того режима необузданного расточительства государственных рессурсов, который превращает императорский дворец в увеселительное заведение, где безумная роскошь и вечные празднества (балы, маскарады, куртаги) повергают в недоумение иностранный дипломатический корпус, аккредитованный при правительстве империи амазонок. Длинная фаланга фаворитов, обогащающихся от высочайших щедрот, соревнует с двором в пышности и феерических затеях, а рядом с ними целая стая новой иноземной родни состязается с последними в погоне за монаршими подачками. Этот вечный праздник создает особый стиль быта и нравов эпохи господства «женских персон» в романовском доме, изредка перемежающегося появлением на престоле «калифов на час». Таков был провозглашенный имп. Елизаветой еще в манифесте 1742 г., «яко по крови ближайший к императрице», наследник престола, пресловутый «голштинский чертушка» Карл, сын Анны Петровны, принцессы Голштинской, дочери Петра I, занявший в 1761 г. императорский престол под именем *Петра III* (*см.* XXXII, 134 сл.), хотя его родители при вступлении в брак и отказались в свое время за себя и за свое потомство от всяких прав на российскую корону. С этого момента интересы голштинского дома, вошедшие в орбиту внешней политики империи еще со времен Петра I, начинают играть особенную роль в делах правления Петра III, ненавидевшего «проклятую» Россию, демонстративно выставлявшего свой протестантизм и остававшегося на российском престоле пруссофильствующим голштинским герцогом, отца которого некогда прочила себе в преемники имп. Екатерина I. Наследник двух престолов (русского и шведского), субъект с явными признаками вырождения, безнадежный алкоголик, эротоман, охваченный парадоманией, Петр III — курьезная случайность на престоле — открыто заявил себя вассалом прусского короля и немецким патриотом. Окружив себя всяким голштинским сбродом, как новой лейб-компанией, чего ему не могла простить дворянская гвардия, контролировавшая политику российских самодержцев, Петр стремительно шел к катастрофе.

Переворот 28 июня 1761 г., когда во главе дворцовой гвардии встала сама супруга Петра, возвел на престол смелую узурпаторшу имп. *Екатерину II* (*см.* XIX, 623), бывшую скромную принцессу ангальт-цербстскую, по матери (голштинского дома) связанную родством с прусским королем, при ближайшем участии которого в свое время состоялся и брак Екатерины с Петром III. Покончив с мужем, а в 1764 г. и с безумным узником Иваном Антоновичем, последним жалким призраком «законного» наследника престола, Екатерина открыла своим царствованием «золотой век» дворянского правления, усердно, вопреки своим предшественницам, сотрудничая с командующим сословием помещиков. С тонким расчетом и редкой способностью приспособляться к обстоятельствам, «северная Семирамида» в блестящем ореоле европейской славы, в качестве «коронованного философа», явилась провозвестницей

эры «национально-русской» политики в противовес низвергнутому мужу. Поняв своим наблюдательным, недюжинным умом тайну «самодержавной власти» — «о ком пещись должно»— послушная воле своих «верноподданных рабов», которым она была обязана своей короной, «казанская помещица», распустив «павлиний хвост» просвещенного абсолютизма, почила на лаврах своей славы и с полной свободой отдалась культу Венеры. «Богоподобная Фелица» создала при своем блестящем дворе целый институт фаворитизма со строго установленным ритуалом посвящения и водворения в особые апартаменты дворца очередного «друга». Осыпая богатством и щедрыми дарами населенных имений своих фаворитов, родоначальников новой знати, «екатерининских орлов», императрица (по сообщению Масона) таким путем «осчастливила» 15 своих официальных любовников, открыто афишированных, не говоря об ее увлечениях в бытность цесаревной. Неудивительно, что при таких условиях представляется крайне затруднительным точно установить происхождение имп. Павла, сына Екатерины.

По физическому облику, характеру и душевной дефективности (эротизм, неуравновешенность, парадомания) *Павел Петрович* (см. XXX, 758 сл.) как будто напоминает Петра III; но свидетельства современников и намеки мемуаров самой Екатерины указывают на С. Салтыкова, одно из ранних увлечений цесаревны, пренебрегаемой жены Петра, как на натурального отца Павла. Оставляя в стороне этот темный вопрос истории династии Р., приходится признать, что с Павлом на престол вступил подлинный «немец» как по женской, так и мужской линии, последовательно в порядке брачных союзов связавший свое потомство с гессен-дармштадтским и вюртембергским домами. В этом смысле и как автора «Учреждения о императорской фамилии», имп. Павла можно назвать основателем *новой династии*, по существу голштейн-готторпской, под прежним именем «дома Р.». Недаром Павел учредил при мин. иностранных дел особую экспедицию по голштинским, ангальт-цербстским и т. п. делам. Понятно, что с воцарением Павла окончательно укрепляются пруссофильские тенденции и порядки по образцу патриархальной прусской монархии с ее культом военщины и родственных связей. Не говоря уже о безграничном преклонении самого Павла пред прусским королем, достаточно вспомнить «союз дружбы» Александра I с последним, закрепленный клятвой у гроба Фридриха В., и преданность «отцу» Фридриху имп. Николая I, женатого на дочери прусского короля и открыто заявлявшего, что «русские дворяне служат государству, немецкие — нам», разумея под последними гл. обр. остзейских выходцев, окружавших тесной компанией российских императоров. Начатое Петром III водворение прусской военщины получило свое крайнее выражение при Павле, проникнутом «капральским духом», окружавшим себя своими «гатчинцами», как новыми голштинцами. Гонимый своей матерью, отстраняемый от участия в управлении и терроризованный памятью о судьбе своего отца, сорокалетний цесаревич, вступив на престол, продолжал ту же, противоречившую дворянским интересам политику Петра III, сущность которой была позднее формулирована Николаем I в вышеприведенных словах. Одержимый идеей самодержавия, как личного сверхзаконного властвования, Павел, несмотря на некоторые «надежды», подаваемые им в молодости, окончательно исковеркапный в тяжелой школе опального наследника, к зре-

лым годам обнаружил всю развинченность своей дегенеративной натуры, производя на окружающих впечатление душевно-больного. Его особенно нервировал постоянный страх за свою личную судьбу и судьбу своего престола. Еще наследником он постоянно жил под угрозой со стороны матери быть лишенным права на престол, хотя он и был объявлен манифестом 1762 г. «законным всероссийского престола наследником». По самое понятие «законного» наследования в действительности ничем не было определено, и сыну могла грозить участь отца. «Дабы избежать затруднений при переходе» верховных прав, Павел и решил обнародовать «фундаментальный закон», «дабы наследник был назначен всегда законом самим и дабы сохранить право родов в наследии». С означенной целью им и были изданы одновременно, 5 апреля 1797 г., «Учреждение о императорской фамилии» и акт о престолонаследии (*см.* XXXIII, 362/63) с уставом регентства и опеки. Павел прежде всего замкнул в определенных границах и рангах самое понятие «императорского дома», определив круг его членов лицами «императорской» крови, рожденными от законного брака, при чем в особую группу были выделены лица, «по первородству назначающиеся к заступлению места наследования», от лиц, не имеющих права на престол, с обеспечением первых из государственных средств и вторых из особых доходов, так наз. *«удельных» имуществ*, явившихся на смену прежних «дворцовых» и «государевых» земель, выделявшихся со времени моск. государства «на государев обиход» и предназначавшихся, согласно указам Петра I (1708), в распоряжение отдельных членов царствующего дома. Принадлежность к императорскому дому, по закону Павла, помимо объективных признаков, определяется и специальной санкцией императора путем внесения в «родословную книгу» и формального признания брачных союзов членов дома со стороны его главы. При этом последние подразделялись на две, а затем и на три категории: 1) вел. князей — «импер. высочеств», 2) князей «крови императорской» — «высочеств», и 3) князей императ. крови — «светлостей». Соответственно данному делению определялось и содержание членов императорского дома (от 10 до 200 т. р. в год на каждого, помимо содержания «дворов»). При Павле, когда весь дом состоял из 9 персон, при удельном фонде в 460 т. крест. душ и 4 млн. *га* земли, первая группа включала в себя потомков до праправнуков императора; однако, быстрое размножение «стада князей» выдвинуло вопрос о некоторых ограничениях, так как к концу XIX в. число князей возросло до 51 чел., не считая дома герцога лейхтенбергского, введенного особым порядком в состав императорского дома со вступлением дочери имп. Николая I, Марии, в брак с Максимилианом Лейхтенбергским (*см.* XXVI, 629). В виду этого при Александре III указом 24 янв. 1885 г. звание вел. князя было ограничено лишь внуками императора. Т. обр., в категорию велик. князей (и вел. княжен) вошли братья, сестры и, в мужск. поколении, внуки императора; князей «высочеств» — правнуки императора и их старшие потомки мужского рода по праву первородства; князей «светлостей» — младшие дети правнуков императора и их потомки в мужских линиях. Что касается земельного фонда удельного ведомства, составившего совершенно самостоятельное учреждение, подчиненное непосредственно государю, то к началу XX в. он возрос до 8 млн. *га*, с обширным промышленным хозяйством и дворцами. При таких условиях соответственно рос и бюджет уделов, поднявшийся за 100 лет

с 2,2 млн. руб. (1797) до 20 млн. (1896), а общий расход за это время составил 236 млн. рублей. Разумеется, общий порядок содержания фамилии Р. не исключал всякого рода чрезвычайных выдач и ассигнований волею монарха. При составлении закона о престолонаследии Павел принял в руководство австрийскую систему (*см.* XXXIII, 361), последовав в то же время фамильным традициям немецких княжеских домов, в силу чего он и облек первоначальное свое распоряжение о «наследии» престола 4 янв. 1788 г., обнародованное в 1797 г., в форму «германского семейного договора». По существу же закон 1797 г. санкционировал обычный порядок, «по праву естественному» действовавший в России еще в московский период, лишь уточнив его во всех подробностях. В новый закон имп. Александром I было внесено вскоре одно существенное дополнение во имя принципа так наз. «равнородства» (*см.*). После морганатического брака вел. кн. Константина Павловича (*см.*) 30 марта 1820 г. последовал манифест, объявлявший лишенным права на престол каждого члена императорского дома, вступившего в супружество с лицом не царского или владетельного дома. Характерно, что и эта новелла имела своим источником практику немецкого династического права. Так. обр., после длительного периода полной юридической неразберихи в вопросе престолопреемства и горького опыта дворцовых переворотов, династия Р. с «немецкой точностью» подвела, наконец, казалось, прочный фундамент под колеблющееся здание императорского дома. Но по странной иронии судьбы имп. Павел, так много хлопотавший об утверждении «блаженства империи на незыблемом основании закона», пал жертвою нового дворцового переворота. Преисполненный сознания полноты своих самодержавных прав, Павел, превратив свое правление в царство террора, спровоцировал своей взбалмошной, чисто личной антидворянской политикой переворот 11 марта 1801 г., толкнув в ряды заговорщиков своего сына и «законного» наследника. Так правление основателя императорского дома закончилось, по выражению Карамзина, «способом вредным». Не обошлось дело без затруднений и при воцарении имп. Николая I, которому пришлось ликвидировать плоды «дней александровых прекрасного начала». Впрочем, восстание 14 декабря 1825 г., представлявшее попытку с помощью старого оружия пробить пути новой государственности, не внесло перемены в судьбы династии и ее исторические прерогативы. Потомки гатчинского «капрала» не изменили традициям дома Р., свято храня заветы павловской династии с ее культом самодержавия, военщины, помещичьих интересов и фамильных немецких связей. Но если не изменялись они, то кругом них происходили великие перемены.

Царствование Павла, по существу, было концом эпохи диктатуры дворянства. Недаром этому «безумцу» суждено было дебютировать в роли первого анти-дворянского царя. Началась критическая эпоха с явным уклоном в сторону буржуазной монархии. Обреченные судьбой возглавлять государство в переходный период глубочайших экономических сдвигов, затяжного внутреннего перелома, последние Р. не обнаружили ни способности, ни воли руководить событиями в уровень с ростом исторических сил. Увлекаемые необходимым течением событий, вольно и невольно подчиняясь интересам борющихся господствующих классов в процессе их диалектического развития, они являлись большею частью пассивным орудием социальных противоречий, направлявших ход исторической эволюции. Оставаясь «промежуточными

существами, которые думали и говорили одно, а делали другое» (М. Покровский), они от робких «реформаторских» усилий бросались в объятия реакции, прячась за глухие стены своего «императорского дома» и цепляясь за обветшалые традиции самодержавия. Таков был имп. *Александр I* (*см.* II, 118 сл.), «наполовину швейцарский гражданин, наполовину прусский капрал», увлеченный в молодые годы либеральными «мечтаниями» и кончивший, после ряда жалких попыток преобразования «безобразного здания империи», полным моральным разложением и мрачной мистической реакцией, которая при его преемнике, *Николае I* (*см.* XXX, 211 сл.), переходит при лихорадочной правительственной работе в «негласных комитетах» в режим упрямого застоя — «бег на месте» — с роковым сознанием неизбежности ликвидации устоев крепостнической империи и попытками привлечения на свою сторону торгово-промышленной буржуазии. Преследуемый всю жизнь памятью о «друзьях 14 декабря», запуганный революционным движением Запада, «первый дворянин и помещик» империи, ненавидевший всякие «конституции», Николай, одержимый (подобно отцу) парадоманией, создав себе фантом непобедимой мощи «колосса на глиняных ногах», умирает, разбитый в своих иллюзиях, сдав «команду» наследнику в состоянии катастрофического расстройства. Неудавшаяся попытка Николая законсервировать обуржуазившуюся крепостническую империю дает новый толчек для реформаторского зигзага в правление его сына-преемника *Александра II* (*см.* II, 134 сл.). Получив далеко недостаточное общее образование, усвоенное к тому же весьма поверхностно, без всякого интереса, по отзывам Мердера—«ленивый», «непростительно беспечный» и мало работоспособный, Александр Николаевич лишь к военному делу обнаружил некоторое рвение. Эти свои качества он сохранил и вступив на престол, проявляя постоянно в делах внутреннего управления крайнюю «шаткость» и неуверенность, бросаясь то вправо, то влево (Никитенко) и в конце-концов отдаваясь во власть сплоченной бюрократической касте. Благоговея перед памятью своего родителя, от которого вместе с семейными «добродетелями» он унаследовал страсть к прусской казарме, дружественные связи с Германией, закрепленные браком с принцессой гессен-дармштадтской, Александр II усвоил также и реакционную ориентацию «Священного союза», активно проводившуюся Николаем в борьбе с революциями за права «законных» династов. Усвоив некоторую «чувствительность» от своих гуманных воспитателей — Мердера и Жуковского,— Александр II в то же время в бытность свою великим князем шел рука об руку с крепостниками, проявляя при своей «кротости и доброте» (по словам его воспитателей) нередко безобразные вспышки жестокости и самодурства. Веря — как и его отец — в непреложность своей самодержавной прерогативы, Александр II в 1856 г. твердо заявил, что «царствование мое будет царствованием» родителя. Однако, при всей своей антипатии к «западным дурачествам» — как он высказался раз по адресу Европы,—став императором, Александр вынужден был выступить в роли «царя-освободителя» и либерально-буржуазного реформатора. Впрочем, подобно своему дяде, он не сумел выдержать этой роли и также отдался во власть реакции, ступив на путь контр-реформы и борьбы с общественным движением—роковой путь, который и привел его к трагическому финалу 1 марта 1881 г. Еще менее способным понимать язык исторических явлений

оказался его преемник, император *Александр III* (*см.* II, 159 сл.), ученик К. Победоносцева (*см.*) на всю жизнь, мало развитой, почти без всякого образования, исправный полковой командир, с обликом обрусевшего немца, глубоко веривший в свое божественное помазанничество и вынесший из династических преданий лишь тупое стремление к защите «существующего строя» и своих верховных прав. Борьба с «крамолой» и утверждение «силы и истины самодержавия» под хоругвью «истинно-русского» национализма — таковы руководящие начала 13-тилетнего правления «царя-миротворца», поставившего всю страну на «положение усиленной и чрезвычайной охраны» (1881), т.-е. вне законного порядка. Ликвидируя последние надежды либералов на «увенчание здания», Александр III возглавил своей монументальной фигурой, столь характерно запечатленной в статуе Паоло Трубецкого, дворянско-крепостническую реакцию с ее толстовско-победоносцевским режимом, несмотря на то, что объективный ход событий властно толкал его на путь покровительства капиталистическим началам пореформенной формации накануне бурного роста промышленного капитализма. Впрочем, полукрепостнический, полубуржуазный строй «освобожденной» России, с хищнической, пугливо прятавшейся «в складках горностаевой царской порфиры» буржуазией создавал в известной мере благоприятную почву для самообороны самодержавного режима.—«Не уступай ничего, потому что, если дать им палец, то они захватят всю руку» — таков был мудрый завет, оставленный отцом последнему Р. Слепо держась за династическую прерогативу, он не подозревал, что своим родительским напутствием пророчил верную гибель не только своему незадачливому наследнику (которого он думал было отстранить от престола), но и всему дому Р.

В лице *Николая II* процесс дегенерации династии, можно сказать, нашел свое крайнее и наиболее одиозное выражение, как бы возвратив самодержавную империю ко временам воцарения голштинского дома и погрузив окончательно «порочный двор царей» в бездну полного морального падения.

В этом смысле Николай II вступает на историческое поприще с печатью «обреченности». Появившись на свет (6 мая 1868 г.) в качестве первенца и наследника престола, Николай Александрович заранее подготовлялся к своей грядущей «высокой миссии». Его полуграмотный родитель посильно старался образовать своего сына, пригласив с этой целью ряд профессоров (Бекетова, Бунге, Замысловского, Капустина, Победоносцева), которым, однако, не удалось заинтересовать науками ученика, обычно дремавшего на уроках, по свидетельству его воспитателя, ген. Даниловича. Зато он очень рано втянулся в грубый казарменный разгул и пьянство в компании вел. князей, под влиянием которых он находился и по вступлении на престол, пока их всех не вытеснил в последние годы Распутин. Эти дурные навыки, между прочим, повели к покушению на его жизнь во время его заграничного образовательного путешествия в 1890/91 г. в г. Отсу (Япония). Покушение вызвано было его поведением, оскорбившим национальные чувства японцев. Родившись от алкоголика и унаследовав эту пагубную фамильную привычку, Николай II отразил в своей личности все наиболее типичные упадочные черты выродившейся династии. Натура флегматичная, человек мало развитой, недоучка, всегда отлынивавший от серьезных занятий, даже военных, Николай был совершенно безволь-

ным и потому упрямым и двоедушным, которому «ни в чем нельзя верить» (Святополк-Мирский) и который маскировал свою бесхарактерность, постоянно падевая личину и обманывая своих министров, как только сделался царем (21 окт. 1894 г.). Но при всей своей слабости и несмотря на свое внешнее добродушие, очаровывавшее придворных, он в то же время был мстителен и жесток. Уже своим отношением к коронационной катастрофе на Ходынке (см. *Ходынское поле*), в Москве (1896), этой трагической прелюдии к его царствованию, а затем, особенно, предательским расстрелом безоружной массы рабочих в исторический день 9-го января 1905 г. Николай выявил свою подлинную природу. Указанные черты его характера типично сочетались в нем с повышенной религиозностью, переходившей в самый темный мистицизм, который соединялся с традиционной верой в незыблемость самодержавия «божьей милостью», в чем его усиленно наставлял учитель его и его отца, Победоносцев (*см.*). Жизнь последнего Р. протекала в изолированной, тесной родственной среде, с ее кликой великих князей и их родни, бесцеремонно расхищавшей казну при посредстве «автономного» министерства императорского двора. Личные средства царской фамилии уже к концу XIX в. достигли миллиардов, хранившихся в заграничных банках. Николай II всецело подчинялся «смердящему влиянию придворной камарильи» (Витте), в которой весьма видную, но темную роль играли «черногорки», жены вел. кн. Петра и Николая Николаевичей, благодаря протекции коих и проник в царский дворец Распутин (*см.*). По свидетельству близкого двору гр. Ламсдорфа, царская семья, как при Александре III, так особенно при Николае II, не терпела вблизи себя культурных «серьезных развитых людей», пребывая постоянно в окружении всякой «придворной рвани», ничтожеств, авантюристов (Филипп, Бадмаев), юродивых (Митя), «босоножек» (Матренушка, Вася) и «божьих людей» (Распутин). Но особенно сильное влияние на Николая оказала его жена, дочь вел. герц. гессенского Людвига IV, родившаяся в 1872 г. и вступившая в брак с Николаем II 14 ноября 1894 г. под именем *Александры Федоровны* (до замужества Алиса-Виктория). Эта гессен-дармштадтская принцесса, завладевшая сердцем Николая и смотревшая на русских вообще как на «идиотов», а на русский народ как на «ревущие толпы», усиленно побуждала своего мужа почаще показывать своим верноподданным свой «самодержавный кулак». Всецело забрав в свои руки своего «Ники», «Аликс» под конец царствования прямо диктовала ему программу его действий. Истеричка, подпавшая, вместе с подругой Николая II, фрейлиной Вырубовой, всецело под влияние «старца»—после рождения болезненного наследника Алексея (30 июля 1904 г.),— императрица являлась опорой того распутинского правительства, против которого, в конце концов, восстала даже вся романовская родня, сначала протежировавшая Григорию, а затем покончившая с ним, что, однако, уже не могло спасти от гибели ни Николая II, ни самой династии. Замкнувшись от всей страны в тесном кругу своей семьи, куда входили как ее члены, так и «старец» и Вырубова, Николай II утратил всякую способность понимания окружающей действительности, никому не доверяя, загипнотизированный своим единственным «другом».

Уже первое политическое выступление Николая сразу определило его облик. Дебютировав в 1895 г. (17 янв.) своей знаменитой речью к представителям дворянства, земства и городов с крылатыми словами о «бессмысленных мечтаниях», Нико-

лай II до последних дней своих, подобно Людовику XVI, взирая на все возраставшее общественно-революционное движение, как на «бунт», который может быть подавлен в любой момент распорядительной твердой властью по монаршему повелению «прекратить беспорядки»,— так и не прозрел до конца, фаталистически полагаясь на провидение и упрямо цепляясь за свою самодержавную прерогативу, несмотря на октябрьскую «конституцию». По инерции, усвоенной от предков, Николай продолжал «качаться на политических качелях» среди непрерывной министерской «чехарды», живя изо дня в день, в критические моменты идя на вынужденные лицемерные уступки (манифест 26 февраля 1903 г. и 17 октября 1905 г.), с тем чтобы при первом же удобном случае заявить вновь о своем самодержавии не только на словах, но и на деле всеми эксцессами вызывающей погромной реакции. И Николай в таких случаях действовал тем увереннее, что жена постоянно внушала ему, как накануне отречения: «если тебя принудят к уступкам, ты ни в коем случае не обязан их исполнять, потому что они были добыты недостойным способом». Это писалось в тот момент, когда политика Николая довела страну «до белого каления». Никогда еще в прошлой истории династии Р. императорское правительство не доходило до такого морального разложения и безнадежного политического банкротства, как при последнем царе. Нельзя не вспомнить, что имп. Николай не только восстановил против себя все партии, все классы в России, но решительно дискредитировал себя в глазах всей Европы, которая дала ему это резко почувствовать во время его второго заграничного путешествия (1902), когда российскому императору пришлось бежать из Вены и вовсе отказаться от визита в Италию во избежание политического скандала. Так, утратив под собой всякую реальную почву, собрав вокруг себя подонки выродившегося режима, изжившая себя «исконная» власть уперлась в голый династический принцип. Опыт двух революций, 1905 г. и затем февральской 1917 г., ничему не научил Николая II. И подписывая свое отречение 3 марта 1917 г., и доживая последние дни с своей обреченной семьей в тобольской ссылке, низложенный самодержец так и не понял подлинного смысла «занятных дней», «милого времени», как откликался он с наивным недоумением в своих «дневниках» на события великих исторических судных дней. «Кровавый» царь «Ходынки», 9 января, карательных экспедиций, Ленского расстрела, захвативший, наконец, в 1915 г. в свои руки верховное главнокомандование в мировой бойне, этой последней ставке Р., остался до часа роковой расплаты тем же, чем был всю жизнь — последним отпрыском голштинской ветви окончательно выродившейся романовской династии, изжившей себя вместе с породившим и питавшим ее историческим базисом.

В течение трехсот с лишком лет российские «самодержцы» так наз. «дома Р.», исполняя свою историческую «миссию», разыгрывали выпавшую на их долю роль «приказчиков» сменявших друг друга у власти или разделявших ее командующих классов в лице феодального дворянства, аграрной, торговой и промышленной буржуазии (см. *Россия*). Служа так или иначе своим «хозяевам», лавируя среди противоречий классовых интересов, в центре борьбы которых они были поставлены в силу своего положения, Р. должны были закончить свою политическую карьеру вместе с крушением тех исторических «устоев», на которых дер-

жалась Россия «старого режима» и их династическая привилегия. Октябрьская революция, покончив навсегда с императорской Россией, а вместе с тем ниспровергнув навсегда диктатуру помещиков и капиталистов, одним ударом покончила и с ее последней династией, последним пережитком «крепостнического порядка прогнившего самодержавия» (Ленин). 16 июля 1918 г. в Екатеринбурге последовала казнь Николая II и его семьи.

Литература: «Русский биографический словарь», т. т. 1, 2, 3, 4, 5, 8 и 25, 1910—1918; «Начало династии Р. Истор. очерки», 1912; «Три века». Историч. сборник, т. 1—6. 1912—1913; акад. *Платонов*, «Петр Вел.», 1926; *Шильдер*, «Имп. Александр I», 1897—98; *его же*, «Имп. Павел I», 1901; *его же*, «Имп. Николай I», 1903; *Шолиевектов*, «Имп. Николай I», 1913; *Фирсов*, «Историч. характеристики», т. II, 1922; *его же*, «Александр II», Былое, 1922, № 20; *его же*, «Александр III», Былое, 1925, № 1; *его же*, «Николай II», 1929; «Падение царского режима», т. I—VI, 1926; *Покровский М.*, «Русская история», т. 2—4.

Б. Сыромятников.

Романонес, Альваро де Фигуероа и Торрес, граф, испанск. политич. деятель, *см.* XLVII, прил. *совр. полит. деятели*, 68/69.

«Роман Розы» («Roman de la Rose»), *см.* XLV, ч. 1, 451.

Романс, см. *песня*, XXXIV, 315/17.

Романсеро, см. *Испания*, XXII, 235/36.

Романские народы, народы, говорящие на языках, принадлежащих к романской ветви индо-европейской семьи (см. *романские языки*), т.-е. французы, валлонцы (в Бельгии), испанцы, португальцы, итальянцы, ретороманы (рето-романы, ладинцы, фриульцы) и румыны. Общая численность всех этих народов достигает 125 млн., и они одной сплошной массой заселяют западную и юго-западн. Европу, и только румыны живут отдельно от других Р. н. Будучи вполне определенным в лингвистическом отношении, термин «романский» в применении к этнографии утрачивает эту определенность и становится весьма расплывчатым, что объясняется прежде всего смешанным происхождением данных народов. Чистые романцы, т.-е. потомки древних римлян и других народов, говоривших на родственных латинскому языках, были лишь одним из элементов и притом, вероятно, не наиболее многочисленным, из которых сложились современные Р. н. Кроме этих чистых романцев, в образовании современных Р. н. весьма крупную роль сыграли кельты и германцы, на востоке также славяне (см. *румыны*), на западе — баски, на юге — греки и арабы, и т. д. Таким образом, в этнографическом отношении очень трудно говорить о Р. н. как о чем-либо целом, да и внутри каждого отдельного народа и каждой отдельной страны существует весьма большое разнообразие. Более или менее всем Р. н. издавна свойственно земледелие, соединенное с виноградарством и виноделием. Для их жилищ характерно определенное предпочтение, отдаваемое камню перед деревом в качестве материала для построек, и каминообразное отопление дома. В женских костюмах наблюдается большое разнообразие, соединенное с известной щеголеватостью. Голова у женщин большей частью остается непокрытой, и потому прическа вызывает к себе больше внимания, чем у других народов. В антропологическом отношении Р. н. характеризуются преобладанием брюнетического типа, но в общем не представляют какого-либо единого расового типа, а, наоборот— принадлежат к трем различным расам: средиземноморской, альпийской и северной и к их самым разнообразным скрещиваниям. Некоторые исследователи склонны были приписывать этому слабую рождаемость и медленный прирост населения, но это явление, разумеется, не имеет ничего общего с расовыми особенностями и объясняется причинами чисто социального характера.

А. Максимов.

Романские языки являются продолжением не литературного, но народного, «вульгарного» латинского языка (*см.*), на котором говорило италийское крестьянство и который был занесен в другие европ. страны, римские провинции, италийскими колонистами и солдатами. Отличие его от языка литературного было отмечено еще древними римлянами (Люцилий, Варрон, Цицерон, Квинтилиан): так, дифтонгам ai (ae) и au (последний не во всех диалектах) в нем соответствуют монофтонги e и o; syllaba anceps носит на себе ударение (tenébrae, intégra); в группах i, é перед кратким гласным ударение переходит на последний, а i и e становятся неслоговыми (filiólus, capreólus, Puteóli, muliérem); в сложных глаголах ударение приходится на корневую часть (renégo при классич. rénego, recípis — класс. récipis, implíco — класс. ímplico); долгие гласные, потеряв долготу, стали закрытыми, краткие — открытыми, при чем i совпало с ē, ŭ, ō. Из согласных исчезло конечное m, сохранившись только в односложных словах (rem, rien), исчезло с удлинением предыдущего гласного n перед s (mese ~ кл. mensem, sposo ~ sponsum), исчезло t на конце (помп. эпигр. valia ~ valeat), b в середине слов между гласными обратилось в v; падежная система распалась: коренным падежом стал винительный; родительный и дательный описываются предлогами de и ad; 2-е спряжение смешивается с 3-им: mórdere, rìdere cadére при класс. mordére, ridére, cádere, отчасти с 4-ым: florire при класс. florere; глаголы 3-его спряж. на io переходят в 4-ое: morire, capire ~ mori, cápĕre; шире, чем в классическом яз., развивается описательное спряжение, сложное будущее, типа amare habeo (фр. j'aimer-ai, ит. amero), перфект типа amatum habeo (фр. j'ai aimé, ит. ho amato) и т. д.

Этот вульгарный язык, отчасти восстановляемый из самих романских наречий, известен нам для древней эпохи уже из вульгарных частей комедий Плавта, далее из Петрония, из грамматиков, из плебейских надписей, в частности — помпейских, из сочинений технического характера (медики, архитектор Витрувий), из переводов Писания (особенно предшествовавших Вульгате Иеронима; *см.* XI, 547) и вообще из христианской литературы (ср., напр., Peregrinatio S. Aetheriae ad loca sancta, Historia Francorum Григория Турского, и т. д.).

Вульгарно-латинский язык распадался на диалекты, которые, однако, мало известны, а между тем вполне возможно, что на эти диалектические различия отчасти опираются и отличия Р. я. друг от друга. Впрочем, другой причиной этих отличий была, несомненно, неединовременная романизация провинций: так, Галлия была позднее романизована, чем Испания, покорение Сардинии относится к 238 г. до н. э., а Дакии (Румынии) к 107 г. н. э., и сардинский язык сохранил такие древние вульгарно-латинские черты, которых не имеют другие Р. я. (напр., в логудорийском диалекте сардинского яз. сохранились древнелат. ke, ki: kelu — «небо», ит. cielo, фр. ciel; kimbe — «пять», ит. cinque, фр. cinq), и, между прочим, по этой причине современные романисты видят в нем отдельное романское наречие, самостоятельное от итальянского. Известную долю в образовании романских наречий могли иметь и местные, доримские, позднее романизованные народы; но по всем этим сложным вопросам в науке еще нет достаточно глубоких и вполне надежных исследований, отчасти по причине скудости оставшегося от этих языков материала или даже полного его отсутствия.

Нелегким является и коренной вопрос о классификации Р. я. Основатель романской филологии Диц (Diez) принимал семь языков: итальянский,

валашский (румынский), испанский, португальский, французский, провансальский и каталанский. Современная наука признает каталанское наречие (в вост. Испании и на Балеарских островах) провансальским; затем, со времен Асколи (*см.*) во французском языке различаются северные и юго-восточные диалекты, т. н. франко-провансальские (ю. часть Франш-конте, сев. часть Дофине, Савойя и франц. Швейцария); от итальянского языка отделяют сардинский и, кроме того, видят особую самостоятельную группу в наречиях ретороманских (по терминологии Асколи—«ладинских»), на которых говорят в южной части кантона Граубюндена, в некоторых местностях Тироля и в Фриуле. Далее, галисийский диалект в с.-з. Испании есть диалект португальского языка.

В частности, в сев.-французском языке различаются диалекты: францийский (Isle de France), шампанский, бургундский, лотарингский, валлонский (в Бельгии), пикардийский, норманнский, пуатевинский; для средних веков важен англо-норманнский, на котором говорили в Англии. Провансальский (помимо каталанского) распадается на собственно провансальский, затем на лангедокский, овернский, лимузинский и гасконский.

В итальянском языке (за исключением сардинского) различаются: 1) галло-италийская ветвь, к северу от Апеннин, кроме венецианского наречия (диалекты: эмилианский, ломбардский, пьемонтский и лигурийский); 2) собственно итальянская ветвь (д-ы: сицилийский, калабрийский, неаполитанский, тарентский и наречия Абруцц: римское, умбрийское, тосканское и, наконец, венецианское).

Наречия испанского языка: арагонское, астурийское, леонское, кастильское и андалузское.

Румынский язык делится на: 1) дако-румынский в Румынии, включая Бессарабию, Семиградье и Банат, 2) македоно-румынское (куцо-валашское, или аромунское) нареч. в некоторых местностях Греции и 3) истро-румынское, в некоторых местностях Истрии.

Сверх того, на испанском языке говорят в Мексике и в южно-американских латинских республиках, на португальском—в Бразилии, на французском—в Алжире и Канаде. От этих колониальных диалектов резко отличаются, особенно в образовании форм, креольские (продукты смешения романского элемента с языками туземцев и вселившихся негров): таковы негро-французский на остр. Маврикия, в Луизиане, на Гаити, Мартинике, Кайенне и на островах Согласия; анамито-французский в Кохинхине, малайо-испанский на Филиппинах, негро-испанский на Сан-Доминго и Тринидаде, негро-португальский на островах Зеленого Мыса, в Сенегамбии, и т. д.

Обратимся теперь к истории основных Р. я.

Французский язык. Древнейшими обитателями Франции, части Бельгии и части Швейцарии были кельты и галлы. Их романизация шла более или менее быстрым темпом; в конце концов во французском языке уцелели отдельные галльские слова (напр., chemise — рубашка, braie — «штаны», baiser — поцелуй и пр.), следы кельтийской вигезимальной (двадцатиричной) системы в quatre vingt — «80», и много названий городов и местностей, б. ч. по названиям галльских племен, напр. Cahors (Cadurci), Limousin (Lemovices), Auvergne (Arverni), Tours (Turones), Paris (Parisii), Beauvais (Bellovaci), Soissons (Suessiones), Reims (Remi), Metz (Mediomatrici) и др.

Уже с конца римской империи, но особенно с конца V-ого в. н. э. началась длительная германизация Франции и Бельгии франками, преимущественно салическими, которые и дали прежней Галлии имя Франции; в результате во франц. языке остались

франкские слова, напр.: soin (sunnia), ban (bannum), cruche (krûka), титулы, напр.: sénéchal, maréchal, bedeau, и многочисленные собств. имена, напр.: Louis (Hlodowichus), Gautier (Waldharius), Raoul (Radulf), и т. д. Помимо этого, франки, принесшие с собою песни о Нибелунгах, ставшие популярными на новой родине, могли, в конце концов, сообщить особенности старогерманского эпоса эпосу старофранцузскому, именно песни о Роланде. Кроме франков, надлежит упомянуть и норманнов, давно захвативших галльское побережье, но с течением времени подвергшихся романизации со стороны коренного населения; следы их языка во французском языке, впрочем, незначительны.

Французский языкизвестен нам со времен очень древних, хотя, конечно, для самого раннего периода материал скуден и отрывочен. Латинские документы с 528 г., латинские произведения, начиная с VI-го в. и списки с римских литературных памятников этого и более позднего времени, в частности глоссарии, содержат нередко в очень прозрачной оболочке романские формы и слова; ср., напр., т. н. Reichenauerglossen (VIII в.): occidisset: cadisset — ст.-фр. cadist; sagma: soma — ст.-фр. some. Приблизительно из той же древней эпохи доходят до нас сведения о существовании народной романской поэзии. Латинское литературное образование все более и более вымирает, и уже Турский собор 813 г. допускает проповедь на французском языке. К 842 г. относятся знаменитые, формулированные на местных языках Страсбургские клятвы Людвига Немецкого и Карла Лысого: одна из них — французская (см. *Страсбургская присяга*). Вслед затем народный французский язык вытесняет собою латинский в школах. С завоеванием Англии (1066) французский язык становится языком английского государства и английской школы. XII в. имеет уже развитую литературу, кроме научной, для которой язык был еще недостаточно развит. В этой литературе еще заметно соревнование диалектов, но уже выдвигается на первый план парижский говор двора и образованных людей и с XIII в. становится главным, руководящим литературным языком сев. Франции, постепенно пробивая себе дорогу в области, до тех пор обслуживаемые языком латинским, т.-е. в суд, канцелярию и школы. Возрождение, при помощи римской риторики, придало более точности и гибкости французскому языку, хотя, с другой стороны, в литературе того времени были течения, для него опасные, именно стремление к цветистому стилю со множеством иностранных итальянских, греческих и латинских слов; но это стремление вызвало спасительную реакцию со стороны знаменитого филолога Г. Стефана (Henri Estienne; см. *Этьен*) и Малерба (*см.*), который принял за основу язык хорошего французского общества, настаивая на соответственности и логической правильности языка, в противовес неровностям языка обиходного, изменчивому вкусу толпы и произволу писателей. В результате этих и им подобных течений кардиналом Ришелье была создана в 1635 г. Французская академия (*см.* XXII, 53/54) для охраны облагороженного французского языка. Тогда же, со времен Декарта, французский язык все более становится языком науки; XVII в. выдвигает также блестящих проповедников. Но еще раньше, с XVI в., франц. язык изучается в школах Европы. Он делается, наконец, языком иностранных дворов, дипломатических сношений и ученых корпораций (академий). Дальнейшая история франц. языка вплоть до наших дней известна из истории французской литературы (*см.* XLV, ч. 1, 460 сл.).

Древне-провансальский известен менее, чем древне-французский: некоторые следы его заметны в латинских документах IX в., в конце XI в. он представлен без примеси в местных документах; с тех пор он быстро развивается, становится языком лирики трубадуров (см. *провансальская литература*), распространившейся также в Испании (в Каталонии) и в Италии, поэты которой даже писали по-провансальски, считая этот язык наиболее совершенным языком лирики. Но этот расцвет длился лишь до XIV-го столетия: с тех пор и на юге Франции начинает пробивать себе дорогу сев.-французская речь, которая в XVI в. вытесняет местную литературу, в которой, впрочем, выделялись поэты Тулузской школы, особенно де-Гудули (1580—1649). Труды французского академика, провансальца по происхождению, Рейнуара (Raynouard; *см.*) в начале прошлого столетия широко осветили перед ученым и литературным миром старопровансальскую поэзию и послужили толчком к возрождению провансальской литературы (Руманиль, Мистраль и др.; *см.* XXXIII, 503/04).

Испанский язык. Древнюю Испанию населяли иберы, потомками которых, повидимому, являются баски (*см.*). Они оставили свой след в испанском, португальском и провансальском языках в виде отдельных слов и собственных имен.

С V-го в. н. э. в Испанию вторгаются германцы: сначала на короткое время вандалы, за ними свевы и, наконец, вестготы, удержавшиеся там с 20-х годов V в. до арабского завоевания (711). Большая часть германских слов (напр., sitio—«осада») и собственных имен (Alfonso, Hernando и пр.) является заимствованиями преимущественно из готского. Завоевавшие Испанию арабы держались в ней долго и, благодаря своей высокой культуре, оказали большое влияние на ее внутреннюю жизнь и язык. Арабизмами являются многие термины науки (algebra, cero—«нуль»), промышленности, торговли, земледелия, войны, архитектуры, администрации (напр., alfange—«сабля», alfatero,—«горшечник», aceite—«масло», alguacil—«судебный служитель», alcalde—«старшина», aldea—«деревня», aduana—«таможня», alcázar—«дворец») и многие собств. имена: Alhambra, Medina, Guadalquivir, Guadiana, Gibraltar, Málaga и мн. др.

Кое-какие факты *староиспанского* языка сохранены энциклопедистом Исидором Севильским (*см.*; V—VI в.) в его «Origines», или «Etymologiae», затем в латинских сочинениях с 747 г. и, уже систематически, в местных юридических документах, начиная с 1145 г., написанных на астурийском и кастильском наречиях. В XIII в. развивается кастильская лирика; к XII-му принадлежит старейший героический эпос Испании, поэма о Сиде (*см.*), носящая на себе следы влияния старофранцузского эпоса; французское влияние сказывается и на других произведениях тех времен (см. *испанская литература*, XXII, 221/23). Кастильское наречие становится мало-по-малу доминирующим и достигает высокого совершенства под пером знаменитых писателей второй половины XVI и начала XVII в. Итальянизмы и латинизмы, привившиеся к исп. языку во времена Возрождения, б. ч. сохранились в нем и до сих пор. Новая испанская литература также находится под французским влиянием.

Португальский язык. Старейшие португальские памятники относятся, так же, как и испанские, к XII в. (с 1192 г.). Язык и литература развивались в Португалии под влиянием соседних народов, т.-е. провансальцев, французов, испанцев, а со времен Возрождения также и итальянцев. Из мировых величин Португалия дала только Камоэнса (ум. в 1581 г.; *см.*).

Итальянский язык. С начала V в. Италия становится добычей германских племен — вестготов (Аларих) и остготов (Теодорих Великий), а впоследствии — лангобардов. Кроме ряда германских слов, итальянский язык сохранил много собственных имен готских и лангобардских (Agilolfo, Manfredo, Guido, Aldo, Bruno и др.). В Сицилии и на юге Италии сохранились следы и арабского влияния, преимущественно в собственных именах: Palermo (стар. Panormus) имеет арабизированную форму, ср. далее Malta, Maqueda (улица в Палермо), Marsala (др. Лилибей), Mongibello (народное название Этны) и т. д.

Следы *староитальянского* языка сохранились в латинских документах, начиная с 513 г., и особенно ясно проступают в VII и VIII вв. К 960 г. относится краткое свидетельское показание в одном процессе на чистом итальянском. Об официальном употреблении итальянского языка известно, что в 1189 г. торжественную латинскую речь аквилейского патриарха один падуанский епископ materna lingua explanavit, т.-е. перевел на родной итальянский язык. Чисто итальян. документы на полуострове не восходят далее 1280 г. Но поэтическое творчество, частью под провансальским влиянием, начинается уже в конце XII в., и, между прочим, мистико-лирические произведения болонской и флорентийской школ расчистили дорогу для литературного языка Данте. Могучая фигура самого Данте и поэтическое превосходство великих тосканских поэтов XIV в., Петрарки и Боккачьо, навсегда, вплоть до нынешнего времени, обеспечили литературное и официальное господство флорентийскому наречию, как наиболее развитому в литературном отношении и наименее удаленному фонетически и морфологически от латинского. Этому способствовало еще и то, что за все время Ренессанса указанные великие поэты тщательно изучались и были предметом подражания. Труды лексикографов того времени, собиравших материалы для словаря тосканского литературного языка, легли в основу Vocabulario флорентийской Accademia della Crusca (*см.* I, 543/44), учрежденной в 1582 г. для охраны чистоты языка. Эта проблема, но уже применительно к новым литературным потребностям, не сходит со сцены и в новое время, начиная с конца XVIII в.: характерно, что известный романист Манцони (*см.*) во 2-ом издании своих Promessi sposi сделал попытку устранить все нефлорентийские обороты первого. Возгоревшаяся по этому поводу полемика не помешала принятию в литературу и школу разговорного языка Флоренции. Если и раньше для комедии допускались диалектизмы, то со времени сицилийского поэта Мели (*см.*) итальянская диалектическая поэзия начинает культивироваться во всех местностях страны.

Связная традиция *ретороманского* языка начинается лишь с 1380 г. (в Фриуле). В Граубюндене со времен реформации возникает в XVI в. богословская литература, появляются переводы на энгадинское наречие частей Библии. Несмотря на основание еженедельного энгадинского журнала и публикации литературных обществ, литературный язык еще недостаточно развит. Наречия эти, особенно в Граубюндене, интересны тем влиянием, которое оказывают на них соседние немецкие диалекты.

Письменные памятники *румынского языка* восходят к концу XV, скорее к XVI в. (перевод псалмов). Язык интересен тем, что, с одной стороны, сохранил несколько древнейших фактов вульгарной латыни, не уцелевших в других романских языках, с другой — подвергся сильнейшему влиянию соседних языков: греческого, турецкого, венгерского, немецкого, албанского и

особенно славянского, тем более, что вплоть до 1643 г. в Румынии богослужение производилось на славянском языке; он же был и языком канцелярии. Поэтому словарный состав румынского языка заключает в себе гораздо больше чужеземных (особенно славянских) элементов, чем коренных латинских. Его алфавитом, почти до начала XIX в., была славянская кириллица. Румынский (латинский) алфавит возникает сначала в Семиградии (1780), а затем уже в самой Румынии, при чем на первых порах не обходится без некоторых букв кириллицы. Орфография, установленная Академическим обществом (позднее Академия наук) в 1880 г., представляет собой компромисс между этимологическим и фонетическим принципами. Последний является боевым лозунгом нового времени.

История изучения и исследования Р. я., начиная с средневековья, подробно изложена Грёбером в I-ом т. его «Grundriss der romanischen Philologie» (2-е изд., 1904/06). Но истинно научная постановка романской филологии началась в первой полов. прошлого столетия под влиянием успехов германской филологии и индоевропейского языковедения. Основоположником был боннский профессор Диц (Diez; 1794—1876) с его трудами: «Romanische Grammatik» (1836—43) и «Etymologisches Wörterbuch der romanischen Sprachen» (1856). С тех пор романская филология процветает, прежде всего, в германских странах (из крупнейших романистов можно назвать Грёбера, Тоблера, Сюшье, Шухардта, Мейера-Любке). Ученик Дица Г. Парис и П. Мейер являются основателями романской филологии во Франции (из их преемников надо назвать Дарместетера, Тома, Ацфельда). В Италии выдается блестящий языковед Асколи (*см.*; преемники — Д' Овидио, Гуарнерио, Пароди), в Португалии — Leite de Vasconcellos, Caroline Michaëlis-de-Vasconcellos и Caelho; в Румынии — Хыждеу, Тоцилеску, Денсузиану; в России — А. Н. Веселовский и его ученики (напр., Шишмарев, Аничков).

Общее введение во все проблемы романской филологии с краткими грамматиками отдельных языков дано в указанном Grundriss'e Грёбера. Ср. *Meyer-Lübke*, «Einführung in das Studium der romanischen Sprachwissenschaft», 2 изд. 1909 (3-е, 1921). Тому же Мейер-Любке принадлежат: «Grammatik der roma. nischen Sprachen» (1890 — 1901), «Italienische Grammatik», «Historische Grammatik der französischen Sprache» (1908), «Romanisches Etymologisches Wörterbuch» (с 1911 г.). Ср. далее *Zauner*, «Romanische Sprachwissenschaft», 2-е изд., 1905.—Вульгарная латынь: *Schuchardt*, «Der Vokalismus des Vulgärlateins», 1866—1869; *Meyer-Lübke*, «Die lateinische Sprache in den romanischen Ländern» (в «Grundriss» Грёбера); *Grandgent*, «An Introduction to vulgar Latin», 1907.— Словари: *Littré*, «Dictionnaire de la langue française», 1863; *Hatzfeld-Darmesteter-Thomas*, «Dictionnaire général de la langue française», 1894—1901; *Riguttini-Fanfani*, «Vocabolario italiano della lingua parlata», 1875; *Petrocchi*, «Novo dizionario della lingua italiana», 1884; *Tommaseo-Bellini*, «Dizionario della lingua italiana», 1861 sq.; *Cuervo*, «Diccionario de construccion y regimen de la lengua castellana», 1884; *Salvá*, «Nuevo diccionario frances-espanol et esp.-fr.», 1838 (в новейших изданиях); *Tiktin*, «Rumänisch-deutsches Wtb.», 1895 sq.; *Puscariu*, «Etymologisches Wtb. der rumänischen Sprache», 1905.—Журналы: «Kritischer Jahresbericht über die Fortschritte der romanischen Philologie» (Vollmöller) с 1890 г.; «Literaturblatt für german. u. roman. Philologie» (Behaghal-Neumann), с 1880; «Supplementheft zur Zeitschrift f. roman. Philologie», с 1877 г.; «Zeitschrift f. roman. Philologie» (Gröber), с 1877 г.; «Zeitschrift f. neufranzös. Sprache u. Literatur» (Körting-Koschwitz), с 1879 г.; «Französ. Studien» (Körting-Koschwitz), с 1881 г.; «Romanische Studien» (Böhmer), с 1871 г.; «Roman. Forschungen» (Vollmöller), с 1885 г.; «Archiv f. d. Studium d. neueren Sprachen» (Herrig-Viehoff), с 1846 г.; «Phonetische Studien» (Vietor), с 1887 г.; «Romania» (P. Meyer et G. Paris), с 1872 г.; «Revue des patois Gallo-Romains» (Gilliéron et l'abbé Rousselot), с 1887 г.; «Revue de dialectologie romane» и «Bulletin de dialectol. romane», Halle, с 1909 г.; «Archivio glottologico italiano» (Ascoli), с 1873 г.; «Rivista di filologia romanza» (Manzoni—Monaci — Stengel), 1872—1876; «Giornale di filologia romanza» (Monaci), 1878—1883; «Studi di filologia romanza» (Monaci и de Lollis), 1884—1903; «Studi romanzi» editi a cura di E. Monaci, 1901—1907; «Revista Lusitana» (Leite de Vasconcellos), с 1887 г.; «Modern languages notes», Baltimore, с 1886 г.; «Publications of the modern languages association of America» (Bright), с 1885 г.; «Neuphilologische Mitteilungen» (Neuphilol. Verein in Helsingfors) с 1889 г.

М. М. Покровский.

Романский стиль определяет характер художественных форм (гл. образом архитектурных) европейского искусства первой полов. средневековья. Термин Р. с., появившийся во 2-ой четв. XIX в., не может быть вполне оправдан, так как наиболее характерное и законченное выражение Р. с. получил как раз в художественном творчестве германцев, а не романских народов. Но в этом термине все же заключается правильное указание на преемственную связь этого стиля с элементами позднеантичного искусства (см. *Рим — искусство*). Стржиговский (*см.*) указал ряд прототипов для основных форм Р. с. в странах Востока (Малой Азии, Сирии, Месопотамии, Иране, Армении). Эти восточные влияния могли передаваться в Европу в связи с переселением народов, торговыми сношениями, пилигримством, крестовыми походами. Нельзя, однако, умалять и значения самобытного творчества новых европ. народов, особенно германцев, в переработке воспринятых ими античных, др.-христианских, восточных, византийских элементов в зап.-европейский Р. с. В противоположность ясному покою античного искусства, всегда сохранявшего связь с формами реальности, художественное творчество германских племен отличалось стремлением к отвлеченности орнаментального стиля, к бурному движению запутанно переплетенных линий и фантастических звериных форм, связанных все же в сложной симметрии, как это подтверждают образцы прикладного искусства эпохи переселения народов и меровингской (IV — VIII в.в. н. э.; см. *Германия — искусство*, XIV, 327).

1. *Архитектура* раннего средневековья, получившая законченное оформление в Р. с., отличается математически-ритмичным расчленением пространства, отвлеченностью форм, мистическим характером причудливых мотивов орнамента. Раньше всего отдельные типичные формы Р. с. появились в сев. Италии, где в составе населения был в особенности силен германский элемент. Так, уже в базилике св. Аполлинария близ Равенны (VI в.) встречаются романские признаки: *лопатки* (или лизены — пилястры, но без баз и капителей) на стенах снаружи, вверху переходящие в *слепые арки*.

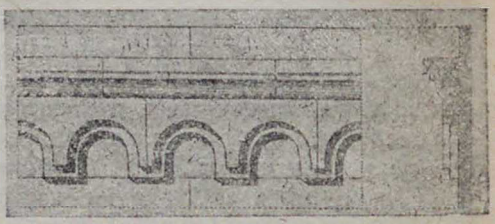


Рис. 1. Фриз из круглых арочек.

Эти же черты и *фриз из круглых арочек* (*рис.* 1) под линиями кровли, близкие к орнаментальным мотивам сирийско-христианских базилик, характеризуют кирпичные храмы лангобардского периода (VII — VIII вв.). В начале IX в. встречается в сев.

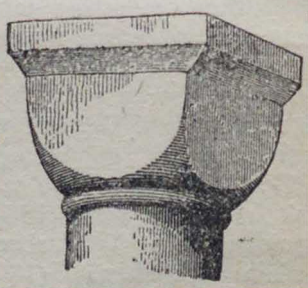


Рис. 2. Кубическая капитель.

Италии и романская *кубическая капитель* (в церкви Сант-Абондио в Комо; *рис.* 2). Особенно характерны для ломбардско-романского стиля XI—XII в. т. наз. «карликовые» *галлереи - аркатуры* на колоннах снаружи в толще стен храма. Но все же с наибольшей органичностью и художественным совершенством форм Р. с. был выработан в Германии.

Уже в церковной архитектуре ко-

ролевства Меровингов (V—VII в.в.) и Каролингско-Оттоновской империи (VIII—X в.в.) подготовляются отдельные черты Р. с. Храмы этого периода, известные нам главным образом из письменных источников, примыкая к типу древне-христианских базилик, имеют части с более обособленным, органическим характером. Древнехристианский атриум обращается в *притвор*, включенный в состав здания. Поперечный неф (*трансепт;* см.) выражен определеннее. План имеет вид *латинского креста* (┼ вместо типичной формы римских древнехристианских базилик в виде буквы ┬). В связи с необычайным ростом духовенства и его значения в средние века, резко обозначилась теперь главная часть храма: *хор* с более высоким полом и завершающей его *абсидой* (см.) в верхнем (восточном) конце креста, специально отведенный для алтаря и клира и отделенный рельефною оградой от стоящих ниже мирян. Под возвышением хора обычно устраивалась *крипта* (см.; капелла для погребения св. патрона церкви, князей, епископов). Нередко, если храм имел двух патронов, устраивался по примеру африканских древнехристианских церквей и другой хор, на западном конце базилики. В соответствии с восточным трансептом иногда возводился трансепт и на западном конце храма. Колонны заменяются *столбами* или ритмично чередуются с ними, увлекая, как и в древнехристианской базилике, глаз и мысль к алтарю, но в более замедленном мощном темпе. Хотя придворное искусство эпохи Карла Великого еще стремится примыкать к античным образцам, все же, с перенесением столицы в Аахен, начинают сильнее выступать германские черты (*см.* XIV, 327). В Саксонии, в Гарце и на Эльбе, где в X в. сосредоточены все силы германского племени в его борьбе с славянами, получают первое мощное выражение формы романской архитектуры. Вместо прежних, большей частью простых деревянных церквей, в Германии строятся в эпоху Оттонов (X, нач. XI в.) многочисленные каменные церкви, суровым и массивным характером напоминающие стены крепости

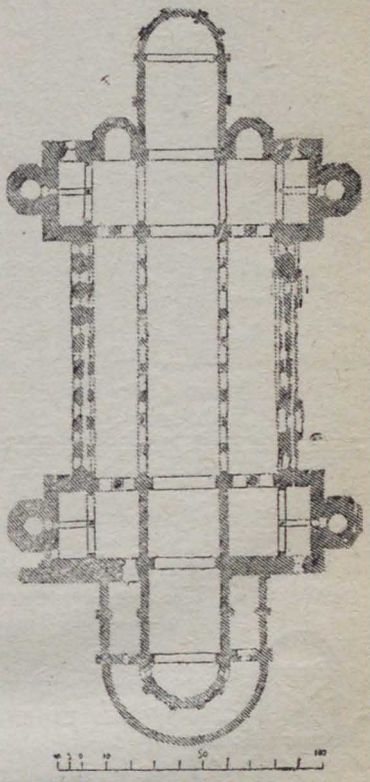


Рис. 3. План церкви св. Михаила в Гильдесгейме.

(церкви в Гернроде, Кведлинге, Гильдесгейме). Большинство их имеет еще деревянные плоские потолки, но крипта, на которой держится хор, иногда и менее широкие пролеты боковых нефов перекрываются уже крестовыми сводами. Иногда над боковыми нефами имеются *эмпоры* (второй этаж), открытые в сторону среднего нефа аркатурами, с чередованием столбов и колонн. Типичный и художественно-совершенный памятник этой эпохи представляет храм св. Михаила в Гильдесгейме (1001—1033).

Главным отличительным признаком вполне определившегося Р. с. XI—XII в. является так наз. «*связанная система*». Ее основу представляет в плане храма центральный квадрат, образуемый скрещением продольного нефа с трансептом. Такой же квадрат повторяется в площади хора, трансепта и продольного нефа (*рис.* 3 и 4). Так как продольный средний неф вдвое шире боковых, то каждому его квадрату отвечают два малых квадрата бокового нефа (*рис.* 5). Но в полном смысле связанный, замкнутый характер организм романского храма получает лишь с введением во всех нефах *крестовых сводов*, образуемых пересечением двух цилиндрических сводов, при чем в гранях пересечения крестовый свод подкреплялся часто каменными «*ребрами*» (гуртами). Крестовые своды поддерживались над каждым из квадратов связанной системы четырьмя круглыми *арками*, опиравшимися на столбы по углам квадратов. Большому своду над каждым звеном среднего нефа отвечали в более низких боковых нефах по два малых крестовых свода. В связи с развитием сводов колонны все чаще заменяются столбами, по которым тянутся ввысь *тонкие полуколонны*, чтобы там соединиться с гуртами сводов (*рис.* 6). Кубические капители со скульптурным или живописным орнаментом из геометрических мотивов плетения, звериных, изредка человеческих форм, вытесняют отзвуки античных орна-

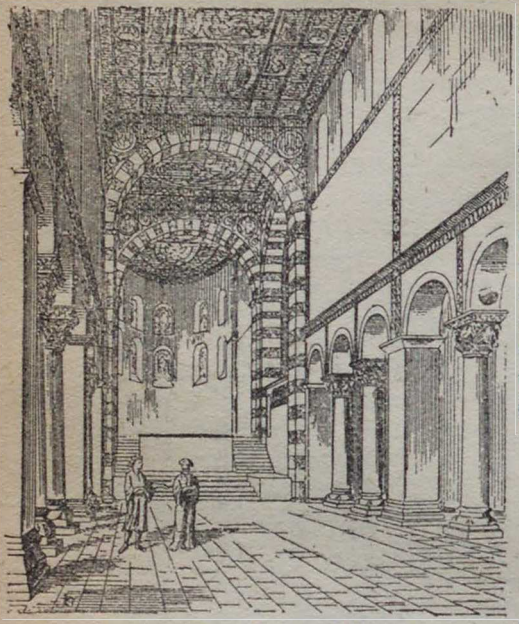


Рис. 4. Внутренний вид той же церкви.

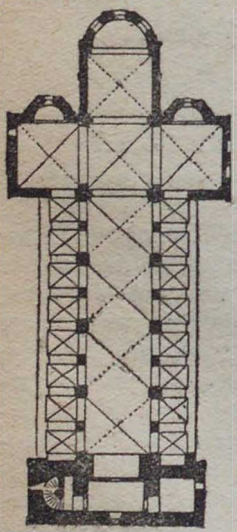


Рис. 5. План собора в Брауншвейге.

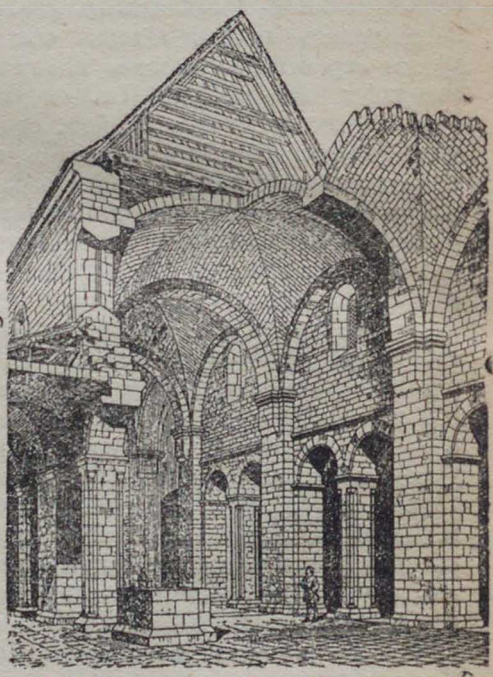


Рис. 6. Система крестовых сводов церкви в Липпольдсберге.

ментальных форм и своей округленной нижней частью создают органическую связь между круглым монолитным стволом колонны и прямоугольною пятою арки. Базы колонн, отделенные от пола квадратною плитой, повторяют в общем аттическую схему — ложбину между двух валов — и связаны типично романским украшением, изогнутым листком (или звериной формой), с четырьмя углами квадратной плиты (*рис.* 7). В общем романский храм XII в. представляет цельный организм, в котором ясно выступают его главные части. В высшей степени логичны, конструктивны и все его отдельные элементы, ясно выражающие в самой форме свою функцию. Снаружи плоскость вырастающих над цоколем стен ограничена вверху фризом арочек. Лопатки, связывая этот фриз с цоколем, и слепые арки, окаймляя группу окон или часть стены, разнообразят и вместе с тем объединяют ее поверхность. Откосы стен в порталах, украшенные колоннами, валиками, орнаментом, подходят уступами к дверям, точно увлекая внутрь приближающихся к храму; круглые романские арки (*архивольты*), углубляясь в соответствии с откосами стен, обрамляют тимпан (*см.*) над притолокой дверей. Крепкое завершение всей массе романского храма дают его *башни*, при чем обычно одна из них (восьмиугольная, с шатровым перекрытием), представляя световой фонарь с окнами и образуя как бы купол над скрещением продольного нефа с трансептом, связывает их точно крепким узлом в единый организм, а другие (круглые или четырехугольные) обрамляют хор или завершают трансепт по его концам. К лучшим образцам развитого Р. с. XII в. принадлежат церковь св. Годегарда в Гильдесгейме с двумя хорами и собор в Брауншвейге (*рис.* 5). Но в связи с введением сводов вскоре начинают

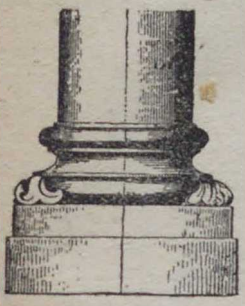


Рис. 7. База романской капители (из Лааха).

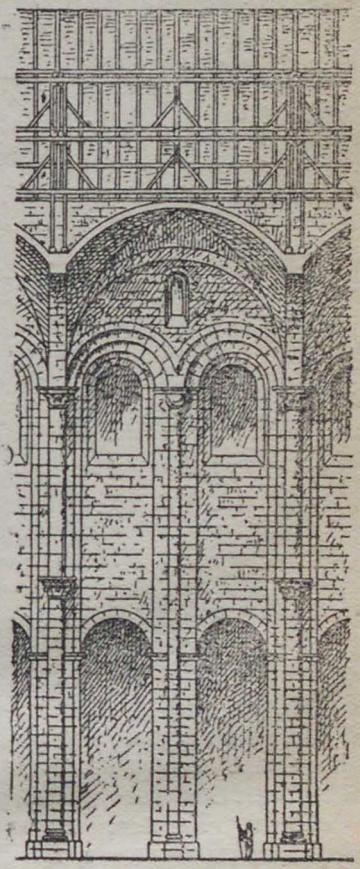


Рис. 8. Разрез шпейерского собора.

проникать в Германию влияния успехов, достигнутых в устройстве сводов Францией. Так создаются в первой полов. XIII в. в Германии храмы так называемого «переходного» стиля, в которых готические новшества допускаются только как декоративный элемент, но общий характер конструкции остается романским, и даже ранне-готические формы преобразуются в романском вкусе: для них ти-

пичны простота, массивность, недостаточная стройность. Этой исконностью немецкого Р.с. объясняется тот факт, что его господство сменяется в Германии полным усвоением сущности готической конструкции

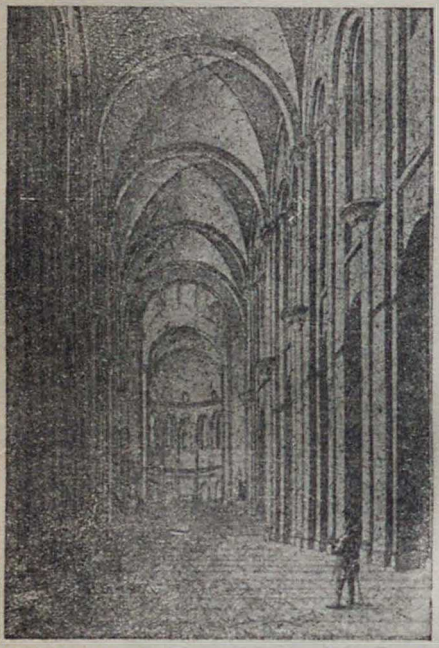


Рис. 9. Внутренний вид того же собора.

только в середине XIII в., т.-е. на целое столетие позднее, чем во Франции. Выдающиеся образцы связанной романской системы представляют рейнские соборы Майнца, Вормса и Шпейера, построенные в X—XI в. еще с плоским перекрытием, около 1200 г. перекрытые существующими теперь сводами и получившие отпечаток переходного стиля. Внутри рейнские соборы отличаются величавым характером пространства, благородной простотой форм и отношений (*рис.* 8 и 9). Вертикали столбов, их уступов и полуколонн, устремляясь вверх и усиливая впечатление высоты и стройности, кажется, одни только несут тяжесть сводов, на самом деле частью еще опирающихся и на стены. К типичным образцам переходного стиля к XII и первой полов. XIII в. относятся также соборы Базеля в Швейцарии, Бамберга в Баварии и Наумбурга в Саксонии.

При общности основного принципа конструкции романские храмы в различных частях Германии отличались своеобразными особенностями. Так, в Кельне уже с XII в. создаются, может быть еще на римских фундаментах, своеобразные церкви с тремя большими полукруглыми абсидами во-

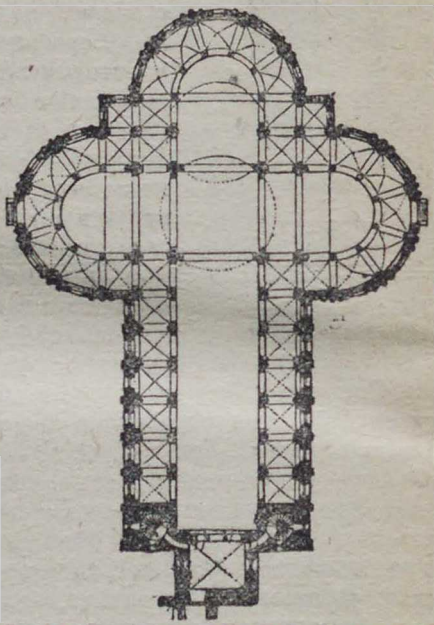


Рис. 10. План кельнской церкви «Марии в Капитолии».

круг центрального квадрата, на концах пересекающихся нефов (кельнская церковь Марии в Капитолии XI в., *рис.* 10; ц. Апостолов и большая ц. св. Мартина, обе XII в.). Сближаясь по расположению абсид с планом центрального типа, эти кельнские церкви производят внутри впечатление почти восточной торжественности. Снаружи завершающая часть рейнских и в частности кельнских храмов украшена с особенным богатством и живописностью. В углах между абсидами, в красивом сочета-

нии с ними, поднимаются стройные круглые башни. Фризы арочек и филенок, лопатки, слепые арки, аркатуры на колонках оживляют полукружия абсид и красиво сгруппированные башни (*рис.* 11). К центральному типу надгробных церквей первого тысячелетия примыкает кельнская церковь св. Гереона — десятиугольник древней кладки, с острыми арками окон в верхней части, возведенной в XIII в., с контрфорсами и еще очень короткими упорными арками (*рис.* 12). В противоположность французскому готическому храму, западный богато украшенный фасад которого представляет его главную лицевую сторону, романский храм Германии, ширясь равномерно во все стороны своими двумя хорами (иногда двумя трансептами) или трилистником абсид, не имеет в сущности главного фасада, и его портал находится нередко на длинной боковой стороне. Но все части романского храма объединяются его стремящейся ввысь главной башней. Иногда только одна могучая башня увенчивает массы романского храма (в церквах Вестфалии). В храмах верхнего Рейна башни часто поднимаются над притвором, открытым наружу широкими арками по образцу лоджий итальянских средневековых ратуш и мощных, связанных с башнями притворов бургундских церквей. На северно-немецкой низменности (от Голландии до владений Тевтонского ордена), где кирпич был главным строительным материалом, в церковных зданиях везде преобладают прямые линии, простые, строгие поверхности, без украшений, но зато с тонкой пропорциональностью размеров. Снаружи плоскости стен ограничены мелким и плоским орнаментом из глазированных цветных кирпичей, отформованных в виде шашек, консолей, пересекающихся арочек, выступающих углом плиток (церковь в Иерихове, XII в., соборы в Любеке, XII в., и в Риге, XIII в.).

Рис. 11. Общий вид собора в Вормсе.

Формы Р. с., применявшиеся в храмах, переносились также и на светские здания. Особенно типичны для эпохи несокрушимые бурги рыцарей с башней и «palas» (жилым домом) и ограждающими их крепостными стенами на вершине холма или на склоне горы. Отпечаток крепостного характера отличает в общем и другие светские здания романского периода, с простою замкнутою плоскостью стен, завершенных фризом арочек, с романскими арками низкого портала и небольших окон,

сгруппированных по нескольку вместе и разделенных колонками с кубическими капителями, с уступчатым фронтоном в многоэтажных домах. Сохранились лишь немногие из частных жилищ романской эпохи, строившихся из дерева, редко из камня, и позднее большей частью перестроенных (в Кельне, Мецe, Трире, Аахене, ратуша в Гельнхаузене, к. XII в.). В княжеских и императорских дворцах фризы арочек, лопатки, аркатуры, капители с фантастическим звериным орнаментом, плетение и мотивы, проникшие из Сирии в эпоху крестовых походов, украшают стены снаружи и внутри. Сохранился частью дворец саксонских императоров в Госларе, дворец Генриха Льва в Брауншвейге (XII в.), богато украшенный дворец тюрингенского ландграфа в Вартбурге XI—XII в. и руины императорских замков (в особенности Фридриха Барбароссы) в области Рейна.

Признаки Р. с. отличают архитектуру XI—XII в. повсюду в Европе, при этом в различных странах и даже областях одной страны Р. с. далеко не однороден в характере форм и общего впечатления. Так, во Франции, в северной части страны, до Луары, до самого XI в. строятся базилики с плоским перекрытием; на юге же, где в составе населения преобладал галло-римский элемент и сохранилось много остатков от архитектурных памятников римской

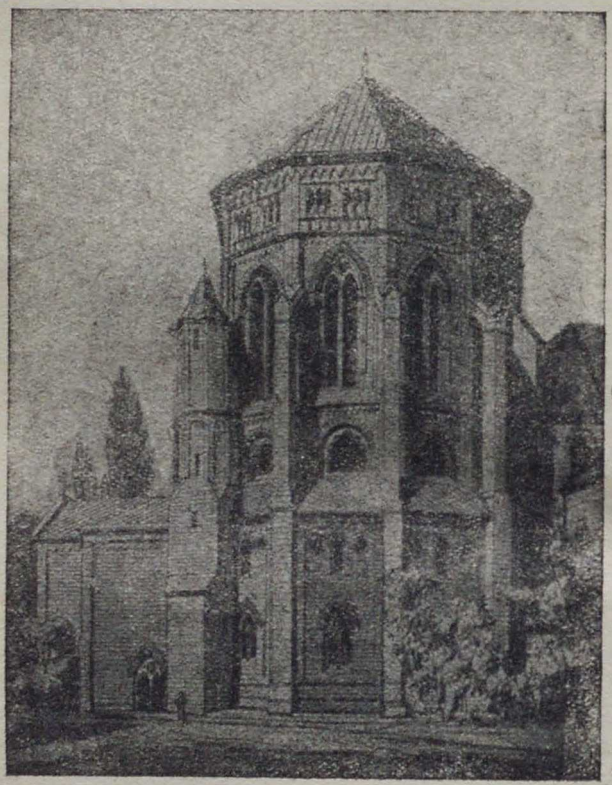


Рис. 12. Церковь св. Гереона в Кельне.

эпохи, применялось перекрытие нефов сводами или куполами. Просторные, светлые однонефные храмы Анжу и Аквитании, перекрытые цилиндрическим сводом, напоминают залы римских терм. Самый значитель-

Рис. 13. Внутренность церкви St. Front в Перигё.

ный в художественном отношении образец купольного типа на юге представляет храм Saint-Front в Перигё нач. XII в., перекрытый 5-ью плоской формы куполами, в красивом сочетании с великолепной квадратной башней, увенчанной кольцом колонн с коническою крышей, как на античном памятнике Юлиев в Saint-Remy. Почти полное отсутствие всяких украшений внутри возмещается величавым характером пространства и мощных форм (*рис.* 13). Типичную особенность французских храмов представляют: продолжение боковых нефов вокруг хора и абсиды с примыкающим венцом капелл в виде малых абсид. Зачаточная форма такого обхода и капелл встречается в древнехристианских церквах и монастырях Египта. Часто встречается и многоугольная форма абсиды, завершающей хор, перешедшая с Востока в Прованс и усвоенная вскоре французским готическим стилем. Особенно большое значение в развитии Р. с. имели церкви Бургундии. Главный неф бургундских церквей перекрывался обычно стрельчато-цилиндрическим сводом с поперечными гуртами острой формы, а боковые нефы — крестовыми сводами. Цистерцианцы, главная обитель которых Citeaux (Cistercium) находилась в Бургундии, стремясь восстановить простые формы не сохранившейся древней базилики в Клюни (в 981 г.

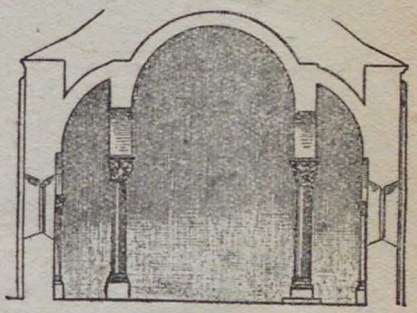


Рис. 14. Схема цилиндрических и полуцилиндрических сводов.

освящ.), отказались от крипт и башен и сосредоточились на усовершенствовании техники и конструктивной системы. Введение острых арок и усвоенной от северной Франции развитой системы ребер в крестовом своде делает цистерцианцев предшественниками готики. Особенно излюблены были на всем юге Франции церкви зального типа с нефами равной или почти равной высоты, с цилиндрическим сводом среднего нефа, подпираемым полуцилиндрическими сводами боковых (нередко двухэтажных) нефов, представляющими в сущности зачаток упорных арок (*рис.* 14; ц. Notre Dame La Grande в Пуатье, ц. Saint-Sernin в Тулузе XII в.). Западный фасад южно-французских церквей обычно с фронтоном, пересечен одним

или несколькими рядами слепых аркатур, нередко обильно украшенных фигурной скульптурой (ц. Notre Dame La Grande в Пуатье, собор в Ангулеме). Над западным фасадом возвышаются одна или две башни, во многих церквах имеется и мощная куполообразная башня над скрещением нефов, которая нередко одна высится над храмом (*рис.* 15). В сев.

Рис. 15. Церковь St. Sernin в Тулузе.

Франции, которой не коснулось античное влияние, развитие архитектуры отличалось большей самобытностью. В Нормандии, где германские завоеватели-норманны слились с местным французским населением, развивается суровое и строгое по духу архитектурное творчество. Большие нормандские церкви XI в. имели плоский потолок в главном нефе и крестовые своды в боковых нефах, над которыми находятся эмпоры, а над ними связанный с окнами *трифорий* (см.; *рис.* 16 и 17). Четырехугольная башня с высоким шпилем высится над перекрестом нефов, две других над западным фасадом. Растительный орнамент в украшениях арок и карнизов уступает место геометрическим мотивам, зигзагам, зубцам, шашкам, чешуе, звездам, с примесью фантастических звериных форм. Около 1100 г. плос-

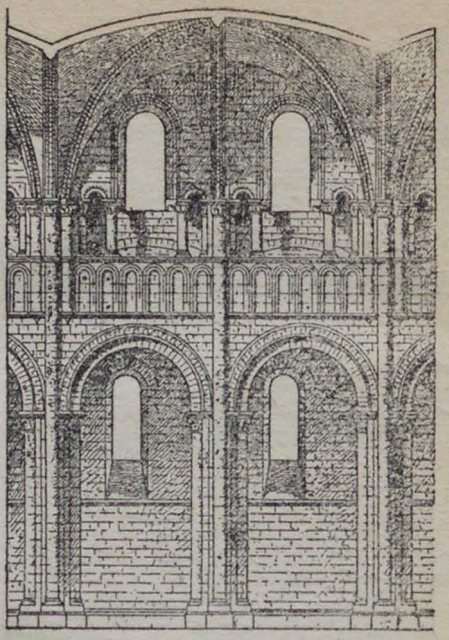


Рис. 16. Разрез церкви Троицы в **Кане** (Нормандия)

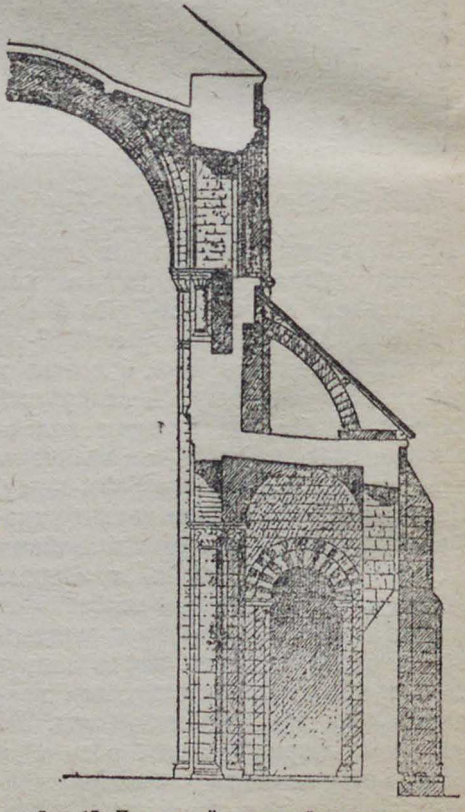


Рис. 17. Поперечный разрез той же церкви.

кий потолок главного нефа сменился системой крестовых, нередко уже шестичастных сводов с ребрами. Только на севере Франции — в Нормандии и Пикардии — были верно поняты возможности, заключенные в крестовом своде и системе ребер. Достижения Нормандии и других французских областей, показывающие, что развитие Р. с. во Франции неотделимо от процесса зарождения готики, объединяются в перв. половине XII в. в культурно-политическом центре страны, Иль-де-Франсе, и завершаются построением хора и западного фасада церкви аббатства Saint-Denis близ Парижа (1137—1144), первых образцов почти готового ранне-готического стиля (см. *готический стиль*, XVI, 315/19, и *французское искусство*, XLV, ч. 1, 497/500).

В Италии, в связи с крайним разнообразием встречавшихся в ней культурных и племенных влияний (античных, древне-христианских, византийских, сарацинских, норманских, бургундских), здания романской эпохи совершенно лишены одного общего характера, и часто лишь отдельные их части могут быть названы романскими. Только на севере Италии, в Ломбардии, храмы представляют действительно типичные образцы романского стиля. Отстроенная заново во 2-ой половине XI в. базилика св. Амвросия в Милане имеет мощные округлые арки, приземисто-широкие пропорции, крестовые куполообразные своды, шатровый купол над скрещением нефов, атриум с мощными столбами портиков, плетение и звериный орнамент капителей (*рис.* 18). К этому же типу, но с более стройными пропорциями, относятся и другие храмы XI—XII в. в сев. Италии (ц. св. Михаила в Павии, соборы Пармы, Модены, Пьяченцы, Феррары и др.). Аркатуры на колоннах проходят по фасаду на середине высоты его или под косыми линиями фронтона, объединяющего все три нефа. Аркатуры украшают также восьмиугольную башню купола и верхнюю часть стен хора, трансепта, абсид. В Италии чаще, чем в других странах, строятся круглые и многоугольные церкви-крещальни (баптистерии), стоящие так же, как и колокольни (кампаниле), отдельно от церкви. В Тоскане, испытавшей с севера ломбардские, с юга римские и южно-итальянские влияния, Р. с. проявляется в особенно оригинальных формах, отмеченных типично-итальянским изяществом. Замечательны в Пизе собор XI—XII в. и кампаниле XII в. (покосившаяся при постройке от осадки почвы), украшенные в несколько рядов аркатурами. Вместе с круглым баптистерием, обогащенным готическими *вимпергами* (см.), они производят впечатление мраморных ажурных масс (*рис.* 19). Если плоский потолок главного нефа и великолепные колонны с настоящими античными капителями напоминают еще древне-христианскую базилику, то крестовые своды боковых нефов, эмпоры, смена рядов белого и черного камня представля-

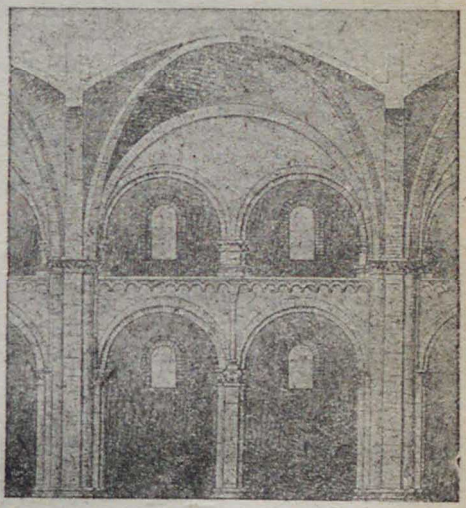


Рис. 18. Своды ц. Сант-Амброджо в Милане.

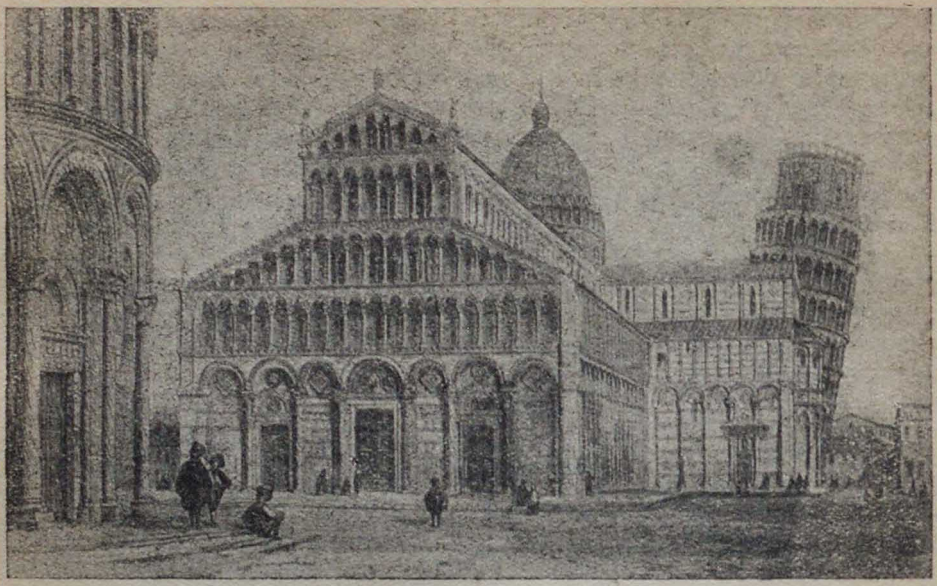


Рис. 19. Баптистерий, собор и кампаниле в Пизе.

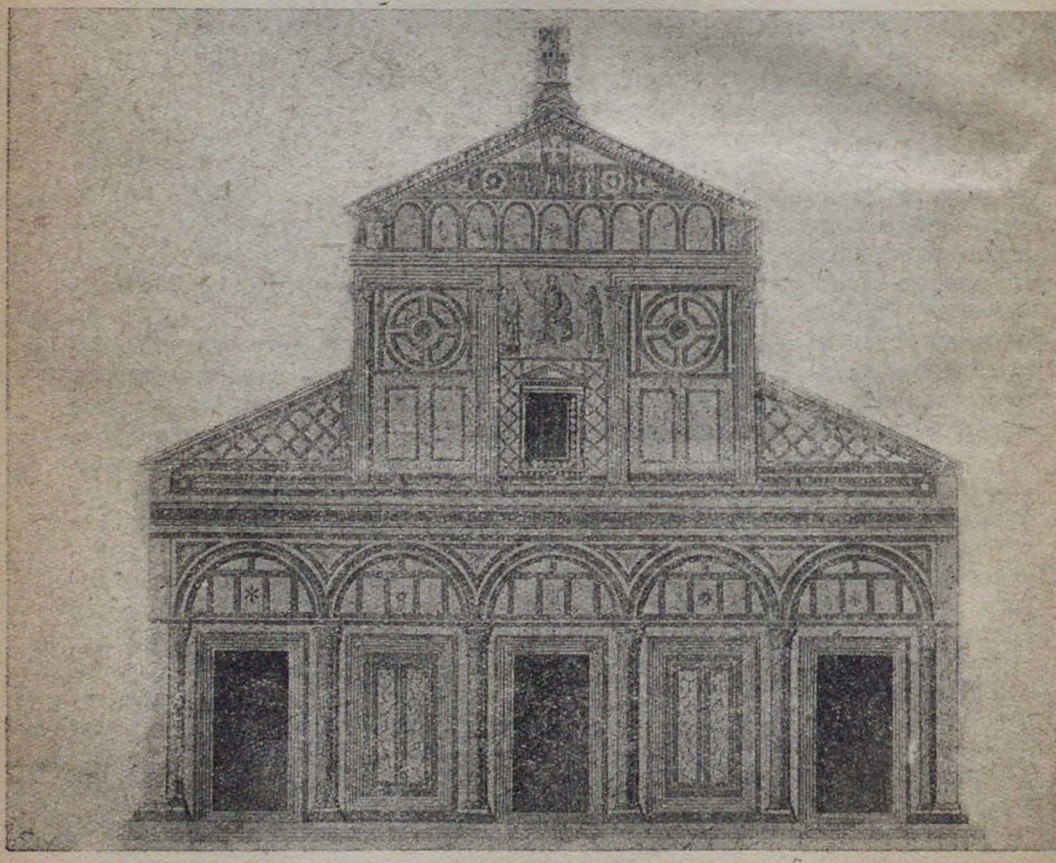


Рис. 20. Фасад Сан-Миниато (Флоренция).

ют уже чисто романские признаки. Стиль Пизанского собора повторяют и другие церкви XII в. в Пизе, Лукке, Пистойе. Совсем иной тип представляют флорентийский баптистерий, церковь San Miniato ai Monti (XI—XII в.) близ Флоренции, украшенные мраморной цветной инкрустацией (в баптистерии—снаружи, в San Miniato —по фасаду и внутри), образующей прямолинейный геометрический узор, строгий и простой, в стиле позднеантичной инкрустации, с изящной соразмерностью отношений (*рис.* 20; см. *итальянское искусство*, XXII, 503/04).

В Испании простые вестготские церкви IX—X в. соединяют черты общегерманской базилики этой эпохи с признаками восточных влияний: абсидами и арками в форме подковы и восточными орнаментальными мотивами, проникшими в Испанию вместе с мавританским завоеванием. Большие, великолепные романские церкви XI—XII в. отражают сильное влияние южно-французской архитектуры. Своеобразно-местные черты Р. с. представляют: большое круглое окно с каменной резьбой («роза»; *см.* ст. 117) над порталом; галлереи с романскими арками, сопровождающие снаружи внизу одну или обе продольные стороны храма; хор с высокою оградой, захвативший большую часть главного нефа. К характерным образцам Р. с. в Испании принадлежит великолепный собор Santiago de Compostella (XI—XII в.), с эмпорами, с подвышенными в мавританском духе арками, с богато украшенным порталом между двумя западными башнями. Постепенно, под влиянием форм и техники мавританских зданий, в романских храмах Испании сильно развиваются декоративные элементы, и в некоторых случаях создается даже смешанный романско-мавританский стиль, напр. в базилике Santiago de Arrabol в Толедо.

Термину Р. с., редко употребляемому в Англии, соответствует т. наз. англо-саксонский стиль VI—X вв. и норманнский стиль XI—XII в. От саксонской эпохи сохранились большей частью руины не очень органичных, однообразно-простых, как ящики, церквей, снаружи украшенных тонкими каменными полосками, иногда напоминающими технику деревянных построек. Французско-норманнский стиль, проникший в Англию с норманнским завоеванием, вступил в сочетание с местными саксонскими формами. К характерным чертам храмов норманнского периода относятся: очень удлиненные главный неф, трансепт и хор, аркатуры в нижней части стен, открытые стропила деревянного перекрытия, позднее замененного в некоторых случаях сводами, обширные крипты, необычайно толстые и короткие столбы-колонны (саксонская черта?), капители, украшенные рядом мелких кубиков, скругленных внизу, или как бы складок, похожих на обращенные вниз кегли. Снаружи эти храмы имеют несколько массивный, угловатый и приземистый характер, подчеркнутый преобладанием горизонтальных линий и массивной, вверху горизонтально срезанной и завершенной зубцами четырехугольной башней над перекрестом нефов. Характерно для Англии с ее туманами огромное, доходящее до крыши, окно фасада, освещающее длинный неф. Английские соборы стоят обычно на открытых местах, живописно окруженных деревьями. Беспокойные мелкие изломы норманнского орнамента (зигзаги, шашки, звезды, зубцы, спирали) господствуют в декорации круглых столбов, арок, окон, порталов: соборы в Нориче, Питерборо (*рис.* 21), величавый собор в Дэрэме к. XI в. (см. *английское искусство*, III, 64).

Романские церкви в скандинавских странах (в Швеции и Дании) свидетельствуют о влиянии главн. образом кельнских храмов и рейнского переходного стиля (соборы в Линде

и в Роскильде; последний с особыми фронтонами над каждым звеном главного нефа). В романских церквах XII в. в Норвегии отражаются англо-норманнские влияния (в соборах Ставангера и Дронтьема). Самобытным характером отличаются деревянные церкви Норвегии (о них см. *скандинавское искусство*, XXXIX, 201/03).

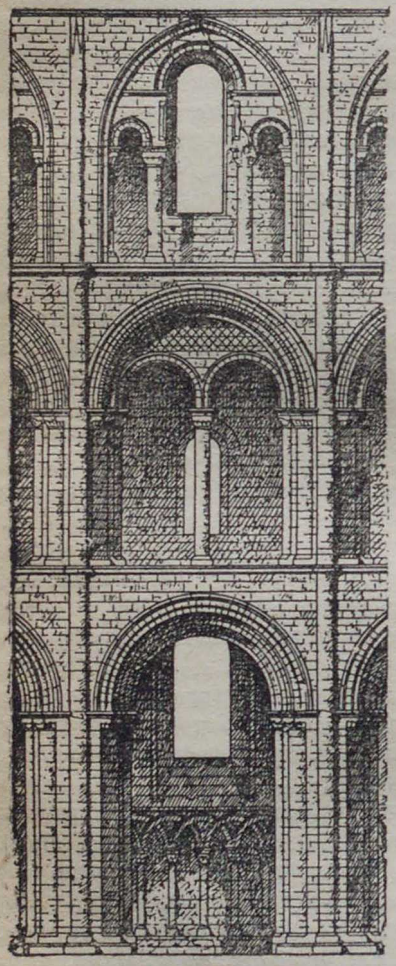


Рис. 21. Разрез собора в Питерборо (Англия).

2. Поскольку в романскую эпоху, особенно в начале, центрами художественного производства были главным образом монастыри, все искусства были тесно связаны с церковью, служили украшению храма и подчинялись в связи с этим архитектуре, отличаясь так же, как она, общими чертами Р. с.: отвлеченностью, орнаментальностью, символизмом форм. В *скульптуре*, украшающей тимпаны, притолоки и откосы порталов, гробницы, кивории, ограды хора, капители, господствуют рельефные образы, изображенные фронтально, один подле другого, в строгой симметрии, с орнаментально стилизованными складками одежд. В этих образах стиль византийских миниатюр и рельефов из слоновой кости и металла преобразуется в формы крупного размера, преувеличения и схематизм которых искупаются монументальным характером общего впечатления и обширностью замысла. Подчеркивая плоскостный характер украшаемой архитектурной поверхности, то оцепеневшие, то охваченные порывистым движением человеческие фигуры играют роль орнамента, тесно примыкающего к массе и поверхностям данной формы или гармонично заполняющего ограниченную обрамлением плоскость (см. *рельеф*). На ряду с влиянием античных образцов, выступающим в фигурной скульптуре и орнаменте (в богато украшенных порталах церквей Прованса), применяются и чисто романские мотивы: плетение, сказочные звериные и человеческие образы с первыми проблесками самобытности и реализма (рельефные группы на библейские и светские темы в порталах соборов Вероны, Феррары, Модены нач. XII в., в т. наз. «исторических» капителях романских монастырских двориков Сицилии и южной Франции). Характер рельефов носят и сравнительно редкие в романских храмах свободно стоящие статуи. Они скованы еще гранями той каменной массы, из которой их пытается освободить резец скульптора (статуи предков Христа при колоннах порталов зап. фасада собора в Шартре, XII в.). Лишь постепенно орнаментальный схематизм скульптур роман-

ского периода уступает место большой жизненности, еще связанной, однако, известной жесткостью и строгостью стиля (фигуры святых, изображения Страшного суда и жизни богоматери в порталах трансепта Шартрского собора, нач. XIII в.). Влияние образцов французской скульптуры отразилось в статуях немецких соборов переходного стиля (в порталах соборов Фрейбурга, Магдебурга, Бамберга, Базеля, южного конца романского трансепта Страсбургского собора и др.). Черты византийской орнаментальности в складках спорят с поразительной жизненностью и силой характеристики в рельефных образах пророков и апостолов нач. XIII в. на ограде хора Георга в соборе Бамберга, проникнутых уже духом самобытно-немецкого творчества.

3. Тесно связана с архитектурой и потребностями церкви и *живопись* романской эпохи. Дошедшие до нас остатки росписей доказывают, что романские храмы, их стены, колонны, базы, капители, столбы, полуколонны, гурты, арки, деревянные потолки были снизу доверху покрыты, как коврами, цветными узорами орнамента. Поверхности сводов и стен вверху были расписаны фресками, а нижняя часть стен увешивалась тканями и вышитыми коврами. Мозаические образы украшали иногда полукупол абсиды, стены и полы храма (особенно в Италии). Внутри храма частично раскрашивались также скульптуры, а снаружи одни порталы. Тысячи рукописных книг в ризницах и монастырских библиотеках были украшены миниатюрами (*см.* XXIX, 51/52, прил. $53^1/54^1$), исполнявшимися в монастырских мастерских (скрипториях). В IX—X в. в фресках и миниатюрах еще ясно выступает связь с позднеантичной (и древнехристианской) живописью и пережитками ее импрессионизма (фрески храма св. Георга в Оберцелле на о. Рейхенау), но в то же время в миниатюрах ирландских монахов процветал каллиграфически-орнаментальный стиль, а в заглавных буквах рукописей появляются мотивы германского плетения и звериных форм. В знаменитой Псалтыри IX в. утрехтской университетской библиотеки с поразительной жизненностью, вероятно под влиянием восточного оригинала, переданы в легких очертаниях пером звери и люди во всей непосредственности их движений. Но в X в. начинается преобладание романской отвлеченности над античными чертами и жизненным импрессионизмом; формы цепенеют, становятся линейно-орнаментальными, фоны повторяют узоры тканых ковров и византийских шелковых тканей или покрываются золотом. Образы носят плоскостный характер. Символизм обрядового действа, спокойствие застывших обликов заменяют жизненность движений и чувств (изображение грехопадения и родословного древа Христа на потолке ц. св. Михаила в Гильдесгейме XII в.; миниатюры евангелия Оттона III в мюнхенской библиотеке). В конце XII в., в нач. XIII в. — в связи с новым притоком византийских изделий в Зап. Европу в период крестовых походов — усиливается влияние византийских образцов, стиль которых в Германии подвергается, однако, своеобразно-жизненной переработке. Складки одежд в скульптуре, фресках, миниатюрах и еще мало развитой станковой живописи становятся угловато-ломкими, полными тревожного движения и лишь постепенно переходят в более мягкие, округлые формы; вместе с тем контуры делаются более свободными, гибкими, изображения обогащаются чертами реализма и повседневного быта (особенно в росписи зал рыцарских замков и в миниатюрах XII—XIII в., иногда исполненных в виде слабо подкрашенных очерков пером, иллюстрирующих светские произведения современных поэтов: сказание о

Тристане, о Роланде, Парсифале и т. п.). К лучшим образцам фресок первой половины XIII в. относятся образы королей, епископов, воинов в крещальной капелле ц. св. Гереона в Кельне и обширный цикл фресок из Ветхого и Нового завета и Житий святых в соборе Брауншвейга.

4. Особенно высокого совершенства достигли в романскую эпоху различные виды *прикладного искусства*. По уставу ордена св. Бенедикта в монастырях монахи должны были учиться архитектуре, живописи, мозаике и всем прочим отраслям искусства. В XI в. составлено на основе византийских источников монахом Теофилом (см. *Рогерус*) руководство по технике различных искусств («Schedula diversarum artium»). Лишь с течением времени появились художники и мастера из светской городской среды, но их произведения служили также главным образом церкви. От каролингско-оттоновской эпохи сохранились многочисленные, украшенные рельефными изображениями изделия из слоновой кости: ларчики, коробочки, таблетки, доски книжных переплетов, представляющие по характеру образов подражание античным и византийским образцам этого рода, но не чуждые и самобытных черт (оклад евангелия работы монаха Тутило, X в.). Особенно типичны для романской эпохи изделия из бронзы: литые, украшенные рельефными изображениями церковные двери, крещальные бассейны, кресты (двери южно-итальянских соборов, церкви св. Михаила в Гильдесгейме, собора в Пизе); их рельефные образы очерчены наивно, схематичными линиями, полными, однако, внутренней жизни и выразительности. Специально римский и южно-итальянский вид орнаментальной техники представляют украшенные инкрустацией из цветных кусочков мрамора и пасты мраморные кафедры, епископские троны, перегородки хора, подсвечники, колонны монастырских двориков (в Монреале, в ц. San Paolo fuori le mura в Риме). Особенно распространены были в ювелирных изделиях — ковчегах для мощей, алтарях, крестах, церковных сосудах — гравировка по серебру с заполнением чернью углубленных линий (niello), техника эмали и украшение геммами, драгоценными камнями, рельефами и статуэтками из серебра и золота (потир герцога Тассило VIII в. в монастыре Кремсмюнстер, ковчег «Трех царей» конца XII в. в ризнице Кельнского собора и ковчег Карла В. к. XII—нач. XIII в. в Аахенском соборе). Типичны для романского храма и упоминаемые в источниках уже в IX—X вв. цветные стекла с живописными изображениями в окнах хора и западного фасада, пропускавшие в храм мягко окрашенные световые лучи. Тканые и вышитые стенные ковры и церковные и царские облачения этого периода замечательны по красоте расположения фигур, орнамента и красок, по изящной тонкости работы и выразительному синтезу характеристики. Художественное украшение храма дополняли резные деревянные кресла хора, в которых повторяются архитектурные мотивы Р. с.

(*См.* также отдел «искусство» в статьях *Германия, Франция, Италия* и др.).

Литература. *J. v. Schlosser*, «Schriftquellen zur Geschichte der Karolingischen Kunst», 1892; *его же*, «Quellenbuch zur Kunstgeschichte des abendländischen Mittelalters», 1896; *Theophilus Presbyter*, «Schedula diversarum artium», hrsg. von A. Ilg, 1873; *Zimmermann* и. *Knackfuss*, «Allgemeine Kunstgeschichte», B. I, II, 1897; *A. Michel*, «Histoire de l'Art», I, 2; II, 1905—06; *K. Woermann*, «Geschichte der Kunst aller Zeiten u. Völker», 2-te Aufl., B. III, 1918; *К. Верман*, «История искусства всех времен и народов», перев. с 1-го нем. изд., под ред. А. И. Сомова и Д. В. Айналова, т. II, 1902—1913; *A. Springer*, «Handbuch der Kunstgeschichte», B. II, 12-te Aufl., bearb. von *J. Neuwirth*, 1924; *E. Corroyer*, «L' Architecture Romane», 2-e éd., 1900 (Bibl. de l'enseignement des Beaux-Arts), с более подробн. характ. др.-христианск. базилик Востока; *G. Dehio* u. *G. v. Bezold*, «Kirchliche Baukunst des Abendlandes», I—III, 1892—1901; *M. Hasack*

«Die romanische u. gothische Baukunst» (в Handb. d. Architektur Durm'a, B. IV, 1902); *A. Hauser*, «Stil-Lehre d. architektonischen Formen d. Mittelalters», 1899; *E. Cohn-Wiener*, «Die Entwicklungsgeschichte der Stile in der bildenden Kunst», I, 1909; *Кон-Винер*, «История стилей изящных искусств», пер. с нем. под ред. и с дополн. М. С. Сергеева, 2-е испр. изд. 1916; *A. Schmarsow*, «Kompositionsgesetze in der Kunst des Mittelalters. I. Grundlegung u. Romanische Architektur», 1915; *G. Dehio*, «Gesch. d. deutschen Kunst», B. I, II, 1921—1926; *W. Pinder*, «Deutsche Dome des Mittelalters», 1910 (дешев. издание с многочисл. изображениями); *A. Venturi*, «Storia dell' Arte italiana», I—III, 1901—04; *G. F. Rivoira*, «Le origini della architettura lombarda», 1908; *Viollet ć Duc*, «Dictionnaire raisonné, de l'architecture française du XI au XVI s.», 2-me éd., 1—10 vv., 1875; *R. de Lasteyrie*, «L' Architecture religieuse en France à l'époque Romane», 1912; *его же*, «Etudes sur la sculpture française au moyen age», 1902; *Porter Kingsley*, «Romanesque Sculpture of the pilgrimages roads», vv. I—X, Boston, 1923; *C. Enlart—J. Roussel*, «Catalogue général du Musée de sculpture comparée au Palais du Trocadero», 1910; *C. Enlart*, «Le Musée de sculpture comparée du Trocadéro», 1911; *G. Dehio u. G. v. Bezold*, «Denkmäler d. deutschen Bildhauerkunst», 14 выпусков таблиц, 1905—1919; *E. Panofsky*, «Die deutsche Plastik des XI bis XIII Jahrh., Textband u. Tafelband», 1924; *Beenken*, «Romanische Skulptur in Deutschland (11 u. 12 Jahrh.)», 1924 (Handb. d. Kunstgesch., hrsg. v. Biermann); *M. Sauerland*, «Deutsche Plastik d. Mittelalters», 1909 (дешев. изд. со мног. изображен.); *A. Goldschmidt*, «Die deutsche Buchmalerei—I. Die Karolingische B-ei, II. Die Ottonische B-ei», 1928; *H. Martin*, «Les Peintres de Manuscrits et la Miniature en France», 1910 (из серии Les grands Artistes, дешев. изд.); *O. v. Falke u. Swarzenski*, «Das Kunstgewerbe im Mittelalter» (в «Illustr. Geschichte d. Kunstgewerbe» *Lehnert'a*, I, S. 169—420); *О. Шуази*, «История архитектуры», т. I—II, 1905 (пер. с франц.); *Б. Флетчер*, «История архитектуры, т. II. Средневековая архитектура» (пер. с англ. Р. Бекер), 2-е изд., с 55 табл., 1913.—Выдаются по своему значению для выяснения вопроса о происхождении Р. с. работы *Strzygowski* (*см.* XLI, ч. 5, 23/24), для истории романской скульптуры и миниатюры—работы *A. Goldschmidt'a*, для истории Р. миниатюры и монументальной живописи—*G. Swarzenski*, для истории Р. скульптуры и живописи—*P. Clemen'a*.—Библиография по отдельн. вопросам Р. с. в указанных книгах *Woermann'a* и *Springer'a*.

Н. Романов.

Романтизм — литературное течение и культурное направление, господствовавшее в Европе в первой трети XIX в. Слово *романтический* входит в широкое употребление в начале XVIII в. для обозначения необычайного, фантастического («как в романах»): романтические происшествия, чувства, позже—романтический пейзаж, романтические страны и века (отдаленные в пространственном и временном отношении—особенно рыцарское средневековье). В XVIII в. слово, сперва употреблявшееся—в духе господствовавшего рационализма—в порицающем смысле, приобретает, в связи с переворотом художественных вкусов в предромантическую эпоху (см. ниже), положительное значение. Как термин, обозначающий литературную школу, Р. вводится в употребление немецкими романтиками (критика Фр. Шлегеля в «Атенее», 1798; сочинения Л. Тика, собранные под заглавием «Romantische Dichtungen», и др.); по примеру немцев, «романтические школы» возникают впоследствии в романских, скандинавских и славянских литературах; в Англии термин Р. современниками не употребляется, он введен в обращение для аналогичных литературных течений Англии континентальными критиками и учеными. Р. как мировоззрение является реакцией против рационализма и материализма буржуазного Просвещения XVIII в. и углубляет антирационалистические тенденции предшествующей сентиментальной эпохи (ср. *сантиментализм*). В этом смысле Р. является выражением идеологической реакции против передового буржуазного мировоззрения со стороны феодального дворянства и мелкой буржуазии, в условиях общего крушения феодального строя в эпоху французской революции и попыток его частичной реставрации в послереволюционную эпоху. В частности Р., как идеология, связан с возрождением мистического чувства и религиозности, иногда индивидуалистической, иногда церковно-христианской. Можно различить несколько типов романтического мировоззрения: 1) Р. *индивидуалистический* ищет смысла жизни в личном переживании, бесконечно напряжен-

ном и ярком. Нередко в связи с критикой жизненных ценностей, являющейся наследием рационалистического скепсиса XVIII в., он приводит к разочарованию в жизни и к т. н. «мировой скорби» (*см.* XXIX, 154/65). Тип романтического скорбника изображен в поэзии Байрона, Мюссе, Леопарди, в романах Шатобриана («Ренэ», 1807), Бенжамена Констана («Адольф», 1816) и др. 2) Р. *космический* воспринимает мир как творческое всеединство: источником переживаний бесконечного для романтиков этого типа является мистическое чувство природы, любви к женщине и отношение к искусству. К этому типу относятся многие немецкие романтики (Новалис, Тик, Эйхендорф), из английских — напр., Уордсворт и Шелли. 3) Р. *национально-исторический* обращен к традициям прошлого и подчиняет отдельную личность «объективному» смыслу исторического процесса, осуществление которого он усматривает в исторической «идее», носителями которой являются национальные коллективы. В Германии выразителями этой идеологии были Л. Арним и гейдельбергские романтики; они стремились к созданию национальной культуры путем возрождения художественных традиций немецкого прошлого. Эти идеи оказали влияние на философию истории Гегеля. В области политической они служили идеологическим оправданием феодальной реставрации и борьбы против идеологии буржуазной революции; но в то же время они сделались орудием борьбы для малых и молодых национальностей, национальных меньшинств и т. д. (борьба за возрождение Ирландии, ново-провансальская поэзия, чешский и польский мессианизм и т. д.). Как литературное направление, Р. явился реакцией против системы эстетического рационализма, господствовавшей на Западе в начале XVIII в. под влиянием французского классицизма (т. н. «ложный классицизм», *см.*; полемический термин романтической эпохи). Отсюда противопоставление Р. классицизму, путем которого слагалась эстетика и поэтика романтиков и которое нередко рассматривалось, как в эпоху Р., так и впоследствии, как типологическая противоположность двух принципиально различных форм художественного творчества. Если классицизм признавал только единый и единственный закон прекрасного, одинаковый для всех времен и всех народов, как основанный на разуме, то Р. утверждает существование разнообразных типов художественного совершенства. Классицизм стремился в искусстве к типическому и общечеловеческому, Р. ценил прежде всего индивидуальное и характерное, историческое и национальное своеобразие, колорит места и времени («couleur locale»). В то время как классики видели в произведениях античности непревзойденные и канонические образцы искусства, романтики вводят в оборот искусства и литературы памятники национального средневековья, к которому питают особую симпатию, основанную на сходстве мировоззрения и поэтических вкусов (т. н. «возрождение средневековья» — по аналогии с «возрождением классической древности» в эпоху гуманизма); они увлекаются Шекспиром, итальянской литературой эпохи Возрождения, Кальдероном и Сервантесом, они подражают народной поэзии и знакомят европейских читателей с литературами Востока. Создается идея литературного универсализма («Weltliteratur» — «мировая литература»): многочисленные переводы литературных памятников, сохраняющие художественные особенности оригинала, расширяют область национальных литератур (в Германии — А. Шлегель, в России — напр., Жуковский). Для классиков произведение искусства

есть художественная постройка, прекрасное здание, осуществляемое по объективным законам прекрасного, от личности не зависящим («правила искусства»). Романтики видят в искусстве прежде всего выражение особо одаренной, гениальной личности, оригинальной, индивидуально отличной от других людей; произведение искусства становится признанием, исповедью, дневником: отсюда возникновение биографического интереса к личности писателя, жизнь которого объясняет его творчество (ср., напр., автобиографию Гете «Поэзия и правда»). В то время как классическая поэтика проводит строгие границы между литературными жанрами, рассматривая их как нормальные типы, или общие формы художественного творчества и признавая строгую регламентацию жанровых признаков в выборе темы, композиции и стиле, романтики разрушают границы между жанрами, стремясь к новому синкретизму жанров, в котором доминирует лирика. Возникают: лирическая поэма (Байрон), лирическая драма («Фауст» Гете, «Манфред» Байрона, «Дзяды» Мицкевича), лирический роман («Новая Элоиза» Руссо, «Вертер» Гете, «Рене» Шатобриана и др.); при этом обособляется чистая лирика, лишенная жанровых признаков, как непосредственное выражение интимного личного переживания (Гете, немецкие романтики — Эйхендорф, Уланд, Гейне; во Франции — Мюссе, позже — Верлен; в России — Лермонтов, Фет). Синкретизм наблюдается и между отдельными искусствами, при чем доминирует музыка: характерна, в особенности, идея музыкально-поэтического синкретизма (Тик, Гофман). Мечта о синтетическом искусстве (Gesamtkunstwerk) через Вагнера передается эпохе символизма (Скрябин, Вяч. Иванов). Реформа касается также языка и стиля поэзии: у классиков слово стремится к рациональной точности понятия, у романтиков оно воздействует прежде всего своими эмоциональными, иррациональными качествами, возникает метафорический стиль, как метод романтического преображения действительности, поэзия намеков и символических иносказаний, существенную роль играет музыкальное (ритмическое, мелодическое) воздействие слова; с другой стороны, в возвышенный, условно-поэтический слог классической поэзии высокого стиля вводятся запретные слова и обороты разговорной речи, а традиционная обобщающая метонимическая перифраза заменяется точным названием предмета (mot propre) и индивидуальным определением. Многие тенденции Р. намечаются уже в XVIII в., в эпоху т. наз. сентиментализма. Для обозначения переходных явлений нередко пользуются термином *преромантизм*. В Англии в середине XVIII в. распространяется сентиментально-меланхолическая лирика «кладбищенских» поэтов (Юнга, Грея). От классицизма Попа возвращаются к забытым образцам Мильтона, Спенсера, Шекспира. Взамен понятия идеально-прекрасного критика выдвигает новые художественные ценности: «живописное», «оригинальное», «романтическое», «готическое». Возникает интерес к средневековью, реальному или воображаемому, которым питаются «готический роман» («роман тайны») Г. Вальполя («Замок Отранто», 1764) и его подражателей и «Песни Оссиана», подделка шотландца Макферсона (*см.*), имеющая успех по всей Европе; Перси издает сборник старинных английских народных баллад («Reliques of ancient english poetry», 1765), которым подражают в Англии и в Германии; Роберт Бернс вводит в литературу традиции шотландской народной песни на диалекте. Из Англии новые литературные веяния распространяются по всей Европе. Во Франции с критикой рацио-

нализма выступает Ж.-Ж. Руссо (1712-1778), выдвигая непосредственное чувство на место рассудка, неиспорченную природу на место рассудочной культуры. Германия до начала Р. переживает первую литературную революцию эпохи «бури и натиска» (Sturm und Drang; *см.* XIV, 279/85). Гердер, молодой Гете и его сверстники, по примеру Руссо, проповедуют возвращение к природе и непосредственному чувству, требуют от поэта напряженного и страстного переживания, от искусства — оригинальности и характерности, выдвигают в качестве образцов Шекспира (критика французской классической драматургии была начата уже Лессингом), народную поэзию, готическое («немецкое») зодчество. Между «бурей и натиском» и Р. лежит в Германии продолжительный и влиятельный период классицистической реакции (веймарский классицизм Гете и Шиллера). Ранние немецкие романтики продолжают традицию Гете (влияние «Вильгельма Мейстера», «Геца фон Берлихинген»), но отталкиваются от Шиллера. Сам Гете попадает под влияние Р. («Родственные души», 1810, «Диван», 1819, эпилог «Фауста»). В других литературах (напр., во Франции, в Италии, в славянских странах) Гете (как автор «Вертера» и «Фауста»), Шиллер и даже Лессинг одинаково воспринимаются под знаком новых романтических идей и противопоставляются традиции французского классицизма, как и собственно романтики. (Об истории Р. в отдельных странах см. *Германия*, XIV, 287 сл.; *Англия*, III, 37 сл.; *Франция*, XLV, ч. 1, 480 сл.; *Италия*, XXII, 496 сл.).

Как реакция против Р., в середине XIX в. на Западе постепенно укрепляется *реализм* (см.). Однако, романтическая традиция имеет отдельных представителей, особенно в Англии, где на протяжении всей «викторианской эпохи» господствует школа Кольриджа и Китса, которая пользуется средневековыми мотивами для поэтического воплощения современных романтических переживаний (Теннисон, Россетти и прерафаэлиты, Суинбэрн и В. Моррис). В конце XIX в. в поэзии символизма в Англии, во Франции и в Бельгии, в скандинавских странах и в России происходит возврат к романтической традиции («нео-романтизм») в новых общественных условиях эпохи империализма, характеризующейся разложением буржуазной идеологии.

Как широкое *культурно-историческое движение* Р. не ограничивается областью литературы. Представителями Р. в *музыке* являются в Германии Вебер, Шуберт, Шуман; реформаторские идеи Р. Вагнера продолжают традиции музыкальной эстетики романтической эпохи. В *живописи* Р. представлен в Германии школой «назарейцев» (*см.* XIV, 337), осуществлявших в своем творчестве эстетические идеи Тика и Вакенродера; во Франции, напр., Делакруа, близким господствовавшему во французской литературе романтическому индивидуализму и байронизму; в Англии—художниками-«прерафаэлитами» (*см.* XXXIII, 347/49). Сближаясь с немецким философским идеализмом, Р. оказал на него влияние в направлении религиозного онтологизма. Под влиянием Р. находятся натурфилософия Шеллинга, философия религии и этика Шлейермахера, метафизика Шопенгауера и философия истории Гегеля в своем реакционном аспекте. Романтическая натурфилософия Шеллинга и его учеников оказала влияние на развитие естественных наук, особенно — в Германии, философия истории Гегеля—на науки исторические. В Англию немецкая романтическая философия проникает через поэтов Кольриджа и Шелли, ее главным представителем является Т. Карлейль (*см.*); от последнего ведет начало самостоятель-

ная традиция английской романтической философии, выдвигающей, по преимуществу, вопросы эстетики, морали и социальной справедливости (Рэскин, Эмерсон, Вальтер Патер и т. н. «эстетическое движение», Вильям Моррис).

Но это уже явление значительно более позднего периода, частично обусловленное разложением капиталистической системы в конце XIX в. В период своего расцвета, в первой трети XIX в., Р. выражает социально-политическую идеологию тех общественных групп, дворянско-феодальных и мелко-буржуазных, которые с разных точек зрения борются против нового буржуазного строя, разрушающего основы их исторического существования. В Англии в этом отношении чрезвычайно показательна полемика между Рикардо и Мальтусом. Во Франции под этим влиянием складывается мелко-буржуазный Р. Сисмонди, но в наиболее чистом феодально-крепостническом духе романтическое направление находит себе выражение в Германии в произведениях Адама Мюллера (см. *экономия политическая*) и отчасти в деятельности Савиньи (*см.*), основателя «исторической школы права», выдвинувшего принцип «органического развития» из «духа народа» в интересах поддержания полуфеодального строя немецких государств и борьбы с политическими идеями буржуазной революции (*см.* XXXVI, ч. 1, 616/17). В то же время вражда к торжествующей буржуазии, заостряя критику складывающегося капиталистического строя, рождает сочувствие к непосредственным жертвам капиталистической эксплоатации—к рабочим, а также к угнетаемым капиталом колониям и народам. Под влиянием таких настроений «романтики-индивидуалисты» солидаризуются с революционными стремлениями передовой буржуазной интеллигенции, а английские философы — с некоторыми течениями чартизма и утопического социализма. Особенно значительное влияние оказал Р. на развитие *исторических наук*. С одной стороны, с Р. начинается исторический интерес к средневековью как национальному прошлому (в Германии, напр., «История Гогенштауфенов» Раумера); с другой стороны, романтики делают попытку построения «всемирной истории» (Weltgeschichte) на основе широких идеологических обобщений идеалистического характера (напр., Ранке). Для романтической концепции истории характерен культ «героев», как провиденциальных выразителей «духа эпохи» (ср. в особенности Карлейля, «Герои и культ героев», 1846; его книгу о французской революции, 1837, и др.).—Созданием Р. является *история литературы*, пользующаяся широким сравнительным методом и рассматривающая литературу как выражение духовной культуры народа и эпохи; вслед за Гердером эту идею проводят Шлегели (Фр. Шлегель, «История древней и новой литературы», 1815; Авг. Шлегель, «Лекции о драматическом искусстве и литературе», 1805-1811). Из интереса к поэтическим памятникам средневековья зарождаются новые науки — германская и романская филология; их основатели, братья Гриммы, Яков и Вильгельм, и Фр. Диц, были учениками романтиков. Из литературного возрождения народной песни (сборники Перси, 1765; Гердера, 1778-1779; Арнима и Брентано, 1806-1808) развивается фольклористика. Знакомство с санскритом (Фр. Шлегель) приводит к гипотезе о родстве индо-европейских языков и к созданию сравнительной грамматики (*см.*; Фр. Бопп).

Библиография: *R. Ullmann* u. *H. Gothard*, «Geschichte des Begriffes Romantisch in Deutschland», 1927; *O. Walzel*, «Deutsche Romantik», 2 т., 5 изд., 1923—26; *Julius Petersen*, «Wesenbestimmung der deutschen Romantik», 1926; *R. Haym*, «Die Romantische Schule», hsg. v. O. Walzel, 5 изд., 1928; *Fr. Strich*, «Deutsche Klassik und Romantik», 3 изд., 1928; *H. Beers*, «A history of english romanticism in the XVIII—XIX cent.», 2 т., 2 изд., 1910; *Harko de Maar*,

«A history of modern english romanticism», 1924 сл.; *Helene Richter*, «Geschichte der englischen Romantik», 3 т., 1911—16; *Max Deutschbein*, «Das Wesen des Romantischen», 1921; *P. van Tieghem*, «Préromantisme», 1924; *Edm. Estève*, «Études de littérature préromantique», 1923; *F. Baldensperger*, «Le mouvement des idées dans l'émigration française», 2 т., 1925; *Maurice Souriau*, «Histoire du romantisme en France», 3 т., 1927. По-русски: *Р. Гайм*, «Романтическая школа», 1891; *Г. Брандес*, «Главные течения в европейской литературе XIX в.» (Собр. соч., 1898 сл.); *Луи Мегрон*, «Романтизм и право», 1914; *Шахов*, «Очерки литературного движения в первую половину XIX в.», 1898; *Де Ла-Барт*, «Литературное движение на Западе в первой трети XIX в.», 1914; *П. Коган*, «Романтизм и реализм», 1914; *В. Фриче*, «Очерк развития западных литератур», 3 изд., 1917.

В. Жирмунский.

Роман-цемент, см. *цементы*, XLV, ч. 3, 277/79 и 282.

Романья (Romagna, прежде Romania), сначала часть Равеннского экзархата (*см.* XXXV, 302), потом сев.-восточная часть Папской области, с главным городом Болоньей. В средние века (*см.* XXXVI, ч. 2, 435 сл.) фактически ушла из-под папского владычества; наиболее крупные ее города сделались самостоятельными, а позднее обзавелись тиранами. Впервые начал прибирать ее к рукам в середине XIV в. папа Климент VI, пославший в Р. своего лучшего полководца, кардинала Альборноса (*см.*). Но его завоевания были большею частью потеряны вновь, а начиная с середины XV в., особенно со времен папы Сикста IV, в Р. получили свои вотчины папские родственники и члены прежних владетельных родов: в Ферраре давно сидели д'Эсте, в Болонье — Бентиволью, в Фаэнце — Манфреди, в Форли — Орделаффи, в Имоле — Риарио, в Равенне — Полента, в Римини — Малатеста и т. д. Новое покорение предпринял при Александре VI его сын Цезарь Борджиа, который завоевал всю Р., кроме Болоньи и, конечно, Феррары. После смерти папы (1503) Венеция захватила Фаэнцу и Римини, что послужило первым поводом для войны против Венеции Камбрейской лиги (*см.* XXII, 397), организованной Юлием II (1509). Юлий вернул не только венецианские завоевания, но захватил Болонью и Мирандолу. После этого во главе Р. стоял папский «президент» (при Клименте VII эту должность нес некоторое время Франческо Гвиччардини). В XVII в. к папам отошла — вследствие прекращения династии Эсте — и Феррара. Р. округлилась и в таком виде была присоединена к Пьемонту в 1860 г. Теперь территория Р. составляет часть итал. области (compartimento) Эмилии.

А. Дж.

Ромашка, название нескольких травянистых растений из сем. сложноцветных, сходных между собой мелкоразрезанными листьями, конусовидным, иногда (напр., у обыкновенной Р.) внутри полым цветоложем и цветочными корзинками с желтыми трубчатыми средними и белыми, реже розовыми (у персидской Р.) или красными (Pyrethrum carneum), окружными цветами. 1) *Обыкновенная*, или *аптечная* Р., Matricaria Chamomilla, до 30 *см* высоты, весьма распространенная, часто сорная трава. *Пахучая* Р., M. Suaveolens, с мелкими сильно душистыми корзинками, без язычковых цветков, встречается на тощей почве на открытых местах. К ней близка M. discoidea, родом из Камчатки и Сев. Америки, высокая трава с густыми листьями и скученными ветвями, переходящими в цветоносы; в лекарственном отношении считается лучше первой. Высшими качествами обладают возделываемые растения, но культура их распространена мало (б. епифанск. уезд б. Тульск. губ.), а поэтому собирают почти исключительно дикорастущие. В дело идут цветочные корзинки, собираемые, гл. обр., в средине лета; из них делают отвары, тинктуры, а также получают путем перегонки с паром действующее начало — эфирное масло темносинего цвета с сильным ромашковым запахом (выход $^1/_8$%). 2) *Полярная* Р., M. ambigua, *см.* XXXIII, 31'. 3) Р. *персидская*, Pyrethrum roseum,

многолетняя трава с ползучими побегами, и Pyr. carneum, иногда с махровыми цветами; близка к персидской Р. *далматская* Р., Pyr. cinerariaefolium, отличающаяся сероватошелковистыми волосками на нижней стороне листьев и белыми окружными цветками; дико растет, а также культивируется в Далмации. 4) Р. *римская*, Anthemis nobilis, вид пупавок, до 30 *см.* высоты, разводится у нас в Киевщине и Подолии. Лекарственное применение имеют только корзинки махровой культурной разновидности со многими рядами наружных белых цветов. Ароматический запах и горько-пряный вкус зависят от упомянутого выше эфирного масла темно-синего цвета.

М. Н.

В медицине употребляются цветы Р. (flores Chamomillae) из однолетней обыкновенной (Matricaria Chamomillae) и многолетней римской Р. (Anthemis nobilis). Р. принадлежит к так назыв. «успокаивающим» средствам. Настой Р. дается внутрь; приготовляется, как чай. Для клизм приготовляют отвар Р. (заварить, как чай, несколько прокипятить; одна столовая ложка Р. на всю клизму из 4-5 стаканов). Употребляется Р. при судорогах и болях, в особенности при болях в кишечнике и маточных (напр., при менструациях). Р. персидская (Pyrethrum carneum и P. roseum) и далматская (P. cinerariae folium) употребляются для приготовления порошка против насекомых (см. *персидский порошок*).

Н. К.

Ромб, параллелограмм (*см.*), у которого все стороны равны между собой. Диагонали Р. взаимно перпендикулярны, делят углы Р. пополам и являются его осями симметрии. Площадь Р. равна половине произведения его диагоналей.

Ромбенпорфиры, см. *трахиты*, XLI, ч. 9, 147.

Ромберг (Romberg), Бернгард, нем. виолончелист (1767—1841), явился создателем новой школы игры на виолончели, и деятельность его, хотя в менее яркой форме, в этом смысле аналогична Паганини в области скрипки и Листа в области фортепиано. Он открыл много новых штрихов и нюансов и технических возможностей в этом инструменте. Во время своих многочисленных концертных путешествий Р. посещал и Россию и долго жил в Москве. Как композитор, Р. был специалистом своего инструмента: его композиции имеют значение только в сфере виолончельной литературы. Им написаны 9 концертов для виолончели, которые и до сих пор не вышли из употребления, много виртуозных транскрипций, в том числе на русские темы. Кроме того, он работал и как камерный композитор (квартеты и трио с ф.-п.).

Л. С.

Ромберга симптом, см. *рефлексы*.

Ромбическая система (*Р. сингония*), см. *сингония*, XXXIX, 11; *симметрия*, XXXVIII, 614.

Ромбический додекаэдр, кристаллическая форма кубической (правильной) сингонии, ограниченная 12 гранями—ромбами. *См.* XXXVIII, 615/16, и XXV, 586/87. Индекс параметров (110), след., не имеет переменных величин, а потому Р. д. форма единственная в своем роде.

Ромбоэдр, форма гексагональной сингонии, ограниченная 6 ромбами. См. *симметрия*, XXXVIII, 611 и 612.

Роменс (Romanes), Джордж Джон, см. *Романес*.

Роменский округ УССР был образован в 1925 г. из роменского (*см.*), гадячского (*см.*) и лохвицкого (*см.*) уу. Полтавской губ.; в 1930 г. с переходом на новое админ. деление *упразднен*. (Описание б. Р. о. *см.* XLI, ч. 3, 589/90, прил., *адм. деление РСФСР и УССР*, 70).

Роменский уезд, б., находился в с.-в. части полтавск. губ., граничил с Черниговск., Курск. и Харьковск. гг. и занимал 2.600 *кв. км* с 247,2 тыс. жит. (1914), в т. ч. 39,1 тыс. гор. насел. В 1925 г. был *упразднен*, а территория его была включена в состав роменского округа (*см.*).

Местность б. ч. равнинная, лишь на в. изрезанная оврагами и балками, с наклоном с с.-в. на ю.-з. Орошается Сулой и ее притоками, из кот. наиб. значит. Роменец. Господствующая почва черноземная, местами переходящая в серые лесные суглинки. Главное занятие земледелие; распространено табаководство (махорка).

Ромер, Федор Эмилиевич, писатель, *см.* XI, 693.

Ромней (Romney), Джордж, англ. портретист (1734—1802), род. в Далтоне (Ланкашир), учился у весьма посредственного живописца Стильса (Steels), но очень скоро достиг высокого мастерства и имел обширную клиентелу уже в Кендале (1756—1762), а затем в Лондоне, где он оставался до своего путешествия в Италию в 1773 г. В 1795 г. Р. переезжает в Гемпстэд, где он строит себе мастерскую, а затем последние годы, с 1799 г. и до смерти, он снова проводит в Кендале. В своем искусстве Р. настолько близко примыкает к Рейнольдсу (*см.*), что при беглом рассмотрении трудно формулировать их различия. Р. целиком перенимает найденные его старшим современником технические приемы и портретные схемы. Правда, диапазон творчества Р. значительно меньше,—он главным образом специализировался на изображении женщины, и многие его вещи не лишены некоторой приторности, несвойственной мужественному и сильному искусству Рейнольдса. Зато по чистоте колорита, по легкости рисунка и фактуры Р. представляет из себя незаурядную художественную индивидуальность. Кроме того, в композиции его портретов уже определенно сказывается то типичное для «ампирного» классицизма стремление к линейной красоте построения, которую он воплощал с гораздо большей непосредственностью и обаянием, чем мы это видим у Рейнольдса в его более тяжелых и надуманных попытках создания «классического» искусства. Многочисленные работы Р. рассеяны, главным образом, по частным английским собраниям. Из вещей, находящихся в музеях, особенно известен портрет лэди Робинсон (так наз. «Пердита») в собрании Уоллэс в Лондоне.

А. Габр.

Ромны, гор. в роменском районе Харьковск. обл. УССР, на р. Суле, ст. Южн. ж. д., 22.481 ж. (1931); махорочн. и мукомольн. пром. Упомин. еще в XI в.; до 1925 г. был уездн. гор. Полтавск. губ., в 1925—30 г. окружн. гор. УССР, с 1930 г.—районн. центр (с 1932 г.—Харьковск. обл.). *Роменский район* Харьковск. обл. УССР занимает 1.228 *кв. км* с 98,5 тыс. ж. (в т. ч. 22,5 т. гор. насел.).

Ромове, роща в древней Велаве (ныне г. Wehlau в Вост. Пруссии), местопребывание верховного литовского жреца, *криве* (или *криве-кривейто*), поддерживавшего здесь священный огонь. Автор спец. исследования об источниках литовской мифологии, Мержинский опровергает указанное традиционное понимание названия криве, считая его собственным именем последнего жреца в Р.

Ромодановский, Федор Юрьевич, князь, сотрудник Петра Великого (ум. в 1717 г.). Р. управлял Преображенским приказом (тогдашней тайной полицией), был затем «генералиссимусом» потешных и регулярных войск, во время заграничного путешествия Петра правил за него государством с титулом «князя-кесаря», стоял во главе расследования возникшего в отсутствие царя стрелецкого бунта; ему же Петр поручил и надзор за Софьей. Приверженец старорусских

обычаев, Р. тем не менее был лично близок к Петру (*ср.* XXXII, 121) и пользовался исключительным доверием царя, с жестокостью и беспощадностью усердно выполняя карательные поручения своего господина.

И. Ш.

Ромул, легендарный основатель Рима и первый его царь (см. *Рим — история*), сын Марса и весталки Реи Сильвии (*см.*). По римскому преданию, Р., вместе с братом-близнецом Ремом, по приказанию дяди их матери, Амулия (*см.*), брошен был в корыте в Тибр, где их накормила своими сосцами волчица (*ср.* XXXI, 29; в Риме до сих пор на Капитолии всегда содержится живая волчица, как эмблема города), а потом подобрала и воспитала жена пастуха, Акка-Ларенция (*см.*). Близнецы, подросши, образовали шайку из пастухов, восстановили на престоле Альбалонги своего деда Нумитора, а Амулия убили. Основав новый город у подножья Палатинского холма, на месте, где они когда-то были найдены, братья поссорились; Р. убил Рема и назвал город своим именем (Roma). Помирившись со своим врагом Титом Тацием, царем сабинян (*см.*), Р. царствовал одно время совместно с ним, а после его смерти — один (753 — 716 до н. э.), пока боги во время грозы не взяли его живым на небо. Римляне чтили его как бога под именем Квирина. — Легенда о Р., отражающая греческое влияние, сравнительно поздно записана была римскими анналистами (см. *Фабий Пиктор*). Римская традиция считала Р. создателем политических и военных установлений Рима (деление на курии и трибы, учреждение сената и др.). *И. Ш.*

Ромул-Август, последний римский император (475 — 476), по иронии истории соединивший в своем имени первого римского царя и первого римского императора. Сын Ореста, энергичного римского полководца из паннонских варваров, Р.-А. свергнут был Одоакром (*см.* XXII, 353) и впоследствии носил презрительное наименование Romulus Augustulus (т.-е. Ромул-Августик).

Ромэн, вид салата (*см.*).

Ромэн (Romains), Жюль, псевдоним Луи *Фаригуля* (Farigoule), р. в 1885 г., франц. поэт, вместе с Дюамелем, Вильдраком, Аркосом, Шенневьером и др. является основателем *унанимизма*, имя которому дала книга стихов Р. «La Vie unanime», вышедшая в 1908 г. (*см.* XLV, ч. 1, 494/95). Первый сборник стихотворений Р. «L'Ame des Hommes» появился в 1904 г. Р. проявил себя одинаково сильным и ярким мастером в различных жанрах литературного творчества. Его лирика (кроме упомянутых, важнейшие сборники: «Odes et Prières», 1913; «Europe», 1916; «Amour couleur de Paris», 1921; «Chants des Dix Années», 1928), романы, повести, проза («Le Bourg régénéré», 1906; «Puissances de Paris», 1910; «Manuel de déification», 1910; «Mort de Quelqu'un», 1911; «Les Copains», 1913; «Sur le quais de la Villette», 1914; «Donogoo-Tonka ou les Miracles de la Science», 1920; «Lucienne», 1922; «Le Dieu de Corps», 1928; в 1932 г. вышли первые два тома — I. «Le 6 Octobre», II. «Crime de Quinette» — задуманного Р. многотомного романа «Les Hommes de bonne volonté»), пьесы («L'Armée dans la Ville», 1911; «Cromedeyre-le-Vieil», 1920; «M. Le Trouhadec saisi par la débauche», 1923; «Knock ou le Triomphe de la Médecine», 1923) принадлежат к самым тонким и глубоким созданиям современной литературы. Свои теоретические взгляды Р. высказал в ряде статей, оказавших огромное влияние на его друзей; между прочим, в сотрудничестве с Шенневьером он выпустил в 1923 г. «Petit Traité de Versification». — Р. — наиболее законченный и чистый поэт

унанимизма, новой формы томления интеллигентской души. Р. стремится растворить свое «я» в коллективе. Но это — не сознательное сочетание своей личности с организованной группой людей, участие в общем деле или борьба за общее дело. Это — смутные настроения, во власть которых отдается поэт, бродя повсюду, где собираются люди. Ему чудится, что площади, улицы, театры, конторы, трамваи живут каждый своей своеобразной жизнью, дышат, радуются и страдают, что в каждом трепещет живая душа. «Силы Парижа», быть может, наиболее яркое выражение этой «единодушной» (unanime) жизни. Вот, напр., «очередь у омнибуса»: «Очередь ожидает с надеждой и беспокойством. Но желание не захватывает ее целиком. У нее остается достаточно свободной души, чтобы грезить. Это — ряд смутных мыслей, в которых есть покорность, оцепенение, некоторое презрение к деятельности и беспокойство, вздох о конечном, непризрачном покое, более глубокое и вдумчивое сознание улицы, нежели у толпы, находящейся в движении». У Р. «контора погружена в меланхолию и полусон, она чувствует, что полна притаившихся вещей», толпа в кинематографе — «это душа, воспоминающая и воображающая; это человеческое сцепление, вызывающее перед собою подобные себе сборища, аудитории, шествия, собрания, улицы, армии» и т. п. Его лирика пронизана жаждой слияния с целым до полного исчезновения в нем. «Я перестаю существовать — настолько я все», «греза города прекраснее моей», «мы перестаем быть «мы», чтобы город мог сказать «я». Но в чувстве слияния с коллективом у Р. нет действительного коллективизма. Вливаясь в жизнь коллективной души, его душа остается одинокой, ее видения в чарах города — обратная сторона ее обособленности, и если он «в жадный тротуар, в его пустые вены часть трепетов своих и крови перелил», то эти «сборища» настолько лишены реальных очертаний, настолько являются видениями поэта, рожденными его фантазией, что в основном настроении унанимизма не улавливаешь разрыва с индивидуализмом символистов, не ощущаешь решительного восстания против предшествующего поколения. Империалистическая война взволновала Р., картина всеобщего безумия заставила его воскликнуть: «Европа! я не приемлю твоей смерти в этом безумии. Европа! я кричу им, что они еще услышат тебя, убийцы». Но «революционные» стихи Р. зовут не к бою, не к борьбе с виновниками войны, а к сохранению душевных богатств: «пусть они злодействуют, — я останусь хранителем немногих людских вещей». Более интересна для характеристики революционных настроений Р. его пьеса «Диктатор», в тонкой и остроумной форме изображающая историю рабочего лидера, ставшего королевским министром и отдающего приказы о расстреле революционных рабочих, — пьеса, которая может служить прекрасной сатирой на некоторых деятелей Второго Интернационала. Непрочность унанимистского «коллективизма» вскрывается в последних произведениях Р., в которых индивидуальные переживания героя, его внутренний замкнутый мир становятся главным предметом внимания поэта («Бог плоти»). Огромную роль сыграла поэзия Р. в деле обновления поэтических форм во Франции. Вместо мистических образов символизма, его усыпляющей мелодичности, его аллегорий и музыки, рождающих смутные, мимолетные настроения, влекущих к таинственному, интимному общению человека с человеком, — новые, подвижные, разнообразные ритмы, как выразился Р., «непосредственная поэзия, прямое выражение, —

без грима, без прикрас,—того, что наша душа воспринимает от действительности», ритмы свободные, язык простой и точный, поэтическое воображение, подчиненное требованиям ума, являющееся опорой абстракции, воображение, направленное не только на детали предметов, но и на их место в пространстве, в группах.

П. Коган.

Рона (фр. le Rhône, лат. Rhodanus), вторая по длине и наиб. многоводная р. Франции. Длина 812 *км*, басс. 99.000 *кв. км* (из них в Швейцарии соотв. 270 *км* и 7.532 *кв. км*). Берет начало в с.-в. углу кантона Валлис (о Р. в пределах Швейцарии *см.* XLIX, 191/92) на выс. 1.800 *м* н. у. м. из ронского глетчера, спускающегося с горного массива Дамма (3.633 *м* Бернские Альпы) на ю.-з. между Гельмергорном и Галенштоком. Вдоль вост. края глетчера зигзагами проходит шоссе через перевал Фурка. Имея общее направление на ю.-з., Р. на протяж. 120 *км* течет по долине Валлиса, между Бернскими (с с.) и Лепонтинскими и Пеннинскими (с ю.) Альпами. От Мартиньи Р. поворачивает на с.-з., прорываясь при Порт-дю-Рон между Дан-дю-Миди и Дан-де-Мориль. От Сан-Морис Р. становится судоходной. Отсюда Р., на протяж. 20 *км*, течет по дов. широкой (8 *км*) и отчасти болотистой долине, заполненной речными отложениями, и впадает в Женевское озеро у Ле Бувере (375 *м* н. у. м.). В своем верхн. теч. Р. принимает многочисл. горные притоки, собирая воды 263 глетчеров. Выйдя из оз. у Женевы, Р. в 16 *км* ниже вступает в пределы Франции, направляясь на ю.-з. У Бельгард, прорезая известняки Юры, проходит Perte-du-Rhône—место, где река почти скрывается между скалами, круто поворачивает на ю. и течет по границе Савойи, образуя местами сложную сеть рукавов и принимая здесь слева рр. Фье (сток оз. Аннеси), Лейсс (сток оз. Бурже) и справа—Серан и Фюранс. От устья р. Гиер (слева), у С.-Жени, Р. опять делает крутой поворот на с.-з. до Со, отсюда идет снова на ю.-з. и з., принимает справа Эн и слева Бурбр и от Лиона, слившись со впадающей справа р. Саоной, окончательно направляется на ю., протекая по широкой долине, ограниченной с з. Севеннами и Лионнэ, а с в.—отрогами Альп. Наиб. приток на этом участке течения—Изер (левый). От Авиньона, приняв слева Дюранс, Р. вступает в низменность, а от г. Арль начинается дельта Р., где река распадается на 2 рукава: вост.—Большая Р., несущая 90% всей воды, направляется на ю.-ю.-в. и впадает в зал. Фо тремя устьями (Старая Р., Рустаново устье и Вост. устье); и западный—Малая Р., отделенная от предыдущ. остр. Ля Камарг и лагуной Этан-де-Валькорес. К з. от них лежит пустынная низменность Эг-Морт, а к вост.—такая же равнина Кро. Ср. падение Р. на 1 *км*: до Женевского оз. 8,6 *м*, на уч. Лион-Арль 0,55 *м*, Арль-устье 0,04 м. Шир. у Perte-du-Rhône 25 *м*, Валанс 670 *м*, Арль 1.600 *м*. Колеб. уровня—в нижн. теч. свыше 8 *м*—являются причиною сильных наводнений. Расход воды (в *куб. м* в сек.) средний: у Женевы 240, Живор (ниже Лиона) 780, Бокэр (против Тараскона) 1.460; наиб. соответственно: 700, 6.000 и 13.000. Р. судоходна для крупных судов до Лиона; для мелких—на 154 *км* выше. В устье Р. суда идут каналом С.-Луи-дю-Рон (3 *км* дл., 6 *м* глуб.). Морской прилив распространяется на 46 *км* вверх от устья. Системой каналов Р. соединена с Марселем (см. *туннели*), Рейном и Сеной (Бургундский к., через Саону), Луарой (Центральный к.). Водная энергия Р. используется (с 1898 г.) у Бельгард установкой в 12.000 л. с., а ряд установок, предпо-

ложенных к осуществлению ниже и выше Лиона, даст в общем 370—390 тысяч л. с., значительно улучшив судоходные условия.

Литература: *Lenthéric*, «Le Rhône», 2-е изд., 1904; *A. Combarnous*, «Le canal de Marseille au R.», 1925; *M. Pardé*, «Le régime du R.», 2 v., Lyon, 1925 (общая библиография о Р.). *И. Тихомиров.*

Ронда (Ronda), гор. в южн. Испании, в пров. Малага, распол. высоко, по обеим сторонам глуб. ущелья, прорезывамого р. Гвадиаро. 18.827 ж. (1920; с предм. 30.393 ж.); торговля кожами, лошадьми и пр.—В XI-XV вв. Р. был гл. крепостью Гранады. Сохр. мавританск. городские стены, а также остатки римских построек.

Рондда (Rhondda), угольный район на правах города (urban district), в южно-уэльском каменноугольном бассейне, в англ. граф. Глэморганшир, занимает ок. 100 *кв. км* с насел. 141.344 чел. (1931).

Рондда, Дэвид Альфред Томас, барон, англ. промышленник и политик, см. XLVII, прил., *соврем. полит. деятели*, 69.

Рондо (муз.), известный с средневековья (лат. rotundellus) термин для обозначения танцовальной песни, в которой пение соло (запевалы) чередуется с припевом (фр. refrain, ит. ritornello; см. *ритурнель*) хора. Так наз. новое искусство XIV в. (ars nova), порожденное развитием торгового капитала и городской культуры (раннее Возрождение), использовало старинное сопоставление двух мелодических образований в песне с инструментальным сопровождением; затем, рондообразное строение выявляется в итальянской кантате серед. XVII в., перенимается инструментальной музыкой (преимущественно в произведениях для лютни и клавесина) и с XVIII в. прочно укрепляется как одна из музыкальных форм. С этой поры развития Р. начинают различать несколько разновидностей этой формы—в зависимости от числа противопоставляемых друг другу мелодических образований (тем); помимо простейшей формы Р. с чередованием двух тем, существует Р. с тремя, четырьмя темами и с различными комбинациями в их повторениях; наиболее сложные строения формы Р. близко примыкают к форме сонаты. (*Ср.* XXXIV, 315).

М. Иванов-Борецкий.

Рондэ, см. *стихосложение*, XLI, ч. 4, 623.

Ронжа, то же, что кукша (см. *сойки*).

Рони (Rosny), псевдоним франц. писателей, братьев Жозефа-Анри (род. 1856) и Жюстена (род. 1859) *Боэкс*. Уроженцы Бельгии (по происхождению голландцы), братья Р. рано переселились в Париж и сначала подпали под сильное влияние Золя, но затем несколько отошли от него ради более свободных форм романа и большего простора фантазии (*ср.* XLV, ч. 1, 491). В общем, однако, они остались верны основным (хотя и смягченным ими) принципам натурализма, что, между прочим, сказывается в их склонности к использованию данных естественных наук и трактовке социальных тем. Р.-*Старший* впервые начал писать один, и Р.-*Младшим* также было написано впоследствии несколько самостоятельных романов, но большинство их произведений—плод совместного творчества. В общем им принадлежит более 80 тт. романов и рассказов, по содержанию весьма разнообразных. Так, в «Nell Horn, membre de l'Armée du Salut» (1885) изображаются лондонские нравы, в «Le Bilatéral» (1886) и «Marc Fane» (1883)—анархические и революционные кружки Парижа, в «L'Immolation» (1887)—жизнь крестьян, в «Le Thermite» (1890)—быт парижских литераторов, и т. п. Особую группу образуют чрезвычайно популярные, напи-

санные оригинальным архаизированным стилем, с привлечением обильного научного материала, фантазии из доисторической жизни человечества: «Les Xipéhuz» (1887), «Vamireh» (1891), «Eyrimah» (1895), «La guerre du feu» (1911) и т. д. В социальном отношении (как богатый материал) наибольший интерес представляют: «Daniel Valgrave» (1891), «L'Impérieuse Bonté» (1894), «L'Indomptée» (1895), «La Charpente» (1900), «L'Héritage» (1902), «L'Epave» (1902), «Le Crime du docteur» (1903), «Le Millionnaire» (1905), «Sous le fardeau» (1906), «Vers la Toison d'or» (1908), «Les Purs et les Impures» и т. п. Братья Р. состоят членами академии Гонкуров с самого ее основания (1903).

А. Смр.

Ронсар (Ronsard), Пьер (1522—1585), крупнейший лирический поэт Франции эпохи последних Валуа, вождь «плеяды» (*см.*). «Вандомский дворянин», из-за глухоты сменивший придворную службу на тонзуру (1543), Р. затем семь лет (до 1550 г.) провел затворником в коллеже Coqueret, где усердно предавался изучению эллинизма и откуда вышел законченным гуманистом и главою «бригады», или, как стали называть ее позднее — «плеяды» поэтов, поставившей себе задачу преобразовать французский язык и поднять французскую литературу на высоту античной. Во всем этом было много боевого задора и высокомерия, но природное дарование помогло Р. смягчить крайности, и в течение десяти лет (1550—1560) он дал законченные образцы новой поэзии. В 1550 г. он издал 4 книги своих «Odes», за которыми последовали «Les amours» (1552—1556)— сонеты, чередующиеся с песнями, на манер канцон Петрарки, «Hymnes» (1555—1556), а в 1560 г. вышло уже первое собрание сочинений Р. в 4-х томах.

Р. — чистый лирик с элегическим оттенком. Характерно, что ни религиозные, ни героические темы не находят в нем отклика. Р. отзывается лишь на «вечные» темы: природа, смерть, любовь. Природа влечет его всеми своими сторонами: цветы с их запахом, сочные плоды, смена дня и ночи, ручьи и воды, зелень лесов (примечательна «Elégie contre les bûcherons de la forêt de Gâtine», в которой он оплакивает гибель дубового леса под секирой лесорубов). Смерть постоянно предносится Р., ей он посвящает особый «Hymne de la Mort», в котором воспевает «de la Mort la non-dite louange». И всего больше места отводит Р. любви. В молодости, еще до принятия сана, он влюбился в красавицу-флорентинку Кассандру Сальвиати и ей посвящал преимущественно свои стихи, хотя впоследствии рядом с ней стоят, сменяясь, Мария, Женевра, Елена. Р. культивирует различные жанры лирики: оду, элегию, гимн, сатиру, песню. Разнообразен у него и стихотворный размер; ему, между прочим, ставится в заслугу высокая разработка александрийского стиха, сделавшегося позднее господствующим во французском стихосложении.

Р. быстро прославился не только во Франции — его знали в Англии (Елизавета), в Шотландии (у него есть строфы, посвященные Марии Стюарт), в Италии (на его поэзию откликался Тассо), в далекой Польше. Признанный «король поэтов», Р. захотел стать поэтом королей. Он начал писать стихи «на случай», посвящая их высокопоставленным лицам, а затем вспомнил задуманную еще в юности свою эпическую поэму «Франсиаду», добился в 1559 г. звания королевского священника с рентою в 1.200 ливров и даже напечатал позднее (1572) первые четыре песни этой переработанной поэмы, не увеличив тем поэтической своей славы.

Р. по характеру своего дарования был исключительно лириком, и им он вошел во французскую литературу (*ср.* XLV, ч. 1, 461). Первая полоса его известности длилась всего несколько десятков лет: в 1630 г. вышло в последний раз собрание его сочинений. А затем Р. был забыт. Классицизму, торжественною поступью выходившему на литературную арену, Р. с его тонким и интимным лиризмом и своеобразным красочным языком казался обветшавшим и старомодным. Р. снова «открыли» романтики XIX в. (одним из первых обратил на него внимание Сент-Бев), которым поэт был так близок разнообразием своих стихотворных метров, образным языком, субъективностью своего творчества. И с этого времени Р. снова изучают, переиздают и, главное, читают во Франции.

Кроме указанных произведений, Р. издал: сатирические «Discours» (1562—63), направленные против гугенотов, «Elégies» (1565), «Les Sonnets pour Hélène» (1578), наконец, «Abrégé de l'art poétique» (1565, в прозе).

Современные издания Р. открываются небольшим сборником *Сент-Бева* (прибавление к его «Tableau de la litt. française au XVI-éme siècle»); далее 8-томное изд. *Prosper Blanchemain* (1857—1867); изд. *Laumonier* (8 тт., 1914—1919). — О Р. см.: *Laumonier*, «R. poète lyrique» (1909); *его же*, «Tableau chronologique des oeuvres de R.» (1911); *J. J. Jusserand*, «R.» (1913); *P. de Nolhac*, «R. et l'humanisme» (1921); *G. Cohen*, «R., sa vie et son oeuvre» (1924); *Champion*, «R. et son temps» (1925); *M. Raymond*, «L'influence de R. sur la poésie française» (1927, 2 тт.); *его же*, «Bibliographie critique de R. en France» (1927). *И. Ш.*

Ронсеваль, правильнее *Ронсесвальес* (исп. Roncesvalles, франц. Roncevaux), деревушка в сев. Испании, в пров. Наварра, вблизи которой, на выс. 1.057 *м*, лежит Ронсевальское ущелье, проход через зап. Пиренеи. См. *Роланд*.

Роны департамент (Rhône), в юго-вост. Франции, 2.859 *кв. км* с 1.046.028 ж. (1931). Сона и Рона протекают по вост. границе деп-та. Горы (до 1.000 *м* выс.), заполняющие большую часть поверхности, служат водоразделом между системами Роны и Луары. Удобные для земледелия места располож. гл. обр. по долинам Соны и Роны, большая же часть деп-та имеет малоплодородную почву. Возделывают пшеницу, овес, картофель, но главное занятие сельск. населения — виноградарство. Промышленность (шелковая, химическая, машиностроение и пр.) сосредоточена гл. обр. в Лионе (гл. гор. деп-та) и его окрестностях.

Роны устьев департамент, см. *Устьев Роны департамент*. По пер. 1931 г. насчит. 1.101.672 ж.

Роон (Roon), Альбрехт Теодор Эмиль, прусский политик (1803—1879), был военным, с 1836 г. — в ген. штабе, с 1858 г. — див. генерал. В 1859 г. назначен военным министром и вместе с Бисмарком (*см.*) вел борьбу с прусской палатою во время конституционного конфликта (*см.* XIV, 40/41). За заслуги перед «престолом и отечеством» сделан графом (1871), фельдмаршалом (1873), хотя никаких боевых заслуг не имел, и министром-президентом (1873). Его «Denkwürdigkeiten» (2 т., 1892) издал его сын. — О нем см. *Gossler* (1903).

Ропс (Rops), Фелисьен, бельг. гравер и живописец (1833—1898), род. в Намюре, в семье зажиточного фабриканта печатных тканей. С 1856 г. выступает карикатуристом, сначала в брюссельском студенческом журнале «Крокодил», а затем в «Эйленшпигеле», где сотрудничал Де Костер (*см.*), роман которого вышел в 1867 г. с иллюстрациями Р. Идя по стопам Гаварни (*см.*) и Домье (*см.*),

Р. очень быстро в совершенстве овладевает техникой литографии и офорта и занимает видное место в художественной и общественной жизни тогдашней либерально и националистически настроенной интеллигенции, группировавшейся вокруг Де Костера. В 1862 г. Р. переезжает в Париж, где он работает с офортистами Бракмоном и Жакмаром и участвует в многочисленных, по преимуществу эротических, любительских изданиях. Выдвинувшись в ряды крупнейших французских офортистов, Р. в 1870 г. возвращается на родину и основывает «Общество бельгийских офортистов». После 1875 г. он окончательно обосновывается в Париже, ежегодно, однако, навещая свою родину и совершая целый ряд путешествий. Р. выступал также в качестве фельетониста и художественного критика. — Р. оставил свыше 700 офортов, 200 литографий, 100 картин маслом, акварелью и пастелью, не говоря о бесчисленных рисунках. Лучшие оттиски его гравюр и большинство рисунков находится в частных собраниях. — Кроме немногочисленных работ, посвященных чисто бытовым и политическим темам, все произведения Р. трактуют эротические сюжеты, что всегда вызывало обостренный интерес к его творчеству как со стороны мещанских ханжей, так и со стороны любителей порнографии. Однако, значение Р. этим далеко не исчерпывается. Он прежде всего сочный и полнокровный реалист, что роднит его с великими представителями воинствующего натурализма—Курбе, Мане, Золя и Гонкурами — и вместе с тем объясняется его фламандским происхождением. В его эротике культ тела есть протест против городского мещанства и против векового католического порабощения. Между тем, попавши в Париж, Р., благодаря сюжетному характеру своего творчества, заражается тем упадочным, пессимистическим урбанизмом, тем эротическим «сатанизмом», который характерен для поздних романтиков, начиная с Бодлера. Жизнерадостные фламандские остроты и сальности сменяются мрачными образами разложения и смерти. Однако, для Р. типично, что эта эволюция его протекала почти исключительно в сфере тематики, форма же, в которую он облекает свои изображения утонченного и болезненного разврата, остается столько же полнокровной, наивной и по-своему целомудренной. Это все те же цветущие женские тела, уверенные и крепкие контуры, уравновешенная, подчас монументальная композиция. Недаром эстет-романтик Барбэ д'Оревильи (*см.*), книга которого — «Лики дьявола» — была иллюстрирована композициями Р., говорил о последнем, что он «обуржуазил черта». Этот разлад между формой и содержанием значительно притупляет остроту тематики Р., сообщая ей подчас оттенок нравоучительного проповедничества. Зато, как бытописатель Парижа 60-х и 70-х гг. и как мастер офорта и литографии, Р. стоит на исключительной высоте. Вершины своего творчества Р. достигает в своих больших литографиях и меццотинтах (vernis mou), как, напр., «Ловушка» (L'Attrapade), упомянутые иллюстрации к книге Барбэ д'Оревильи, серия «Les Sataniques» и др., в которых монументальность композиции сочетается с исключительным, чисто живописным богатством фактуры, светотени, достойным лучших мастеров раннего импрессионизма. — Полные каталоги гравюр и литографий Р. издал еще при жизни его *Ramiro* (Eugène Rodriguez), который, кроме того, выпустил о нем монографию в 1905 г. При жизни же Р., в 1896 г., вышел номер журнала «La Plume», посвященный его творчеству, с многочисленными статьями крупнейших писателей и критиков; ср. также *Camille Lemonnier*, «Féli-

cien R.», P. 1908; *Н. Евреинов*, «Ф. Р.», Спб., 1910. *А. Габр.*

Ропша, небольшое село в Ленинградской области (прежде — в петербургском уезде), в 10 *км* от г. Красного села. Расположена в живописной местности, на ропшинских высотах. До революции принадлежала императорской фамилии. В Р. был убит Петр III (*см.* XXXII, 136).

Рорбах, Пауль, немецк. публицист, см. XLVII, прил. *совр. политич. деятели*, 69, и *империализм и мировая война*, XLVII, 12/15. С 1924 г. Р. издавал еженедельник «Der deutsche Gedanke».

Роса, жидкий водяной осадок, выделяющийся на поверхности земли и на земных предметах из соприкасающегося с ними слоя воздуха. Р. появляется с заходом солнца или ночью, преимущественно в ясную и тихую погоду, когда приток солнечного тепла прекращается и начинается сильное охлаждение поверхности земли и растительности путем непрерывной потери тепла излучением, при чем почва охлаждается сильнее, чем прилегающие к ней слои воздуха. Водяные пары, содержащиеся в этих слоях, постепенно приближаются к насыщению и при т. наз. *температуре Р.* начинают сгущаться и выделяться в капельно-жидком виде на листьях, траве и на поверхности почвы (см. *атмосферные осадки*, IV, 251 сл., и *гидрометеоры*). Сгущение водяных паров происходит при этом не в самом воздухе, а в месте соприкосновения его с охлажденной поверхностью. Источником влаги при образовании Р. являются не только водяные пары, содержащиеся в воздухе, но также и выделяющиеся из почвы. Полное затишье даже при вполне ясном небе не способствует образованию обильной Р., наоборот, легкий ветер, приносящий все новые и новые слои воздуха, приходящие в соприкосновение с охлажденными поверхностями, создает благоприятные условия образования обильной Р. При сильном же ветре, при той же интенсивности охлаждения излучающих поверхностей, слой соприкасающегося воздуха не успевает достаточно охладиться и не доходит до насыщения, а потому образования Р. может и не быть даже при всех благоприятных условиях для образования Р.: относительная сухость воздуха не будет способствовать образованию хотя бы слабой Р. Поэтому Р. в более или менее значительных количествах наблюдается главным образом летом; наиболее сильные Р. бывают в теплых странах на морских побережьях, островах. В горных странах наиболее обильна Р. в долинах и котловинах. Наибольшее количество Р. образуется к утру.

При одинаковых условиях погоды наиболее сильно охлаждаются тела, обладающие плохой проводимостью и сильным излучением, особенно с черной и шероховатой поверхностью. По исследованиям *Жамена* в образовании Р. значительную роль играет также испарение. Этими условиями и объясняется наиболее обильное образование Р. на растительном покрове и листьях деревьев. Когда достигнуто насыщение парами и испарение прекратилось, то выделяющееся при этом скрытое тепло сжижения замедляет дальнейшее охлаждение, а кроме того поверхности, покрытые Р., лучеиспускают слабее. Обстоятельство это очень важно в экономии природы, т. к. оно, замедляя охлаждение, предохраняет растительность от утренников.

Непосредственных измерений количества Р. сделано сравнительно мало; были построены особые приборы — *росомеры* (см. *дрозометр*), но они не приобрели широкого распространения. По имеющимся данным количество выпадающей Р. довольно различно, как по условиям погоды,

так и в зависимости от местных условий. *Вольни* считает, что Р. дает до 3,5% общего годового количества осадков. В отдельных случаях образование Р. бывает довольно значительно. Так, на Черноморском побережьи суточные количества Р. доходят до 0,5 *мм*. В некоторых местностях, особенно в тропиках, нередко по утрам Р. выделяется в таком обилии, что стекает с крыш и деревьев, давая эффект дождя при безоблачном небе.

Литература: *Воейков*, «Метеорология», 1904; *Любославский*, «Основы учения о погоде», 1912; «Lehrbuch der Meteorologie von *Hann* u. *Süring*, 1926; *В. Оболенский*, «Метеорология», 1927; «Метеорологич. Вестн.», 1892, 1894.

Д. Нездюров.

Роса медвяная, см. *медвяная роса*; *Р. мучнистая*, *см.* XLIV, 50.

Росарио (Rosario de Santa Fé), гор. в аргент. пров. Санта Фе, на прав. бер. (в 200 *км* от устья) р. Параны (*см.*), доступной отсюда для океанск. пароходов; ж. д. соединен с Буэнос-Айресом и др. центрами страны; 480.936 ж. (исч. 1931 г.; в 1922 г. было 265.000), университет (откр. в 1920 г.). Р. по торгов. значению почти не уступает Буэнос-Айресу; вывоз пшеницы, маиса, сахара, скота, мяса, шерсти, квебрахо и пр.; обширн. промышл. по переработке с.-х. продуктов (сахарн., мукомольн., пивовар.). Р. осн. в XVIII в. и сильно вырос в последние годы.

Росбах (Rossbach), дер. в прусской Саксонии; 5 ноября 1757 г. известная победа Фридриха Великого над французской (см. *Субиз*) и имперской армиями (см. *Семилетняя война*, XXXVIII, 238).

Росвита, см. *Гросвита*.

Роскильде (Roskilde, или Roeskilde), старинн. гор. в Дании, на о. Зеландия, у Р.-фиорда, 12.533 ж. (1930). С X в. был столицей королевства до перенесения ее в Копенгаген (1443) и, вплоть до реформации, служил также резиденцией датских епископов. Сохран. собор XIII в. — О *Роскильдском мире* см. XVII, 577.

Роско (Roscoe), сэр Генри Энфильд, известный англ. химик (1833—1915), учился в лондонском универс., был ассистентом у Вильямсона, затем переехал в Гейдельберг и вместе с Бунзеном произвел классические исследования по фотохимии. Им принадлежит исследование действия света на хлор и водород и наблюдение фотохимической индукции (*см.* XLIV, 417). В 1857 г. Р. получил профессуру в Оуэновском колледже в Манчестере, где проработал свыше 30 лет, в 1863 г. был избран членом Royal Society. Р. продолжал фотохимические исследования, изучая действие дневного света; занимался также исследованием состава водных кислот, который оказался непостоянным, и на этом основании высказался против гидратной теории, которую защищал, между прочим, Д. И. Менделеев. Далее Р. определил атомные веса ванадия, вольфрама, урана, состав углекислого газа и др. (*см.* также XLV, ч. 2, 301). Р. написал много учебников химии (нек. переведены на русск. яз.) и вместе с Шорлеммером составил многотомный труд «Treatise on Chemistry» (8 т., 1877—98), охвативший неорганическую и органическую химию.

Роскоммон (Roscommon), графство в Своб. Ирландском гос-ве, в пров. Коннот, 2.462 *кв. км* с 83.556 ж. (1926). Поверхность — всхолмленная равнина, повышающаяся к с.-в., орошаемая р. Шэннон, протекающей по вост. границе графства, и ее притоками. Занятия насел. — скотоводство и земледелие. Гл. гор. — Р., насчитывает лишь 1.830 жит. (1926; в 1911 г. — 3.009 чел.); развалины старинн. замка и аббатства (XIII в.).

Роско-Паунд (собств. Pound, Roscoe), америк. юрист, см. XLVIII, *совр. деятели науки*, 100.

Роскошь, по наиболее распространенному и наиболее верному опре-

делению — потребление и траты для блеска, дорогой и пышный обиход жизни для того, чтобы показать свое богатство, свою имущественную мощь и тем поддержать и увеличить свое общественное значение. Этой целью Р. отличается от *комфорта*, стремящегося непосредственно к личному удовольствию, удобству и уюту, а с другой стороны — от *расточительности* (см.), производящей большие траты без определенной цели, по недомыслию и слабохарактерности. Как указывал еще Ад. Смит («Бог. нар.», III, кн. V, гл. 2), предметы Р. являются частью понятиями исторической относительности; иное, что теперь представляет предмет первой необходимости даже для бедняка, некогда по своей редкости и дороговизне являлось предметом Р.: напр., рубашка в одежде, перец и сахар в питании (см. *эволюция внешнего быта*). В XV в. жена короля Карла VII имела две полотняных сорочки, что считалось верхом Р. При дворе Карла I в Англии во всем дворце имелся один носовой платок, одна наволочка и две простыни.

Р. существует в тех обществах, в которых существуют классы, эксплоатирующие чужой труд; получая крупные нетрудовые доходы, они имеют возможность тратить их на редкие и дорогие предметы потребления. Развивается Р. тем сильнее, чем более дифференцировано общество, чем выше, малочисленнее и имущественно сильнее верхушка его. Вследствие этого Р. была очень велика еще в древнейшие времена в странах-завоевательницах. Известна прославленная Р. Востока, Р. в Риме эпохи упадка (см. *Рим — история*) и т. п. Она сильно развивается и в феодальную эпоху в Европе, первоначально как средство привлечь больше рыцарей-соратников, затем расцветает при королевских дворах, как способ привлечения на службу гордых разоряющихся феодалов. Людовик XIV тратил до 30 млн. ливров в год на свои прихоти, что составляло около $^1/_8$ всего государственного бюджета. На одни постройки дворцов в его царствование было истрачено до 199 млн. ливров. На одном из костюмов Людовика было на 14 млн. ливров бриллиантов. Фаворитки королей стоили безумных денег. Фонтанж тратила ежемесячно по 100 тысяч экю. Маркиза Помпадур истратила за 19 лет своего влияния около 36 млн. ливров. Графиня Дюбарри обошлась Франции в 12,5 млн. ливров. Расход английской королевы Анны в начале XVIII в. составлял 30% всего государственного бюджета. При ее преемниках сумма королевских расходов достигает 900 тыс. фунт. ст. С другой стороны, еще с очень древних времен начинается борьба против Р. Законы, ограничивающие личные траты, существовали и в древнем Египте, и в Индии, и в Риме. В средние века и вплоть до XVIII столетия мы почти повсюду имеем непрерывный ряд актов, направленных против Р. В Англии в 1336 г. Эдуард III издает закон, весьма детально регулирующий, сколько блюд, какие блюда и с каким соусом можно подавать в обед, ужин и в другие часы; в 1363 г. он новым актом очень подробно определяет, какую одежду, из какого материала, какой добротности должно быть разрешено носить людям каждого звания и состояния, их женам и детям,— от рыцаря до ремесленника и его учеников. Законы имели целью задержать разорение среднего дворянства и вместе с тем укрепить и углубить грани между сословиями, их слоями и прослойками. Влияние этих законов было, разумеется, ничтожное; Ад. Смит (II, кн. II, гл. 3) называет их безумными притязаниями правительства. Но навстречу им, примерно с середины XVI ст., шла другая волна против Р. и всяких излишеств—из среды за-

рождающегося промышленного класса, шла в интересах первоначального накопления и прочно внедряла свои запреты как предписание веры, как дело совести пуританина. Только эра промышленной революции с ее громадными барышами сделала излишней стоическую бережливость. В начале следующего века Мальтус, оправдывавший бедность бедных как воздаяние за их неосмотрительное размножение, на ряду с тем выступает уже с призывом к поощрению Р., потому что она своим спросом на товары и услуги расширяет производство и дает работу рабочим. Однако, еще до того Лодердель (*см.*) справедливо отмечал, что Р., как во Франции, по характеру своего спроса развивает изысканное художественное ремесло и производство многосортных ценных изделий при частой смене вкусов и моды; мануфактурное же производство малосортных и среднекачественных товаров успешно растет там, где распределение богатства более равномерное, — как в Англии. Промышленный капитал, нуждающийся в массовом производстве, в развитии Р. поэтому заинтересован не был. Тем менее, разумеется, мог быть заинтересован в сохранении и развитии Р. пролетариат. Пролетариат не мог не видеть, что Р. есть явление, обусловленное существующим неравномерным распределением богатств. При отсутствии нетрудовых доходов, тот труд, который раньше шел на выработку предметов Р., направлялся бы на производство предметов широкого потребления. Весьма характерным в этом отношении примером может служить СССР, в котором почти исчезло производство предметов Р. в связи с почти полным исчезновением класса, потреблявшего их. В САСШ и в Зап. Европе с развитием монополистического капитализма Р. расцвела еще в больших размерах по суммам затрат, чем при феодализме на зените его развития, пред эпохой промышленного капитализма (дворцы, виллы, яхты, пышные приемы и т. п.), хотя, чтобы не раздражать пролетариата, в менее крикливых и не столь публичных формах, прикрываясь иногда простотой в повседневном обиходе и примиряющими некоторые общественные слои громадными пожертвованиями на благотворительные, просветительные и иные общественнополезные учреждения, которые, однако, ставятся при этом обычно под непосредственный контроль и влияние той же властвующей верхушки монополистов.

С XVI в. появляются налоги на Р., имеющие в виду усиленное обложение потребителей предметов Р. В особенности они были развиты в Англии, где облагались шелковые ткани, пудра и прочая косметика, пользование мужской прислугой, каретами, гербами и пр. Налоги на Р. не могут быть мерой борьбы против нее (за исключением тех случаев, когда они достигают запретительных размеров), но считаются полезным дополнением к системе налогов на потребление. Однако, надо иметь в виду, что эти налоги дают всегда весьма скромный фискальный результат и при чрезмерном повышении ставок часто создают осечку в доходах от них. В СССР налоги на предметы Р. существуют в виде усиленного обложения парфюмерии, шелковых тканей, кофе, шоколада и некоторых других привозных товаров.

Литература: *Sombart*, «Luxus und Kapitalismus», 1913; *Roscher*, «Über den Luxus», 1848 (в «Ansichten der Volkswirtschaft», 1878, B. I); *Beaudrillart*, «Histoire du luxe privé et public», 2 v., 1880 (фактическое описание); *Veblen*, «The theory of the leisure classes», 1899; *Sommerlad*, «Luxus» (в «Handwörterbuch der Staatswissenschaften», с библиографией вопроса).

М. Соболев.

Рославль, гор., районн. центр Западн. обл., близ р. Остра, в 2 *км* от ст. Р. Моск.-Белор.-Балт. ж. д., 28.398 ж. (1931); шпагатн. фабр., маслобойн. и кожевенн. произв.—Р. — старинн. гор., под именем *Ростиславля* упоминается в XII в. Неоднократно переходил от Литвы и Польши к России. Окончательно присоединен во второй пол. XVII в. С 1776 г. по 1929 г. был уездн. гор. Смоленской губ. и в 1929—30 г. окружн. центр. Зап. обл. *Рославльский район* Зап. обл. занимает 1.577 *кв. км* с 104.184 жит.

Рославльский округ Западной области был образован в 1929 г. из рославльского и части смоленск. у. Смоленск. губ., частей спас-деменского у. Калужск. губ. и бежицк. у. Брянск. губ. и занимал 13.300 *кв. км* с 576,3 тыс. жит. В 1930 г., с переходом на районное деление, был *упразднен*.

Рославльский уезд до революции занимал 6.263 *кв. км* с 246 тыс. жит. (1914) и находился в южн. части Смоленск. губ. на границе с Черниговск., Могилевск. и Орловской; в 1924 г. террит. его была увеличена, так что по перен. 1926 г. в у. насчитывалось 366.630 ж., в том числе 33.363 гор. насел. В 1929 г. Р. у. был *упразднен*, а территория его включена в состав б. рославльского округа (*см.*).

Местность (в до-револ. границах) возвышенная (200 — 250 *м*). Гл. рр. Ипуть и Остер; Десна протекала гл. обр. по границе с елинск. у., Сож — на с.-з. на весьма незначительном протяжении. Преобълад. почва супесчаная; местами подзолистые суглинки и плодородн. суглинки на лессе. Много болот. Леса занимали ок. $^2/_5$ территории. Земледелие не удовлетворяло местн. потребностей, развиты были лесные и отхожие промыслы. Винокурение и лесопильные заводы.

Рослен, см. *Рослин*.

Рослин (Roslin), Александр, известный шведский художник-портретист (1718—1793), работавший в России. Род. в Мальме. Юношей прибыв в Париж и окончив здесь Академию художеств, Р. почти утратил связь с родиной, куда он приезжал только однажды, в 1772—75 гг. Во Франции его причислили к французской школе, и произведения его помещены в Лувре среди французских художников (*см.* XLV, ч. 1, 541/42). Умер в Париже. В 1753 г. за портрет художника Жора (Лувр) получил звание члена Парижской академии. Своими портретами он вскоре приобрел такую известность, что его засыпали заказами в тогдашних аристократических кругах. Из его портретов 1750-х и 60-х годов выделяются: архитектор барон Аделькранц (1754, Стокгольмск. акад. худ.); баронесса Нейбург-Кромьер (1756, Национ. муз. в Стокгольме); худ. Франсуа Буше (1760, Версальский муз.); Герцог Шуазель (1762, Нац. муз. в Стокгольме); пейзажист Жозеф Верне (1767, там же); семейство Иеннингс (1769, там же). В 1765 г. герцог де ла Рошфуко заказал ему и Грёзу свой семейный портрет, организовав заказ в виде конкурса. Премия была присуждена Р., что вызвало возмущение в кругах художников, собирателей и критиков, считавших, не без основания, что главное достоинство Р. состояло не столько в головах, сколько в костюмах и обстановке. Особенно зло высмеивал эту его черту Дидро. Действительно, в портретах Р. нет ни острой характеристики, ни блеска живописного мастерства. Они сухи и деловиты, но именно благодаря тонкой выписке деталей, умелой передаче шелка, бархата и золота он затмевал в глазах тогдашней знати художников более значительных, чем он. В зените славы он приезжает в 1775 г. в Петербург, где в течение двух лет пишет множество портретов и становится любимцем двора и придворных кругов. Особенный успех выпал на долю портретов цесаревича Павла и его жены Марии Федоровны (1777, Эрмитаж). Увидав их, Екате-

рина II заказала Р. свой портрет, написанный им в том же году, в рост, в парадном одеянии (прежде в Романовской гал., ныне в Русском музее). Екатерина осталась недовольна портретом и писала по поводу него Гримму, что художник изобразил ее «шведской кухаркой, пошлой, обрюзглой и вульгарной». Из других русских портретов Р. выделяются следующие: в. к. Наталья Алексеевна (1776, Эрмитаж), гр. Е. А. Чернышева (1776, Трет. гал.), гр. М. А. Румянцева (1776), маркиза Зоя Маруцци (1777). — Р. оказал на русских художников своего времени значительное влияние, от которого не был свободен даже Левицкий, мастер более глубокий и сильнее одаренный.

И. Грабарь.

Росмер (Rosmer), Альфред, деятель франц. професс. движения, см. XLVII, прил. *совр. полит. деятели*, 69.

Росмини-Сербати, Антонио, итальянский философ (1797—1855). Приняв духовный сан, Р.-С. основал в 1828 г. «братство милосердия», примкнул к Пию IX, был мин. народного просвещения в Риме при Росси (*см.*). Писания Р.-С. на религиозные темы (он стремился сочетать католич. вероучение с философским идеализмом) попали в папский индекс запрещенных книг. Сторонник объективного идеализма, сам Р.-С. называл свою точку зрения идеологическим психологизмом, подчеркивая этим ее отличие от сенсуализма и онтологизма, как последний был представлен в философии Джоберти (*см.*) с ее утверждением, что бытие творит существование («l'ente crea l'esistente»). Исходный пункт философствования Р.-С. видит в самонаблюдении, которое приводит к тому выводу, что формы познания возникают из самого духа, но содержание познания не зависит от последнего. Философия Р.-С. пользовалась одно время большой популярностью в Италии (*ср.* XXII, 498). Из сочинений Р.-С. главнейшие: «Nuovo saggio sull'origine delle idee» (1835) и «Filosofia del diritto» (1844).

Г. Г-н.

Росной ладан, см. *ладан.*

Росноладанновая кислота, см. *бензойная кислота.*

Росолист, Drosophyllum, *см.* XXIX, 651/52, прил., *насекомоядные растения*, 1′/2′.

Росомер, см. *дрозометр*; ср. *роса.*

Роспись государственная в России, см. *Россия — финансы*; в СССР, см. *СССР — финансы* (XLI, ч. 2, 451/544).

Росс (Ross), Джемс Кларк, изв. англ. полярный исследователь, см. *полярные экспедиции,* XXXIII, прил. 15′, 19′/20′.

Росс, Джон, англ. полярн. исследователь, см. *полярные экспедиции*, XXXIII, 15′.

Росс, Рональд, англ. бактериолог, см. XLVIII, прил. *совр. деятели науки*, 37. Ум. в 1932 г.

Росс, Уильям Парсонс, лорд, изв. астроном (1800—1867), род. в Йорке в Англии; учился в Дублине и Оксфорде; в 1821-1834 гг. — член парламента; по смерти отца — пэр Ирландии и член палаты лордов; известен устройством огромного отражательного телескопа с зеркалом в 1,8 *м* отверстия и фокусным расстоянием в 17 *м*, который был установлен в его имении Бирр-Кэстль в 1845 г. С этим телескопом он и его сын производили наблюдения туманностей, при чем впервые были обнаружены спиральные туманности. Этот телескоп по размерам был превзойден только в недавнее время, когда в Америке в обсерватории на горе Вильсон был сооружен телескоп с отверстием в $2^1/_2$ *м*.

С. Блажко.

Росса море, см. *полярные экспед. и страны*, XXXIII, прил. 20′, 27′.

Россели, Козимо (Cosimo di Lorenzo Filippo Rosselli), итал. живо-

писец (1439—1507) флорентийской школы, был сначала учеником второстепенного мастера Нери ди Биччи, а затем работал в мастерской Беноццо Гоццоли (*см.*). Лишенный яркой художественной индивидуальности, мало изобретательный в композиции и сухой по колориту, Р. был типичным эклектиком, вдохновлявшимся отчасти Пьеро ди Козимо, отчасти Гирландайо. Последний оказал на него чисто внешнее влияние. Монументальные искания Гирландайо на творчестве Р. не отразились, и он до конца сохранил архаические черты, свойственные вычурному стилю флорентийской живописи середины XV в. Кроме ряда фресок и картин, исполненных им во Флоренции (в С. Амброджо, в С. Спирито, в Аннунциате, в Санта Маддалена деи Пацци), главные его работы — росписи в Сикстинской капелле в Риме (1481—1483), в которых он участвовал на ряду с другими флорентийцами (Боттичелли, Гирландайо), приглашенными папой Сикстом IV. Здесь им исполнены: 1) Нагорная проповедь (пейзаж, по словам Вазари, написан Пьеро ди Козимо), 2) Тайная вечеря (удачный архитектурный фон), 3) Синайское законодательство и поклонение золотому тельцу (при участии учеников).

А. Габр.

Росселлино, Антонио (*Antonio di Matteo Gambarelli*, по прозвищу *Rossellino*), итал. скульптор флорентийской школы (1427—1478), младший брат и ученик Бернардо Р. (*см.*). Продолжая традицию Дезидерио да Settиньяно (*см.* XXII, 522/23) и разрабатывая композиционные схемы, намеченные его старшим братом, Р. является одним из самых плодовитых, умелых и изящных скульпторов итальянского кватроченто. В отличие от своего брата, Р. обладает большей виртуозностью и легкостью в обработке материала и прибегает к более изощренным и, главное, более живописным приемам. Из многочисленных его произведений необходимо отметить: его надгробия (лучшее — «Гробница кардинала Иоанна Португальского» в Сан Миниато во Флоренции, 1461), его рельефы («Поклонение пастухов» и «Мадонна» во флорентийском музее) и его круглую скульптуру («Иоанн Креститель», 1477, и бюст Маттео Пальмиери, 1468, во флорентийском музее, а также статуя Св. Себастиана в Эмполи, 1457). — См. *W. Bode*, «Die florentinischen Bildhauer der Renaissance».

А. Габр.

Росселлино, Бернардо (*Bernardo di Matteo Gambarelli*, по прозвищу *Rossellino*), старший брат Антонио Р. (*см.*), итал. архитектор и скульптор флорентийской школы (1409—1464), один из самых тонких и совершенных мастеров раннего итальянского Возрождения. Как архитектор, Р. непосредственно примыкает к Брунеллески (*см.*). Обладая исключительно тонким чувством пропорций, он дал целый ряд зрелых и ставших после него каноническими разрешений конструктивных проблем, намеченных Брунеллески. Такова прежде всего система расчлененного пилястрами фасада, впервые осуществленная в палаццо Ручеллаи во Флоренции в 1446 г., приписываемом некоторыми его современнику Альберти (*см.*), а затем в палаццо Пикколомини в Пиенце (1460—1463), который, в сочетании с построенным им же собором этого города, является одним из прекраснейших архитектурных ансамблей и образцовой композицией площади. В 50-х годах папа Николай V привлекает Р. в качестве руководителя первых работ по перепланировке Ватикана и постройке собора Св. Петра. Эти проекты Р., к сожалению, не сохранились. Влияние Р., как архитектора, было очень обширно и сказывается на многих постройках

того времени (напр., палаццо Пикколомини в Сиене, 1469). Как скульптор и декоратор, Р. сочетает яркий реализм в трактовке фигур и лиц с убедительной стройностью архитектурного замысла. На ряду с такими декоративными композициями, как, напр., портал Мизерикордии в Ареццо (1434) или мраморная дверь в Палаццо Публико в Сиене (1446), Р. является создателем излюбленного в эпоху Возрождения типа стенной гробницы. Особенно выделяется исполненное им надгробие государственного секретаря Лионардо Бруни (1441), находящееся во Флоренции в Санта Кроче и являющееся наиболее совершенным произведением этого типа (*Ср.* XXII, 522/23).

Литература: *H. v. Geymüller*, «Die Architektur der Renaissance in Toscana»; *K. Mayreder, K. Bendes, H. Holtzinger* в Wiener Allgem. Bauzeitung, 1882 (о постройках в Пиенце).

А. Габр.

Россель (Rossel), Луи, коммунар (1844—1871). Артиллерийский офицер, Р. в 1870 г. в Меце подвергся аресту за намерение разоблачить замыслы Базена (*см.*). Гамбетта давал Р. ответственные военные поручения. 19 марта Р. вышел в отставку, примкнул к Парижской коммуне, работал в ней по своей специальности (*см.* XLV, ч. 1, 283), затем подал в отставку, что не спасло его от ареста версальцами (7/VI) и расстрела (28/XI).

Россель (Russel), см. *Рэссель*.

Россетти (Rossetti), Данте Габриэль, англ. поэт и живописец (1828—1882), глава школы «прерафаэлитов» (*см.*), был сыном итальянского писателя и художника Габриэле Р. (1783—1854), который, будучи замешан в революционном движении, в 1822 г. бежал из Неаполя, где был хранителем музея, и поселился в Англии, там женился на дочери итальянца и англичанки и провел остаток дней своих, преподавая итальянский язык и занимаясь литературой (ему принадлежит, м. пр., «Аналитический комментарий к Божественной Комедии Данте»). Воспитанный в высококультурной семье, молодой Р. уже пяти лет начинает писать стихи и прозу. Увлекшись также и живописью, юноша работает в частной художественной школе, затем в 1846 г. поступает на «античные» классы королевской академии художеств; однако, не дойдя даже до «натурного» класса, бросает академию (1848) и делается учеником своих старших, уже окончивших товарищей — сначала Медокса Брауна (*см.* VI, 505/06), а затем Гольмана Гента (*см.* XIII, 193/95). В следующем году Р. выставляет свою первую картину («Детство девы Марии»), строго выдержанную в стиле итальянских кватроченчистов и уже помеченную монограммой P. R. B., т.-е. Prae-Raphaelite Brotherhood—Прерафаэлитское братство. Это новое объединение, возглавлявшееся Р., Гольман Гентом и Миллэзом (*см.* XXVIII, 640/41) и вдохновлявшееся проповедью Рэскина (*см.*), выступало как против академической, так и против мещански-бытовой традиции во имя идеи строгого реализма и искусства как религиозного служения. Всесторонне образованный, пылкий и страстный, Р., который к тому времени был уже вполне созревшим поэтом, примыкавшим к кругу Китса и Броунинга, был вдохновителем и теоретиком «братства». В 1850 г. выходят четыре номера основанного им прерафаэлитского журнала (номера 1 и 2 под заглавием «The Germ»—«Росток», 3 и 4—под заглавием «Art and Poetry»—«Искусство и поэзия»), и хотя первоначальное ядро кружка оказалось не очень прочным (Миллэз получает звание академика), Р., ободренный восторженными отзывами и дружбой Рэскина, горячо принимается за работу. В течение

следующих пяти лет он создает огромное количество композиций (главн. обр. рисунков и акварелей) на сюжеты Данте, Малори, Броунинга и Китса, в которых он, через подражание готическим и ранне-возрожденческим образцам, находит и свою собственную манеру и нащупывает зарождавшийся в то время стиль «викторианского возрождения». Решающим моментом в развитии нового стиля и прерафаэлитского движения были встречи Р. в Оксфорде в 1855 г. с Берн-Джонсом (*см.* V, 462/63) и Вильямом Моррисом (*см.*), которые оказались не только его единомышленниками (журнал Oxford and Cambridge Magazine), но и верными его учениками. В особенности благодаря деятельности Морриса, который, вдохновляясь идеями христианского социализма и мечтая возродить средневековый художественный быт, основал в 1861 г. кооперативную артель прикладных искусств, продукция прерафаэлитов приобрела прочную экономическую базу и стала оказывать решающее влияние на художественную жизнь страны. Деятельность прерафаэлитов являлась протестом против вульгаризированного утилитаризма, машинизации, тупого самодовольства и эксплоатации эпохи расцвета промышленного капитализма в Англии.

В 1862 г. наступает резкий перелом в жизни и творчестве Р.: внезапно умирает его жена Елизавета Сиддаль, его бывшая натурщица и постоянная модель. Р. начинает отходить все больше и больше от своей первой, «готической» манеры и от литературных сюжетов и этим самым от заветов «братства» и почти исключительно пишет женские головы, вдохновляясь отныне скорее образцами высокого, по преимуществу венецианского, Возрождения. Все ярче и ярче вырисовываются индивидуальные мистические и эротические черты его творчества, которые, несмотря на то, что он продолжает оставаться вождем школы, все больше и больше заставляют его замыкаться в себе и которые, несомненно, находятся в связи с серьезным нервным заболеванием (бессонница, наркотика). Наконец, у него появляются признаки мании преследования, которая после памфлета некоего Бьюкенена приводит к попытке самоубийства. Благодаря уходу и заботам друзей, в особенности Морриса, Р. совсем поправляется и снова выступает и как поэт (сборники стихов 1870 г. «Poems by D. G. R.» и «Ballads and Sonnets», 1881), и как живописец. Его последние вещи, если не считать знаменитой композиции «Сон Данте», представляют собою большие аллегорические женские фигуры, наиболее зрелые, но подчас весьма вычурные формулировки идеала красоты, типичного как для самого Р., так и для его эпохи. В живописце Р. сочетается, с одной стороны, очень крупное природное живописное дарование и тонкое, обусловленное его национальным происхождением, понимание большого итальянского искусства, с другой — некоторая техническая беспомощность дилетанта и некоторая литературная тенденциозность, свойственная всему английскому изобразительному искусству и характерная для самого Р., который был прежде всего поэтом и как художник всегда более или менее иллюстрировал себя или других. Не говоря о его чисто индивидуальном художественном облике, который главн. обр. определяется стремлением создать особый тип женской красоты (он его находил в чертах Елизаветы Сиддаль и жены Морриса), Р., как представитель тогдашней английской мелкой буржуазии, увлекавшейся христианским социализмом и неокатолицизмом, ищет содержание и форму своего искусства в прошлом. Мечта о новой жизни

в формах романтического средневековья и поиски нового стиля в простом возрождении готики — одинаково эклектичны. Поэтому «новый стиль», выработанный прерафаэлитами, хотя и наложил свой отпечаток на всю английскую художественную промышленность вплоть до наших дней, однако очень быстро опошлился, не дав никаких новых конструктивных форм. Положительная заслуга Р., как и многих его соратников, заключается в его борьбе с выродившимся академизмом и с пошлостью тогдашних жанристов, а также в его поисках чистоты локального цвета и декоративной красоты линии. Большинство произведений Р. находится в частных руках, но некоторые наиболее популярные его вещи можно видеть и в общественных собраниях, как то: «Благовещение» и «Beata Beatrix» в галлерее Тэт в Лондоне, «Сон Данте» в Ливерпуле, «Astarte Syriaca» в Манчестере. — В поэзии Р. совершенно отсутствует тот налет дилетантизма, которым отмечены его живописные произведения. Как мастер слова, он принадлежит к тому второму поколению романтиков (Броунинг, Свинберн), которые значительно обогатили английскую лирику как в отношении богатства словаря и пластической точности образа, так и в отношении ритмики и мелодики стиха. Поэзия Р. и его переводы из Данте и из ранней итальянской лирики сыграли именно в этом отношении не малую роль и вошли в английскую поэзию в качестве живого ее достояния (*ср.* III, 50, 69/70).

Литература: «D. G. R. His family letters with memoir», by *William Michael Rossetti* (брат Р.); «D. G. R.'s letters to William Allingham»; *D. G. R.*, «Ballads and Sonnets»; *H. C. Marillier*, «D. G. R. An illustrated memorial of his art and life»; *Ester Wood*, «Dante R. and the Praeraphaelite movement»; *Helen Madox R.*, «D. G. R.»; *Joseph Knight*, «The life of D. G. R.»; *Jarno Jessen*, «R.» (в серии *H. Knackfuss*, Künstlermonographien, LXXVII). *А. Габричевский.*

Россетти, Христина Джорджина, английская поэтесса (1830—1894), сестра Данте Габриеля Р. (*см.*). Упорная англиканка, Р. отказала по религиозным соображениям двум женихам и провела жизнь затворницей, деля свое время между заботами о семье и занятиями литературой. Мистические увлечения и отсутствие личной жизни не помешали Р. найти выразительный и совершенный по форме язык для своих личных переживаний и завоевать себе самобытное место среди выдающихся английских поэтов середины XIX столетия. Главные произведения: «Goblin Market» (1862), «The Prince's Progress» (1866), «Sing-Song» (1872), «A Pageant» (1881), «Verses» (1893) и др. Собрание ее поэтических произведений — «Poetical Works of C. G. R.» издано ее братом в 1904 г. *Ср.* III, 58, и XXXIII, 347.

Росси, Карл Иванович, знаменитый русский архитектор (1775—1849). Сын балетмейстера петербургского театра, Лепика, и известной танцовщицы екатерининских времен, Р. наследовал итальянскую фамилию матери, хотя в раннем возрасте он часто именуется в документах «молодым Леником» или «пасынком Лепика». Р. с детства жил и воспитывался у архитектора Виченцо Бренна (*см.* VI, 532), обучавшего его архитектуре. В 1795 г. он получает звание архитекторского помощника, а в следующем году мы видим его уже на постройках в Павловске и Гатчине помощником Бренны. В 1802 г. последний испрашивает разрешение отправиться вместе со своим учеником на два года за границу и везет Р. в Италию, где знакомит его с великими памятниками зодчества. Р. поступает во Флорентийскую академию и здесь завершает свое образование. По возвращении в Россию он получает в 1806 г. звание архитектора, а в 1808 г. назначается в Москву в распоряжение Валуева, директора Кремлевской экспедиции

строений, ведавшей в то время всеми московскими государственными сооружениями. Молодой, блестяще одаренный архитектор сразу получает ряд ответственных правительственных построек, а красивая внешность, безукоризненное знание иностранных языков, да еще такое преимущество, как нерусская фамилия, делают его желанным гостем в светских кругах, засыпающих его также строительными заказами. В Москве Р. прожил 10 лет и много строил, но до сих пор удалось выяснить только три его несомненных постройки: Екатерининскую церковь кремлевского Вознесенского монастыря (1808—1809; сломана в 1929 г.), верх Никольской башни (1810; взорван при отступлении Наполеона) и деревянный Арбатский театр (1811). Первые два сооружения выдержаны были в готическом стиле, бывшем в моде в Москве конца XVIII—начала XIX в. Существующий ныне верх Никольской башни, возведенный по проекту Бове, в общем повторяет архитектуру Р. Театр на Арбатской площади, сгоревший в 1812 г., был выстроен в стиле классицизма, и его прекрасной колоннадой восторгалась вся Москва.

В 1816 г. Р. переводится в Петербург, где назначается членом Комитета для строений и гидравлических работ, председателем которого состоял Бетанкур (*см.*). С этого времени в течение 15 лет Р. строит множество зданий, в значительной степени определивших облик Петербурга XIX в. Им выстроены павильоны Аничкова дворца (1818), перестроен заново Елагин дворец и вновь выстроены его службы (1818—1822), выстроены: Михайловский дворец (ныне Русский музей; 1819—1823), арка Главного штаба (1819—1829), Галлерея Гонзаго и библиотека в Павловске (1821), Александринский театр со всей Театральной улицей (ныне «улица зодчего Росси») и примыкающими к ней зданиями, а также со всеми постройками, выходящими на площадь у Чернышева моста (1827—1832), здания б. Сената и Синода (1829—1832), фасад Публичной библиотеки (1828—1832), Михайловский манеж (1828).

Этими грандиозными сооружениями закончилась эпоха великого петербургского строительства. Размах, с которым задумано и осуществлено большинство из них, не имел себе равного во всей тогдашней Европе и вызывает в памяти времена императорского Рима (*см.* XXXII, 102; *ср.* XXXVI, ч. 2, 467/77). Достаточно указать на такой архитектурный ансамбль, как б. Александринский театр, который Р. поставил на площади, обстроенной слева павильонами Аничкова дворца, справа зданием Публичной библиотеки, а сзади зданиями Театральной улицы, образующими как бы фон для всей этой композиции. Так же грандиозна идея арки штаба и арки Сената и Синода. Архитектура Р. всегда строго продумана, детали прекрасно нарисованы, внутренняя отделка изысканно прекрасна.

В 1832 г. Р., больной и преждевременно состарившийся, вышел в отставку, чтобы более уже ничего не строить. Собрание его проектов имеется в Ленинградской публичной библиотеке и в Музее старого Петербурга. — См. *И. А. Фомин*, «Карл Иванович Р.». («История Русск. Иск.» Игоря Грабаря, т. III).

Игорь Грабарь.

Росси, Пеллегрино Луиджи Эдоардо, граф, франц. юрист и экономист и позднее итальянский госуд. деятель (1787—1848). Уроженец Каррары, Р. учился в Павии и Болонье, был проф. уголовного права в Болонье; как сторонник Мюрата, после падения последнего вынужден был бежать во Францию (1815); отсюда был выслан в Швейцарию, где преподавал

римское и уголовное право в Женеве, составил конституцию для Женевы, получив за это права женевского гражданина, затем по приглашению Гизо перебрался во Францию, где с 1833 г. был проф. полит. экономии (после Ж.Б. Сэ) в Collège de France и с 1834 г.—проф. государств. права в парижск. унив., приняв франц. подданство и получив даже пэрство Франции. С 1845 г. Р. перешел на дипломатическое поприще, сделавшись французским посланником при Ватикане, а в 1848 г. стал во главе министерства при папе Пии IX, перейдя на службу Италии, но в том же году пал жертвой политического убийства на улице в Риме (*см.* XXII, 418).— В 1841 г. Р. выступил с курсом политич. экономии («Cours d'économie politique», 2 тома), в котором он не дает, однако, ничего оригинального, компилируя Сэ, Мальтуса и Рикардо. Из других экономич. работ Р. можно отметить: III и IV тт. того же «Курса» (посмертн. изд., 1851—1854); «Mélanges d'économie politique, d'histoire et de philosophie», 2 тт., 1857 (посм. изд.); несколько более мелких работ, посвященных Мальтусу и Рикардо.

Более заметный след Р. оставил после себя в области права, особенно—уголовного. Его «Трактат по уголовному праву» («Traité de droit pénal», 3 тт., 1829), переведенный в 70-х годах и на русский язык, долгое время считался наиболее популярным после книги Беккарии (*см.*) руководством. Начавшему развиваться после Бентама и Беккарии утилитаризму в угол. праве Р. противопоставил систему, основанную на идее морального правосудия. Он боролся против крайнего индивидуализма обоих писателей и указывал, что задачей наказания является не общее предупреждение, а моральная цель, неизменная и вечная, именно восстановление нарушенного правопорядка. Теория Р. не получила большого распространения (к его последователям может быть отнесен лишь Биндинг (*см.*), но его меткие критические замечания против односторонностей утилитаризма снискали ему широкую известность среди криминалистов романских стран. В области государств. права ему принадлежит «Cours de droit constitutionnel», 1866—67.—О Р. см.: *Comte Fleury d'Ideville*, «Le Comte Pellegrino Rossi, sa vie, ses oeuvres, sa mort», 1887, и *László Ledermann*, «Pellegrino Rossi. L'homme et l'économiste, 1787—1848. Une grande carrière internationale au XIX siècle», Paris, 1929.

Росси, Эрнесто, знаменитый итальянский трагик (1830—1896). Род. в семье состоятельного и образованного коммерсанта. Большое влияние на него имел дед его по матери, и первые сказки, услышанные им от него, были пересказы Шекспира. Отец предназначал его с детства к карьере адвоката, но юный Р. мечтал о театре. Подобно Гете, он все свои досуги отдавал кукольному театру, представления которого разыгрывались для семьи с большой торжественностью (особенно в отсутствие отца); когда он стал постарше, то начал с братьями и товарищами ставить домашние спектакли. Борьба между отцом и Р. шла не переставая. Его отдали в пизанский университет, но занятия шли плохо, и в конце концов 16-летний Р.—тайком от отца, но с ведома матери и деда—бежал из дома с бродячей труппой. Об этом времени остались в мемуарах его красочные воспоминания, опять-таки приводящие на память Гете («Юношеские годы Вильгельма Мейстера»). На красивого, ярко-талантливого мальчика быстро обратили внимание, и уже двадцати лет он подписал контракт в королевскую итальянскую труппу на хороших условиях. Отец примирился с ним, видя его дарование и успех,

а главное—серьезное отношение к делу.

Действительно, редко можно встретить артиста, так высоко ставящего свое искусство, как Р. С 16-ти лет его мечтой было ввести в Италии шекспировский репертуар, он готовился к этому в течение лет семи-восьми. Быстро завоевав успех в родной Италии, он поехал с великой Ристори в Париж, где также имел громадный успех, и, возвратясь оттуда, он, наконец, решил исполнить свою мечту: сыграл «Отелло». Успех «Отелло» окрылил его, он поставил «Гамлета» — и с тех пор почти исключительно посвятил себя Шекспиру, при чем был не только исполнителем его, но и серьезным толкователем: со страстью изучал великого поэта и читал лекции об исполняемых им ролях. Кроме Шекспира, конечно, играл он и итальянских и других классиков: Шиллера, Виктора Гюго, Кальдерона, вообще весь т. н. классический репертуар. Одной из его любимых ролей была роль Паоло в трагедии Сильвио Пеллико «Франческа да-Римини», которую играл он и шестнадцатилетним мальчиком в убогом провинциальном театре, в какой-то материнской шали вместо плаща и самодельных башмаках, и двадцатипятилетним уже прославившимся артистом с Ристори в Париже, и уже много позже — и всегда прекрасно. В России Р. решился сыграть Иоанна Грозного, и, по отзывам современников, это было одно из его больших достижений, хотя не могло сравниться с исполнением им шекспировских ролей. Наряду с Сальвини, Р. был самым выдающимся итальянским трагиком XIX века. Но слава его перешла далеко за границы Италии: он играл в Париже, объездил всю Европу — Англию, Испанию, Голландию и т. д., — Америку, и триумфы сопровождали его везде, особенно у нас в России.

Вне гастрольных поездок он жил в Италии, в своей вилле под Флоренцией, представлявшей настоящий художественный музей, в счастливой семейной обстановке. Р. был очень любим не только как артист, но и как человек—пылкий, добрый, благородный. Его очень высоко ценил Гарибальди. Хорошо образованный, он, однако, продолжал всю жизнь «учиться». Праздности он не переносил. Искусство любил страстно («Искусство для меня всегда было моей матерью, моей возлюбленной и моим преданным другом: оно ни разу не обмануло меня, и я ему остаюсь верен»).

Р. был очень высокого мнения о роли артиста по отношению к автору. «Между автором и артистом»—говорил он — «существует неразрывная связь: первое место занимает автор—но рядом с ним исполнитель». К ролям Р. подходил чрезвычайно серьезно. «Изучая своего героя», писал он, «артист должен вполне отрешиться от себя самого: должен поставить его перед собой отдельной личностью и внимательно, «очами души своей», обозреть его, так сказать проанатомировать его, чтобы ознакомиться с присущими ему достоинствами и недостатками... Разве артист, взявшийся изображать героя из времен язычества, иудейства или древнего христианства, мог бы явиться не говорящим со сцены манекеном, а живым из плоти и крови человеком, если бы он не воплотил себя в этого человека глубоким изучением классических форм и характеров, выведенных поэтом в его творениях?». Своей деятельностью Р. много сделал для современного ему театра и имел громадное влияние и на русских артистов. Мемуары его называются «Quarant'anni di vita artistica» (3 тт. 1887–1889).

Т. Щ.-К.

война, иногда успешная, как в 1802 г., когда колошам удалось в течение двух лет удерживать о. Ситку, или как в 1805 г., когда они уничтожили Якутатское заселение. Экономически подчинение населения поддерживалось и тем, что в крае компанией была установлена своя монета—марки (кожаные деньги), которые не разменивались компанией на имперскую монету; кроме того, в крае запрещена была всякая торговля, кроме компанейской.

Роль Р.-а. к. в колониальной экспансии не всегда была удачна, наталкиваясь на угрозы конфликта го с Испанией, то с Англией. В 1812 г., после разрешения со стороны правительства и обещания заступничества, было устроено поселение Росс недалеко от бухты С.-Франциско; в 1816 г. один из агентов компании достиг того, что на Сандвичевых островах один из королей поднял русский флаг, но дело было дезавуировано из Петербурга; в 1846 г. производятся разведки по Амуру, пользуясь бригом, на котором «не было ни малейшего обличения русского судна»; когда в 1852 г. в Японию проникли американцы правительство поручает компании занятие Сахалина и владение им, не допуская иностранцев, для чего Р.-а. к. предоставляется военная сила,—в 1853 г. компания приступила к занятию острова, но результат Крымской войны побудил правительство взять это дело в свои руки. К 1861 г. роль Р.-а.к. была и экономически и политически сыграна.

Вопрос о возобновлении привилегий компании стал предметом длительного бюрократического рассмотрения. Выяснилось, по свидетельству Государственного совета, «промышленное бессилие, застой по части колонизации и гражданственности: компания не играла никакой роли во внутренней имперской торговле (даже продукты она закупала за границей, как, напр., в Гамбурге); во внешней торговле ее роль падала (напр., в Кяхте ее совсем вытеснила мануфактура); она являлась препятствием к экономической эксплоатации края; социальные и политические порядки края были в полном противоречии с крушением крепостного строя. Однако, несмотря на сильную тенденцию превратить Р.-а.к. в простое коммерческое предприятие, ей удалось в 1866 г. получить свои привилегии в несколько урезанном виде. Уступка же в 1867 г. русских американских владений С.-А.С.Ш. (за 7,2 млн. долл) привела в 1868 г. к ликвидации Р.-а.к.—См. *П. Тихменев*, «Историческое обозрение образования Р.-а. к. и действий ее до настоящего времени», Спб., 1861—1863 (2 тт.); *F. A. Golder*, «Guide to Materials for American History in Russian Archives», Washington, 1917 (подробная опись архивных материалов). *С. Валк.*

Росс и Кромарти (Ross and Cromarty), графство в сев.-зап. Шотландии, на с. граничит с Сетерлэндом, на ю. с Инвернесом, с в. омывается Немецким м. (зал. Дорнок и Морэй), с з. Атлантическим о. (прол. Минч). Занимает 8.002 *кв. км*, из них 1.637 *кв. км* приходится на входящую в состав графства сев. часть Гебридских о-вов (*см.*). Атлантич. побережье сильно изрезано. Поверхность гористая, покрытая лесами (св. 50% террит.). Много озер и торфяных болот. Насел.—62.802 жит. (1931; в 1911 г. было 77.364 жит.). Гл. занятие—скотоводство (особ. овцеводство) и рыболовство. Земледелие (овес, ячмень) развито слабо и характеризуется чрезвычайной дробностью земельных участков. Гл. гор.—Дингуолл (2.323 ж.).

Россини (Rossini), Джоакино Антонио, итальянский оперный композитор (1792—1868), который может почесться завершителем стиля «неаполитанской» школы, создавшейся еще

в XVII в. Рожденный в музыкальной семье, мальчик рос в благоприятной для развития таланта обстановке и, в частности, выделялся прекрасным голосом. Его первыми наставниками по композиции и пению были аббат Маттеи в Болонье и Анжело Тезеи, но в общем Р. мало отдал времени и внимания музыкальной науке. Его творчество развилось стихийно и непосредственно. Уже в 18 лет им было написано несколько опер: первой его оперой была «La cambiale di matrimonio» (1810), поставленная в театре Сан-Мозе в Венеции. Хотя первые оперы Р. и не обратили на себя внимания, однако уже в 1812 г. его почитали в Италии за великого оперного композитора, и он был завален заказами и работой. Среди его опер значение музыкальных этапов имеют: «Танкред» (1813), «Севильский цырюльник» (1816), «Отелло» (1816), «Сорока-воровка» (1817), «Семирамида» (1820), «Вильгельм Телль» (1829). Слава Р. росла с необычайной быстротой, благодаря исключительным свойствам его дарования, главным же образом — изумительному дару мелодичности, в котором он может сравниться с самим Моцартом, и редкому умению писать для голоса и понимать сущность вокальнаго творчества. Певцы пропагандировали его оперы, публика восторженно относилась к его мелодическому вдохновению. В 1815 г. Р. был уже обеспеченным человеком с выгодным контрактом, по которому он был обязан поставлять по две оперы в год за ежегодное вознаграждение в 12.000 лир. В 1823 г. Р. переселился в Париж, тут он написал свое главное и, пожалуй, лучшее произведение «Вильгельм Телль». После этой оперы Р. почти совершенно бросает композицию и в течение почти сорока лет только раз берется за перо, чтобы написать свое «Stabat Mater» (1832-39), успех которого был потрясающ, но не вывел Р. из состояния бездеятельности. Р. скончался в преклонном возрасте в Париже.

Творчество Р. поражает прежде всего преизбытком мелодического вдохновения, свежестью и богатством мелодического изобретения. Его мелодии, впрочем, не лишены уже того налета чрезмерной сладости, которая в творчестве его последователей (Доницетти и в особенности Беллини) обратилась уже в недостаток. Тип творчества и стиль мелодии Р. неразрывно связаны с итальянской манерой пения. В этой мелодичности Р. умел, однако, достигать и драматических эффектов и создавать характерные ситуации, очерчивать драматические типы и характеры, не нарушая основной чисто музыкальной стихии своего творчества. В этом он опять-таки напоминает Моцарта, к которому он близок по непосредственности и неисчерпанности вдохновения. Однако, остальные музыкальные слагающие творчества Р. далеко уступают его мелодическому дару, и сам композитор мало на них обращал внимания. Его гармонии примитивны, полифонии у него совсем нет. Оркестр Р. несколько шумлив и кричащ в тех случаях, когда он не аккомпанирует голосу,—обычно же он вообще находится на втором плане. Наиболее солидной по фактуре из его опер надо признать «Вильгельма Телля», в котором мы видим сильные влияния французской современной оперы (Буальдье, Мегюль), наиболее свежести и непосредственности — в его гениальном «Севильском цырюльнике». Оперы эти до сих пор не устарели и не сходят с репертуара. Влияние Р. на современных ему композиторов было огромно — он создал новый стиль итальянской оперы и положил начало новой виртуозности певцов. Непосредственные его подражатели—Беллини и Доницетти, но косвенно его творчество повлияло и на Мейербера

(в мелодии) и на русских авторов (Глинку), а также на Шопена (в мелодических контурах). В общей сложности, не считая мелких вещей, Р. написано 42 оперы.

Л. Сабанеев.

Россия (*история*). *I. Древняя Русь.* *1. Русь под гегемонией Киева. Вопрос о расселении славян и образовании «Киевского государства».* Современное нам состояние науки и прежде всего лингвистики и археологии требует решительного отказа от старой традиции начинать историю Р. с IX в. Лингвистика ведет нас в глубь веков гораздо дальше и подсказывает новую схему начала русского и восточно-славянского исторического процесса. Старые представления о племенах, населявших восточную Европу, оказываются младенческим упрощенчеством весьма сложного этногонического процесса формирования племен, перекрещивания многих народов и культур. Восточно-славянские племена — это новообразования эпохи расселения человеческого рода, пережившие ряд переломов, распадов и новых объединений (*ср.* XXXIX, 461/65). Археология в лице виднейших своих представителей со своей стороны требует пересмотра старых положений и указывает на памятники материальной культуры в качестве базы для новых построений. Нужно сказать, что некоторые лингвисты старой индо-европейской школы близко подходили уже к правильному решению вопроса о происхождении славянства, указывая на то, что славянский «праязык» (*ср.* XXXIX, 478/80) представляет собой соединение двух языков, из которых один «в своем основании—одно из наречий скифского языка». О непосредственной близости славянства к скифам (*см.*) современная лингвистика говорит с полным основанием. «Отец истории» Геродот, как известно, делит скифов на 5 групп: 1. Туземные племена (каллипиды и алазоны), получившие вследствие соседства с греческими колониями некоторый налет эллинской цивилизации. О них Геродот сообщает, что «хлеб они сеют и употребляют в пищу, равно как лук, чеснок, чечевицу и просо». 2. Скифы-пахари (ἀροτῆρες), живущие к западу от Днепра. Они «сеют хлеб не для собственного потребления в пищу, но для продажи». 3. Скифы-земледельцы (γεωργοί), живущие вверх по Днепру. О них Геродот не сообщает никаких подробностей, но можно думать, что не случайно этих скифов он называет γεωργοί в отличие от живущих к западу от Днепра, которых он называл не совсем обычным термином ἀροτῆρες. Расположенные по близости к греческому крупному центру Ольвии, они раньше были втянуты в греческую торговлю, и, весьма возможно, вели свое сельское хозяйство более совершенными способами. По крайней мере Гезиод связывает термин ἀροτήρ с быком (βοῦς ἀροτήρ). 4. Скифы-кочевники и 5. Скифы царские, занимающие громадное пространство, приблизительно совпадающее с б. Екатеринославской губ. к востоку от Днепра и с южной частью б. Харьковской губ. Они, по словам Геродота, считают всех прочих скифов своими рабами. Описание Геродота наводит на мысль, что сильное племя царских скифов, заняв большую часть наших степей, подчинило себе более слабых кочевников и земледельцев, которые сидели здесь давно и которых застали здесь скифы. Утвердившись на юге Р., скифы образовали государство, просуществовавшее несколько веков. Геродот сообщает ряд фактов из истории этой державы. Поход Дария I на скифов (ок. 512 г. до н. э.) был, несомненно, предпринят в целях ослабления скифского государства, граничившего в это время с персидскими владениями в Азии и на Балканском полуострове.

Встреча скифов с греками (VII в. до н. э.) — это прототип отношений позднейшей Руси с Византией. На Скифию идет нажим сарматов (см. *скифы*), которые в I в. до н. э. делаются хозяевами русских степей и господствуют здесь до IV в. н. э. Вслед за сарматами мы знаем движение кельтов, германцев, гуннов (*см.*), болгар (*см.*), авар (см. *обры*), хазар (*см.*), печенегов (*см.*), половцев (*см.*) и татар (*см.*). Расцвет греческих колоний в Причерноморьи в VI в. до н. э. (*см.* XVI, 571) обусловлен образованием здесь устойчивой политической организации. Торговля с греческими колониями шла предметами дани с подвластного населения (хлеб, кожи, меха) и рабами в обмен на произведения греческой культуры.

Само собой разумеется, что это только контуры грандиозной картины. Здесь важно подчеркнуть, что крупные, известные нам события, развертывающиеся на территории будущей Р., касаются прежде всего созидания и разрушения политических образований, за которыми необходимо различать жизнь той массы, которая, составляя базу хозяйственной и общественной жизни каждого из названных здесь обществ, являлась в то же время объектом всех этих политических перестроек. Ясно, что подвластное всем этим скифам, сарматам и др., вплоть до Золотой Орды, население имело свою собственную жизнь, которую невозможно игнорировать при решении ряда вопросов древнейшего периода истории Р.

Территория, занятая восточным славянством, за много столетий раньше была заселена различными этническими элементами, развивавшимися, смешивавшимися между собою и принимавшими в себя новых пришельцев. Они не исчезали подобно обрам (аварам), если верить старой пословице («есть притча в Руси и до сего дне: погибоша аки обре, их же несть племени, ни наследка»), которая, повидимому, и послужила летописцу исходной точкой для его умозаключения, а претворялись в течение длительной совместной жизни, чтобы дать нам более позднюю и современную картину этнического состояния восточной Европы. Основой культуры этой равнины послужило наследие вековой жизни, спаявшей местные элементы и поставившей их в связь с отдаленными странами не только культурного юга, но и финского севера, и Дальнего Востока через Сибирь, и со Средней Азией по путям караванной торговли. Отсюда и появление торговых пунктов по берегам рек: города геродотовских гелонов, города, упоминаемые Птолемеем по Бугу, Днепру, Дону, Кубани, города Киевщины, Полтавщины, Черниговщины. Иордан (*см.* XXII, 664) уже знает в VI в. в этих местах славян. Они вместе со старым местным населением создают в этой стране свое государство. Так называемая «Киевская Русь» — последнее звено древней исторической цепи и первое — новой.

Под *Киевской Русью* условно разумеется создавшееся к X веку «объединение» восточного славянства и неславянских племен, занимавших восточную Европу, под гегемонией Киева. Понятно, что процесс этого объединения имеет свою длительную историю, для нас не всегда и не во всем ясную. Понятно также, что части, входящие в состав этого объединения, имеют свою собственную историю, которая и вскрывается дальше на примерах Новгорода и Ростовско-Суздальской земли. Но тем не менее, факт гегемонии Киева над весьма значительной территорией обязывает нас не ограничиваться узкими границами одной Украины, а часто выходить за ее пределы. Такое понимание Киевской Руси расширяет границы исследования и в то же время обязывает не забывать разнообразия при-

родных, этнических и исторических условий развития каждой из частей, объединяемых в X—XII вв. главенством Киева.

К IX веку восточные славяне заняли территорию, граничащую на севере приблизительно с Чудским и Ладожским озерами, заходя местами дальше на север, на юге — с Черным и Азовским морями, на западе—приблизительно до Западной Двины, Немана и левых притоков Вислы, на востоке—по течениям Оки и Дона. Эта территория, представляющая сплошную равнину с незначительными возвышенностями, изрезана реками разной величины в различных направлениях.

Два условия — отсутствие естественных преград для передвижения людей и удобные речные пути сообщения — определяли характер колонизации страны и связи с соседями. Разница в природных и климатических условиях определяла темпы и характер развития каждого участка этой большой территории. Археологические находки восточных монет и серебряной посуды на этой территории (*см.* XXXIX, 246/49) дают возможность довольно точно нарисовать пути, по которым проникал на эту равнину азиатский Восток, и хронологию этого движения. Монеты IV—VII вв. довольно редки. Начиная с VII и особенно VIII в. связи с Востоком становятся правильными и постоянными. Наиболее ранние монеты найдены в Пермской губ., куда вел путь из Азии по Волге и Каме. С VIII в. можно указать на несколько путей, связывавших восточное славянство с Азией. Это—путь по Дону, Сейму и Десне к среднему Поднепровью; путь по Волге, Оке, Москва-реке к центру будущего Московского княжества, где тогда уже, повидимому, существовал Ростов; Волгою же — второй путь к Ладоге по Шексне через Белое, Онежское и Ладожское озера, и туда же новый путь — по Тверце и Мсте, через Ильмень по Волхову в Неву и к о. Готланду. К юго-западу от Ладоги отмечены значительными находками арабских монет Псков и Луки. Старая Русса не отмечена ни одной находкой, Новгород стал крупным торговым центром тоже несколько позднее.

Отсюда можно сделать определенный вывод о том, что лет за 150 до утверждения варяжской власти у восточных славян появились восточные монеты. В VIII в. захвачен торговым движением Днепр в среднем течении; одновременно Волгой арабские диргемы проникают в Ростово-Суздальский край и через него далее на северо-запад до Ладоги и Пскова. Большой интерес арабских географов к восточному славянству, о чем говорят многочисленные письменные свидетельства, до нас дошедшие, делается вполне понятным и естественным. На основании тех же археологических находок устанавливается и другой факт: только торговые центры по рекам и на переволоках видели эти диргемы и восточные товары; километров 50—100 в сторону, в лесной глуши, жили массы, не знавшие связи с внешним миром. Об отношениях между городом Киевской Руси и деревней придется говорить еще и в другой связи. Новый наплыв азиатских орд в Европу отчасти подорвал сношения Киевской Руси с Востоком. Благодаря оживлению деятельности варягов (*см.* VIII, 1 сл.) на севере, появился новый путь «из Варяг в Греки», сыгравший столь важную роль в истории того объединения, которое мы несколько условно называем Киевской Русью. Новые связи со странами севера и юга положили свою печать на дальнейший ход истории восточного славянства, одним из ярких показателей чего явилось принятие — после некоторых колебаний в сторону хозарского еврейства и восточно-азиатского магометан-

ства — византийского христианства (см. X, 430, и *раскол*, XXXV, 621/22). Эти новые связи определили надолго и характер нашей историографии. Отец русской истории, автор «Повести временных лет» (см. *летопись*, XXVII, 503/04), знает источники северные, но смотрит на вещи глазами византийца; отсюда у него идут суждения о дунайской «прародине» славянства и оценка отдельных лиц и событий.

Первые вполне правдоподобные известия крупного значения, дошедшие до нас через летописца, говорят об объединении ильменских славян, кривичей (*см.*) и финских племен — веси (см. *весь*) и мери (см. *меря*) — под властью варягов и о таком же объединении на юге и юго-востоке, где поляне (*см.*), северяне (*см.* XLI, ч. 6, 527) и вятичи (*см.*) подпали власти хазар (*см.*). Факт этот записан в летописи под *859-м* годом. Далее между двумя этими политическими объединениями начинается борьба, о чем свидетельствует летописная легенда об Аскольде (*см.*) и Дире. Борьба оканчивается переходом гегемонии к Киеву. Во второй половине X века заканчивается этот процесс формирования Киевской Руси (см. *Киевское великое княжество*, XXIV, 262 сл.). Важно отметить некоторые детали, приводимые летописцем в связи с повествованием о политических событиях на указанной территории, очень хорошо подтверждаемые памятниками материальной культуры. Первый из варяжских конунгов (см. *Рюрик*; ум. 879), утвердившись в Новгороде (862), сажает одного из своих мужей в Ростове и братьев своих (см. *Трувор* и *Синеус*) в Изборске и на Белоозере. В конце X века киевский князь Владимир (*см.* X, 428 сл.) посылает своих младших сыновей, Бориса и Глеба, в Ростов и Муром. Эти факты подтверждают еще раз, как важны были в то время пути, ведущие в Азию и на Запад. Путь, по которому пробирались арабы в греческие города в Крыму, нам точно неизвестен. Весьма возможно, что он шел по Днепру с севера. Во всяком случае у устья Днепра находят сассанидские монеты VI—VII вв., в развалинах Херсонеса — восточные монеты VIII — IX вв. Киевская Русь в X в. во всяком случае имеет большие интересы в Крыму, и договоры Руси с греками 945 и 972 гг. не случайно, выясняя основания взаимных отношений договаривающихся сторон на территории Крыма, в частности выделяют Корсунь (Херсонес). Русский князь обязуется не нападать на Корсунскую страну и не допускать других причинять ей «пакости». Предполагается, что Русь не только может беспокоить Корсунь и его окрестности своими набегами, но и защищать его. «Записка готского топарха» содержит определенное указание на протекторат русского князя на крымской территории.

Время Святослава (*см.*; 942 — 972) и Владимира (*см.* X, 428/32; 980 — 1015) — расцвет политического могущества Киева. Крымские готы и сама Византия неоднократно прибегают к помощи «царствующего на севере от Истра, могучего многочисленным войском и гордого боевой славой» Святослава и затем Владимира. Усиление интереса к Крыму, несомненно, связано с фактом упадка восточных связей и усиления византийских и западных. Летописцу эти связи особенно близки. В своем сравнительно не длинном рассказе об этом периоде он дважды подробно изображает этот новый великий водный путь: «Бе путь из варяг в греки по Днепру и вверх Днепра волок до Ловоти, по Ловоти в Ильмерь озеро великое, из него же озера потечеть Волхов и втечеть в озеро великое Нево, и того озера впадеть устье в море Варяжское и по тому морю ити до Рима, а от Рима прити по тому же морю ко Царюграду, а от Царяграда прити в

Понт море, в неже втечеть Днепр река. Днепр бо потече из Оковьского леса и потечеть на полъдне, а Двина ис того же леса потечеть, а идеть на полунощье и впадеть в море Варяжское; ис того же леса потече Волга на въсток и втечеть семьюдесят жерел в море Хвалисьское. Тем же и из Руси может ити по Волзе в Болгары и в Хвалисы и на въсток доити в жребий Симов, а по Двине в Варяги, из Варяг до Рима... А Днепр втечеть в Понетьское море жерелом, еже море словеть Рускоe...». Летописцу хорошо известен этот узел, откуда расходятся разные дороги, имевшие столь решающее значение для истории Киевского государства.

Могущество этой державы оказалось непрочным. Почти в то же самое время, когда летописец описывал эти пути, слагались события, подготовлявшие их гибель. Торговая Европа во главе с теми же варягами, только западно- и южно-европейскими, нормандскими и сицилийскими (см. *норманны*), начинает прокладывать свои пути на Восток, отбивая монополию восточной торговли у магометан и византийских греков (*см.* XLI, ч. 8, 441/42). Когда главный коммерческий центр греческого востока в 1204 году был взят и разгромлен французскими рыцарями (*см.* XXV,64 и 437), торговая дорога с Востока в Рим стала итти не через Днепр, а через Венецию, и «великий водный путь» на юге уперся в коммерческий тупик. Варягам стало легче связываться с греческими странами другой рекой — Рейном. Этапные пункты на старой большой дороге международного обмена превратились в захолустные торговые села на проселке и почти в то же время были разрушены татарами. Союз рейнских городов, разросшийся в Ганзу, охватил своими конторами всю Балтику; на крайнем северо-восточном конце этой цепи оказался Новгород, один из русских торговых городов, для которого передвижка мировых торговых путей была скорее полезна, чем вредна.

Феодализация и феодализм Киевской Руси. Слова летописца о том, что славяне жили *родами*, относятся к глубокой древности. Отдельные роды, враждуя друг с другом, оберегали в то же время жизнь отдельных своих членов. Родовая месть и коллективная ответственность за преступления в качестве пережитка этого строя известны Русской Правде (*см.*). Частная собственность и вместе с нею классы отсутствовали. Это доклассовое общество существовало на базе низкого развития производительных сил, делавших невозможным выделение отдельных людей из кровного коллектива и требовавших коллективной помощи в труде и защите от всяких опасностей.

В тот момент, когда писалась «Повесть временных лет» (XI в.), на территории главных торговых путей от родового строя остались только пережитки и воспоминания. Далеко в сторону от этих путей продолжали оставаться старые формы общественной жизни. Особенно долго этот строй держался у вятичей. Летописец говорит о них (и о радимичах, *см.*, и северянах), что они жили «в лесех якоже и всякий зверь». Для киевлянина за вятичскими лесами шла страна «залесская», т.-е. земля Суздальская. Владимир Святой (ум. 1015) считал невозможной дорогу прямоезжую через вятичей, а Владимир Мономах (1113—1125; *см.* X, 432/35) уже хвалился, что дважды прошел «сквозе вятиче». В течение XI в. у вятичей нет ни одного города. Таким образом разложение родового строя у славян и процесс феодализации нельзя рассматривать как процесс, равномерно развивающийся по прямой восходящей. В различных местах своеобразные условия то ускоряли,

то замедляли рост производительных сил, разрушавших родовую организацию. Во второй половине IX в., как мы уже видели, поляне, северяне, вятичи и радимичи находились под властью хозар, а ильменские славяне и кривичи с некоторыми финскими племенами — варягов. Завоеватели брали дань с них «по белей веверице от дыма» (ср. *подымный налог*). Дым неизбежно подразумевает индивидуальное хозяйство. Победители в данном случае равнялись по наиболее культурным частям славянства и, подталкивая отсталые племена, способствовали изживанию родового строя.

По очень скудным данным, имеющимся в нашем распоряжении, мы не можем восстановить картину *хозяйства* восточного славянства в период разложения родового строя. Никаких сомнений не возбуждает факт наличия земледелия, охоты, бортничества (см. *борть*) и рыболовства, но вопрос не столько в том, что̀ производили славяне в это время, сколько—какими способами. В этом отношении мы бессильны сказать что-либо точно. Язык дает нам право говорить о том, что рало, соха, плуг не только известны всем славянам, но что соха и плуг филологически, а следовательно и фактически, восходят к скифам. Можно сказать больше,—что эти слова, обозначающие соответствующие предметы, известны в различных социальных слоях скифского общества. Мало вероятно, чтобы эти орудия производства не перешли преемственно к славянам, поселившимся в южных степях. Но что это за орудия, к сожалению, точно сказать мы не в состоянии, так как археологи дают нам образцы этих орудий только с X века. Весьма вероятно, что изображение этого плуга мы имеем на монетах города Пантикапеи (*см.*), где он изображается вместе с головою быка и колосом пшеницы. Это не наш плуг, а античный рыхлитель. Скифская пшеница, добытая в раскопках на Дону, имеется в нашем распоряжении. Известно, что пшеница требует более глубокой вспашки и, следовательно, соответственных земледельческих орудий.

Все эти факты относятся к южным степным пространствам. Что же касается лесных мест (а мы знаем, что и вокруг Киева тогда был «бор велик»), то последние специальные исследования на основании археологических, главным образом, данных приводят к заключению, что родовому строю здесь соответствовала в свое время подсечная система земледелия, требующая больших лесных пространств. Употребление скота в качестве тягловой силы при этой системе не обязательно. Главнейшими орудиями земледелия являются топор для обрубания ветвей, суковатка для боронования и серп для жатвы. Сохи еще нет. Она появляется как дальнейшее развитие суковатки, сначала в виде трехзубой, потом однозубой с железным наконечником. Соха, выросшая в условиях подсечного земледелия, окончательно сложившись, разрушает подсечную систему и дает начало новой форме земледелия. Так появляется на смену подсеки пашенное земледелие, где соха с лошадиной упряжкой делается основным орудием земледельца. Раскопки обнаруживают сошники только с X века, при чем на северо-востоке раньше, чем на северо-западе. На юге пашенное земледелие появилось значительно раньше. Стало быть, приблизительно в IX—X веках пашенное земледелие в лесной полосе восточной Европы побеждает подсеку. С этого времени делается возможным мелкое крестьянского типа земледельческое хозяйство, что при подсеке было невозможно, и это мелкое крестьянское хозяйство становится базой новой общественной формации — феодальной.

«Средства труда не только мерило развития человеческой рабочей силы, но и показатель тех общественных отношений, при которых совершается труд». Понятными делаются и свидетельства византийских и арабских писателей о славянах: свидетельства VI—VII вв. говорят о разобщенности славянских поселений и низкой земледельческой культуре; наоборот, от X в. идут показания совсем другого рода.

Еврейский путешественник X в. Ибн-Якуб сообщает, что славянская земля обильна всякого рода жизненными припасами, что славяне — народ хозяйственный и занимаются земледелием усерднее, чем какой-либо другой народ. Известно также, что в IX—X вв. *лен* был одним из продуктов славянского хозяйства, поступавшим в больших количествах на средне-азиатские рынки через Дербент. Из факта обложения населения данью в виде белок или из летописных сообщений о подарках греческим послам, где меха играли видную роль, наконец из фактов торговли прежде всего мехами, медом и воском нельзя делать заключения, что земледелие в X в. было у восточных славян занятием второстепенным. Если судить по этим признакам и быть последовательным, то нужно будет отрицать господство в Р. земледелия и в XV и в XVI вв., когда меха, мед и воск попрежнему служили предметом вывоза. Гораздо важнее обратить внимание на то, что орудие именно земледельческого производства превратилось в единицу обложения (см. *соха*) даже у самых отсталых славянских племен, что самая главная пища славян с древнейших известных нам времен есть хлеб, самый распространенный напиток — квас, приготовляемый тоже из хлеба. Тот же квас дубит кожи и служит в бане вместо мыла. Отказ от «делания нив» в словах Ольги (*см.*) равносилен, даже для сравнительно мало-культурного племени (древляне; *см.*), голодной смерти, к чему, впрочем, неоднократно вели недороды и полные неурожаи хлеба. Сведений о голодовках и моровых поветриях в результате неурожая у нас очень много, и этот факт ясно говорит нам о том, что земледелие есть основное занятие населения. В полянских и северянских могилах находится рожь, пшеница, ячмень, греча и горох. У нас нет недостатка в свидетельствах, относящихся к X в., что славяне знают соху, плуг, борону и серп. Явные следы именно земледельческого быта сохранились и в древней славянской народной песне, и в религии, и в преданиях.

Некоторое пренебрежительное отношение к способам славянского земледелия, которое можно наблюдать у византийских писателей, гораздо проще объяснить превосходством их культуры, позволявшим им говорить о славянах в известных тонах. А если это так, то фигура земледельца в это время должна быть достаточно популярной.

Охота начинает приобретать характер организованный, по крайней мере у князей и их дружинников. Ольга (945 — 969) устраивает в древлянской, покоренной ею, земле свои «ловища». Дружинники точно так же успели к этому времени освоить места охоты. Под 975 г. летописец рассказывает случай убийства Люта, сына боярина Свенельда, князем Олегом Святославичем в момент охоты Люта в княжеском лесу. Под влиянием спроса на меха охота из мясной превращается в пушную.

Бортничество упорядочивается. Пчел не уничтожают (старая пословица: «не передушивши пчел, меду не есть»), чтобы достать мед, а берегут их. У бортных ухожаев появились свои хозяева.

Что касается скотоводства, то сведений о нем у нас тоже мало. Но по

некоторым из них можно судить отчасти и об этой отрасли хозяйства. Араб Ибн-Даст (X в.) сообщает, что рабочего скота у славян мало, а верховых лошадей имеет только один князь. Однако, можно думать, что сведения Ибн-Даста не точны. Особенно много убедительных сведений по этому предмету содержит древнейшая редакция Русской Правды (*см.*) там, где она имеет случай говорить о деталях в организации крупного хозяйства (*см.* ст. 342/43).

Мы имели случай отметить факт значительной и оживленной *торговли* арабов, а затем варягов и византийцев с восточным славянством. Для истории этого периода торговля имеет очень большое значение, но необходимо указать на то, что эта торговля явилась не результатом известного состояния славянского хозяйства, а была создана главным образом в итоге международных торговых отношений. Она в значительной степени покоилась на внеэкономическом принуждении. Отсюда особенность развития Киевской Руси, отсюда ее *города* (*см.* XV, 632 сл.), часто отличающиеся от феодальных городов обычного типа. Скандинавские саги называют древнюю Русь «страной городов». Ибн-Даст говорит, что «Русь», которую он отличает от славян, вовсе не имеет ни деревень, ни пашен, имея в то же время «большое число городов» и «живя в довольстве». Это последнее «руссы» приобретают своим «единственным промыслом» — «торговлей собольими, беличьими и другими мехами». За свой товар руссы получают деньги. В погоне за покупателями русские купцы доходили до самого Багдада. О торговых сношениях Киевской Руси с Византией мы имеем не только эпизоды, занесенные в русские или византийские хроники, а источник, несравненный с хрониками по своему значению. Это—торговые договоры Руси с греками. Начиная с 907 по 971 г. до нас дошло четыре договора. Это договоры о мире между двумя народами и об условиях мирных торговых сношений. Договор кн. Игоря (*см.*) 945 г. ставит условие, чтобы Русь «не творила бесчиния в селах и в стране» греческой, чтобы купцы входили в город без оружия по 50 человек под наблюдением византийского «мужа»; разрешается пользование банями, выдается «месячина»; для стоянки им отводится место за городом, время их пребывания ограничивается определенным сроком. Греки побаивались Руси, даже приходившей на самом законном основании. По договору 907 г. (кн. Олега; *см.*) русские купцы имеют право беспошлинно закупать товары (в следующем договоре 945 г. эта статья исключена). Представитель царской администрации, «царев муж», просматривает закупленные руссами товары. Он же является и судьей в столкновениях между русскими и греками. Русь возила в Византию меха, мед, воск и челядь. Из Византии русские купцы вывозили шелк, золотые украшения, вазы и др. предметы роскоши. Шла торговля и с Западом. Меха, воск, челядь и шелк Русь продавала в Регенсбурге и в др. местах. У французов в XII в. греческие шелка носили название «soies de Russie». Святослав в 969 г., задумав перенести свою резиденцию на Дунай в Переяславль, объяснял свое желание тем, что тут «вся благая сходятся: от Грек злато, паволоки, вина, овощеве разноличные, из Чех же, из Угорь сребро и комони (кони), из Руси же скора (меха) и воск, и мед, и челядь». Эти предметы торговли лучше всего говорят о ее характере. Невольников добывали на войне; меха, воск и мед — обычные предметы дани, которую князь собирал с подвластного населения. Предметы торга добывались часто открытой силой. Разбойник в купца и купец в разбойника превращались с поразительной легкостью.

Скандинавские саги с беспримерной откровенностью иллюстрируют это положение. «Был муж, — говорится в одной из них, — богатый и знатного происхождения, по имени Лодин. Он часто предпринимал торговые путешествия, а иногда занимался и морским разбоем». Ибн-Даст тоже рассказывает о русских купцах, что они «производят набеги на славян, подъезжают к ним на кораблях, выходят на берег и полонят народ, который отправляют потом в Хазеран и к болгарам и продают там». Самый термин «товар» в это время обозначал военный стан, лагерь, обоз, всякое вообще имущество, деньги, — и только с XIII в. стали пользоваться этим словом в нашем его понимании. Купец, не только русский купец, но и всякий иной, в то время по необходимости должен был быть и воином. Под 1142 г. в Новгородской летописи рассказан случай, когда шведский князь с епископом в 60 шнеках напал на 3 купеческие лодьи, которые шли из-за моря в Новгород. Купцы не только сумели себя защитить, но «отлучиша» 3 неприятельские лодьи и избили до 150 человек врагов.

Признание этого сочетания войны, разбоя и торговли помогает понять некоторые особенности в организации древне-русского города (*см.* XV, 632/38) и его значение для данного этапа в развитии восточно-славянского общества. Торгово-военный город должен был иметь и соответствующую организацию. Делается понятным роль тысяцкого (*см.* XV, 639, и XXX, 291/92), главного командира городских «воев», его близость к князю и его добавочная функция главного судьи по коммерческим делам. Делается также понятной сотенная организация городского купечества, состав и характер городского веча. Торговый город экономически эксплоатировал деревню, очень мало давая ей взамен; но главная политическая сила города находилась в руках феодалов-землевладельцев: князей, бояр, рядовых дружинников.

Если мы заглянем глубже в жизнь общества этого времени, заметим все более растущий интерес к *земле* у князя, его дружинников, церкви. Наиболее старые сведения по этому предмету дает нам Русская Правда, та ее часть, которая носит наименование «Правды Ярославичей». Если время записи отдельных частей, входящих в состав Русской Правды (*см.*), с большими основаниями относится к 1016 и 1036 гг., то относительно возникновения норм этих памятников дело обстоит гораздо сложнее. Несомненно одно, — что здесь мы имеем ряд хронологических наслоений. Древнейшая редакция относится, несомненно, к очень старому времени. Здесь мы имеем сравнительно примитивную структуру общества: рабовладельцы и рабы. Эта «Правда» обещает оберегать жизнь всех членов общества, исключая рабов, 40-гривенной вирой (русин, гридин, купец, ябедник, мечник, изгой и словенин). Эта вставка в старый текст «Правды», вероятно, была сделана в связи с новгородскими событиями 1016 г., когда между варяжской пришлой дружиной и новгородцами произошло кровавое столкновение (*см.* ниже). Ярослав этой вставкой, повидимому, желал дать Новгороду гарантии более мирных общественных отношений. «Правда Ярославичей», записанная около 1036 г., вводит нас в обстановку княжеского домэна. Здесь князь изображен в качестве феодального землевладельца и в то же время рабовладельца. Во всех деталях, сообщаемых Правдой, проглядывает княжеский двор в широком понимании слова, т.-е. жилые и хозяйственные постройки, земля, княжеские слуги разных рангов и положений, эксплоатируемое население — холопы (*см.* XLV, ч. 2, 687 сл.), смерды (*см.* XXV, 442/44), закупы, рядовичи,

изгои (*см.*). Кроме рабов, этого пережитка предшествующей ступени развития, все остальные виды зависимого населения по характеру своей зависимости и формам эксплоатации принадлежали к типичным слоям зависимого населения феодальной вотчины.

Крупное хозяйство этого времени представляется довольно сложным в своей организации. Кроме эксплоатируемого населения, мы видим здесь княжеских слуг свободных: огнищане (*см.*), ездовые, мечники, емцы; и несвободных: тиуны (*см.*), старосты, кормилицы, кормильцы, которые, однако, могут быть и свободными, если они поступают к феодалу по договору, «ряду». Среди хозяйственных построек прямо называются или с очевидностью подразумеваются: клеть, конюшня, коровий двор, хлев, помещение для сена и дров. Называются также следующие аттрибуты сельского хозяйства: рогатый рабочий скот (волы), молочный и мясной, называются табуны лошадей, бараны, овцы, козы, свиньи, голуби, куры, утки, гуси, журавли, лебеди, сено. Домашний рогатый скот тщательно различается по возрастам, что говорит о качественной стороне этого участка сельского хозяйства. Упоминается сельский староста, ратайный староста, поля, разграниченные межами, нерушимость которых закон защищает самым высоким штрафом. Неизбежно предполагается окружающее подвластное сельское население. Ясно различается богатое хозяйство, где зависимые люди на своих господ пашут пашню плугом с воловой упряжкой, и крестьянское, не имеющее возможности приобрести волов и пользующееся лошадью как для сел.-хоз. работ, так и для передвижения. Последняя деталь взята из летописных данных, дополняющих Правду. Само собой разумеется, что очень бедные люди не могли приобрести и лошади.

Житие Феодосия Печерского (*см.*), писанное Нестором, вносит еще несколько важных деталей в эту картину. Отсюда мы узнаем, что владение селами было важнейшим источником благосостояния богатых людей того времени. Сила заинтересованности в этих селах здесь сравнивается с силой любви к детям. Феодосий, спокойно встретивший распоряжение князя о ссылке, объяснял это спокойствие тем, что у него нет в жизни привязанности — ни сел, ни детей. Тут же имеем интересный рассказ о последнем предсмертном собеседовании Феодосия с братиею. Он приказал собрать всю братию и тех, «еже в селех и на иную какую потребу шли», и «нача казати тиуны, приставники и слуги, еже пребывати комуждо в порученей ему службе со всяким прилежанием...» Наконец, здесь же мы имеем упоминание княжеского поля, лежавшего неподалеку от Киева. Что это был не простой пустырь, видно из того, как осторожно обходили его монахи с толпой богомольцев, выбирая место для построения нового храма. Монахи никак не рассчитывали, что князь может им его подарить. Это случилось, по объяснению составителя жития, только особым божьим внушением князю.

Если прибавить к этим фактам сведения о княжеских бортях, принадлежностях охоты и рыбных ловах, этим мы исчерпаем все, что дает «Правда Ярославичей» и близкие к ней по времени составления памятники для характеристики княжеского домэна. Нет никаких оснований думать, что княжеская вотчина отличалась как-либо качественно от вотчины богатого княжеского дружинника или монастыря. Перед нами развернутая картина крупного хозяйства. В этом хозяйстве еще много остатков рабства, но тем не менее это уже феодальная вотчина, так как в ней мы можем видеть все характерные черты феодализма. Некоторая количественная

гипертрофия рабства в Киевской Руси объясняется прежде всего большим спросом на рабов, как на товар, на европейских и азиатских рынках. Феодальные отношения, имея своей основной базой сельскохозяйственное производство, не исключают также ремесленного и мануфактурного труда. Освоение земли более могущественными людьми еще в период разложения родового строя создает, путем внеэкономического принуждения, отношения господства и подчинения, реализуемые в обязанности экономически самостоятельного непосредственного производителя платить своему господину земельную (докапиталистическую) ренту. Чем дальше мы будем следить за эволюцией хозяйства и общественных отношений в этой вотчине, тем больше будем находить в ней черт, отрывающих ее от пережитков родового строя и выявляющих свой подлинный феодальный характер (*ср.* XI, 396 сл.).

К какому времени следует относить появление частной собственности на землю и появление крупного землевладения, сказать точно трудно. На основании истории сельскохозяйственной техники, как мы видели, можно говорить о том, что к X веку вместе с разложением подсечного земледелия ушел в область преданий и родовой строй; стало быть, с этого же времени мы можем говорить и о частной собственности на землю в качестве определяющего признака новой общественной формации.

Для Украины эту дату нужно отодвинуть далеко назад, несмотря на то, что письменные источники начинают говорить о частном землевладении лишь с X века. В половине этого века упоминается село кн. Ольги Ольжичи; Будятина весь принадлежала ей же; сельцо Берестово было у Владимира под Киевом. Для XI века мы имеем по этому предмету достаточно убедительные факты. Кроме ясных фактов, сообщаемых Русской Правдой по этому предмету, нужно указать на сообщения летописи и киево-печерского Патерика (*см.* XXXI, 359). Под 1051 г. отмечен факт землевладения Печерского монастыря, приблизительно к этому же времени относятся сведения о землевладении родителей Феодосия Печерского около Курска. Печерскому монастырю, по сообщению жития Феодосия, землевладельцы жертвовали «села». Под 1096 г. имеется запись о пожаре в Суздале, где погорел и двор Печерского монастыря и церковь «юже бе дал Ефрем и с селы». От первой половины XII в. сведений о княжеском, боярском и монастырском землевладении уже много. Сообщения летописные вполне подтверждают наши наблюдения над княжеским домэном по Русской Правде. Боярские и княжеские села — это центры феодальных хозяйств, часто служащие приманкой для военных и грабительских предприятий различных феодалов, база существования феодала. Лишиться сел, т.-е. населенной земли, для боярина значит лишиться «своих жизней». Эксплоатируется здесь «огневщина» и «смердина», т.-е. рабы и смерды.

Рабы, иначе челядь, холопы, встречаются в этих феодальных имениях в качестве рабочей силы и в качестве товара. Но торговля рабами и рабский труд шли на убыль по мере успехов феодализации общества и развития производительных сил. До оживления великого водного пути из варяг в греки, повидимому, положение рабов было иное, чем с появлением здесь варягов. По свидетельству Маврикия, VI в. н. э., славяне пленных не превращали в рабов, а предоставляли им либо право выкупиться, либо оставаться у них на свободе. Варяги сильно способствовали росту рабовладения на Руси, так как торговля рабами приносила им огромные суммы денег. По Русской Правде рабы находятся в разных

положениях, занимают разное место в производстве, начиная от управляющих княжеским и боярским двором до простых рабов, они же пополняют значительную часть кадров вотчинных ремесленников. Рабов мы знаем и у светских феодалов и у церкви. Последняя начала прекращать пользование рабами в качестве рабочей силы раньше других феодалов, заменяя их крепостным трудом. Общий характер положения рабов в это время на Руси значительно отличает их от римских рабов. У них могло быть и бывало свое имущество, семья, многие из них фактически скорее походили на крепостных, чем на рабов в полном смысле слова. Жизнь раба оценивается в такую же сумму, как и жизнь смерда, с которым они в феодальной вотчине уживались вместе.

Смерд (*см.* XXV, 442 сл.)—несомненный крестьянин, т.-е. непосредственный производитель, владеющий своими собственными средствами производства, самостоятельно ведущий свое земледелие и связанную с ним деревенскую домашнюю промышленность. Смерда мы можем встретить либо свободным, либо зависимым от землевладельцев-феодалов. Освоение земли вместе с сидевшими на ней смердами и должно рассматривать как процесс феодализации, при чем зависимость смердов в этом случае могла быть самой разнообразной. Обычно смерда мы встречаем в качестве плательщика дани; не так ясно выступает перед нами смерд, обязанный земельной (докапиталистической) рентой. Весьма живо и ярко изображен смерд в летописном рассказе о Долобском съезде под 1111 годом. В одном шатре собрались братья Святополк и Владимир Мономах со своими дружинами для обсуждения вопроса о походе на половцев. Чтобы нарушить молчание, Владимир обратился к брату: «Брате, ты еси старей, почни глаголати, яко быхом промыслили о Руськой земли». Святополк ответил: «Брате, ты почни». На это Владимир сказал: «Како я хочу молвити, а на мя хотять молвити твоя дружина и моя рекуще: хощеть погубити смерды и ролью смердом». Оказывается, Владимир заранее предвидит оппозицию дружины, заинтересованной в смердьей пашне. Чем проще объяснить эту заинтересованность, как не тем, что смерды здесь разумеются живущими на землях дружинников и обязанными им рентой? Не на этот ли факт намекает князь Изяслав (*см.* XXI, 513) в 1150 г., обращаясь к своей дружине: «вы есте по мне из Русские земли вышли, своих сел и своих жизней лишився»? В этих селах, как сообщает Татищев, жила «огневщина» (famuli) и «смердина». В «Вопрошании Кириковом» (*см.* XXIV, 149) мы имеем замечание: «а смерд деля помолвих, иже по селом живут»; в XI в. князь Изяслав жертвует новгородскому Пантелеймонову монастырю село Витославицы и смердов; смердов рядом с холопами мы встречаем в летописи; в договоре Новгорода с королем Казимиром 1471 г. смерды прямо называются людьми, зависимыми от своих феодалов-землевладельцев, и рассматриваются на ряду с холопами. Это уже итоги длительной истории смердов, но и по Русской Правде, как было уже указано выше, жизнь смерда расценивалась так же, как и холопья. Русская Правда чаще всего знакомит нас со смердом, принадлежащим князю. Отсюда правило, что в случае бессыновней смерти смерда земля его переходит князю. Дальнейшие успехи феодализации выражались прежде всего в превращении свободных смердов в зависимых и крепостных. Свободный смерд уцелел надолго лишь на севере, где процесс освоения земли крупными феодалами шел темпами сравнительно медленными. От 1375 г. до нас дошла грамота, где упоминаются смерды

в качестве типичных крестьян. «Се докончаша мир в мир с Челмужским боярином с Григорием Семеновичем... староста Вымоченского погосту Артемей... да Шунгские смерды — Иван Герасимов, да Василей прозвище Стойвов Глебовы, да Игнатей прозвище Игоча, да Осафей Перфирьевы дети, да и вси Шунжане...» Соседство с боярином для этих смердов грозит опасностью. В «Слове Даниила Заточника» по этому поводу имеется, повидимому, основанное на обычной практике, предостережение — «не держи села близ княжа села: тиун бо его яко огнь трепетицею накладен, а рядовичи его яко искры; аще от огня устережешися, но от искры не можешь устережцися жжение порт».

Рядовичей, о которых говорит Даниил Заточник, знает Русская Правда в числе населяющих княжескую вотчину слуг. «А в рядовиче княже пять гривен, а в смерде и в холопе пять гривен», то-есть рядович, смерд и холоп трактуются, в смысле размеров штрафа за их убийство, одинаково. Считать рядовича «рядовым рабом», как делают многие исследователи, нет никаких оснований. Рядович — это человек, поступивший в число феодальных слуг по особому ряду — договору. Об этом ряде Русская Правда дает несколько указаний, когда говорит о происхождении холопства. Тот, кто «поимет робу без ряду», делается холопом, «поимет ли с рядом, то како ся будеть рядил, на том же стоит». То же и относительно тиунской или ключнической должности, в которую можно было вступить по ряду или без него. В Уставе Владимира Мономаха имеется указание на рядовича, хотя он там прямо и не называется: «иже работает из робы, свещает цену его пред послухи (это и есть ряд), да отпущается». Рядовичи упоминаются и в XV в. и в том же качестве находящихся на работе в феодальной зависимости людей.

«Предъистория» капитала протекала и здесь так же, как и везде в других странах, в соответствующее время. Обеднение некоторой части крестьянской массы — ее обычный спутник. Нет недостатка в сведениях о том, что многие смерды, вообще небогатые, теряют возможность вести самостоятельно свое хозяйство и вынуждены искать помощи у богатых землевладельцев. От XII в. мы имеем факты, свидетельствующие о том, что богатые люди «прилагают дом к дому, и села к селам, изгои ж, и сябры и борти и пожни, ляда же и старины», что они «имением не насыщаются», но «и свободные сироты (это и есть смерды) порабощают и продают». Обедневший смерд, потерявший возможность вести самостоятельное хозяйство, вынужден бывал делать долги и итти в кабалу, т.-е. продавать свою рабочую силу на самых тяжелых условиях, каких не знает капиталистическое общество. Рядовичи представляют одну из форм подобной кабальной зависимости. Другая, вероятно еще более многочисленная, группа, находящаяся в подобного же рода зависимости, носит наименование закупов.

Закуп (*ср.* XXV, 443) иногда называется наймитом, а самый термин «наим» в то время обозначал %%. Закуп работает на барском поле, барскими орудиями производства, но повидимому имеет и свои орудия, а иногда даже небольшое свое хозяйство. Он отрабатывает %% и до погашения долга не может уйти от своего господина. Это человек, закабаленный при помощи экономического принуждения, но форма его зависимости чисто феодальная. Владимир Мономах, прибывший на Киевский стол в момент восстания должников против своих кредиторов, рядом компромиссных мер ликвидировал восстание (*см.* ниже). Очень выразительным памятником его деятельности этого

периода служит та часть Пространной Русской Правды, которая носит особый заголовок «Устав Володимерь Всеволодича». Не подлежит сомнению, что «Устав» касается прежде всего вопросов о долгах во всех их формах, и, поскольку закуп так или иначе тоже был связан со своим господином долгом, то и закупов. Следы революционного происхождения законодательства о закупах очень заметны. Закупу гарантировано право суда со своим господином и право уходить от него для поисков денег, довольно точно определены случаи ответственности закупа за господское имущество, значительно защищены имущественные и личные права закупа. Бросается в глаза декларативность, рассчитанная на политический эффект, некоторых статей, касающихся закупа: господин может безнаказанно бить закупа только «про дело», отнюдь не «без вины», «не смысля», или под пьяную руку. Закуп имеет право жаловаться в суд на своего господина. Во всех этих гарантиях ясно чувствуется безвыходное положение закупа до восстания 1113 г. и желание законодателя поставить границы, хотя подчас и чисто словесные, господскому произволу. Во всяком случае, закуп юридически находится во временной зависимости от своего господина, фактически в большинстве случаев — вечно. Форма его эксплоатации при этом условии ближе всего подходит под понятие барщины.

Надо думать, так же эксплоатировались и *изгои* (см.). В очень скудных источниках, относящихся к этому предмету, изгои всегда представляются людьми, сидящими на чужой земле и прикрепленными к ней. Князь смоленский Ростислав в 1150 г. передаетво владение епископской кафедры населенную землю: «село Дроченское со изгои... село Ясенское и с изгои». Митрополит Климент (*см.* XXIV, 335) в XII в. в своем послании упрекает богатых людей в жадности к наживе и приводит в доказательство своей мысли факты привлечения на свои земли изгоев.

Необходимо подчеркнуть, что изгойство проделало большую эволюцию. В древнейшей Русской Правде изгой еще пользовался 40-гривенной вирой. Он тогда был выходцем из чужой общины, принятым в новую на равных правах с ее старыми членами. Совсем не то мы видим в XII в., когда изгой оказывается едва ли не на самой низшей ступени социальной лестницы.

Определение Владимирского собора 1274 г. дает понять, что церковь и, конечно, не только церковь в это время изыскивала разные способы увеличения рабочих рук в своих хозяйствах: «Аще ли кто... от нищих насилье деюще или на жатву или на сеносечи или провоз деяти или иная некая». Под нищими здесь проще всего понимать не калек, хромых и слепых, а работоспособных, но обедневших людей, лишенных возможности вести свое хозяйство и тем самым превращающихся в удобный для эксплоатации объект на жатве, сенокосе, по извозу и пр. Собор называет применение труда этих людей «насилием», давая этим понять, что либо труд их оплачивался крайне скудно, либо самый факт найма свободной рабочей силы для данного момента казался явлением малопривычным. Последнее объяснение кажется более правдоподобным. Мы имеем очень интересный пример того, с каким недоверием относилось население к возможности оплаты его труда. Наблюдая постройку киевского Софийского храма, князь спросил тиуна, отчего мало трудящихся у церкви. Тиун ответил: «Дело властельское (т.-е. делается по инициативе людей, облеченных властью), и люди боятся, что будут лишены платы». Тогда князь приказал возить деньги

в телегах под своды Золотых ворот и объявить на торгу, чтобы каждый брал за труд по ногате в день ($35^1/_2$ к. на довоенные деньги). После этого охотников работать нашлось много.

Действительно, о *найме* личных услуг источники Киевской и Новгородской Руси говорят немного; тиун в виде исключения может заключить особый ряд, иначе должность превращает его механически в холопа; наши источники еще несколько раз упоминают о наемном труде: заработную плату получают плотники при ремонте моста, лекарь за свои услуги, швец (портной) за исполнение заказа, ратай и пастух. Этот скрытый зародыш капиталистического способа производства не мог развиться раньше, чем созрели необходимые для него исторические предпосылки.

Города Киевской, Новгородской и Сев.-восточной Руси (*ср.* XV, 632 сл.) либо очень старого происхождения, либо возникают в так называемый Киевский период двумя путями: это либо военные пункты, подобные тем, которые в большом количестве «рубили» первые русские князья, либо княжеская или боярская усадьбы со всеми их особенностями, обрастающие поселками ремесленников и купцов. Многие из крепостей превращались также в ремесленные и купеческие центры. Внешняя торговля, если она проходила через эти города, клала на них свой отпечаток. В Киеве, Новгороде, Пскове, Ростове мы рано можем наблюдать купцов разных национальностей, складочные места товаров, учреждения, связанные с торговлей. Но несмотря на то, что древний город Киевской Руси под влиянием международной торговли приобретал черты города, живущего за счет деревни, в его организации были все элементы обычного средневекового города, где сосредоточивалось выделившееся из деревни ремесло, вырастал рынок и где жило много феодалов. Плотницкий и Гончарный концы в Новгороде (*см.* XXX, 292) говорят об этом очень красноречиво. Если новгородцы слыли хорошими плотниками, то владимирцев ростовцы называют каменщиками. Раскопки, сделанные в Киеве, тоже говорят о наличии ремесленного производства в ранний период существования города. Титмар Мерзебургский (*см.* XVIII, 420/21) передает, что в Киеве в XI в. было 8 рынков (летопись подтверждает существование двух). Из Печерского патерика мы узнаем, что в Киеве в это время были варяги, евреи, армяне, греки, венгерцы. Всех их приводил сюда прежде всего торговый интерес. Житие Феодосия Печерского часто упоминает киевский рынок, где монахи продавали свое рукоделие, чулки, клобуки или шапки и покупали предметы первой необходимости, иногда в долг. В Новгородской летописи записано под 990 годом известие о некоем гончаре, который из подгородной деревни рано утром вез в своем челне горшки на продажу в Новгород. Первый нам известный «старейший» город на северо-востоке Киевской Руси — Ростов — имеет ту же физиономию, что и другие города Киевской Руси. Господствующее положение военно-торгового города по отношению к деревне сказывается в том, что горожанин — купец или ремесленник — считался выше сельского жителя — смерда. Когда Ярослав (*см.*) в 1016 г. в благодарность новгородцам за их военную поддержку оделял их деньгами, то горожанину он дал в 10 раз больше, чем смерду, несмотря на то, что их функции в ополчении Ярослава были совершенно одинаковы. Неудивительно, что слово смерд, особенно для горожанина, стало словом обидным. Как мы уже видели, смерд часто бывал зависимым человеком, чего отнюдь нельзя сказать о горожанине. Городское вече — сила, с которой всегда

считаются князья. В связи с этим характером старого города Киевской Руси образуются и классовые взаимоотношения в нем. Над массой мелких ремесленников и мелких купцов стоит хорошо организованная верхушка бояр (*см.* VI, 386 сл.), духовенства (*см.* XIX, 172 сл.), богатых купцов. Интересы этих представителей господствующих классов не всегда совпадали. Иногда мы можем наблюдать столкновения и внутри боярского класса, и между купечеством и боярством, но чаще всего мы видим борьбу низов с верхами, обострявшуюся по разным поводам — то должники восстают против высоких ростовщических %%, то бедное население города волнуется в виду высоких цен на соль, то по случаю голода меньшие люди начинают «избивать старую чадь». Часто мы можем видеть факты резких классовых столкновений, конкретные и непосредственные причины которых остаются нам далеко не ясными.

Ареной, где чаще всего происходили эти классовые бои, было городское *вече* (*см.* XII, 182 сл., и XV, 633). Нет никаких причин сомневаться в том, что вече есть собрание взрослых горожан, способных носить оружие, а часто и вооруженных, но отсюда не вытекает, что вече было органом городской демократии. Только в отдельных случаях мы можем отмечать вечевые собрания, говорящие от имени городского демоса; и они относятся к моментам революционных движений. В обычной обстановке вечевым собранием в своих интересах руководили господствующие в городе классы. Не даром за всю свою длинную историю новгородское вече ни разу не выбрало на пост посадника или тысяцкого никого из среды ремесленников или купцов, а всегда голосовало за бояр.

Суздальский летописец считает изначальным порядок вечевых решений, когда пригороды подчиняются вечевому решению старейшего города: «на чем же старейшие сдумают, на том пригороды станут». Но это был идеальный порядок, от которого отступали те из пригородов, которые чувствовали за собой силу отстоять независимость своих собственных решений. На вече обычно собирались в порядке городских общественных организаций (концы, улицы), вечевой дьяк записывал решения, которые удостоверялись печатями властей, тут же присутствовавших. Образчики вечевых грамот с печатями имеются в нашем распоряжении. Одной из обычных функций веча был «ряд» с князем. Князья в данном случае в качестве договаривающейся стороны принимали или отвергали предлагаемые вечем условия. Но так было далеко не всегда. Мы знаем не мало случаев, когда сильные князья завладевали городами при помощи своих дружин и садились на княжеском столе помимо воли веча.

В древнейшую пору разложения родового строя *князь* (*ср.* XXIV, 376) был не кто иной, как представитель патриархальной власти. Таких князей-патриархов летописец при случае называет не один раз. Род Кия, по словам летописи, начал княжить у полян, а у древлян были свои князья, у дреговичей свои, свои у новгородских и у полоцких славян (см. *Полоцкое княжество*, XXXII, 528/30). Одного древлянского князя летописец называет по имени, — это Мал, так неудачно сватавшийся за Ольгу; тут же указаны и другие древлянские князья, которые «роспасли древлянскую землю» в противоположность князьям-завоевателям, грабившим ее. В более отсталых местах эти патриархальные князья просуществовали до XII в. Владимиру Мономаху пришлось воевать с князем вятичей Ходотой, которого, однако, летописец уже не называет князем, так как

этот титул утвердился только за членами рода князей-завоевателей, осевших в Киеве и других центрах Киевской Руси. Это уже пришлые князья-варяги (*см.*). Скандинавское их происхождение не подлежит никакому сомнению. Они завладели главными пунктами на торговых путях и таким способом обеспечили себе властвование над населением на огромном пространстве. Основной признак их властвования заключался в собирании с населения дани. Сначала делалось это грубо, бессистемно. Меркой дани было терпение подвластных жителей. Но уже в X в. формы сбора дани начинают упорядочиваться. Ольга (ум. 969) уже устанавливает «уставы и уроки». Князь-завоеватель действовал не один. С ним была его дружина, и вместе с ней он представлял ту силу, которая и покоряла население и защищала уже покоренное от новых завоевателей. Отсюда, прежде всего, и вытекает практика договоров отдельных городов, стоявших во главе значительных территорий, с князьями. В одной более поздней, правда (1307—1308), договорной грамоте Новгорода с князем Михаилом Ярославичем (*см.* XXIX, 105) обнаруживается подлинная природа этих отношений. Новгородцы с укором вспоминают, что князю Федору Михайловичу был дан стольный город Псков и князь, живя там, хлеб ел, а как пошла рать, и он отъехал и город бросил. Не лучше поступил и другой князь, Борис Константинович: ему поручена была Корела, а он Корелу всю истерял «и за немце загонил». Как было указано выше, князья и их дружины в X—XI в. превратились в землевладельцев, и вместе с тем дань незаметно стала заменяться земельной рентой (докапиталистической). Но политическое значение князя, несмотря на ряд отклонений в различных местах, оставалось тем же: это —военный специалист, облеченный властью до тех пор, пока между вечем, его призвавшим, и им самим существует соглашение. Необходимо все-таки помнить, что между самими отдельными княжествами, как и между представителями княжеского рода, существовала иерархия. Отсюда князь Киевский, начиная с Олега (879—912; *см.*) и Игоря (912—945; *см.*), носит название «великого», а остальные князья и «светлые бояре» — это «сущие под его рукою», хотя эта рука и не лишала их значительной доли самостоятельности. Договор Олега с греками составлен не только от имени «великого князя Рускаго», а и от всех, иже суть под его рукою бояр и князей, а в договоре Игоря имеется к этому перечню характерное прибавление: «и от всех людий Руские земли». Чем больше было отдельных князей под рукой великого, тем больше было и значение этого последнего. А второстепенные князья, как и сам великий, в своем стольном городе имели авторитет лишь постольку, поскольку их поддерживало вече.

Основной антагонизм в древне-русском обществе IX—XII вв. выражается в борьбе между землевладельцем и земледельцем, между низшими слоями городского населения и городской знатью, которая в большинстве случаев являлась той же землевладельческой правящей верхушкой.

Источники сохранили нам несколько фактов серьезных классовых конфликтов, в которых обнаруживаются столкновения противоположных интересов классов и отдельных внутриклассовых группировок. Обычно указывают на первое известное нам движение в Киеве 1068 г. После поражения, нанесенного русскому войску половцами, «люди кыевстии прибегоша Кыеву и створиша вече на торговищи». Это вече потребовало от князя оружия и коней, чтоб и

продолжать борьбу с половцами. Князь Изяслав (*см.* XXI, 514), по каким-то неизвестным причинам, отказал, чем и дал повод к восстанию. Вече разделилось пополам: одна половина отправилась освобождать арестованного соперника Изяслава, кн. Всеслава (*см.* XI, 513/14), а другая пошла «претися со князем» Изяславом, который встретил восставших в своем дворе, окруженный дружиной. Князь выглядывал из окна, а внизу стояли восставшие. Дружинники видели опасность и указывали князю: «видиши, княже, людье взвыли», и предлагали послать кого-нибудь для охраны Всеслава. Но было уже поздно. Всеслава уже успели освободить, и вече ввело его в княж-двор. Изяславу пришлось спасаться бегством в Польшу. Богатство Изяслава было разграблено—«бесчисленое множество злата и сребра, кунами и белью». Через 7 месяцев Изяслав вернулся с польской военной помощью (он был женат на сестре польского короля Казимира) и жестоко расправился с восставшими: 70 человек «чади», участвовавших в освобождении Всеслава, было казнено, «а другыя слепиша, другыя же без вины погуби, не испытав». Наступила очередь бежать Всеславу. Вот и все, что рассказывает летопись. Тут далеко не все ясно. Кто собственно встал против князя? Какие слои киевского общества? Несомненно только, что это была «чадь», «людье», т.-е. низшие слои населения, что они «грабили» княжеское имущество. Эта терминология употребляется летописцем применительно к массам, к низшим слоям киевского населения. Из дальнейших киевских событий, способных несколько осветить эту сторону дела, можно указать на факт перемены политического курса кн. Всеволода (*см.* XI, 498/99), сидевшего на киевском столе (1078—1093) по смерти Изяслава. Он был тогда уже стар и в старости «нача любити смысл уных, совет творя с ними». Из противопоставления «уных» «первой» дружине видно, что Всеволод окружил себя людьми новыми, приблизил к себе более демократичные слои киевского общества, которым летописец не сочувствует. Он сообщает, что «начаша ти унии грабити, продавати люди». Грабити и продавати здесь значит облагать налогами и пенями (в Псковск. летописи имеем, например: «насиловаху и грабяху и продаяху их поклепы и суды неправедными»). Новые люди, ставшие у власти, изменили старые обычаи, и князь этому стал сочувствовать. С этим фактом следует сопоставить отмену остатков родовой мести и замену их денежным индивидуальным штрафом — реформа, относящаяся к этому же времени (древнейшая редакция Рус. Правды). Заканчивалось разложение старой патриархальной организации, на сцену выступали новые общественные формы, новые люди, с новыми, более жестокими приемами эксплоатации массы, что и не замедлило вылиться в более отчетливые формы протеста. Под 1113 г. в летописи излагаются события с большой яркостью. После смерти Святополка (*см.* XXXVII, 576) «кияни разграбиша двор Путятин тысячьского, идоша на жиды и разграбиша я» (*см.* X, 433). Собравшееся вече обратилось к Владимиру Мономаху с приглашением на киевский стол. Посланные сказали князю: «Поиди, княже, Киеву; аще ли не поидеши, то веси, яко много зло уздвигнется, то ти не Путятин двор, ни соцьких, но и жиды грабити, и паки ти поидуть на ятровь твою и на бояре и на манастыре, и будеши ответ имел, княже, оже ти манастыре разграбять». Мономах явился и путем ряда мер установил мир. «Устав Володимирь Всеволодича» (*см.* выше, 351, несомненно, связан с этими событиями, и его содержание помогает

нам понять их сущность. По смерти Святополка, говорится в Русской Правде, Владимир Всеволодович созвал дружину свою на Берестове и на съезде постановили: кто занял деньги по 50% годовых, то проценты эти можно брать только 2 года и затем уже искать лишь капитала, а кто брал такой процент 3 года, тому не искать и самого капитала. Дальше делается попытка урегулировать различные возникающие из долга отношения. Много места отводится закупу, тоже через ссуду попадавшему в зависимость к своему господину. Несмотря на то, что этот «Устав» писан с очевидной целью успокоить восставшую массу, едва ли можно сомневаться в полной реальности отображения в нем положения низших классов общества. Те же отношения мы можем встретить и в Новгороде и во Владимире. В 1136 г. в Новгороде происходят крупные события, когда городские низы избивают бояр и революционное вече изгоняет князя, между прочим за то, что он «не блюдет смерд»; в 1174 году во Владимире дело начинается убийством князя Андрея (*см.* III, 102/03), представителя новой политики, нам уже известной на примере киевского князя Всеволода, после чего горожане разграбили дом княжеский, золото и серебро, одежды и драгоценные ткани, домы посадников и тиунов. Приходили грабить даже и крестьяне из деревень. Все эти движения показывают, что масса населения, зависимая от феодалов и торгового капитала, в городах выступает против этого гнета, при чем обычно выступает с какой-нибудь из враждующих между собою групп, лишь в некоторые только моменты поднимаясь до самостоятельных выступлений. Нельзя забывать, что в древне-русских «республиках» господство патриархальной аристократии в итоге сменяется новой феодальной верхушкой и аристократией капитала, но процесс этот идет через короткий период, когда хозяином русских городов является демос. Этот период падает на первую половину XII века приблизительно, с некоторыми незначительными отклонениями для различных центров, объединяемых властью Киева.

Перемена во взглядах княжеской власти на свои права и обязанности, поиски иных путей и методов властвования, обострение внутренних противоречий в городе и деревне — все это признаки роста производительных сил внутри страны и в то же время *упадка* старых форм жизни, связанных с гипертрофией внешнего рынка, с поисками новой дани, превращавшейся в товар лишь в руках завоевателей. Перед нами, несомненно, прогрессивные явления в области экономики, и тем не менее они и логически и хронологически связаны с так называемым «упадком» Киевской Руси. Этот «упадок», столь же условный, сколь и несомненный, не может быть объяснен без учета международных отношений, в которые втянуто было восточное славянство и которые и дали своеобразный эффект в форме Киевского государства. Пока Днепр и Волхов служили оживленной дорогой для европейской и азиатской торговли, города, стоявшие на этом пути, росли и процветали. Но когда с XII века Европа проложила новые, более удобные пути, старые торговые центры по великому водному пути стали заметно глохнуть. С IX по XI в. Русь не только справлялась со всеми внешними опасностями, но и сама вела успешное наступление в разных направлениях, особенно на восток и юг. С конца XI в. картина сильно меняется. Половцы (*см.*) начинают одолевать. Но прежде чем испытать последний и решительный удар от татар, Киев в 1169 г. перенес разгром

от собственного князя, несколько раньше перед тем переселившегося на северо-восток. Андрей Боголюбский (1157—1174; *см.*) живет во Владимире (см. *Владимирское великое княжество*, X, 427). Перед ним стоят иные политические задачи, чем перед старыми киевскими князьями. Он имеет целью сохранить за собой господство на путях из Новгорода в Поволжье. Он стремится сажать своих сыновей на Новгородском столе, дважды захватывает Новый Торг, (см. *Торжок*), этот ключ-город на торговом пути из Новгорода на «низ», начинает наступать на новгородские колонии «Заволочье» (*см.*), отнимает у них северные дани и торговые пути. И снаряженный им знаменитый поход на Киев (*см.* III, 102) вызван столкновением с Киевом из-за господства в Новгороде. Его брат Всеволод «Большое гнездо» (1176—1212; *см.* XI, 497/98) продолжает ту же политику. Киев остался в стороне. Южному поэту («Слово о полку Игореве»; *см.*) ничего не оставалось больше, как бросить Всеволоду заслуженный упрек: «Ни мыслию ти прилетети издалеча отня стола поблюсти».

С конца XII в. ярко очерчиваются новые политические единицы, корнями уходящие в Киевскую Русь — Украина (*см.*), Новгород Великий (*см.*) и Ростовско-Суздальская земля (см. *Суздальское великое княжество*). Каждая из них продолжает свою особую историческую жизнь. Татарское завоевание (см. ниже), ускорившее назревание процесса превращения древней Руси в деревенскую феодальную страну, где городу отведено было более скромное, зато и более прочное место по сравнению с X—XI вв., ставит нас прежде всего перед фактом разрушения городов. И больше всего это относится к «матери городов русских», Киеву. Последний удар, нанесенный этому городу (1240), надолго лишил его возможности подняться из своих развалин.

С начала XIII в. значительную роль в делах Киевского государства начинают играть галицкие князья, стремящиеся завладеть Киевом, связать его судьбы с *Галицко-Волынским княжеством* (*см.* XII, 369), и ко времени татарского нашествия мы видим в Киеве уже галицкого наместника. Во второй половине XIII века князья систематически не живут в Киеве, потому что им здесь нечем стало жить; представителем города Киева в это время является староста, отстаивающий в Орде интересы своего города. То же относится и к главе русской церкви, киевскому митрополиту, который переселился во Владимир. Другие города оправились сравнительно быстро. Особенно это необходимо подчеркнуть относительно городов правого берега Днепра по Бугу и Роси. Но нужно сказать, что татары «били и мучили» главным образом представителей высших классов общества, сельское население и городских ремесленников они мало трогали, заставляли лишь платить в свою пользу дань. Летописец сообщает нам по этому предмету любопытную подробность относительно Болоховской земли. Татары не тронули здесь сельского населения, «да им орють пшеницю и просо». Галицкий князь Владимир Василькович (1269—1289) в 80-х годах XIII в. в своем завещании отписал жене своей город Кобрынь «с людьми и з данью»: «Како при мне даяли, тако и по мне ать дають княгине моей», поясняет князь. То же и относительно села Городел, которое он передает «с мытом». И здесь князь распоряжается: «Людье како то на мя страдали, тако и на княгиню мою по моем животе». Эти факты относятся к Галицко-Волынской земле, где, как мы видим, феодальные отношения продолжают существовать и разви-

ваться (см. *Галицкое княжество*, XII, 367/76). Крестьяне всех категорий эксплоатируются по-прежнему, торговые пошлины продолжают поступать в казну феодала. Галицко-Волынское княжество связывается экономически и политически с Литвой, Польшей и через них с Западной Европой. Папа Римский утверждает за Галицким князем титул короля. Отношения между этим королем и феодальным боярством, с одной стороны, и феодальными городами, с другой, носят типичный характер борьбы феодального боярства с центральной властью, которую поддерживает торговый капитал. Очень яркий пример этих отношений дает нам Ипатьевская летопись, описывая борьбу Даниила Романовича (1211—1264) за Галич (*см.* XVII, 568/70). Бояре-феодалы не хотели Даниила; горожане, наоборот, обнаружили себя яркими его сторонниками, «любяхуть же и гражане». Когда Даниил приблизился к городу, горожане бросились к нему, «пустишася яко дети ко отчю, яко пчелы к матце, яко жажющи воды ко источнику». Епископ Артемий и «дворьский» Григорий пытались было удержать их, но, убедившись в своем бессилии, пошли, скрепя сердце, вместе с горожанами: «изыдоста слезныма очима и ослабленомь лицемь и лижюща уста своя». Им не оставалось ничего больше, как обратиться к князю: «Прииди, княже Данило, прими град». Бояре вынуждены были следовать примеру своего епископа и просить прощения у князя. Беспрерывные феодальные войны, таможенные перегородки между владениями феодалов мешали торговому капиталу развивать свою деятельность. Отсюда сочувствие и поддержка купцами князя Даниила Романовича в его объединительной политике и ожесточенная борьба его с боярством. Князь Данило, победитель Галича, живет, однако, не в нем, а в новом городе Холме, им самим построенном, так как в старом городе нелегко было уживаться даже с побежденным боярством. Точно так же поступил и Андрей Боголюбский и — гораздо позднее — Иван Грозный. Города Галицко-Волынского княжества, опираясь на поддержку князя, начинают освобождаться от власти феодалов и получать право на самоуправление,— явления, очень хорошо знакомые западно-европейским городам в период феодализма. Купцы в этих городах, однако, еще не создают нового способа производства. Их коммерческие операции покоятся на скупке продукции крестьянского и ремесленного труда. Последний быстро развивался, впитывая в себя технику как соседних западных стран, так и принесенную с востока татарами. В XIV в. Галицко-Волынская земля и другие украинские земли (в т. ч. Северская, см. *Северское княжество*, XLI, ч. 6, 523/24) попадают под власть Литвы и Польши, где под новой властью, по существу такой же феодальной, идет дальнейшее их развитие (см. *Украина*, XLII, 134 сл.).

2. Новгород Великий. Одна из наиболее серьезных причин упадка Киева — передвижка международных торговых путей — в северной, волховской части великого водного пути из варяг в греки сказалась в усилении и расширении торговых связей и с европейским Западом и с азиатским Востоком. Оживление балтийской торговли, образование Ганзейского союза и одного из важнейших его пунктов на острове Готланде (Висби) явились для Новгорода новым фактором его дальнейшего роста (*см.* XIII, 529/30). Памятниками успехов балтийской торговли Новгорода являются договоры Новгорода с немцами, из которых древнейший, дошедший до нас, относится к 1195 г., и торговая переписка ганзейских купцов с Новгородом, от-

куда выясняются размеры и характер торговли ганзейских городов с Новгородом (*см.* XXX, 285). Нужно к тому же сказать, что Новгород имел ряд преимуществ перед Киевом уже в период варяжско-греческой торговли: одним из самых дорогих товаров, шедших на заграничные рынки, была, как известно, высокого качества пушнина, которой в Приднепровьи не было и быть не могло. Все лучшие пушные породы водятся лишь на севере. Южный летописец с удивлением слушал и записал сказание, слышанное им от ладожских стариков, ходивших за Югру и за Самоядь. Они видели там тучи, из которых валились то веверицы младые «яко то перво рожены», то «оленци мали», которые потом начинали расти и расходиться по земле. Это та самая Югра, которая прекрасно знала новгородцев, приходивших сюда за соболями и серебром, и которой хитростью удалось в 1193 г. перебить всю новгородскую экспедицию. Не удалось только отстоять свою независимость: Югра рано значится в числе новгородских колоний. Тот же летописец слышал рассказ новгородца Гуряты Роговича, который имел связи с Печорой, уже тогда, т.-е. в конце XI в., обязанной данью Новгороду. Посланный от Гуряты на Печору отрок успел побывать и в Югре, которая, как он убедился, соседит с Самоядью. Югра сообщила отроку, что в горах года три тому назад стал слышаться «клич велик и говор»: люди, заключенные в горах, «секут гору, хотяще просечися». Через просеченное оконце эти люди меняют железные изделия на меха. Сказания во всех отношениях интересные. Они ясно говорят о старых интересах Новгорода на далеком северо-востоке. И делается вполне понятным широкий размах новгородской колониальной политики. Древнейшая из дошедших до нас новгородская договорная грамота 1265 г. в перечне волостей новгородских называет «Волок со всеми волостьми, Торжок, Бежице, городок Палиць, Мелеча, Шипино, Егна, Вологда, Заволочье, Тре, Перемь, Печора, Югра», т.-е. охватывает громадные северные пространства, простирающиеся на восток за границы Урала. Колонизаторами были, главным образом, бояре со своими дружинами (см. *ушкуйники*), совершавшие далекие походы за данью, в их руках превращавшейся в товар. Шла колонизация и мирным путем: крестьянские коса, топор и соха захватывали новые земли, где крестьяне и оставались в качестве новых насельников края среди финских племен до того времени, когда боярская рука ложилась и на них, превращая их в подданных в буквальном смысле слова, т.-е. в плательщиков дани. В дошедшей до нас грамоте 1137 г. кн. Святослава Ольговича св. Софии называются 27 княжеских населенных пунктов к с.-в. от Онеги, до Белого моря и Пинеги. Население этих земель должно было давать определенные суммы денег на содержание Софийского храма. Чем ближе к Новгороду и его пригородам, т.-е. городам, лежавшим на новгородской территории и зависимым от главного города, тем гуще располагались боярские вотчины, полностью осваивавшие себе населенную смердами землю. Стремление новгородского боярства к захвату новых земель объясняется тем, что в этих землях были неистощимые богатства, спрос на которые рос на рынках Европы и Азии. Сюда, на север, стремились и ближайшие соседи Новгорода, князья суздальские и камские болгары. На этой почве между Суздальской землей, Новгородом и болгарами рано началась конкуренция и вражда. Ряд условий, однако, заставлял их поддерживать худой мир. Большой город, каким был Новгород, не мог прокормиться своим хлебом и постоянно нуждался в привозе с

«низу»; нужен Новгороду был и свободный путь через Суздальщину для своих товаров. С другой стороны, торговый капитал низовой земли дорожил связью с Новгородом, посредником в торговом общении с Западом. Долго шла глухая борьба, окончившаяся в конце XV в. победой низа. Нельзя забывать, что через Суздальскую землю лежала очень важная для всех русских земель торговая дорога в Азию, откуда через Каспийское море Волгой шли товары, и прежде всего шелк, и куда отправлялись русские товары (рабы, лен и др.). Не случайно в Новгороде мы встречаем «Хопыльский ряд» и «хопыльских» купцов. Если к этим благоприятным для Новгорода условиям присоединить, что его не коснулся или очень мало коснулся татарский разгром, что он принужден был только платить победителю дань наравне со всеми русскими землями, то мы не будем удивляться процветанию Новгорода и после того, как южная часть великого водного пути из варяг в греки потеряла свое значение. Вполне понятным делается, что именно Новгород после Киева унаследовал «старейшинство во всей Русской земле», продолжавшееся до момента, когда он должен был склонить голову перед новой силой, выросшей в бассейне Оки. Несмотря на то, что целый ряд условий, способствовавших развитию городов по великому Днепровско-Волжскому пути, объединял север и юг, несмотря на то, что, как мы уже видели, в основном экономический, социальный и политический строй Киева и Новгорода был один и тот же, все же особенности положения сообщили Новгороду и его пригородам свой особый отпечаток.

Трудно разобраться в далеком полулегендарном прошлом этого города. Несомненно одно, что выгодное расположение рано сделало его центральным пунктом полуразбойничьей торговли варяжских викингов. Отсюда они овладевали всем водным торговым путем до самого юга. Но даже и тогда, когда главная стоянка князя с дружиной была перенесена в Киев, Новгород не переставал играть важную роль как крупнейшее звено на северном конце великого водного пути. Сюда посылались из Киева в качестве посадников самые близкие к киевскому князю люди, быстро, однако, сраставшиеся с интересами этого города, умевшего отстаивать свою независимость. Связь между Киевом и Новгородом внешне поддерживалась общностью власти, платежом в Киев дани «мира деля», но это не мешало ему жить и своей собственной жизнью, особенно расцветшей после упадка Киева. Когда из летописных рассказов мы узнаем, что Ярослав, будущий Ярослав Мудрый (*см.*), будучи новгородским посадником Владимира Святого, подготовляет освобождение от власти Киева, что тот же Ярослав с новгородцами ведет успешную борьбу с братом и выгоняет его из Киева, то мы должны представлять себе дело значительно сложнее: за действующими лицами, изображаемыми в летописи, необходимо видеть вполне конкретные и реальные общественные силы Новгорода, интересы которых выливались в действиях этих лиц. В летописи дело изображается так: Ярослав отказал (1014) в платеже дани Киеву (2.000 гривен ежегодно). Киевский князь, в данном случае отец Ярослава Владимир, собирается в поход против Новгорода. Смерть помешала исполнить его намерение. В это же время в Новгороде было сосредоточено много собранных Ярославом в виду военной опасности варягов, которые неосторожно позволили себе «насилие деяти на мужатых женах». Изложение дальнейших событий весьма неясно: «новгородцы» ночью, воспользовавшись отсутствием в городе Ярослава, перебили варягов. Вернувшийся Яро-

слав разгневался на «гражан», собрал «вои славны тысящу», «обольстил» тех, кто участвовал в варяжском погроме, и часть их перебил, а часть бежала из города. В эту же ночь пришло известие о смерти Владимира Св. и о вокняжении Святополка (*см.*), предварительно избившего своих братьев. Утром Ярослав созывает остаток «новгородцев» на вече, произносит покаянную речь по поводу «в безумии» учиненного им избиения «новгородцев» и просит «новгородцев» помочь ему справиться с братом. Вече решило его поддержать. Собралось войско, на $^3/_4$ состоявшее из «новгородцев» и лишь на $^1/_4$ из варягов, с помощью коего он и утвердился в Киеве (1016—1054). В благодарность за помощь Ярослав прежде всего вознаградил воев своих деньгами — «старостам по 10 гривен, а смердам по гривне, а новгородьчем по 10 гривен всем», затем отпустил их домой, снабдив их грамотой, тут же названной иначе «правдой и уставом», за чем в летописи непосредственно следует «Правда Русская» древнейшей редакции. Этот факт помещения, вслед за приведенным летописным рассказом, «Русской Правды», казавшийся многим исследователям бессмысленным, имеет для нас исключительное по важности значение, так как помогает нам хотя бы отчасти разобраться в сущности происходивших событий, столь мало вразумительно изображенных летописью. Не приходится сомневаться, что «Русская правда» есть уставная жалованная грамота, прототип позднейшей уставной Двинской (*см.* XVII, 43/45) и, может быть, многих других, до нас не дошедших. Всякая такая грамота имеет целью зафиксировать права и обязанности различных общественных классов или внутриклассовых группировок. Если мы всмотримся в содержание этой «Правды», то прежде всего заметим, что в ней зафиксирована победа над родовым строем: ограничен круг мстителей, месть поставлена под контроль власти, установлен денежный штраф вместо мести, возложена ответственность за преступления на личность преступника вместо ответственности родовой общины, известной еще Маврикию (VI в. н. э.) и в виде пережитка сохранившейся в дикой вире (*см.*). В древнейшей Правде мы видим и другие старые пережитки, которые еще продолжали уживаться с новыми общественными отношениями. (О вставке, сделанной в «Правду» в связи с новгородскими событиями 1016 г., *см.* выше, 342). Кто мог быть заинтересован в укреплении этого нового строя? Несомненно, новые феодалы, столкнувшиеся со старой патриархальной аристократией. Эти новые люди вышли частью из местной новгородской среды, частью появились в Новгороде пришельцами и прежде всего из соседней Скандинавии (варяги). В этом аспекте, повидимому, только и можно понимать события 1016 года. Перед нами один из крупных эпизодов борьбы двух укладов, осложненной национальною враждою, в основе базировавшейся на противоречии интересов старой родовой знати и новой, крепнувшей на почве развивающейся торговли. В эту борьбу втягивались и другие классы, еще недостаточно сильные, чтобы действовать самостоятельно, но очень удобные в качестве средства борьбы в руках верхов новгородского общества. Эта борьба велась в течение двух приблизительно столетий и окончилась тем, что патриархальная аристократия вынуждена была уступить место новой феодальной знати. Один из этапов этой борьбы характеризуется очень заметным усилением значения городских низов, ремесленников и мелких купцов. Летописные новгородские источники указывают нам на 30-е и 40-е годы XII в., как на поворотный момент в этой истории. Под

1136-м годом новгородский летописец записал очень интересные факты, не всегда поддающиеся точному анализу, но все же способные ввести нас в самые подлинные отношения классов и внутри-классовых группировок между собой. В 1136 г. новгородские общественные низы ведут агитацию в самых крупных пригородах новгородских — Пскове и Ладоге — против своего князя Всеволода. Необходимость этой агитации объясняется силой политической партии, на которую опирался Всеволод. Однако, противникам Всеволода удалось собрать вече в достаточной степени солидарное, чтобы привести в исполнение основную задачу — изгнание князя. Он был арестован со всем своим семейством, посажен в «епископль двор», где и просидел 2 месяца, стерегомый день и ночь стражей по 30 человек «с оружием». Эти подробности говорят о том, что епископ оказался на стороне восставших против князя, как подтверждается и тем, что он оставался на месте до своей смерти, между тем как все высшие должностные лица старой власти были смещены и многие пострадали, что усиленная охрана в надежной крепости (епископль двор был тогда уже массивным каменным сооружением) имела целью воспрепятствовать сторонникам князя, которых было много, освободить его. Драма развертывалась в очень сложной обстановке. Обвиняли князя в том, что он «не блюдет смерд», хотел покинуть Новгород для Переяславля, показал себя неумелым на войне и в дипломатии. Положение нового князя Святослава Ольговича оказалось тоже очень трудным. Не поладил он с епископом, с одной стороны, с другой — сторонники старого князя устроили на Святослава неудавшееся покушение («стрелиша князя милостивци Всеволожи, но жив бысть»). К старому князю бегут из Новгорода многие «добрые мужи», т.-е. представители господствующих классов. В самом Новгороде идет движение, и «добрые мужи» сделали попытку вернуть князя Всеволода (послали ему тайно весть: «пойди, княже, хотять тебя опять»), но в своих расчетах ошиблись, потому что когда узнали об этом «людье», «мятеж быть велик Новгороде» и стали «людье» грабить дома эмигрантов-бояр, обложили бояр, сторонников Всеволода, контрибуцией в 1.500 гривен и отдали ее купцам для подготовки к войне. Не следует забывать, что новгородцы в это время термином «купцы» называли все городское население, исключая правящие городские круги (об организации купеческих сотен *см.* XXX, 287/88). Тут многое неясно, но несомненно обнаруживается резкое столкновение некоторой части бояр и «людей», к которым примыкают и купцы. Весьма возможно, что Всеволод был представителем той же политики, которую проводил несколько позднее Андрей в Суздальской земле, Всеволод в Киеве (*см.* выше, 359/60).

После этих событий мы можем наблюдать в политическом строе Новгорода ряд крупных перемен: все высшие должности стали выборными (епископ, посадник, тысяцкий), князь потерял всю свою землю, которая перешла к св. Софии, превратившейся из княжеского храма в вечевую святыню, оплот власти веча; все функции князя попали под самый мелочный контроль верховного веча. Князь вынужден был переселиться из города на Городище. Это положение князя в Новгороде не могло не затрагивать интересов соседних княжеств, связанных с этим окном в Европу, и они пробовали, правда неудачно, общими усилиями восстановить старое положение; и только в 1196 году «вси князи выложиша Новгород в свободу», т.-е. вынуждены были признать за ним ряд особенностей, характерных для городов этого типа. Такой порядок установился в Нов-

городе, как и во всех больших торговых городах средневековой Европы. Всюду необходимость более прочной торговой организации приводила к тому, что низшие классы населения, в феодальных имениях приниженные, в городе приобретали некоторую свободу; так образовались и французская коммуна, и немецкие городские общины, возникло так называемое Магдебургское право с разными привилегиями для горожан, и т. д. (см. *город*, XV, 628 сл., 638). Наоборот, сельское население Новгородской области эксплоатировалось больше, чем в других частях Руси, именно благодаря тому, что Новгород в своем экономическом развитии шел впереди.

В 1209 г. в Новгороде снова обострилась классовая борьба. На этот раз вызвал восстание низов новгородский посадник Дмитр Мирошкинич и его братья, очевидно захватившие в свои руки власть в городской республике. Восставшие обвиняли Дмитра и его братьев в том, что они «повелеша на новгородцах серебро имати, а по волости куны брать, по купцам виру дикую и повозы возити». Разграблены были их дворы и двор отца их Мирошки, села их распродали, и челядь, имущество движимое отобрали, а избыток «разделиша по зубу, по 3 гривны по всему городу», векселя (доски) передали князю. Их оказалось «бесчисла». Многие тайно хватали и «от того разбогатеша». Дмитра самого убили. Труп его привезли его сторонники в Юрьев монастырь для погребения, но враги пытались не допустить этого и «хотяху с моста сврещи». Только епископ Митрофан убедил их не делать этого. Князь, повидимому, был бессилен что-либо предпринять, обещал по требованию восставших выслать детей дмитровых и его близких, у которых при этом тоже отбиралось серебро «бесчисла». Перед нами захват власти крупнейшими капиталистами в городе, злоупотреблявшими своей властью, — факт, имеющий много аналогий в жизни итальянских городских республик (см. *Венеция*, *Флоренция* и др.), только в Новгороде в данном случае не удавшийся. Следы властвования Дмитра и его сообщников сказывались и позднее. Разбежавшиеся из Новгородской земли смерды переманивались на старые места 15—20 лет спустя после убиения Дмитра; для тех, кто оставался на старых местах, восстанавливались старые порядки «прежних князей». Демократический характер новой власти сказывается и во всем поведении Мстислава Удалого, князя Торопецкого (*см.* XXIX, 390/91), заменившего в Новгороде суздальских князей, поддерживавших Дмитра и его политический курс. В промежутках между своими блестящими походами он является перед нами в роли устроителя внутреннего порядка, что обычно сопровождается у него «скованием» богатых новгородцев и конфискацией у них имущества, которым он пользуется для общественных целей. При его поддержке избран был и владыка Антоний (в миру Добрыня Ядрейкович) на место изгнанного Митрофана, сторонника Дмитра. Совершенно определенно известно, что за Антония стояла «простая чадь».

Еще ярче обнаружилась классовая рознь в Новгороде в 1255 году, в момент наступления Александра Невского (*см.*) на Новгород. «Целоваша св. Богородицю *меньшии*, яко встати всем, любо живот, любо смерть, за правду новгородскую, за свою отчину». В то же время «бысть в *вятших* совет зол, како победити меньшии, а князя ввести на своей воли». Дело было решено компромиссом. Князь не решился итти против меньших и ограничился лишь отставкой их посадника. Так незаметно орудие в руках борющихся двух слоев господствующего класса превращается в самостоятельную политическую силу, которой, правда, и на этот раз не-

долго пришлось пользоваться завоеванным положением.

Если не считать отдельных попыток боярства восстановить свое старое положение, попыток, иногда и удававшихся, то можно считать, что с средины XII и до конца XIII века хозяином в Новгороде стало демократическое *вече* (*см.* XXX, 289). Это была демократия купцов и «черных людей» (мелких торговцев и ремесленников; *см.* XXX, 287/88). Очень характерные факты сообщаются летописцем, когда он повествует о событиях этого времени. Он находит необходимым заносить на страницы своего повествования имена людей без отчеств, т.-е. людей простого происхождения, не стесняется рядом с боярами ставить в качестве общественных деятелей ремесленников, котельников, щитников, опонников, серебренников, кожевников. Люди «молодшие» сопровождают князя Ярослава во время его временной отлучки из Новгорода. В это время, несомненно, сложилось и правило, попавшее с некоторыми дополнениями в Новгородскую судную грамоту (*см.* XLI, ч. 5, 234/35): «Судити всех ровно, как боярина, так и житьего, так и молодчего человека». Не следует, однако, думать, что это была демократическая республика в полном смысле слова. Во главе Новгорода в качестве выборных должностных лиц стоят попрежнему бояре, только не те, кто руководил политической жизнью раньше, и не одни, а в окружении представителей демоса. Перед нами развертывается сложная борьба низов против боярства, давно потерявшего внутреннее единство. Древнейшая из дошедших до нас договорных грамот Новгорода с князьями (1265) рисует перед нами политический строй, каким он успел сложиться в течение этого периода к середине XIII в. (*см.* XXX, 290).

Князь, его жена и бояре не могли приобретать земли в новгородских пределах, принимать закладников, управлять при помощи своих дружинников без посадника, вообще не могли предпринимать не только ничего нового, но не выполнять никаких своих функций вообще. Строго очерчивался круг предоставлявшихся ему возможностей (один раз в 3 года ездить в Ладогу летом, в Русу в те же сроки зимою, охотиться на кабанов не ближе, чем за 30 верст от города, ездить на Взвад на охоту каждый год, но в это время не заезжать в близлежащую Русу и т. д. и т. д.). В договорах неоднократно вспоминаются мелкие обиды прежних князей, которые новый князь обязуется ликвидировать: «а что твой брат отъял был пожне у Новгорода, то ти не надобе», «а что брат твой... деял насилие в Новегороде, а того ся, княже, отступи». Лишение права приобретать землю не давало возможности князьям и их дружине превратиться в новгородских феодалов, пустить корни на новгородской почве и стать в какой бы то ни было мере «хозяевами» новгородской земли. До мелочей ограничивая князя в его деятельности в Новгороде, вече постоянно подчеркивает обязанность князя пропускать новгородских купцов с товарами через его собственные княжеские владения беспрепятственно («а гостю нашему гостьти по Суздальской земле без рубежа»). Князю разрешается торговать в Новгороде не только с новгородцами, но и с немцами, но не непосредственно: «а в немецком дворе тебе торговати нашею братиею». Некоторая самостоятельность предоставлялась князю в его дворе на Городище, но зато этот двор рассматривался одиноким островком среди новгородских владений. Грамота спешит подчеркнуть, что княжеские «городские попы» не имеют права на дань в новгородском погосте. Такое положение мало удовлетворяло князей, и тем не менее мы видим, что окружающие Новгород княжества ча

сто конкурируют между собой из-за него. Дело объясняется тем, что владетельным князьям важно было держать связь с этим, тогда единственным, водным путем из их земель в Западную Европу.

Князь в Новгороде был одним из республиканских магистратов, рассматривался всегда рядом с *посадником* (*см.* XXX, 290/91, и XXXIII, 102/04), когда-то ставленником, уполномоченным от князей, с конца 20-х годов XII в. превратившимся в выборного, в каком положении он и просуществовал до самого конца новгородской независимости, до того момента, когда московский победитель поставил свой ультиматум: «вечу... не быть..., посаднику не быть». Связь между вечем и посадником была подчеркнута еще раз. Нельзя, однако, думать, что на протяжении XII—XV вв. и вече и посадник оставались неизменными. За этот период времени они успели пережить очень большую эволюцию: из ставленника демократического революционного веча посадник очень скоро, уже к концу XIII века, превратился в представителя интересов господствующего боярства. В новгородской конституции посадник был самым чувствительным барометром состояния политической погоды. Новгородские летописи наполнены сообщениями о низвержении одного посадника, замене его другим, об убийствах, заточениях, возвращениях пострадавших и низложенных посадников и т. п. Образовалась особая влиятельная группа «старых» (т.-е. бывших) посадников, которые так назывались в отличие от «степенных», в данный момент стоявших у власти. Функции посадника те же, что и князя. Они вместе и судят, и управляют, и ходят на войну, но вся их деятельность протекает под контролем веча.

Несколько в стороне стоит другая выборная от веча политическая сила—*тысяцкий* (*см.* XXX, 291/92). В то время когда Новгород, как и большинство городов Киевской Руси, представлял собой торговый центр, где хозяевами были вооруженные купцы, роль тысяцкого должна была быть очень заметной. Он был начальником купеческих сотен. Купеческие сотни и тысяцкий сохранились и позднее, но в процессе феодализации общества власть переходила в руки феодалов-бояр. Между ними шла борьба, в итоге которой старое боярство уступало место новому, сильному огромными земельными богатствами, изобилующими сырьем и металлами. Тысяцкий, оставаясь военным, как и вся правящая феодальная верхушка любой феодальной страны, сохранил за собой одну из старых функций: он был тесно связан с торговлей и с купечеством. В качестве председателя особого суда по торговым делам он стал посредником между купцами немецкими и русскими.

Новгородская церковь также феодализировалась. Представитель ее, новгородский епископ-*владыка*, унаследовал от князя, до переворота 30-х—40-х годов XII века—крупнейшего землевладельца, все его земельные богатства и сам стал большой политической силой (*см.* XXX, 293/94). Его стали выбирать на вече так же, как и посадника и тысяцкого, вводили во владение Софийским домом, и с этого момента он становился таким же республиканским магистратом, как и его выборные товарищи. Его функции далеко переходили за границы управления новгородской церковью; он был хранителем новгородской казны; вместе с усилением политического значения боярства выросла и роль владыки в качестве судьи: кроме церковного, «святительского» суда, мы в XV в. видим его в качестве председателя высшей судебной инстанции, куда переносились сложные дела самим судьей после разбора их в первой инстанции. Это так называемый

«доклад»; как у крупнейшего феодала, у него было много своих вассалов, выполнявших различные функции по управлению церковью, землей св. Софии и составлявших его дружину, к XV веку выросшую во «владычный полк»; наконец, он стал председателем Совета господ (*см.* XXX, 290).

Демократия мелких торговцев и ремесленников никогда не была в Новгороде осуществлена полностью. Демос играл лишь роль тарана в руках боярства, борющихся представителей родовой знати и усиливающейся новой феодальной торговой аристократии. Оптовая торговля с Западом, обширные колониальные предприятия обусловливали сосредоточение богатства в немногих руках, и масса «купцов», сохранившая за собой внутренний сбыт, не замедлила попасть в зависимость к тем, кто был подлинным хозяином товаров, идущих за границу, т.-е. крупных феодалов-землевладельцев (*см.* XXX, 287). Рост крупного землевладения делал огромные успехи (*см.* XXX, 286). Стоит только заглянуть в новгородские писцовые книги конца XV в., где, однако, отражены и более ранние отношения, и мы легко можем убедиться, как мало осталось на пространстве новгородских пятин земли, не освоенной боярством, церковью, житьими людьми, отчасти купцами. В параллель с этими очевидными фактами нужно поставить давно уже отмеченный факт исключительного интереса к земле и к поземельным тяжбам Новгородской судной грамоты: процесс этого рода обставлен льготами (нет судебных пошлин, установлен льготный срок для разбора земельных тяжеб), в качестве землевладельцев называются боярин, житий, купец. Церковь не названа здесь, потому что она не «целует креста» вообще, между тем как статья Грамоты именно и говорит о том, что «целовать (крест надлежит) боярину и житьему и купцу, как за свою землю, так и за женину». О зависимом от церкви населении, а эта зависимость шла прежде всего по земле, упоминают другие статьи Грамоты. Смерды, жившие по погостам, оказались в подавляющем большинстве зависимыми от своих господ, в положении, близком к холопам, т.-е. в крепостном состоянии. В договоре Новгорода с польским королем Казимиром 1471 г. об этом говорится совершенно определенно: «А холоп или роба или смерд почнет на осподу вадити, а тому ти, честны король, веры не нять». Приниженное положение смердов отмечено летописью и в *Пскове*, до XIV в. считавшемся одним из пригородов новгородских (*см.* XXXIII, 662/65).

Кроме бояр, как мы видели, владели в Новгороде землей и житьи люди. Это—новое образование, выделившееся из массы купечества, за которым оставалась в сущности только развозка заграничных товаров по остальной Руси. Настоящим хозяином положения в Новгороде, успевшим поставить в зависимость от себя купечество, было боярство, владевшее всеми источниками, поставлявшими товар на заграничные рынки. Вполне понятно стремление купечества овладеть этими источниками путем приобретения земли. Так образовалась промежуточная социальная группировка между всемогущим боярством и купечеством. Это и есть так называемые *житьи люди* (*ср.* XXX, 287). Они продолжали заниматься торговлей, но только владение землей сообщало им известное положение на определенной ступени феодального общества, на верхах которого продолжало стоять все то же боярство. Новгородская судная грамота социальное расстояние между боярином, житьим и молодшим выражает в отношении 5 : 2 : 1. Эти цифры красноречивее всяких слов. Новгородская судная грамота отражает главным образом жизнь XV в., указывая таким образом, в каком на-

правлении развивались классовые отношения за время новгородской независимости. Классовая структура общества приняла вполне четкие формы, которые теперь уже совсем нетрудно становится различать в сообщениях наших источников. Вместо старых, довольно туманных обозначений классов—«старейшие и меньшие»—в XV в. мы всюду встречаем бояр, житьих, купцов, черных людей и — в деревнях— смердов. Между господствующими классами и черными людьми образовалась пропасть, прекрасно отразившаяся в законодательном новгородском сборнике (Судная грамота), оформленном на новгородском вече в 1440 году, но, конечно, слагавшемся в течение нескольких веков и сохранившем в последней редакции ряд наслоений, прощупываемых даже неопытным глазом с сравнительной легкостью. Уже говорилось выше о том, что правило о равном для всех классов суде не могло появиться тогда, когда молодшие люди уже никакого отношения к отправлению правосудия не имели, что естественно его нужно относить к другому, более раннему времени, от которого сейчас остались лишь воспоминания, не переставшие, однако, беспокоить бояр и житьих людей. Больше всего они боялись, как бы новгородские черные люди не вздумали явиться в суд «на пособие». Разрешалось для этого присутствовать только двум человекам «от конца или от улици и от ста и от ряду» (полный перечень всех городских организаций). Все, что сверх дозволенных двух, это будет «наводка», строго и решительно запрещаемая законом. Правда, закон предполагает «наводку» возможной и со стороны бояр и житьих, как и со стороны молодших, но весь строй Новгорода этого времени говорит, что опасность грозила господствующим классам снизу, опасность вполне реальная, не раз подтверждаемая фактами новгородской общественной жизни. От средины XIV века мы имеем свидетельство обострения классовой жизни в Новгороде очень яркое. В 1340 году Новгород столкнулся с Москвой из-за дани в Торжке. Поссорились те, в чью пользу шла дань, т.-е. прежде всего боярство. Дело приняло серьезный оборот: готовилась война, но развязка событий наступила раньше и иначе, чем судили бояре. Воевать «не восхотеша чернь» новгородская, а в Торжке «вставша чернь на бояр», вооружилась и напала на дворы боярские, освободила арестованных москвичей; бояре спасались в Новгород бегством «только душею, кто успел», а дома их преданы были разграблению и разрушению и «села их пуста положиша».

Мы имеем достаточно данных, чтобы говорить о том, что уже к концу XIII века общественные низы были оттеснены на последнее место и самое вече потеряло прежнюю свою власть. Внешним образом как будто все оставалось по-старому, вече не было упразднено, но главной политической пружиной стало не оно: старосты от новгородских концов, посадник, тысяцкий, бывшие посадники и тысяцкие и группа сильных бояр под председательством епископа, общим числом около 50 человек, составили «Совет господ» («новгородская господа», *см.* XXX, 290), который с этого времени стал вершителем судеб Новгорода, уступая свое место вечу лишь в моменты обострения классовой борьбы, когда последнее снова становилось реальной силой. Но это были лишь моменты. Обычная жизнь Новгорода и его пригородов шла под руководством этого Совета.

Концы (*см.* XXX, 292/93; до XIII века их было четыре, а в XV в. пять и семь), образовавшиеся, повидимому, из слобод, окружавших детинец, продолжали сохранять свою старую организацию, но и здесь сказалась общая политическая перемена. Во главе

конца и кончанского веча становятся бояре и житьи люди, которые заменяют собой более демократические слои населения в важнейших учреждениях: боярин и житий от каждого конца присутствовали в высшей судебной инстанции, староста кончанский, тоже боярин, заседал в Совете господ. Кончанские и даже уличанские вечевые собрания подготовляли решения, выносившиеся уже в готовом виде на вече, и делается вполне понятным, почему иногда отдельные концы организованно выступали на вече и отстаивали свои позиции против других концов. Эти совещания знати в различных инстанциях, от улицы до общегородского Совета господ, конечно, устраняли открытую борьбу за власть на вече, вносили больше порядка в работу отдельных частей государственного аппарата, но это значило, что власть окончательно перешла в руки господствующих классов и прежде всего боярства. Неудивительно, что московскую власть, во второй половине XV века уже антибоярскую, по словам летописи, «новгородцы люди житии и молодшии сами призваша» (*см.* XXX, 295). В истории Новгорода мы не раз видим купечество выступающим против боярства. Ряд фактов общественной жизни Новгорода, предшествовавших этому заключительному в истории независимого Новгорода событию, ясно говорил о его неизбежности. До какой степени дошли классовые противоречия в Новгороде, можно видеть на ярком примере 1418 года. Достаточно было некоему молодшему человеку Степанке обратиться к толпе с призывом помочь ему рассчитаться с боярином Даниилом Ивановичем, чтобы толпа схватила боярина и, предварительно «казнивши его ранами близь смерти», сбросила его в Волхов. Рыбак, спасший утопающего, делается жертвой народного негодования, после чего начинается настоящий бой. Вооруженные противники сражались «как на войне». Сначала бояре были обороняющейся стороной, потом наступающей. Победа осталась за ними, но использовать ее до конца они не решались и не могли.

Старые и неизбежные отношения Новгорода с Суздальской землей приняли более угрожающий для Новгорода характер с тех пор, как выросла *Москва*, сумевшая стать центром экономической и политической жизни всей так называемой Северо-восточной Руси. Московский торговый капитал на почве конкуренции давно уже враждебно встречался с новгородским в богатейшей и близкой к Москве старой новгородской колонии Заволочье (*см.*). При великом князе московском Василии Дмитриевиче в 1397 г. Москва захватила эту колонию не оружием, а ловким политическим маневром, основанным на учете взаимных отношений между новгородской колонией и ее метрополией. Двинские бояре, несомненно испытавшие на себе гнет новгородского боярства, откликнулись на призыв Москвы «задаться за нее». В период очень непродолжительного господства Москвы на Двине вел. князь московский успел послать двинским боярам свою уставную грамоту, ту самую, о которой приходилось уже говорить выше. Интересно отметить для полноты аналогии с Русской Правдой, что Василий Дмитриевич рекомендовал двинянам «ходить по сей грамоте» точно так же, как и Ярослав за 380 лет перед этим предлагал новгородцам. Ярослав закреплял за господствующими классами в Новгороде их права, так точно и Василий обошелся с верхушкой своих новых подданных, только что оказавших ему немалую услугу. Следовательно, по этой грамоте мы можем познакомиться с состоянием двинского общества. Молчаливо признав совершившийся факт раздела земли новгородских бояр между двин-

скими воеводами и их «друзьями», двинскими боярами, московский князь укрепляет позиции этих последних. Грамота заботится о неприкосновенности бояр и их вассалов, не только физической, но и моральной. «А кто кого излает боярина или до крови ударит, или на нем синевы будут, и наместницы судят ему по его отечеству бесщестие. Тако ж и слузе». А если сам «осподарь огрешится, ударит своего холопа или робу, а случится смерть, в том наместницы не судят, ни вины не емлют». Через 100 лет мы увидим иное направление московской политики по отношению к Новгороду и Пскову: московская власть начинает поддерживать низы против верхов и пользуется обильными плодами своей новой тактики. На это были свои причины (*см.* ниже). Крестьян грамота не касается, предоставляя боярству полную свободу в этом отношении. Из других классов грамота выделяет купцов с тем, чтобы подчеркнуть их право свободной и беспошлинной торговли на территории великого князя. Из той же грамоты мы довольно отчетливо можем видеть феодальный скелет общественного строя Двинской земли, которая в этом отношении едва ли отличалась от других новгородских колоний, находившихся на одной ступени развития: феодалы-бояре, их слуги-вассалы, с зависимыми от них крестьянами и холопами, и купечество. В эту среду насильственно водворяется жадный до наживы новгородский боярин. Что активный протест местной феодальной верхушки против этого водворения был в 1387 г. не случайным, можно видеть на поведении двинян, правда, уже в более сложной обстановке, в 1471 г., когда они опять охотно перешли на сторону Москвы.

Если новгородское боярство имело полное основание бояться Москвы и по возможности выступать против нее, то с таким же основанием оно обращало свои надежды на соседнюю, враждебную Москве, *Литву*, где власть находилась в руках князей и панов. В случае унии Новгорода с Литвой новгородские бояре могли не только рассчитывать сохранить свое привилегированное положение, но и освоить новые земельные пространства, годные для разведения льна и пеньки, продуктов, на которые вырастал спрос в Западной Европе, которая и стала получать этот товар, но только не через Новгород, а через Ригу. Однако, вопрос, с кем быть, с Литвой или Москвой, решался не одним новгородским боярством, а и другими новгородскими общественными классами, интересы которых не совпадали с боярскими. Наконец, и это самое главное, инициатива в дальнейших событиях окончательно выпала из рук новгородского боярства и перешла в руки Москвы, которой и суждено было разрешить эту большую и сложную проблему совсем не так, как хотели этого новгородские бояре. Для того чтобы понять, как это произошло, необходимо познакомиться с историей Ростовско-Суздальской земли, где на юго-западной окраине, в узле скрещения новых торговых путей, и выросла Москва.

3. Ростовско-Суздальская земля. Арабские писатели в своих известиях о стране руссов, славян и финнов очень рано называют Волгу с ее главнейшими притоками Окой и Камой в качестве хорошо известных им путей восточной торговли. Неоднократно они говорят и о Доне. Клады восточных монет, о которых приходилось говорить выше (*см.* 329), являются прекрасным комментарием к этим письменным сказаниям. Обилие городищ по берегам Оки заставило одного из виднейших археологов говорить о ней, «как бы об одной непрерывной боевой позиции»; скандинавские погребения в Ярославской и Владимирской губерниях и многочисленный ряд дру-

гих известий указывают совершенно определенно на то, что бассейн Волги и Дона, очень давно заселенный различными племенами, находившимися между собой в самых разнообразных отношениях, был рано втянут в международную торговлю; что до момента, когда этот район обычно включается в традиционную историю Р., здесь давно уже текла своя собственная жизнь, полная мелких и крупных по своей эффективности событий, которые могут объяснить нам и возникновение славяно-финских объединений, своей западной частью входивших в состав так называемой Киевской Руси. Однако, необходимо помнить, что как Киевская Русь, так и великий водный путь из варяг в греки — факты сравнительно позднего времени; что Киевская Русь появилась в итоге очень сложных предшествовавших событий; что на востоке и до нее и рядом с ней продолжали развиваться очень старые отношения, далеко не безразличные для истории Ростово-Суздальской и соседних с ней областей, которым после падения Киева суждено было сыграть в истории восточного славянства столь видную роль. Так старая теория, облеченная в художественную форму В. О. Ключевским (*см.*), о передвижении славян с юго-запада на северо-восток, о скучивании их «в треугольнике между Окой и Верхней Волгой» и образовании новой «великорусской» народности с новыми общественно-политическими формами, находящимися в разрыве с прежней традицией, — рушится сама собой.

Время возникновения Ростова и Суздаля так же теряется в неизвестной нам дали прошедшего, как и древнейшие судьбы Новгорода и Киева. Все эти города встают перед нами в готовом виде под пером первого нашего историка на страницах его «повести временных лет» и обнаруживают полное его бессилие объяснить их происхождение. Только современная нам археология и лингвистика начинают раскрывать картины прошлого, цепью причин связанные с теми фактами, которые часто до сих пор по старой традиции наша наука признавала за изначальные.

Обильные археологические находки монет в междуречьи Оки и Волги обнаруживают несколько путей, ведущих от нижней Оки в различные места на верхней Волге. Один из них идет через Ростовское озеро. Находки по среднему течению Москва-реки говорят за использование именно среднего ее течения в качестве торгово-колонизационного пути, чего нельзя сказать ни о верхнем, ни о нижнем ее течении. Восточные монеты, здесь найденные, датируются второй половиной VII в., VIII и IX вв., т.-е. они одновременны с находками на путях к среднему Поднепровью. Отсюда, конечно, неизбежен вывод об одновременности торговых связей с Востоком как Приднепровья, так и «Залесской» стороны. И летописец соответственно исторической действительности записал, что первый же варяжский конунг, утвердившийся в Новгороде, посадил одного из мужей своих в Ростове, спеша взять в свои руки один из центральных пунктов восточного торгового пути. Тот же летописец указывает, что в Ростове первые насельники — меря, в Муроме — мурома. Места находок монет соответствуют путям славянской колонизации, шедшей по рекам и занимавшей берега озер. Если в эпоху Рюрика выдвигался здесь ближайший к Новгороду и на перепутьи расположенный Ростов, то к концу X в. видную роль в торговле стал играть лежащий восточнее Муром. При свете этих данных становится вполне понятным желание Владимира Святого связать этот далекий край живыми нитями с Киевом через посылку туда двух своих сыновей, Бориса и Глеба; понятна также и за-

интересованность в этом крае Владимира Мономаха, Юрия Долгорукого (1090—1157; *см.*) и Андрея Боголюбского (1157—1174; *см.*). См. *Суздальское великое княжество,* XLI, ч. 5, 445/46.

В пределах Ростовской области мы видим те же административно-хозяйственные организации сельского населения, что и в Новгородской земле. Это — погосты (*см.*). В 1107 г. болгары (см. *болгары волжские*) «обступиша град (Суздаль) и много зла сотвориша воююще села и погосты» (Воскрес. лет.). В Лаврентьевской летописи под 1071 г. записан следующий факт. Был голод в Ростовской земле. Два волхва вышли из Ярославля и «поидоста по Волзе, где приидуча в погост, ту же нарекаста лучшие жены, глаголюща, яко си жито держит, а си мед, а си рыбы, а си скору». Отсюда они направились в Белоозеро, где и были схвачены Яном Вышатичем, собиравшим там в это время дань для своего князя, Святослава Черниговского. Тут много интересных деталей. Оказывается, что волхвы действуют не одни: в Белоозеро с ними прибыло уже 300 человек («и бе у нею людей инех 300»). Они агитируют за избиение «лучших жен», так как последние «держат обилье»; подозреваемых жен они убивают, а «именье их» отнимают себе. Этим путем они обещают вернуть краю прежнее благополучие («гобино»). Это, оказывается, уже не первый случай здесь: в 1024 г. в связи с голодом в Суздале тоже было восстание, руководимое волхвами; и здесь они «избиваху старую чадь..., глаголюще, яко си держать гобино». «Бе мятеж велик и голод по всей той стране», говорит летописец. Мы имеем тут перечень тех предметов, которые являются основой материального благополучия края. Это — жито, мед, рыба и мех, хорошо знакомые нам и в других частях Киевской Руси. Важно отметить роль волхвов, которые неоднократно являются вождями низов. Очень показательный факт сообщается Лаврентьевской летописью под тем же 1071 годом в Новгороде: «Бысть мятеж в граде». Весь народ идет за волхвом и готов убить своего епископа, на стороне которого остался только князь Глеб и дружина, «а людье вси идоша за волхва». Только топор князя Глеба, разрубивший вождя восставших, спас положение, и «людье разидошася». Необходимо отметить здесь и другую сторону дела, очень важную в истории образования великорусского центра, — именно условия этнографические. Судя по приемам ритуальных действий ростовских волхвов, когда они «в мечте прорезавша за плечем (у жен), вынимаста любо жито, любо рыбу..», можно сделать заключение, что и сами волхвы и, весьма вероятно, многие из их активных сторонников принадлежали к мордовскому племени. Многие крупнейшие города так называемой северо-восточной Руси являлись укрепленными факториями в стране с преобладающим неславянским населением. Недавние раскопки в этих местах обнаруживают здесь наличие в X—XII вв. значительного населения, господство полевого хозяйства, неравенство имущественного положения, т.-е. в этой области мы видим уже знакомые нам по наблюдениям над Киевской и Новгородской Русью общественные явления.

История образования Московского государства без учета этого обстоятельства празильно понята быть не может. Итак, в древнейшие известные нам времена Ростовско-Суздальская земля представляется нам уже занятой славянским и неславянским населением, в некоторых частях с несомненным преобладанием последнего, втянутой в торговлю с азиатским востоком и, несмотря на значительную отдаленность от главной артерии великого водного пути из варяг в греки, связанной как с Новгородом, так и

с Киевом. Старое представление о том, что мы имеем здесь по сравнению с днепровскими городами захолустье, не подтверждается. Если судить только по уцелевшим до нашего времени сооруженным из белого камня местным городским храмам, архитектурные формы которых и скульптурная отделка составляют одну из значительнейших страниц истории древне-русского искусства, и принять во внимание ценность строительного материала, который приходилось привозить по Волге из Камской Болгарии, то придется признать, что такой уровень местных материальных и культурных средств не мыслим в условиях первоначальной колонизации полудикого края. К тому же нам хорошо известно, что этот край давно знал и «гостя, приходившего из Цесаря града» и из «Русской земли», и латинян, и болгар, и евреев. К этому перечню, взятому из речи, по словам летописца, произнесенной над телом убитого в 1175 г. князя Андрея, необходимо прибавить и представителей азиатского торгового капитала, вместе со своими товарами завозивших сюда и свой художественный стиль.

Нельзя сказать, что крупное княжеское, боярское и церковное землевладение появилось на северо-востоке позже, чем в Приднепровьи или на Волхове. Нет никаких оснований также думать, что старые города волжско-окского междуречья чем-либо принципиально отличались от таких же городов в бассейне Днепра. И здесь, на северо-востоке, так же, как и там, на юго-западе, мы можем наблюдать упадок старого типа городов (*см.* 362) и возникновение других, более отвечавших требованиям новых общественных отношений. Знаменитая в нашей историографии со времени С. М. Соловьева борьба старых и новых городов — несомненно правильно подмеченный факт, но только требующий иного объяснения. Вместе со старыми городами с боем уходили пережитки патриархального строя и старые формы властвования над местным населением. Мы уже видели борьбу Даниила с галицким старым боярством (*см.* 365), князя Всеволода, к старости вынужденного окружить себя новыми людьми (*см.* 359/60). То же самое можем наблюдать и здесь, на северо-востоке. Кн. Андрей решительно предпочитает новый Владимир (*см.* X, 427) старым Суздалю и Ростову, точно так же, как кн. Даниил променял старый Галич на новый Холм. Очень характерны эпитеты, которыми награждает Ростов своего молодого и счастливого соперника: «то наши холопы каменщики», «новые людье мезинии», говорят ростовцы о владимирцах; летописец называет ростовцев «творящимися старейшими». «Мезинии» это те же «молодые», которых мы видели окружающими Всеволода. Презрительное в устах летописца название «каменщики» несомненно намекает на тот ремесленный слой населения, который сообщал новую физиономию городу и являлся оплотом новой политики князей: не случайно галицкие горожане, как пчелы к матке, вышли навстречу своему князю, несмотря на агитацию боярства, или новгородские молодшие люди помогали Мстиславу Удалому в борьбе с родовой аристократией. Новые отношения не легко завоевывали себе право на существование, лучшим доказательством чему является судьба кн. Андрея (*см.* III, 103).

Новая «внутренняя политика», круто расправлявшаяся с «передними боярами», однако несла с собой не много облегчения массам. Вместо беспорядочных и тяжелых для населения княжеских наездов, это же самое население познакомилось с более систематическими новыми способами извлечения из него доходов в пользу князя, его дружинников и всех тех, кто занял командующее положение в обществе.

Новые города являлись продуктом разложения старой хищническо-городской культуры, торжеством феодальных отношений, где город являлся прежде всего в результате выделения ремесла из сельского хозяйства и ремесленным центром и рынком для окружающих его деревень. Многие новые города — это разросшиеся феодальные усадьбы. Наши источники от XI в. говорят о крупных землевладельцах в этом краю. Под 1096 г. упоминаются летописью села Печерского Суздальского монастыря, в XII в. называются около Ростова и Владимира и Москвы села боярские, близ Владимира были и церковные села, дарованные князем Андреем церкви св. богородицы (Лаврент. лет. 1158, 1177 гг. и др.). Значительная часть этих землевладельцев — местная знать; имеются сведения и о том, что вместе с киевскими князьями прибывали сюда и их дружинники, приобретавшие здесь землю. Владимир Мономах посылал в Суздаль бояр, и одному из них, Григорию Симоновичу, он поручает своего сына Юрия. Этот боярин в Суздале занимал должность тысяцкого и имел своих бояр, «сущих под ним». С другой стороны, мы встречаем и суздальских бояр в Киеве.

Данные «Русской Правды» о хозяйственной организации этих владений с необходимыми оговорками о местных особенностях развития общего процесса феодализации могут быть использованы и для характеристики общественных отношений в этом районе. Едва ли кто станет сейчас считать «Русскую Правду» по своему содержанию памятником киевским в узком территориальном смысле слова, после того как выяснилось, что древнейшая Правда есть уставная жалованная грамота, данная Ярославом Новгороду, что дальнейшую эволюцию Правды мы встречаем не только в Литовском статуте, но и в «Правосудии митрополичьем», повидимому, вместе с митрополитом Максимом в конце XIII века перенесенным во Владимир, и в Двинской Судной грамоте 1398 г., составленной для Двины в Москве.

Для того чтобы феодальная усадьба могла превратиться в город, т.-е. для того чтобы деревенское ремесло успело оторваться от своей пуповины и, выделившись в качестве самостоятельной отрасли хозяйства, обособиться от деревни, создать новый класс ремесленников, необходим был длительный процесс, корнями уходящий в толщу родового строя. Отсутствие источников не позволяет нам заглянуть в это далекое прошлое, а известные нам, сравнительно поздние факты (XI в.), отчасти приводимые выше (*см.* 334), говорят нам о том, что родовой строй и в бассейне Волги-Оки в это время оставался только в виде отдельных пережитков, что благодаря торговле население значительно дифференцировалось и общественное разделение труда подготовляло созидание городов нового типа.

К сожалению, мы лишены возможности за отсутствием материалов следить за этим начальным моментом процесса развития феодальных отношений на северо-востоке. Необходимо, однако, указать, что неодинаковые географические и этнографические условия и здесь, как везде и всегда, были причиной того, что в разных частях громадного Волжско-Окского бассейна этот процесс развивался не одинаковыми темпами и осложнялся разнообразием различных условий в каждом отдельном случае. В результате очень сложных отношений между отдельными частями будущего Московского государства (т. н. *удельная система*, см. XLII, 69/75) к началу XIII в. мы видим значительное политическое объединение, которое летописец называет «великим княжением Владимирским и Великого Новгорода», с центром во Владимире (см. *Влади-*

мирское великое княжество, X, 427/28). Однако, не следует думать, что мы имеем пред собой централизованное государство. Строго говоря, при наличии нескольких княжеств, тут два центра — Владимир и Новгород, но они неизбежно связались друг с другом: суздальские торговые пути были необходимой артерией новгородской торговли; по ним шел вывоз товаров из Камской Болгарии, из Рязанской земли, из самой Суздальщины, из далекой Азии, и сбыт западных, частью южных товаров в обмен; без поволжского хлеба Новгород не мог прожить вовсе. Торговля «без рубежа» с «низовой землей» была основным условием новгородского благосостояния и сильным орудием в руках «низа» для поддержания зависимости Новгорода от владимирского центра. С другой стороны, Новгород и Псков не могли обойтись своими силами в борьбе против наступления шведов и ливонских немцев, подобно тому как борьба со степными кочевниками и восточно-финскими племенами держала в постоянном напряжении рязанские и муромские силы и заставляла их искать себе поддержки у северных соседей. Но эти союзы князей легко и часто распадались и принимали новые сложные сочетания. Поэтому говорить о какой-либо прочной централизованной политической организации для данного момента решительно невозможно.

В этой стадии развития производительных сил восточное славянство застает «катастрофа», *татарское нашествие*.

В конце XII в. в Монголии происходил быстрый процесс распада родовой кочевой общины и нарождение феодального кочевого общества. Вышедшее из этой борьбы монгольское государство во главе с Чингис-ханом закрепляло свои позиции в ожесточенной борьбе против племен, державшихся еще родового строя, возглавляемых Джамухой. Гражданская война в Монголии была долгой и вывела победоносную феодально-кочевую аристократию за пределы собственной страны, ибо противник ушел к соседям и оттуда продолжал сопротивление. Намерения Чингис-хана первоначально не выходили за пределы желания покончить с теми племенами, которые поддерживали его противника; только после 1215 г. можно говорить о больших завоевательных планах. «Монгольские полчища», составленные из сравнительно небольшого числа монголов и множества покоренных ими кочевников, стали грозными главным образом потому, что они находили поддержку в некоторых слоях населения покоряемых областей. Здесь прежде всего необходимо назвать мусульманское купечество. Торговые купеческие компании, видя растущую силу нового феодального государства, всем своим авторитетом поддерживали и помогали продвижению завоевателей. Купцы и их агентура поставляли феодальной верхушке завоевателей во главе с Чингис-ханом самые точные сведения о политическом состоянии в той или иной области, о настроении крестьян и ремесленников, о состоянии войск, о расстояниях между городами, дорогах, мостах и т. п. Вместе с купцами и их караванами в Монголию проникали и ремесленники, принося с собою технику своего ремесла, в том числе и военную.

Неудивительно, что татары по сравнению с другими степняками, с которыми до сих пор неоднократно приходилось иметь дело восточным славянам, были врагом более грозным, так как они вполне владели военной техникой своего времени. Каждый татарин обязан был иметь при себе шанцевый инструмент и веревки, для того чтобы тащить осадные машины. Им был знаком и «греческий огонь» (нефть), они прибегали к подкопам, умели отводить реки. Неудивительно

что самые крепкие русские города попадали к ним в руки после нескольких недель осады. А татары прежде всего стремились не только завладеть городами, но и разрушить их, чтобы надолго отнять у побежденных возможность начать борьбу сызнова. Правящие элементы населения обычно при этом уничтожались. Татарский разгром, всей своей силой обрушивавшийся прежде всего на города, таким образом заканчивал процесс, наметившийся задолго до татар, процесс разложения старых городов. Татарщина шла, однако, не только по этой линии разрушения старой Руси, но и по линии созидания новой (см. *татарское иго*, XLI, ч. 7, 82/88). Новая система собирания дани с населения, которую стали практиковать русские князья приблизительно с XII в., татарами была усовершенствована: появилось «число» и «численные люди», т.-е. правильная организация тягла, дань распространяется не только на деревенских жителей, но и на города. Когда разбитая Русь казалась уже неспособной к сопротивлению, победители изменили свою тактику. Истребление знати, светской и духовной, не только прекратилось, но с нею было выработано соглашение, легшее в основу способов татарского властвования: правящие верхи русского общества и церковь сделались могучим орудием в руках татарской высшей администрации.

Совершенно отчетливо обнаруживаются эти отношения на примере Новгорода, который, строго говоря, совсем не пережил ужасов татарского погрома. В тот год, когда Батый (*см.*) взял после жестокого сопротивления Киев (1240), новгородцы с кн. Александром (*см.* II, 192) блестяще отразили на берегу Невы нашествие шведов и едва ли думали, что им тоже придется подчиняться новой власти татарской. Только через 15 лет после этих событий, как передает новгородский летописец, «приде весть из Руси зла, яко хотять татарове тамгы и десятины в Новегороде; и смятошася люди через все лето». «Смятение» конкретно выразилось, между прочим, в том, что «убиша Михалка посадника новгородци». В ту же зиму действительно прибыли в Новгород послы татарские, вместе с кн. Александром Невским, и «почаша просити послы десятины и тамгы». На этот раз Новгороду удалось ограничиться только дарами «царю» (так называли тогда хана на Руси), а через два года дело приняло более серьезный оборот. «Бысть знамение в луне», и получено было с «низу» известие, что татары требуют от Новгорода настоящей дани, в противном случае грозят нашествием. Новгородцы принципиально согласились с этой необходимостью, но когда прибыли «оканьнии татарове сыроядци» для реализации этого «числа», опять «бысть мятеж велик в Новегороде». Татарские послы почувствовали опасность и потребовали от князя Александра личной охраны. Положение обрисовалось совершенно отчетливо: «чернь не хотеша дати числа», «вятшии велят ся яти меньшим по число». Только «сила Христова» спасла от междоусобной войны. Утром выехал князь с Городища и «оканьнии татарове с ним»; меньшим пришлось покориться. Летописец подчеркивает, что «творяху... бояре собе легко, а меньшим зло». Здесь во время развертывания всей этой драмы мы видим князя и бояр и вообще всех «вятших» заодно с татарами против «черни». То же мы можем видеть и в других частях Руси: в 1262 г. люди Ростовской земли выгнали татарских данщиков из Ростова, Владимира, Суздаля и Ярославля, в 1289 г. в Ростове повторилось то же еще раз, при чем солидарность ростовского кн. Дмитрия Борисовича с татарами выступила не менее отчетливо, чем Александра Невского в Новгороде.

Те же отношения можно наблюдать и между татарской властью и русской церковью. Феодализация русской церкви была одной из деталей общего процесса роста феодальных отношений на Руси. Как в киевский период, так и позднее монастыри и епископские кафедры представляли собой крупные феодальные владения. Но кроме власти, присущей каждому феодальному землевладельцу, церковь в некоторой степени распространяла свою власть и за эти пределы, являясь судьей по целому ряду вопросов для всего населения вообще. Тем не менее, и епископы и особенно монастыри были зависимы от светских политических сил, так как и вече и князья не только часто играли решающую роль в выборе или низложении того или иного епископа, но князья к тому же часто бывали феодальными собственниками монастырей. С утверждением татар, когда политический центр переместился в Орду, церковь стала в непосредственную зависимость от ханов, и ханский ярлык стал определять правовое положение церкви, церковь получила независимость от князей и вечевых собраний городов. Мало того: церковь через ханские ярлыки получила полный иммунитет, ее имущества объявлены были неприкосновенными, ее учреждения освобождены от всех пошлин «царевых» (т.-е. ханских); зависимых от нее мастеров и всевозможных слуг никто не имел права занимать ни под какую работу; все церковное население подчинено исключительно митрополичьему суду. Все эти привилегии жалованы были для того, чтобы церковь «молилась» за новую власть, т.-е. публично признавала эту власть и своим авторитетом воспитывала пасомое ею стадо в подчинении этой власти.

Союз татарского хана с церковью и с правящими верхами русского общества для осуществления ближайших практических целей был выгоден обеим сторонам, но впоследствии он сослужил службу стороне подчиненной в этом соглашении и помог ей освободиться от своего властного союзника. Не без содействия татарского хана окрепла и Москва. Московские князья, не игравшие в XIII в. никакой серьезной роли в политических делах крупных княжеств, казались хану не опасными для его власти. Их готовность служить интересам этой власти была одним из немаловажных условий для дальнейшего их процветания. Но, конечно, мощь Москвы создавалась независимо от воли отдельных лиц, будь то московский князь, митрополит или же сам хан татарский. Она выросла под влиянием причин более сложных, следствием которых явилось и предпочтение, оказанное Москве митрополитом, и положение московских князей, выдвинувшее их на первое место среди князей русских.

II. Московское государство. Образование Московского государства. Первый раз Москва упоминается в летописи под 1147 г. в качестве значительной княжеской усадьбы, принадлежавшей князю Юрию Владимировичу Долгорукому. В этом году он приглашал к себе в гости «в Москву» своего союзника, северского князя Святослава Ольговича, куда последний и прибыл с небольшой дружиной и своим малолетним сыном. Юрий устроил здесь для своего гостя «обед силен» и одарил гостей дарами. Место, выбранное Юрием для приема своего союзника, должно было иметь ряд необходимых для этого условий и прежде всего должно было представлять собой богатое селение, снабженное для приема многочисленных гостей всем необходимым. Это и было княжеское село обычного типа. У юрьева гостя, Святослава Ольговича, на Путивле было, повидимому, такое же село, о котором случайно мы имеем некоторые сведения: во время нападения непри-

ятель забрал в этой усадьбе 500 берковцев меду, 80 корчаг вина, 700 человек челяди, несколько тысяч коней и многое множество всякого товара. О древности Москвы говорят находки монет и вещей, относимых к IX или X в. и открытых в Кремле во время постройки зданий.

Под 1156 годом в Тверской летописи записано другое событие, важное для истории Москвы: «князь великий Юрий Володимеричь заложи град Москву на усть ниже Неглинны, выше реки Яузы» (*см.* XXIX, 353/54). Усадьба Юрия превратилась таким образом в крепость. Это событие не могло быть случайным, и дальнейшая судьба Москвы блестяще подтверждает это положение. На пути из Западной Руси в Поволжье Москва была одним из узловых пунктов, который, однако, стал важнейшим из них, после того как этот старый торговый путь на восток, пересекавшийся западной дорогой из Новгорода в южную и восточную Русь, к Нижнему и Рязани, оживился вследствие перемещения мировых торговых путей и падения Киева. В связи с этими событиями, несомненно, стоит и оживление Дона, подходившего близко к Москве с юга. Генуэзские колонии в Крыму перенесли свою торговлю с устья Днепра к устью Дона, из древнего Корсуня в новую Тану. Летописи упоминают о присутствии в Москве «гостей сурожан», т.-е. генуэзцев из крымских колоний. Так создавалась весьма благоприятная обстановка для экономического и политического развития Московского княжества. У нас имеются вполне достаточные данные, чтобы говорить о том, что уже в XIV веке Москва была одним из самых больших и многолюдных русских городов, если не самым большим. В этом отношении она могла конкурировать с Новгородом и Псковом. Население Москвы по весьма, правда, приблизительному подсчету в это время выражается несколькими десятками тысяч человек. Классовый состав этого населения едва ли чем-либо отличается от новгородского: феодальное боярство, окружающее великого князя московского и совместно с ним выступающее против своих конкурентов, как в ханской ставке, так и на поле брани; купечество, ведущее, как мы уже видели, торговлю в большом масштабе, часто связанное общими интересами с боярством, и, наконец, довольно пестрая масса ремесленников и всякого другого малоимущего люда, объединяемого обычно под общим термином людей черных, или черни. Крупный торговый центр с его обильными денежными средствами создавал опорный пункт для объединительной политики Московского княжества. К сожалению, мы лишены возможности наблюдать за этот более ранний период взаимоотношения общественных групп, хотя бы в такой степени, как это доступно для Новгорода; но отдельные эпизоды, записанные в Московской летописи, тем не менее обнаруживают перед нами факты, до некоторой степени характеризующие эти отношения. В 1382 г. неожиданно появились под Москвой татары. Князь, митрополит, «нарочитые бояре» покинули Москву. «Гражданские люди», т.-е. посад, «сотвориша вече». Решили не выпускать из города беглецов, конфисковали имущество ушедших и умело организовали защиту города. Во главе защиты стал суконник Адам. Неприятельский приступ был отбит, и только хитростью удалось взять город. Летописец, изображающий эти события, не скрывает своего отрицательного отношения к посадским людям, называет их «мятежниками, крамольниками, недобрами человеками», говорит, повидимому, языком общественных групп, власть имущих, к которым необходимо отнести боярство, крупное купечество и высших представителей церкви.

Для того чтобы занять главенствующее положение среди всех русских княжеств, Москве необходимо было преодолеть ряд серьезных препятствий, среди которых едва ли не главное — это соперничество Твери (см. *Тверское княжество*, XLI, ч. 7, 137/39), пользовавшейся до средины XIV века явным расположением хана. Именно тверской князь носил титул великого. По своему географическому положению Тверь тянула к западу, с Литвой у ней завязывались непосредственные и разнообразные связи. С другой стороны, Тверь, врезывавшаяся клином между Москвой и Новгородом, служила препятствием к постоянному торговому общению этих двух своих соседей. Отношения осложнялись церковной политикой соперников и поведением представителя русской церкви. Тверская церковь, весьма вероятно под влиянием своих западных соседей, в начале XIV в. стала обнаруживать некоторые «еретические» тенденции, с чем не мог примириться русский митрополит Петр (*см.* XXXII, 115), пользовавшийся поддержкой князя московского, что неизбежно приводило к столкновению с великим князем. Митрополит Петр остался победителем. С этим событием совпадает другое, не менее для Москвы важное: московский князь Юрий Данилович (1303 — 1325; *см.*) начинает вести тяжбу за великокняжеский титул и стол. Союз церкви с московским князем был явно полезен обоим союзникам. Положение окончательно определилось после 1327 года, когда тверской князь Александр Михайлович (1318—1339; *см.*) начал восстание против татар. Восстание окончилось неудачей: Александр потерял свое великое княжение (1325 — 1327), отданное ханом Ивану Даниловичу Московскому (Иван «Калита», 1325 — 1340; *см.* XXI, 414/15), и бежал в Псков, где и нашел себе убежище. Новому великому князю (с 1328 г.) было поручено усмирение тверского восстания, что он и выполнил совместно с митрополитом. Псковичи отказались выдать тверского князя, и только отлучение, наложенное митрополитом на весь город Псков, заставило их смириться. Тверской князь вынужден был бежать в Литву. Положение московского князя и русского митрополита, со времени митрополита Петра основавшегося окончательно в Москве, после этих событий начинает крепнуть: сила главного соперника — Твери — была сломлена.

Нельзя, однако, сказать, что борьба Москвы за свою гегемонию этим закончилась. Даже, если не считать соперничества Литвы (см. *Литовско-русское государство*, XXVI, 221/22 сл.), которая не скрывала своих агрессивных тенденций, заставлявших московского князя тратить много сил на защиту своих владений, собственно русские феодальные княжества представляли сильное препятствие для централизующей политики Москвы, упорно отстаивали свою независимость от ее покушений. Московское боярство в союзе с буржуазией при постоянном и мощном содействии церкви в этом отношении проявляет удивительную настойчивость. После смерти вел. князя Ивана II в 1359 г. (*см.* XXI, 399) великое княжение татарским ханом было передано суздальскому князю Дмитрию Константиновичу. Московское боярство везет малолетних детей умершего московского князя в Орду и там добивается того, что великое княжение переходит к одиннадцатилетнему Дмитрию (1362 — 1389), будущему Донскому (*см.* XVIII, 369/70). Немедленно после этой победы Москва присоединяет к себе Ростовское княжество и удел умершего дмитриева брата, вмешивается в столкновение других князей с явным намерением соблюсти свои интересы. Нельзя забывать, что малолетнему князю эти действия были не по силам,

что главным руководителем московской политики была в данный момент церковь с митрополитом Алексеем (*см.* II, 200/201) во главе и при самом живом и активном участии Сергия Радонежского (*см.* XXXVIII, 386 сл.). Политика Москвы по отношению к татарам вплоть до самой Куликовской битвы (1380; *см.* XVIII, 371, и ниже—*войны Р.*) ведется под тем же руководством. Едва ли не наиболее сильное напряжение в борьбе за гегемонию Москва пережила в 30-х и 40-х годах XV в. в связи с выступлением костромского князя Дмитрия Шемяки (*см.* XVIII, 374). В этой борьбе принимали участие все московские владетельные князья, кроме верейского, а также соседние великие князья — рязанский и тверской. Благодаря мощной поддержке московского боярства и буржуазии, московский князь Василий Васильевич (Василий II «Темный», 1425—1462; *см.* VIII, 15/17), несмотря на то, что был ослеплен во время своего пленения Дмитрием Шемякой, не только удержался на великом московском княжении, но в итоге своей победы уничтожил все московские уделы (кроме верейского) и получил Рязанское княжество (1456). Псков (*см.* XXXIII, 662/65) номинально числился самостоятельным, но фактически управлялся Москвой с конца XV в. Наиболее сложным оказался процесс подчинения Новгорода Великого.

Наступление московского торгового капитала на *Новгород* мы уже отчасти видели (*см.* 386/88). По мере экономических успехов московская буржуазия в союзе с феодалами усиливала свои наступательные действия на Новгород. Прочное политическое положение московского великокняжеского стола позволяло пользоваться Новгородом, как богатым городом, для нужд московской политики. Это так называемый «черный бор», подать, распределявшаяся среди всех тяглецов новгородских в пользу Москвы. По мере того как «Московское княжество» обнаруживало тенденцию превращения в «Московское государство», с претензией на объединение пока северо-восточной, а потом и «всея Руси», сопротивление Новгорода требованиям Москвы делалось все более и более бессильным и вялым; разорвать же с Москвой для Новгорода было равносильно самоубийству: он попрежнему не мог обходиться без «низового» рынка и хлеба, и Москва всегда могла принудить его к повиновению и оружием и голодом. Надеяться на то, что кто-нибудь из соседних князей придет ему на помощь, не приходилось, потому что ни один русский князь не смел теперь итти против Москвы. Правда, в резерве имелась Литва, но, во-первых, на нее далеко не всегда можно было рассчитывать, так как ссора с Москвой не всегда была в ее интересах, во-вторых, связываться с Литвой было не всегда безопасно, так как подобная связь вызывала протест церкви, рассматривавшей этот союз как измену православию. К середине XV в. успехи Москвы в ее политике по отношению к Новгороду стали очень заметны: в 1456 г. Новгород в сущности уже потерял свою независимость, так как после удачного московского похода он вынужден был признать власть Москвы, выразившуюся в том, что без санкции московского великого князя он не мог уже издавать законов; «черный бор», до сих пор собиравшийся время от времени, превратился в постоянную подать, за великим князем закреплены были судебные штрафы. В 1471 г., после знаменитой Шелонской битвы, проигранной новгородцами, в сущности уже мало оставалось прибавить к полной зависимости Новгорода от Москвы. А в 1478 г. без войны, путем переговоров с вечем, переговоров, все время, однако, протекавших под

угрозой военных действий, так как московское войско стояло под Новгородом, Ивану III (1462—1505; *см.* XXI, 399/403) удалось произвести полнейший переворот и в политическом и социальном строе новгородского общества: новгородское боярство и житьи люди были уничтожены как класс, место их заняли московские помещики, новая сила, грозная не только для новгородского, но и для московского боярства, уничтожено было вече, посадник, тысяцкий. Иван III стал в Новгороде таким же государем, каким был в Москве. Если внимательно следить за тактикой Москвы в ее новгородской и псковской политике, то мы легко можем заметить, что Москва действует не только физическим оружием, на помощь которому русская церковь всегда предоставляла свой меч духовный, но и путем использования классовых взаимоотношений той области, которую Москва собиралась себе подчинить. Отсюда делаются совершенно понятными факты, перед которыми иногда останавливались в недоумении наши специалисты. «Объединение» шло с двух сторон: не случайно новгородская чернь не хочет поднимать оружия против Москвы (*см.* 387), не случайно в «смердьем бунте» в Пскове смерды чувствовали защиту Москвы сама Псковская Судная грамота (*см.* XLI, ч. 5,234/35), не перестающая удивлять исследователей своим отношением к низам псковского общества, составлена, несомненно, под воздействием Москвы и имеет определенную целевую политическую установку. Поэтому летописец имел полное основание заявлять, что Москву навели на Новгород купцы и черные люди (*см.* 385). Эта московская тактика станет совсем понятной тогда, когда мы ближе познакомимся с эволюцией московского общества. Сейчас необходимо указать на то, что вторая половина XV в. и начало XVI в. были временем, когда отдельные княжества, до этого времени пользовавшиеся в той или иной степени политической независимостью, — все подчиняются Москве (в 1456 г.—Рязань, в 1486 г.—Тверь, в 1520 г.—Псков). Это еще не абсолютная монархия, но очень большой шаг в направлении к ней. Старые государи иногда даже остаются на своих местах и продолжают по-старому эксплоатировать, ведать и судить подвластное им население, но над ними появился сюзерен,—такой же феодал, как и они, но только более сильный, безусловно стеснявший деятельность своих новых подручных. Под властью московского великого князя оказалась теперь огромная масса служилого люда разных рангов и положений: бывшие владетели княжеств, подчиненных сейчас московскому князю, бояре московские и немосковские, русского и не русского происхождения, и мелкие вассалы—«дети боярские», поверстанные на службу часто из боярских военных слуг («послужильцы»), иногда холопов. Среди этой массы великокняжеского вассалитета устанавливались свои особые отношения, но теоретически они все одинаково зависели от своего сюзерена. В направлении объединения отдельных княжений давно уже работала церковь, глава которой гораздо раньше московского великого князя провозгласил себя «всея Руси» митрополитом. В это время создается и теория «Третьего Рима» (*см.*). «Разумейте, дети,—писал в 1471 г. московский митрополит Филипп новгородцам,— царствующий град Константинополь и церкви божии непоколебимо стояли, пока благочестие в нем сияло, как солнце. А как оставил истину, да соединился царь и патриарх Иосиф с латиною да подпали папе золота ради, так и .... Царьград впал в руки поганых турок». На место Константинополя, естественно, должна была стать Москва,

так как это единственная страна, оставшаяся верной старому православию: «наша же Русийская земля, божиею милостью и молитвами пречистые Богородицы и всех святых чудотворцев, растет и младеет и возвышается... Два Рима падоша, а третий стоит, а четвертому не бывать». Эта идея преемства московского царства от византийской империи реально подкреплена была новым, вполне обдуманным шагом московской политики: браком великого князя московского с византийской царевной Софьей Палеолог (*см.* XL, 262/65). «Свержение татарского ига» (*см.* XLI, ч. 7, 82/88) безусловно также возвышало Москву и ее государя. Таким образом эта теория явилась выражением и обоснованием широких территориальных притязаний Москвы и воздвигала идейный купол над растущим московским самодержавием (*см.* XXXVII, 168). Отсюда уже было недалеко до заключения о государях Иосифа Волоцкого (*см.* XXII, 671/72): «Бози есте и нарицаетесь».

Экономические условия и общественные отношения. Само собой разумеется, что это могущество Москвы созидалось на базе растущей экономической мощи, на базе большого подъема производительных сил страны. Так как в основе феодального способа производства лежит сельское хозяйство и феодальные общественные отношения прежде всего выражаются во власти землевладельца над непосредственным производителем, то для того чтобы конкретно представить процесс роста производительных сил в складывающемся Московском государстве, необходимо ознакомиться с сельским хозяйством, его техникой, организацией, с формами зависимости сельского населения от землевладельцев, с процессом выделения из сельского хозяйства ремесла, т.-е. с образованием городов и созданием внутреннего рынка.

Как уже неоднократно отмечалось выше, *сельское хозяйство* было хорошо знакомо славянам в древнейшую известную нам пору. Технические приемы этого хозяйства, не всегда известные нам в деталях, все же позволяют говорить, что уже в эпоху Русской Правды это не была ручная обработка земли, что современники Правды знали ряд орудий производства с воловой и лошадиной упряжкой. Митрополит Климент (XII в.; *см.*) в послании к пресвитеру Фоме говорит о «пожнях, лядах и старинах», т.-е. о лугах, подсеке и старом поле. Родители Феодосия Печерского посылали своих рабов в «село» на сельские работы, конечно не на подсеку. Серапион Владимирский, описывая ужасы татарского нашествия, между прочим говорит: «наши села лядиною поростоша», чего, конечно, до татар не было, иначе незачем было бы и приводить этот факт в качестве одного из признаков больших бедствий, принесенных татарами. Писцовые книги совершенно отчетливо говорят о господстве трехполья и в Новгороде и в Москве, и, конечно, не с XV в., как мы видели, нужно искать его начала. Несомненно, рядом с трехпольем существовала и подсека в качестве подсобной пашни; но крестьянская жизнь строилась не на подсеке, а на трехполье с очень давнего времени. В XI-XII вв. нам хорошо известны факты наличия постоянных сел и деревень с вполне оседлым устойчивым крестьянским населением даже на новгородском севере, весьма удобном для подсеки. Если принять во внимание, что при подсечном земледелии необходимо в 10—15 раз больше незанятой земли, чем при пашенном земледелии, что подсечное земледелие доступно только относительно большому людскому коллективу, не менее 30—40 человек, что оно требует гораздо большей затраты человеческих сил, чем имеется в распоряжении малой крестьянской семьи,

то будет вполне ясно, почему полевое земледелие вытеснило подсеку. Факты, разбросанные в разных местах наших источников, говорят о победе пашенного земледелия совершенно отчетливо. Археологические данные все больше и убедительнее начинают говорить о том же. Фигура мелкого земледельца, ведущего своими собственными орудиями свое хозяйство, одинаково популярна и известна как на новгородском севере, так и в московском центре. Феодализм имеет своей основой именно это мелкое крестьянского типа хозяйство. Количеством этого типа подданных измерялось богатство феодала.

В Ростовско-Суздальской области, около Москвы и в других местах северо-восточной Руси мы уже видели княжеское, церковное и боярское землевладение в XI—XII вв. (*см.* 393/96). В этих «селах» живут под разными наименованиями крестьяне, без которых не может быть никакого села. С XIV в. мы уже имеем довольно полные сведения об организации хозяйства в феодальной вотчине. Наши материалы прежде всего говорят о большой заинтересованности землевладельцев в населенной крестьянами земле и мерах, принимаемых заинтересованными лицами к ограждению себя от опасных конкурентов. Новгород, как мы видели, по отношению к пришлому князю и его дружине решил эту проблему давно: ни новгородский князь, ни его жена, ни бояре, ни дворяне не имели права приобретать землю на новгородской территории уже в середине XII в. Для Москвы мы имеем сведения о том же от XIV в.; это отнюдь не должно значить, что самое явление возникло только теперь, — несомненно, оно более старого происхождения, при чем здесь этот вопрос трактуется более распространительно, чем в Новгороде: с необычайной тщательностью оберегают землевладельцы свою землю и всячески стесняют возможность ее ухода из своих рук. В 1388 г. в. князь московский Дмитрий Иванович договаривается со своим двоюродным братом Владимиром Андреевичем (*см.* X, 435) и его детьми: «А которые слуги к дворскому, а черные люди к становщиком, тых в службу не приимати.., а земель их не купити... А сел ти не купити в моем уделе ни в великом княженьи, ни твоим детем, ни твоим бояром. А кто будет купил земли данные, служня или черных людей по отца моего животе по князя великого Ивана (Дмитрий остался малолетним после смерти отца, и защищать его интересы, очевидно, было тогда некому), а те хто возмогут выкупити, ине выкупят; а не возмогут выкупити, ине потянут к черным людем; а хто не восхочет тянути, ине ся земль соступят, а земли черным людем даром. Такоже и мне, и моим детем, и моим бояром сел не купити в твоем уделе. А хто будет покупил, а то по тому же». Таких фактов можно привести много. Оберегая свои владения, феодалы в то же время не перестают стремиться к их расширению: «примыслы» новых земель в их практике—явление очень распространенное. Свою землю каждый землевладелец старался по возможности сохранить за собой, уберечь своих крестьян, пустое заселить, леса превратить в пашню, т.-е. расширить культурную площадь земли путем привлечения на нее земледельцев на самых разнообразных условиях.

В вышеприведенном тексте мы уже могли заметить в княжеской вотчине земли данные (выданные в надел вольным слугам и вольноотпущенникам в собственность), служни (находящиеся у слуг в условном владении) и черные (обычные крестьянские—тяглые). Можно указать ряд фактов конца XIV в. и позднее, когда на барскую землю сажают холопов, по-

ловников, «серебреников» различных типов и др. Все это говорит о том, что подлинный интерес к земле, к увеличению количества подданных и к расширению сельского хозяйства руководил феодалами, когда они путем договоров пытались отстоять базу своего благосостояния.

Те же источники дают нам возможность познакомиться не только с различными сторонами организации крупного феодального хозяйства, но и с различными типами этих хозяйств. Прежде всего бросается в глаза факт, что хозяйство бояр и князей не похоже на хозяйство их слуг и монастырей. Бояре и князья унаследовали от старых патриархальных времен массу холопской челяди, которая в старые времена была боярским и княжеским преимуществом, а сейчас становится обузой, одной из причин отсталости этого типа хозяйств. Боярские военные слуги (послужильцы) и монастыри строят свои хозяйства на других основаниях.

Князь Иван Юрьевич Патрикеев в своей духовной 1498 г. перечисляет по именам 155 холопов с семьями, которых он делит между своими детьми; из них 29 семейств он отпускает на свободу; кроме того, отпускаются на волю и те люди, которые «не писаны в сей душевной грамоте». Таким образом мы не знаем полного количества холопов кн. Патрикеева. Среди перечисленных по имени холопов называются по профессиям: 2 стрелка, 3 трубника, дьяк, 4 повара, 2 хлебника, 3 портных мастера, 2 бронника, 6 садовников, 2 псаря, рыболов, 4 мельника, 2 сокольника, утятник, огородник, 3 страдника, 2 плотника, 2 истобника, серебряный мастер. Шесть холопских семейств передается детям завещателя «с землею», три семьи отпускаются на волю тоже с землею. Эти холопы, посаженные на землю, снабженные орудиями производства, уже не рабы, а скорее крепостные крестьяне: они являются владельцами условий своего труда и своего продукта и в то же время лично зависят от своего господина. Весьма возможно, что масса людей, не обозначенных в завещании ни по именам, ни по профессиям, либо сидела на земле, либо составляла многочисленную прислугу в княжеском доме, далеко не всегда оправдываемую с хозяйственной стороны. Их нужно было кормить, одевать, давать помещение и пр. и пр. Пока боярский двор жил замкнутой жизнью, пока хватало на содержание этой дворни натуральных приношений оброчного крестьянства, боярин не чувствовал тягости от количества своих холопов. Но времена переменились, и мы видим, что в конце XV в., князь Патрикеев, как и другие, ему подобные, уже считает для себя полезным отпустить значительную часть своих холопов на свободу.

В составе княжеского двора, кроме слуг несвободных, находящихся под непосредственным надзором дворского (дворецкого), мы знаем еще категорию «слуг вольных». Они всегда отделяются от слуг «под дворским» (т.-е. от холопов). Договорные междукняжеские грамоты всегда уславливаются этих невольных к себе не принимать, так как они права ухода не имеют; вторым, «вольным», оговаривается «воля». Они могут уходить от своих господ, но лишаются в таком случае «служней» земли. Это обычно военные люди, младшие члены дружины феодала. Не случайно источники, говоря о княжеской дружине, ставят дружинников рядом с боярами, вставляя иногда между ними еще среднюю группу служилых людей—«детей боярских». «А бояром и детем боярским и слугам межи нас вольным воля». В новгородских писцовых книгах конца XV в. сохранились оба вида землевладения, бояр-

ское и служнее. В писцовой книге Водской пятины, напр., читаем: «... пашни боярские и служни на... коробей ржи»; в Шелонской, при описании вотчины кн. Бабичева: «во дворе слуга его Мартюшка Микитин, пашни 5 коробей, сена 15 копен, обжа» и т. д. и т. д. Это мелкие хозяева. Многие из них непосредственно сами ведут свои хозяйства. Из них, главным образом, вербуются помещики (см. *поместье*, XXXIII, 29/30 сл.), службой своей пробивающие себе дорогу и увеличивающие свое материальное благополучие. Им, как мы увидим ниже, принадлежит ближайшее будущее. Они собирают свои силы для предстоящих столкновений со своими недавними хозяевами—боярами, готовятся стать их могильщиками.

Итак, двор крупного феодала это — административно-хозяйственный центр феодального владения, резиденция самого феодала или его уполномоченного, совокупность хозяйственных учреждений, обслуживающих нужды этого двора по преимуществу трудом несвободного населения, и определенная наличность слуг вольных, в большинстве случаев военных. Наши летописцы под «двором» прежде всего разумеют этих последних: в 1310 г. кн. Василий «бився много своим двором и убиен бысть»; в 1380 г. кн. Дмитрий Донской «перебреде своим двором» Оку и т. д. (см. *дворянство*, XVIII, 71 сл.). Вокруг двора феодального владельца разбросаны села, деревни, починки, населенные по преимуществу сиротами, черными людьми, или иначе крестьянами. Этими терминами обозначался непосредственный производитель-земледелец, владеющий орудиями производства и с земледелием соединяющий домашнее ремесло,—стало быть, хорошо известный нам смерд, только под другим наименованием. В тех селах, где была барская пашня, сидели рядом с крестьянами «люди страдные», или иначе «страдники», снабженные от хозяина сельско-хозяйственным инвентарем. «А что у страдных у моих людей моя животина, и у кого что будет моей животины, тому и есть», часто пишут завещатели в своих духовных. Это—«крепостные», о которых только что говорилось выше. Подлинные крестьяне эксплоатируются по разному. Общая тенденция в рационально поставленных хозяйствах, все яснее обнаруживаемая к концу XV в.,—это замена старой, универсальной по пестроте, но по существу не очень тягостной для крестьян барщины, сочетающейся обычно с не очень обременительным оброком,—более тяжелым натуральным и денежным оброком и барщиной, применяемой главным образом к пашне.

Эти тенденции мы прежде всего можем наблюдать в монастырских хозяйствах, в своей организации имеющих ряд существенных перед боярскими преимуществ. Эти хозяйства, не связанные старыми традициями, с самого основания строятся на наиболее рациональных принципах. Классический образчик такой именно монастырской хозяйственной организации мы имеем от конца XIV в. на примере Елено-Константиновского монастыря (см. жалованную грамоту митрополита Киприана Константиновскому монастырю 1391 г.). Это монастырь небольшой. Расположен в городе Владимире. Его земельные владения разбросаны здесь же неподалеку. Холопов нет совсем. Крестьяне Константиновского монастыря делятся на две группы—большие люди и пешеходцы, т.-е. зажиточные крестьяне, имеющие лошадей, и бедные, безлошадные. Обязанности тех и других по отношению к феодалу прежде всего заключаются в издельи (барщина) и в некотором незначительном оброке. Все крестьяне, большие и пешеходцы, обязаны давать к празд-

нику яловицу и кормить игумновых коней в случае его приезда в село. Большие, кроме того, на Велик день (Пасха) и на Петров день—«приходят к игумену, что у кого в руках». Вот и весь оброк. Изделье гораздо разнообразнее и количественно значительнее. Нет никаких сомнений в том, что в издельи сосредоточен главный интерес хозяина. Большие крестьяне «наряжают» церковь и монастырь, тынят двор, строят хоромы, игумнов жребий пашут, сено косят, рыбу и бобров ловят, сады оплетают, готовят рыболовные и бобровые снасти и всякие приспособления; пешеходцы—лен прядут, сети плетут, к празднику рожь и солод мелют, хлеб пекут, пиво варят. Не трудно заметить, что все основные потребности монастыря удовлетворяются издельем монастырских же крестьян. Omnia domi nascuntur.

Монастырь обнаруживает удивительную способность перестраиваться и приспосабливаться к новым требованиям жизни. Через 100 лет после только что изображенного состояния монастыря мы здесь видим иную обстановку.

В конце XV и в самом начале XVI вв. игумен заметил, что крестьяне «пашут на себя много, а монастырские-де пашни пашут мало». После этого открытия старая система монастырского хозяйства была изменена: каждый крестьянин в своем поле должен был на игумена пахать 20%, а еще через 100 лет мы уже совершенно отчетливо видим особо выделенную барскую запашку, которую крестьяне на своих харчах должны были обрабатывать на монастырь. Оброки к началу XVII в. все переводятся на деньги. Эти факты, по счастью доступные изучению по подлинным источникам, очень показательны, так как в сущности являются этапами в эволюции сельского монастырского и помещичьего хозяйства почти на всей территории Московского государства. В связи с превращением хлеба в товар, в связи с ростом на него спроса, увеличивается барская запашка, изменяются формы эксплоатации зависимого населения. Те же этапы мы можем еще раз заметить в истории формуляра жалованных поместных грамот: более старые из них в обращении к крестьянам по традиции обязывали их чтить и слушать своего помещика и оброк ему платить по старине; со второй половины XVI в здесь уже вставляется обязанность на помещика пашню пахать и платить ему все, чем он его изоброчит, т.-е. на первое место выдвигается обязанность пахать пашню на феодала-хозяина, а давно установленные обычаем оброки ставятся в зависимость от инициативы хозяина. Пока в данной общественно-экономической формации преобладающее значение имела не меновая, а потребительная стоимость продукта, из самого характера соответственного производства не вытекала расширенная потребность в прибавочном труде, что немедленно изменилось на наших глазах, как только на рынке хлеб и др. сельскохозяйственные продукты заняли новое положение. Уставная грамота Троицкой лавры конца XVI в. об этом говорит тоже совершенно отчетливо: «А пашни есмя велели (крестьянам) пахати на выть (*см.*) по 5 десятин за всякие монастырские доходы». Но не следует преувеличивать значения этих симптоматических явлений. Землевладелец-феодал не был еще в состоянии завести у себя крупное товарное хозяйство: у него не было для этого необходимого капитала, да и потребности городов, потребителей продукции сельского хозяйства, были не столь велики, хотя и безусловно росли. Об этом предмете придется специально говорить дальше.

Итак, формы эксплоатации зависимого от феодала населения менялись

в связи с ростом производительных сил, стало быть и положение различных видов сельского зависимого населения не могло оставаться без перемен. В виду того, что в нашей науке весьма распространен старый предрассудок об «исконной свободе» крестьян, закрепощенных лишь не то в конце XVI в., не то в середине XVII в., необходимо сейчас же сделать оговорку о весьма большой относительности этой «свободы» во всех феодальных странах вообще и в частности на Руси, необходимо также еще раз подчеркнуть, что правовое и экономическое положение крестьян нигде не было неизменным на протяжении феодального периода их истории.

Теоретически дело обстоит ясно. Процесс феодализации заключается в появлении разной степени средних и крупных монополистов-землевладельцев, подчиняющих себе, на предмет получения прибавочного труда, непосредственных производителей, которые владеют средствами труда, необходимыми для производства средств их собственного существования. Земельный монополист-феодал обычно прибегает для этого к внеэкономическому принуждению, как к простейшему способу поставить крестьянина в личную зависимость от себя, но, во-первых, голое внеэкономическое принуждение без элементов экономического неустойчиво, а во-вторых, это принуждение часто диктовалось условиями повышения качества производства. На этой форме эксплоатации основана вся экономическая структура феодального общества. Несмотря на то, что формы и степень этой зависимости и могли быть и фактически были самыми разнообразными, «от крепостничества с барщинным трудом до простого оброчного обязательства», самая зависимость неизбежна, и о «свободе» говорить не приходится. «Свободными» оставались лишь те, кто не успел попасть под власть феодала. Феодальное общество по своей структуре было более сложным, чем капиталистическое.

Если с этими обобщениями, основанными на изучении конкретного развития всех феодальных стран, подойти к истории различных видов русского сельского зависимого населения и прежде всего самой многочисленной его разновидности — крестьянства, то мы уже в древнейшее известное нам время встретимся с положением крестьянина, мало похожим на свободу. Прежде всего «сироты», как их чаще всего называют источники так называемой сев.-восточной Руси до XV в. приблизительно, находятся в зависимости от разного вида землевладельцев, обязаны на них работать, платить им оброки, подчиняться административной и судебной их власти. Большинство наших специалистов до последнего времени, однако, считали, а некоторые из них и продолжают считать, что этот зависимый во многих отношениях от своего феодала крестьянин мог по своему желанию в Юрьев день покидать своего хозяина и искать себе нового, что́ он фактически яко бы и делал, тем самым превращаясь в «бродячий», «текучий» элемент. Отсюда сторонники этого взгляда на крестьян и называли их «вольными переходными арендаторами чужой земли» (Ключевский, Чичерин, Соловьев, отчасти М. Н. Покровский и др.). Однако, это положение доказать очень трудно. Источники скорее позволяют говорить о противном. Сторонники крестьянской свободы и бродячести утверждают свое положение на трех основаниях: 1) в жалованных грамотах духовенству, монастырям и частным лицам встречаются в это время постоянно выражения: «кого перезовет к себе жить»; 2) в междукняжеских договорах имеется обычное условие о неприеме к себе крестьян обеих договариваю-

щихся сторон, — отсюда делается вывод, что крестьяне, стало быть, имели право ухода; 3) оба Судебника в статье «о крестьянском отказе» ясно говорят об этом праве, стало быть подтверждают предыдущее положение.

Между тем все эти основания требуют большой и тщательной проверки. Хорошо известно, что наши памятники различают крестьян-старожильцев и нестарожильцев, т.-е. порядившихся сравнительно недавно. Относительно старожильцев давно уже высказано акад. Дьяконовым вполне справедливое мнение, что эта категория крестьян рано потеряла право ухода; вновь поряжавшиеся садились обычно на условии льготы, заключавшейся в том, что на известное количество лет (от 5 до 20) они освобождались от податей и повинностей (*см.* XXV, 447). Совершенно очевидно, что землевладелец предоставлял льготу этим крестьянам совсем не с тем, чтобы они, отсидев эти льготные годы, могли уйти от него беспрепятственно к другому землевладельцу снова на льготу. В соседних литовско-русских землях (Витебская и Полоцкая земли) было формулировано правило, что порядившийся на льготу крестьянин должен был у землевладельца по истечении срока льготы отсидеть число лет, равное количеству льготных годов. Старожильцы здесь совсем права ухода не имели. Посмотрим, как было у нас.

Возьмем одну из московских древнейших жалованных грамот 1338—1340 гг. Ивана Калиты Юрьеву монастырю, относящуюся к Волоцким владениям этого монастыря. Здесь написано: «а архимандриту тяглых людей Волоцких не приимати, и из отчины князя великого из Москвы людий не приимати». Мы уже могли убедиться (*см.* 416), что те категории слуг, о которых в договорах имеется соглашение о неприеме, противополагаются слугам вольным, которых принимать разрешается. Естественнее всего допустить и по отношению к крестьянам такое же понимание тех же терминов, тем более, что сами источники ставят в подобных случаях и слуг и крестьян рядом; в духовной кн. Владимира Андреевича 1410 г. читаем: «а бояром и слугам, кто будет не под дворским вольным, воля... А кто будет под дворским, тех дети мои промежи себе не принимают, ни от сотников». Люди, находящиеся под сотником — это «черные люди», тяглые крестьяне, старожильцы. Они приравниваются людям невольным. Разрешается принимать и перезывать людей только нетяглых, безвытных. Нет никаких оснований думать, что эти вновь принятые окажутся в положении совсем ином, нисколько не похожем на положение их собратьев в соседней Полоцкой земле или на Витебщине. Трудно точно сказать, какую категорию населения феодальной вотчины наши источники называют иногда людьми свободными («И кто у них на монастырских землях имет жити людей князя великого свободных». Ист. рус. иерархии, ч. III, стр. 704, № 1; в хорошо всем известной грамоте Кириллову монастырю середины XV в. тоже названы в сокращенном перечне «серебреники, половники и слободные люди», — вместо более полного «серебреники, половники, рядовые и юрьевские» А. А. Э., 1, №48), — но важно отметить, что свободные выделяются из массы в той или иной мере несвободных, которые во всяком случае были стеснены в праве ухода от своего господина. В отдельных случаях власть разрешает перезывать и местных старожильцев, но, насколько можно уловить смысл этих разрешений, они объясняются экстренными соображениями. Эти соображения иногда обнаруживают тенденцию нанести землевладельцу, от кого перезываются крестьяне, явный и сознательно причиняемый ущерб. Так, тверской князь Михаил Борисо-

вич в 1483 г. дает разрешение Калязину монастырю «звати людей из зарубежья и из-за бояр здешних» и в то же время подчеркивает: «а не з выти моей великого князя». Весьма вероятно, что здесь сказались отношения тверского кн. Михаила Борисовича к своим боярам, которые накануне поглощения Москвой Твери массами покидали своего князя и шли на службу в Москву. Если запрещение перезывания тяглых письменных крестьян можно считать обычно нормальным, то таким же нормальным считалось разрешение «окупать» и сажать у себя людей, не стесняясь границами отдельных княжений, но «окупив» сажают, как правило, не крестьян, а так называемых «серебреников», к категории которых относятся прежде всего люди кабальные. К ним и относится первое упоминание Юрьева дня, в качестве срока отказов. Несколько позднее Юрьев день был применен и к крестьянам. Итак, насколько позволяют наши источники, мы могли убедиться, что со «свободой» крестьян в XII—XIV вв. дело обстоит не совсем так, как трактовали обычно этот предмет до сих пор. Спора нет, что к концу XV века в этом положении произошли значительные перемены, как переменилось к этому времени очень многое в жизни Московского государства. Судебник 1497 г. (*см.* XLI, ч. 5, 227/28) отразил в себе новые отношения. В этом его смысл и значение. Для того чтобы это положение стало яснее, необходимо сделать небольшое отступление.

Образование Московского государства с экономической точки зрения есть прежде всего превращение разрозненных мелких рынков в единый всероссийский рынок. Естественно, что наиболее заинтересованными в успешном завершении этого процесса были представители торгового капитала, то-есть купцы, и те слои феодалов, которые так или иначе стали соприкасаться с рынком. Указать такое время, когда бы рынок не играл никакой роли в хозяйстве феодала, едва ли возможно, но сейчас идет речь о таких отношениях, когда не только предметы роскоши, но и очень многие предметы необходимости феодал вынужден был покупать, когда, стало быть, он начал сильно нуждаться в деньгах и должен был изыскивать всякие средства их добывания. Таких средств в его распоряжении было немного: он мог либо продавать продукты, рождающиеся в его вотчинном хозяйстве, конечно, при условии спроса на них, либо переложить феодальные повинности своих крестьян на деньги, которых крестьяне без рынка тоже получить не могли. Он старался делать и то и другое. Продуктом, который у него был в руках и спрос на который заметно рос на рынке, был хлеб. Процесс товаризации хлеба вызвал ряд крупнейших перемен в организации феодального вотчинного хозяйства и в конечном счете в положении крестьянства, в чем отчасти мы и могли уже убедиться на примере Елено-Константиновского монастыря (*см.* 418/19). Нужно заранее сказать, что брешь, пробитая в старого типа феодальных отношениях, еще не означала торжества капитализма, для укрепления которого еще не было всех необходимых условий, но она, несомненно, внесла много нового в старую феодальную обстановку, создав кадр новых феодалов из прежних боярских слуг вольных и невольных (помещики), разорив старые боярские гнезда, в то же время внося элементы расслоения и в крестьянскую среду. Образование внутреннего рынка протекало в сложной атмосфере классовых и внутриклассовых столкновений.

Выше приходилось уже отмечать быстрый рост гор. Москвы (*см.* 404). Во второй половине XV в. она украсилась новыми, грандиозными по тому вре-

мени постройками, изменила систему своих укреплений (*см.* XXIX, 354/55) и, несомненно, значительно увеличила свое население. Процесс этот безостановочно продолжался и в первой половине XVI в. К середине этого века она насчитывала около 41.500 домов, т.-е., несомненно, имела больше 200.000 жителей. Даже в полуразрушенном виде она казалась Флетчеру (*см.*) «немного больше, чем Лондон». Ясно, что этот, по словам Н. Иовия (*см.* XVIII, 320/21), «лучший и знатнейший город в целом государстве» не мог расти вне связи с развитием производительных сил всей страны. В этом легко убедиться. С точки зрения экономической эволюции не менее показателен также рост мелких городских центров и образование новых поселений городского типа. Стоит только внимательно всмотреться в новгородские писцовые книги, чтобы заметить многочисленные факты—второй половины XV и первой половины XVI века—превращения небольших сел и деревень в города. Водный путь из Москвы в Новгород по Мсте, например, на наших глазах покрывается сетью этих новых городов, не носящих официально этого имени (их называют здесь «*рядками*»), но по своей экономической сущности являющихся ими несомненно. Возьмем для примера несколько рядков. Рядок Млево: в конце XV в. здесь было 225 лавок, в первой половине XVI в.— уже 332; стоит он на помещичьей земле, и лавки «ставят помещиковы крестьяне». В рядке Боровичи живут главным образом торговцы, ремесленники и люди, на наших глазах сокращающие свою пашню с тем, чтобы променять плуг или соху на прилавок или ремесленную мастерскую. В рядке Витча «пашенные люди» уже пашут только яровое, и то в ограниченных размерах. Торговое население рядков имеет либо лавки, либо амбары, иногда и то и другое. В лавках товар довольно однообразный: в Боровичах, например, больше всего лавок с хлебом и солью, потом идут лавки с солью и сапогами, сапогами и рукавицами, щепетные, одна специально железная, одна овощная. Ремесленники производят предметы первой необходимости не только на жителей рядка, но и на близлежащие деревни. В амбарах складывается главным образом хлеб и соль. Необходимо обратить внимание на то, что наиболее активная роль в этом созидании и оживлении внутреннего рынка принадлежит крестьянству. В Удомельском рядке на той же реке Мсте 90,3% лавок и амбаров принадлежало крестьянам, в Лощемле — все 100%, и т. д. Мста не есть исключение, а симптом, который мы можем наблюдать и в центре. К XVI в. вся Московская Русь была усеяна городами и городками с очень значительным для того времени торговым и ремесленным населением. В торговлю так или иначе втянуты были все классы общества. Митрополит Даниил (*см.* XVII, 566/67) в одной из своих проповедей говорит: «все бегают рукоделия, все щапят торговати, все поношают земледелателем». О широкой торговле Москвы с Востоком и Западом достаточно известий (*см.* 403). Приезжие в Москву иностранцы подчеркивают неоднократно это обстоятельство. Альбрехт Кампензе в письме к папе Клименту VII в 20-х годах XVI в. сообщает, что «Московия богата монетою, добываемою более через попечительство государей, нежели через посредство рудников, в которых, впрочем, нет недостатка, ибо ежегодно привозится туда из всех концов Европы множество денег за товары, не имеющие для москвитян почти никакой ценности, но стоящие весьма дорого в наших краях». Весьма характерно стремление московского торгового капитала расширить круг своих торговых отношений и на запад и на восток. Тверской гость

Афанасий Никитин (*см.* XXX, 200), в 1466 г. отправившись с торговыми целями в Персию, успел побывать в Индии лет за 30 до Васко-де-Гама. В то же приблизительно время производятся разведки торговых возможностей на Кавказе, и несколько позднее прокладывается новый путь в Европу через Архангельск, начинается война за обладание балтийскими портами (см. ниже — *войны Р.*). Флетчер уверяет, что пока Нарва была в русских руках (1558—1581), из нее выходило ежегодно не менее 100 кораблей только со льном и пенькой, воску вывозилось пудов до 50.000, сала — до 100.000, кож — до 100.000 штук в год.

Относительно внутренней торговли речь шла уже выше. Все это дает нам право говорить о купеческом капитале как о социальной силе, способной играть политическую роль, и о глубоком, чреватом последствиями процессе расслоения деревни. Погоня за деньгами в связи с ростом рыночных отношений, естественно, отразилась и на форме феодальной ренты. До сих пор, как мы видели, господствовали две ее разновидности — отработочная и продуктовая. Сейчас, в конце XV и первой половины XVI в., мы отчетливо можем наблюдать рост денежной ренты и частые случаи замены старых видов ренты рентой денежной. Стоит развернуть любую новгородскую писцовую книгу (*см.*) конца XV в., и мы почти везде встретим в той или иной мере денежную ренту. «Дер. Горки..., а старого дохода гривна, четь пшеницы... Дер. Клинец..., а старого дохода гривна и 10 д., полкоробьи пшеницы»... и т. д. Некоторые более прогрессивные в хозяйственном отношении имения переводят своих крестьян на денежную ренту целиком. Возьмем для примера волость новгородского епископа Белую. В писцовой книге 1501 г. о ней записано: «И всего оброку деньгами и за хлеб и за мясо и за мелкий доход и с озер за рыбную ловлю 100 рублей без гривны и без $1^1/_2$ деньги». С конца XV в. идет массовая замена старых уставных жалованных грамот с их перечнями натуральных повинностей новыми, где эти повинности заменяются деньгами. В уставной Белозерской грамоте 1488 г. (*см.* XLII, 486), например, устанавливается новый порядок: великокняжеские наместники должны получать с населения «с сохи за полоть мяса 2 алт., за 10 хлебов — 10 денег, за бочку овса — 10 денег, за воз сена — 2 алт., за барана — 8 денег» и т. д. и т. д. Старая натуральная повинность «возы возить» на своего господина, иначе «повоз», тоже перекладывается на деньги. Так, например, в конце XV в. помещик Васюк Чеков «взял впервые лета 7004-го с 20 обеж за повоз, с обжы по 4 деньги». Царский Судебник говорит уже, как о норме, о взыскании с уходящего крестьянина денег «за повоз». Относительно замены натуральных оброков деньгами необходимо, впрочем, сделать оговорку. Там, где хлеб родился хорошо и сельское хозяйство было занятием выгодным, хлебный оброк не исчез. Участие помещика в доле урожая было одним из способов извлечения денег из своего имения, так как тогда уже очень хорошо понимали, что хлеб—это те же деньги. Флетчер решительно утверждает, что цены на хлеб в 80-х годах XVI в. были взвинчены «происками дворян, барышничающих хлебом». Мы можем по другим данным проследить систематический подъем хлебных цен в XVI в.: в разных местах Московского государства цены на хлеб к 60—70-м годам достигли 40—50 д. за четверть вместо 5—14 денег начала века. Этот колоссальный рост хлебных цен должен был толкать помещиков земледельческой Руси к новым, более

сложным и экономически прогрессивным формам хозяйства. В публицистике этого периода прекрасно отражаются особенности переживаемого момента. Никто так ярко не выразил этого момента и не оценил его со своей специфической точки зрения, как Ермолай-Эразм, публицист, вышедший из того же кружка, что и протопоп Сильвестр (*см.*). В ряде своих произведений он касается тяжелого положения крестьян, которое он связывает с общей эпидемической жаждой денег. В обществе, по его мнению, по степени полезности на первом месте стоят крестьяне, потому что они производят хлеб—«всех благих главизна». Их трудами питается «вся земля от царя и до простых людей», а между тем эти люди «всегда в волнениях скорбных пребывают», «беспрестани различные работные ига подъемлют». И все эти мучения делаются «сребра ради». Параллельно он подчеркивает значение внутреннего рынка и в частности товарность хлеба. Так изображает и оценивает Ермолай-Эразм современную ему действительность. Какие же выводы он делает отсюда? Без преувеличения можно сказать, что автор напуган стремительностью этого процесса и в своих desiderata явно зовет назад, к тому доброму старому времени, когда феодалы пользовались крестьянским трудом не для «богатства», а только для «нужды». Его идеал—это Иосиф Прекрасный, в собственном понимании автора, конечно. Подобно тому, как этот библейский герой отказался от серебра и стал брать с египетских крестьян пятую часть урожая, так и Ермолай рекомендует поступать в Московском государстве, решительно протестуя против денежной ренты. Ермолаю-Эразму кажется, что пример Иосифа Прекрасного успел заразить всех, и, по его мнению, «во всех языцех кийждо человек своему цареви или властели воздает урок от приплод своей земли: идеже бо рожается злато и сребро, ту и воздают злато и сребро, а идеже бо плодятся множество великих скот, ту и воздают скоты, а идеже плодятся зверие, ту и воздают зверие». «Зде же в Русийстей земле, продолжает автор, ни злато, ни сребро не рожаются, ни великии скоти, но благословением божиим всего дражайши рожаются жита на прокормление человеком». На этом основании «цари и вельможи должны брать у крестьян не деньги, а пятую часть урожая яко же Иосиф в Египте учреди». Протест Ермолая-Эразма направлен против денежной ренты; в этом не может быть никакого сомнения.

Энергичный процесс расслоения деревни с его неизбежным следствием—обеднением значительной части крестьянства, автор приписывает разлагающему действию денег, жажде известной части общества к наживе. По-своему публицист был прав, но он не понял или не хотел понять прогрессивности этого процесса. Удивляться не приходится: в XIX и даже XX веке у Ермолая были единомышленники.

Далеко не все землевладельцы-феодалы были в одинаковой степени способны перейти к новым формам хозяйства. Люди придворной и военной службы, бояре или бывшие удельные князья, имели мало возможностей непосредственно следить за своим громоздким хозяйством (*см.* 415/17), между тем как их потребности именно в связи с придворной службой были очень значительны и все росли, по мере того как простой обиход двора московского князя все больше и больше приобретал черты византийского императорского двора. Большой боярин или бывший удельный князь и на службе у московского князя по традиции содержали свои собственные «дворы», то-есть массу

тунеядной челяди и дружину. Пока все это жило на даровых крестьянских хлебах, знатный вассалитет не замечал экономической тяжести этой традиции, но по мере развития товарного хозяйства, когда многое приходилось покупать на деньги, с трудом добываемые и к тому же быстро падавшие в цене, положение сильно изменилось.

Старая боярская знать, привыкшая жить широко, но не умеющая добывать для этого деньги, ставшие в известное время совершенно необходимыми, естественно запутывается в долгах и часто расплачивается ценой потери своих земельных владений. Соединение княжеского титула с купеческим капиталом путем брака и в XV в., повидимому, было одним из средств спасти княжеский род от разорения. Владельцами крупных капиталов были не только профессионалы купцы. Духовник в. князя Василия Ивановича, протопоп Василий, в этом отношении стоял в первом ряду. Между прочим, он выдал свою дочь за князя Ивана Мезецкого и в своей духовной сообщает нам о своем зяте очень любопытные сведения: «а зять мой князь Иван жил у меня на дворе 13 лет, ел-пил мое... а служил зять мой государю все моею подмогою». Жена этого протопопа в своем завещании сообщает о покупке ее мужем у братьев зятя, князей Мезецких, имения за 500 руб. (очевидно, нужда в деньгах принудила продавать имение) и прибавляет: «а что есми давали зятю своему приданного и в ссуду деньги и платья и кони, и то зять наш прослужил на царской службе». Тот же протопоп в своем завещании в числе своих должников называет князя М. В. Вислого, кн. И. Д. Пенкова, кн. И. М. Кубенского, князей Мезецких, кн. М. Бобича, кн. И. М. Воротынского, кн. И. И. Барбашина, кн. Р. В. Лопату. Суммы долгов—от 2.000 до 120.000 руб. на золотые деньги. Среди профессионалов купцов-ростовщиков мы знаем имена наиболее крупных — Вепрь, Гр. Бобыня, Бахтеяр, Дубовый Нос. Они снабжают знать крупными суммами. Монастыри не отставали в этом отношении от купцов: князь Иван Бор. Волоцкий должен был Волоколамскому монастырю $7^1/_2$ тысяч рублей, кн. Верейский, Михаил Андреевич,—Кириллову монастырю 21.600 р. и т. д. Тот же Кириллов монастырь в течение 4 лет постепенно скупил владения кн. Ухтомских; Троицкий монастырь главные свои земельные приобретения делал за счет княжеских и боярских владений. В гораздо более выгодных условиях находились мелкие служилые люди — помещики: они не только ничего не тратили на свою службу, но еще сами за нее получали деньги. Кроме того, знакомый с нуждой, привыкший и научившийся ее преодолевать, помещик в своем небольшом хозяйстве мог быть и действительно был гораздо более активным и умелым хозяином. Чем крепче становился он на ноги, тем больше повышался его общественный вес, тем острее становились отношения его к боярам, во дворах которых, в подчинении у их дворецких, большинство помещиков могло отыскать истоки своих родословий. В среде помещиков зарождается новая политическая теория, которая дошла до нас в писаниях Ивашки Пересветова (XVI в.). «Правда» важнее веры. В содержание этого понятия «правды» входят централизованная монархия с армией и чиновничеством на жалованьи. Боярство подлежит упразднению. Обрекается на уничтожение и на другом полюсе холопство: книги «полные и докладные» на холопов предаются огню. В новом идеальном государстве взамен холопского будет царить вольнонаемный труд. Не трудно заметить, что почвой, вырастившей подобные идеи, было цветущее состояние производительных сил в Мо-

сковском государстве во второй половине XV и первой XVI в. и создававшиеся на этой основе производственные отношения. Если столкновение боярства с помещиками вылилось в форму опричнины (*см.* XXX, 617/20), то логика денежного хозяйства неотвратимо вела к замене холопства трудом, построенным на принципе свободного найма.

Нам приходилось уже отмечать, что холопский труд в XV в. начал терять свое значение, что крупные хозяева-землевладельцы стали массами отпускать своих холопов на волю либо сажать их у себя на пашню, снабжая их необходимыми условиями производства и тем самым превращая в крепостных крестьян. Мы можем видеть и применение наемного труда в чистом и замаскированном виде: «детеныши», «дружинники», казаки, половники, кабальные люди, рядовичи, «серебреники» и др. Это и есть различные формы эксплоатации «свободного», поскольку допускали феодальные условия, труда. Много путей вело обедневшего или же совсем выброшенного из деревни крестьянина, вольноотпущенника или гулящего человека в феодальную или полуфеодальную кабалу. Термин «серебреник» в документах того времени объединял очень значительную и разнообразную группу людей, попавших через «серебро» в те или иные отношения к кредитору или работодателю, иногда объединяемым в одном лице. Сведения о «серебре», или «кунах» и «серебрениках» у нас имеются от первой половины XIV века. В жалованной грамоте Ивана Калиты печерским сокольникам упоминаются «третники-наймиты, кто стражет на готовых конех, а в кунах». Мы нисколько не ошибемся, если по аналогии вспомним здесь нам уже знакомого «закупа» (*см.* 350/51). С середины XV в. известия о «серебре» и «серебрениках» начинают встречаться все чаще и чаще и делаются более вразумительными. Если попытаться внести некоторую классификацию в сумму явлений, объединяемых этими терминами, то мы получим следующую схему: 1. «серебро изделье», или «дельное»; сюда же, повидимому, нужно отнести и «серебро в пашне»; 2. «серебро ростовое», или «в ростех», иногда называемое «кабальным». Если оно погашается в рассрочку, его называют тогда «летним»; 3. серебро «кабальное», или «головное». К этой последней категории наши источники относят серебро, через которое люди, потерявшие возможность вести свое хозяйство, вынуждались искать приложения своей рабочей силы в форме служилой кабалы. Появление на рынке рабочих рук есть факт знаменательный сам по себе. При сложившихся общих условиях в московском обществе к концу XV в. он приобретает особое значение: поступление на работу по служилой кабале конкурирует здесь с наймом в чистом виде. Судебник 1497 г., составленный в весьма сложной обстановке переходного времени и интересный прежде всего тем, что в нем рядом с уходящей стариной мы можем наблюдать признаки нового времени, служилой кабалы еще не находит нужным касаться, между тем как о свободном найме говорит весьма вразумительно: «а наймит не дослужит своего урока, а пойдет прочь, и он найму лишен». Царский Судебник 1550 г. (*см.* XLI, ч. 5, 228), вызванный к жизни крупнейшими политическими событиями и заменивший собою уже устаревший Княжеский Судебник, к этой статье не случайно прибавляет важную подробность: «а которой государь наймиту не захочет дати найму, и уличит его в том наймит, и на том доправити наем вдвое». Второй Судебник уже

знает кабальных людей: «а которые люди вольные учнут бити челом князем и детем боярским и всяким людем, а станут на себя давати кабалы за рост служити, ино более 15 рублев на серебреника в кабалы не имати». Еще Ключевский заметил, что в наших источниках «до конца XV в. нет и намека» на кабальных людей. Первое их упоминание, им отмеченное, относится к 1481 г. По мнению этого автора, институт кабальных людей очень заметным становится лишь в 20-х годах XVI века. «Что еще замечательнее, говорит он, в одном и том же рабовладельческом доме раньше указанного хронологического рубежа по духовным незаметно присутствия кабальных людей, а после они являются в составе челяди». (Ключевский кабальных людей и в это время считает холопами, с чем соглашаться нет никакого основания; *ср.* XXV, 447/48). Итак, кабальные люди, как распространенное явление, делаются заметным общественным явлением сравнительно поздно, и вполне естественно этот факт связывать с теми переменами в общественных отношениях, которые мы наблюдаем во второй половине XV и первой XVI в., в полной аналогии с появлением бобыльства (см. *бобыль*, VI, 89). Сущность служилой кабалы, как она сложилась к середине XVI в., заключалась в том, что человек, вынужденный искать работы, продавал свою рабочую силу на условиях получения вперед некоторой суммы денег (обычно 3—5 руб.) с обязательством уплатить долг через год, в течение какового срока он должен был работать у своего хозяина за рост; в случае неуплаты денег в срок он обязывался жить у своего хозяина «по вся дни во двори» до уплаты долга и работать за %%. Хозяин его обувал, одевал и кормил. Положение для кабального человека безнадежное. Очень часто дело обходилось еще проще: кандидат в кабалу никаких денег не получал, а садился во дворе хозяина на работу за прокорм и одежду. Служилую кабалу мог давать на себя только человек вольный. Стало быть, количественный рост кабальных связан с увеличением контингента свободных людей, которых какие-то причины заставляли итти в этого рода зависимость. Необходимо подчеркнуть, что, при условии недоразвившихся капиталистических отношений (*см.* 425 сл.) при сравнительной слабости и примитивности городской промышленности, люди, вынужденные искать работы, попадали в данном случае в зависимость более тяжелую, чем положение рабочего при капиталистическом способе производства, так как хозяева брали у кабального человека не только сверхстоимость, но и громадную часть заработной платы. Кабальный человек обычно находит себе работу в городских или сельских дворах бояр, помещиков, высших чинов приказных людей и сравнительно зажиточных слоев духовенства. Он так и оговаривал в кабале, что жить ему надлежит «во двори». Обычной чертой биографий кабальных людей является указание на то, что они вольные, что и до сих пор жили в наймах, кормились «работою», «ходили по наймом в казакех», или «жили в наймех походя», «во дворе в холопех ни у кого не служили и во крестьянех и в бобылях ни за кем не живали». Эти вольные люди всегда себя противополагают крестьянам, бобылям и холопам. По уплате долга кабальные люди могли уходить от своего хозяина: «а не похочу у него (хозяина) работать до сроку, писали они в кабалах этого времени, и мне ему дати деньги его все и с ростом по россчету». Ясно, что пользоваться этим положением мог не столько кабальный человек, сколько те, кто нуждался в его рабочей силе. Их интересы и

имеет в виду закон, когда ограничивает сумму кабального долга 15 рублями. Эта ссуда шла ведь чаще всего не самому кабальному, а его старому хозяину. «А те есми деньги платил старому своему государю», повторяют неоднократно кабальные люди: чрезмерно высокие суммы, вписанные в кабалу, были равносильны полному закрепощению, превращению кабального человека в холопа, что в конце концов с ним и случилось, только позже, при других обстоятельствах, совсем не похожих на рассматриваемые. В данный момент полное закрепощение кабального человека не соответствовало интересам ни той группы феодалов, в чьих руках фактически тогда находилась власть, ни крепнувшей буржуазии. Несмотря на сильный налет феодальных элементов, в институте служилой кабалы нельзя не видеть предвестника свободного найма, который и развивался параллельно с ним. Половники, рядовичи и всякого другого типа «серебреники» (кабальные люди Судебником причисляются к этой же категории) носят в своей социальной природе отпечаток зарождающихся новых общественных отношений.

В этой обстановке успешно развивающегося денежно-товарного хозяйства со всеми вытекающими отсюда следствиями и составлялся уже упоминавшийся Судебник Ивана III и затем переделывался 50 лет спустя при Иване Грозном (*см.* XLI, ч. 5, 227/28). Совершенно очевидно, что оба Судебника не только не могли не отразить в себе основных явлений переживаемого момента, но, повидимому, самое их составление вызвано было потребностями момента. Не секрет, что политика Ивана III и в Новгороде и во Пскове шла по линии борьбы против местной феодальной знати путем поддержки ее классовых антагонистов. Отсюда отказ новгородских черных людей итти против Москвы на защиту своего боярства, отсюда освобождение псковских смердов от старых повинностей в пользу их господ, отсюда и сама Псковская судная грамота (*см.* XLI, ч. 5, 234/35) с ее «загадочным» содержанием. Четкая линия борьбы против боярства была намечена и в Москве уже при Иване III. Под его руководством московский помещик стал ликвидировать новгородское боярство, прекрасно учитывая обреченность боярства, как класса, у себя дома. Не трудно догадаться, в чьих интересах вписывалась в Судебник статья о крестьянском отказе. Старые беспрестанные оговорки в междукняжеских договорах о неприеме крестьян были нужны феодалам-боярам, владельцам старых, родовых по преимуществу, вотчин; новым феодалам-помещикам, вновь заводившим свои хозяйства, эти препятствия в переманивании крестьян были невыгодны; само собой разумеется, что стеснения крестьянского выхода невыгодны были и для разбогатевших крестьян, перед которыми разворачивался простор торговой деятельности в городах и даже в своих деревнях. Ст. 57 Княжеского Судебника о крестьянском отказе составлена в интересах помещиков и богатых крестьян. Судебник Ивана Грозного эту направленность законодательства против старого феодального боярства, мало чему научившегося из уроков классовой борьбы, боярства типа Курбского (*см.*), подчеркнул еще ярче. Надо думать, что самый факт пересмотра Судебника был подсказан необходимостью ликвидировать реакционно-феодальную политику боярского правления (1533—1547) в малолетство Грозного. Венчание на царство 17-летнего Ивана Васильевича (1547—1584; см. *Иван* IV, XXI, 403/13) есть тоже акт, направленный против боярства; боярству, как определенной классовой группировке, нанесен был удар созданием губных

(*см.* XVII, 326 сл.) и земских учреждений, знаменовавших переход власти в руки помещиков и посадских людей. В порядке самозащиты боярство в 50-х годах выдвигает местничество (*см.* XXIX, 488 сл.), с чем, однако, власть мало считается, и в 1550 г. перед походом на Казань объявляет «в полках быти княжатам, боярам и детям боярским без мест». Самый поход на Казань (см. ниже — *войны Р.*) подсказан интересами прежде всего помещика и купца.

Судебник Грозного составлялся в бурной обстановке обостренной классовой борьбы, продолжение которой мы видим и в следующем году на Стоглавом соборе (см. *Стоглав*, XLI, ч. 4, 624/29) и в последующих мероприятиях Грозного. Один из наиболее чувствительных ударов Судебник нанес боярству и богатым монастырям отменой тарханов (см. *тарханные грамоты*, XLI, ч. 7, 69/71), чему фактически начало было положено уже раньше (в самом начале XVI в.). Судебник не только постановляет, чтобы «тарханных грамот впредь не давати никому», но и дает закону обратную силу: «старые поимати у всех». Татищев по этому поводу сделал интересное примечание о том, что Грозный «сие яко весьма вредное отставил», т.-е. Татищев, став на точку зрения Грозного, считает вредными феодальные привилегии бояр и монастырей. Через год Стоглавый собор подтверждает это правило применительно к церкви. Тарханные грамоты по существу утверждали власть феодала над зависимым от него населением и прежде всего над крестьянством. С какого же времени стали считать тарханы «весьма вредными»? Почему в течение столетий власть не только их не отменяла, а массами их утверждала? Совершенно очевидно, что тарханы были нужны старым феодалам-боярам, стоявшим тогда у власти, а к началу XVI в. они стали вредными, когда власть перешла в другие руки. Статья 88 Царского Судебника о крестьянском отказе, где нет ни звука о боярских привилегиях, конечно, могла вызывать в боярской среде только бессильное огорчение. В соответствии с тенденцией заменить холопский труд наемным стоит статья 78 Царского Судебника о служилой кабале и ст. 82 о запрещении трудовой эксплоатации должника кредитором. Последующее за этим разъяснение 1555 г. делает наше предположение несомненным. По закону 1555 г. наемный человек мог не давать на себя никаких крепостей, мог уходить от хозяина «с отказом и без отказа», и даже обвинение бывшим его хозяином в краже закон рассматривает как один из незаконных способов насильно удержать за собой работника и борется с такого рода исками [«Он (хозяин) его (работника) не хотя отпустити, на нем ищет сноса». «На тех людей суда не давати»].

Едва ли возможно найти доказательства мнений, появившихся в нашей литературе уже в XX в., о том, что статьи Судебников о крепостном отказе нужно понимать ограничительно, только в применении к какой-то особой группе крестьян, которая имела и раньше право выхода (Самоквасов); необходимо протестовать и против утверждения, что эти постановления вообще ничего не значили, были «эфемерным» явлением нашей жизни (П.И.Беляев). С полной конкретной отчетливостью мы видим статьи эти в действии и на основании совершенно точных наблюдений можем утверждать, что самые настоящие крестьяне-старожильцы по правилам Судебников уходят от своих владельцев и пользуются этим правом совершенно реально и весьма осязательно. В старой литературе по этому случаю всегда приводились примеры, взятые из Тверской пис-

цовой книги 1580 г. по вотчине Семена Бекбулатовича (*см.* XXV, 448). Сейчас можно оставить Семена Бекбулатовича и гораздо отчетливее увидеть Судебник в действии по данным монастырских архивов и прежде всего Волоколамского монастыря. В определенные сроки до Юрьева дня монастырь дает своим старцам-приказчикам деньги на крестьянские отказы, как это делалось и другими землевладельцами. Деньги эти несомненно тратятся по назначению. Переходят крестьяне в монастырь точно так же, как и уходят из монастыря, при чем можно констатировать факт, что большинство уходящих или прибывающих платят полное пожилое, т.-е. за все 4 года, — максимальный срок, указанный Судебником. Его, конечно, надо понимать в том смысле, что крестьянин, проживший сверх 4 лет (сколько угодно), все равно платит весь двор, т.-е. за 4 года. Иначе нужно было бы прийти к неизбежному выводу, что Судебник не допускает выходов для крестьян, проживших на одном месте больше 4 лет, что доказать решительно невозможно. Из 70 случаев крестьянских выходов из Волоколамского монастыря в 1580 г. — 35 крестьян, т.-е. 50%, заплатили полное пожилое, 16 жили кто за «полувороты», кто на «четверти выти», кто «в лесех». Эту категорию крестьян тоже нужно отнести к тем, кто жил больше 4 лет. Тогда мы получим 73% живших длительно за монастырем. Не будет большой смелостью, если мы назовем эту группу старожильцами. Два крестьянина жили по 3 года, 17 крестьян жили по году. Характерно, что деньги, полученные с них в момент выхода, монастырские власти пожилым даже и не называют, а говорят о «перебылом». Стало быть, с понятием пожилого обычно связывалась плата с крестьянина-старожильца.

Полностью подтверждается известный факт, что бедный крестьянин не мог выплатить пожилого без посторонней помощи и вследствие этого стал объектом перевозов, биржевой цегностью в спекуляции различных групп землевладельцев, в известные моменты доходившей до азарта. Все крестьяне, переведенные на жительство в монастырь, переходят сюда с помощью монастырских денег и садятся на монастырскую землю должниками. Практику свободных выходов подтверждают факты возвращения крестьян на свои старые места; очевидно, в виде поощрительной меры им возвращается взятое с них пожилое. Впрочем это, надо думать, было conditio sine qua non их возвращения, так как покидаемым ими хозяевам они обязаны были выплачивать ту или иную сумму пожилого в зависимости от продолжительности пребывания на новом месте. Монастырские власти брали пожилое и в тех случаях, когда крестьянин менял место в пределах монастырских владений.

Итак, крестьяне уходят, их вывозят, и они возвращаются. Все это делается на самом законном основании, разработанном в Судебниках. Таких свободных передвижений владельческих крестьян ни в XIII, ни в XIV вв. мы не могли видеть. Но этот период, когда крестьянину было предоставлено более широкое право выхода, продолжался недолго. Самое право выхода, часто известное в нашей литературе под термином *Юрьева дня*, на крестьянина было перенесено с другой категории населения, с так называемых «серебренников», куда одним из видов входили и кабальные люди. Первый раз наши источники называют Юрьев день около 1450 года в двух грамотах белозерского князя Михаила Андреевича Федору Константиновичу и белозерским наместникам, и в грамоте в. кн. Василия Василье

вича Кириллову монастырю. Все эти грамоты имеют в виду не крестьян, а «серебреников», которых наша старая историография без достаточных оснований считала крестьянами. Между тем, грамоты эти совершенно ясно говорят о «монастырских половниках-серебрениках», о «монастырских людях-серебрениках», о «рядовых людях», о «юрьевских». Совершенно недвусмысленно эти акты говорят также о том, что все эти виды «серебреников» через серебро, т.-е. через долг, и поступали на работу к своим хозяевам, очевидно работали на них за %%% и в случае ухода должны были возвращать «истое», т.-е. взятую в долг сумму. То же буквально мы видим и в Псковской судной грамоте под термином «изорник» (ст. 42 и др.), который тоже без всяких оснований толковался до сих пор в смысле крестьянина. Все это серебреники, наиболее известным представителем которых является кабальный человек, о котором говорилось выше. К ним и применялся срок отказов, Юрьев день, или — в Псковской судной грамоте — Филиппов день. Самый термин «отказ», «отказывать» практиковался в отношении к этим наемным в феодальном смысле слова людям: их «окупали» и сажали на новых местах землевладельцы. В самом конце XV в. он был перенесен на крестьян, до сих пор сидевших на земле за своими хозяевами достаточно прочно.

Новая политика по отношению крестьянства и кабальных людей, как мы видели, соответствовала интересам *помещика*. Кто он, как он сумел занять господствующее положение? Эти первостепенной важности вопросы нам надлежит выяснить. Мы уже имели случай знакомиться с организацией двора крупного феодала (*см.* 415/17). Среди слуг этих феодалов имелись люди, наделенные землей и обязанные в пользу феодалов службой, военной прежде всего. Это — его вассалы. В междукняжеских договорах XIV — XV вв. постоянно упоминаются эти вольные и невольные слуги. Боярские дружины известны и Русской Правде, которая дает понять о достаточной независимости боярских владений от княжеской власти: «Аще в боярстей дружине, то за князя задни́ца не идет». Этот вассалитет дожил до XVI века. Явление — обычное при феодальном строе и не нуждающееся в специальном объяснении. Главный интерес вопроса заключается в том, чтобы проследить процесс эволюции этого класса и его борьбы со своими сюзеренами. Ясно, что помещик мог занять то положение, которое он занял с конца XV века, и в XVI в. пытался «сокрушить землевладение знати» только при определенных условиях. Новое положение помещика было политическим эквивалентом его хозяйственного преуспевания, а это последнее в свою очередь стало возможным в связи с тем процессом роста производительных сил, о котором говорилось выше. Старого типа феодал со своей родовой вотчиной, с сотнями тунеядной холопской челяди, при примитивной эксплоатации крестьянского населения, не мог поспевать за темпами развивающегося товарно-денежного хозяйства и должен был уступить свои позиции монастырю и помещику, более умелым хозяевам, легче и энергичнее приспосабливающимся к новым требованиям жизни. Конфликт назревал задолго до опричнины, этого острого момента борьбы помещика с феодальной знатью, и программа его агрессивных действий намечалась уже тогда. Народный бунт 1547 г., жертвой которого стал тогдашний глава московского правительства, дядя Грозного, кн. Юрий (Георгий) Васильевич Глинский (*см.* XV, 148), со своими сторонниками, показал недовольство массы так называемым боярским правлением в мало-

летство Грозного. Растаскивание кормлений, хозяйничанье кормленщиков на местах вызывало естественный протест, о котором скоро появилась возможность говорить совершенно открыто. Не нужно думать, что «боярское правление» возникло только вследствие малолетства царя. Это — старая, достаточно живучая система, с боем уступающая свои позиции, и энергичный протест против нее — результат новых классовых взаимоотношений. Едва ли когда-либо раньше эти обычные приемы властвования наместников и волостелей были по душе народной массе, но сейчас она получила возможность говорить о своем недовольстве вслух, под явное поощрение самого царя, именно потому, что созрели новые силы, способные заменить царских слуг старого типа. Эти новые силы — помещики и городская буржуазия. Население Ваги, шенкурцы и вельчане, не стеснялись писать царю, что их земля запустела от «прежних важеских наместников и от их тиунов, и от доводчиков, и от обыскных грамот, и от лихих людей, от татей и от разбойников и от костарей». Трудно допустить, чтобы несколько десятков лет тому назад крестьяне и посадские люди рискнули представителей боярской власти с их аппаратом ставить рядом с разбойниками и ворами и считать их заодно причиной обеднения края. Сейчас эти крестьяне и горожане не стесняются уточнить свою мысль: важеского наместника и его пошлинных людей они отказываются кормить дальше, потому что «от того у них в станех и в волостях многие деревни запустели, и крестьяне-де у них от того насильства и продаж и татей с посадов разошлись по иным городам, а из станов и из волостей крестьяне разошлись в монастыри бессрочно и без отказу, а иные-де посадские люди и становые и волостные кой-куда безвестно разбрелись розно...» Цитируемый документ относится к 1552 году. То же самое мы видим и несколько раньше: в 1517 году новгородцы жаловались в. князю Василию Ивановичу (1505 — 1533; *см.* VIII, 17 сл.) на его наместников, которые «судят сильно», а тиуны их «судят по мзде». Такие же челобития местного населения имеются у нас и в 30-е годы XVI в. В атмосфере этого общественного движения возникли так называемые губные и земские реформы Грозного. Губная реформа (*см.* XVII, 326/30) 30-х годов передавала в руки местного населения полицию и суд по важнейшим уголовным делам, земская реформа 50-х годов предоставила ему финансовое самоуправление и суд по остальным делам, гражданским и уголовным. Кормления (*см.* XXV, 207; XI, 120) были отменены. Но то, что потеряли бояре-кормленщики, перешло с некоторыми изменениям именно к помещикам, к среднему и мелкому землевладению: белозерская грамота (1539) определенно указывает, что губные головы, ведавшие борьбу с разбоями, должны быть взяты из местных грамотных детей боярских — помещиков. Старосты и десятские из крестьян были им подчинены, при чем полномочия нового учреждения были шире власти старых бояр-кормленщиков. Новые «земские» учреждения имели в виду превращение натуральных повинностей населения в денежные и базировались, повидимому, на представителях посадского населения.

Прежде чем претвориться в жизнь, идеи о необходимости коренной перестройки общественных отношений высказывались многочисленными публицистами конца XV и первой половины XVI в. По интересующему нас кругу вопросов мы не найдем более яркого и последовательного представителя интересов помещиков, чем упоминавшийся уже автор, скрываю-

щийся под псевдонимом Ивашки Пересветова. В его писаниях ярко бросается в глаза враждебность по отношению к боярству. Автор называет их «ленивыми богатинами», богатеющими «от слез и от крови христианской». Все симпатии автора на стороне служилых людей — помещиков, «воинников». В поддержке их он видит основную мудрость правителя, так как они «против недруга крепко стоят, играют смертною игрою, полки недруга разрывают, верно служат». Их незнатное происхождение не должно служить препятствием к их возвышению. Царь не только может, но и должен для блага своей власти их «на величество поднимать и давать им великое имя». Опираясь на этих «воинников», царь должен вести агрессивную политику, в программе которой в первую очередь было поставлено завоевание Казани. Нельзя сказать, что Пересветов по своим взглядам очень близок буржуазии, но тем не менее он склонен признать полезность и необходимость купца, готов жить с ним рядом при условии контроля над его аппетитом к прибыли: если купец обманет, обвесит или обмерит или цену возьмет «больше устава царева», «таковому смертная казнь бывает». По мнению Пересветова, царская власть должна быть сильной и грозной. Если царь «не великою грозою народ угрозит, то и правды в земле не введет». Пересветов—враг боярской феодальной независимости, и в этом отношении он стал в оппозицию с боярством типа Курбского раньше, чем Иван Грозный начал свою знаменитую полемику с «отъехавшим» от него боярином (*см.* XXVI, 216 сл.).

Как мы видели, помещики не только высказывались в писаниях своих публицистов, но и действовали, как класс, весьма энергично. Борьба между боярством и помещиками велась уже давно, но достигла она максимального обострения в так называемой *опричнине* (*см.* XXX, 617/20). Опричниной управлял сам царь без бояр, без Боярской Думы.

Грозный в 1564 г. открыто объявил боярство своим врагом, подчеркнув при этом, что против городской буржуазии он ничего не имеет. Сочувствующие Пересветову группы могли быть довольны, так как их программа начала решительно проводиться в жизнь.

Если бы мы поставили вопрос, что же, собственно говоря, лежало в основе этой классовой вражды между борющимися сторонами, то прежде всего должны были бы указать на то, что здесь решался вопрос о том, кто будет хозяином земли и живущих на ней земледельцев. Кн. Курбский в одном из своих писем к Грозному говорит об этом совершенно ясно. По его мнению, царь «всеродне» погубил русских «княжат», «понеже отчины имели великие». В этой борьбе крестьянство далеко не оставалось пассивным и выступало иногда весьма энергично в защиту своих интересов.

Внешняя, как и внутренняя политика Грозного велась прежде всего в интересах помещика и буржуазии. Завоевание Казани в 1552 г. (*см.* ниже—*войны Р.*, а также XXIII, 133) и Астрахани в 1557 г. (*см.* IV, 186) должно было дать помещикам землю, купцам—новые рынки и прибыли. С той же целью предпринимается грандиозное предприятие—Ливонская война (1558—1582; см. ниже—*войны Р.*). Овладение берегами Балтийского моря, открытие пути в Западную Европу ставилось очередной задачей. Уже в первый год войны, когда русскими войсками занята была Нарва, русская буржуазия сразу же, не дожидаясь окончания войны, стала пользоваться новой гаванью. «В то время в городе Ревеле было грустно и несчастье бесконечное и безмерное. С прискорбием собирались ревельские торговцы

и граждане в Розенгартене и на городской стене и с болью в сердце смотрели на корабли, проезжающие мимо Ревеля и направляющиеся в Нарву». Так торговый Ревель переживал захват русскими Нарвы. Совершенно очевидно, что интерес в этой торговле был двусторонний. Немцы этого и не скрывали, голландцы и англичане конкурировали между собой по вопросу о русской торговле. Только одна английская компания в середине XVI в. сделала вложение в русскую торговлю в 50.000 фунтов стерлингов, но кроме этой официальной компании Москва охотно допускала к себе и другие английские фирмы, чем вызывала нарекания с стороны «компании». Когда война затянулась, царь в 1566 г. созывает представителей помещиков и буржуазии на «Земский собор» (*см.* XXI, 213 сл.) и вместе с ними принимает ответственное решение продолжать войну. Но военное счастье теперь стало явно переходить на сторону неприятеля. В самой Москве и в Новгороде организовался боярский заговор против царя. Бояре составили план низложения Грозного. Польский король должен был по соглашению с русским боярством взять Грозного в плен. Заговор был раскрыт, и начались массовые казни в Москве и Новгороде. В 1571 г. на Москву нападает крымский хан, союзник поляков. Весь московский посад татары выжгли дотла, целый ряд городов постигла та же участь. Если принять во внимание, что последние годы Ливонская война велась тоже на русской территории, то вполне будет понятно массовое разорение населения. Между тем, одной внешней войной дело не ограничивалось, как мы видели: опричнина со всеми ее осложнениями, постоянный рост налогов и военных повинностей действовали на население не менее разрушительно. Стоит развернуть писцовые книги 1581—1583 годов, составленные как раз после окончания неудачной Ливонской войны, чтобы убедиться в размерах этого разорения. «Хоромы ставят после войны... хоромы пожгли и крестьян побили немецкие люди..., хоромы пожгли немецкие люди, а крестьяне сошли от войны безвестно...» и т. д. и т. д. В новгородских пятинах, захваченных военными действиями, приблизительно около 70% населения было разорено. Город Новгород потерял 83% дворов, выбывших несмотря на то, что он непосредственно и не был ареной войны.

В такой обстановке приходилось разрешать старые больные вопросы. Прекрасным показателем остроты момента служат два церковных собора —1580 и 1584 годов. Собор 1580 г. собрался «некоих ради царских вещей», т.-е. для решения не церковных, а политических вопросов. Он созван был «царским осмотрением». Подробная мотивировка причин, вызвавших собор, сделанная самим собором, сбивается на шаблонное упоминание внешних врагов, вознамерившихся «потребити православие», но действующие лица здесь все вполне реальные: называются турки, крымцы, ногаи, литовский король, Польша, угры, немцы лифляндские и другие— свейские. Все они напали на Русь, «совокупившеся образом дивияго зверя, распыхахуся, гордостию дмяшеся», в результате чего явилось всеобщее бедствие. Следующий собор, 1584 г., связанный и предметно и даже протокольно (постановления почти буквально совпадают) с предыдущим, раскрывает перед нами еще ярче сущность создавшегося положения. Отцы собора, конечно по требованию самого царя, который в данный момент был настроен далеко не клерикально, принуждены были отметить, что от этого «варварского прещения» пострадали воинские люди, т.-е. помещики, при чем не без некоторой, хотя бы и

косвенной, вины духовенства, которое, благодаря полученным в свое время льготам (тарханы), оказалось не только более устойчивым в общей разрухе, но и могло привлекать к себе трудящуюся массу, рабочие руки, т.-е. самое главное условие ликвидации разрухи. Царь не щадил своих богомольцев и заставлял их расписываться под собственным весьма резким осуждением («пьянственное и непотребное житие» и пр. и пр.). Вскользь в постановлении собора упоминается и факт разорения крестьянства, как причина «многого запустения» воинских людей. Духовенство «никакие царские дани и земских разметов не платит, а воинство, служилые люди, те их земли оплачивают». А дальше идет очень важное пояснение: «крестьяне, вышед из-за служилых людей, живут за тарханы (т.-е. у духовенства) во льготе, и от того великая тощета воинским людям приниде». Притягательную для крестьянства силу тарханов в целях устранения этой главной причины «тощеты» служилого люда правительство и решило уничтожить. Для этого и созван был собор. С духовенством приходилось обращаться все же осторожно, поэтому закон получил только временную силу: «от сего году (т.-е. 1584)... месяца сентября первого числа на время, *до государева... указу*, для воинского чину и оскудения тарханы отставити, покаместа земля поустроится, и помочь во всем учинитца царским осмотрением». С этого момента и впредь до отмены временного закона духовенство должно «всякие царские дани платить... с служилыми людьми ровно». В постановлении собора имеется еще одно очень важное замечание, из которого совершенно ясно видно, что отмена тарханов не единственная мера, принятая правительством для борьбы с разрухой и поддержания разорившихся землевладельцев, что были приняты еще какие-то меры и что собор призван только внести свою лепту в общее государственное дело. Царь со своими боярами и синклитом (к этому времени опричнина формально была отменена) «сотворил» уже «многая попечения о сем», «якоже довлеет его царской власти». Так приведены были в движение все колеса механизма, нажаты все пружины. Ясно, что больше всего беспокоил власть вопрос о рабочих руках, крестьянский вопрос, который и решался, как мы видим, в интересах служилой массы — помещиков. Вот при каких обстоятельствах помещик, которому важно было в средине XV и в первой половине XVI в. иметь подвижной фонд рабочих рук, в конце XVI в. и в первой половине XVII в. начинает энергично бороться за самое безусловное и вечное укрепление за собой крестьянской массы.

Архив Волоколамского монастыря и здесь может оказать нам услугу. Оказывается, что записи о крестьянских выходах обрываются на 1580 годе. В этом году в приходо-расходных книгах монастыря зарегистрировано было 70 случаев крестьянских выходов, в следующем, 1581 г.— ни одного. Разгадку этому можно видеть в одной из позднейших приходо-расходных книг того же монастыря: в книге 1593—94 гг., в помещенной здесь инструкции старцу, заведующему раздачей денег взаймы и их собиранием с должников, между прочим читаем: «а будет государь изволит крестьянам выходу быть», тогда старец обязан собирать долги с крестьян без всяких отсрочек и др. льгот. Дело ясно: в промежутке между 1581 и 1593 годом государь «изволил быть» заповедным годам, когда выход крестьянский отменялся. Заповедные годы были мерой временной, но распространявшейся на всю территорию Московского государства, быть может за исключением колоний.

Из сопоставления этих фактов из практики Волоколамского монастыря с другими данными о заповедных годах мы можем совершенно определенно говорить о том, что указ о заповедных годах, т.-е. *временная отмена Юрьева дня*, падает на 1580 г., и 1581-й год был первым «заповедным».

Чем была вызвана эта мера, мы уже видели, но она не была единственным свидетелем резкого поворота в политическом курсе власти. Вместе с крестьянами попали в неволю и кабальные люди и другие категории населения, находившиеся в более легкой зависимости от своих хозяев. К сожалению, относительно кабальных людей у нас нет точной даты, когда именно это произошло. Имеющиеся источники говорят о 80-х годах XVI в. и в частности указывают на 1586 г. (Указ 1597 г. отсылает к указу этого года). Еще Карамзин отметил этот год и о самом законе выразился так: «Закон, изданный в Федорово время (1584—1598; *см.* XLIII, 197 сл.), единственно в угодность знатному дворянству, об укреплении всех людей, служащих господам не менее 6 месяцев, совершенно прекратил род вольных слуг в нашем отечестве... Закон, недостойный сего имени своею явною несправедливостью». Закон 1597 г. о кабальных холопах (*см.* XXV, 447/48) слишком хорошо всем известен, чтобы о нем много распространяться. Достаточно сказать, что по этому закону кабальные люди потеряли право путем выплаты долга освобождаться от своих хозяев и тем самым превращались в кабальных холопов с тем отличием от полных, что холопство их прекращалось со смертью господина и не распространялось на детей холопа после смерти этого последнего. М. А. Дьяконов (*см.*) по этому поводу совершенно справедливо замечает, что «отмена права выкупа кабального состоялась в интересах рабовладельцев, не желавших допустить переманивания кабальных».

Итак, и крестьяне и кабальные люди претерпели метаморфозу, несомненно подсказанную интересами господствующих в данный момент классов. Между тем нам известно, что со времен Грозного у власти стояли помещики, в своих интересах имевшие много общего с растущей буржуазией, т.-е. классовая природа власти в этот отрезок времени оставалась в общем неизменной. Стало быть, общая обстановка изменилась настолько, что вчерашняя программа помещиков уже не годилась для сегоднешнего дня. Действительно, изменилось, как мы видели, многое. Грандиозного размаха внутренняя и внешняя политика Грозного, дав ряд крупнейших достижений, окончилась на полпути: опричнина не дала тех результатов, на какие была рассчитана. Помещик оказался недостаточно сильным, чтобы довести борьбу до полного конца и перестроить общественную жизнь заново; будучи по своей общественной природе таким же феодалом, как и боярин, он и в случае удачи мог сделать это только в очень ограниченном масштабе: его феодальное владение могло оказаться более рационально организованным, более связанным с рыночными отношениями и вследствие этого более прогрессивным; но вся конкретная обстановка для этого была неблагоприятной. Внешняя политика завершилась неудачной длительной и дорого стоящей Ливонской войной. И успехи и поражения не дешево обошлись стране. Она переживала величайший общехозяйственный кризис.

Заметные побеги развивающихся товарно-денежных отношений, появление ряда признаков, свидетельствующих о разложении старого типа феодальных отношений — уничтожение холопства и замена его либо свободным наемным рабочим, либо

его суррогатами, в роде кабальных людей и других видов серебреничества, торжество денежной ренты— весь этот прогрессивный процесс не был достаточно прочен и был прерван, не успев дать больших результатов. В итоге помещик оказался владельцем крепостных душ (крестьян и дворовых), правда, по предположению закона, временным, но для данного момента достаточно было и этого. Крестьяне еще долго верили, что по устроении земли они снова получат свободу. Церкви действительно удалось сравнительно скоро вернуть свои привилегии, которых она лишилась одновременно с потерей крестьянами свободы переходов. Крестьянин оказался не столь счастливым. Впрочем, скоро опять пришли трудные времена, когда снова зашаталось и положение помещиков, и бояр, и князей церкви. (См. *Смутное время*, XXXIX, 644/58). Началась крестьянская война. Чем она была вызвана?

Разоренные всеобщим хозяйственным кризисом помещики, не достигшие полной победы над боярством в период опричнины; боярство, еще в некоторой мере уцелевшее и не сдавшее всех своих позиций; церковного типа землевладельцы, не менее светских феодалов пострадавшие от тех же причин, — с начала 80-х годов XVI в. начинают энергично восстановлять свои хозяйства, стараясь наверстать потерянное. На примере Елено-Константиновского монастыря, тоже запустевшего в период кризиса, мы видели отчасти методы восстановления разрушенного хозяйства. Сюда же можно присоединить факты из практики новгородского архиепископа и его вассалов, софийских помещиков. Основное, что бросается в глаза в этом процессе изживания кризиса — это нажим на крестьянский труд во всех видах и формах, а в частности — усиление барщины. Как раз к этому времени относится и характерное изменение в формуляре жалованных поместных грамот: прежняя форма обращения к крестьянам: «и вы б, крестьяне, своего помещика чтили и слушали и на суд к нему ходили, и оброк ему платили *по старине*, а он вас ведает и судит» была заменена другой: «и вы б, крестьяне, пашню на него (помещика) пахали и оброк ему платили, *чем он вас изоброчит*». Само собой разумеется, что крестьянин попавший в безвыходную зависимость от своего хозяина, вынужденный работать на него больше, чем это было раньше, ждал только случая, чтобы заявить свой протест. Отдельные случаи крестьянских волнений можно видеть в 90-х годах XVI в., между прочим и в том же Волоколамском монастыре. То же необходимо сказать и относительно кабальных холопов, несомненно с своим новым положением мирившихся так же плохо, как и крестьянин с заповедными годами.

Так подготовлялось решительное столкновение сторон. Нужно сказать, что землевладельцы, повидимому, не ожидали крестьянского и холопского восстания или во всяком случае относились к первым его признакам недостаточно серьезно. Об этом можно судить не только по наивным летописным сообщениям, но и из того, что помещики не поняли политики Бориса Годунова (*см.* VI, 305/07), одного из немногих, кто, повидимому, ясно представлял себе положение вещей.

Только на фоне развертывавшейся классовой войны можно понять и поведение царя Бориса (1598—1605) и действия Дмитрия Названного (1605—1606; см. *Лжедимитрий I*) и его преемников. Новиков делает очень интересное сообщение о том, что царь Борис и царь Василий Иванович Шуйский (1606—1612; *см.* VIII, 20/21) издали было указы о вольности холопей, но они, «получа свободу, употребили оную в крайний государ-

ству вред, почему скоро по издании оных указов обоими сими государями паки оные уничтожены». Тут много путаницы, но зерно истины, несомненно, имеется. Прежде всего нужно признать весьма неудачным прием объединения в одном рассказе двух лиц, находившихся у власти разновременно и в своих политических взглядах далеко не солидарных. Но весьма похоже на правду то, что цари, и Борис и Василий, вынуждены были делать политические уступки, которые, как всегда бывает с запоздалыми подачками сверху, вместо успокоения вызывали новую волну революционного подъема.

Нам известны распоряжения Бориса по урегулированию крестьянских повинностей, его указы 1601—1603 годов о праве крестьянского выхода, отменяющие указ о заповедных годах но мы не можем не признать эти меры безусловно вынужденными и запоздалыми. Мы знаем также, что 16 авг. 1603 г. Борис велел «кликать» в Москве и городах, чтобы холопы, ушедшие от господ своих вследствие голода и не получившие от них отпускных, шли бы в Холопий приказ, где им будут выданы отпускные помимо воли господ. Необходимо все же сознаться, что нам едва ли известно все о мерах, принимавшихся Борисом в этом направлении. Весьма вероятно, их было больше, и в своей совокупности они, несомненно, могли производить впечатление политики, направленной, как казалось помещикам, против их интересов.

Поведение Шуйского в этом отношении представляет особый интерес, так как ситуация к этому времени приобрела исключительно острый характер. Один царь — бояр и купцов — сидел в Москве, другой—«казацко-крестьянский» — в Тушине. Между ними шла война (*см.* XXXIX, 652/55). Сражались, конечно, не только оружием. Одной из мер, диктуемых чувством самосохранения, была и политика Шуйского по отношению к холопам вообще и в частности к кабальным. В 1606 г. подтверждается запрещение записывать кабального человека одновременно за двумя родственниками, что на деле, конечно, превращало кабальную зависимость в потомственную, было явным обходом Царского Судебника (*ср.* XXXIX, 651). В следующем 1607 г. подтверждается и даже расширяется уже забытое старое правило о возможности добровольной службы по найму без превращения в холопа: проработавший полгода, или год, или больше, может и не давать на себя кабалы, если этого не пожелает. На основании этого закона люди стали жить без кабал лет по 5, 6, 10 и больше. Ровно через год, 9 марта 1608 г., Шуйский делает еще шаг вперед в том же направлении. Он решительно возвращается к Судебнику 1550 г. и распоряжается, чтобы на вольных людей записей на пожизненную службу не давать и в записные книги в Холопьем приказе не записывать, «а имати записи на вольных людей всяким людям на урочные лета по прежнему уложению», т.-е. по Судебнику Ивана Васильевича Грозного. Такая линия в разрешении вопроса о кабальных людях может быть объяснена не только политическими обстоятельствами момента, но и тем, что Шуйский сам был близок буржуазии, и вопросы найма рабочей силы, особенно в городах, где и была сосредоточена главная масса кабальных людей, он разрешал в интересах буржуазии. Характерно, что оба эти указа были изданы без Боярской Думы, и политическая совесть Шуйского не протестовала. Некоторую потребность «говорить с бояры» он стал ощущать в мае 1609 г., когда ему пришлось решать вопрос о людях, которые живут без всяких кабал по 10 лет и больше у своих хозяев и кабалить себя не думают. Царь решил и этот

вопрос временно и компромиссно. Таких людей он приказал отдавать старым государям, у кого они живут, до своего государева указа, т.-е. сохранил status quo, но о том «рекся... говорить с бояры». Мы прекрасно знаем, что из этих разговоров вышло. Бояре покончили со всеми буржуазными затеями Шуйского и 12 сентября 1609 г. «приговорили о добровольном холопстве быти той статье по....прежнему указу» царя Федора Ивановича 1597 года (*см.* XXV, 451), т.-е. восстановили самый суровый закон о кабальных людях. Это произошло тогда, когда окончательно выяснилась неустойчивость обоих царей, московского и тушинского, когда успешно подготовлялся блок московских и тушинских бояр и помещиков на почве разрешения крестьянского, холопского и других вопросов, относительно желаемого направления которых все разногласия в виду общей опасности крестьянской и холопской войны, повидимому, исчезли. В договоре 1610 г. с королем Сигизмундом (*см.* XXXIX, 605) положение крестьянской и холопской массы определилось с полной ясностью: «Мужиком хрестьяном до Литвы з Руси, а з Литвы до Руси, и на Руси всяких станов людем русским промеж себе выходу не кажет король его милость допущати» (§ 16). «Холопов невольников боярских заховывати рачит его королевская милость при давных звычаях, абы бояром альбо паном своим служили по первшому; а вольности им господар его милость давати не будет рачить» (§ 17). И эти пункты нереализованного в общем договора полностью были проведены в жизнь победителями «Смуты», так как они менее всего могли вызвать в данный момент какие бы то ни было разногласия. Шуйский еще в 1607 г. издал закон о том, что крестьяне, внесенные в писцовые книги 1593 года, должны жить за тем, за кем писаны. Хотя на этот закон позднее никто не ссылался, но он, несомненно, вошел в практику жизни, так как вполне соответствовал интересам землевладельцев. Так временная мера — «заповедные годы» — рано стала обнаруживать явную тенденцию превратиться в постоянную. По этому предмету разногласий больше не было. Они появились лишь по вопросу об «урочных» годах. По закону 1597 года о пятилетней давности исков на беглых крестьян землевладельцы, умевшие ухоронить от хозяйского глаза беглого крестьянина в течение 5 лет, получали право владеть им и впредь, уже на законном основании. При помощи комментирующих это положение жалоб мелких и средних помещиков не трудно понять, как это делалось и при каких условиях это можно было успешно делать: богатые землевладельцы, т.-е. крупные монастыри и те из помещиков и бояр, кто во время «Смуты» сумел расширить или сохранить свои земельные имущества, имели возможность в течение 5 лет прятать беглого крестьянина в отдаленных уголках своих обширных владений и, успешно проделав эту операцию, продолжали и в дальнейшем сманивать крестьян, особенно у бедных своих соседей, мелких помещиков.

Помещик, таким образом, получил то, что ему было особенно необходимо в данный момент. Крестьянские выходы были отменены, он мог увеличивать количество прибавочного труда по своему усмотрению. В тяжелые годы общего хозяйственного кризиса он, несомненно, широко пользовался своим новым правом, близоруко не замечая, что крестьянская масса готовится к протесту. Нужно, впрочем, сказать, что далеко не все разделяли столь благодушное отношение к развертывающимся событиям. Флетчер в своей книге о Р., изданной в Лондоне в 1591 году, прямо говорил о том, что жестокая политика Ивана IV так потрясла государство и до

того возбудила общий ропот и непримиримую ненависть, что, повидимому, это должно окончиться не иначе, как всеобщим восстанием. Борис Годунов, а стало быть и люди, ему политически близкие, безусловно тоже понимали серьезность момента. Закон 1597 года о пятилетней давности исков на беглых крестьян тоже говорит о том, что правящие круги находили необходимым хотя бы несколько смягчить создавшееся для крестьянской массы положение. По этому закону беглый крестьянин, о возвращении которого не было в течение 5 лет челобитья, получал право жить за новым своим господином. Много хлопот впоследствии доставил этот закон помещикам, не переставшим требовать его отмены. Но в данный тяжелый момент власть вынуждена была идти дальше в направлении облегчения состояния крестьян, все более и более запутываясь в противоречиях: с одной стороны, нарастающее революционное движение крестьян, холопов и городского мелкого люда, с другой — недовольство помещичьей массы правительственной политикой уступок этой крестьянской и холопской массе ставили правительство Годунова в безвыходное положение, разрешившееся трагически. Мы располагаем сейчас фактами, способными иллюстрировать эти противоречия. Мы имеем факты крестьянских волнений в конце XVI в. в Волоколамском монастыре, когда крестьяне перестали исполнять свои повинности и начали избивать монастырскую администрацию; летописец отмечает в это же время увеличение разбоев, некоторые из которых носят уже характер настоящей гражданской войны. Параллельно мы можем наблюдать запоздалые шаги власти, старающейся придать законный вид «незаконным» выступлениям крестьянства. Характерен в этом отношении упоминавшийся выше указ царя Бориса 1601 г. о разрешении крестьянских выходов. Закон был подписан 24 ноября, сообщен окольничему Морозову в Москве для опубликования 28 ноября. А между тем срок крестьянских выходов был определен с 26 ноября по 9 декабря. Совершенно ясно, что новый закон мог стать известным на местах в лучшем случае в первых числах декабря, а в отдаленных местах и значительно позже. Ясно, что власть в данном случае старалась только узаконить происходящее на ее глазах нарушение заповедных годов, предпринятое в революционном порядке, с которым помещики начали борьбу своими собственными средствами, в результате чего, по выражению указа Василия Шуйского (см. выше), переданного нам Татищевым, частично в его собственном пересказе, «начались многие вражды, крамолы и тяжи», и «в народе волнение велие». По сообщению того же источника, от вмешательства в это движение власти «учинились распри и насилия, и многие разорения, и убивства смертные, и многие разбои и по путям грабления содеяшася и содеваются». Отсюда Василий Шуйский сделал соответствующий вывод и отменил в 1607 г. законы своих предшественников. По новому закону («которые крестьяне от сего числа перед сим за 15 лет в книгах 101 (1592–1593) году положены, и тем быть за теми, за кем писаны»), устанавливается также штраф за прием беглого с соответствующей мотивировкой: «не примай чужого», которая потом неоднократно повторялась в официальных актах. Правда, этот закон предан был скоро забвению, но он для данного момента был весьма характерен. В дальнейшем ссылок на него мы не встречаем. Обычно всегда в нужных случаях ссылаются на закон о заповедных годах или на закон 1597 г. о пятилетней давности.

Права землевладельца на крестьян, возникшие задолго до закона 1607 г.,

не возбуждали сомнений новых представителей власти и решительно подтверждаются и в Москве, и в Тушине, и в отошедшем к Швеции Новгороде.

Опасение эмансипаторской политики со стороны нового царя-иноземца (Владислав), который мог повторить опыт Бориса Годунова, вылилось в форму особого соглашения с польским королем Сигизмундом (см. выше). Собравшиеся под Москву дети боярские в 1611 году 30 июня приговорили: «крестьян и людей по сыску отдавать назад старым помещикам». Победители крестьян после «Смуты» не вносят в крестьянский вопрос ничего нового: после «Смуты» в официальных актах уже нет указаний ни на выходные», ни на заповедные годы. Да и могло ли быть иначе? К 20-м годам XVII века мы видим у власти тех же помещиков; общая хозяйственная ситуация ставила вопрос об обеспечении служилого человека-помещика землей и рабочими руками даже острее, чем в 80-х годах XVI в.: сокращение пашни, рост перелога, уменьшение тяглоспособности крестьянина, умножение бобылей. Правда, хозяйственное разорение ликвидировалось большими темпами, но получивший в свое распоряжение крестьянские руки землевладелец не только не склонен был отказываться от них, но обнаруживал явную тенденцию к расширению на них своих прав.

Борьба помещика за отмену «урочных лет», созданных указом 1597 года, и освоение поместья, превращение его из условного владения в собственность заполняет значительную часть XVII в. (см. *поместье*, XXXIII, 31/32). В исходе этой борьбы помещик, начавший в конце XV в. с выступления против бояр-вотчинников и мечтавший об оплате своего труда денежным царским жалованием (Иван Пересветов), сам становится феодальным собственником земли и восстановляет старое крепостничество в более отчеканенной и суровой форме. Борьба помещика за землю и крестьян оканчивается его полной победой.

Необходимо указать, что эта победа далась помещику не сразу. В царствование Михаила Федоровича Романова (1613—1645; *см.* XXIX, 105/11), особенно с момента возвращения из польского плена (1618) его отца Филарета Никитича (*см.* XLIII, 476/79), мелкий и средний помещик были далеко оттеснены назад. Вакханалия крупных земельных раздач создала богатую верхушку новых феодалов, которые не склонны были уделять много внимания интересам служилой массы. Земский собор, где эта последняя могла говорить о себе, стал сейчас для новой власти ненужным и лишним, и детям боярским оставалось лишь путем челобитий напоминать представителям этой власти о своем существовании и о своих нуждах. Эти челобитные совершенно отчетливо говорят о нарастающем раздражении против создавшегося положения. В 1636 г. служилые люди замосковных и украинских городов, воспользовавшись тем, что им предписано было «для государева и земского дела» послать в Москву из своей среды «лучших в уме и неоскудных людей», послали с ними и свое коллективное челобитье, где они излагали, между прочим, те разорительные для них затруднения, которые им приходилось испытывать от сильных людей, принимающих к себе их беглых крестьян, а часто просто их сманивавших. Из челобитья видно, что у заинтересованного в приобретении рабочих рук богатого землевладельца имеется ряд нелегальных возможностей: скрывание беглого в течение 5 лет, организация при помощи денег «волокиты» в Москве по делам о разыскании беглых, сговор с беглыми крестьянами, легализованными по истечении «урочных

лет». В 1641 г. от дворян и детей боярских «всех городов», собранных в Туле для службы, подается новое челобитье на эту уже старую тему. В год смерти царя Михаила (1645) они уже опять из Тулы подают более резкое заявление о том, что «от служеб обедняли и одолжали великими долги, и коньми опали, и поместья их и вотчины опустели, и домы их оскудели и разорены без остатку от войны и от сильных людей». Они настаивают на отмене «урочных лет». Власть либо отказывала им, либо ограничивалась небольшими уступками, увеличивая сроки возвращения до 9—10—15 лет. Только в 1646 году дано было (неисполненное, однако) обещание, что урочные годы будут отменены. Этому обещанию дворяне и дети боярские не поверили. Наконец, в 1648 г., при Алексее Михайловиче (1645—1676; *см.* II, 202/14), когда опять зашаталась Московская земля и явно встал призрак революции, они снова уже вместе с дворянами и жильцами московскими обращаются с новым челобитьем к царю, где снова рассказывают повесть о своих злоключениях и требуют полной отмены урочных лет, запрещения под страхом наказания принимать беглых и пытки для убежавших под чужим именем крестьян. Это челобитье имело успех: XI глава Уложения царя Алексея Михайловича (*см.* XLII, 280/83), особенно статьи 2, 3 и 22, ответила на все эти пункты совершенно в смысле требований служилого человека-помещика. XI глава Уложения — блестящая победа помещика, итог его полувековой борьбы за полное освоение крестьянских рабочих рук. Крестьянская крепость, более жестокая и четко оформленная, чем старые формы крестьянской зависимости, прочно устанавливается на 200 лет с лишком.

Так изображают ход этой борьбы наши источники. Но если мы не хотим попасть к ним в плен и смотреть на вещи глазами помещиков, писавших челобитья и диктовавших закон 1648—1649 года, мы должны изучить всю обстановку движения, где на одном полюсе стояли крестьянство и городские низы, плохо разбиравшиеся в сложных взаимоотношениях господствующих классов, на другом — феодалы всех оттенков и городская буржуазия.

Уже в последние годы царствования Михаила Федоровича были на лицо симптомы надвигавшегося кризиса. В 1630 г. приехавший из Москвы в Сибирь служилый человек Алексей Левонтьев рассказывал, что «делается-де в Москве нестройно, и разделилась-де Москва натрое, бояре-де себе, а дворяне себе, а мирские и всяких чинов люди себе же». Десять лет спустя сын боярский Прохор Колбецкий писал своему отцу, что в Москве «смятенье стало великое» и что, по его мнению, быть боярам «побитым от земли». В этой обстановке, как мы видели, служилые люди писали свои коллективные челобитья. Посадские люди делали то же, излагая в них свои собственные нужды.

Так подготовлялись события 1648 г., разразившиеся крупным движением едва ли не во всех значительных городах Московского государства и прежде всего в Москве (*см.* II, 204/05). По выражению наших источников, поднялись против власть имущих прежде всего «посадские всяких чинов люди», «посадские и всякие черные люди». Этим объясняется, что в первую очередь пострадал Плещеев, заведывавший Земским двором в Москве, которому были подведомственны судом и расправою московские черные сотни и слободы, и что раздражение низов распространилось также на лиц, стоящих во главе приказа Большой казны (*см.* XXXIII, 456, 461), которому подчинены были «гости и гостиная сотня и многих городов торговые люди»;

понятно, почему пострадали начальные люди Сибирского приказа, кн. А. Н. Трубецкой и кн. Н. И. Одоевский, если вспомнить, что мелкие торговые люди Москвы были в неоплатных долгах у этого приказа, который взыскивал с должников деньги, беспощадно описывая их лавки и дворы. Главной силой восстания были низшие и средние слои посадского населения московских городов и самой Москвы прежде всего. Совершенно естественно, что к черным людям примкнули стрельцы, мало чем отличавшиеся от черных людей вообще. Стрелец — обычно либо мелкий торговец, либо ремесленник (*см.* XLI, ч. 5, 17 сл.). Шведский резидент в Москве относительно стрельцов, принявших участие в движении, доносил своему правительству, что они «сражаться за бояр против простого народа не хотят, но готовы вместе с ним избавить себя от насилий и неправды боярских». Это сообщение подтверждается и другими фактами. Неудивительно, что лица, стоявшие во главе Стрелецкого и Пушкарского приказов, Б. И. Морозов и П. Т. Траханиотов, испытали на себе гнев стрельцов и мелких служилых людей (*см.* II, 204/05). Нельзя забывать также, что Б. И. Морозов в это время был фактическим главою московского правительства, что ему уже по этой причине пришлось принять первый и сильный удар восставших и что только благодаря очень ловкой политической тактике удалось сохранить свою жизнь, а позднее и вернуть выскользнувшую из его рук на некоторое время власть. Но если движение началось снизу, то вскоре к нему примыкает масса мелкого и среднего служилого люда, делается в союзе с посадскими людьми его руководителем и в конечном счете меняет характер и цели борьбы и пользуется плодами победы. По их инициативе созывается земский собор 1648—49 г. (*см.* XXI, 219), на котором и было составлено так называемое *Уложение царя Алексея Михайловича* (см.). Патриарх Никон (*см.*) впоследствии утверждал: «и то всем ведомо, что збор был не по воли—боязни ради и междоусобия от всех черных людей, а не истинные правды ради», и Уложение называл книгой, «по страсти написанной и многомятежного ради смущения». Вполне понятно, почему Никон не мог сочувствовать Уложению. Оно затронуло его с нескольких сторон: и как главу церкви, и как крупного купца, и как крупнейшего землевладельца. Как патриарх, он был уязвлен тем, что Земский собор создал особое светское учреждение — Монастырский приказ, на обязанности которого лежал суд «во всяких исцовых исках» над духовенством высшим и низшим, а также над их служилыми людьми и крестьянами (*см.* XXIX, 263/64). Как привилегированный представитель торгового капитала, патриарх пострадал от того, что Уложение (XIX глава) постановило, чтобы все слободы в Москве и в городах и около Москвы и городов, принадлежащие духовным учреждениям и частным лицам и построенные на государевой посадской земле, были взяты на государя, «а впредь опричь государевых слобод ничьим слободам на Москве и в городах не быти» (ст. 1 и 5 Улож.). Наконец, в качестве крупнейшего землевладельца, патриарх едва ли был доволен тем, что детям боярским удалось на Земском соборе 1648—49 г. провести отмену урочных лет по сыску беглых крестьян (см. *крестьяне*, XXV, 456/58).

Отношение Никона к Уложению обнаруживает позицию пострадавшей стороны. Масса же служилого дворянства, т.-е. большинство русских феодалов и средняя городская буржуазия могли торжествовать серьезную победу: Уложение закрепляло за ними

их старые требования. Рабочие крестьянские руки оказались прочно и надолго за помещиками, права которых над крепостными душами продолжали расти. Начавшийся несколько раньше процесс освоения поместья продолжал развиваться быстрыми темпами. Крепостническое государство, успешно справившееся с новым казацко-крестьянским движением Разина (см. *Разин и разиновщина*, XXXV, 486/508), приобрело вполне законченную форму.

Б. Греков.

III. Крепостная Р. XVII и XVIII века. 1. В середине XVII в. Московское государство было обширным по территории и довольно сложным в социально-экономическом и этнографическом отношениях. Слагавшееся веками, оно включало разнообразные и разнородные территории (*см.* карту).

Старый *центр*, размещавшийся в основном между Волгой и Окой, с захватом неширокой полосы Заволжья на севере и части территории к югу от Оки, был районом наиболее плотно заселенным и посылавшим вольных и невольных колонистов в разных направлениях. Здесь почти исключительно шли селения,—в громадном большинстве случаев очень небольшие, в пределах десятка дворов, деревни,—великорусского племени, две ветви которого, *окающая* на севере и *акающая* на юге (см. *русский язык*), смыкались у Москвы, где и вырабатывался общий, единый для всех официальный и литературный русский язык. В разных местах этого края девственные когда-то леса постепенно редели, уступая место пашням; пустоты, образовавшиеся в бурные годы «Смуты», заметно заполнялись новыми починками и деревнями. Паро-зерновое трехполье вновь становилось здесь господствующей системой земледелия, но продолжали практиковаться и пашня «наездом» и перелог, являвшиеся теперь свидетелями роста запашки, не укладывавшейся в рамки постоянно обрабатываемых участков. Почвы этого края, за немногими исключениями (как пятно вокруг Юрьева Польского) бедные для земледелия и давно обрабатываемые — супеси, суглинки, подзолы — требовали обязательного удобрения по крайней мере правильно эксплоатировавшейся «пашни паханой». Навоз был единственным в тогдашней практике средством поддерживать на довольно невысоком уровне (сам-третей, сам-четверт, сам-пят, реже выше) урожаи. Отсюда скотоводство являлось необходимой составной частью сельского хозяйства не только в степени, необходимой в качестве тяговой силы хозяйства (лошади, очень редко волы), не только в пределах продовольственных норм населения, но и в виде поставщика необходимого удобрения. Лесные поляны, заливные луга по многочисленным рекам и речкам, осоки по мочажинам и лучшие травы по болотинам использовались для заготовок сена. Впрочем, в распределении внимания хозяина к разным отраслям хозяйства все более начинали сказываться рыночные условия. Зерновые культуры в этом районе в значительнейшей части засевались с целями самопродовольствия. И то, кажется, не всегда уже и в ту пору обеспечивались местным зерном потребности все время росшего населения; с черноземного юга подвозились сюда заметные партии хлеба для пополнения местных рессурсов, особенно в годы недородов. К тому же хлеб, лишь спорадически и не в очень больших количествах отпускаемый за границу, а для внутреннего спроса выгоднее производимый в более урожайных районах, не стоило форсировать здесь, в обстановке для него менее благоприятной. Технические культуры — коноплю и лен, не везде возможные по условиям климатическим и не всюду равно уда-

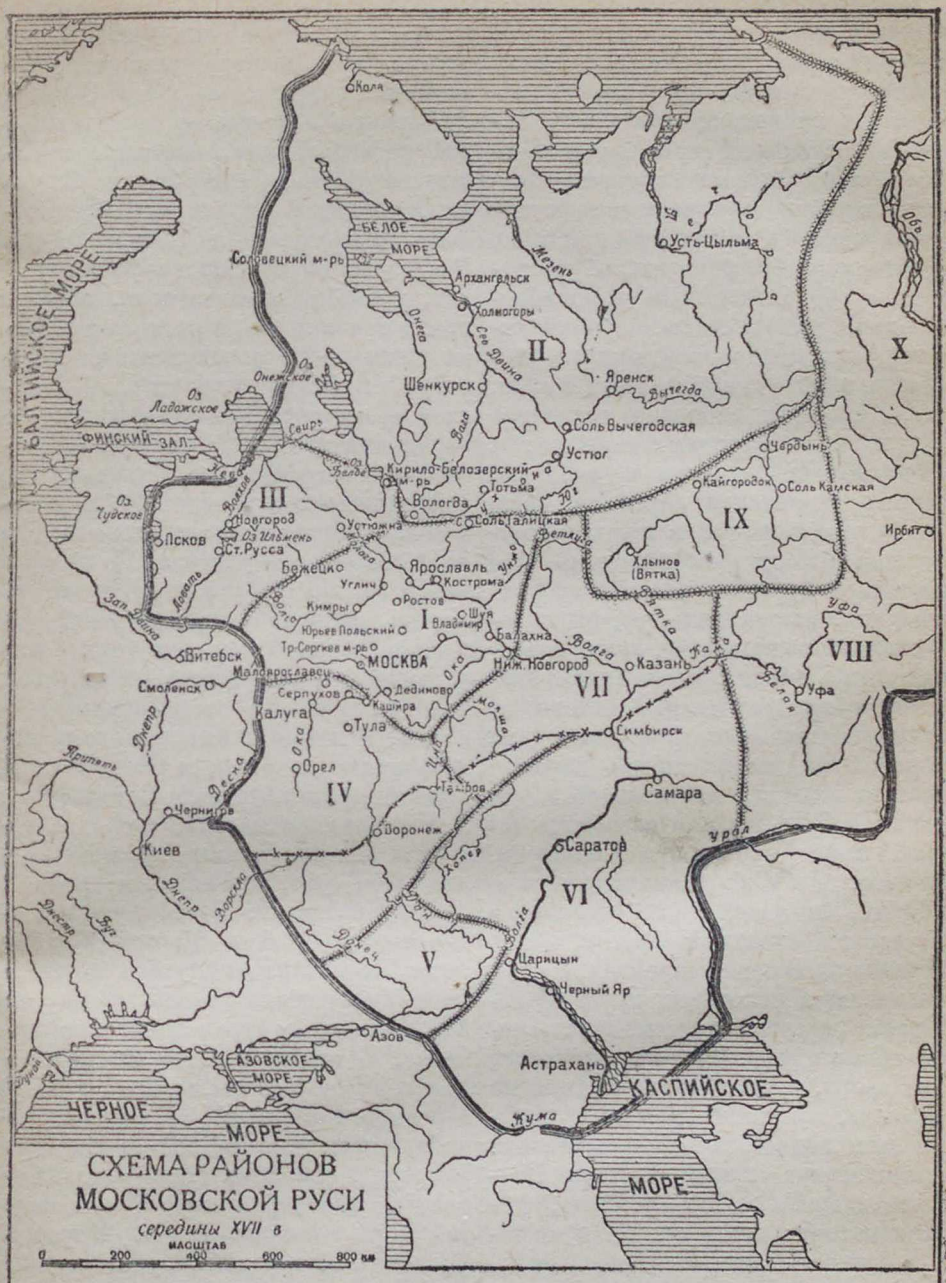


СХЕМА РАЙОНОВ МОСКОВСКОЙ РУСИ

середины XVII в.

МАСШТАБ 0 200 400 600 800 км

Условные обозначения

Границы государственные

районов

Укрепленные линии

РАЙОНЫ.

I Центр

II Север

III Северо-Запад

IV Юг

V Дон

VI Юго-Восток

VII б Казанское царство

VIII Башкирия

IX Северо-Восток

X Сибирь

ющиеся в подходящей для них полосе, наоборот, имело смысл засевать в лишних против личного потребления размерах: на их волокно Европа предъявляла постоянный спрос, лен и пенька в полуфабрикатах и готовых изделиях, льняное и конопляное масла находили сбыт и на внутреннем рынке. И потому особо рачительно удобряемые и обрабатываемые конопляники были, как правило, принадлежностью каждой деревни, каждого хозяйства, а льном, высеваемым в поле, уже в ту пору особенно славились из центральных владимирские места. Точно так же и внутри и особенно извне предъявлялся спрос на кожи и сало, поощрявший в полном соответствии с местными условиями скотоводство. Другие отрасли сельского хозяйства, как садоводство, рыночного типа огородничество, даже пчеловодство, не имели существенного значения и практиковались далеко не повсюду. Многовековая и достаточно напряженная эксплоатация даровых богатств воды и леса привела в середине XVII в. к значительному истощению края рыбой и пушным зверем. Конечно, рыбу продолжали ловить — в Волге, в Оке, в Плещеевом и Ростовском озерах и других менее значительных реках и речках, озерах и озерках; в некоторых крупных хозяйствах устраивали даже искусственно рыбные пруды. Конечно, охотились и на зверя, били дичь в лесах и по водоемам, но значение этих промыслов все падало. Славились только переяславские сельди из озера Плещеева и шекснинская стерлядь, для ловли которых там и тут были исстари государевы рыболовные слободы. Главным же образом рыба — и в отношении количества и все лучшие сорта ее — привозилась в центральный район преимущественно из Казанского края, еще более из Поволжья ниже Казани, кроме того с севера, из Поморья и из др. мест. Точно так же и наиболее ценные меха доставлялись из северо-восточного угла европейской части Московии и из Сибири. Добывалась кое-где в центральном районе и соль; так, известны «соляные колодези» в костромском Заволжьи, упоминаются они и в Ярославском, Переславском (Залесском), в Ростовском и во Владимирском уездах, но здесь выварка соли, а чаще прямо использование рассола для варки пищи имело почти исключительно потребительский характер. Промысловое значение можно признать за варницами у Соли Галицкой (Солигалич) и особенно в Балахне, где действовало в середине XVII в. семь-восемь десятков варниц, добывавших до 25.000 бадей рассола. Но и солью центр главным образом снабжался из других районов государства. Точно так же местного значения были и разработки железных, главным образом болотных руд. Известны «ручные домницы», в которых выковывалось железо прямо из руды, в Коряковской волости против Юрьевца Повольского, в костромских местах, где одна волостка прямо носила название Железный Борок, в Галицком районе, около Ярославля, под Угличем и кое-где между Окой и Волгой. Старые разработки близ Серпухова по мере роста доменных заводов к югу от него все более утрачивали свое значение. И только в с. Павловском, неподалеку от Москвы, как раз в самой середине века, в 1651 г. начинал выработку железа в более широких размерах, с эксплоатацией небольшой домны, известный предприниматель той поры боярин Б. И. Морозов. Кроме того, в разных пунктах, иногда в целых небольших районах домашнее производство разных изделий для себя вырастало в мелкую промышленность, работавшую на рынок. Назовем Бежецкий район с производством железных изделий, Кимры с кожевенным и сапожным делом, Ней-

ский район (по реке Нее, притоку Унжи) в костромском Заволжьи, известный валяльным промыслом; знаем владимирские села с ткачеством тонких полотен, а в южной части уезда, также в Романове и Новоселках на Оке—деревообрабатывающую промышленность, и т. д. Многие местности давали отхожих ремесленников, как суздальские каменщики, галицкие плотники и пр. Кроме того, ряд сельских пунктов выдвигался торговым значением, как Осташковская слобода, с. Клементьевское близ Троице-Сергиева монастыря, Сима в Юрьевском у. и др. Но главным средоточием торга и промысла были, довольно многочисленные в центре, города и городки (понимая эти термины в смысле социально-экономическом, а не тогдашнем — военном). Почти каждый город имел разнообразных ремесленников, обслуживавших местные потребности, и часто встречаем производства, поставлявшие товары на более широкий рынок. Таковы шуйское мыло, серпуховской уклад (особого рода сталь, изготовляемая небольшими пластинками и употребляемая на наварку топоров, серпов и др. режущих орудий), кожи из Юрьевца Повольского и Углича, те же кожи и кожаная обувь из Кашина и т. д. Более крупными центрами и с более богатым ассортиментом производств были Нижний-Новгород (кожи, железные изделия), Ярославль (то же и зеркала) и особенно Москва. В столице, кроме дворцовых слуг (хамовники-ткачи и др.) и дворовых мастеров в крупных боярских хоромах, имеем самых разнообразных ремесленников (в том числе и из холопов по их юридическому положению), обслуживавших вольный рынок предложением готовых товаров и полуфабрикатов. На ряду с этим в Москве были и более крупные предприятия мануфактурного типа, главным образом казенные: государев «пушечный двор» с разнородным производством, «зелейные» (пороховые) мельницы, типография. Изредка такого типа заведения мелькали и в районе — «ствольная мельница» на Яузе под Москвой (голландца Акина), упомянутый железный завод Морозова, «бумажная мельница» (писчебумажная мануфактура) патриарха Никона. Однако, основание двух последних относится уже к 50-м годам XVII столетия.

Таким образом, центральный район в середине XVII в. являет картину довольно разнообразно построенной экономики. И можно, пожалуй, сказать, что не земледельческое хозяйство, занимающее наибольшее количество рабочих рук, характеризует экономические тенденции района на будущее. Достаточно развитая промысловая и торгово-промышленная жизнь края — свидетель того, что денежные отношения не только подчинили себе в значительной мере городские пункты, но довольно глубоко проникли и в деревню. Поэтому понятно, что экономическое расслоение было фактом не в одних только городах, но и в сельских местностях. И если в городе мелкие ремесленники и торговцы все более и более попадали в цепкие лапы крупных капиталистов, то и в деревнях мы встречаем довольно значительных торговцев (напр., хлебных в дворцовом селе Дединове на Оке), энергичных скупщиков разных продуктов деревни, подрядчиков на самые разнообразные операции. И не только старое деление на крестьян и бобылей, но и растущее расчленение крестьянства на разные слои с выделением своей сельской буржуазии становится характерным для деревни старого центра. Понятно желание городской буржуазии монополизировать торговлю в своих руках, желание, так определенно сказавшееся в Соборном Уложении, но не осуществимое в жизни, не осуществимое тем более, что богатый слой деревни имел сильных покровителей.

Крестьянское население центрального района в середине XVII в. совсем не могло распоряжаться свободно своим трудом и его результатами. «Черные» земли и живущее на них вольное крестьянство, можно сказать, полностью исчезли в центре еще в первой четверти XVII в. И в середине века мы знаем здесь только дворцовые волости и слободы, монастырские (и другие, принадлежащие духовенству) вотчины и вотчины и поместья частновладельческие, почти исключительно дворянские. Конечно, и дворец, и монастыри, и еще более постоянно нуждающиеся в деньгах частные вотчинники и помещики были очень заинтересованы в росте благосостояния их крестьян, ибо с этим связано было их собственное благосостояние, а участие крестьян в промыслах, промышленности и торговле поднимало уровень их обеспеченности. И под покровом дворцового управления центрального и дворцовых управителей на местах, монастырских властей и церковных владык, а также светских владельцев, особенно более высоких рангов, и развивалось это участие. Но за покровительство и, вероятно, в отдельных случаях за материальное содействие торговое и промышленное крестьянство расплачивалось тем, что вынуждено было большую или меньшую долю своих прибытков отчуждать своим владельцам и «покровителям», как, впрочем, и все зависимое крестьянство в целом. Менее других, повидимому, платежом оброка и повинностями были обременены дворцовые крестьяне, но злоупотребления приказчиков ложились и на них тяжело. Монастыри были, пожалуй, наиболее рачительными в общем хозяевами, лучше других могли поддержать своих крестьян в тяжелую годину или при индивидуальном хозяйственном несчастьи. Но дворцовое землевладение сокращалось в центре в XVII в. Росту духовных вотчин давно старались поставить пределы разные указы, и особенно серьезные преграды воздвигало Соборное Уложение. Наоборот, служилое землевладение непрерывно росло. И одновременно с этим все большие доли поместной земли по пожалованиям или в результате покупок переходили на положение вотчин, да и в отношении поместий все больше начинали устанавливаться и в воззрениях их владельцев и в практике власти вотчинные черты. Вотчина — прочная собственность владельца — планомернее и хозяйственнее эксплоатировалась им. И в связи с новыми общими хозяйственными условиями землевладельцы начинают расширять собственную запашку, используя для работ даровую силу холопов и крестьян, и, постоянно неудовлетворяемые имеющимися средствами, повышают поборы с крестьян и деньгами и натурой, особенно с того времени, как сильнее стали заметны успехи восстановления хозяйства района. И таким образом, если внедрение денежных отношений вносило экономическую дифференциацию в деревню, то эксплоатация со стороны господ с покровительством более зажиточных или прямо богатых, с усилением требований, обращенных к крестьянам вообще, действовала в конечном итоге в том же направлении. Только более дальновидные владельцы старались поддержать беднеющих, чувствуя в их оскудении грядущие свои затруднения.

На *север* от центрального района, до самого Ледовитого океана, простирались громадные пространства *Поморья*. Девственные, главным образом красные, леса на юге и тундры ближе к океану были здесь основными природными условиями. Сравнительно небольшое русское население жалось к важнейшим речным артериям западной половины Поморья — Онеге, Сев. Двине и ее образующим Сухоне, Югу, Лузе, и ее наиболее мощным притокам — Ваге и Вычегде; в меньшей мере располага-

лось оно по Мезени, еще меньше по Печоре; а затем сравнительно хорошо обселены были посадами и деревнями еще озера Онежское, Воже, Лаче, а также южный и западный берега Белого моря, да на крайнем северо-западе, у незамерзающей губы, знаем довольно оживленный торговлей с иноземцами городок Колу. Повидимому, бо́льшую долю жителей обширного северного края составляли давние насельники этих мест, принадлежавшие к разным этническим группам и разделенные полосой русских поселений на две части: «лопь дикая», т.-е. некрещеные лопари, и их крещеные собратья на крайнем северо-западе — вдоль не совсем определенной границы с Норвегией, и южнее, главным образом в Заонежьи (от Москвы), корелы — на западе; «самоядь» (ненцы), на большой площади тундр северо-востока, южнее—зыряне (коми), также на громадных пространствах уже лесной полосы, и у самого «Каменного Пояса» (Урала), постепенно вытесняемые за него в Сибирь; вогулы (вогуличи) — на востоке. Кочевые лопари и самоеды были главным образом оленеводами, более оседлые зыряне и вогулы — звероловами. Корелы по складу хозяйства были близки к русским насельникам, с которыми жили смежно или даже вперемешку. Крестьянское хозяйство на севере уже по географическим условиям должно было носить другие черты, чем в центре. Земледелие с еще более ограниченным числом культур (рожь, овес, большое участие ячменя и репы в полях) велось в форме подсечной системы, по «лядам», очищаемым от леса возвышенностям, и в большинстве местностей явно не удовлетворяло запросов населения: хлеб шел сюда с юга. Серьезное значение имело скотоводство, при чем уже задолго до Петра в местные стада стали включаться экземпляры иностранных пород (из Англии и Голландии), получаемые через Архангельск. Большую роль в хозяйстве играли охота и рыболовство, при чем у ближайших к морю поселений эти промыслы велись в Белом море, на Кольском берегу и на островах океана, где добывали и морского зверя. По берегам Белого моря, особенно западному, а также в Соли Вычегодской и у Тотьмы (недалеко от Сухоны) в довольно обширных размерах ставилась монастырями (прежде всего Соловецким, Кирилло-Белозерским) и частными предпринимателями выварка соли. Немало внимания уделялось заготовке лесных строительных, прежде всего судостроительных материалов. Все эти промыслы явным образом ставились в расчете на широкий рынок, в том числе на иностранных купцов. Другие виды промышленной деятельности, как и земледелие, имели в виду самообслуживание в пределах данного хозяйства, в лучшем случае снабжение местного района. Такой именно характер носила выработка железа в мелких «ручных» домницах в Белой Суде и Цывозерской волости неподалеку от Устюга Великого, в Поданском погосте Сумской волости (у западн. берега Белого моря) и в этом же районе — на «Пустынском железном промысле» Соловецкого монастыря, а в самой середине XVII в. неподалеку от Шенкурска голландцы Марселис и Акема пробовали наладить железный завод. В области изготовления готовых изделий север был известен холстом и полотном домашнего крестьянского ткачества. Крупные пункты Поморья, расположенные на важнейших торговых путях, как Вологда, В. Устюг, Холмогоры, Соль Вычегодская, были не только торговыми, но и промышленными центрами с разными производствами, при чем Устюг и Вологда давали на широкий рынок металлические изделия. Через район русских поселений в Поморье шли два важнейших торговых пути,

не считая других, меньшего значения. Один, связывающий Москву с Англией, Голландией и др. странами, проходил через Вологду, В. Устюг и Холмогоры к Архангельску; использовалась с этими целями иногда и Онега. От Устюга на Кайгородок, от Соли Вычегодской на Яренск и от Холмогор на Усть-Цыльму (на Печоре) ответвлялись пути, идущие в Сибирь. И в торговые обороты русское население по линиям торговых путей было втянуто довольно сильно. Но и в отдаленные углы, к лопарям и самоедам, проникали предприимчивые торговцы, налаживая бессовестную эксплоатацию этих народностей. Ездили из Поморья с товарами и за мехами и «рыбьим зубом» (моржовыми, еще более — мамонтовыми клыками) и в далекие края Сибири. Поэтому понятно, что экономическое равенство давно отошло в область прошлого в деревне Поморья.

Это был край вольного «черносошного» крестьянства (см. *крестьяне*, XXV, 460 сл.). Только старинные вотчины монастырей и прежде всего Соловецкого (максимум в Заонежских погостах — 32% всех дворов, но в большинстве уездов не свыше 10%) да появившиеся только с 1610-х гг. и еще очень малочисленные поместья служилых людей на самом юге, в вологодских пределах, и старые на западе — в Заонежьи (14% всех дворов) несколько нарушали картину крестьянского края. Но в условиях беспередельных общин — волостей Поморья, давно возникла неравномерность в обладании землями, разность в имущественном обеспечении. Торговое движение еще более обостряло противоречия. К середине XVII в. известны в деревнях, главным образом в пересекаемых торговыми путями Сольвычегодском и Устюжском уездах (до 20% ко всему числу дворов), половники, живущие на чужой, большей частью крестьянской же, земле и работающие на ней из доли урожая («исполу»). Еще более резким показателем тех же процессов служат совсем непашенные бобыли, жившие наймом на суда, работой на соляных промыслах и т. п. Явление повсеместное—бобыли особенно сгущены в Заонежьи (свыше 20% всех дворов), в Яренском уезде (даже более 28%). На другом конце социально-дифференцированной деревни отлагались зажиточные и богачи, непосредственно смыкавшиеся с буржуазией городов, которые в Поморьи теснее, чем где-либо в других местах государства, связаны с деревней, пополнялись за ее счет, руководили всей жизнью обширных районов. Участие в торговле, отдача земли в наем, земледельческое хозяйство с наймом сторонней рабочей силы, ростовщичество в отношении близких соседей, а то и отдаленных волостных миров — обычные виды деятельности богатой верхушки города и деревни. И понятно, что у малоимущих растет тяга на новые, незанятые земли на востоке, в Сибирь, на «легкие» промысла.

На *северо-запад* от центра простирались земли бывших когда-то республик Новгородской и Псковской. Это — район среднего и преимущественно мелкого дворянского землевладения. Бок-о-бок с ним по всему краю разбросаны владения более многочисленных, чем где-либо, монастырей (всего свыше сотни), в большинстве своем имевших средние по размерам и даже мелкие вотчины (всего семь с небольшим тысяч дворов). И только на севере сохранились еще дворцовые земли. Таким образом сельское население здесь, сплошь русское, кроме северных частей, где заметны еще группы корел, «чуди» и «веси» (финских племен), находилось в крепостном положении и притом в руках особенно тяжелых эксплоататоров — маломощных владельцев светских и таких же монасты-

рей. Удовлетворять требованиям господ тем тяжелее было здешнему крестьянству, что край не обладал какими-нибудь особыми богатствами. Хотя лес занимал здесь громадные пространства, особенно в северной половине, но мы ничего не слышим о большой роли здесь промыслового звероловства: наиболее дорогие породы пушных, очевидно, выбиты были за много столетий охоты на них. Не богат край и рыбой настолько, чтобы отправлять ее на широкий рынок. Эксплоатировались поверхностные железные руды в районе Белоозера и особенно около Устюжны — знаменитое «железное поле»; в мелких ручных доменках добывали железо и готовили изделья (в Устюжне — даже оружие на государственные нужды). В разных местах работали гончары, благо глин было очень немало и лежали они совсем не глубоко. Изготовление деревянной посуды и др. деревянных изделий также имело место. Но продукция всех этих промыслов редко выходила за границы небольших местных районов. Более крупное значение имели соляные варницы у Старой Руссы. Торговое движение было сравнительно слабым. Оторванный от Балтийского моря и не раз претерпевший экспроприацию капиталов, край этот являл довольно немощную картину. Даже наиболее крупные города его — Новгород и Псков — никак не достигали прежнего блеска и оживления, а большая часть так наз. городов была убогими пунктами, жители которых в сущности ничем со стороны хозяйства не отличались от крестьян. Сельское хозяйство было основным занятием населения края. Давно уже стали здесь налегать на соху, и правильное трехполье с паром водворилось здесь едва ли не раньше, чем в центре. Очень тонкий, особенно в северной половине, культурный слой бедной почвы — глинистой или песчаной, с чистыми глинами или песками под ней, не вознаграждал труда без удобрения, но, по мере развития владельческой запашки, и вывоз «гноя» (навоза) и применение рабочих рук в лучшее время все больше сосредоточивались на господских нивах. Крестьянство, кроме южной полосы, редко когда, особенно на севере, обеспечивалось с собственной пашни. А тут еще изобилие влаги на глинистых подпочвах, губительные заморозки поздней весной и ранней осенью. Поэтому частые недороды. Сосновая и осиновая кора и др. суррогаты шли тогда на питание. Сравнительно большое место в полевом хозяйстве занимал здесь лен, которым особенно славилась на всю Русь Псковская область; недаром именно псковичей привлекал потом царь Алексей к постановке льноводческого хозяйства Тайного приказа. И почвенные условия и наличие обширных лесных пастбищ вели к развитию здесь скотоводства, являвшегося очень существенной поддержкой в питании и дававшего ряд продуктов для домашнего потребления и для рынка. В общем это — сравнительно бедный край, и плохо было обеспечено в нем население. Неудивительно, что меры по вывозу (в силу договора) хлеба в Швецию вызвали здесь особенно острую реакцию (1650). Естественно, что сейчас же перекинувшееся в деревню движение сразу приняло характер социального выступления крестьянства против помещиков. Понятно также, что из деревень и городов все время бредет отсюда население в поисках временной работы или лучших постоянных мест жительства. По Поморью оно двигалось к Уралу и в Сибирь, по Волге доходило до самой Астрахани, шло и на черноземный юг.

Обширные пространства *юга* в середине XVII в., в противоположность северо-западному краю, являли картину большого хозяйственного ожив-

ления и наполнения населением. Особенно развернулся этот процесс после построения в конце 1630-х гг. Белгородской оборонительной «черты», выдвинутой на притоки Ворсклы и бассейн Донца и смыкавшейся на северо-востоке с ранее построенной Тамбовской линией, завершенной к самой середине века Симбирской. Таким образом, для более или менее безопасной эксплоатации открылись довольно значительные площади «дикого поля». Хорошая почва и чем южнее, тем богаче, более теплый, чем в других районах Московии, климат, достаточные количества лесов, реки, еще не опустошенные человеком — все влекло сюда поселенца. Шли на юг и вольные «сходцы» из разных мест, переселялись или «назывались» разными льготами крестьяне на земли помещиков, переводились по указам разные служилые люди. И не только ближайшие места за Окою, но и более южные районы энергично заселялись, из года в год ставились новые починки и деревни, раздирались пашни, расчищались луга. В богатом, во многих местах нетронутом еще человеком крае спешили использовать дары природы. В порядке залежной системы изнуряли почвы непрерывными посевами, главным образом разных зерновых хлебов, истребляли рыбу, гнали лесного и степного зверя, ловили пернатую дичь, в форме первобытного бортничества использовали дикую пчелу, нерасчетливо вырубали леса. Хозяйство ставилось с целями не только обслужить себя, но и бросить избытки на рынок. В центральной части, связанной с Окою, этой рекой сплавляли хлеб в центр государства, при чем видным пунктом хлебной торговли к середине века стал намечаться Орел, от которого Ока была судоходна. Но делалось это, главным образом, наезжими скупщиками из центральных городов и торговых сел (как Дединово на Оке). В западной части, близкой к Украине, приезжие из-за рубежа закупали по временам партии хлеба на винокурение, вывозя его по Десне и ее притокам. На востоке, из тамбовских и воронежских мест, используя Дон и впадающие в него речки, начинали спускать в стругах хлеб, а иногда и кое-какие изделия в станицы донских казаков. На этом начинала создаваться экономическая роль Воронежа. Но районы, далекие от речных путей, волей-неволей должны были жить сами для себя: дорогая сухопутная перевозка съедала всю возможную прибыль при доставках даже на сотню-две верст.

Кто же выступал здесь организатором хозяйства? Стрельцы, служилые казаки и др. мелкие служилые люди «по прибору», «сведенцы» из более северных городов и набранные на месте, не могли играть большой хозяйственной роли. Кроме военной службы, на тех из них, кто служил в более южных крепостях, часто лежала еще обязанность обрабатывать «государеву десятинную пашню», продукция которой предназначалась на обеспечение хлебом крепостных гарнизонов. Крестьян названные служилые люди в громадном большинстве случаев совсем не имели, и потому собственные засевы их были очень невелики, не всегда достигали даже двух-трех десятин на двор. Бóльшую роль играли в хозяйстве монастыри. Но из пятишести десятков местных обителей только пять-шесть имели более чем по две сотни крестьянских дворов (максимум у Свинского Брянского монастыря — около 700), а рядом с этим свыше десятка их не владели вместе и одной сотней дворов. Более сильными предпринимателями выступали тянувшиеся к чернозему мощные монастыри других районов (Троице-Сергиев, Кирилло-Белозерский и др.). Но, пожалуй, главным двигателем хозяйственного развития юга выступало

дворянство, и наиболее широкие размахи проявляли не местные «детишки боярские», в большинстве малоземельные и маломощные (исключение — рязанцы), а ринувшиеся на чернозем столичные чины. Они расхватывали лучшие куски, преимущественно в более безопасных и лучше обселенных районах, или переводили своих крестьян из более северных вотчин и сажали на пашню избытки холопов. Хозяйство велось под руководством приказчиков из доверенных холопов же или нанятой служилой мелкоты со всеми приемами колониальной эксплоатации. На ряду с расхищением почвы там и сям встречаем сидку дегтя, гонку смолы; в небольших «будных майданах» (заводах в лесу) кое-где ставили изготовление из древесной золы поташа, имевшего хороший спрос на Западе. В погоне за доходом истощали силы своих крестьян в барщинных работах, не стеснялись захватывать чужие земли и чужие продукты. Ярким, но исключительным по размеру для середины XVII в. и по могуществу владельца, примером такого хозяйствования были владения царского дяди Н. И. Романова в Воронежско-Тамбовском крае, сопредельном с областью донского казачества. Кроме отмеченного, стоит внимания в разных местах производившееся по летам на нужды и за счет государства селитроварение. Еще большее значение имели первые «вододействуемые» железные заводы голландцев Марселиса и Акемы, доменный и молотовый Тульский, появившийся в 1630-х годах, и молотовый (по выковке железа из чугуна) Каширский на р. Скниге, начавший работать около 1650 г. Вслед за иностранцами царский тесть И. Д. Милославский уже в начале 1650-хгг. соорудил небольшой доменный и молотовый завод на Протве в Малоярославецком у. Таким образом, места давней кустарной выработки железа становились районом наиболее крупных по тогдашним масштабам мануфактур. А с ними приходил, неся новую технику и, конечно, влияя на быт уже не в городе, а в деревенской глуши, иноземец. Так молодой, только что заселявшийся в южных частях край становился местом применения не здесь накопленных капиталов, несших с собою кабалу для местного населения и частью приводивших с собою уже закрепощенных людей из других мест. Тем самым создавались здесь условия для развития социальных противоречий, нашедших себе выражение в бурных, но разрозненных выступлениях 1648 г. и готовивших благоприятную почву для более длительной и более упорной борьбы закабаляемых низов с господами положения в эпоху разинщины.

И *на Дону*, откуда началось это движение, к середине XVII в. не было уже прежнего относительного равенства (см. *казаки*, XXIII, 92/95). «Вольный» Дон все прочнее связывался с Москвою; оставаясь формально независимой силой, казачество все больше фактически становилось служилым московского царя и, хотя ведалось Посольским приказом, но с 1630-х годов получало регулярное жалованье натурой из Москвы. Старое правило: «с Дону выдачи нет» оставалось в силе и привлекало на степные речки Донского края все новые и новые толпы беглецов, по мере того как затягивалась на крестьянской шее петля крепостничества; но уже и московское правительство, по жалобам казаков, что они стали «скудны людьми» после дорого стоившего опыта захвата Азова (*см.* XXIII, 95), объявило в 1646 г. набор добровольцев на Дон, которых скоро собралось до 3.000 чел., а на Дону всего-то насчитывалось тогда семь-восемь тысяч казаков. Новоприходцы, если и были нужны для военных предприятий, то были мало желательны

старым поселенцам, как лишние рты, также жаждущие получать из московского жалованья хлеб и кафтаны. С другой стороны, беглецы и добровольцы приносили с собой лишь свободные рабочие руки, ищущие применения. А на Дону все больше и больше обжившиеся здесь «домовитые» казаки налаживали хозяйство исключительно промысловое, выгодное в виду богатства края и рыбой, и птицей, и зверем (земледелие продолжало оставаться под запретом да и было бы здесь более тяжелым и менее выгодным по отсутствию сбыта занятием). Как ни просто было оборудование этих промыслов, но приходившие на Дон не приносили с собой ни неводов, ни силков, ни тем более ружей с припасами, и по необходимости новые поселенцы становились батраками «домовитых», пополняя кадры «голытьбы», недовольной, озлобленной и готовой на всякие предприятия и социальную битву.

Крайний *юго-восток* Московского государства, Нижнее Поволжье от Симбирска было, как и юг, даже в еще большей степени, районом колониального типа. Только здесь ставилось не земледельческое хозяйство, и не дворянство выступало главным эксплоататором природных богатств этого края. В XVII в. край был еще очень слабо заселен. Кроме новопоставленной крепости Симбирска и старейшей здесь и оживленной, особенно в период навигации, Астрахани, мы знаем на Нижней Волге три крепости: Саратов, Царицын и Черный Яр, из которых только Саратов имел посад; кроме них, между Саратовом и Симбирском насчитывался с десяток сельского типа, не крепостных, населенных пунктов. Гражданское население городов, кроме восточных людей в Астрахани, почти сплошь состояло из нелегальных «сходцев» из разных мест, и правительство даже в годы рьяной деятельности по возврату беглецов на посады (после Уложенья) сделало исключение для Нижней Волги, чтобы не обезлюдить совсем ее городов. Крестьяне в большинстве были переселены сюда их владельцами — монастырями или дворцовым ведомством — из других их вотчин для рыболовства. Вот это рыболовство по всей Волге и протокам ее дельты, выварка соли в Самарской луке и нагребанье той же соли в самосадочных озерах у Астрахани и были основными видами хозяйственной деятельности здесь. Ставились они за счет казны царской и патриаршей, средствами монастырей и крупных капиталистов из купечества. Рабочую силу использовали пришлую, прибредавшую сюда на время работ с разных концов государства, а главное — из средне- и верхне-волжских мест, из соседних районов черноземного юга и усиленно заселявшегося Казанского царства. Довольно оживленным было здесь и судовое движение. И опять-таки «ярыжками» (судовыми рабочими) — на стругах и коломенках, спускавших вниз по Волге хлеб для государевых служилых людей и разные русские товары для восточных стран и поднимавших вверх рыбу, соль и привозимые в Астрахань восточные продукты и изделья, — были всё жители других районов, главным образом с берегов Волги и Оки, или бездомные скитальцы. Таким образом, Нижняя Волга дает нам картину того колониального района, где и капитал и рабочие руки, создававшие хозяйственную эксплоатацию, являлись сюда со стороны и при том преимущественно периодически, на время навигации.

Кочевавшие в приволжских степях с огромными стадами ногайцы (Ногаи Большие — за Волгой, и Ногаи Малые — к западу от нее), хотя и считались подданными Москвы, принимали очень малое участие в жизни государства, и только, поскольку они в

«ордобазарных станицах» являлись на Русь с большими табунами лошадей и, продав их, закупали русские изделья (холст, утварь и пр.), постольку оказывались в сфере торговых оборотов российских купцов. А дальше, за Волгой, царили в степях совсем не признававшие русской власти, хотя некоторые ханы их и дали в 1640-х годах «шерти» быть «под высокою царскою рукою», калмыки, дававшие по временам знать о себе набегами на юго-восточные и прикамские заселенные районы.

К северу от Симбирска район бывшего *Казанского царства* (см.) еще в XVI в. стал объектом колонизаторской и руссификаторской политики московской власти. Но только как раз в середине XVII в. этот район получил крепостные границы «для обереганья от приходу калмыцких и ногайских воинских людей», по официальной мотивации. На запад от Волги замкнула район Симбирская черта, связанная, как сказано ранее, с Тамбово-Ломовской. А за Волгой как раз с 1650 г. было предпринято строенье Закамской линии острогов и острожков, начиная от Белого Яра (несколько южнее Симбирска, на левом берегу Волги) и кончая Мензелинском, на речке Мензеле, в низовьях Ика, притока Камы. Однако, эти крепостные сооружения не открывали возможностей колонизации, а обеспечивали уже ранее сделанные к северу от них захваты, хотя, конечно, под защитой укреплений должен был уже во второй половине XVII в. еще сильнее развернуться процесс внедрения здесь среди покоренных племен пришлого русского населения. Так же, как и на юге, по той и другой черте и в ближайших районах правительство сажало своих «воинских людей»: стрельцов и служилых казаков, которых вербовали из разных элементов или прямо переводили из других городов, а в 1650-х гг. и из «смоленских иноземцев». Впрочем, вдоль черты принудительно селили и русских крестьян и — в западной части — мордву, возлагая и на них несение караулов. Поселенцы военные и гражданские, по обычаю, получали земли и ставили на них довольно убогое трудовое сельское, главным образом зерновое, хозяйство. А под защитой черты севернее могли располагаться и те, для защиты кого строились эти укрепления. В отличие от юга здесь захватывались не пустующие степи. В лесах и по речкам здесь имели свои бортные ухожеи, бобровые гоны, звероловные станы и рыбные ловы мокша и эрзя, мари (черемиса); чуваши давно уже вели здесь на росчистях и по открытым пространствам земледельческое хозяйство, а в XVII в. понемногу оседала на землю и мордва. А потому задачи колонизационной политики здесь были сложнее, чем на юге. Нужно было не только охранять захваченное пространство от нападений извне, но надобно было обеспечить захватчика от возможностей сопротивления со стороны исконного населения внутри. Ряд кончившихся поражением восстаний в XVI и первых десятилетиях XVII в. привел туземное население к признанию превосходства сил Москвы. И теперь, по мере того как «царские мордовские и черемисские вотчины» попадали в руки духовных и светских владельцев, в связи с тем, как рядом с селениями или в тех же селениях старого населения появлялись дворы русских крестьян, а на ухожеях и гонах ставились крепости, возникали монастыри или развертывались новые промышленные предприятия, наконец от тяготы ясака, усугубляемой поборами и насилиями местной администрации, старое население, затаив ненависть к «московским» порядкам и отношениям, бросало насиженные места и уходило — мордва главным об-

разом на юг, переваливая в поисках незанятых никем лесов даже за крепостную черту, а черемиса (мари) — на восток. Но уходили, конечно, не все. Упрочить господство над остающимися и удержать их от побегов московские власти спешили обрусением, лучшим средством к которому считалась христианизация. Казанский и рязанский архиереи выступали здесь главными руководителями дворянской по задачам «миссии», монастыри и отдельные ревнители являлись исполнителями, иногда впрочем «апостольской ревностью» заражались и сами владыки и в пылу страстного желания быстрейших и значительнейших успехов выступали при содействии администрации и военных отрядов. Действовали и посулом разных, главным образом податных, льгот, раздачей дешевых наград и угрозами, а в случаях малейшего сопротивления и применением «огненного боя». При таких условиях мордва «крестилась», но иногда, утратив терпение, вооружалась луками и дубинами против таких «проповедников», и как раз в 1656 г. смертью от мордовской стрелы кончилась здесь ревностная миссия еп. рязанского Мисаила. От такой проповеди, в противоположность желаемым для Москвы результатам, также спасались бегством или, крестившись, продолжали в полной мере практиковать старую веру, прибавив к своим богам популярного Николу. И во всяком случае по отношению к мордве руссификация удалась плохо: специалист-исследователь констатирует большую устойчивость мордовского племени в этих районах. Но пределы промысловой деятельности старого населения сильно стеснялись новыми насельниками. Только сплошь лесное и болотистое Заволжье, в пределах бассейнов Керженца и Ветлуги, не видело еще постоянных поселков русских. В остальных местах то разреженно, то компактными группами стояли и множились села и деревни крестьян. Частью их прямо переводили сюда, частью они приходили вольными поселенцами, но скоро, за раздачей в поместья и вотчины, оказывались дворянскими, монастырскими или попадали в дворцовое ведомство. Раньше в этом крае почти исключительно знаем мелкое поместное землевладение местного дворянства, в котором заметные группы составляли быстро русевшие «литва и немцы» (из пленных в период войн Грозного) и медленнее расставшиеся с своими языком и верой «татарские князи и мурзы», и вотчины новопоставленных здесь с определенными целями немногочисленных монастырей. А в середине XVII в. уже и сюда протянули цепкие руки близкие к власти бояре и столичное дворянство. Кроме рыбных ловов, которые организовывались преимущественно дворцом и монастырями, светскими землевладельцами налаживалось здесь сельское хозяйство с большой ролью бортничества, а более богатыми к середине века развертывалось еще приготовление поташа. Дело в том, что зола лиственных пород, особенно вяза, ольхи, дуба, наиболее выгодна для извлечения поташа; вот почему это новое производство ставилось в полосе чернолесья. Район бывшего Казанского царства был тогда достаточно богат лиственными лесами; отсюда удобнее и дешевле было доставлять продукцию к Архангельску. Потому здесь, в районе мордовских поселений, и ставились крупные «будные майданы» царя, боярина Б. И. Морозова, кн. Я. К. Черкасского, окольничего В. И. Стрешнева и других более мелких, обладавших меньшими капиталами предпринимателей из дворян. Рубка леса и дров, жженье золы и самое изготовление поташа, заготовка клепки и сбор бочек — тары для поташа, доставка дров к майданам и отправка готового продукта ложились добавочной к обычным и большой

тяжестью на плечи подневольного крестьянства. Не даром крестьяне морозовских вотчин «гораздо ужахнулися» с введением поташного производства в его вотчинах и собирались «розно брести», так как «майданное дело стало делать (им) не в силу». Для мордвы, на территории которой рубили и жгли леса на поташ, эти «гари» вели еще к распугиванию зверя и уменьшению роев дикой пчелы. А трудность заниматься обычными промыслами на насиженных местах заставляла искать новых, нетронутых районов. Таким образом, поташному промыслу в этом крае принадлежало видное место в подготовке или обострении недовольства трудовой массы социальными отношениями тогдашней Руси. Естественно и другое: испытывая одинаково, хотя и в разных направлениях, гнет господствующего класса, русские крестьяне и туземное население, особенно мордва и черемиса, плечо о плечо выступали в прошлом против верхов в годы Болотникова и Тушина и выступят в будущем в бурные разинские годы.

Дальше к Уралу, за пределами Казанского царства шли районы еще большего преобладания исконного разноплеменного населения. На юго-восток *Башкирия*, хотя верхушка ее уже давно формально признала московскую власть, жила довольно изолированно от Московского государства. Обязанное платежом не очень обременительного в ту пору ясака, кроме владельческих фамилий, пользовавшихся «тарханом» (освобождением от налога) и отбывавших Москве ратную службу, башкирское население жило по-старому в условиях натурального (кочевого скотоводческого прежде всего) хозяйства и родового быта. Сюда, в далекий от центра государства край, можно сказать, еще не ступала нога русского переселенца; не дотянулось сюда и обеспеченное землей ближе дворянство. Уложенье, очевидно из опасения вызвать тяжелое осложнение на восточной границе и создать необеспеченность для колонистов в углу к югу от Камы и востоку от Волги, даже прямо запрещало раздачу земли в поместья в Башкирии. Не добрались к башкирам и монастыри с своими «заботами» о спасении душ неверных и с своим раденьем о собственном благополучии. И только русская администрация в Уфе обычной практикой насилий и хищений в самом невыгодном свете обрисовывала власть царя, которого там представляла, и тем сама готовила восстание башкир против Москвы, развернувшееся в 1662 г.

На *северо-восток* шли сплошные леса, занятые вотяками (уд-мурты), пермяками и частью вогулами. Это — главным образом звероловы и рыболовы. Плательщики ясака, они, в отличие от башкир, имели дело не только с местной администрацией. Через эти территории пролегали пути в Сибирь, по которым шли и военнослужилые люди, и торговцы, и промышленники, естественно не оставлявшие без внимания и этих приуральских районов, где можно было по дешевке купить ценные меха. Повидимому, более других объектом их эксплоатации были пермяки, жившие как раз на путях торгового движения. Затем в этих районах двумя большими пятнами разместилось русское население. В бассейне среднего течения Вятки, между черемисами и вотяками, лежала старинная область русского населения — Вятская земля. В середине XVII в. она находилась в стадии роста. В пяти городках ее и довольно многочисленных поселках (одних погостов около 40) можно насчитать около 13.000 крестьянских, посадских (более 1.200) и церковных дворов. Из крестьянских дворов около 1.500 принадлежало местным монастырям и соборам и почти 10.000 были черносошными. Земледельческо-промысловое хозяйство их по необ-

ходимости строилось лишь в меру местных потребностей, ибо вывоз отсюда большей части продуктов из-за дальности расстояния должен был лечь слишком тяжелым привеском на их цену. Оттого, вероятно, здесь к середине XVII в. стало появляться «торговое» винокурение, использовавшее избытки хлеба. Пути в Сибирь, проходившие через Вятскую землю, способствовали сложению здесь капиталов, находивших применение в той же сибирской и с ближайшими соседями торговле. В районе средней Камы находилось второе, позднее первого сложившееся, пятно русских поселений, также количественно возраставших и численно пополнявшихся в рассматриваемое время. Здесь в трех уездах — Кайгородском, Чердынском и Соликамском — было около 7.000 дворов крестьянских и около 700 посадских. В отличие от Вятки, Камский район имел более слабое монастырское землевладение (около 600 дворов), но зато здесь большие пространства были захвачены Строгановыми (*см.*), на землях которых проживало в Соликамском у. свыше трети всех крестьян. И здесь в основном хозяйство строилось по типу районного, а не с расчетом на сбыт в пределах государства. Но один местный продукт — соль с варниц Соликамска — через Нижний-Новгород распределялся по обширной территории государства по Волге, Оке и их притокам. Этому способствовали дешевизна добычи соли в Покамье и удобство доставки до самого камского устья вниз по течению. Хотя край этот прилегал к самому Уралу, разработка его рудных богатств, можно сказать, еще не начиналась: железное дело в Соликамске обслуживало только соляные варницы, а опыт постановки «медного промыслу» с добычей руд севернее и южнее Соликамска и плавкой их у Пыскорского монастыря, начавшись в 1630-х годах, был в 1656 — 1657 гг. ликвидирован, потому что «медные руды вынялись». Крупных торговых людей, кроме Строгановых, очевидно душивших своими громадными по тогдашним масштабам капиталами возможных конкурентов, Пермский край не имел. Таким образом, по своей социальной структуре Вятка и Пермь Великая были близки к Поморью, к которому и причислялись по тогдашнему «административному делению».

Дальше за Камень (Урал) шли неизмеримые пространства *Сибири*, которые уже более полувека проходили в ладьях по рекам и предприимчивые вольные промышленники, и торговцы в поисках наиболее ценной пушнины, «рыбьего зуба», слюды и др. товаров, и государевы служилые люди, быстро подчинявшие «огненным боем» разрозненные сибирские племена и облагавшие их ясаком, опять главным образом в виде «мягкой рухляди» (мехов), в пользу государевой казны. К середине XVII в. были таким образом не только обойдены Обь и Иртыш, бассейн Енисея (кроме их верховий), но изведаны Лена с притоками, приполярные Таз, Яна, Индигирка; обошли уже и Байкал и в самой середине века подошли к Амуру, объехали по Анадырю и Ледовитому океану крайнюю северо-восточную конечность Азии (*см.* XXXVIII, 460/61). Конечно, на большей части этой грандиозной территории власть московского царя была чисто номинальной. Сбор дани проводился только во время походов служилых людей. Также и «торговля» (в формах натурального обмена со всеми приемами «цивилизатора» в «диких» странах) совершалась спорадически в связи с приходами купцов. Более прочно была освоена только южная часть Западной Сибири, где по Оби, Иртышу, Томи и др. речкам, но особенно в ближайшей к Уралу полосе, стояли довольно многолюдные слободы, ведшие земледельческое хозяйство. Зер-

на получали такое количество, что правительство прекратило дорого стоившую населению севера доставку хлеба для служилых людей Сибири из европейской части государства (*см.* XXXVIII, 469/70). Кроме земледелия, в Сибири широко ставилось рыболовство. Звероловство и оленеводство на севере, другие виды скотоводства на юге были главными занятиями туземного населения и давали продукты для вывоза из Сибири. Средоточием торговых операций местных и обмена Европы с Азией становилась в средине XVII в. Ирбитская ярмарка (*см.* XXII, 121). На восточных склонах Урала делались первые опыты овладения рудными богатствами: в 40 *км* от Ирбитской слободы с 1630-х гг. работал небольшой (вероятно, не доменный) железный завод, впрочем оборвавший производство в средине века. Заселялась и эксплоатировалась Сибирь главным образом вольными «сходцами», преимущественно из Поморья. Сельское и промысловое хозяйство было преимущественно трудовым. Монастыри в первой половине XVII в. не играли здесь заметной роли. Служилые верхи были здесь временным элементом и здесь не оседали. Служба в Сибири нередко бывала полузамаскированной, но все же временной ссылкой. И недолгие годы невольного пребывания на далекой окраине спешили использовать для личного обогащения. Если администрация Московского государства вообще славилась незаконными поборами и всякими прижимами в отношении населения, то в Сибири ничем не сдерживаемый произвол воевод и всяких мелких административных людей расцветал особенно пышным цветом. Редко когда удавалось населению, особенно незнакомым совсем с московскими порядками туземцам, добиться ревизии или суда над власть имущими грабителями и насильниками, еще реже несли они заслуженную кару. И чаще местные люди срывали сердце в буйном «шуме» на воеводу, в непосредственной расправе с особенно крутыми притеснителями. Разные сибирские племена пробовали не раз отбиваться от действовавших именем государя или беззастенчиво обиравших и обижавших их на личный страх и риск утеснителей. Но это был «бунт» против власти предержащей, и жестокая расправа была ответом на такие попытки.

2. Сделанный обзор показывает, что во всех районах сосредоточения главной массы населения основной, определяющей отраслью экономики в Московском государстве середины XVII ст. было сельское хозяйство и связанные с деревней промыслы. В соответствии с этим и класс, владевший землею и распоряжавшийся крестьянским трудом, — дворянство, — был господствующим классом в государстве. И если иностранцам казалось, что в Московии все торгуют, что в XVII в. «все постановления этой страны направлены на коммерцию и торги» (де-Родес), то такие впечатления получались именно у иноземцев, внимание которых было прежде всего направлено на торговлю и сферой наблюдений которых служили почти исключительно города и главным образом более крупные торговые города. А как только тот же иностранец, который увидел в торговле руководящий принцип всей политики страны, стал характеризовать русский вывоз в Европу, сейчас же выступила определяющая роль деревни: кожи, хлеб, сало, щетина и т. д. — все это поставлялось на рынок деревней. Но, конечно, торговля и промышленность — сферы действия городского класса, посадских людей по тогдашней терминологии, буржуазии разных категорий с точки зрения современной, — торговля и промышленность в разных отношениях были естественным и необходимым дополнением

дворянского хозяйства. В преобладающей массе своей дворяне были мелкими и средними земле- и душевладельцами. Им было не под силу в своих ограниченных и в области средств и в отношении рабочих рук хозяйствах создать полные самоудовлетворяющиеся единицы. И рынок помогал им обеспечить собственное потребление и добыть для того средства продажей излишков собственных продуктов, а еще больше — получением денежных оброков с крестьян, находящих через рынок сбыта продуктов и предложения своего труда деньги для выплаты господину. Взаимно дополняющие друг друга, эти классы — дворянство и буржуазия — имели общих, хотя и в особой сфере для каждого, врагов — господствующие силы поры расцвета феодализма, т.-е. боярство, уже ликвидированное как класс к XVII в., и (феодальную) церковь, различные привилегии которой как раз теперь сокращались. Хорошо распределялись между дворянством и буржуазией и функции эксплоатации русского крестьянства, низов посада и покоренных племен, — через «свободные» отношения вольного рынка для одних и путем принуждения хозяйственного (своих крестьян в сфере своего хозяйства) и административного (всего населения в сфере государственной организации, как таковой) — для других, и «посредством государственных налогов» и повинностей всего тяглого населения — для обоих классов. Не сталкивались они пока и в открытом бою между собою: буржуазия, даже высшая, имевшая право владеть населенными землями, почти совсем не использовала этого права, явным образом предпочитая завязанию капиталов в земле более быстрое обращение их в области торговли; дворянство, кроме высших групп, по недостатку средств и по отсутствию времени не могло выступать активно в торговле, являясь на рынке только продавцом излишков из своего хозяйства и покупателем разных изделий и продуктов для собственного потребления. Этим и крепок был союз руководящих классов при гегемонии дворянства, хотя во второй половине века и начала намечаться в нем трещина. А потому, поскольку мероприятия по части развития торга и промысла не мешали дворянству в его основных хозяйственных устремлениях и даже помогали осуществлению его задач, постольку эти мероприятия и могли проводиться в жизнь.

Уложенье — кульминационный пункт совместно достигнутой победы — очень многое дало дворянству и посадским людям (*см.* выше и XLII, 280/83). Но для первого оно в сущности решило все основные проблемы и оставило «не исполненными» действительно только «прихоти», как правильно характеризовал положение один из дворянских же депутатов Земского собора, давшего стране Уложенье. Некоторые неясности и недоговоренности были неопасны. На практике дворянство при благосклонном попустительстве власти (дворянской же прежде всего) сумело поместья фактически обратить в вотчины в пределах еще XVII в., а *крепостных* крестьян — в холопов, так как всего через какой-нибудь десяток-полтора лет после Уложенья уже *продавало* этих крестьян. Менее удовлетворенным должно было остаться посадское население, и потому естественно было после Уложенья больше внимания уделить «торговле», надо бы шире сказать — вообще нуждам буржуазии.

Несколько лет шел в осуществление постановлений Уложенья сыск и возврат бежавших с посадов и укрывшихся закладничеством от тягла посадских людей. Конечно, эта мера и ликвидация, по Уложенью же, «белых слободок» очень оздоровляли и усиливали посад вообще. Большое значение для жизни торгово-промышлен-

ного городского населения имела отмена откупов. Широко развернувшаяся, особенно с лет безденежья после «Смуты», откупная система оказалась путами на повседневной самой обычной промысловой и торговой деятельности посада, либо, когда тот или иной посад сам вносил откупные деньги, превращалась в дополнительный, но неопределенный по величине налог. Какие виды мелкого промысла и торга стали уделом применения откупной системы, можно видеть из перечня уничтожаемых в 1654 г. «богоненавистных откупов»: «ядомых харчей всяких и иных всяких мелких промыслов: квасу, сусла, масла конопляного и коровьего, ветчинного сала, солодоращения, овсяной трухи, хмелевой трухи, хлебного и соляного и воженного и бережного извозу, сенной трухи, щелку, пищей площадки (т.-е. права писания разных «явок» и прошений для других на площади), на реках прорубного, золы всякой, мыльного резанья (очевидно для мелкой продажи), ворванья сала, свеч сальных, смолы брусковые нарезь, дегтю, уголья и рогожного товару, лаптей, шлей, хомутов на откуп не давати, кроме воскобоя и ледяного и банных откупов». Действительно, это было «нечто неполезно, паче же грешно и миру досадительно», особенно посадским низам, жившим от грошевых прибытков с какого-нибудь приготовления сусла или продажи дегтю и подобных товаров. Для более мощных слоев посада, наоборот, откупа являлись одним из средств дальнейшей наживы и закабаления беспомощных мелких промышленников и торговцев. Однако, хотя уставная грамота об отмене откупов требовала и от детей и от внуков царя Алексея «неприступно соблюдать» это установление, нарушение его началось вскоре. В годы войн за Балтийское море и Украину быстро обнаружилась пустота в государевой казне. Остроумное изобретение чье-то выпустить вместо серебряных денег медные с той же нарицательной стоимостью (с 1656 г.) при излишних выпусках этого суррогата и злоупотреблениях лиц, стоявших близко к монетному двору, превращавших в доходную монету котлы, казаны и др. посуду, привели к быстрому падению стоимости новых денег (в 1660 г. уже за рубль серебра платили 3 р. медью, а в 1663 г. до 15 рублей), росту и резким колебаниям цен на рынке и в результате вызвали в июле 1662 г. в Москве «медный бунт» (*см.* II, 206). Правительство жестоко расправилось с «гилевщиками» (мятежниками) из мелких торговых и служилых людей: около 7.000 участников движения было казнено и около 15.000 сослано в Казань и дальние города юго-востока и Сибири. А через год медные деньги были отменены, и правительство вынуждено было признать казну банкротом: медные деньги было указано принимать в казну по восстановлении серебряного обращения с выплатой за рубль медью одной копейки серебром, т.-е. даже ниже рыночной цены меди. И как в период действия медных денег на колебаниях цен выигрывали крупные торговцы, так и по отмене их мелкие людишки, у которых оставалось на руках некоторое количество отмененных медяков, не могли найти им практического применения и с убытком меняли их на серебряную монету, а богачи переливали старую монету в изделия, стоившие вдвое против того, что давало правительство за монету. Вот это банкротство казны и привело к постепенному возрождению откупов, теперь — для ослабленных экспериментом с медной монетой мелких торговых людишек — еще более губительных, чем ранее. Наоборот, меры в отношении торгового оборота, интересные для более крупных торговцев, имевших «отъезжие» в другие города

или даже с заморскими гостями торги, оказались более устойчивыми. Торговый устав 1654 г. отменял разнообразные и докучливые сборы с торгового оборота при передвижении товаров в стране — все эти проезжие, весчие, привальные и пр. — и оставлял единую «рублевую пошлину» в размере 5% с продажной цены товара (10 денег с рубля), при этом торговец, сам купивший товар на рынке и вновь продававший его, оплачивал его только однажды, предъявляя в других случаях платежные выписи. Очень явственно проявилось в Торговом уставе покровительство русскому купечеству против иноземцев: последние были обложены во внутренней торговле 6%-м сбором с продажной цены да еще должны были при ввозе или вывозе платить 2% «отъявочных». Еще решительнее защищал русских купцов «от приезжих иноземцев во многих обидных торгах» Новоторговый устав 1667 г., создание одного из крупнейших государственных деятелей эпохи, Алексея Ордына-Нащокина (*см.* XXX, 641/42), провинциального дворянина по происхождению и определенного покровителя буржуазии в своей политике. Иноземцы при торговле в пограничных пунктах теперь обложены таким же сбором, как и русские, т.-е. платят 5% с «весчих» товаров и 4% с остальных, но, во-первых, со всего привозного товара, независимо от того, продадут ли они его весь или частью, а русские только с фактически проданного товара, а во-вторых, русские платят русской монетой, иноземцы же обязательно иноземной золотой или доброкачественной серебряной монетой, принимаемой по принудительному курсу. Какая получалась от этого разница, можно видеть из того, что обычный тогда на русском рынке ефимок (иоахимсталер) принимался казной по весу за 40—42 коп., а на монетном дворе перечеканивался в 62 коп.; когда же для упрощения ефимки стали прямо выпускать в обращение с русским клеймом, цену их определили в 64 коп., потом даже в рубль. Но эти условия имели силу только в пограничных городах. При проезде внутрь страны, который разрешался особыми жалованными грамотами, иностранные купцы должны были платить еще «проезжую» пошлину в размере 10% цены объявленных ими привезенных товаров; точно так же и при вывозе закупленных ими русских товаров. И это вдобавок к продажной 6% пошлине, сохраненной для иностранцев и Новоторговым уставом. Сами торговые связи иностранцев с русскими поставлены были в очень тесные рамки: свои товары иноземец может продавать только оптом и только купцам того города, где совершается сделка; также и закупать может он лишь у местных купцов, ездить по ярмаркам не имеет права. В пограничных пунктах, где условия оборота для иноземцев легче, им противопоставлены зато одни лишь крупные русские купцы, могущие выжидать более выгодных цен; а мелкоте, которой приходится торопиться с продажей по ограниченности средств, Новоторговый устав настоятельно рекомендует торговать «складом», связываться с «пожитками добрыми» мощных людей, торгующих по «высокой цене». При этих условиях господином на русском рынке должна была стать русская крупная буржуазия (с сохранением, однако, всех преимуществ приоритета продаж и покупок за казною, за «государем» — первым капиталистом страны).

Внимание к интересам торгового капитала сказалось и во внешней политике: в стремленьи наладить непосредственный обмен с Персией, в новой попытке пробиться к берегам Балтийского моря (см. *Алексей Михайлович*, II, 209). И даже вмешательство в дела Украины (*см.* II, 208/12) было продик-

товано не только расчетом дворянства попользоваться еще новой черноземной территорией, но и интересом купечества теснее связаться с более развитой тогда в промышленном отношении Украиной (из нее получались сукна, стекло и пр.). И если дворянству — по условиям объединения Украины с Московией, условиям, отражавшим интересы казачьей верхушки — пришлось свои аппетиты к земле позадержать до времен Петра, то купечество российское сразу начало извлекать выгоды от присоединения Украины, отнюдь не страдавшей избытком торгового капитала (см. *Украина*, XLII, 158).

В результате процесс накопления капиталов шел во второй половине XVII в. быстрее, чем раньше. И все заметнее становятся попытки капитала брать на себя и руководство производством. Если раньше мы видели уже некоторое количество мануфактур, то во второй половине века число их заметно возрастает, при чем в создании их видную роль играет торговый капитал в лице русских торговых людей или иностранцев, давно обосновавшихся в Московии и здесь составивших свое состояние. Но, конечно, и другие экономически-мощные силы принимали участие в этом строительстве нового типа промышленных предприятий. Значительно выросла группа металлургических заводов. На юге появились: доменный завод на Вепрейке, притоке Оки между Тарусой и Алексином (1663), железоделательный с 1656 г., а с 1673 г. и доменный завод на Угодке, притоке Протвы, Истинский железоделательн. завод (на Истии, притоке Нары), принадлежавшие компании Марселиса и Акемы. В центре, вместо доставшегося в 1662 г. казне (за вымороч-ностью) Павловского завода Морозова, в хозяйстве Тайного приказа выросли в том же районе Степановский, Обушковский и Бородниковский заводы, с 1681 г. оказавшиеся в эксплоатации крупного капиталиста того времени — Воронина. У Онежского озера в Толвуйской вол. гостем Сем. Гавриловым в конце 1660-х — нач. 1670-х гг. была налажена выплавка меди, продолженная затем на короткий срок Марселисом. Позже, в конце 70-х годов на смену медному душеприказчик Марселиса Розенбуш фон Бутенант поставил три железных завода. В 1652—1665 гг. действовал медеплавильный завод где-то около Казани (вероятно, казенный), и с 1660-х гг. «выше Красного Поля над Нейвою-рекой», за Уралом, работал железный завод Дм. Тумашева. Знаем, кроме того, стеклянные заводы голландца Коэта и в царском хозяйстве Алексея Михайловича — все в ближайших окрестностях Москвы. Известны опыты постановки суконного производства (иноземца Сведена), сафьяна и кожи на восточный манер (в хозяйстве Тайного приказа), позднее — выработки бархата. Действовали старые и новые бумажные мельницы, шире ставились типография, пушечный двор и его «зелейные мельницы», будные станы и т. д. В этих новых производствах русские выступали учениками иностранцев, а потом и заместителями их. Но совершался переход к более крупному производству с намечавшимся разделением труда и в таких отраслях, которые в формах ремесла или производства для себя существовали и ранее. Во второй половине XVII в. констатированы в разных местах кожевенные заводы (в руках купцов) с сторонней рабочей силой, канатные заводы, «торговые» винокурни и кое-где более крупные, чем обычно, мельницы с наемным (или иногда холопским) трудом. Здесь уже явно, особенно в кожевнях и на «прядильных дворах», работали в качестве наемников свободные и самостоятельные ранее мелкие производители, разоряемые и закабаля-

емые крупным капиталом. Отдельные отрывочные указания говорят и о развивающейся роли скупщика, впрочем больше, кажется, в области количественной: раздатчиком он еще, повидимому, не выступает.

Так рядом с дворянством вырастает значение представителей торгового капитала. И по мере того как он внедряется в деревню и начинает эксплоатировать и помещичьих крестьян, и в связи с тем, что в сфере производства он выступит конкурентом сложного хозяйства крупной вотчины и заявит требования на вольный труд, в зависимости от этого будут зарождаться семена враждебных столкновений господствующих в государстве сил. Впрочем, открытый их конфликт разыграется позже. Вторая половина XVII века знала только распад их очень длительного политического союза. Отражением этого служат судьбы земских соборов.

Земские соборы (*см.* XXI, 211/21) и им подобные собрания «чинов» Московского государства появились в практике его именно тогда, когда организовавшееся дворянство и верхушка посадских людей осознали свои силы и заявили права на прямое участие в решении важнейших вопросов в жизни страны. Эпоха крестьянской революции и первых десятилетий после нее была временем расцвета земских соборов, на которых главенствующие силы — дворяне и посадские люди — обычно выступали или с согласующимися заявлениями, или с прямой взаимной поддержкой требований друг друга. Но после Уложенья дворянство, в основном удовлетворенное им и имевшее в виде неоформленной, но крепкой общеуездной организации сильное средство давления на правительство (в форме челобитий) прямо в духе чисто дворянских нужд, — не считало нужным поддерживать такую форму представительства, где оно должно было действовать не одно, а вынуждено было считаться в той или иной форме с чужими требованиями. Точно так же и сравнительно немногочисленные и связанные своими финансовыми службами с правительством верхи посада — гости, гостиная и суконная сотни, — получавшие господство на русском рынке, не чувствовали необходимости поддерживать старую форму выявления общественного мнения. Еще менее были заинтересованы в охране прав земских соборов «князья церкви», прямо озлобленные на плод собора 1648—49 гг., «проклятую книгу» — Уложенье. А административным верхам, часто выслушивавшим на соборах жестокую критику своих действий, представительные собрания и вовсе были ни к чему. И после собрания по поводу вопроса об Украине в 1653 г. земские соборы более не собираются. В нужных случаях правительство ищет совета и опоры в комиссиях специалистов: по военным и земельным делам — из дворянства, по финансовым и торговым делам — из гостей и др. тяглых людей.

С прекращением созывов земских соборов бюрократический порядок управления стал единственной формой государственной жизни. Приказы (*см.*) в центре, воеводы с приказными избами, подчинившие себе выборных губных старост, земских старост и пр., на местах — были органами этой бюрократии. Но она была плоть от плоти главенствовавших и на земских соборах классов. Не только судьи в приказах и воеводы по городам были сплошь из дворян, но и в составе дьяков (*см.*) — руководителей технического аппарата — мы все больше и больше встречаем дворян, столетие назад с пренебрежением относившихся к приказной службе, и знаем ряд выходцев из купцов (Смывалов, Наз. Чистой, К. Борин и др.). С другой стороны, и пробивавшиеся

до дьячества представители иных общественных групп, получая поместья, роднились с дворянством, а детей своих очень часто проводили уже прямо в столичные чины. Поэтому и понятно, что московская бюрократия, даже и по личному составу тесно связанная с дворянством и буржуазией, была верной слугой этих классов и прежде всего первого. И вот здесь, особенно в действиях воевод, мощная верхушка посада получала поводы для недовольства своим бывшим союзником.

Сам по себе приказный аппарат, слагавшийся постепенно по мере роста государственных потребностей, стал во второй половине XVII в. очень громоздкой и плохо слаженной внутри машиной. Большая численность, разные принципы строения, параллелизм ведомственностей, причудливое распределение территории—все создавало неудобства этой системы центральных органов (*см.* XXXIII, 456/62). Уже чувствовалась необходимость ее радикальной перестройки. Но деятели времен царя Алексея ограничивались робкими поправками. Были проведены опыты объединения однородных или близких по задачам приказов под руководством одного лица, выраставшего вместе с тем в фигуру министра. Так еще при Алексее намечалась задача, которую будет решать Петр. Это — с одной стороны. С другой, сам царь Алексей, «избранный», хотя и без ограничительной «записи», мечтал о самодержавстве типа Грозного и стремился найти выход для личного режима из рутины приказного аппарата, сковывавшей проявление власти традиционными формами медленного производства, но нашел его также в старых формах своеобразной «опричнины», оформленной в виде нового приказа Тайных дел. Составив его только из дьяков и подьячих (без боярских судей) и сам непосредственно руководя им, царь старался создать более быстро действующий орган контроля над всем тем в жизни государства, что его специально интересовало; по тому же принципу личной заинтересованности отбирал в ведение нового органа самые разнообразные (отнюдь не узко «политического» характера) дела; ему же поручил руководство громадным, созданным по его вкусу и планам хозяйством, одной из задач которого было лучше обеспечить снабжение по крайней мере московских стрелецких полков и выборных солдат, долженствовавших быть главной опорой власти и порядка в мятежные годы, но, наоборот, проявлявших «шатость», а то и прямую «измену» царю в самые опасные моменты именно в силу плохого устройства материальной стороны. И здесь, таким образом, проявилось предвосхищение и личного режима Петра и некоторых его учреждений, призванных действовать в отрыве от обычного трафарета по личным заданиям государя.

Ощущение необходимости перехода на новые рельсы чувствовалось не только в области управления. Сильнее всего это проявлялось в области военной. Дворянское государство оказалось не в силах ни вести активную внешнюю политику, ни справляться с внутренними движениями при помощи старой дворянской армии, необученной, плохо и разнохарактерно вооруженной, самоснабжающейся и потому больше думающей о пополнении запасов, чем о ратных подвигах, тем паче, что сами дворяне, все больше уходя в хозяйство, особенно «рады были государю служить, а сабли из ножен не вынимать». И вот еще в первые десятилетия XVII в. начато было формирование солдатских, рейтарских и драгунских, полков, проходивших настоящую военную выучку под руководством иностранных специалистов. При Алексее рост этих новых войск идет более быстрыми

темпами, чем общий рост московской армии. По «смете военных сил» 1632 г. «иноземные» формирования при стотысячной (в круглых цифрах) армии составляли около 6%, через 30 лет — уже более четверти, а к 1680-м годам свыше половины численности всех войск, общее же количество бойцов определялось тогда примерно в 250 тыс. человек. Если в начале в эти полки привлекали людей «по прибору» (добровольцев), то уже в середине века стали прямо верстать в солдаты, или рейтары целые села. Инструкторским и командным составом в новых частях и к концу царствования Алексея преимущественно были иноземцы, но все чаще и чаще в числе прапорщиков, «маэоров» и полковников мелькают и русские фамилии. Помимо иноземцев-командиров московские армейцы постоянно сталкивались с «немцами дохтурами» и аптекарями. Дело в том, что в тогдашних условиях живая сила армий больше гибла от эпидемий во время войн и выбывала от ранений, которые плохо и несвоевременно лечились, чем выбивалась на смерть неприятельскими ядрами и пулями. И в заботах о поддержании здоровья и сил войска правительство царя Алексея начало придавать к более или менее крупным военным формированиям обязательные кадры лекарей, операторов и аптечных работников. Характерно для данного времени, что и в этом, казалось бы, специфически иноземческом составе появляются русские люди: в Москве вокруг крупных специалистов врачебного и аптекарского дела слагались практические школы, для которых учеников поставляла разночинная среда подьячих.

Армия была одною сферою, где широкие массы приходили в соприкосновение с иноземцами. Новые мануфактуры с мастерами-«немцами» и учениками из русских были второю. Далее, во всех крупных торговых городах обычной фигурой был заморский купец, во многих были небольшие колонии постоянно живущих иноземцев, торговцев и ремесленников и даже духовенства. Наконец, русские, попадавшие в плен, из которого возвращались в отечество после более или менее продолжительного пребывания на чужбине, и взятые в плен иноземцы — при царе Алексее ливонцы, поляки, литовцы — превращавшиеся часто в служилых людей Московского государства, становившиеся помещиками и вливавшиеся в ряды русского дворянства или с самого начала попадавшие в холопство и обслуживавшие в составе дворни русских бояр и простых служилых людей,—являлись распространителями знакомства Руси с Европой, не говоря уже о менее доступных участиях в посольствах к европейским дворам. Таким образом, когда заходит речь об европеизации в Московском государстве, неправильно сосредоточивать внимание прежде всего или почти исключительно на Москве. Правда, в столице было больше всего иноземцев из разных стран. В рвении об охране «православных людей» от «осквернения» через общение с иноверцами и усвоение от них «портов» и пр., в самой середине XVII в. создали для иностранцев особую Немецкую слободу, которая, вопреки намерениям националистов, стала специальным пунктом для знакомства с жизнью европейцев и соблазна их лучшей обстановкой, так как слобода была сколком, хотя и плохим, с городков разных европейских наций. Неверно будет, если в оценке европейских воздействий останемся в пределах дворца и боярских палат, где мебель и утварь, роспись стен и потолков и платье говорили об увлекающей моде на все «немецкое», где новые книги в оригиналах и переводах и придворные спектакли, доступные только высшему кругу, где школа для царевичей под руко-

водством Симеона Полоцкого (у него училась и Софья Алексеевна) свидетельствуют и о более серьезном и глубоком воздействии Европы. Но здесь мы имеем дело с очень узким кругом подвергающихся ее влиянию людей. Интереснее в этом смысле свидетельство о широком увлечении европейской внешностью в среде столичного дворянства. Сам много сделавший в области европеизации Р., царь Алексей, как бы напуганный размерами новшеств, под конец своей жизни разразился указом (6 авг. 1675 г.), чтобы стольники, стряпчие, дворяне московские и жильцы «иноземских немецких и иных извычаев не перенимали, волос у себя на голове не подстригали, також и платья, кафтанов и шапок с иноземских образцов не носили и людем своим потому ж носить не велели», с угрозой для тех, на ком впредь что-либо запретное окажется, государевой опалы и написания в нижние чины. Важнее отметить, что европейская обстановка становится нередким явлением и в купеческих домах, при том не одной столицы, но и провинциальных, по крайней мере более богатых городов. Еще значительнее, что новые мысли светского характера, новые реальные знания и новые идеи общего порядка становились доступными всем читателям через книги занимательного чтения, в роде «Римских деяний», «Бовы», «Франциля-Венециана» и т. п., и через серьезные переводы «Бестиариев», «Космографий», «Азбуковников» (тогдашних энциклопедий), разных исторических и специальных трудов. Показательно и более широкое, чем раньше, знакомство с литературным тогда латинским языком, и даже наличие в Москве «школьной науки мастера-иноземца», обучающего этому языку. Не менее существенно указать, что все шире распространялись новые технические приемы, новые ремесла: пилка леса на доски (при старом способе раскола топором и вытески— «тес»), столярное дело, «немецкая» мельница с наливным колесом, успешно конкурировавшая со старой мутовкой, и т. д. Правда, в массы проникают больше именно эти навыки в производстве, не влекущие пока за собой измены старому обличью, прадедовскому строю мыслей и лишь терминологией своей напоминающие иноземное происхождение. В верхах же, понимаемых шире, чем дворцовые и придворные сферы, наблюдаем уже и смену внешности, и усвоение новых мыслей. Так классовые противоречия находили выражение и в розни культурно-бытовой. Боярин (в бытовом смысле — барин) и гость-купец, разрушающие старые социальные устои, заменяющие крепостной неволей и долговой кабалой старую «вольность» низов, начинали отличаться от последних и нерусским обличием, и новым складом жизни, и запретным еще не так давно строем мыслей (или хотя бы зародышами опасных настроений). Так легко и соблазнительно было прибавить ко всему этому и измену вере отцов. Это было сделано тогда же, при Алексее Михайловиче.

На фоне возросшей после «Смуты» религиозной ревности и обостренного чувства национального самолюбия реформа Никоном церковных обрядов и исправление богослужебных книг привели к расколу в русской церкви. И масса, пошедшая за страстными проповедниками святости «древлего православия» и обличителями еретических отступлений никонианства, скоро внесла социальное содержание в споры на церковно-религиозные темы (см. *раскол*, XXXV 635/38, 640 42, 643; *старообрядчество*, XLI, ч. 4, 348/55). Старообрядчество с взором, обращенным к «святой» стародавней Руси, с желанием удержать переданное отцами церковное учение и всю исчезающую под напором новых условий старину, становилось симво-

лом веры угнетаемых и закабаляемых в новой обстановке социальных низов. «Никонианство», официальная церковность, принималось господами положения в новой обстановке. Еще резче отрицательное отношение к господствующей церкви — поддержке командующих классов — и заодно и к неудовлетворяющей обрядности вообще — подчеркнуто в тогда же родившейся в недрах крестьянства усилиями «неуков-мужиков» секте «людей божиих» (см. *раскол*, XXXV, 639, 642/44; *хлысты*, XLV, ч. 2, 609/10). Выдвигание значения «боговдохновенной» личности, независимо от ее социальной значимости, пренебрежение государством, как и церковью, при моралистической почти исключительно проповеди основоположников, отражали своеобразно и их протест против безотрадного положения низов, искавших утешения от всех бед и несчастий в состояниях экстаза, в видениях «горнего света», в общении с живым «Спасителем».

Но не всех и не во всем удовлетворяли формы религиозного или морального протеста против растущих закабаленья и эксплоатации. Неоднократно и в разных местах прорывавшиеся бури народного гнева, в которых объединялись или порознь выступали разные угнетенные группы, были предвестиями более крупного и более сплоченного выступления в восстании под руководством Степана Разина (см. *Разин и разиновщина*, XXXV, 486/508). Социально-экономический обзор районов Московского государства показал нам степень подготовленности к такому движению в разных местах и в разных группах населения. И начавшееся на Дону среди голытьбы восстание охватило социальным пожаром громадный, ближайший к Дону район с сильным нажимом барщины на крепостных крестьян, с вытеснением с родных мест исконного населения, с тяжелым положением низов служилого люда. Содействие Разину и месть угнетателям развернулись в районе более широком, чем тот, где действовал сам Разин и подчиненные ему атаманы. Сочувствие ему было приготовлено и в еще более широких территориальных пределах, где беднота только ждала приближения его отрядов, чтобы вступить в бой. Не случайно же, конечно, «прелестные листы» донского атамана находились и в Москве; не просто спасаясь от преследования, скрылись в далекий В. Устюг атаман Миронко Мумирин с есаулом Федькой Дураком. Дворянскому государству пришлось напрячь все силы, чтобы удержать свое господство. Ни одна мобилизация для внешних войн, для охраны границ не вызывала такого живого и действенного отклика со стороны дворянства, как теперь для борьбы с Разиным за свою власть, за свои поместья. Дворянство победило, впрочем, и тут главным образом благодаря лучше подготовленным к военным действиям полкам иноземного строя. И потоками крови, бесконечными виселицами расплатились восставшие за попытку добиться свободы. И еще крепче после этой победы дворянство и буржуазия принялись за свое дело эксплоатации покоренных. Но разинское восстание, его временные успехи, его длительность выявили слабые стороны в организации Московского государства, с одной стороны, нанесли тяжелые раны народному хозяйству, с другой. И необходимость перестройки государства должна была осознаваться руководителями господствующих классов острее и яснее.

Что и как предприняли они в этом направлении?

3. Правительство царя Алексея, после большой законодательной работы 1648—1667 гг., после напряженной борьбы с народными выступлениями 1648, 1662 (восстание башкир и «медный бунт») и 1670—1672 гг., после

энергичной внешней политики того же периода, как бы почило на лаврах, занятое повседневной административной работой, борьбой с мятежным Соловецким монастырем (1668—1676; *см.* XL, 77), а сам царь отдавался семейным утехам с молодой царицей (в 1671 г. он женился на Наталии Кирилловне Нарышкиной) и увлеченьям в хозяйстве Тайного приказа. Потому долгое время заняться нужными радикальными реформами было некому или некогда.

Сейчас же после смерти царя Алексея (1676) вспыхнула борьба между двумя группами его свойственников, представлявших собою и два направления, если не политических, то культурных. Милославские характеризовались больше национально-охранительными тенденциями; впрочем, занявшая скоро место их главы царевна Софья Алексеевна (*см.* XL, 266/75) определенно тяготела к Западу. Их противники — Нарышкины (*см.*), руководимые видным западником и «министром иностранных дел» в последние годы правления царя Алексея, Матвеевым (*см.* XXVIII, 314/15), более склонны были к политике усвоения новшеств из Европы, проводимой и при Алексее, особенно в последние годы. С вступлением на престол молодого (14 лет) Федора Алексеевича (*см.* XLIII, 195/96), сына царицы Марьи (Милославской), вначале власть оказалась в руках Милославских. Матвеев подвергся опале, потом, обвиненный в «чернокнижничестве» и в посягательствах на здоровье царя, сослан в далекий Пустозерск с конфискацией всего имущества. Один из Нарышкиных, женатый на обрусевшей англичанке — Гамильтон (характерная для Нарышкиных черточка), был бит кнутом и тоже попал в опалу. Сама царица Наталья Кирилловна вынуждена была с детьми удалиться из Москвы в с. Преображенское. Однако, Федор постепенно высвобождался из-под ферулы родни; близкими к нему и влиятельными людьми становятся новые персонажи в правящем верху— И. Языков, А. Лихачев; государева милость, свидетельствующая о радикальной смене настроений, доходит до Матвеева, которого переводят из Пустозерска в Лух и объявляют (1681) невиновным в возведенных на него деяниях. Болезненность царя Федора и отсутствие у него сына держали оттесненные на время от власти группировки в нервном ожидании неминуемой схватки. И она в кровавых формах разыгралась в мае 1682 г. 27 апреля умер царь Федор. Собрание «чинов» (некоторая пародия земского собора), обойдя слабоумного и больного старшего брата Ивана, вручило престол 10-летнему Петру. Нарышкины спешно укрепляли позиции, вызвали в Москву Матвеева. Но и Милославские торопились. Ив. Мих. Милославский и стоявшая за кулисами Софья выдвинули на сцену стрельцов (*см.* XLI, ч. 5, 16/19). Эта старая военная сила в годы, когда полки «иноземного строя» составляли более половины всей армии, должна была чувствовать, что дни ее сочтены, что слава ее была в прошлом. В настроениях стрелецкая масса была близка к старообрядцам или даже втайне придерживалась старой, гонимой тогда веры. С другой стороны, в рядах стрельцов были лица, действовавшие 20 лет назад под знаменем Разина или ему сочувствовавшие и не забывшие теперь старых лозунгов; ходили в стрелецкой среде и идеи о выборе царя «всем народом». В эту пору недовольство среди стрельцов сильно подогревалось злоупотреблениями полковников, долгой невыплатой жалованья. Плохо обученная и еще хуже дисциплинированная масса 20 стрелецких полков в столице составляла грозную силу в случае единодушия и хорошо сознавала эту силу; помнила и ухаживанья за собой со сто-

роны царя Алексея. Уже в день смерти Федора один полк отказывался целовать крест новому государю. На третий день толпа стрельцов явилась ко дворцу с требованием расправы с их притеснителями-полковниками и с угрозами вообще всем «изменникам», обманывающим царя. И правительство заставило полковников выплатить стрельцам требуемые ими деньги, особенно ненавистных стрельцам приказало бить батогами. Вот в эту мятущуюся и раздраженную, сознававшую свою силу массу и бросили зажигающие призывы агенты Милославских. Стрельцы решили стать «за правду». Только что пришедшие к власти Нарышкины не успели или не сумели принять своих мер. И в результате кровавой расправы стрельцов с их ненавистными начальниками и уже заодно — по списку — с противниками Милославских — Арт. Матвеевым, братом царицы Ив. Кир. Нарышкиным и др. (15—17 мая 1682 г.), внушенные Софьей и предъявленные стрельцами требования о признании царем Ивана рядом с Петром, о передаче правления временно, по молодости государей, Софье были удовлетворены почти не существовавшим правительством. Ограждая себя, стрельцы добились почетного названия их «надворной пехотой» (лейб-гвардией) и постановки столба с «исписанием» всех подвигов их «за великих государей, за мирное порабощение (т.-е. за порабощение всего мира) и неистовство» к государям со стороны побитых «злодеев» (*см.* XL, 268/70). Западница Софья, пришедшая к власти через использование консервативной силы, чувствовала себя игрушкой в руках этой силы. А волна захлестывала дальше. Уже в мае в стрелецких полках слышались разговоры об «изыскании старой веры». Горячие речи ревнителей дониконова благочестия волновали стрелецкие сердца. И под новым напором правительство шло на прения о вере старообрядческих «старцев» с патриархом и «властьми» (5 июля). Слышались требования прямой отмены никоновых «новин» и венчанья государей по старому обряду. Унизительными просьбами перед стрелецкими выборными и щедрым угощеньем вином всех стрельцов Софье удалось купить решенье мятежного войска, что ему «до старой веры дела нет», и благодаря этому казнить одного руководителя старообрядческой агитации и сослать других (*см.* XL, 270/72). Но стрельцы продолжали оставаться опасными. Шумной толпой явились они 12 июля с требованием выдачи им всех бояр, так как-де они собираются извести стрельцов. Поставленный в «мятежные» дни главой Стрелецкого приказа, любимый «батя» стрельцов кн. Ив. Хованский (*см.*), видимо, чувствовал себя на положении диктатора, и к Софье доносились слухи об его властных замыслах. Надобно было поэтому прибрать к рукам и стрельцов. Софья с двором выехала из Москвы в «поход», в Троице-Сергиев монастырь, спешно стянула дворянское ополченье и тогда «вершила» дело об «измене» Хованских и поставила на колени стрельцов, заставив их признать мятежом майское выступленье. Новый глава стрелецкого приказа, Ф. Шакловитый (*см.*), решительно отклонял новые требования стрельцов, наказаниями поддерживал дисциплину. Началось бегство из полков стрельцов, сеявших в разных местах недовольство властью. Так Софья оттолкнула в оппозицию использованную для достижения власти консервативную силу. В отношении старообрядчества меры правительства были еще решительнее. Жестокие «статии» 1685 г. грозили наказаниями не только держателям старой веры, но и укрывателям их. Ликвидация вооруженной силой старообрядческого городка на р. Медве-

дице привела к бегству наиболее решительных держателей старой веры за пределы государства, на Терек; под влиянием преследований вообще уходили ревнители за польский рубеж, укрывались в дебрях Керженских, в далеких «пустынях» Прионежья. И еще решительнее и громче звучала проповедь о воцарении в Московском государстве «антихриста» духовного (беспоповцы) или личного (нетовцы), и чаще пылали «гари» самосожигателей.

Но отбрасывая консервативные силы, где же искала опоры Софья и ее «голант», фактический соправитель, яркий западник кн. В. В. Голицын (*см.* XV, 320/22)? С дворянством, с помощью которого были побеждены стрельцы и которому в связи с этим были даны разные милости, контакт налаживался плохо. Даже в силу некоторых мер и проектов правительства (о которых ниже) наметился конфликт. Столичное дворянство прямо решалось на демонстрации своего недовольства, не являясь на парадные приемы и шествия (напр., в конце 1685 г.). Определенно можно видеть только благоволение власти к верхушке буржуазии, внимание к родовитой аристократии, общие заботы о «правосудии» и пр., покровительство ученым украинцам и использование их литературных дарований для оправдания роли Софьи в майских событиях 1682 г. и восхваления ее мероприятий (*ср.* XLII, 223) и, наконец, «ласкательство» к чужеземцам, вплоть до сердечного приема посольства иезуитов и приглашения в Р. гугенотов (в нач. 1689 г.). Но склонность власти к украинцам и иностранцам вызывала определенное недовольство в национально-русских кругах, в частности в высшем духовенстве. Оно, в лице патриарха Иоакима (*см.* XXII, 634), приписывало неудачи крымских походов (*см.* XXXVI, ч. 4, *войны Р.*) большой роли в армии иноземцев-«еретиков». Оно же денежной поддержкой опальной царицы Натальи Кирилловны (тот же патриарх, ростовский митрополит, Троице-Сергиев монастырь) демонстрировало склонность своих симпатий именно в сторону царя Петра. Таким образом социальная база правительства Софьи была неустойчива, враждебные настроения против него широко распространены. В самой Москве в великий пост 1687 г. из-за Казанской иконы было вынуто «письмо» с «многими непристойными словами» по адресу Софьи и с призывом «побить бояр многих, к которым она милостива». Так приходилось опасаться неожиданных выступлений, что в Кремле у царских теремов усиливали караул. И неудивительно, что Софья рано искала какого-то примирения с Нарышкиными. Их сторонник, если не один из вождей, дядька царя Петра кн. Бор. Ал. Голицын (*см.* XV, 319/20), еще 30 ноября 1683 г. был приглашен в состав правительства и, поставленный во главе Казанского дворца, получил в управление громадную территорию бывш. Казанского царства и Нижнего Поволжья. В нач. 1685 г. двое Нарышкиных были пожалованы землями. Но примиренье, видимо, не состоялось. И параллельно с этим Софья старается закрепить и свое положенье. Новый формуляр боярских приговоров, с упоминанием после царей-самодержцев «сестры их, благоверной царевны Софьи Алексеевны», редко используется в первое время и почти исключительно в случаях пожалований и льгот разным людям и целым группам, тогда как требования и наказания устанавливаются от имени только царей. Точно так же и в обращенных уже к администрации на местах и населению указах и грамотах, в которых Софья начинает фигурировать позднее, имя ее первоначально связано главным образом с милостями, а прещения и угрозы ос-

тавлены на ответственность братьев-царей. Войдя постепенно в документы, Софья с конца 1685 г. решается присвоить себе титло самодержицы, поставив себя рядом с братьями, и тем, очевидно, заявляет притязания на постоянное, а не временное («до возраста») соправительство с ними. Понятно поэтому, что по мере того как подрастал Петр и Бор. Голицын стал приучать его к делам, водя по приказам, о чем Софья получала сейчас же обстоятельные донесения, и в связи с тем, что в Преображенском начиналось формирование «потешных» полков, настроение Софьи становилось особенно нервным. Она задумывала организацию собственного венчания на царство, но этот вызов можно было бросить, лишь имея за собой силу, а стрельцы, на которых больше всего оглядывались, оказались теперь, по разведываниям Шакловитого, очень сдержанными. Столкновение на крестном ходе 8 июля 1689 г., в котором внешне победа осталась за Софьей, и потом отказ Петра принять пожалованных Софьей воевод неудачного второго Крымского похода были уже открытой войной. И когда Софья сама попыталась обратиться к стрельцам за поддержкой, а Петр в панике по известии об этом бежал за крепкие стены Троицы-Сергия, столкновение разыгралось и скоро кончилось поражением Софьи (1689; *см.* XL, 274/75). Но и с устраненьем ее долго нет прочной власти. Об Иване никто не думал, и незаметной почти прошла его смерть (в 1696 г.). Царь Петр (*см.* XXXII, 115/22 сл.) не радеет о государственных делах, занят потехами воинскими, приобретающими все более серьезный характер, строением «новоманерных» судов и плаваньем на них и, особенно по смерти матери (1694), разгулом с русскими и иноземными собутыльниками. Между правящими лицами: «вечно налитым вином» кн. Б. Голицыным, отодвинувшим его на второй план царским дядей Львом Кир. Нарышкиным, занятым больше всего личным обогащением за счет казны, и одним из видных работников, Тих. Стрешневым, — не было единодушия. Первое время, видимо, сильное влияние оказывал на ход дел патриарх Иоаким (*см.* XXII, 634). Ему принесен был в жертву проповедник «хлебопоклонной ереси» и вместе хвалитель Софьи Сильвестр Медведев (*см.* XXXVIII, 576/77); по его, очевидно, настояниям изгнали из Москвы «иезовитов», казнили «еретиков»-мистиков Кв. Кульмана и его последователя в Москве Нордермана; все иноземцы отданы под особый надзор обруселого голландца, начальника почты А. Виниуса, которому велено следить за перепиской с Европой. При царе, будущем «преобразователе», крепла национально-консервативная реакция. В делах был полный застой. Именно к этим годам с наибольшей справедливостью надо отнести слова кн. Якова Долгорукова (*см.*), что после царя Алексея «неразумные люди все его начинания расстроили», и надобно признать это не только в отношении «дела военного», о котором говорил Долгоруков, а и в отношении всех государственных дел вообще. Между тем, потребность реформ становилась совершенно настоятельной.

Как в восстании под знаменем Разина в 70-х годах, так и теперь в бегстве крестьян из многих уездов Поморья и с Вятки, в мятеже стрельцов, в проповеди и движении старообрядцев сказывалось недовольство всех социальных низов, крепостных и «вольных», городских и сельских. Майские события 1682 г. в столице встречены были созвучием в стране. Через год правительство вынуждено было констатировать, что «в городах тамошние жители и прохожие люди про мимошедшее смутное время говорят похвальные и иные многие не-

пристойные слова на смуту и страхованье и на соблазн людем», но, конечно, ничего не делало для улучшения положения волновавшихся низов, грозило им розыском и смертной казнью, старалось обещаньем «милостивого жалованья» поддержать «раденье» служилых людей. Правда, «страхованье» кое-где давало свои плоды, и эксплоататоры сами снижали свои требования, но это ничем не закреплялось, не могло быть гарантировано на будущее. С другой стороны, «милостивое жалованье» дворянам постепенно слабело по мере отхода от 1682 г. Внимание к торговым верхам не давало, однако, решенья основной задачи: торговля не могла в должной мере развертываться с использованием дальнего и доступного лишь на короткий период беломорского пути, а с балтийским вопросом дело стояло на мертвой точке. Едва ли без связи с общим хозяйственным застоем было и относительное сокращение энергии строительства в области промышленности: последняя четверть XVII в. (до 1697 г.) в этом отношении отмечена только мелкими железными заводами Бутенанта в Заонежьи, железным же заводом в Воронежском крае, двумя-тремя лесопильными мельницами у Архангельска и неудачной попыткой наладить производство бархата в Москве.

Очень малы сдвиги и в области решения других вопросов. В сфере отношений с соседями «вечный мир» с Польшей (1686) привел к участию Московии в «концерте» европейских держав (Австрия и Польша) против Турции, но вытекавшие отсюда походы на Крым дорого стоили и кончились полным провалом. А вместе с тем они вызывали неприятные для Москвы отзвуки на востоке: «Наша вера одна, турские и крымские станут там биться, а мы, башкиры и татары, станем в Сибири биться и воевать» — говорили в верхах башкирских (и осуществили эту программу несколько позже), а это вызывало необходимость напряжения сил и за Волгой. На крайнем востоке Московское государство вошло в соприкосновение с «Небесной империей», но результатом было срытие русской крепости Албазина у Амура; правда, заключен был и торговый договор с Китаем в 1689 г., но более или менее значительное использование его оказалось делом далекого будущего.

Внешне-политические задачи и осложнения внутри требовали сильной армии для политики власть имущих, но переформирование армии замедлилось, флот был еще в проекте, а то, что делалось в области военной, вызывало недовольство провинциального дворянства. Выборные в комиссии по военным делам в 1681 г. сами предложили вместо сотен разделить дворян в роты под руководством ротмистров, но ведь это значило ввести обязательное обучение иноземному строю. Еще раньше, в 1678 г. последовало распоряжение писать в солдаты всех скудных дворян, а в 1680 г. уже всех вообще дворян Севского, Белгородского и Тамбовского разрядов решено было привлечь к солдатской службе. Этим подготовлялся переход к регулярной армии Петра, но, конечно, дворянство не могло быть в восторге от таких мероприятий. Ведь эти мероприятия сильно отягчали службу дворян, отрывали их на более долгие сроки от хозяйства в поместьях и вотчинах, ничем не компенсируя их за это. В связи с упорядочением военных дел стоял и другой проект, еще времен Федора Алексеевича, но предвосхитивший идею первоначальных петровских губерний: по примеру окраин, всю территорию государства поделить на «разряды», в пределах которых главные воеводы должны были стоять над остальными и связывать их с Моск-

вой (вместо существовавшей непосредственной их связи с центром) и прежде всего руководить всеми военными силами округа. Конечно, руководителями таких «разрядов» должны были стать лица более высокого служебного положения, как бы взамен ликвидированного в 1682 г. местничества, и, может быть, этот аристократический оттенок намеченной реформы помешал ее осуществлению.

Новости наметились и в области финансов. После переписи 1678-1679 гг. основные прямые налоги решено сбирать с дворов (а не с сох), при чем в упрощение системы теперь посады и уезды Поморья должны были платить «стрелецкие» сборы, остальное сельское население — «полоняничные» деньги. Но при переписи учтены дворы не только крестьян и бобылей, старых тяглецов, но и «деловых» и «задворных людей», холопов, живших вне двора господина и ведших земледельческое хозяйство, которых впервые привлекали к несению государственных тягот. Как бы в компенсацию за это превращение части холопов в тяглецов, в 1696 г. владельцам предоставлено право переводить крестьян с пашни во двор, т.-е. превращать тяглеца в необложенного тяглом домашнего слугу. Этими мерами в значительной мере подготовлено слияние крестьян и холопов в одну категорию, проведенное полностью при Петре.

Принимаются дальнейшие меры к упорядочению центрального аппарата. В 1680 г. велено ряд приказов «снести в одно место, чтоб челобитчикам лишния волокиты не было», но разложение приказной машины продолжает расти быстрыми темпами; увеличивается количество «невершенных дел», беспорядочно ведется делопроизводство. Выросшая численно Боярская дума (*см.* VI, 395/405) также превращается в орган неработоспособный, и к началу 1680-х годов оформляется в «Росправную полату», как бы постоянную комиссию думы для руководства текущей работой приказов; в этой палате заседают судьи важнейших приказов — «министры» без имени. Так подготовляется «Ближняя дума» Петра, предшественница сената. На местах растет бюрократизация управления. Одно время (с 1679 по 1684 гг.) были даже совсем ликвидированы губные старосты, и воеводы становились всевластными. Заботы об охране казны от их хищения привели, однако, к отстранению воевод от сбора таможенных пошлин, стрелецких денег и др. сборов, в чем можно видеть принципиальную подготовку изъятия при Петре посадов из ведения воевод. Характерной чертой момента является бюрократизация даже приходского управления.

Ростки нового видны и в организации высшей школы — «Славяно-греко-латинской академии» (*см.* XIX, 203), и в увеличении числа переводов иностранных книг, и в появлении светских повестей русского происхождения (Фрол Скобеев; *см.*), и в указе 1681 г. об обязательном ношеньи польского платья при явке к царю, и т. д. Как далеко могло заходить усвоение взглядов «тлетворного» Запада, лучше всего показывает пример Тверитинова, как раз в 1690-х гг. заразившегося в Москве протестантскими взглядами и начавшего их проповедь (*см.* XLI, ч. 7, 122).

Так, неровно в разных частях, с топтанием на месте, даже с отступлениями назад, идет, в значительной мере стихийно, без сознательной воли государственных деятелей, ход жизни страны, уже находившейся на перепутьи от старого к новому.

4. Не сразу и при Петре получают себе выражение в обдуманных формах осознанные потребности руководящих сил государства. По условиям, в которых складывалась личная биография Петра, в нем вырастал не государ-

ственный деятель, в котором нуждалась Р., а прежде всего недурной разносторонний ремесленник (к 1697 г. он знал 17 ремесл) и военный практик в разных отраслях. Но он сам позже сознавался, что даже в военном деле он, как мало способный ученик, проходил «тривременную школу» (трижды по 7 лет), учась — в войне — у шведов. Государственной «школы» проходить ему не пришлось совсем, да еще такое длительное «обучение» в школе военной мешало ему заняться вплотную и «самообразованием» в области государственной науки. Знания ухватывались походя, в минуты, свободные от напряженных усилий в области внешней политики и военных дел, и тут же, часто, особенно в первое время, наскоро обращались в практику, нередко без обдумывания. По требованиям обстоятельств приходилось перестраиваться на ходу, бросая недоконченным одно, ломая поспешно сделанное другое. И многое в его деятельности, преимущественно в первые годы его правления, определялось традицией, хотя бы и недавней, исходило от проектов и опытов его предшественников (личную характеристику его *см.* XXXII, 115/30).

Первым крупным фактом, в котором активно выступает Петр, были Азовские походы (см. XXXVI, ч. 4, *войны Р.*) Новостью в выполнении военной задачи было участие с большим напряжением созданного флота. Но сама по себе задача являлась продолжением планов прошлого, частью борьбы с Турцией. Если не удались удары по Крыму прямо с фронта, элементарно простым был вывод попробовать бить с фланга. Взятие Азова с участием флота должно было обнажить фланг. Однако, тяжело доставшийся и пышно отпразднованный в Москве успех не привел к желанным целям. «Гнилое море» защищало Крым с востока, а выход к Черному морю остался в руках турок, и крепости Керчь и Еникале стерегли здесь узкий пролив. Вследствие этого же запертый бассейн Азовского моря ничего не давал и русской торговле. Наличие русской крепости в устьях Дона только обеспечивало лучше, чем ранее, дальнейшее продвижение русских захватчиков в черноземных степях. Но как раз в бассейне Дона дворянству противостояло еще не вполне подчиненное Москве донское казачество. Так взятие Азова оказалось военной победой и стало угрозой Турции, но не приносило решения экономических проблем.

Простым выводом из опыта строения азовского флота, когда русские выступали слепыми учениками иностранцев, было осознание необходимости иметь собственных мастеров и собственных офицеров. Личная заинтересованность Петра в морском судостроении придала темпы и развернула размеры движения «в учебу к иностранцем». Но предшественником Петра в посылке русских для ученья за границу был еще Борис Годунов. Да и при Петре эта посылка 1697 г. была не первой: обычно забывается, что еще в 1692 г. уехал учиться медицине в Падую первый русский доктор заграничного образования—Постников, а в 1696 г. за ним последовал Волков. Изумившим всю Европу событием была собственная поездка к чужестранцам московского государя, недавно еще скрывавшегося во дворце и за толпою придворных полубога, и при том поездка под скромным именем «Преображенского полка урядника Петра Михайлова». Но и за границей Петр отдавал почти все свое время любимым занятиям: изучал артиллерийское дело, работал на верфях, занимался теоретическими основами кораблестроения и общей механикой, осматривал арсеналы, знакомился с разными промышленными предприятиями

и меньше всего интересовался политической жизнью государств, вопросами народного хозяйства, финансовыми и пр. «Великое посольство», ехавшее в Европу с наивною целью заставить ее воевать с Турцией под лозунгом борьбы христиан с магометанством, а в сущности — для Москвы, только показывало плохую осведомленность московских дипломатов в политической обстановке Европы и кончилось, конечно, ничем. Уже на обратном пути Петр получил приглашение примкнуть к Польше и Дании в борьбе против Швеции за Балтийское море. Но и стремление к этому морю имело в Москве уже полуторастолетний возраст и стоило государству двух тяжелых и безрезультатных войн. И таким образом, привезя в Москву задачу добыть гавани для русской торговли в районе Балтики, Петр шел вполне в фарватере традиции.

По возвращении в Москву (1698) Петр занялся розыском по поводу разразившегося в его отсутствие возмущения стрельцов (*см.* XLI, ч. 5, 19), разбитых в бою новыми военными формированиями. Петр принимал личное участие в допросах и пытках, видя в этом выступлении «семя Ивана Михайловича» (Милославского) и стараясь установить участие в нем Софьи. Одновременно идет лихорадочная подготовка к вступлению Р. в войну с Швецией, и, как только было получено известие о заключении мира с Турцией, началась «Северная война» (*см.* XLI, ч. 5, 661/68). Особенно тяжелой для страны и особенно напряженной для Петра была первая ее половина, закончившаяся Полтавской победой (27 июля 1709 г.; *см.* ниже). Уничтожение русской армии под Нарвой (11 ноября 1700 г.), ряд тяжелых поражений в других местах в другие годы, непрерывное бегство рекрут и солдат, необходимость постоянно готовить кадры в действующую армию на громадном по тогдашнему фронте, такая же неотступная нужда все время давать ей вооружение, снаряжение, продовольствие, средства передвижения и пр.,—все это занимало целиком время Петра и его помощников. А на ряду с этим — большие осложнения внутри страны, серьезные движения, вызванные исключительными требованиями военного времени. Чтобы конкретно их представлять, надо брать не отвлеченные цифры, а живые примеры. С Рыбной слободы (около Переславля Залесского), в которой насчитывалось всего 203 чел. (вероятно мужск. пола), в один 1702 г. взято на разного рода службы 15 человек, то-есть более 7% мужск. населения. С вотчин Макариева Унженского монастыря, имевшего в нач. XVIII в. 500 дворов, к 1704 г. в одни только лопатники, т.-е. для земляных работ по постройке Петербурга (заложенного в мае 1703 г.), по работам в Азове и др. местах взято 67 чел. С посада Соликамска, в котором писец 1678 г. подсчитал всех тяглых посадских и вместе бобыльских, нищих и вдовьих 465 дворов, за 5 лет, с 1703 по 1707 гг., взято в рекруты и на работы не менее 200 чел. работников. Требования, конечно, чрезвычайно большие, тем более, что не только рекруты обычно погибали от ранений или эпидемий, но и взятые на работу, живя в ужасных условиях, обычно все «на той службе» умирали или, возвращаясь совершенно обессиленными трудом, условиями жизни и болезнями, помирали «в домах своих». Кроме людей, население должно было давать денежные средства. В добавок к старым сборам появились разные «новоокладные». В 1701 г. указано «для свейской службы» (т.-е. войны со шведами) на 1701-ый год и впредь «имать сверх всяких поборов всего Московского государства с торговых всяких чинов людей» с торгов, промыслов и со всяких заводов «деся-

тую деньгу», а с «уездных людей», т.-е. крестьян, бобылей и задворных и деловых людей всех категорий, кроме помещичьих, «по 8 алт. 2 деньги с двора» (т.-е. по $^1/_4$ рубля), а «с помещиковых и вотчинниковых» по 6 алт. 4 д.; «да на седельную и узденую покупку со всех крестьянских и с бобыльских и с задворных людей взять в один 1701-ый год по полтретьи ($2^1/_2$) деньги с двора». Но исчезал сбор уздечный—появлялся «на дело седел, перевязей» и пр. Требовались деньги на отправку рекрут и работных людей и т. д. По подсчетам в одной крупной вотчине Нижегородского уезда крестьяне в годы, близкие к Полтавской битве, всего должны были вносить в государеву казну «окладных и по указам с двора 4 рубля 6 алт. 4 деньги», или, переводя это на язык реальных отношений, больше половины лошади с двора в год. Тягло не «удобоносимое». Но и им не исчерпывалось все. Надо прибавить еще: оплату «бородовых знаков», когда крестьянин появлялся в город; цену «орленой (гербовой) бумаги», если надо было письменно заключать какую-либо сделку; сбор с дубовых колодгробов, в которых привыкла хоронить своих мертвецов до-петровская Русь, и т. д. и т. д. На что другое, а на сборы с населения «прибыльщики» этих лет были очень изобретательны. Сверх денежных сборов требовались натуральные—то хлебом и крупами, то телегами и упряжью, то лошадьми для драгунских полков, и т. д., с необходимостью еще доставки всего этого иногда за сотни верст, куда-нибудь в Азов, Петербург и т. д. Особенно разрушительно на крестьянское и вообще народное хозяйство действовало после взятия рекрут и работников изъятие рабочего скота—лошадей. Цены на них поднялись по сравнению с ценами 1670-х—1680-х гг. вдвое. В иных местах положение становилось критическим. Напр., в Смоленском крае, близком и к сев.-западному и к юго-западному фронтам, в 1712 г., когда требовались тысячи лошадей для кавалерии, даже не отличавшиеся мягкостью и уступчивостью петровские офицеры закупили только «400 лошадей с самою нуждою, а больше того числа сыскать в Смоленской губ. невозможно». Для полноты картины не нужно забыть еще администрацию, у которой в трудных условиях момента, когда всякий воевода за нерасторопность, за невыполнение требований мог попасть в тюрьму, под батоги и на плаху, особенно разыгрывался аппетит. Лебедянский воевода Домогацкий «мочию своею укрывал беглых солдат за многие дачи», а горожан «разорил в конец и иных из домов разогнал»; собирая казенных работников, он еще с них брал в свою пользу по 8 денег с человека, а с конных по 13 алтын с подводы, да еще масло, сухари, крупы. Даже когда не жалевший населения Петр приказал прекратить сбор недоимок, Домогацкий продолжал их требовать и «брал по полтине с двора» себе. Неудивительно, что «многие деревни Лебедянского уезду от немилосердых правежей бежали». А сколько таких Домогацких было по разным углам Руси! И вот в близкой к фронту Петербургской губ., в которую тогда входили и Тверь, и Ярославль и др. города, по переписи 1678 г. считалось 178.160 дворов, а в 1711 г. оказалось ровно вдвое менее: 89.080; в далекой от боев Архангельской губ. число дворов убыло за тот же срок более, чем на треть (с 99 тыс. до 60). Определенная прибыль дворов была установлена только на востоке, главным образом в Приуралье и в Сибири. Пусть в убыли мы имеем частично искусственное объединение дворов, пусть часть беглецов бродила по бли-

зости своих мест, чтобы вернуться при всяком удобном случае домой. Но, во-первых, и за этими поправками остается громадный процент запустения, а во-вторых, ведь и слияние дворов и скитание по близости вызваны нестерпимыми тягостями жизни. Неудивительно поэтому, что если уже первые необычные действия Петра по возвращении из Европы и жестокая расправа со стрельцами вызвали ропот недовольства и молву о том, что он «государь подменной», или даже, что под его именем царствует антихрист, то позже прямо начинаются возмущения против власти.

Летом 1705 г. вспыхнуло восстание в далекой от фронтов, но опасной по соседству с малонадежными калмыками и ногайцами Астрахани. Сюда стекались недовольные из всех слоев населения и с разных концов Руси. Видную роль играли здесь бежавшие из Москвы стрельцы; атаманом выступал посадский из Ярославля Носов. Неудивительно, что здесь сконцентрировано недовольство всем, что давило на карман и совесть московского человека, разрушало традицию в быте и старину во взглядах. «Заводчики и приставьцы все с пыток в бунте винятца,— сообщали потом Петру,— что бунт учинился за бороды, за веру, за платье, и что у женска полу обрезывали платье не по подобию, и за новые сборы» (очевидно и средствами и людьми). Были слухи, что призыв к восстанию шел из Москвы; впрочем, в получении «возмутительных» писем из столицы привлеченные к делу не винились. Сочувствие астраханцам выражали и жители пограничных мест по Тереку. Неспокойно было и на Дону. Петр боялся повторения разинского размаха движения и, направляя, с одной стороны, на Астрахань Шереметева с несколькими полками, с другой, предписывал Стрешневу в Москве спрятать деньги, имевшиеся в приказах, очистить, в случае крайности, оружейные склады и т. д. Только в марте 1706 г. восставшие покорились, и началась затянувшаяся до 1708 г. жестокая расправа с ними. Но в это время уже поднялись башкиры. Их движение было особенно опасно по другой причине. Нападениям их подверглись уральские железные заводы — одна из баз снабжения металлом, орудиями и оружием армии и частью флота. В связи с этим в 1708—1709 гг. Каменский и Уктусский заводы совсем приостанавливали работы. А вместе с тем объявившийся среди башкир султан вошел в связь с народами северного Кавказа, добивался поддержки в Крыму и Турции. Неспокойно было и среди казанских и астраханских татар. Весной 1707 г. было известие, что «говорят-де в Турской земле, что будут дожидатца лета», чтобы помочь «вывести» из Московского государства «из 80.000 дворов мужсково и женска полу, которые живут по Казанской черте казанских татар». На Казань летом 1708 г. направили свои усилия и башкиры. В том же году в открытой форме развернулось восстание под руководством Булавина (*см*) на Дону, где с самого начала века шло брожение с разных мест собравшейся «голытьбы». Количество ее быстро росло. По правительственному указанию 1707 г. «из русских порубежных и из иных розных наших городов, как с посадов, так из уездов, посацкие люди и мужики разных помещиков и вотчинников, не хотя платить обыкновенных денежных податей и оставя прежние свои промыслы, бегут в разные донские городки, а паче из тех городов, из которых работные люди бывают по очереди на Воронеже и выных местах». На Дону еще жило право невыдачи беглых, к тому же старые домовитые казаки использовали новую рабочую силу, держа беглецов «в домех своих». Уже в 1705 г. го-

лытьба с тем же Булавиным во главе напала на изюмцев и разорила их «соловаренные заводы» на Бахмуте, а когда правительство направило в 1707 г. на Дон дьяка Горчакова «для сыску... беглецов», переписи «награбленного» имущества изюмцев и осмотра (очевидно, в целях размежевания) «спорных земель и угодей на Бахмуте», казаки не допустили его работать, а потом перешли и в открытое восстание. При чем есть все основания думать, что Булавин был в контакте с башкирами, находился в сношениях и с Крымом и с Турцией. Ближайшие к Дону места помещичьей эксплоатации сразу же примыкали к Булавину, горели уже дворянские усадьбы. Таким образом, новое восстание в годы, когда Карл XII (*см.*) уже был в пределах Руси и рассчитывал на присоединение Украины, охватило в глубоком тылу громадный район и могло легко соприкоснуться с «мятежным» гетманом Мазепой (*см.* XLII, 179/80, и *Мазепа*). Едва ли без связи с этими окраинными движениями шло интенсивное брожение, выливавшееся в партизанские выступления беглых солдат и «разбойников» в центре — в ярославских, костромских, тверских местах, чем создавалась угроза разобщения столицы с новозавоеванной Прибалтикой, отрыва действовавших здесь войск от их базы. Петру удалось против башкирцев направить калмыков. «Усмирять» Дон было поручено кн. В. В. Долгорукому (*см.*), брат которого был убит казаками, и потому расправа с восставшими была чрезвычайно жестока. Мятежные станицы на севере Донской области буквально стирались с лица земли, пленных вешали и сажали на колья. К зиме 1708 г. донская «голытьба», или, иначе говоря, восставшие помещичьи крестьяне и др. беглецы от государственных тягот были усмирены, после того как многие из «бунтовщиков» были уничтожены. В 1709 г. затихла и обескровленная Башкирия. Но еще и в 1711 г. регулярные войска продолжали ловить ускользавшие от них группы «разбойников» в центре.

При таком напряжении на внешнем и внутреннем фронтах естественно, что панические настроения находили по временам и на самого Петра, в общем показавшего в тяжелых испытаниях сильный дух, большую находчивость и неутомимую энергию. Не только в 1705 г. Москва переживала тревожные дни. В 1707 г., в апреле, кн. Прозоровскому был дан наказ, «ежели сей случай будет» (т.-е. если наступит опасность), «с лутчею святынею,... казенными богатствы и нужными посольскими письмами выехать по Ярославской дороге до Белоозера и дале». Корчмину предписано заняться в спешном порядке укреплением Кремля и Китай-города, подготовить все «к осаде» вплоть до «мостов подъемных». В московский гарнизон, который надо было довести до 30.000 бойцов, включались и 1.000 человек из посадских, и 3.000 из «людей боярских», и т. д. Словом, при повороте Карла к Московии и внутренних осложнениях опасались прямой опасности для Москвы.

Где же в такой обстановке можно ожидать планомерной работы по переводу государства на новые рельсы? Когда тут было составлять какие-нибудь планы преобразований? И если в это исключительно тяжелое десятилетие можно говорить о «реформах», то только в смысле отмирания в суровой обстановке чрезмерных требований обветшалых частей старого и нарождения нового под непрерывным напором военных нужд. И шли оба процесса судорожно, хаотически. Громадное количество всяческого сорта распоряжений Петра за эти годы полно противоречиями, отменами недавно отданных приказов, спешкой, необдуманностью. И за хаосом сти-

хийных мер, в целях самосохранения, едва-едва вырисовываются контуры нового здания «переделанной Р.» («des veränderten Russlands»).

В непрерывных боях постепенно исчезали старые формирования и слагалась новая армия (*ср.* III, 507). Военная служба фактически стала постоянной и для дворян и для попавших в полки даточных. После первого же разгрома необученной армии под Нарвой (1700) предварительная военная подготовка становится правилом для всех вновь набираемых на службу. С 1705 г. призыв в армию падает не только на военно-служилое дворянство, которое попрежнему служит поголовно, но и на все тяглое население (по расчету один человек с 20 дворов). После третьего такого набора новый порядок становится правилом, и Петр на запрос, брать ли рекрут, уже с раздражением писал: «о сем и отписываться вам было ненадобно, а брать их по прежнему указу, как определены бессмертные, и когда спросят в дополнку в армию, чтобы всегда на упалые места были готовы». И новые формирования, насчитывавшие к Азовскому походу всего 14.000 человек, ко времени Полтавской баталии, несмотря на постоянную громадную убыль, возросли почти в 10 раз. Рядом с этим идет сооружение флота — в начале для Азовского моря у Воронежа и для Белого моря у Архангельска, потом и для Балтийского в Олонце и на Свири, а позже и на петербургских верфях. Для пополнения офицерских кадров нельзя было рассчитывать на приезды иностранцев; не могли удовлетворять и командировки для обучения за границу. И в Сухаревой башне в Москве (*см.* XXIX, 359) была организована школа для «математических и навигацких, т.-е. мореходных хитростно искусств учения». Программа ее оказалась достаточно широкой; по официальному признанию, «оная школа не только потребна единому мореходству и инженерству, но и артиллерии и гражданству к пользе.»

Военные нужды требовали финансирования. В поисках денег, которые Петр называл «артериею войны», правительство шло проторенными путями старины, еще увеличивая и умножая поборы с населения. В целях получения дохода казне, перечеканивали серебряную монету старую в новую, вдвое более легкую по количеству серебра, и тем вызвали еще добавочный рост цен. Не только нет никаких улучшений в финансовой системе, но и достигнутое ранее упрощение новыми мерами сведено к нулю. Не слышно и речи о новой, более удобной окладной единице, а когда перепись дворов, предпринятая в надежде обнаружить прирост за 30 лет и обложить его, дала на громадной части территории убыль, то, пренебрегая элементарными требованиями разумных оснований налоговой системы, Петр указал сбирать с нового «числа» там, где оказалась прибыль дворов, и по старым книгам, где установлено сокращение числа дворов, чтобы казна ни в коем случае не оказалась в убытке. Мы уже отчасти видели, к каким отрицательным народнохозяйственным результатам приводила такая система, если можно называть системой ряд случайно и на разных основаниях построенных мероприятий, имевших единую цель — как бы государевой казне было прибыльнее. Надо всем висела война.

Ее требования вызвали реализацию старого плана о разрядах, созданных теперь (1708) в форме губерний (хотя термин «губернатор» встречается и раньше). На губернаторов возложены были обязанности обеспечивать армию пополнениями (набор рекрутов), припасами, заботиться о крепостях, о размещении полков и пр., блюсти

за поступлением всех сборов с населения и отправлением повинностей и затем уже выполнять определенные полицейские функции в подвластных им территориях (см. *губерния*, XVII, 301/03).

Интересы казны, желание в большей полноте, минуя липкие руки воевод, получить денежные сборы привели (в 1699 г.) к созданию (или восстановлению) по городам «земских изб», в которых заседали выборные (от посадских и уездных людей) бурмистры, с передачей им не только сбора «всяких денежных доходов» с посадов и уездов, но и ведания посадов во всех отношениях, с полным высвобождением посадских людей из подчинения воеводам. В центре, в Москве, для руководства земскими избами создана Бурмистерская палата, скоро переименованная в Ратушу (см. *Бурмистерская палата*, VII, 207/08, и *город*, XV,655).

Необходимость выяснить положение с бюджетом побудила создать (1701) на смену неповоротливому Счетному приказу (*см.* XXXIII, 461) новый контрольный орган — Ближнюю канцелярию (*см.*), которая по ежемесячным приходо-расходным ведомостям приказов составляла годовые балансы. Сами приказы получали конкурентов в виде новых учреждений с разными наименованиями и то с длительным, то с кратковременным существованием. Иногда росли они постепенно из канцелярии какого-нибудь доверенного лица, которому поручалась та или другая функция; иногда организовывались сразу для тех или иных новых отраслей управления, как Адмиралтейский приказ. То в них преобразовывались старые приказы, как Военный возник из соединения Иноземского и Рейтарского; то действовали параллельно со старыми, появляясь где-нибудь ближе к царю — в Петербурге, а то прямо на фронте. И в результате приказы были «растасканы»: часть старых органов центрального управления умирала, часть постепенно сведена к управлению только центральной, Московской губернией, и на место разрушенной старой машины не создано никакой согласованной стройной системы. Отмирала и Дума боярская, в которой почти не бывает государь и большая часть членов которой по служебным поручениям обычно находится вне Москвы. Ограничивается ее состав восемью-десятью лицами и по роли их в управлении называется «консилией министров»; вводятся в нее доверенные люди, совсем не имеющие думного чина; сужаются или совсем ликвидируются ее контрольные функции, а большинство законодательных актов идет совершенно вне ее, при чем они принимают нередко странную для чинной Московской Руси форму писем, а то и записочек царя разным лицам (*ср.* VI, 402, 403).

Все это, конечно, меньше всего похоже на «преобразования», на работу сознательно и планомерно действующего государственного человека. Война и ее нужды диктовали свои неотступные требования, которые далеко не сразу и не всегда хорошо понимались и которые осуществлялись в меру возможностей и разумения. Во всем этом, кроме переконструирования армии и создания флота, очень мало чувствуется и влияние Европы. Наоборот, больше довлеет русская традиция, хотя бы и недавнего времени. И только терминология (канцелярии, губернии, бурмистры, ратуши и пр.) усиленно навязывает мысль о знакомстве руководящей группы с европейскими порядками.

Немного принципиально нового найдем мы и в области экономического «творчества» этих лет, именно в создании новых крупных предприятий. Хотя в устройстве их и руководстве производством видную роль играли приглашенные на русскую службу иноземцы, но ведь они же работали

и в тех же ролях в этом деле и ранее. Отрасли производства прямо подсказаны войной. Ее громадные потребности частью совершенно невозможно было (напр., в отношении литья пушек), частью очень трудно было удовлетворить мелким производством. Заказы и закупки за границей и дорого обходились (в обстановке военных требований цены росли), и не могли гарантировать регулярность снабжения государства всем необходимым. И вот в стране за казенный счет быстро строятся один за другим металлургические заводы. Одной из крупных баз в этом отношении становится Средний Урал, где вслед за первенцем его — Невьянским заводом, начатым постройкой в 1697 г. и давшим первую продукцию в 1700 г. (в начале 1702 г. он передан в эксплоатацию Н. Демидову; *см.*), в течение 1700—1704 гг. появились еще три доменных и молотовых завода и один медеплавильный. Воронежско-Азовский край получил металлургическую опору в виде доменного Липского (позднее он именовался Липецким) и молотового Козминского заводов в добавок к существовавшему здесь (с 1696 г.) частному заводу Борина и Аристова. Для обеспечения балтийского флота и северо-западных крепостей и армий построены новые казенные заводы у Онежского озера и два завода у Белоозера и Устюжны Железнопольской. Всего в пределах до 1707 г., когда строительство приостановилось, создано 12—13 казенных металлургических предприятий, крупных по тогдашним масштабам. В районах старых тульских и калужских заводов в те же годы появилось три новых крупных частных завода. Кое-где знаем еще более мелкие металлургические предприятия. Большинство их, и во всяком случае все крупные, и старые и новые, казенные и частные, загружены заказами на войну. Для строительства флота во всех районах верфей возникают лесопильные мельницы, большею частью казенные. Для него же строятся канатные заводы, и в Москве с начала века работает первая в Р. парусинная фабрика. Тот же усиленный спрос войны вызвал к жизни более крупные, чем раньше, казенные селитряный и серный заводы, шпажную фабрику, частные пороховые заводы иноземцев и пр. Стремление одеть солдата в мундир русского сукна продиктовало организацию казенной суконной фабрики (в 1705 г.).

Но на ряду с этой «военной» промышленностью появились, правда очень немногие, мануфактуры, не обслуживавшие прямо или обслуживавшие лишь частично военные нужды: бумажная мельница, гражданская типография (для печатания книг новым шрифтом) и стеклянный и зеркальный заводы. Все они устроены также на государственные средства. Вообще русский частный капитал в эти тяжелые и тревожные годы очень слабо шел в промышленность.

Не очень сильно занимался он и внешне-торговыми операциями. И хотя по словам поздравлявшего Петра, по случаю взятия Ниеншанца (*см.* XXX, 265), А. Виниуса, «обрадовашася купцы иностранные, паче ж Российскиа, видя к ближайшему путю промыслам своим такиа отверзенные врата, ими же многократно в лето могут приезжать и отходити и вся нужные потребы доставати», однако это заявление звучит очень риторически и слишком упреждало события. Сильная на море Швеция старалась не допустить «отверзения» этих «врат»; положение новопостроенной столицы Санктпитербурха бывало иногда очень опасным, шведы один раз дошли до самой Охты, и только после Полтавской победы (1709) могла «ногою твердой стать при море» Балтийском Р. А пока торговля по старинке шла главным образом через Архангельск, где актив-

ную роль играли голландцы и англичане.

И единственно, где «европеизация» сказывалась решительнее, это в области внешности, но касалась она, можно сказать, только верхов. Введение счета лет по-европейски, т.-е. от «Рождества Христова», а не от «сотворения мира», и начала года — с января (но с оставлением в Р. юлианского календаря, когда в Европе был принят грегорианский), борьба с длиннополыми и длиннорукавыми старорусскими ферязями и шубами бояр, введение для них и всех служащих и придворных обязательного ношения европейского платья, требование под угрозой штрафов брить бороды, введение париков и пр. — одна серия таких мероприятий. Гражданский шрифт, издание для всех газеты, печатание ряда новых серьезных и учебных книг и пр. — другая группа забот о том, чтобы сравняться с Европой. Но как раз перевоспитание населения, хотя бы даже верхов его, несмотря на некоторую подготовку этого в предшествующее столетие, могло итти только медленным шагом, совсем не соответствуя порывистой манере царя-преобразователя. И переодетые в немецкие кафтаны и башмаки, бритые и в «перуках» «птенцы гнезда Петрова», тем более другие, из-под палки становившиеся иностранцами по обличью бояре и «царедворцы» (как в эту пору называют дворянство столичных чинов) в нравах и воззрениях, в правительственной деятельности и домашних поступках оставались детьми своих отцов, не переживая чудесной ломки, как это казалось кое-кому из современников и особенно потомков, а лишь медленно перерождаясь в «новую породу людей».

5. Так обстояли дела в первую половину правления Петра. После полтавского поражения Карла военное напряжение несколько ослабело, и Петр, по его собственному пр знанию, стал больше трудиться «во управлении гражданских дел». И нельзя было не заняться ими: поздравляя государя с Полтавской победой, Курбатов (*см.*), один из виднейших сотрудников Петра, хорошо знакомый с состоянием дел в тылу, настойчиво выдвигал на очередь «гражданское правление», ибо уже «превеликий всенародный вопль» по Руси слышится.

Но напрасно думать, что теперь, с 1710 г., правительство всецело отдается заботам о населении, что военные дела оставили ему очень много свободного времени. И тут почти до конца царствования Петра война продолжала занимать большое место в жизни государства. Война со Швецией продолжалась до 1721 г. Правда, теперь военные действия развертывались не на русской территории, а на Балтийском море, в Финляндии, даже в самой Швеции и в Германии (см. *Северная война*, XLI, ч. 5, 667/68). На территории последней не только решалась чисто военная задача выбивания противника. Неверно вместе с Ключевским думать, что вот у Петра появился «новый спорт, охота вмешиваться в дела Германии» и устраивать там браки племянницы и дочери, с отрицательными результатами для Р. Нет, брачные союзы с мекленбургским и голштинским правителями имели в виду завершить борьбу за Балтийское море путем создания — на территории родственников — морского канала, чтобы не зависеть от Дании, чтобы иметь свой выход к Немецкому морю и океану. С другой стороны, усиленные действия Карла против Р. в Турции и желание Петра с запада отрезать Крым от его верховной покровительницы имели результатом Прутский поход 1711 г. (см. ниже — *войны Р.*). Петр старался подготовить его дипломатически. Были заключены до

говоры с господарями: Валахии—Бранкованом и Молдавии — Кантемиром о помощи Р. войском, продовольствием и пр., за что оба должны были стать совершенно независимыми правителями. Южнее, на Балканах, действовали различные эмиссары, стараясь поднять восстание в Черногории и Сербии с расчетом на помощь Р. Но военная подготовка похода была слаба. Содействия от союзников Петр не получил, и в результате русская армия с царем во главе, оказавшаяся без продовольствия, была окружена превосходными силами турок. Только успехи русских в отдельных стычках, нелады в турецкой армии и податливость визиря на русское золото спасли Петра от полной катастрофы. Но, получив возможность отступления, он обязывался вернуть Турции Азов, уничтожить укрепления Таганрога и пр., т.-е. отказаться от всяких надежд покончить с Крымом и пробиться к Черному морю. Мало того, прутская неудача и уход с устьев Дона подняли энергию и Крыма и связанных с ним ногайцев. Начались снова столкновения на юге, а в 1711 г. и еще раз в 1717 г. кубанцы прорывались на юго-востоке вплоть до пензенских мест. Т. о. в этом районе, несмотря на создание Петровской (от Медведицы до Хопра) и южнее — Царицынской (от Волги до Дона) оборонительных линий, вернулись в сущности к старой постоянной необходимости держать наготове военные силы и вести наблюдения за «степью», чтобы обеспечивать эксплоатацию ранее захваченного Воронежско-Тамбовского района. Но уступая на юге, Петр начинал энергично действовать в пределах Азии, при чем конечными целями здесь ставились захват Аму-Дарьи, где, по слухам, находился золотой песок, и проникновение в Индию, давно манившую своими сказочными богатствами. Попыток проникнуть в Среднюю Азию было две. Одна шла от Астрахани — завершившийся полным разгромом поход Бековича-Черкасского (*см.*) с двумя с половиной тысячами бойцов в Хиву в 1716 г. (*см.* XLI, ч. 4, 275/76), другая — из Сибири, где в 1714—1716 гг. действовала разведывательная партия Бухгольца и где последовательно строились на Иртыше: Омск в 1716 г., Семипалатинск в 1718 г. и Усть-Каменогорск в 1720 г. С другой стороны, смело была задумана морская экспедиция в Индию, для которой намечалась база на Мадагаскаре, для чего был уже послан русский военный корабль. Наконец, с 1715 г. было начато настойчиво проведенное в ряд лет изучение Каспийского моря и разведка, «нельзя ли через Персию учинить купечество в Индию». А так как проникновение сухопутьем индийских товаров в Персию, а из нее и в Астрахань, было фактом общеизвестным, то захват Каспийского моря должен был стать началом продвижения к Индии и по этому пути. К тому же здесь манили и сами по себе богатые прикаспийские провинции. И едва закончив войну со Швецией, Р. сейчас же стала энергично готовить сухопутный и морской поход на Персию, занявший полтора года военных операций в 1722—23 гг. и кончившийся приобретением ряда провинций по южному и юго-восточному берегу Каспийского моря (*см.* XXIII, 35/36). Таким образом, в полном смысле мирными были только полтора последних года жизни Петра. А для учета его занятости вне сферы чисто внутренней работы надобно еще не упустить из виду очень напряженной все время дипломатической работы и в разных странах Западной Европы и в Азии, вплоть до Китая, при чем и здесь, как и в других областях, он сам играл очень деятельную роль.

Вот при каких условиях шли реформы во второй половине царствования Петра. Но все же в эти годы

больше времени и внимания правительство могло уделять и действительно уделяло вопросам гражданского управления. К этому времени многому и сам Петр научился в итоге опытов, часто незаконченных и печальных по результатам,—в предшествующие (да и в эти также) годы, больше размышлял и читал на эти темы,—и во второе большое путешествие в Европу в 1717 г. он уже проявлял большой интерес к вопросам государственного устройства. С другой стороны, к участию в деле перестройки Р. были привлечены им разнообразные иностранные ученые и практики. И из русских, вынужденных обстоятельствами продумывать сложные проблемы государственной жизни, все больше выдвигалось людей, стремившихся сказать свое слово, дать свои проекты реформ государства, — от внимательно изучавшего английские порядки Ф. Салтыкова до исходившего от хорошего знания своего государства крестьянина Посошкова (*см.* XXXIII, 124/28). А самое главное в том, что как военные дела до 1709 г., так внутренние требования после стали неотвязно настоятельными, и без решения вопросов жизни государства или хотя бы без внимания к нуждам населения нельзя было надеяться и благополучно кончить войну. Еще в 1716 г., как бы поддерживая Курбатова, ген.-адмирал Апраксин (*см.*) писал Петру: «Истинно, во всех делах точно слепые бродим и не знаем, что делать; во всем пошли *великие расстрои*, и куда прибегнуть и что впредь делать, не знаем; *денег не возят ни откуда, все дела, почитай, останавливаются*».

При наметившейся уже для нас обстановке, несмотря на всю неотступность требований или, правильнее сказать, именно вследствие необходимости заниматься всем сразу внутри государства и продолжать войны, преобразовательная работа и теперь не могла итти систематически от одной отрасли государственной жизни к другой или от более общих проблем к частным. Перестраиваться приходилось на ходу. Поэтому и здесь удобнее систематический, а не хронологический порядок изложения.

Больше всего печать системы видится в области государственного строя. Ее больше всего разрабатывали в проектах. Организация управления была первоочередной задачей. На ней и надо прежде всего остановиться.

Вопрос о центральном руководящем органе стал совершенно неотложно, когда Петр решил принять личное участие в Прутском походе. В результате появился коллективный заместитель государя — сенат, который потом, при наличии царя, получил другие, главным образом административно-хозяйственные функции, а в связи с организацией коллегий окончательно определился, как центральный руководитель всего внутреннего управления и хранитель законности и правосудия (см. *сенат*, XXXVIII, 251/55).

В связи с учреждением сената изменилось подчинение губернаторов, которые стали подведомственны сенату. Позже в местном управлении видим попытки введения коллективности, выборного начала и разделения властей (см. *губерния*, XVII, 303/09). Если принять еще во внимание деление губерний на провинции, а этих последних на уезды, если причислить подчиненные прямо центру органы контроля (фискалы; *см.*) и специальный надзор за лесами (вальдмейстеры), то будет ясно, что на смену единому и универсальному воеводе XVII в. пришла теперь сложная и не вполне слаженная машина, для отдельных звеньев которой не хватало людей и которая очень дорого стоила и себя не оправдывала.

Увлечение коллегиальностью привело в результате долгой работы к созданию центрального аппарата управ-

ления в виде коллегий (*см.* XXIV, 496/502). Ограниченное число их, систематическое распределение ведомств и распространение их функций на всю империю (исключением являлась Малороссийская коллегия, ведавшая определенную территорию во всех отношениях) были, несомненно, шагами вперед по сравнению с приказным строем. Но неизбежная длительность обсуждения вопросов при большом составе (11 человек), естественное торможение инициативы и отсутствие личной ответственности совсем не соответствовали моменту, когда требовались быстрота в решениях, уменье действовать на свой страх и риск и аккуратность в исполнении.

Новый административный аппарат, таким образом, в более или менее законченном (но все же не в окончательном) виде сложился только в 1720-х годах. В эти же годы наметилась и новая финансовая система. В 1719 г. были внесены очень большие ограничения в сильно разросшуюся до того область государственных монополий: поташ и смольчуг, рыбий клей и икра, ревень, а по временам и сало, и кожа, и пенька, и воск, и хлеб и др.,—все было или бывало исключено из сферы свободного обращения по крайней мере в отношении внешней торговли. И вот в 1719 г. приказано оставить «казенными товарами» только поташ и смольчуг, а «прочие товары, которые продаваны были из казны, уволить торговлею в народ, токмо с прибавочною пошлиною». Еще позже, лишь в 1724 г., различные распоряжения в отношении таможенных сборов сведены в единый систематический тариф, устанавливавший принципиальную новость — дифференциальное обложение. Высокие в общем ставки для импортных товаров — в 20, 50 и 75% объявленной стоимости—обнаруживали определенное покровительство русскому производству и особенно крупной промышленности. В том же 1724 г. впервые из бюджета были вычеркнуты некоторые мелкие сборы с населения, дававшие ничтожные результаты для казны, «а людем турбацию» (по оценке Посошкова). Но все же и в этом бюджете осталось до 20 сборов, из которых каждый дал менее 1.000 руб. Большою новостью 1724 г. было введение *подушной подати*. Недостатки подворного обложения и ускользание при нем плательщиков были уяснены давно; идея «поголовщины» стала популярной в правительственных верхах еще с 1717—1718 гг. Но много времени отнял учет (перепись и проверка ее — ревизия; *см.* XXXVI, ч. 1, 200/01) будущих плательщиков, в состав которых теперь введены уже все разряды холопов. Учитывалось и подлежало обложению все мужское население тяглых групп, независимо от возраста и экономического состояния («ревизские души»). Так как новая подать назначалась на содержание армии, то величину ее определили делением всей потребной суммы (около 4 млн. рублей) на число душ (5.570.000). Из полученных таким образом 74 коп. сейчас же по смерти Петра было сбавлено — в виде «милости» населению — 4 коп., и «семигривенный сбор» стал основным прямым налогом на протяжении всего XVIII в. Крестьяне черносошные должны были платить сверх того 40 коп. оброку («четырехгривенный сбор»), а посадское население было обложено подушной в размере 1 р. 20 к., «сорокаалтынный оклад» (*см. подушная подать*, XXXII, 438/40). Эта прибавка для городского тяглого населения была единственной, но огульной поправкой на более высокий общий экономический уровень города. Но крестьяне, по крайней мере черносошные, получая сумму подати на все селение или даже на целую волость, по-старому превращали ее в раскладочный сбор, разверстывая его «по

пожитком и промыслом» и тем внося некоторую справедливость в обложение. В государственных доходах по бюджету 1724 г. подушная подать составила свыше половины — 54%, а с ясашными сборами с сельского же населения различных национальных меньшинств — более 55% доходов. И главная доля этой суммы вносилась крестьянством. На него же падали в известных, иногда и значительных частях и многие другие государственные сборы; на нем продолжали тяготеть и разные повинности. И в составе посадского населения относительно тяжелее были обложены податями и обременены повинностями опять-таки маломощные низы. Таким образом все реформы в системе обложения, проведенные в эпоху Петра, не изменили основного направления финансовой политики, как оно сложилось и до него. В связи с ростом государственных потребностей увеличивались размеры бюджета. Переводя его на золотые довоенные рубли *), мы получим для 1680 г. около 25½ млн. р. (1½ млн. тогдашних); для 1701 г. примерно 30 млн. рубл. (около 3 млн. тогдашних) и для 1724 г. уже почти 85 млн. рубл. (8.467.000 р. по окладу и 8.172.000 р. по фактическому исполнению). Т.-е. за 45 лет только денежные государственные сборы выросли в 3,3 раза, а на протяжении первой четверти XVIII в. в 2,8 раза. И одновременно росли требования в виде рекрутов, разных категорий рабочих, натуральных поступлений и всяческих повинностей. Если вообще податное бремя к 1725 г. увеличилось примерно втрое против конца XVII в., то с учетом натуральных платежей и повинностей низы крестьянства и посадских обложены теперь в пользу государства гораздо тяжелее, чем в XVII в.

В чью же пользу делались такие огромные жертвы со стороны гл. обр. наиболее обездоленных масс? Расходный бюджет уже намечает некоторые линии решения вопроса. Из 8½ млн. рубл. в последний год жизни Петра почти 6 млн., около 65%, уходило на разные военные нужды; несколько менее 10% брали расходы по взиманию сборов с населения и на государственное хозяйство; администрация и суд требовали немного более 2%, и расходы по двору составляло около 4% (наиболее скромный относительный показатель за время с конца XVII в. и до середины XIX-го). Если прибавить еще расходы на посольские дела, то сам аппарат государства требовал около 20% бюджета и охрана государства от врагов внешних и внутренних около 65%. Но и в остальных скромных статьях расхода мы тщетно будем искать каких-нибудь ассигнований, направленных на удовлетворение потребностей массы населения, на плечи которой ложился почти всей своей тяжестью доходный бюджет.

Еще яснее основные линии политики времен Петра выяснятся из рассмотрения положения при нем разных общественных групп. В положении *дворянства* произошли важные изменения. С одной стороны, оно с отделением обложенных подушною податью однодворцев (*см.* XXV, 563/64, прил. 6/7) освобождалось от наименее обеспеченных и наиболее близких к крестьянству собратий и тем самым резче и определеннее отделялось от других групп, как привилегированный класс «шляхетства», скоро начавшего в лице своих верхов мыслить себя, как «благородное». Но с другой стороны, в ряды дворянства входили боль-

*) Перевод, конечно, довольно условный; до сих пор он делается по данным о стоимости хлеба; правильнее было бы устанавливать покупательную способность денег по стоимости более разностороннего прожиточного минимума. Рубль конца XVII в. принимается обычно за 17 (приблизительно) золотых рублей, рубль петровской поры — за 9 р.

шой по численности и очень пестрой по происхождению группой иноземцы, где видим и сына скромного пастора, графа в России, Остермана (*см.* XXX, 692/95), и чуть ли не свинопаса из Литвы, также графа, Ягужинского (*см.*), и сидельца из лавочки — барона Шафирова (*см.* XLIX, 132/33), и т. д. На ряду с этим и из русских низов поднимались службой в дворянство (этот путь узаконен «Табелью о рангах»; см. *дворянство*, XVIII, 81/82, и *государственная служба*, XVI, 215/16, прил. 4/5) люди самого различного положения: светлейший князь из придворных конюхов Меншиков (*см.* XXVIII, 479/81); один из энергичнейших деятелей первой половины царствования Петра — военный инженер Корчмин, из той же дворцовой прислуги; бывший холоп Шереметева, а позже вице-губернатор архангельский Курбатов; секретарь Петра, вероятно из посадских, Макаров (*см.* XXVIII, 11), и др. из более видных фигур, и многие дворяне из солдат в массе обычного провинциального дворянства — тому доказательства. И эти новые люди из иноземцев и русских не только должны были осваиваться с новой обстановкой и новой психологией, но и быстрее заражались буржуазными настроениями или прямо приносили их с собой. Очень многие из тех, кто имел к тому средства, участвовали в промышленности и торговле, как Меншиков, Макаров, Корчмин, Шафиров, Ягужинский. Меж тем из среды старого «столбового» дворянства мы очень мало знаем фабрикантов и заводчиков: кроме невольных и кратковременных совладельцев шелковой мануфактуры Толстого и Апраксина и нескольких участников купеческих компаний, державших мануфактуры, можно назвать действительного промышленника Молоствова и не более десятка владельцев разных мелких предприятий (чтобы иметь перспективу и масштаб, напомним о многих десятках купеческих фабрик и заводов). Очень редко встречаем в эту пору дворян среди подрядчиков, и то не можем быть уверены, выступали ли они сами в известных нам случаях или — под их именем — крестьяне. Совсем не имеем сведений о более или менее широком участии старых дворян в торговле. И это несмотря на то, что законом о единонаследии (см. *дворянство*, XVIII, 83) Петр специально толкал лишенных «недвижимых имений» дворян к поступлению в купечество или к занятиям «каким-нибудь художеством». Причины этого лежали в «бескапитальности» большинства дворянства и в связанности их службой. О первом мы знаем и из предшествующего времени. Эпоха Петра с ее громадными требованиями, обращенными к крестьянству вообще, в том числе и помещичьему, не могла улучшить экономического положения помещиков. Мало менялось дело и оттого, что теперь все земельные владения шляхетства объявлены его «недвижимыми именьями». Это, во-первых, было только сменой юридического титула, так как к началу XVIII в. дворяне фактически распоряжались и поместьями, как вотчинами; во-вторых, закон о единонаследии сильно сузил права владельца распорядиться по своему усмотрению этим «недвижимым именьем», вновь подчеркнув главное назначение его в виде обеспечения для государства службы хотя бы одного человека из семьи. В связи с этим прекращена практика верстанья «новиков», приспевших в службу, поместьями. Продолжавшаяся раздача земель получила принципиально другой характер: земля давалась уже не для обеспечения службы всякого годного к ней дворянина, а в награду за службу, за «подвиги» и усердье лишь отдельным уже служащим. И наличие безземельности среди дворян — явление редкое и временное в XVII в. — с эпохи Петра станет растущим в дальнейшем фактом. С другой

стороны, возможности эксплоатации имений сильно сужены. Недра объявлены собственностью государства, охрана корабельных лесов и дерев распространялась и на частные владения, хотя бы и дворянские, установлен сбор в $^1/_4$ их доходности, рыбные ловли, пчеловодные угодья, сенные покосы также стали объектами сборов в казну. Даже землей, находящейся в его обладании, петровский дворянин не мог воспользоваться в меру своего хозяйственного рвения. Непрерывная служба делала дворянина редким и кратковременным гостем в его деревне; наоборот, нередко вырывала из нее и семью поближе к месту службы ее главы; а возвращаясь домой по старости или болезненности, дворянин был уже плохим хозяином. Ослабление же собственной экономической базы делало помещика более зависимым от службы, заставляло искать ее и в отставке. Та же служба имела и другое неприятное для дворян следствие. Раньше они являлись в поход в составе своих дворянских военных частей, в кругу своих соседей по именьям. При Петре, в полках на фронте и в казарме, дворяне лишались, как правило, соседей и оказывались в меньшинстве среди набранных в солдаты крестьян, холопов, посадских и детей церковников. Местные уездные организации дворянства рассыпались; не было на лицо условий, которые бы позволяли жить иранее менее прочной всероссийской организации. А класс, лишенный однородности настроения — в связи с буржуазными тенденциями «новых людей» — и особенно утративший свою специфическую организацию, несомненно терял многое в области влияния и власти. Только в гвардейских полках (Преображенский, Семеновский и конный Лейб-регимент, позже переименованный в Конно-гвардейский), куда и сами стремились верхи дворянства, как к службе на виду у государя, где легче было сделать карьеру и куда усиленно привлекал Петр старое «московское» дворянство, в общем более развитое, чем провинциальное, так как смотрел на гвардейские полки, как на практические офицерские школы для армии, а офицеров гвардейских использовал для самых разнообразных служебных поручений (как это было в период сложения столичного дворянства в «избранной тысяче» царя Ивана),—только в гвардии получился преобладающе (но не исключительно все-таки) дворянский состав. С переходом на мирное положение, гвардия сосредоточена в столице; служащие в ней часто встречаются друг с другом. Они близки между собой и по прошлой службе отцов, часто и соседи по именьям («подмосковные»). Здесь цвет дворянства по образованности, часто слагавшейся в обстановке вольного или принудительного посещения Европы; здесь и наиболее мощный экономически слой дворянства, могущий мечтать о влиянии, как в былые годы. События эпохи и богатый служебный опыт будили мысль, сосредоточивали на вопросах государственного строительства. Вот здесь, в гвардии, в последние мирные годы правления Петра и должна была воскреснуть вновь дворянская неоформленная, но крепкая организация, только уже не всего шляхетства, а лишь более мощной экономически и более культурной верхушки его. В этой же среде раньше других слоев дворянства могло быть положительно расценено и обязательное обучение, встреченное массой провинциального дворянства как добавочная и докучливая служба, выполняемая лишь из-под палки, под страхом смотров и гл. обр. под тем «штрафом, что не вольно будет жениться, пока сего (элементов грамоты и цифири) выучится» (ср. *дворянство*, XVIII, 79/84). Наконец, учтем еще, что восстановление права крестьян искать и отвечать на суде, отмена правежа с них за долги барина,

запрет помещику вмешиваться в браки крестьян и обложение подушной податью холопов, т.-е. признание за ними лица государственных подданных — все эти меры обнаруживали тенденцию законодательства несколько улучшить положение крепостных за счет сокращения фактического всевластия помещика, а поручение сбора подушных в деревне военным отрядам прямо ставило между помещиком и его «подданными» участие государства, которое старательно, хотя и медленно, устранялось дворянами в предшествующее время. И это лишнее, с точки зрения дворян, средостение было тем опаснее для душевладельцев, что крестьяне помнили, что им «помещики не вековые владельцы..., а прямой их владелец всероссийский самодержец, а они владеют временно». Из этой «временности» Посошков и хотел вывести, что дворяне крестьян «не весьма и берегут», даже более того — «налагают бремена неудобоносимые, ибо есть такие бесчеловечные дворяне, что в рабочую пору не дают крестьянам своим единого дня, еже бы на себя что сработать», а на зажиточных «подати прибавляют». Неудивительно, что пылали по временам дворянские усадьбы, грабились дворянские имения собиравшимися в «шайки» беглыми крепостными под руководством беглых солдат. Эпоха реформ — с ее тягостями для крестьян — обострила не к выгоде помещиков отношения в деревне.

Таким образом, в конечном итоге дворянство не выигрывало, а скорее проигрывало в результате «преобразований» Петра. Его реформы, очевидно, имели в виду на первом месте удовлетворение не дворянских интересов.

И тем более, конечно, *не крестьянских*. Мы уже видели, к каким тяжелым экономическим последствиям для крестьян приводили бесконечные и разнообразные требования государства. Военные команды, производившие сбор подушных, стоили крестьянам едва ли не дороже, чем сами подати. Подорванное, лишенное малейших запасов хозяйство мелких земледельцев при первом же неурожае или другом несчастьи оказывалось в безысходном кризисе. Как раз 1720-ые годы были неудачны в сельско-хозяйственном отношении. И голод охватывал громадные районы возведенной в ранг империи (1721) Р. И даже загрубелые дельцы Петра с содроганием констатировали, что в нужде «крестьяне не только лошадей и скот, но и семенной хлеб распродавать принуждены, а сами терпят голод, и большая часть может быть таких, что к пропитанию своему впредь никакой надежды не имеют, и великое уже число является умерших ни от чего иного, токмо от голоду (и не безужасно слышать, что одна баба от голоду дочь свою, кинув в воду, утопила); и множество бегут за рубеж польский и в башкиры, чему и заставы не помогают». И цифры подтверждают словесный итог. В Орловской провинции из 60.223 душ, положенных по подушной, осталось к 1726 г. 55.845. Но это еще очень благополучный район. В Вологодской провинции из 86.229 душ к 1727 г. убыло 23.040 (т.-е. 27%), и из них 15% умерло. Это одна сторона вопроса. С другой, поднятие холопов до податного лица в законе в житейских буднях имело совсем другой смысл: помещики стали и на крестьян смотреть, как на холопов, т.-е., вопреки намерениям закона, слияние крестьян с холопами состоялось на более низком, а не на более высоком уровне. Перечисленные выше меры в отношении крестьян остались в значительной мере мертвой буквой. Петр, не останавливавшийся перед многими трудностями, вынужден был признать свое бессилие, когда по вопросу о продаже крестьян писал в несвойственной ему нерешительной форме: «продажу лю-

дей пресечь, а ежели невозможно будет того вовсе пресечь, то бы хотя по нужде продавали целыми семьями, или фамилиями, а не порознь». Но не удалось добиться даже и последнего. А на ряду с этим выход на свободу для крестьянина закрыт совсем: даже получив освобождение по закону (напр., в награду за подтвердившийся донос на барина, утаившего «души» при переписи), крестьянин в течение года должен найти себе другого господина или поступить на службу. Обеднение крестьянства не задержало, а пожалуй еще усилило процесс дифференциации в деревне. Мы видим крестьян подрядчиков, промышленников. Живой тому пример И. Т. Посошков. И для этой верхушки Петр сохранил право участвовать в подрядах, легализовал выход на посады, в торгово-промышленные центры, впрочем с сохранением платежа подушной по крестьянству. Но таких, конечно, меньшинство. Для массы крестьянства типичны: снижение хозяйственного уровня, умножение нужды и рост бесправия. И разрозненные, плохо организованные выступления его не могли изменить положения.

Характерным явлением для Руси Московской были *вольные гулящие люди*. Петр объявил им решительную войну, «понеже от таковых, кои шатаются без служб, государству пользы надеяться не мочно, но токмо умножается воровство» (в старинном, московском смысле — беспорядок). Поэтому таковых велено забирать в солдаты, а не похотят — «давать из приказа холопья суда на кабальных людей кабалы, а на крестьян ссудные записи, к кому они похотят» (указ 1700 г.). При производстве переписи и ревизии вновь указывалось таковым итти в солдаты, определяться в службу или писаться к кому во дворовые, чтоб «в гулящих никто не был», с угрозой, что если после таковые будут пойманы, «и иные сосланы будут в галерную работу». А с исчезновением промежуточных слоев проще и более четко обрисовывался социальный строй, резче становились классовые очертания, определеннее классовые взаимоотношения.

Положение *духовенства* сильно изменилось в худшую для него сторону. Всех нештатных церковников усиленно забирали в солдаты или писали даже в крепостные к помещикам. Ненавистных Петру монахов-бородачей, из среды которых выходило постоянное противодействие реформам, он не решился уничтожить, но старался регулировать приток в эту армию «тунеядцев», а служек брал в войска. Главное же, были отданы под строгий контроль государства все доходы монастырских вотчин, при чем скупо устанавливался отпуск средств на их потребности и содержание иночествующих, а остальное обращалось на государственные нужды. Радикально изменилось при Петре и высшее церковное управление. Место патриарха, от которого он видел и еще более опасался встретить оппозицию, он оставил свободным, а в период организации коллегий создал и для церковного управления коллегию — Святейший синод, или в просторечьи — «синодальную команду». В ней рядом с архиереями, вызываемыми для присутствия на определенные сроки, сидели представители белого духовенства, а для контроля, фактически для руководства, присутствовал светский чиновник — обер-прокурор. И теперь, лишенная своих имений и живущая «жалованьем» от государя, церковь оказалась уже в полном плену у государства (*см.* XIX, 183/87).

А оно при Петре получало *буржуазный* оттенок. Мы уже видели выделение посадов в первые годы правления Петра. В 1720-х гг. среди

коллегий был создан и ведавший торговопромышленным городским населением Главный магистрат, а в городах, подчиненных ему, магистраты. При давней уже дифференциации на посадах эти органы оказались в руках именитого купечества. Попытка дать организацию ремесленным низам в виде цехов не удалась (см. подробнее в ст. *город*, XV, 646/47). В интересах купечества, особенно крупного, велись войны за морские пути, задумывались экспедиции в Индию; для обслуживания его нужд создавались консульства за границей. В связи с войнами купцы наживались на подрядах и поставках. Для облегчения продвижения товаров к Петербургскому порту был построен Вышневолоцкий канал (*см.* XII, 116/17), соединивший Тверцу с Мстою, и для обхода опасного для плоскодонок бурного Ладожского озера начат стоивший многих жизней обходный Ладожский канал (*см.*; открыт для прохода судов уже в 1731 г.). В тех же целях усиления внутреннего судоходства выстроен Ивановский канал, соединивший Оку с Доном, но заброшенный, когда Р. пришлось отказаться от устьев Дона; проектировался и даже строился некоторое время Волго-Донской (в районе Камышина). Задумано было и сооружение шоссе между обеими столицами, но и при больших затратах средств и людей не удалось победить петербургских болот. Указ 1714 г. освобождал купечество от обязанностей счетчиков денег «в канцеляриях и губерниях», т.-е. в административных органах, с мотивировкой, что «как от выбору в счетчики, так и от многих недочетов купецким людям чинятся великие разорения». Это ряд мер, взятых далеко не полностью, в интересах торговли. Но во вторую половину царствования Петра торговый капитал, очевидно уверившись после Полтавы в прочности положения дел, энергично шел на строительство промышленности. И тут государственная власть, по примеру передовых стран Европы, оказывала ему широкое и разнообразное содействие. Фабриканты и заводчики — по примеру гостей XVII в.— освобождались от постоев, от несения караулов, от выбора в службы. Они выделялись из местных миров в отношении подсудности и ведались прямо берг- или мануфактур-коллегией. Далее, им предоставлялось право льготного или совсем беспошлинного ввоза из-за границы оборудования и сырья, право приглашения иностранных мастеров (иногда это брала на себя казна). Часто давалась возможность на тот или иной срок беспошлинной продажи изделий внутри страны; иногда предоставлялась монополия производства (но обычно недолго соблюдалась). Затем нередко правительство снабжало предприятия прикрепляемой рабочей силой в виде преступного элемента, пойманных беглецов; приписывало к фабрикам и заводам крестьян; запрещало возвращать с мануфактур беглых крестьян, чьи бы они ни были. Дано было предпринимателям право покупать к фабрикам и заводам населенные имения; но это право, вызвавшее большое неудовольствие дворян, так как приравнивало к ним фабрикантов и заводчиков из купцов, очень мало использовалось предпринимателями. Обычно по этим законодательным актам и частным примерам мануфактура петровских времен характеризуется как работавшая исключительно крепостным трудом. Но мы знаем вольных рабочих даже на фабриках и заводах, имевших прикрепленных, и знаем мануфактуры, пользовавшиеся только наемным трудом, хотя вообще преобладал в промышленности невольный труд. Также преувеличенное значение придается и ссудам из казны; они давались обычно с усло-

вием возврата, на короткие сроки; большею частью не отличались крупными размерами; и, наконец, и в этом отношении знаем примеры предприятий, совсем не получавших никаких ссуд.

Переход казенных мануфактур в частные руки обычно трактуется как один из видов помощи частным лицам от казны. Но во всех случаях, когда материалы позволяют восстановить картину полностью, казна уступала предприятия или бездоходные, или прямо убыточные, кроме передачи Невьянского завода Никите Демидову (см. *Демидовы*), которая относится к первой, а не второй половине царствования Петра. Итак, нельзя отрицать значительной помощи государства в создании мануфактурной промышленности, но ошибочно преувеличивать ее значение. Продолжалось, хотя и в меньшем размере, и казенное строительство (напр., металлургических заводов на Урале). И общие результаты создания мануфактур в Р. к 1725 году можно выразить цифрой около 200 крупных, средних и мелких по размерам фабрик и заводов. Результат не малый, особенно, если принять во внимание тяжелые хозяйственные условия этого времени.

Обычно, отмечая покровительство Петра крупной промышленности, говорят о том, что он загубил мелкое производство. Это непонятно с точки зрения интересов мануфактуристов, так как почти во всех отраслях крупное и мелкое производство не встречались в качестве конкурентов. Так, производство стекла, писчей бумаги, выплавка меди, изготовление поташа, приготовление канатов и пр. совсем не ставились в формах мелкой промышленности. В области ткацкого дела крупное и мелкое производства специализировались на разной продукции: полотняные мануфактуры производили парусину, равендук, голландское полотно, а домашнее ткачество давало на рынок холст и хрящ; суконные фабрики ставили солдатское сукно и каразею, мелкие производители изготовляли сермягу, и т. д. Более того. Развитием крупной промышленности даже стимулировалось расширение существующих или даже рождение новых отраслей мелкого производства, как изготовление основы для сукон, пряжи для полотняных мануфактур, бичевы для канатных заводов, или создание мелкого ткачества шелковых лент и платков мастерами и рабочими распадавшихся шелкоткацких мануфактур и т. д. Только в области выработки железа и кож крупная и мелкая промышленность выступали с однородной, хотя и не вполне тождественной продукцией. Но в области железа доменные и молотовые заводы еще в XVII в. стали вытеснять, без всякого участия власти, ручные доменки. И Петру принадлежит здесь только распоряжение о закрытии таких домниц в районе южной металлургии, в заботах об охране лесов для крупных заводов и казенного тульского оружейного предприятия. Но как раз мы положительно знаем, что насильственные меры Петра не привели к исчезновению здесь мелкой выработки железа. И вообще крупные и мелкие производители работали в этой области на разных потребителей: первые обеспечивали нужды государства и отправляли продукцию за границу, вторые удовлетворяли частный рынок. В области выработки кож Петр действительно старался привить новую технику с использованием ворвани, а не дегтю, но отнюдь не запрещал продавать дегтяных кож вообще, а только на шитье обуви, имея в виду интересы армии; а затем новая техника внедрялась не только приказом, но и показом, обученьем у новых специа-

листов; и, наконец, указы Петра по этой части совсем не загубили кожевенного производства старой техники и в мелких формах, а кожевенных мануфактур было слишком мало, чтобы работа мелких кожевников оказалась излишней. Также, ссылаясь на современника, критиковавшего меры Петра уже после его смерти, утверждают, будто правительство Петра своим требованием употреблять широкие полуторааршинные берда, станы с которыми не умещались в крестьянских избах, и запретом к обращению на рынке узкого холста совершенно истребило, по крайней мере на время, крестьянское производство холста. Но, во-первых, в районе, на который в этом случае ссылаются, как раз наоборот, сохранилось предание о содействии со стороны Петра домашнему ткачеству. Во-вторых, указ запрещал только вывоз узкого холста в Европу, где привыкли уже к широкому полотну, и для этого экспорта прежде всего рекомендовались широкие берда. И, в-третьих, не только на внутреннем рынке продолжали обращаться любой ширины холсты, но и сама казна для нужд армии закупала большие партии узкого холста, так же как миллионами аршин он продолжал итти на восточные рынки через Астрахань. Таким образом, как покровительство крупной промышленности, так и увлечение новой техникой не достигали неразумных и вредных для народного хозяйства размеров.

Мы знаем заботы правительства и о других отраслях хозяйства: возворение культуры лучших табаков на Украине, выписка из-за границы мериносовых овец, пропаганда лучших примеров уборки хлеба касались сельского хозяйства; широкие разведки недр, внимание к каменному углю, заботы о рациональном лесном хозяйстве говорят о его более широких интересах. И все это в конечном счете хорошо гармонировало с интересами буржуазии, ведя к созданию бо́льших масс или лучшего качества товаров на рынке. И стремление к высвобождению личности крестьянина из-под власти помещика было не специальным нападением на дворянство, но связано с теми же интересами буржуазии.

В свете всех этих данных будет понятно, почему в дворянской среде нарастала мысль о пересмотре и изменении законодательства Петра в желательном для шляхетства направлении и почему, с другой стороны, купечество и в 1730-ые годы — по противоположности их политики, и в 1760-ые — как пример, достойный подражания, вспоминало с чувством искренней признательности меры «блаженные и вечно достойные памяти императора Петра первого».

С точки зрения интересов господствующего класса вполне понятны и разумны были заботы о просвещении. Специальные офицерские школы усиливали мощь армии, как и школы при коллегиях и сенате готовили лучше обученных, чем ранее, чиновников, по крайней мере для верхушечного аппарата. Практические школы медиков, назначаемых, как и ранее, почти исключительно для полков, увеличивали боеспособность войска, а такие же школы горных инженеров повышали использование естественных производительных сил страны. Были созданы и элементарные общеобразовательные «цифирные» и «архиерейские» школы (см. *школьное дело*, Ь, 119/22). С другой стороны, торопясь поставить Р. в уровень с Европой, Петр подготовил и устав и состав Академии наук, открытой лишь после его смерти (*см.* I, 546).

Кроме школы, правительство старалось использовать и другие образовательные средства. Твердо усвоив себе, что «наш народ, яко дети, которые никогда за азбуку не примутся,

когда от мастера не приневолены бывают, которым досадно кажется, но когда выучатся, благодарят», и считая, что в прошлом им «не все ль неволею сделано, и уж за многое благодарение слышится» (слова одного из указов Петра), Петр на практике не только применял меры очень сурового подчас понуждения, но и старался разными путями раздвинуть горизонты мысли, по крайней мере у выше лежащих слоев, и сделать понятными свои предписания и требования. Особенно пропагандировал он поездки за границу и не только «в неволю» слал туда учиться дворян и «всяких чинов людей», но и добивался добровольных путешествий, устанавливая, например, чтобы обучавшимся в Р. «зачитать чины в полы» против прошедших выучку за границей, «понеже они (первые) ведения чюжих стран видением лишатся». И мы знаем, что не только дворяне, но и купцы ездили учиться, и по своей инициативе, напр., Короткий, знакомившийся с постановкой писчебумажного производства, Воронов, проходивший рудокопное и вообще горное дело (потом в Р. оба стали промышленниками), и др. Использовал Петр и всякие другие средства: и газету (*см.* XXXI, 574), очень содержательную в его годы, и транспаранты фейерверков, до которых так охоча была толпа, и театр, который он из дворца выволок на площадь и с помощью грубых балаганных, но совершенно доступных толпе пьес сделал пропагандистом новых идей. Даже законы призваны были играть просветительно-пропагандистскую роль. В очень многих, если не во всех, предназначенных к публикации, найдем особую часть, старавшуюся доказать разумность проводимой меры. И, как педагог в начальной детской школе, Петр обосновывал нередко вещи самые элементарные, напр. приказ «в С.-Питербурхе всякого чина людем коров, коз и свиней и других без пастухов из дворов своих не выпускать...., понеже оная скотина, ходя по улицам и по другим местам, портит дороги и деревья». Тот же прием употреблялся для разъяснения более серьезных мыслей, напр. требование указы соблюдать, «понеже ничто так ко управлению государства нужно есть, как крепкое хранение прав гражданских, понеже всуе законы писать, когда их не хранить или ими играть, как в карты, прибирая масть к масти, чего в свете нигде так нет, как у нас было, а отчасти еще есть».

Выполняя сам и требуя от других выполнения обычных требований церкви (напр., указ об обязательном посещении крестьянами богослужения в воскресные и праздничные дни), Петр старался, однако, сократить затемняющую разум роль церкви и заставлял синод выступать против разглашаемых новых чудес, мощей и проч. Придерживаясь по традиции официальной церкви, он не считал нужным насилием толкать в нее инако мыслящих и, напр., в деле Тверитинова (*см.* XLI, ч. 7, 122/23) совсем не поддерживал церковных ревнителей. И если мы видим жестокие преследования старообрядцев в Керженских лесах, то это потому, что «равноапостольный» Питирим (*см.*) сумел разбудить в Петре по адресу этих «раскольников» политические подозрения. А, с другой стороны, напр. с Выговским общежитием (*см.* XI, 602/03), являвшимся одним из руководящих центров беспоповщины, у Петра, довольного работой выговцев на Повенецких заводах, установились мирные, чтобы не сказать дружеские, отношения, и проповедники воцарения на Руси «мысленного антихриста» обращались с ежегодными приветствиями к царю «бритоусу» и «табашнику». И при отсутствии гонений на Выге быстро смягчились на прак-

тике суровые теории, устанавливалась точка зрения приятия мира вместо бегства от него, подготовлялось (вскоре затем и принятое) моление за царя (злого еретика, с точки зрения старой теории). Параллельно и в поповщине создавалось и крепло более примирительное по адресу «никонианской церкви» течение лысеновщины-дьяконовщины. Конечно, за этими примирениями стояли более преуспевающие экономически слои старообрядства. Наоборот, идеологией беднеющих и охолопливаемых низов становились более крайние направления нетовщины, феодосианства и др. (см. *старообрядчество*, XLI, ч. 3, 371/75,318/82).

Первый в Р. законодатель, давший формулировку понятия «самодержавия», как власти государя, «который никому на свете о делах своих ответа дать не должен», Петр, однако, считал себя слугою государства и задачей своею ставил «государством управлять таким образом, чтобы все наши подданные попечением нашим о всеобщем благе более и более приходили в лучшее и благополучнейшее состояние». Предшествующий анализ уже показал нам, как на практике приходится понимать «всех подданных» и в какое благополучие приходили, напр., крестьяне в результате «попечения» Петра о «всеобщем благе». Но с высоты этой теории император считал себя управомоченным не только требовать всяческого содействия своим начинаниям, не только воспитывать и перевоспитывать своих «детей»-подданных, но и, не дожидаясь результатов всегда длительного перевоспитания, переделывать по своему вкусу подданных, прежде всего, конечно, более доступных ему слоев. По словам верного духу тогдашних законов комментатора, в компетенцию самодержавного государя входят «всякие обряды гражданские и церковные, перемены обычаев, употребление платья, домов строения, чины и церемонии в пированиях, свадьбах, погребениях и пр. и пр. и пр.» (Феофан Прокопович), словом, вся жизнь подданных. Всего и касалась петрово законодательство — от наружности человека (бритье бород и усов) и платья (обязательный европейский костюм) до мыслей, занятий и даже развлечений (ассамблеи, обязательные празднества и пр.), и от рождения (метрики) и до смерти (запрет дубовых колод при погребениях). Естественно, что такое постоянное вмешательство государства раздражало; такая безграничная широта «забот» заставляла опасаться, будет ли «споро» такое великое государево дело. И сам Петр, при твердой уверенности в истине своих взглядов и правильности в каждый данный момент своих действий, по временам испытывал припадки пессимизма в отношении результатов от своих громадных по истине трудов на «благо отечества». В одном из таких настроений он писал Арескину, который по его указу собирал всякие «монстры» в кунсткамере: «Если б я захотел присылать к тебе монстры человеческие не по виду телес, а по уродливым нравам, у тебя бы места для них не хватило; пускай шляются они во всенародной кунсткамере: между людьми они более приметны». И сторонний наблюдатель — Посошков — находил, что государь «на гору аще сам десят тянет, а под гору миллионы тянут, то как его дело споро будет?». Но все же «монстры» были, очевидно, в меньшинстве; дело перестройки Р. оказалось «споро». Мы видели, что Петр в основном выполнял веления истории, что с ним тянули в гору не девять человек, а целый организованный и мощный класс. И можно следить за тем, как понемногу замолкает ропот, как слабеет оппозиция,

как множатся ряды понимающих, сочувствующих и содействующих, как даже на коротком пространстве четверти века растут духовно люди, перестраивается психология в верхах и низах. Достаточно напомнить громадную разницу в отчетах о заграничных путешествиях первых невольных «туристов» 1690-х гг. и ездивших в Европу в 1720-х, достаточно сравнить «доношения» «прибыльщиков» начала XVIII в. и проекты реформ 1710-х и 1720-х гг., достаточно сопоставить первоначальные «молвки» о царе-антихристе с позднейшими «народными» легендами, рисующими Петра в более симпатичных чертах, с песнями о смерти Петра, с позицией Выга 1720-х годов. А дело царевича Алексея (*см.* II, 214/20) показало, как мало оказалось после Полтавы в верхах людей, готовых примкнуть к царевичу, активно жаждавших во что бы то ни стало возврата назад. Пассивная да еще неорганизованная оппозиция оказалась нестрашной.

В связи с делом Алексея (*см.* II, 214 сл.) Петр отменил старый порядок престолонаследия и распоряжение престолом отдал в руки царствующего монарха. Но сам умер, не успев назначить преемника. И вот наступил период проверки прочности всего им и при нем сделанного.

6. В ночь смерти Петра (28 янв. 1725 г.) не предусмотренное его законами собрание высших должностных лиц государства — «генералитет» — под прямым давлением вооруженной гвардии объявил императрицей Р. вторую супругу Петра Екатерину (*см.* XIX, 621). Через год в целях ликвидации напряженных отношений в правящей верхушке появился «при боку» государыни «к облегчению ее величества в тяжком бремени правления» Верховный тайный совет (*см.* IX, 583/92) «как для внешних, так и для внутренних государственных важных дел». Будучи юридически органом совещательным, В. т. совет фактически, при очень малом участии Екатерины в делах правления, играл руководящую роль в государственной жизни, а пунктом третьим — «мнения не в указ» («никаким указам прежде не выходить, пока они в Тайном совете совершенно не состоялись») — изъявлял притязания на обязательное участие в законодательстве, на место органа конституционного характера; впрочем, пункт этот не был утвержден Екатериной и остался только свидетелем настроений «верховников». В их составе видим представителей старой родовитой аристократии — кн. Д. М. Голицына (*см.*), разных разрядов столбового дворянства — графов П. Толстого (*см.*), П. Апраксина (*см.*), Г. Головкина (*см.*), и новых людей в дворянстве — кн. Меншикова (*см.*) и гр. Остермана (*см.*), а затем и родственника Екатерины — герцога Голштинского. Наибольшим весом пользовался Меншиков, но, помня роль гвардии, которую он сам вызвал на активность, и Меншиков и вообще В. т. совет не могли не прислушиваться к мнениям более широких слоев дворянства и особенно под рукой находящегося гвардейства. Вес его в глазах тогдашних политиков подчеркнут и тем, что когда по смерти Екатерины (1727) по ее «тестаменту» должен был вступить на престол Петр II (*см.* XXXII, 130/34), то для «аппробации» его воцарения вновь было собрано заседание генералитета уже с легальным приглашением полковников и майоров гвардии. При малолетнем государе В. т. совет (вместе с членами императорской фамилии) стал коллективным регентом. В нем — с назначением двоих кн. А. Г. и В. Л. Долгоруких (*см.* XIX, 561/62 и 563/64), с одной стороны, и после опалы Меншикова (сент.

1727 г.) и смерти Апраксина (1728), с другой, — значительное влияние оказалось в руках старой аристократии, а когда по смерти Петра II (1730) для решения вопроса о замещении престола в заседание В. т. совета были приглашены еще два фельдмаршала, князья М. Голицын и В. В. Долгоруков, то аристократия получила там полный перевес. Ею была осуществлена «затейка» верховников о воцарении Анны на «кондициях» с утверждением прямого конституционного положения самопополняющегося В. т. совета (см. *Анна Ивановна*, III, 137/38, и *Верх. тайный совет*, IX, 587/92). Но собранное в Москве шляхетство бурно реагировало на аристократические тенденции «кондиций», вырабатывало свои проекты более широкого привлечения дворянства к делам правления или — в большей массе — склонялось к традиционному самодержавию с расчетом на дворянскую его политику. И именно по настоянию гвардейских офицеров шляхетство подало такую челобитную государыне, и Анна «учинилась в самодержавстве», разорвав подписанные ранее ограничительные пункты. В новом бюрократическом органе верховного управления — Кабинете министров (*см.* XXIII, 12/16), высшее дворянство имело постоянно преобладающее представительство (граф Г. Головкин, кн. Черкасский, Арт. Волынский, *см.*, А. П. Бестужев-Рюмин, *см.*, а кроме них непрерывно Остерман, *см.*). А когда регент при малютке-императоре Иване Антоновиче (*см.*) и фактический правитель Р. — Бирон (*см.* V, 606/07), опасаясь гвардии, вызвал в Петербург армейские полки и собирался набрать в гвардию солдат из простонародья, гвардейцы ответили на это переворотом: свергли Бирона и передали регентство матери императора, а через год, при новом дворцовом перевороте (1741) вручили власть дочери Петра I — цесаревне Елизавете (*см.*).

Таким образом, после Петра, при ничтожестве формальных носителей верховной власти, фактически господствовало гвардейство, проводившее дворянскую политику через разные учреждения, сменявшихся «припадочных персон» и «министров». Наступил период полной *дворянской реакции* в ответ на политику Петра.

Сейчас же после смерти Петра начался пересмотр штатов центральных учреждений в целях сокращения расходов, при чем уничтожались отдельные коллегии, должности (*см.* XXIV, 502), в том числе штаты на генерал-прокурора, должность генерал-рекетмейстера и др. Гораздо существеннее для дворянства была полная ликвидация сложного аппарата местного управления и восстановление власти единого воеводы (1727). Так как эти воеводы, за редкими исключениями, назначались из отставных военных, т.-е. из дворян, то этим самым все местное управление переходило в дворянские руки. При этом было уничтожено и магистратское управление в городах, а новые органы их — ратуши — были подчинены тем же воеводам (*см.* XV, 647). И тем самым, в противоположность положению дел при Петре, купечество оказалось под властью дворянства. И купцы сразу же оценили эту меру, как антибуржуазную. Один из крупнейших тузов Астрахани, Кобяков, объясняя Татищеву печальное состояние дел астраханского купечества (и, можно сказать, купечества в Р. вообще), говорил, что главный магистрат «о исправлении гражданства прилежно надзирал. Но как оное (магистратское правление) отменено, и всех, бывших в службах, стали для счетов брать в Камер-коллегию, где и учинивший прибор принужден года два и более за счетом умедлить или немалою це-

ною у подьячих и секретарей отпуск купить». Это, конечно, губительно отзывалось на торговле. И еще в первой половине XIX в. купечество помнило о том неблагоприятном для него положении, в какое оно было поставлено этой реформой. Сейчас же по смерти Петра началось и снижение таможенных ставок, защищавших молодую русскую промышленность; завершение мер дано в тарифе 1731 г., который в качестве максимальной знает ставку только в 20% с цены. К крушению созданных уже мануфактур это не привело. Даже наиболее угрожаемые иностранной конкуренцией шелкоткацкие предприятия, переходя главным образом к производству более простых по технике, дешевых и получавших вследствие моды широкое распространение лент и платков, сумели получить достаточно прочную базу спроса внутри страны. В эти тяжелые годы для народного хозяйства вообще, погибли сравнительно очень немногие предприятия, но рост числа их, несомненно, пошел гораздо медленнее, и в этом сыграли известную роль и таможенные мероприятия. А снижение пошлин на импортные товары, явно к невыгоде для казны, диктовалось интересами дворян, как главных потребителей основной массы привозных изделий (тонкие сукна, галантерея и пр.) и продуктов (сахар, кофе, чай, виноградные вина и т. д.). С другой стороны, фабриканты и заводчики лишены в эти годы права приобретать населенные имения, и таким образом шляхетство добилось привиллегии быть единственными светскими владельцами деревень. Характерно и здесь, что право покупать отдельных людей или целые семьи без земли к фабрикам и заводам оставлено за их владельцами, ибо только одни дворяне являлись поставщиками на рынок продаваемых рабочих рук, и спрос на этот товар со стороны промышленников должен был поддерживать цены на людей на более высоком уровне. На ряду с этим, в изменение петрова законодательства, решено оставлять при фабриках и заводах беглых крестьян, если они были синодальными, монастырскими или государственными, но за помещичьих крестьян, пришедших давно, предписывалось отдать их владельцам других собственных крестьян заводчиковых; беглецов, появившихся на предприятиях после ревизии, вернуть обратно помещикам и обязать фабрикантов вновь таковых не принимать. В области торговли иноземцы захватывают русский рынок, и «персидской компании» из англичан отданы все связи с Востоком.

В отношении крестьян помещичьих проведены запрещенья им уходить в судовые рабочие без разрешения владельца, покупать недвижимые имения, выступать в качестве подрядчиков и откупщиков (кроме найма подвод, судов и рабочих), владеть фабриками, т.-е. почти всякое выступление крестьянина вне сферы его обычной деятельности отдано на произвол его владыки.

Лично для себя дворяне добились еще в 1727 г. вывода из уездов воинских команд, сбиравших подушную подать, и поручения этого сбора самим помещикам, благодаря чему землевладелец становился единственной властью у себя в деревне. Стремление уйти от тяжелой военной службы и вернуться для хозяйства в именья привело к близорукому, даже с точки зрения дворянских интересов, обессилению армии путем широкой практики длительных отпусков офицерскому составу; при чем дворяне шли даже на отказ от жалованья за время отпуска. Одновременно совершенно погибал петровский флот, стоявший в бездействии в гаванях; новых крупных судов при Петре II решено было не строить совсем под предлогом по-

пулярного тогда «убежания напрасных убытков», но едва ли не сильнее говорило здесь желание невольных по большей части моряков «убежать» от ненавистной морской службы и отдаться хозяйству. Позже, при Анне Ивановне, осуществившей в 1736 г. настойчивые требования шляхетства, заявленные в 1730 г., дворянству установлен срок службы в 25 лет (с 20 до 45 лет) с освобождением одного из семьи вообще для забот о домашнем хозяйстве. Созданный при ней же только для «благородных» шляхетский корпус (1731) позволял путем прохождения его курса избежать тягостного подчиненного положения солдата и выйти в службу прямо командиром-офицером. Тогда же начала входить в жизнь практика — для обхода того же солдатства — записывать сыновей в полки с детства; благодаря связям они получали чины, еще будучи подростками, и к моменту вступления в действительную службу оказывались офицерами. Это стремление становиться командирами в армии (и в гражданском управлении) примирило дворян с обязательной учебой; уяснена была выгода ее, по крайней мере верхами, и, с одной стороны, шляхетский корпус должен был под напором требований увеличивать свои приемы, с другой, и смотры недорослей постепенно теряли свой характер жупелов для дворянства, как это было при Петре. Тем более, что всюду встречаемый в качестве начальника и контролера, свой же брат дворянин нередко склонен был снисходительно отнестись к недостаточной подготовленности молодого поколения. Та же благосклонность прежде всего местной власти создавала постепенно на практике далеко не всегда предусмотренную законом привилегированность дворянина в отношении взысканий за правонарушения или создавала полную безответственность даже в случаях тяжких преступлений. Прибавим, что отмена (в конце 1730 г.) закона об единонаследии делала шляхетство полным и безграничным хозяином своих имений (см. *дворянство*, XVIII, 84/85). И потому, если говорить о «дворянском всевластии», то порою его настоящего сложения нужно признать эти полтора десятка лет после Петра. Дворянин действительно стал теперь полновластным хозяином своих земель и своих «подданных» (как вскоре помещики будут называть своих крестьян), распоряжающимся их трудом и имуществом, вмешивающимся даже в их личную жизнь, отвечающим за них перед государственной властью, их судящим и наказывающим. Дальнейший процесс развития мало что прибавит в объеме власти дворян над их «собственными» крестьянами.

При отмеченных уже антивоенных настроениях дворянства естественно, что внешняя политика его правительств отличалась мирным характером. Нечего было гнаться за новыми землями: не освоены были и прежние приобретения. И правительство Анны даже отказалось от дорого стоивших и неумело эксплоатировавшихся прикаспийских провинций, завоеванных Петром, и под угрозой новой войны с Персией вернуло шаху эту территорию (1732; *см.* XXIII, 36). В ней дворянство совсем не было заинтересовано. Но «усмирять» Крым, который продолжал грозить после Прутского похода дворянскому хозяйству на южном черноземе, а потому и биться с поддерживающей его Турцией было необходимо. И с той же дворянской точки зрения нельзя было не вмешиваться в польские дела и даже вооруженной рукой приходилось поддерживать желаемого Р. кандидата в короли, ибо Польша была одним из излюбленных мест тяготения для беглецов от ужасов крепостничества в Р.: только «свой» король склонен будет блюсти интересы

русского дворянства в Речи Посполитой (об этих войнах *см.* III, 139/40, и ниже—*войны Р.*). Но сколь ни дорого стоили Р. «славные», но не всегда с желаемыми результатами походы Миниха (*см.*), эти войны далеко не были так разорительны, как петровские. И страна понемногу отдыхала от напряжения первой четверти XVIII в., залечивала нанесенные тогда народному хозяйству раны. Но полностью эти процессы развернутся уже в 1740-х и 1750-х годах — при Елизавете Петровне.

При Анне, которая широко шла навстречу дворянству в вопросах не политических, и тем более в регентство Бирона, пытавшегося ослабить гвардейство, и при его преемниках видную роль играли в Р. немцы. Не то, чтобы они занимали, кроме Бирона, все командные посты, не то, чтобы творили они какую бы то ни было свою, немецкую политику, но уже соперничество их с русскими, уже определенное личное внимание к ним власть имущих вызывали недовольство и озлобление претендующих на роль «соли» для своей земли верхов русского шляхетства.

Участию немцев в управлении склонны были недовольные приписывать неудачи русской внешней политики; «жестокосердием» иноземцев удобно было объяснять меры по сбору старых недоимок, которым власть старалась заткнуть постоянные дыры в русском бюджете; с происками тех же бироновцев соблазнительно было связывать действия Тайной канцелярии (*см.* XLI, ч. 6, 703), хотя во главе ее стоял русский — Андрей Иванович Ушаков (*см.*), — в нее по разным поводам попадало не мало лиц и из верхов русского дворянства. И если иностранные дипломаты говорят о ненависти «русского народа» к новым временщикам при Анне, то их сведения едва ли не идут от русской родовитой и выслужившейся знати, с которой главным образом и общаются послы. Концентрируется эта «ненависть» в кругах все тех же привыкших к активности гвардейцев, отодвигаемых на второй план ласкаемыми немцами из прибалтийских баронов. Как раз имена высшего дворянства упоминаются в вероятных резких о власти разговорах, которые раздражают двор, и, часто мнимых, «заговорах», которых боятся Анна и ее любимец. И чаяния русских все больше обращаются к «дщери Петра Великого». И иностранные агенты держав, жаждущих поворота русской политики в их сторону (Франция и Швеция), увиваются вокруг легкомысленной и податливой на соблазны Елизаветы Петровны. Так в «предосудительной» близости к французским деньгам и связи с шведской армией, открывшей военные операции против Р., ковался настоящий заговор, увенчавшийся ночью 25 ноября 1741 г. воцарением *Елизаветы* (см.).

7. Торжество русского «национализма» сказалось, однако, только в шумных возгласах пьяных от вина и торжества успеха гвардейцев против «немцев», в погоне по Петербургу за иноземцами, не взирая на национальность, в погромах кое-кого из них. Но в ссылку, напр., для удовлетворения «победителей» был отправлен, на ряду с обруселыми немцами Минихом и Остерманом, и совершенно русский вице-канцлер М. Головкин, а Бирон был возвращен из Сибири, хотя, правда, не допущен к делам в Р.; с другой стороны, на службе остались и вновь появлялись и при Елизавете разных национальностей европейцы на довольно бидных постах: Кейт (*см.*), поставленный во главе армии, двинутой сейчас же после переворота против объявивших поход «за воцарение Елизаветы» шведских войск (см. ниже—*войны Р.*); Корф и Кейзерлинг—русские дипломаты при европейских дворах; Фермор (*см.*) — один из коман-

дующих русской армией в Семилетнюю войну, и др. Таким образом «национальный характер» правительства Елизаветы надо понимать с определенными оговорками.

Ограничению подлежит и другая, обычно выдвигавшаяся ранее, черта правления Елизаветы Петровны — «гуманность», которую выводили из личного характера императрицы. Действительно, в ее годы проведены смягчения в уголовном праве — в наказаниях за обычные преступления, особенно для женщин-преступниц, прекратилась смертная казнь за уголовные деяния, но не в порядке общей законодательной меры, а потому, что Сенат не утверждал таких приговоров, томя присужденных полной неизвестностью их участи. А с другой стороны, по делам «политическим» Тайная канцелярия под руководством оставившего по себе тяжелую память А. И. Шувалова (*см.*) работала не меньше, чем при «немцах» под руководством А. И. Ушакова или чем при Петре «кнутобойничал» в Преображенском приказе кн. Ромодановский (*см.*); только в отличие от своего отца Елизавета сама не принимала участия в пытках, довольствуясь слушанием показаний интересовавших ее преступников за занавескою. Нельзя забывать и того, что в эти годы пышным цветом развернулся крепостной режим при попустительстве и прямом содействии правительства.

Также нельзя принять в буквальном смысле и третьего «руководящего принципа» нового правительства — быть всему, как было при Петре. С переворотом 1741 г. пришли к власти (кроме А. П. Бестужева) люди, которым время Петра было известно по довольно туманным воспоминаниям их ранней юности; не видно, чтобы они тщательно изучали ту эпоху, и, конечно, нельзя и не им было под силу повернуть вспять тяжелое колесо истории. Да и могли ли они — дворяне — отречься от всех приобретений, полученных или точнее добытых после Петра?

Крушение «затейки верховников» было концом старой родовитой аристократии. Анна, ссылками и казнями расправившаяся с ее представителями, для большей издевки даже в шуты взяла «сиятельного» кн. Голицына (Мих. Ал.). И дальше на первых местах мы видим людей с весьма пышными, но вновь пожалованными титулами. Это — та среда, о которой сказал Пушкин: «У нас нова рожденьем знатность, И чем новее, тем знатней». И занявшие первые посты в государстве при Елизавете «графы» Воронцовы (*см.* XI, 288, 290/91) и Шуваловы (*см.* L, 506/08, 510/11) — дворяне не высоких рангов и очень средних достатков в момент их выступления на исторической арене, а Разумовские (*см.* XXXV, 518 и 519/20) — совсем не дворянского происхождения. Выйдя из среды, где рассуждать о государственных делах едва ли было в обычае, и не получив никакой подготовки для того, чтобы занимать первые места в правительстве, старшие представители этих фамилий не могли иметь в начале своей деятельности каких-нибудь широких идей. И для них лозунг «возврата к Петру», очень удобный для дочери Петра, должен был служить заменой отсутствующей собственной программы. Лишь постепенно, осваивая на практике сложные вопросы государственного строительства или в лице более молодых (И. И. Шувалова, Кирилла Гр. Разумовского), получив более широкую подготовку, эти новые люди могли сознательно вырабатывать планы. А раньше им больше приходилось итти по течению, ощупью. Вернуться к петровской политике им не позволило бы гвардейство. Продолжать линию чистой и резкой дворянской

политики его преемниц и преемника тоже было невозможно: с одной стороны, годы восстановительных процессов, естественно, больше всего должны были предоставить возможность развернуть свои силы особенно мощным слоям населения, в том числе и буржуазии, с значением которой приходилось до некоторой степени считаться уже и «верховникам» (в подробном проекте нового госуд. строя кн. Д. М. Голицына) и составителям планов преобразования Р. по дворянским рецептам (пункт об особой купеческой палате и т. п.). А вместе с тем Воронцовы и Шуваловы совмещали в себе, как увидим, землевладельческие интересы с заинтересованностью в вопросах торговли и промышленности, активно в них выступая. Так наметилась средняя линия политики Елизаветы, своеобразный компромисс между дворянством и буржуазией.

Возврат к Петру заметно сказался в вопросах государственного строения. С уничтожением Кабинета министров Сенат, как и при Петре, даже в большей мере—в силу очень малого участия в делах императрицы—стал главной руководящей пружиной в области внутреннего правления. Но он теперь больше, чем в начале своего существования, орган дворянства, оплот влияния Шуваловых и Воронцовых. А с другой стороны, созданная для руководства внешней политикой Конференция (*см.* XVI, 260) в годы Семилетней войны стала вмешиваться и во внутренние дела (*см.* XXXVIII, 255/56). Восстановлены были и петровские коллегии, но из них все больше отлетал дух коллегиальности, и все заметнее выдвигались их президенты, как настоящие министры по определенным делам. С другой стороны, на местах всемогущим руководителем уездной жизни остался восстановленный после Петра дворянский воевода, и по мере возвращения и укрепления дворян в имениях все сильнее сказывается их влияние на воевод. Однако, купечество выведено из-под их власти с восстановлением магистратов на местах и главного магистрата в центре.

Тщетно мы будем искать в годы Елизаветы каких-нибудь радикальных новшеств в отношении отдельных *общественных групп*. Дворянство окончательно закрепляло свою монополию на владение населенными имениями. Указом 17 февр. 1746 г. купечеству и казакам воспрещено покупать крестьян с землею и без земли; межевая инструкция 1754 г. прямо уже исходила из того, что населенными имениями могут владеть только дворяне (исключения: духовенство, частью однодворцы и — на особых правах—фабриканты и заводчики), и в развитие этой мысли указ 1758 г. предписывал военным не из шляхетства, не имеющим обер-офицерского чина (т.-е. не дослужившимся до потомственного дворянства), имения (с крестьянами) продать. Росла, конечно, и власть помещиков над населением их имений: в 1747 г. они получили санкцию на продажу крестьян и дворовых в рекруты, а в 1760 г. за ними признано право карать своих «подданных» одною из высших мер наказания—ссылать в Сибирь, при чем правительство, исходя из интересов колонизации этого обширного края, даже выдавало за каждого сосланного рекрутскую квитанцию. Фактически эта мера послужила не к усилению притока в Сибирь работоспособных, хотя бы и невольных, переселенцев, а к освобождению поместий от ненужных им людей: сам — дворянин, губернатор времен Екатерины II, Я. И. Сиверс (*см.*) свидетельствовал (в 1778 г.), что «все, кто не годится в рекруты вследствие малого роста или другого какого недостатка, должны отправляться в Сибирь в зачет ближайшего рек-

рутского набора», а рекрутские квитанции для многих владельцев становились еще предметом выгодной торговли; при чем тот же Сиверс,— конечно, с материалами в руках,— утверждал, что большинство ссылаемых даже и не достигало Сибири, погибая в пути; он сомневался, «дошла ли в Сибирь хоть четверть» 7.000—8.000 человек, сосланных туда дворянами только за один последний (до 1778 г.) рекрутский набор. Само собою разумеется, что крестьянство — полная собственность своих господ — не имеет никаких прав; в 1741 г. крестьян уже не приглашали приносить присягу новой императрице: они уже не признаются гражданами; а в 1761 г. у них отнято право выдавать векселя, но так как, несмотря на ряд старых и вновь проведенных при Елизавете запретов им торговать, они продолжали участвовать в торговом обороте (это было выгодно и дворянству, так как давало возможность повышать оброки с торгующих) и потому нуждались в кредите, теперь юридически вынуждены делать это на чужое лицо, часто на имя своего барина, благодаря чему он становился полновластным распорядителем и всеми капиталами и всеми оборотами своих крестьян. Это запрещение «обязываться векселями» было, впрочем, формулировано в законе в общей форме и наравне с крепостными относилось и ко всем остальным разрядам крестьян, стесняя их торговую деятельность и заставляя для получения кредита под заемные письма добиваться «удостоверительных дозволений тех мест, где оные в ведомстве состоят», т.-е. у монастырских властей и архиереев — для церковных крестьян, особых управителей — для дворцовых и, повидимому, общих местных властей — для разных разрядов государственных крестьян.

Общий процесс закрепостительной политики сказывался и в отношении крестьян монастырских, находившихся снова в руках своих прежних хозяев, и государственных, для которых межевая инструкция 1754 г., оберегая в них тяглецов государства, устанавливала ряд ограничений в распоряжении землею.

Впрочем, с другой стороны, указы 1760 и 1761 гг. признали, по крайней мере у черносошных крестьян, их мирской уклад жизни с властью схода, с выборными старостами и пр. должностными лицами, которым вскоре затем (в 1769 г.) и обещаны суровые наказания за неаккуратность в уплате государственных сборов. И, кажется, только дворцовые крестьяне, прикрытые высоким званием их владелицы, жили под властью управителей в условиях относительно большей свободы, сохраняя не только старинную общину, но и свободу распоряжения земельными участками.

Что касается буржуазии, то мы уже видели высвобождение ее из-под дворянского руководства в связи с восстановлением магистратов и упоминали о попытках правительства оградить ее от конкуренции «торгующего крестьянства». Гораздо большее значение для развертывания торговли внутри Р. имела отмена с 1754 г. внутренних таможенных сборов (в силу указа 18 дек. 1753 г.). Этим не только торговые люди освобождались от докучной и связывающей торговый оборот процедуры, но и цены на товары внутри страны должны были несколько снизиться с отменой взимания налогов, или же сумма, выплачиваемая ранее в таможню, могла пойти на транспортные расходы, а это позволяло подвозить продукты и товары к рынкам из более глубинных пунктов. С другой стороны, так как сумма внутренних таможенных сборов (в среднем свыше 900.000 р. ежегодно), чтобы казна не терпела убытку, была переложена на импорт-

ные товары (в размере 13% стоимости каждого), то либеральный тариф Анны превращался в покровительственный, главным образом для русской промышленности. В заботах о ней же в 1754 г. была установлена беспошлинность ввоза шелка, которого Р. сама имела ничтожные количества, вследствие чего шелкоткацкое производство работало почти исключительно на привозном сырье и полуфабрикатах (шелк-сырец, крученый, крашеный). В подготовлявшемся в 1750-х гг. (с участием купеческих представителей) новом тарифе, который при введении его в жизнь в 1757 г. был искажен фискальными соображениями в связи с Семилетней войной, можно наблюдать интересную, уже систематически проведенную попытку покровительства русской торговле и промышленности: беспошлинный или очень слабо обложенный ввоз сырья, материалов, оборудования для промышленности и высокие ставки на такие привозные изделия, которые производились и на русских мануфактурах; облегченные условия вывоза готовых изделий, особенно выпускаемых теми же фабриками и заводами, и более значительное обложение экспортного сырья. На ряду с этим восстановлены и другие—старые, петровские—приемы покровительства крупной промышленности: снова, но менее щедро, чем при Петре, выдаются казенные ссуды (с условием возврата), предоставляются (как и ранее, не всегда соблюдаемые) монополии производства определенных изделий на заранее устанавливаемые сроки, обеспечивается (до уничтожения внутренних таможен и до введения нового тарифа) беспошлинная продажа изделий на определенные сроки и беспошлинный ввоз сырья и оборудования, выписываются из-за границы опытные мастера, и посылаются русские для обучения. Конечно, не всякое предприятие, как и при Петре, получало многие из этих льгот и привилегий; ни одно, кажется, не пользовалось всей совокупностью этих поощрений, и были предприятия, совсем ими не наделявшиеся. В отношении рабочей силы в 1744 г. восстановлено для фабрикантов и заводчиков право покупать к предприятиям деревни, а в 1752 г. определены и нормы покупок: на стан от 12 до 42 душ — в зависимости от вида производства, на домну — 100 дворов, на каждую пару молотов (на железоделательных заводах) — по 30 дворов, полагая на двор 4 души. Но, как и раньше, далеко не все предприниматели спешили вкладывать капиталы в землю, не нужную непосредственно для производства, и в крестьян, которых можно было лишь частью употреблять на фабричную или заводскую работу, а те, кто покупал деревни, обычно более всего дорожил здесь возможностью стать на одну доску с дворянами, сравняться с ними в праве владеть крестьянами. Иные покупали людей без земли, чтобы полностью использовать деньги на обеспечение предприятия рабочей силой. Но больше всего фабриканты и заводчики ценили бесплатное наделение их рабочей силой. Так, при производстве второй ревизии (в нач. 1740-х гг.) не мало было приписано к фабрикам и заводам в принудительном порядке разных людей без определенных занятий и без узаконенного положения; указом 1753 г. снова предписывалось «шатающихся по миру мужского полу разночинцев, кои в службы не годны, а работать еще могут, отдавать на фабрики в работы». Кроме того, шла приписка по «добровольным» челобитьям отдельных лиц «из платежу подушных», т.-е. с переводом платы этого сбора на фабрикантов и заводчиков. Совершенно ясно, как мало было настоящей добровольности в таких плохо замас-

кированных формах самопродажи или самозакабаления людей, попавших в долги или просто вынужденных к тому голым насилием.

Параллелизм правительственного внимания к дворянству и буржуазии проявился и в том, что одновременно, в 1754 г., были организованы государственные заемные банки: дворянский в Москве и Петербурге и купеческий в Петербурге с конторами в Астрахани и Архангельске. Кредит предоставлялся на одинаковых, чрезвычайно льготных условиях — из 6%, под залог имений и вещей дворянам (не более 1.000 р. в одни руки) и под залог товаров купцам. В 1758 г. открыты еще в Москве и Петербурге «банковые конторы вексельного производства между городами» («Медный банк»), также выдававшие ссуды купцам и помещикам под переводные векселя (с уплатой $^3/_4$ суммы серебром) и принимавшие перевод денег, который и раньше и теперь можно было делать и через обычные правительственные учреждения (по особым прошениям). В 1760 г. учрежден еще банк артиллерийского и инженерного корпусов, также доступный и для дворянства и для буржуазии. Но первое обычно пускало полученные ссуды на непроизводительные расходы и таким образом через посредство банка проживало земли. Буржуазия же использовала новые возможности кредита и переводов для увеличения своих оборотов.

Внимание к купечеству сказывалось и в таких бытовых фактах, как устройство при дворе особых маскарадов «для российского и чужестранного купечества» в параллель столь частым придворным увеселениям с приглашением верхушки столичного дворянства; за двором тянулись и иностранные дипломаты, приглашавшие к себе в числе других гостей и купцов. Точно так же и медали, выбиваемые по разным поводам, напр. коронационная, жаловались не одному благородному дворянству, но и купечеству.

Такие акты правительства в отношении буржуазии — несомненный показатель ее большого значения в государстве. Но эта роль ее вырастала по мере общего подъема народного хозяйства.

Действительно, еще в 1730-х гг. заметны кое-какие успехи восстановительных процессов после тяжелого положения в 1720-х гг. Сравнительно мирные, без крупных внешних столкновений, 1740-е, еще более 1750-е годы были временем большого хозяйственного оживления в Р., которого не сломило даже участие государства в Семилетней войне (*см.*). Правда, это оживление было куплено дорогой ценой ухудшения положения трудящихся масс.

Отметим прежде всего *захват новых территорий* на юге и юго-востоке европейской части Р. На юге помещики и вольные и невольные колонисты из сельского населения уже выходили за границы позднейших губерний Полтавской и Харьковской. Только что устроенная в 1730-х гг. оборонительная «Украинская линия» от Днепра к Северному Донцу по Орели и ее притоку Берестовой оказалась ненужной. В 1753 г. сенат решил эту линию «для многих ее неудобностей и худого состояния... содержанием оставить», а взамен ее соорудить новую — южнее: «от устья Самары» — притока Днепра — «и примкнуть оную к самой Бахмутской крепости», от которой до Лугани «сделать укрепления редутами». Таким образом новая укрепленная граница проходила целиком в пределах позднейшей Екатеринославской губ., отдавая в северной полосе этого края новое пространство черноземной степи для сельскохозяйственной эксплоатации. Впрочем, в первое время здесь преобладала военно-земледельческая колонизация, как и обычно

во вновь захватываемом и нуждающемся в охране районе. Ландмилицкие полки (*см.* XXVI, 428), организованные в Р., и гусарские полки Шевича и Прерадовича «с их народами» (выходцами с Балканского полуострова) должны были нести здесь службу по охране и защите границы и вместе с тем содержать себя, наладив собственное хозяйство. Эти славянские колонисты образовали ряд селений с центром правления в Славяносербске («Славено-Сербия»). На западном конце, за Днепром, на таких же условиях поселились сербы, пришедшие с Хорватом и создавшие «Ново-Сербию», центром которой стал вновь основанный Елисаветград (первоначально крепость св. Елизаветы; ныне Зиновьевск). Скоро на пространстве между этими сербскими колониями выросли поселки болгар, черногорцев, валахов и др. С другой стороны, в защищенный уже богатый край потянулись помещики с Украины и из Великороссии, рядом с крепостными слободами и деревнями появились и селения вольных колонистов. И в 1750-х гг. уже создавалась новая линия от Александровска к Бердянску, по юго-зап. границе б. Екатеринославской губ. в ее восточной от Днепра части. В намеченных сейчас пределах велся захват свободных степей.

На юго-востоке русские врезывались в сердце Башкирии. После затишья 1720-х гг. новый напор русских в этом крае пошел в 1730-х гг., когда действовал здесь Кириллов, когда поставлен Оренбург. Насилия представителей власти вызвали восстание башкир в 1735-м и повторно в 1740-м гг. Поражения в открытых столкновениях с властями и жестокие кары, обрушенные победителями на побежденных, привели снова к вынужденному спокойствию в крае. Елизаветинский администратор Башкирии И. И. Неплюев (*см.* XXX, 138) использовал эти годы, чтобы опоясать землю башкирского народа с юга и востока линиями крепостей, отделивших ее от калмыков и казаков (киргизов). Энергично вызывал он колонистов в край, богатый дарами природы. Но помещики и капиталисты-купцы пока еще воздерживались от налаживания здесь хозяйства. Район не был еще вполне — для их целей — «замирен». Захват угодий, насилия властей побудили башкир еще раз восстать в 1755 г. против русской власти в защиту своей земли и даже с мечтою о независимости. Руководителю восставших Батырше удалось поднять одновременно и татар и казаков. Но Неплюев использовал старые счеты с восставшими новопоселившихся среди башкир мещеряков, тептярей, бобылей. Были двинуты и русские казаки и регулярные войска. Залитая кровью, лишившаяся значительной части своего исконного населения Башкирия, наконец, была «готова» к принятию русского помещика, к предоставлению недр своих эксплоатации русских заводчиков (*ср.* V, 125). Но к царствованию Елизаветы относится только начало этого процесса, шире развернувшегося уже в 1760-х и начале 1770-х гг.

Правительству Елизаветы принадлежит инициатива не только приглашения в Р. иностранных колонистов (гл. обр. с Балкан), но и вызова обратно на родину бежавших от преследований старообрядцев, хотя при Елизавете же, гл. обр. в начале царствования, принимались довольно суровые меры воздействия в отношении держателей до-никонова благочестия, меры, вызвавшие новую вспышку «самоубийственных смертей» в виде самосожжений. И опять-таки смягчение режима к инако верующим к концу ее царствования и в эти же годы проведенное приглашение зарубежных беглецов обратно будут шире развернуты при Екатерине II.

Пока хозяйственное оживление страны было связано главнейше со старыми пределами территории государства и проводилось силами своего давнего населения. В ряде районов, не только в старинном Московском центре, но и Тульско-Калужском крае, Пензенско-Тамбовской полосе, кое-где в Камско-Вятских местах уже оказывались в середине XVIII в., при тогдашних, разных в разных местах, системах сельского хозяйства, излишние, не находившие себя применения в привычных занятиях рабочие руки. Они — с одной стороны, растущий спрос внешний и внутренний на разные товары — с другой, и, наконец, наличие известных капиталов — с третьей, были благоприятными условиями к развертыванию новых видов хозяйственной деятельности или к усилению некоторых ранее существовавших.

И по увеличению экспорта, и по усилению внутренней циркуляции товаров, и по отдельным частным указаниям в отношении единичных хозяйств или целых районов можно судить о росте в середине XVIII в. *сельского хозяйства.* Дворянство, широко использовавшее длительные отпуска и рано кончавшее обязательную службу (в 45 лет в худшем случае и гораздо ранее — при записи в службу в детские годы), возвращалось к земле и с большим усердием или увлечением занималось хозяйством. Заметно росла барщина, и гл. обр. за глазами, в других, отдаленных имениях, где барин бывал редко, крестьяне оставались на оброке. При барщинной системе крестьянский труд использовался не только в полеводстве. Мы видим уже увлечение коневодством с конскими заводами, в которых были восточные и западные породистые экземпляры. А это требовало лишних рук и по заготовке кормов и по уходу за самими животными. Знаем и прудорыбные хозяйства, и расширение «плодовитых» (для себя и продажи) и «регулярных» (для «увеселения») садов; наблюдаем в известных районах усиленную вырубку леса для построек и еще более для рынка и «пагубную» страсть к псовой охоте. Для всех этих «экономических» начинаний и увлечений нужны были постоянные или временные рабочие и служащие, которых брали из той же среды крепостных. Наконец, в поисках добавочных источников дохода дворяне, имевшие запас денег или умевшие извернуться, начинают пускаться в промышленность. Появляются дворянские полотняные и суконные мануфактуры, кожевенные заводы и др., на которых работают крепостные владельцев и для которых некоторые операции — изготовление пряжи и т. п. — производятся их же крестьянами или крестьянками на дому. Но особенное внимание дворянства привлекает к себе винокурение. В нем счастливо сочетался ряд очень выгодных и удобных для помещиков моментов. Переработка в спирт хлеба (тогда курили спирт исключительно из злаков, гл. обр. ржи, овса) давала возможность с выгодой расширять посевные площади даже в районах, далеких от рынков сбыта хлеба. Гораздо более ценный и более емкий спирт был гораздо более транспортабельным товаром, чем хлеб в зерне; по замечанию одного хозяина 1760-х гг., «одна лошадь свезет в город на столько вина, на сколько 6 лошадей хлеба». При отсутствии свободы винокурения в государстве (кроме Украины и Прибалтийского края) и при казенной монополии продажи водки далеко не всегда и нужно было везти спирт в дальние города: обычно в ближайших можно было обеспечить себе поставку его казенным продавцам или откупщикам, тогда как хлеб отнюдь не всегда находил себе потребителя на месте. С другой стороны, при производстве

спирта получается ценный остаток—барда, прекрасный корм для скота. Таким образом, наличие винокуренного завода позволяло держать лишнее количество скота, которое можно было откармливать для продажи, а навозом его удобрять поля и тем повышать их урожайность. Получался очень удачный и выгодный хозяйственный круговорот. Само оборудование винокуренного завода было довольно примитивно и, кроме медных, обычно, казанов и котлов, могло быть обеспечено собственными материалами и трудом своих людей. Оно вместе с тем было очень гибко со стороны количественной, удобно дробилось: можно было, смотря по средствам и наличию хлеба, поставить выкурку при большем или меньшем числе «аппаратов». Не отличался сложностью и сам технический процесс, и обычно кроме винокура, изредка еще его помощника, большею частью нанятых со стороны, обеспечивался в качестве чернорабочих совсем не нуждавшимися в обучении своими «мужиками». При том же производство было сезонным, проводилось зимою и потому не отрывало крестьян от полевых работ, а заполняло их «свободное время», давая помещику использование их дарового труда круглый год. Отсюда понятно, почему дворянство так добивалось и добилось в 1755 г. утверждения за ним почти полной монополии винокурения (в пределах Великороссии). В будущем должны были действовать только казенные и дворянские заводы, так как винокурение «следует для пользы одного дворянства»; лишь потому, что в период издания указа помещики и казна не в силах были удовлетворить существовавшего спроса на водку, оставлялись и купеческие заводы, но временно, «доколе помещики и вотчинники винокуренные свои заводы размножат».

Вся эта разнообразная хозяйственная деятельность дворянства падала большой тяжестью на плечи крепостных. Барщина все время росла не только в черноземной, но и в нечерноземной полосе, где считалась во всяком случае выгодной, если хозяйство вел сам помещик. Но параллельно рос и оброк, особенно его денежная часть. В сравнении с нач. XVIII в. она выросла по крайней мере вдвое, достигая — по отдельным показаниям — до 2-х, иногда даже более, рублей с души. Отсюда необходимость, все усиливавшаяся, искать дополнительных заработков, часто вне постоянного места жительства.

Но, кроме экономической эксплоатации, и личность крестьянина, тем более дворового (а дворни, в силу общего стремления к «пышной» обстановке жизни у помещиков, сильно росли), находилась в полной воле помещика или — за глазами барина — его доверенных «управителей» и приказчиков, нередко из тех же крепостных. Власть господ развернулась при Елизавете не только во всей ее полноте, но и часто в неприкрытой жестокости и грубом цинизме. Крестьян не только заставляли исполнять—для увеселения барина или барыни и их гостей—разные унизительные (в роде бегов и пр.) или разорительные (в роде поджога какого-нибудь дома в деревне) операции: господа по своей воле или просто прихоти устраивали их браки, набирали из женщин и девушек целые гаремы. Чувствуя себя маленькими царьками в деревне, помещики «законодательствовали» для своих «подданных». И когда Румянцев, тип не худших помещиков, устанавливал в своем «уголовном уложении» для крестьян (1751), что за кражу у изобличенного в ней конфискуется все имущество и он наказывается розгами в таком количестве, какое покажется желательным потерпевшему, то это не было еще пределом помещичьего всевластия. Са-

жание на цепь, разнообразные пытки, даже убийства «подданных» безнаказанно сходили с рук их владыкам. И знаменитая Салтычиха (*см.*), помещица, обвинявшаяся в 1762 г. в замучении до смерти за 6 лет 138 своих крестьян, была не одинока: одновременно с ней еще тринадцать помещиков и помещиц попали под суд за истязания, приводившие к смерти. Неудивительны поэтому — рост побегов крестьян, теперь, в отличие от петровской поры, спасавшихся от помещика, а не от государственных требований, учащавшиеся случаи неповиновений господам, открытые выступления против владельцев, усмирявшиеся подчас присланными войсками.

Помещичьи крестьяне составляли главную массу сельского населения тогдашней Р. По данным 3-й ревизии в начале 1760-х гг. они вместе с посессионными в пределах Великороссии и Сибири исчислялись (кругло) в 3.850.000 душ и составляли почти 54% всех крестьян в этих двух частях Р.; одни помещичьи давали около 52% сельского населения на этой же территории. Таким образом их состояние дает нам основной фон картины жизни, которую вела масса населения в российском государстве.

Довольно близко к ним стояли по своему положению монастырские и церковные крестьяне, которых в начале 1760-х гг. насчитывалось около 1 миллиона душ. Монастыри старались не отставать от помещиков в развертывании хозяйства, хотя, обескровленные имущественно при Петре, теперь уже шли не впереди дворян, как когда-то в XVII в., а позади их. На монастырских землях мы наблюдаем в сущности ту же барщину в поле и на других работах для монастыря; впрочем, площадь собственной монастырской запашки была относительно меньше, чем барская у помещиков; видим и разнообразные оброчные платежи крестьян деньгами и натурой. Только продавать своих крестьян не могли владыки и монастырские власти. Но в жалобах крестьян на жестокое обращение с ними фигурируют те же сажанье на цепь, дранье плетьми и палками, заключение в свои тюрьмы, чуланы и пр., как и в помещичьем обиходе. Точно так же и здесь управители бывали иногда еще лютее самих архимандритов и игуменов. И жалобы и волнения крестьян вновь выдвигали вопрос о ликвидации крепостничества хотя бы этой группы. Достаточное, уже ранее проведенное, обессиление церкви, превращение ее владык в законопослушных чиновников духовного ведомства, смотрящих, по старому выражению, «изо рта» у государственной власти, делало такую операцию не опасным экспериментом. А интересы дворян, окончательно освобождавшихся в таком случае от давнего конкурента, и буржуазии, получавшей новую почву для совершенно свободной эксплоатации другой (кроме государственных крестьян) части сельского населения, всецело были за эту экспроприацию. Проведена была эта, уже достаточно подготовленная, операция преемниками Елизаветы.

Лучше было экономическое положение дворцовых крестьян (около 500.000 душ). И еще свободнее (кроме распоряжения землею) могли вести хозяйство государственные, составлявшие около четверти сельского населения на территории Великороссии и Сибири (1.815.000 душ). Но государство, как бы равняясь на помещиков по части требований к крестьянам, подняло оброчные деньги с своих крестьян с 40 коп. петровской поры до 1 рубля к концу царствования Елизаветы.

Общее оживление народно-хозяйственной жизни в стране не могло, конечно, не сказываться в крестьянской среде. Многими путями все более и более вовлекалось крестьянство в общий хозяйственный круговорот.

Не только отрасли сельского хозяйства и разные виды промыслов были сферой экономики для массы сельского населения. Под нажимом требований барина, монастыря и государства и из необходимости обеспечить семью, крестьянин все шире развертывает промышленную деятельность. Сороковые и пятидесятые годы XVIII ст. — время развития мелкого производства в разных районах Р. не только и часто не столько для удовлетворения собственных потребностей, сколько для удовлетворения требований рынка. Знаем к 1760-м годам и «хозяйчиков»-кустарей из крестьянской среды, имеем примеры и крестьян-фабрикантов, владельцев небольших мануфактур, орудующих уже, конечно, наемным трудом. С другой стороны, и негодующие по этому поводу представители купечества, и защищающие права своих «подданных» (и вместе источники собственного благополучия) дворяне в 1760-х гг. рисуют нам картины широко развернувшегося участия крестьян разных разрядов в торговле. И здесь «мужик» выступает не только продавцом продуктов собственного труда и покупателем для своего потребления. Выделяются из крестьянской среды энергичные скупщики ходких на рынке продуктов сельского хозяйства (кож, сала, льна, пеньки, хлеба, льняного и конопляного масла и пр.) и изделий крестьянского производства (холста и полотна, деревянных изделий, глиняной посуды, шляп, домотканного сукна, в иных местах железных изделий и др.). А на ряду с этим источники говорят и о торге крестьянском не крестьянскими товарами — шелковыми тканями, иноземными сукнами, серебряными и медными украшениями, винами, сахаром, железом и т. д. и т. д. При этом мы встречаем не только мелких скупщиков и торговцев, весь товар которых помещается на собственном горбу («офени»-ярославцы) или в кибитке («дядюшки-Яковы»), но и торговцев, орудующих на ярмарках, имеющих лавки в городах, поставляющих партии товаров к портам. При общей подвижке — под нажимом господствующих классов — имущественной обеспеченности крестьянской вниз, усилившийся процесс дифференциации выделял все резче обособлявшуюся, переходившую в благоприятных случаях в купечество, верхушку крестьянства, формировавшуюся в сельскую (или превращавшуюся в городскую) буржуазию.

Но главным деятелем в области торговли и промышленности выступало российское купечество. При Елизавете сильно развернулся и внешний и внутренний торг Р. Кроме портов Балтийского моря, усиливших теперь свой оборот Петербурга, Риги, Нарвы и Ревеля, восстановил свою роль в отпускной гл. обр. торговле Архангельск, получивший с 1752 г. «преимущества», равные Петербургу; по прежнему роль связующего звена с прикаспийскими странами и даже — через Персию — с Индией играет Астрахань; начинает свои первые шаги, еще неуверенные и непрочные, вновь восстановленный в 40-х годах Таганрог. Из сухопутных пограничных пунктов в отношении *внешней торговли* имеет значение на далеком востоке Кяхта — по торговле с Китаем; быстро растет роль Оренбурга и его младшей сестры — Троицкой крепости (будущего Троицка), привлекающих в свои гостиные дворы купцов из Бухары, Хивы и др. ханств Средней Азии. В обороте с Западом выделяются несколько отодвинутые от границы Смоленск, где орудуют почти исключительно русские купцы разных городов, и Нежин, главной торговой силой которого были поселившиеся здесь греки и отчасти армяне. Очень часто подчеркивают командующее положение во внешнем обороте Р. иностранных купцов, особенно английских,

для которых русские выполняли функции комиссионеров, действуя в области закупок не только по чужим заказам, но и на капитал своих контрагентов. Эти выводы обычно строятся исключительно на наблюдениях относительно торговли у балтийских портов. Впрочем, и для них выводы эти едва ли в полной мере правильны, хотя, конечно, мощности и организованности «аглицких гостей» отрицать невозможно. Но торговля не ограничивалась, как видим, одними портами Балтийского моря; да и через них русские купцы самостоятельно направляли свои товары. Рядом с этим надо подчеркнуть значительность русских связей с германскими государствами, куда не только отправляли кое-что из русских товаров, но откуда вывозили разные европейские. При чем русские купцы из Москвы, Калуги и некоторых др. городов прямо ездили сухопутьем в Кенигсберг, Лейпциг, силезские города и пр. А затем нельзя оставлять без внимания имевшего большое (хотя и не такое, как западный) значение для торговых оборотов Р. обмена с восточными странами, в котором русские купцы играли уже безусловно самостоятельную и активную роль.

Общий оборот русской внешней торговли сильно вырос за 20-тилетие царствования Елизаветы. В 1726 г., при общей сумме оборота в 6.364.000 рублей, вывоз оценивался в 4.238.000 руб., ввоз — в 2.126.000 р.; в 1742—45 гг. годичная средняя цифра достигла 8.857.000 руб., при стоимости экспорта в 4.939.000 р. и импорта — в 3.918.000 р.; а по средним данным не вполне благополучных для торговли годов Семилетней войны 1758—1760 гг. оборот внешней торговли достиг 19.758.000 руб.; отправляла Р. в эти годы в среднем на 10.868.000 р., получала товаров на 8.394.000 руб. К 1762 г. общий оборот достиг уже почти 21 млн. руб. (20.924.000): экспорт — 12.762.000 р., импорт — 8.162.000 руб.

Интересен состав вывоза и ввоза.

Вывоз (в процентах).

	Жизн. припасы	Сырье	Изделия	Прочие
1726 г.	1,5	43	52	3,5
1749 г.	0,5	50	40	8,5
средн. 1758—60 гг. .	6	60	23	11

Ввоз в Р. (в проц.).

1726 г.	21	27	51	1
1749 г.	25	22	44	8
средн. 1758—60 гг. .	32	15	49	4

Таким образом, вывоз продуктов питания, и прежде всего хлеба, не имеет значения в русской внешней торговле; роль хлеба в экспорте даже сократилась по сравнению с серединой XVII в., если можно доверять тогдашним довольно случайным показаниям. Правильно растет и занимает господствующее место поставка на иностранные рынки сырья для промышленности; здесь самое крупное место занимают разные сорта волокна конопли и льна. Достаточно для сопоставления указать, что, по средним выводам 1758 — 60 гг., стоимость всех вывезенных из Р. жизненных припасов составляла всего около 624.000 рубл., а конопля одна оценивалась в 2.750.000 р., лен в 1.250.000 р. Падение относительного значения в вывозе готовых фабрикатов — при несомненном и очень большом, как увидим, росте русской промышленности — служит явным показателем роста внутреннего русского рынка и большего, чем раньше, поворота промышленности в сторону обслуживания внутренних потребителей. Впрочем, абсолютные цифры экспорта изделий по сравнению с первой четвертью XVIII в. сильно выросли, хотя и дают не всегда восходящую прямую. Важнейшими статьями в этой группе были железо и полотна. По данным 1726 г., первого отправлено в круглых цифрах 55.000 пуд., в 1750 г. — 1.236.000 пуд., в следующие два пятилетия 780.000 пуд. в среднем

в год. Парусины в 1726 г. вывезено почти 7.750 кусков (по 50 арш. в куске), в 1758—60 гг. в среднем уже 35.000 кусков, а в 1761—63 гг.— 40.000 кусков. К сожалению, другая продукция русских полотняных мануфактур в данных 1726 г. соединена с крестьянским холстом, и потому сравнения с данными конца елизаветинской поры провести нельзя. Но роль здесь экспорта можно видеть из сопоставления официальных данных о производстве этих мануфактур и о вывозе их продукции. В отношении коломеночного, равендушного и фламского полотен за 1761—63 гг. экспорт брал не меньше 75% продукции, а иногда (в 1762 г. по фламскому полотну) равнялся годовой производительности. В группе прочих надо отметить попрежнему большую роль пушнины.

Что касается ввоза, то в нем главную роль играют изделия, предназначенные почти исключительно для удовлетворения потребностей богатой верхушки общества: шелковые ткани, кружева, тонкие сукна (совсем не производимые на русских фабриках), ювелирные изделия и т. п. На потребу тех же классов идет и значительная доля ввозных жизненных припасов: сахар, кофе, чай, пряности и проч. В группе сырья для русской промышленности имеется шелк, краски и проч.

Мы использовали сейчас общие данные оборота внешней торговли. Но роль тогдашней Р. лучше выступит, если разграничивать в составе ее контрагентов Европу, с одной стороны, и восточные страны—с другой. В общей сумме торгового оборота Р. Восток играл сравнительно скромную роль: торговля с ним едва ли превышала в среднем в 1750-ые годы 15% общих размеров внешней торговли. Но роль эта своеобразна и характерна, прежде всего, своим пассивным для Р. (по данным 1758—60 гг.) балансом (если учитывать только оборот товаров и оставить в стороне ввоз в Р. золотой и серебр. монеты), тогда как в отношении Европы неизменно в эту пору вывоз преобладает над ввозом. Затем, в Европу Р. поставляет в громадной части сырье и такие полуфабрикаты, как чесаные пенька, лен и т. п.; вывоз на Восток характеризуется крупной ролью готовых изделий. Особенно значительными покупателями их были страны Средней Азии, бравшие из Р. около 75% ее к ним вывоза в виде разнообразных изделий; и даже в далекий Китай караваны доставляли в конце царствования Елизаветы почти 40% товаров (по стоимости) изделиями. Правда, в составе этого экспорта мы видим частично и провозимые через Р. европейские изделия, напр. сукно, но очень разнообразен и определенно преобладает по величине, по крайней мере в отношении Средней Азии, вывоз русских товаров: холст и хрящ (грубый сорт холста), металлические изделия, деревянная посуда, сундуки, юфть (выделанная кожа) и т. д. Наоборот, в ввозе с Востока, и опять-таки особенно из Бухары, Хивы и других стран Средней Азии, преобладало промышленное сырье — шелк (частью в виде полуфабриката — крученого и крашеного), хлопок (и бумажная пряжа), сырые кожи, шерсть и пр. Таким образом, уже с той далекой поры началось завоевание Р. Средней Азии, теперь—в отличие от попыток Петра— не оружием, а торговлей, и пока без далеких замыслов об Индии.

Что касается *внутренней торговли*, то мы лишены возможности характеризовать ее цифровыми показателями оборотов. О росте ее, особенно в 1740-ые и 1750-ые годы, говорит непрерывно увеличивающееся количество торговых пунктов. Господствует еще периодическая торговля. В очень немногих, наиболее крупных

городах идет в гостином дворе и торговых рядах правильная постоянная торговля. Другие более заметные центры обмена довольствуются двумя, редко тремя базарными днями в неделю, а большинство торговых пунктов имеют только еженедельный торг. Громадное большинство селений совсем не имеет базаров и обслуживается на месте захожими или заезжими мелкими торгашами, и предлагающими различные, гл. обр. мелочные товары, и скупающими рыночные продукты деревни, в роде льна, пеньки, кож, шерсти, холста и пр. За другими, более громоздкими товарами, и для сбыта разных продуктов своего труда крестьянин тянется в базарные дни в торговые села или в город, а еще больше для обеих целей используется ярмарка. Сотни мелких сельских и городских ярмарок, приуроченных обычно к храмовым праздникам и представляющих обычно однодневный, реже двухдневный съезд и торговцев с более или менее значительной округи и деревенских продавцов и покупателей из окрестных сел и деревень, составляют, так сказать, первичную сеть ярмарочной системы. Эти ярмарки привлекают скромные десятки торгашей; торгуют очень часто во временно устраиваемых шалашах, с возов; фигурируют здесь все скромные «харчевые и прочие к домашней экономии припасы», или «мелочные деревенские товары». Над этим основанием возвышаются десятки более крупных, имеющих областное значение ярмарок в немногих городах, около некоторых монастырей и в кое-каких селах и слободах. Эти ярмарки обычно продолжаются по несколько дней, привлекают торговцев и покупателей из далеких мест, имеют оборудованные лавки и лари, хотя, конечно, и тут иные ютятся в палатках и шалашах. Наконец, на вершине стоят несколько всероссийских торжищ. Такова, прежде всего, Макарьевскяя ярмарка—в 60 верстах от Нижнего Новгорода, продолжающаяся с Петрова дня (29. VI) 3—4 недели и привлекающая «великое множество купцов из всех стран Р. и Сибири, также с персидских, турецких и польских границ» (надо бы прибавить, также и из Киргизии, Хивы, Бухары и др.). В этой же группе стоят: «великая ярмарка» в Ирбитской слободе, за Уралом, длящаяся с средины января 2—3 недели и видящая в своих гостином дворе и лавочных рядах также много восточных купцов; весенняя ярмарка (в 9-ую пятницу, считая от пасхи) при Знаменском Коренном монастыре в 30 *км* от Курска, на которую русские и иностранные купцы «превеликое множество всяких российских, немецких и азиатских товаров привозят, также и лошадьми великой торг производится»; Свинская ярмарка близ Брянска, и некот. др. Для того, чтобы дать конкретное представление об ассортименте товаров на ярмарках, приведем довольно подробный перечень привоза на далеко не перворазрядную ярмарку (еще не узаконенную и фигурирующую под именем «богомолья» на память Петра и Февронии, 25 июня) в Муроме: «хлеб, мясо, рыба разных родов, шелк, кумачи, китайка, бумага хлопчатая и крашеная, сукна недорогой цены, воск, ладон, сандал красной и синей, краска брусковая, по небольшой части камки, голи по цветам, букеты, грезеты, люстрины, тафты (это все разные сорта шелковых тканей), кисеи, каламенок разных рук (т.-е. сортов), позументы, масло деревянное, скипидар, нефть, квасцы купорос, сахар, чай, виноградные напитки, уклад, железо, пестрядь бумажная разных цветов, меха заячьи и мерлушчатые, шапки, рукавицы, сапоги, сукна, гарус, чулки, узды, шлеи, гужи, кушаки и протчей мелочной товар, также крестьянское

рукоделие». В других случаях можно найти более тщательные перечни именно поставляемых крестьянами продуктов и изделий, выше уже отмечавшихся. Таким образом можно сказать, что все производимое деревней и городом, мануфактурой и ремесленником стало предметом купли и продажи; за многими мелочами крестьянин идет на рынок. Но, конечно, не все районы Р. в этом отношении представляют одну и ту же картину; далеко не вся глубинная сельская Русь втянута в торговый оборот.

Ту же неравномерность в жизни отдельных районов увидим и в отношении *крупной промышленности*. Вообще 1740-ые и особенно 1750-ые годы были временем ее быстрого роста. Достаточно указать, что на 60—65 металлургических заводов, созданных до 1742 г. и действовавших в середине XVIII ст., приходится около сотни новых предприятий, появившихся в двадцатилетие 1742—61 гг., и почти половина из них построена в последнее пятилетие этого периода. Не менее показательно и то, что из 22 стекольных и хрустальных заводов, известных по ведомостям начала 1760-х гг., 20 возникли в 1745—60 гг.; что из 45 шелкоткацких мануфактур, работавших в 1762 г., менее трети возникло до 1742 г. и половина в последнее к итоговому году пятилетие. Примерно так же обстояло дело и в других отраслях промышленности. Проверенного общего итога развития ее к 1762 г. мы, к сожалению, не имеем; обычно приводимую цифру—984 мануфактуры, без учета горнозаводских предприятий,—нужно признать преувеличивающей действительное число «указных», т.-е. созданных по указам власти предприятий; но, судя по данным о важнейших отраслях производства, можно считать, что со времен Петра количество заводов и фабрик, зарегистрированных в списках берг- и мануфактур-коллегий (и мануфактур-конторы) и не попавших в орбиту правительственного надзора и учета, но принадлежащих к группе мануфактур, возросло раза в три, т.-е. достигало кругло около 700 предприятий, при чем важен не только этот рост числа предприятий. Они росли и по своим размерам. Ткацкая мануфактура с несколькими сотнями рабочих—очень частое явление в тогдашней действительности. Чугуно-литейные и железоделательные заводы также, в качестве правила, принадлежат к крупным мануфактурам с сотней, двумя и более рабочих. Кожевенные, стеклянные, частные винокуренные заводы в общем более мелки по своим размерам, но и в них все же обычно заняты два-три и более десятков рабочих. С другой стороны, стоит отметить, что как раз в середине XVIII в. зарождаются у нас и новые производства, напр. хлопчатобумажных тканей на небольших мануфактурах (только в Астрахани у ткачей-кустарей изготовление восточных тканей из бумажной пряжи относится к более раннему периоду). Громадное большинство фабрик и заводов середины XVIII в. работало непрерывно в течение всего года, несколько сокращая свою продукцию в пору крестьянской «страды» или ставя на ремонт (месяц-полтора) в то же напряженное время сельских работ свои домны и плавильные печи. Таким образом, у российских мануфактур этого времени были уже свои постоянные кадры рабочих. И это тем более интересно подчеркнуть, что обеспечены эти предприятия не только принудительным, но и вольнонаемным трудом. Металлургия Урала главным образом имеет приписных казенных и собственных крепостных рабочих, но и на Урале, особенно в новом промышленном районе юга, знаем немало заводов, на которых преиму-

щественно или исключительно работают вольнонаемные. Немало их и на железных заводах в центре. Винокуренные заводы помещичьи обходятся, как уже упоминалось, почти исключительно крепостными крестьянами, но на купеческих и казенных видим опять-таки вольнонаемных людей. Что же касается промышленности, подведомственной мануфактур-коллегии (и -конторе), то в ней, по официальным данным, в самом начале 1760-ых гг. считалось 38.000 рабочих, из которых почти треть (12.500) состояла из вольнонаемных, несколько более (14.000) было приписных и несколько менее (11.500)— собственных владельческих. Эти вольные рабочие частью рекрутировались из различных слоев городского населения, частью приходили из деревни, и не только казенной, но и помещичьей (чтобы заработать оброк). И интересно, что в составе тех рабочих, которые оставались на фабрике и летом, мы определенно знаем и выходцев из деревни. Таким образом, уже и в эту пору замечался процесс отрыва от родной почвы в более или менее прочных формах. Выше мы видели причины этого в экономике тогдашней деревни. Конечно, этих пришедших на мануфактуру от сохи и плуга крестьян, сплошь и рядом оставлявших в деревне семьи, работавшие на убогом клочке часто мало плодородной почвы, нельзя назвать настоящими пролетариями. Но в городе, где процесс дифференциации был резче, где экспроприация капиталом (и финансовыми требованиями государства) ощущалась сильнее, несомненно нарождались кадры, лишенные средств производства и искавшие заработка на мануфактурах, где они и получали (если не имели ее ранее в качестве ремесленников) специальность. Если мы примем еще во внимание, что наемные рабочие главнейшим образом, как это и естественно ждать, сосредоточены на фабриках и заводах, содержимых купцами и работающих на вольный рынок, то по совокупности данных мы должны притти к выводу, что в середине XVIII ст. мы имеем в Р. зачатки капиталистической мануфактуры средних и даже крупных размеров. Конечно, удельный вес этих капиталистических предприятий в общей массе промышленности был невелик: на многих купеческих фабриках и заводах мы видим приписных или купленных, иногда и тех и других, рабочих; с другой стороны, не всякий наемный по форме рабочий был настоящим вольнонаемным, но важно отметить и зарождение новых явлений.

Выше уже указано, что к 1760-м гг. понемногу втягивалось в промышленность и дворянство, создавая не только винокуренные заводы, но и ткацкие фабрики, кожевенные заводы и др. Однако, в учете роли дворянского капитала в организации русской промышленности нельзя за одну скобку дворянских ставить все предприятия, владельцами которых в документах этой поры значатся лица дворянского звания. Во-первых, дворянами к этой поре были уже не только бывшие гости Строгановы и дети и внуки предпринимателя («хозяйчика») из тульских кузнецов Никиты Демидова, получившие дворянство еще при Петре, но и позже пожалованные или выслужившие дворянство Евреиновы (шелковые фабриканты), Турчанинов (заводчик на Урале) и др. Во-вторых, Воронцовы, Шуваловы, Ягужинский и нек. др. превратились в заводчиков не путем создания новых предприятий, а потому что, пользуясь своим властным положением, за бесценок захватили в свои руки бывшие казенные заводы на Урале и, как выяснилось позже, эксплоатировали их как хищники, стремясь с минимумом затрат выжать как можно больше доходов, а потом за большие суммы вернули

их в казну. И, конечно, совсем не на средства, скопленные до «случая» (таких денег не было у него), а на пожалованные императрицей строил фабрику в 1754 г. гр. Алексей Кир. Разумовский. Есть отдельные случаи, когда предприятие значится за дворянином, а фактически ведется за свой счет купцом (медный завод Тевкелева). Наконец, официальные ведомости именем дворянина прикрывают иногда предприятия, созданные и работающие на средства крестьян этого дворянина, так как крепостные не имели права владеть мануфактурами, напр. красильная гр. Гендрикова в Москве, две полотняных мануфактуры крестьян гр. Шереметева. Во всех этих и подобных случаях, конечно, нельзя говорить о дворянских предприятиях, когда нас интересует не звание (формального иногда) владельца предприятия, а происхождение капитала, обращенного в промышленность. С устранением этих фабрик и заводов число настоящих дворянских предприятий, вместе с винокуренными заводами, окажется в пределах сотни. Но опять-таки и здесь стоит отметить новую тенденцию, которая шире развернется в 1760-х, начале 1770-х гг. и которая, с одной стороны, служит показателем судорожных, нередко кончающихся полным крахом, поисков новых источников дохода, с другой — обнаруживает начало процесса обуржуазивания этой части дворянства. Невелика, еще относительно менее существенна и роль крестьян помещичьих и др. в создании промышленных предприятий. Очевидно, крепнущая сельская буржуазия (иногда под покровом и покровительством барина-крепостника) все еще стоит на стадии первоначального хищнического накопления средств путем скупки продуктов и закабаления мелких производителей в начальных стадиях этого процесса. Господствует в промышленности (рядом с казною) российское купечество, которое выделяет все новые и новые фамилии фабрикантов и заводчиков.

Но хотя мануфактурная промышленность была явлением сравнительно новым и в конечном счете разрушительным для феодально-крепостнических отношений, хотя главные создатели этой промышленности—купцы—в это время довольно резко, особенно сверху, отделялись от владык крепостничества, господствующие в стране отношения не могли не тяготеть и над этой областью жизни. И если можно говорить об обуржуазивании части дворянства через промышленность, то нужно отмечать и «одворянивание» фабрикантов и заводчиков из купечества. Здесь имеется в виду не стремление (через даваемый иногда предпринимателю чин коллежского ассессора или посредством службы, большею частью военной), обычно детей или внуков основателя фабрики или завода, войти в ряды дворянства, не желание через покупку деревень сравняться с «первенствующим сословием» в правах земле- и душевладения. Конечно, и в том и в другом случае переход на рельсы дворянства в складе жизни и в психологии совершался с большею легкостью (и часто кончался у преемников создавшего состояние купца полным разорением). Но даже и тогда, когда купец оставался просто фабрикантом и не покупал деревень, дух крепостничества пронизывал промышленность. Это особенно резко сказывалось в положении рабочих, и не только собственных и приписных, но и «вольных». В обстановке, пропитанной рабством, и фабрикант чувствовал себя не просто как хозяин, но и вел себя как владелец не только предприятия, но также и рабочей силы. Длинный рабочий день (от 10 до 14 час. по разным регламентам, а фактически больше), очень низкая заработная плата, еле-еле обеспечивавшая рабочему полуголодное существование, не-

редкая выдача этой платы, во всяком случае частично, продуктами (так было, по крайней мере, на уральских заводах), довольно широкое привлечение к легким работам женщин и детей и т. д.—рисуют тяжелое положение работающих, даже если они явились на фабрику по вольному найму. Если же они, не говорю уже собственные, купленные владельцем, а только приписные к его предприятию, они всецело и юридически в руках фабриканта или заводчика. Почти единственное развлеченье и средство забыться—пьянство, но его почти неизбежным следствием являются прогулы, жестоко караемые и рублем, и телесными наказаниями, и заключением. Малейшее ослушание, противоречие,—и рабочий по решению владельца или его управителей подвергался наказанию. И тут перед нами развертывается картина полного вотчинного, помещичьего режима. Батоги, кнут, плети в неумеренных количествах, если дело не ограничивается рукопашной расправой тут же на месте, сажанье на цепь, колодки и пр.—постоянные меры воздействия на рабочего. И нет у последнего способа добиться управы на владельца и даже на его правителей: власти закуплены ими. А если недовольство прорвется в возмущение, то к расправе владельца присоединяется еще кара власти гражданской, а то и экзекуция военного отряда, вплоть до применения оружия. Неудивительно, что фабрика и завод рассматривались как место и способ наказания, заменяли тюрьму и ссылку. На предприятия казенные и даже частные посылали работать (ссылали) преступников и преступниц; у помещиков-предпринимателей иногда бывали даже выделены фабрики, куда отправляли провинившихся крестьян и дворовых (такая фабрика была у Воронцова в Костромском у.).

Переходя к вопросу о географическом размещении промышленности, удобнее всего связать его с общей характеристикой отдельных районов государства в 1750-ые годы. Такое рассмотрение позволит увязать размещение промышленности с другими экономическими моментами.

Но прежде чем мы перейдем к этому обзору, нужно остановиться еще на одном вопросе. Характеризуя экономическую политику правительства Елизаветы, обычно указывают на передачу казенных заводов в руки Воронцовых и Шуваловых и на вредное действие создававшихся при благосклонном участии власть имущих и во всяком случае с разрешения правительства монополистических торговых и промышленных компаний или монопольных предприятий отдельных лиц, главным образом опять тех же Шуваловых и Воронцовых. Однако, при этом не обращают внимания на хронологию этих явлений народно-хозяйственной жизни. Между тем не случайность, что они возникают в конце 1750-х годов. Очень большую роль сыграла здесь Семилетняя война, сразу обнаружившая критическое состояние средств русской казны. Выше уже указывалось, что именно тогда открыто фискальные цели (желание получить любой ценой побольше денег) исказили первоначальный покровительственный для русской промышленности и торговли характер нового тарифа. Именно в эти же годы отдаются на откуп компании, возглавляемой купцом Шемякиным, все таможни из желания вперед и без хлопот получать средние за последние три года сборы, даже с некоторой надбавкой (определенной на нужды московского университета). А затем, в 1759 г. тому же Шемякину предоставлена монополия по доставке в Р. шелка-сырца с Востока, сразу же отразившаяся на русском рынке скачком вверх цен на шелк. Осенью 1757 г. утверждена компания Ром. Воронцова с Мельгуновым по монопольной вы-

возке соли из астраханских озер в Персию, в 1759 г. учреждена монопольная компания астраханских купцов под фирмой Воронцова по торговле с бухарцами, хивинцами и трухменцами через Мангышлак, и т. д. Точно так же с 1757 г. начинается энергичная «продажа» казенных уральских заводов разным частным лицам (не только Воронцовым, Шуваловым, Ягужинскому, но и заводчику из купцов Турчанинову). Имеем, конечно, примеры того и другого и ранее, но очень немногие: беломорская компания Шувалова с 1748 г. (с правом бить морских зверей для топки ворвани, выварки соли) и др. Затем надо иметь в виду, что в тех случаях, когда дело нам известно подробнее, в монопольных компаниях и предприятиях действующим оказывается в большинстве случаев купеческий же капитал, а знатные имена, очевидно, употреблялись (и то не всегда) на исхлопатывание привилегий, и носители их получали за то определенный доход. Иначе говоря, в этих монополиях можно и, пожалуй, нужно видеть борьбу между отдельными группами буржуазных капиталистов, а не экспроприацию их доходов новой дворянской знатью. Затем раздача казенных заводов захватила далеко не все казенные предприятия и не всегда, как уже сказано, переводила их в руки новых аристократов. Наконец, не нужно преувеличивать и «разрушительной» роли этих монополий. Конечно, они должны были отразиться неблагоприятно на экономике страны. Но все же там, где мы имеем возможность довольно хорошо следить за ходом жизни, напр. в области промышленности, мы не наблюдаем замирания, а констатируем продолжающийся рост, и даже в шелкоткацкой отрасли, на которую сильнее всего давила монополистическая обстановка, из году в год (в 1758—62 гг.) открывались новые и новые мануфактуры. Правда, большею частью монополизировался торговый оборот, особенно внешний, но у нас нет сейчас данных, чтобы учесть задерживающую роль в размерах оборотов или повышательные тенденции в отношении цен, кроме приведенного случая с шелком.

8. Теперь мы можем перейти к обзору *районов Р. середины XVIII в.* Это поможет нам конкретнее, чем в общей характеристике, представить жизнь страны. И вместе с тем, возвращаясь через сто лет к географическому обзору (см. выше, 471 и сл.), мы сможем наметить некоторые сдвиги в народно-хозяйственной жизни, отображаемые в разных социально-географических условиях (см. *схему*).

И сразу же, обращаясь к *центральному району*, надобно внести значительную поправку в прежнюю характеристику его уже в отношении пространства. В середине XVIII в. центральный район занимает бо́льшую площадь, чем сто лет назад. Теперь он захватил всю тогдашнюю громадную Московскую губернию, с небольшой долей Нижегородской губернии, с захватом к центру и Нижнего, и узкой полосы к востоку от нижней Оки, и с включением Тверской провинции тогдашней Новгородской губ. и Галицкой пров. Архангелогородской губернии. На этом пространстве позднее размещались почти полностью губернии: Московская, Владимирская, Костромская, Ярославская, Тверская, Калужская, Тульская, Рязанская (кроме ее южного отрезка) и часть Нижегородской губ. По современному нам делению это будут обе наши промышленные области, Московская и Ивановская, опять-таки с куском Нижегородского края (конечно, в грубых чертах, не имея в виду точного совпадения границ). И это последнее соответствие не случайно. Уже в середине XVIII в. центральный район начинал приобретать черты промышленного. Не одним историкам, а и совре-

СХЕМА РАЙОНОВ РОССИИ

середины XVIII в.

МАСШТАБ 0 200 400 600 800 км

Условные обозначения

Границы: государственные

районов

РАЙОНЫ

I Центрально-промышленный

II Северный

III Северо-Западный

IV Западный

V Украинско-земледельческий

VI Центрально-земледельческий

VII Восточно-земледельческий

VIII Промыслово-скотоводческий

IX Сибирь

X Уральский горно-промышленный

менным наблюдателям он казался выделяющимся из соседних территорий; при переезде от Новгородских болот к Тверским местам, также и за Окою на востоке, и вскоре после Дедилова на юге отмечают они не только смену природных условий, но и разницу в экономике. Только на севере эта граница менее уловима.

Этот обширный район был наиболее густо заселенным в тогдашней Р. Из 7.600.000 ревизских душ (в круглых цифрах), насчитанных в пределах Великороссии и Сибири в третью ревизию (1762—1764), свыше трети (около 2.750.000) проживало на территории центрального района. Здесь же сосредоточивалось и много неревизского населения — чиновников и военных, духовенства и дворян. Тяготение столбового дворянства к «матушке-Москве» — факт хорошо известный. Стремление иметь свою «подмосковную» присуще чуть не всякому более или менее зажиточному помещику. А затем нужно помнить, что в центре Р. весьма рано стало развиваться поместное землевладение, которое уже давно поглотило здесь черные земли. Поэтому неудивительно, что процент помещичьих крепостных в составе ревизского населения в центре очень велик. Почти три четверти всего учтенного в третью ревизию населения (72%) принадлежало здесь дворянам. Поэтому в дальнейшей характеристике все время надо иметь в виду роль этого момента в жизни крестьянства.

Конечно, разместилось население в крае далеко не равномерно. Костромское и нижегородское Заволжье с его дремучими лесами и топкими громадными болотами, такого же характера местность между Владимиром, Рязанью, Касимовым и Муромом (знаменитые Муромские и Касимовские леса) и др. более мелкие им подобные пространства были заселены довольно слабо. Зато в других, более благоприятных местах густо расположились деревеньки, небольшие села и погосты. Довольно много (свыше семи десятков) стояло здесь городов, старых и старинных, частью совсем экономически не отличавшихся от окружающих их районов, но продолжавших по старине играть административную роль, частью бойких центров обмена и производства. Вровень с последними стояли и слободы и посады, вышедшие давно по экономическому значению из положения сельских пунктов или даже не бывшие ими и с самого начала, но по традиции продолжавшие оставаться на положении подчиненных селений.

Формально по старине главная масса населения занята была сельским хозяйством, но оно не только не определяло физиономии района, но и не удовлетворяло потребностей населения в пропитании. Редкие более плодородные пятна прокармливали жителей и давали кое-какие избытки хлеба для рынка. Громадная часть района жила привозным хлебом из разных мест. Со средней Волги, низовьев Камы, с Суры и с верховьев Оки шли в центр на судах по рекам и громадными обозами зимою серые «мужицкие» хлеба — рожь и овес; с Украины и юга Белгородской губ. доставляли пшеницу; из разных мест везли гречу и просо. И на обработке этого зерна для рынка в разных пунктах перевалов с одних путей на другие или у крупных центров потребления, в районе Нижнего и кругом Москвы и в др. местах вырастала технически по-прежнему слабо вооруженная, но экономически достаточно мощная промышленность — мукомольные, даже крупчатые, мельницы и крупорушки. С теми же рыночными целями, но для небольших местных рынков работали мелкие солодовни.

Плохо обеспечивал себя край мясными продуктами. Не везде хватало лугов, не всюду можно было держать

достаточно скота вокруг пашни, на соломе и отбросах зерна. И сведения 1760-х гг. дают низкие показатели по обеспеченности скотом, особенно помещичьих крестьян, имевших обычно скот в пределах продовольственных норм. Мало поэтому скотины давало на местные городские рынки окрестное крестьянство. И издалека, из Украины, из донских и астраханских степей, из Башкирии, пока она не истекла кровью в результате «усмирений», гнали по летам гурты волов, коров и овец на потребу населения, главным образом городского, в центре. Одни коломенские купцы гоняли «до 300 гуртов в год, считая по 100—120 скотин в гурте», т.-е. поставляли около 35.000 голов. И опять-таки на путях намечались пункты забоя скота для рынка, и вокруг забоя выростали салотопни, иногда тут же и выделка сальных свеч, кожевенные заводы и пр.

Все больше скудел центральный край рыбой; осетр становился редкостью в Москва-реке; не богаты были уловы осетровых и в Оке. И еще больше, чем сто лет назад, Поволжье, теперь уж преимущественно нижнее, от Саратова до Каспия,—слало сюда по зимам большие обозы с красной рыбой и черной икрою. Саратов стал одним из главнейших центров перевала волжской рыбы на внутренние рынки, а коломенские купцы (через Коломну лежал «рыбный» путь) играли крупную роль в этой рыботорговле. Другим районом, откуда шла хорошая красная рыба и икра, был в середине XVIII в. Урал (потогдашнему Яик). И от Яицкого городка на Самару и Симбирск, а дальше на Муром шли другие пути, по которым на рынки центра вливалась по зимам рыба.

Еще более, чем раньше, и в отношении соли центр зависел от окраин. Стало совсем невыгодно эксплоатировать многочисленные еще в XVII в., содержавшие мало соли колодези в разных пунктах центра, и они уже оставлены. С широким развитием соле-варения на верхней Каме, и особенно со времени начала (1747) разработки самосадочной соли в неистощимом озере Эльтон (за Волгой, на ю.-в. от Камышина), все менее выгодными становились и более богатые соляные ключи Балахны и Соли Галицкой. В первой, из боязни «оскудения лесов», одним росчерком пера (указ 1754 г.) все варницы были закрыты: во второй тогда же ликвидированы две из трех возобновленных после пожара 1752 г. монастырские варницы.

Точно так же, под давлением конкуренции крупных доменных заводов, уже без правительственных указов, замерла добыча железа в мелких сыродутных горнах и в тульско-калужских местах, где не мог ее убить своими указами Петр, и во всех пунктах между Окой и Волгой и ближайших к Волге районах на севере. Только кое-где в захолустьях продолжали еще крестьяне-промышленники «выдувать из руды железо» в ручных горнах; так, знаем это производство в с. Логинове Пошехонск. у. (куда «рудную землю» доставляли из Угличск. у.) и по Унже, в тогдашних Кологривском и Унженском уездах.

Этот перечень показывает, что в центре рыночные условия определяют характер хозяйства (конечно, с учетом и природных данных). Еще ярче вскрывается это из рассмотрения других видов хозяйственной деятельности здесь. Зерновые культуры плохо кормят, они мало или совсем не выгодны при конкуренции более плодородных мест. Но технические растения имеют значение в хозяйстве и крестьянина и помещика. Лен во владимирских и галицких местах, конопля в районе Калуги и Серпухова и др. дают хорошие доходы. Имен-

но московские дворяне дали в 1767 г. показательный расчет доходности десятины при засеве ее рожью, коноплей и льном: 13 р. дохода от первой очень мало в сравнении с 20—30 р. от конопли и 40—60 р. от льна. Южнее, дворяне Воротынска и Перемышля считали, что десятина луга дает всего 4—6 руб. дохода, при посеве ржи он поднимается до 15 р., конопля приносит от 20 до 35 руб., а лен от 42 до 72 рублей прибыли. Выше мы отмечали «плодовитые» сады у помещиков. Пропаганда их доходности шла именно из центра; здесь они — и более всего в пределах Великороссии — в ходу. Но не одни дворяне так оценивали плодоводство. Пожалуй, даже не им принадлежит здесь пальма первенства. Славился на всю Русь своей вишней Владимир. Промышленные сады знаем и в др. городах центра, были они и у крестьян. Выросло до промышленного значения и огородничество. Славились тогда луком и чесноком Боровск и Верея, развозившие их по городам центра и Украины; Дмитров, кроме лука и чеснока, выращивал для продажи капусту, огурцы, отчасти мяту; Муром специализировался на огуречных семенах и т. д. Все эти культуры сами по себе гораздо более трудоемки, чем посевы зерновых хлебов. Но сверх того с ними связываются и др. операции. Садоводство и огородничество обычно сопровождаются торговлей в развоз, благо продукция большею частью не скоро портящаяся. В районах больших посевов льна и конопли у крестьян обычно выростали трепальни промышленного характера; шире, с расчетом на рынок, развивалось пряденье и ткачество.

С другой стороны, в центральном районе нередко встречаем ломки камня для доставки в город, жженье извести, иногда заготовку кирпича, часто рубку дров для рынка, заготовку строевого леса и т. д. Широко развит был разнохарактерный отход на работы, главным образом в города, особенно в Москву и Петербург. Наконец, очень распространенным занятием является извоз, особенно в многолюдных семьях, а в селениях по трактам — содержание постоялых дворов.

Эти два последние промысла целиком связаны с громадным — по тогдашним масштабам — торговым движением в центральном районе. К одной Москве сходилось или от нее расходилось по крайней мере полтора десятка торговых дорог: старая дорога на север к Белому морю через Ростов — Ярославль — Вологду, Владимирская дорога к Нижнему, а далее в Казань и Сибирь, дорога на Муром к Средней Волге и далее на Яик, Коломенская дорога, шедшая далее на Саратов и Астрахань; через Серпухов — Тулу и Боровск — Калугу столица связывалась с Украиной, через Можайск и Смоленск с западной границей; путь Клин — Тверь — Новгород вел к Петербургу, и т. д. А кроме Москвы каждый крупный торговый центр, в роде Ярославля, Нижнего, Тулы, Калуги и пр., являлся сам узлом дорог, шедших в различных направлениях и в конце-концов оплетавших центральный район частой сетью грунтовых путей. В помощь им летом служили реки, и прежде всего Волга и Ока, а кроме того и более мелкие речки, по которым хотя бы сплавом шли суда и плоты.

Развитие интенсивных отраслей земледельческого хозяйства, рост неземледельческих занятий, широкое движение в извоз и отход показывают, что в деревнях центрального района было немало свободных рабочих рук, не находивших дела дома у земли в старом трехпольном зерновом хозяйстве. Надо сказать сильнее. К 1760-м годам в центре определенно ощущалась перенаселенность, — конечно, перенаселенность в условиях тогдашней системы хозяй-

ства и тогдашнего общественного склада.

Количество земли, находившейся в пользовании крестьян, почти повсюду очень отставало от того, сколько считалось тогда нормальным для занятия рук крестьянской семьи и для обеспечения ее потребностей. Не поглощали выраставшего избытка рук и разнообразные, как мы видели, использования их в хозяйстве и домашнем обиходе барина. В извозе, а особенно в разных видах отходов очень видную роль играли именно помещичьи крестьяне, добывавшие оброк барину и гроши для подкрепления своих бюджетов. Между тем расширить площадь землепользования было уже очень нелегко. Из разных мест центрального района слышны в 1760-ые годы жалобы на отсутствие свободных, годных для обработки земель. Оставались неиспользованными пространства, которые или требовали больших единовременных мелиоративных работ (болотины, мшарники и пр.), или нуждались в длительном сильном удобрении (глины, пески и под.). Поднять такие земли было не под силу крестьянам; не хотели, а часто и не имели средств эксплоатировать такие участки и помещики; совсем не уделяло этому ни внимания, ни средств правительство. С другой стороны, расчистка леса под пашню совсем уже не шла с тою беззаботностью о будущем, как это было 100 лет назад. «Ничьих» лесов, можно сказать, нет в центре. Со времен Петра I правительство то более, то менее рьяно охраняло казенные леса, главным образом «корабельные» и «мачтовые», и если разрешался въезд в такие леса, то для сбору валежника, для рубки отдельных второ- и третьесортных деревьев на дрова, на постройки, но отнюдь не для вырубки, выкорчевки и распашки под рожь. Очень хорошо оценили стоимость леса и помещики. В середине века и далее идут непрерывные жалобы потребителей на быстро растущую дороговизну дров и строительных материалов. Лес становился очень доходной статьей в хозяйстве. Те же перемышльские и воротынские дворяне, расчеты которых по части доходности земли мы приводили выше, считали, что десятина сосняка или ельника, на которой найдется «от 50 и до 100 токмо дерев, годных к строению и на пилование в доски, из которых выходит из каждого дерева по 2 и по 3 бревна, стоит по крайней мере от 50 до 100 рублей и свыше, кольми же паче должно положить дубовый и прочие тому подобные леса!». Понятно поэтому, что в 1760-х гг. мы слышим настоятельные советы разводить, а не сводить леса; «береженые рощи» — предмет особых забот помещиков, их последний рессурс в случае прогоранья. Поэтому на росчисть будут пускать не имеющие хозяйственного значения кустарники, плохие леса по болотинам. Но это дает мало пользы и для земледелия. Больше, конечно, гибнет «вопчих» лесов, принадлежащих совместно, без размежевания нескольким помещикам или нескольким деревням. Такой лес, наоборот, расхищается: каждый стремится урвать кусок из доходной статьи. Постоянные ссоры, драки, убийства на таких общих владениях не создавали возможности рационально заготовить тут пашню и правильно и спокойно ее эксплоатировать. Но со времени начала «генерального межевания» (в 1750-х гг.), по крайней мере, часть таких лесов получила определенных хозяев, начавших более зорко охранять свое достояние. Говоря это, я не хочу утверждать, что росчисть леса под пашню совсем остановилась в центральном районе. Я хочу сказать, что явление это утратило черты массовости, захватывало все меньше и меньше простран-

ства и совсем не разрешало земельного утеснения. Таким образом не только природные условия, но и социальные отношения стояли поперек дороги крестьянам в их желании увеличить свое землепользование даже и тяжелым трудом сведения лесов. Нечего и говорить, что простой захват культурных земель был бы возможен только при революции. Так крепостной строй как раз в то время, когда он достигал своего максимального развития, становился уже тормозом на пути экономического развития страны. Выходов из тупика искали пока в пределах той же системы отношений. Один путь вел к более трудоемким отраслям или формам хозяйства, к сочетанию с земледелием иных видов производства. Другим видом разрешения вопроса с 1760-х гг., и чем далее, тем интенсивнее, пробовали сделать переселение излишков крестьян (и помещичьих и казенных) в новые, более свободные места. Вот почему приобретение и освоение новых районов становилось такой настоятельной необходимостью помещичьего государства (мы увидим позже, что с этим хорошо сочетались и интересы купеческого капитала), и энергичная внешняя политика после лет затишья и накопления сил стала в порядок дня.

При наличии достаточного количества рабочих рук в центральном районе весьма энергично развертывалось в середине XVIII в. промышленное строительство. Здесь же были готовы для этого и другие условия. Центр, особенно Москва, был издавна местом накопления капиталов, собираемых разнообразными путями (торговлей, откупами и поставками в казну, ростовщичеством по отношению желавших жить на широкую ногу дворян и прожигавших жизнь офицеров из разных классов). Здесь под рукой для многих отраслей промышленности было сырье. Тут же сосредоточивались главнейшие центры потребления или распределения по всему государству (особенно Москва, ярмарки) продукции этой промышленности, по рекам — более громоздкой и дешевой, на обратных подводах, привозивших разные продукты в центр, — более дорогой и более портативной.

Из отраслей промышленности, использовавших местное сырье, остановимся прежде всего на металлургии. Не центру, а Уралу принадлежит в этом отношении определяющая роль, но и железная продукция центра имела крупное значение. Здесь, в старейшем районе доменного производства, в тульско-калужских местах, действовало к 1754 г. 19 чугуно-литейных и железоделательных вододействующих заводов. В заботах об обеспечении старой столицы (все дорожавшими) дровами и строительными материалами и судостроения при Гжатской пристани (будущий г. Гжатск) необходимым лесом, в этом году велено было закрыть все огнедействующие заводы в районе на 200 верст от Москвы и Гжатской пристани во все стороны. В результате этого в старой округе черной металлургии уцелело только 10 заводов, да в 1756 г. построен был еще один новый. Но и это, конечно, достаточно мощная группа. Восточнее, в рязанских местах, у устьев Прони, в середине XVIII в. видим 4 таких же завода. Ниже, по Оке, до середины века работал старый доменный и молотовый Колпинский (по р. Колпи), или Карачаровский завод, но потом затих навсегда. Зато с 1754 г. в районе р. Гуся начинал строительство заводов знаменитый Родион Баташев, успевший до 1760 г. поставить здесь два крупных доменных и молотовых завода — Унженский и Гусевский. Наконец, на северо-западе до средины века дожили три более мелких предприятия в Зубцов-

ском и Новоторжском уу.; к 1760 г. их уже не было (два ликвидированы в силу указа 1754 г.). Таким образом, почти 25 заводов до 1754 г., гл. обр. в районах Тулы — Калуги, и 17 заводов в трех районах на юге и юго-востоке к 1760-му г. — вот результаты строительства металлургии. При чем убыль надо поставить всецело за счет административного вмешательства власти. Тот же указ сказался и на судьбах стекольной и хрустальной промышленности в центре. К 1762 г. знаем в разных пунктах, удаленных более чем на 200 верст от Москвы, всего 5—6 заводов, составлявших четверть всего количества предприятий этой отрасли.

Гораздо значительнее роль центрального района в ткацкой промышленности. Со времен Петра утвердились здесь льно- и коноплеткацкие мануфактуры (полотняные и парусные). Из 65 предприятий, состоявших на учете к 1762 г., 57 находилось в центральном районе. При чем на юге от Москвы, в Серпухове, в Калуге и ее районе и др. местах, сосредоточены парусные фабрики, использовавшие волокно конопли, а в центре — в Москве и ее округе и севернее Москвы, в Ярославле, Костроме, также во владимирских местах — разместились полотняные, изготовлявшие льняные ткани.

Суконная промышленность не могла уже довольствоваться местным сырьем, а получала шерсть гл. обр. с юга и юго-востока. Но так как суконные фабрики почти исключительно работали в ту пору на армию, то поставка продукции проводилась в криг-комиссариат и его органы в местах сосредоточения крупных военных сил. Но едва ли не более промышленность эта тяготела к центру, как к району сосредоточения капиталов и опытной в ткачестве рабочей силы. Во всяком случае почти две трети суконных предприятий, известных в 1762 г. (30 из 46—47), находились в центральном районе, преимущественно в самой Москве.

Тяготение к Москве, как центру сбыта, сильно сказывалось и в шелко-ткацком производстве. Более двух третей мануфактур, действовавших в 1761 г., сосредоточено в центральном районе, гл. обр. в Москве и ее округе (26 предприятий) и в Ярославле (4), а всего их было 41. В ближайшем же подмосковном районе успело сложиться и располагавшее «большим числом» станов мелкое крестьянское ткачество лент и дешевых платков. В этом отношении Москву превосходила одна только Астрахань с ее старым, с XVII в. начавшимся, шелкоткачеством в формах мелкого домашнего производства. В Москве же зародилось в форме мануфактуры в 1750-х гг. также пришедшее с востока через Астрахань, где оно жило опять-таки в виде мелкого домашнего, производство хлопчатобумажных тканей.

Кроме того, знаем в центральном районе главную по численности в стране группу писчебумажных мануфактур, рассыпанную отдельными предприятиями в ряде пунктов (Ярославль, Углич, Малоярослав. у. и др.), ряд канатных заводов, лесопильных мельниц, разных более мелких предприятий химической промышленности и т. д. Стоит отметить довольно развитую и работавшую гл. обр. на привозном уральском металле металлообрабатывающую промышленность, расположившуюся преимущественно на путях движения железа и меди к Петербургу (по Волге и Вышневолоцкой системе) и к Москве (Волга — Ока — Москва-река или Волга и сухопутная дорога от Нижнего). Кроме Москвы, в этом отношении стоят упоминания: с. Павлово, поставлявшее замки, ножи и др. изделья на всю Р., Ярославль, Углич, Тверь

и Норская слобода (в 10 верстах от Ярославля) на севере, Тула и Одоев на юге.

Мы, конечно, перечислили здесь не все отрасли производства, отметили не все промышленные пункты. Но из этого беглого обзора можно видеть, как прочно вошла в жизнь района, какое видное место заняла в нем обрабатывающая промышленность. Она не только требовала многих тысяч рабочих, не только широко пользовала транспорт для подвоза сырья и отправки продукции, не только создавала движение в торговом обороте своим потреблением и своими поставками. Она связывалась и с жизнью мелкого производителя, скупая его полуфабрикат (напр., пряжу, золу и пр.) и готовые изделья (веревки, берда и т. д.) или давая ему заказы (по той же пряже, по изготовлению суровья для сукон и т. д.). Она, давая обучение новой технике, создавала новые отрасли мелкого производства (напр., шелкоткацкое). Словом, влияние ее сказывалось многообразно в жизни района. А кроме того, к центральному району в особенно сильной степени относится то, что сказано выше о росте разных видов домашней промышленности, все более и более работавшей на рынок.

Северный край менее других районов изменил свою физиономию. Он располагался в пределах тогдашней Архангелогородской губ., без Галицкой провинции ее, но с включением Каргопольского у. Новгор. губ. Суровые природные условия искони направили здесь силы населения гл. обр. на промыслы. По показаниям середины XVIII в. во многих, конечно наиболее северных, местах совсем не сеялось хлеба. И потому понятно, что требования петровской поры и особенно искусственные препоны архангелогородской морской торговле, подрывавшие основной нерв края, имели результатом сокращение здесь населения, искавшего лучшей жизни в обычном для себя направлении, — на востоке, в пределах Урала и Сибири. Восстановление торговой роли Архангельска должно было, естественно, вновь оживотворить район. Вдобавок к старым путям с юга на север, к Белому морю, уже проторена теперь дорога с Вятки на р. Сысолу к г. Яренску, по которой частью гужом, а большею частью по воде направляли хлеб и др. продукты Вятского края. Наоборот, дороги в Сибирь понемногу утрачивали свое значение, так как движение товаров из центра в Сибирь и из Сибири в центр шло теперь гл. обр. по более южным путям. Поэтому теперь в еще большей степени, чем раньше, оседлое русское население сосредоточивалось в западной части Северного края, особенно в бассейне Сев. Двины и Онеги. Всего этого населения третья ревизия насчитала около 350.000. Сколько было туземного населения, объекта безжалостной эксплоатации торгашей и администрации, нельзя сказать даже и приблизительно. Характерно, что и в середине XVIII в. продолжали еще существовать «лопские» (т.-е. лопарские) «двоеданские» погосты, платившие кроме подати в русскую казну еще и «королевско-датскую дань сухою рыбою-трескою».

Как и сто лет назад, северный край продолжал оставаться в основном крестьянской страной. Только на юге, в Вологодской провинции, все более оседало дворянство. К 1770-м гг. в этой громадной провинции уже числилось свыше полуторы тысячи помещиков, из которых 1.100 владели в пределах до 30 душ каждый. Сосредоточены они в юго-зап. углу этой провинции, где и создалась в середине XVIII в., пожалуй, типическая картина помещичьего края. Здесь же и средоточие земледель-

ческого хозяйства, даже с избытками зерновых, с заметной ролью в засевах льна, хотя, по уверениям одного из местных хозяев, он сеется крестьянами только для собственных нужд, помещиками, очевидно, — для рынка.

Монастырское хозяйство и в этом крае, как и везде в государстве, было уже на линии упадка. И типическим для Поморья (кроме названной части Вологодской провинции) оставалось крестьянское «вольное» хозяйство, промысловое и скотоводческое, с малыми сравнительно посевами хлебов, в обстановке лядинной системы. Холмогорская порода коров в славе по своей удойности: их закупают для разных мест и для столиц. Процесс расслоения крестьянской массы продолжал итти вперед. Количество «половников», сидевших на чужой земле, росло, как росло и число работников на чужих промыслах, рыбных, солеварных и зверобойных, при чем последние поставкой ворвани внутрь страны и за границу имели общегосударственное значение.

Те же явления еще сильнее идут в городской обстановке. И наличие свободных рабочих рук позволяет в крупных центрах создавать мануфактуры. Они сосредоточены там, где в прошлые времена скоплялись торговыми оборотами более или менее крупные капиталы. И ими теперь строятся заводы и фабрики, работающие, можно сказать, исключительно вольно-наемным трудом. В Архангельске и его окрестностях вся крупная промышленность направлена на удовлетворение потребностей главнейшего на всем севере порта. Здесь к началу 1760-х гг.—две верфи, строящие морские суда, 4 пильных мельницы, работающие прежде всего для удовлетворения требований верфей, а затем на сбыт в Европу, и 8 канатных заводов, поставляющих гл. обр. морские канаты и веревки для снастей. Другой крупнейший пункт края — Вологда — точно так же обзавелся рядом промышленных предприятий, но их задача — обслуживание потребителя на тех торговых путях, особенно северном и северо-восточном, которые сходились в Вологде. В ней и ее районе, радиусом верст 25, знаем в начале 1760-х гг.: мелкие мануфактуры — красочную, мишурную и сургучную, купца Желвунцова и более крупные предприятия купцов Туронтаевских — шелкоткацкую фабрику, две связанные прозводственным процессом бумажные мельницы и сургучное заведение. Для обслуживания этих предприятий Туронтаевские завели и пильную мельницу. Две другие лесопилки — местных архиерея и Прилуцкого монастыря—давали продукцию и на рынок. Третий главный торговый центр—Великий Устюг — по-прежнему больше всего занят торговлей в разных направлениях: его купцы отвозят в Сибирь холсты, сукна, обувь и вывозят оттуда китайские товары; через него идут товары из центра и Вологодского края к Архангельскому порту и от моря иноземные товары внутрь Р. В нем отмечают только разные мелкие мастерские — литейные, изготовляющие колокола и паникадила, серебряные, дающие знаменитые черненые по серебру изделья, мелкие кожевенные заводы и пр. В его уезде, на речке Ковде, в Чушевицкой волости — небольшой железоделательный завод, работающий на местную потребу. Более значительные три чугуно-литейные и железоделательные завода были сооружены в 1756—1758 гг. в Яренском у., в бассейне Сысолы. Их продукция расходилась широко по северному краю с использованием для ее отправки рек Сысолы, Вычегды и Сев. Двины вплоть до Архангельска. Промысловое значение Тотьмы и Соли-Вычегодской в отношении солеварения, как уже отме-

чено раньше, ослабело. Выварка соли, проводимая к началу 1760-х годов в 6 районах Поморья, давала всего до 400 тыс. пудов продукции, которою обеспечивались потребности края.

Соль-Вычегодская держалась своей торговлей, расширившейся с установлением пути к Архангельску с Вятки, проходившего именно через Соль-Вычегодскую.

Таким образом, и на севере мы констатируем сдвиги в сторону развития промышленности и торговли и — в связи с этим и в зависимости от усиления роли помещичьего землевладения и роли денег в основных промыслах населения — сдвиги в отношении еще более значительной, чем ранее, дифференциации в массе населения. Но в основном Поморье сохранило свою социально-экономическую природу, оставшись краем черносошного промыслового крестьянства прежде всего.

Завоевания Петра и приращения в результате русско-шведского столкновения в 1741—1742 гг. (см. *войны Р.*) сильно увеличили территорию *Северо-западного края* далеко за Выборг в Финляндии и до устья Зап. Двины включительно к югу от Финского залива. Но теперь эта область стала даже более цельной, более внутренне-связанной. Вся ее устремленность направлена к Балтийскому морю, ее хозяйство, его успехи и заминки в значительной мере теперь определялись состоянием балтийской торговли.

Край этот и с включением новых территорий оставался по преимуществу страной леса и воды (в виде массы озер, громадных болот и множества рек и речек). Только южная часть (не доходя Торопца и Великих Лук, которые правильнее причислить к Западному краю) имела больше открытых для земледелия пространств. Сельское хозяйство только в Псковской провинции и из новоприсоединенных мест гл. обр. в Лифляндии обеспечивало продовольственные требования населения, как раз здесь наиболее сгущенно разместившегося, но занимались им всюду, хотя и не везде даже климатические условия ему благоприятствовали. Бедные почвы плохо родили без удобрения. На севере, в Олонецком крае, стране сплошных громадных лесов, эту задачу решали широкой практикой лядинной системы с частой меной участков. На юге, при малых площадях леса, давно держались трехполья и старались поддерживать плодородие почвы внесением в нее навоза; но за недостатком хороших кормов, держать много скота не могли, да и вообще-то в этом крае скотоводство стояло у грани потребительской, и большой по-тогдашнему в отношении количества жителей и по их составу (двор, знать, иностранцы в большом числе), требовательный к мясу Петербург снабжался скотом гоном с юга, из Украины, и с юго-востока, из казацких и калмыцких мест. В центральных частях земледелие старались двигать комбинацией обоих приемов: в Петербургской губ. (бывшей Ингерманландии, или Ингрии) на ряду с унаваживанием запускали участки до того, что они зарастали кустарником, а потом вырубали и жгли последний для удобрения; так же и в Лифляндии, хозяйство которой считалось передовым, и унаваживали поля, и жгли кустарники и кубыши. И все же земледелие с злаками — почти исключительно рожь, ячмень, овес — кормило плохо, а то и не кормило. Вот почему, например, по Свири оно заняло второстепенное положение, стало уделом сидящих дома «баб», а мужики больше всего заняты более способным кормить и более доходным рыболовством. Вот почему в Псковском крае и в Лифляндии, где особенно удавались льны («псковский долгунец», «мариенбургский лен»), по новям, специально

для того запущенным, и после ячменя на очищенном от кустарника участке сеяли льны, волокна которых и семена (для посевов) шли, можно сказать, нарасхват и внутрь страны и за море. В лесных районах на удобных путях сообщения искали приработка к земледелию или делали главным занятием лесные промыслы. На севере Онежья не без успеха зверовали. Кустарные промыслы не были в особом распространении. Кроме некоторых мест Заонежья и района Устюжны Железопольской с старинным, еще не убитым железным делом (в ручных доменках, без плавки чугуна), назвать в сущности нечего.

Жила основная масса крестьянского населения бедно. И здесь сказывались не одни природные условия. Псковские и новгородские места — старинный район помещиков. Крепостные составляли здесь 60% ревизского населения; особенно высок был процент крепостных в Псковской провинции, и если рядом с ней не стоит Новгородская, то, очевидно, потому, что в нее включался тогда Олонецкий уезд, почти сплошь населенный черносошным крестьянством. И притом помещики здесь были почти исключительно мелкопоместные, очень часто особенно жадные эксплоататоры своих крестьян и во всяком случае не имевшие запасных средств помогать крестьянам в годины бед, нередких в крае с такими природными данными. В Эстляндии и Лифляндии эсты и латыши были во власти немецких баронов-завоевателей, сохранявших старый взгляд на своих подданных как на низшую породу людей, которые могут жить и в скотских условиях. Аналогичное положение было и в Выборгской губ., где финны были в крепостной зависимости от завоевателей шведов. В новозавоеванной Ингерманландии быстро насаждалось русское дворянство; оно забрало в свои руки и живших здесь исстари финнов, которых обозвали поносным прозвищем «чухна», и переселяло сюда русских мужиков, гл. обр. из имений центрального района. Здесь помещиками часто были представители богатой знати, которые, казалось бы, могли помочь сносно устроиться и новопоселенцам и старинным жителям — своим подданным. Но знать под Петербургом в большинстве случаев и не думала устраивать доходных хозяйств, а создавала или «увеселительные» мызы, или хозяйства для обеспечения чем можно, по местным условиям, петербургского дома, и на крестьян смотрела только как на рабочие руки, которым давали тут же болота под пашню, чтобы они кормились сами. К тому же и казенные повинности крестьян здесь бывали очень обременительны или прямо разорительны. Так, все сельское население Петербургской губ. обязано было обеспечивать фуражом (сеном и овсом) конную лейб-гвардию и содержать ямских лошадей на очень проезжей дороге к Москве. На крестьян Псковской провинции также (при Анне) была возложена повинность давать фураж для поставленных в Пскове лошадей, при чем цены для зачета в подушные были установлены в полтора-два раза ниже рыночных. В Олонецком крае, где крестьяне, кроме самой южной полосы, совсем не знали помещика, было другое зло, выматывавшее силы крестьянина на сторону, — это принудительная работа на казенных заводах большой части уезда.

Неутешительную картину дает здесь и город. Ни в одном районе тогдашней Р. не было такого количества городов, жители которых «упражнялись в одной черной работе» или в которых, кроме церковников и немногих крестьян, никого не жило. Да и более крупные города края, кроме портовых, даже Псков и Новгород, влачили довольно жалкое

существование. Небольшие капиталы старались пустить в такой оборот, где бы они быстрее и безопаснее вернулись к хозяину, в торговлю, и при том такую, что даже местную славу — лен — не отправляли сами за границу (это хлопотно, требует вложения больших средств и на более долгий срок), а сбывали в лучшем случае в русских портах иностранцам, а то и на месте по мелочам собранные в деревнях партии — более крупным, не всегда местным скупщикам. В главном центре края — Петербурге — всецело господствовал иностранный капитал. Русское купечество, когда-то насильственно переброшенное Петром на невские берега или теперь добровольно переселявшееся в северную столицу, только еще начинало оперяться. В Петербурге и в других портах сильно орудовало не местное купечество, а сами поставщики к портам разных товаров. И между основными пунктами заграничной торговли замечается известная специализация. Выборг отпускал почти исключительно лес, лесные строительные материалы и смолу; в Петербурге сосредоточен весь экспорт уральского железа и русского полотна, и через столицу же, гл. обр., получались европейские товары; Нарва имела дела с лесом и псковским льном; Ревель слал на иностранных кораблях немного хлеба (местного) и льна, Пернов — преимущественно лес, а в очень крупных оборотах Риги, пожалуй, главную роль играли в эту пору товары Польско-Литовского государства и ввоз для него же, а затем местные льны и в меньшей мере русские продукты.

При этих условиях понятно, что промышленность в крупных формах развита была в Сев.-зап. крае относительно очень слабо. Показательно уже, что на базе псковского льна на его родине не создалось ни одной полотняной мануфактуры, что крупный торговый город — Рига не имеет мануфактур (волочильная для золота и серебра мастерская, конечно, не в счет). Обслуживанье экспорта являлось делом пильных мельниц у Нарвы и Выборга и на более обширном радиусе по речным путям около Петербурга; впрочем, здесь лесопилки работали и на потребности все время строящейся столицы. Вот эта крупная роль лесоэкспортных операций и была причиной новых заминок и, вероятно, крахов, когда в 1755 г., в связи с «заботами» императрицы (тут ей принадлежала вся инициатива) об удешевлении дров для столицы, отпуск леса из Р. был запрещен. С экспортом связаны в значительной мере кожевенные мануфактуры в Петербурге (тут их десятка полтора-два); отправками за границу и спросом порта живут и канатные заводы — опять в Петербурге (до десятка). Стоят упоминания стеклянные заводы в Олонецком и Новгородском уу. по одному и казенный верстах в 80 от Петербурга на Назье, но нужно иметь в виду, что то же опасение еще выше поднять цену дров привело к запрету огнедействующих заводов в довольно обширном районе вокруг столицы. Нужно назвать еще ситцевую фабрику англичан Ричарда и Козенса, созданную под Шлиссельбургом в 1753 г. Типичны для столицы изготовлявшие рафинад из ввозного песку сахарные заводы (три к 1760-м годам), шляпные, позументные, волочильные, сургучные и пр. скорее мастерские, чем мануфактуры. Но большинство столичных предприятий должно было испытывать немалые затруднения в связи с введением фискального тарифа 1757 г. и сокращением торговли в годы Семилетней войны.

Мы до сих пор оставили в стороне металлургию и металлообработку, а они имели немалое значение на общем небогатом промышленном фоне

края. Однако, их создание было, гл. обр., делом казны и при том в предшествующие годы. Таковы арсенал в Петербурге и Сестрорецкий оружейный завод, созданные еще при Петре; таковы и Петровский и Кончезерский доменные заводы, также при нем основанные у западных берегов Онежского озера. Общий хозяйственный подъем 1750 гг., возросший спрос на железо внутри страны и, может быть, соблазн хорошей конъюнктурой для русского железа в Европе привели к устройству в 1751—1758 гг. петербургскими и местными купцами 4 небольших железных заводов в Олонецком крае и к попытке возобновления в частных руках Тырницкого завода в бассейне Шексны. Но и эти опыты оказались не очень долговечными.

Так торговый оборот, при том большею частью не местными товарами и часто не местных капиталистов, является основной чертой Северо-западного района с точки зрения государственного целого.

С запада к центральному району прилегала небольшая тогдашняя Смоленская губ., которая с присоединением к ней однородной по складу и условиям жизни Великолуцкой провинции Новгор. губ. составляла особый *Западный район*. В жизни его большую роль играли военные обстоятельства. Вплоть до первой четверти XVIII стол. постоянные опасения войны или прямые и длительные военные операции сильно мешали прочности хозяйственного уклада, а войны, даже в случае передвижения по территории только своей армии, не говоря уже о вторжении вражеской, были настоящими катастрофами для местного населения. И только со второй половины царствования Петра, когда Российская империя взяла окончательный верх над Речью Посполитой, когда русская власть начала ставить в Польше желательных себе королей и подчас хозяйничать в соседнем государстве, как на собственной территории, лишь тогда в Западном крае стали складываться более нормальные условия для хозяйства. Впрочем, пограничное положение еще заставляло себя сильно чувствовать, как увидим ниже, и в 1760 гг.

Смоленщина, как и новгородско-псковские места, была районом старинного и в значительной части также мелкого и среднего помещичьего землевладения. Почти восемь десятых сельского населения (79% всего ревизского) к середине XVIII в. находилось в крепостной неволе. Природные условия края не отличались какими-нибудь особыми дарами. Естественные богатства уже давно были в достаточной мере вычерпаны. Не были, правда, еще вырублены дремучие в некоторых частях леса, но и они мало давали ценной пушнины, а древесину, по отсутствию прямых и дешевых бесперегрузочных путей, некуда было пустить на требующие ее рынки: в направлении на юг, к безлесной Украине, куда удобно было бы спускать плоты по Днепру, победоносным конкурентом для смоленского верховья были леса по среднему Днепру, по нижней Десне. И волей-неволей население здесь, на почвах совсем небогатых, вело земледелие. Один из дворянских наказов 1767 г. (вяземский), несомненно преувеличивая роль этой отрасли хозяйства, решался даже говорить, что здесь «помещики только имеют доход от работ своих крестьян в хлебопашестве». Данные того же наказа вносят существенные поправки в это утверждение, но факт первостепенной роли в хозяйстве именно земледелия не подлежит сомнению. «Крестьянские хлеба»—рожь и овес—были здесь главными культурами поля, кое-где давали избыток против потребления, поглощаемый виноку-

ренными заводами и выбрасываемый на рынок. В большей мере на сбыт рассчитаны засевы технических растений, при чем, в отличие, напр., от второй пол. XIX в., в крае главную роль играл не лен, а конопля. (Все местные наказы говорят только о пеньке, и лишь вяземские на втором плане упоминают лен). И роль их прекрасно оценивали дворяне. Надо сказать, что постоянно, частью поневоле, а частью и по воле соприкасаясь с заграницей (Польшей) и такими окраинами, как Эстляндия и Лифляндия, смоленские помещики, несмотря на свою бедность, отличались наибольшими склонностями к культуре (они определенно писали об организации школ; едва ли случайно и в начале XIX в. из смоленских дворян вышло немало декабристов), к новым видам хозяйствования. Они, пожалуй, сильнее, чем где-либо в другом месте, втянуты в денежный оборот. Нуждаясь в деньгах, они готовы пойти на передачу в аренду своих имений, хотя бы далеких от глаз, купцам (под формой заведения фабрик), и просят в 1767 г. на то дозволения, ссылаясь на такие права остзейских баронов. Сделать деньги из пеньки (и льна) было легче всего. И они не только пускали на рынок продукцию своей запашки, но, как свидетельствовали недовольные их поведением купцы, запрещали «всем своим крестьянам их крестьянскую пеньку и лен продавать» купцам, а брали за себя «низкою ценою» или же входили в сделку с определенными скупщиками и только им, конечно не даром, разрешали разъезжать для скупки разных товаров по своим деревням. Таким образом эти помещики не только являлись эксплоататорами крестьянского труда, но и старались нажиться на своих крестьянах в качестве торговцев-посредников. Результаты этого должны быть ясны. Крестьяне жили и без того небогато. Несильные, давно эксплоатируемые почвы, малое количество земли (на небольшой сравнительно территории края числилось около 330.000 душ одного ревизского населения), отсутствие доходных сторонних промыслов и так приводили крестьян в бедственное положение. А тут еще изобретательная эксплоатация господ. И соблазняемые «вольною» жизнью в Речи Посполитой или обещаниями льгот со стороны тамошних помещиков, крестьяне уходили за рубеж, благо до него из некоторых мест было рукой подать, а в лесных пространствах не все пути и тропинки были закрыты военными дозорами. Кажется, действительно нигде в Р. это бегство не достигало таких размеров, как в Западном крае. Помещики, констатируя это и прося правительство о более активном вмешательстве, старались объяснить бегство тяжестью подушной подати и натуральных повинностей, боязнью рекрутчины (конечно, все послабления в этих направлениях были бы на руку помещикам), но уже то, что они сообщают о возвратах беглецов иногда со специальной целью мести барину, иногда для увода от него своей семьи, родных, приятелей и пр., говорит за то, что первопричиной бегства было крепостничество и усиленная эксплоатация. Во всяком случае, требования помещиков и ущерб для государства от бегства плательщиков и рабочей силы были причиной и поводом для дальнейших нажимов императорской Р. на Польшу до разделов последней.

Пограничность района, заставлявшая держать здесь сравнительно много войска, давала и другие тяготы населению в виде постоев, снабжения армии провиантом и фуражом, в форме бесплатной вырубки военными лесов, чьи бы они ни были. И на это жаловались дворяне, единодушны с ними в этом были купцы. И отсюда

выводом было перенести границу далее на запад.

Неблагоприятно пограничное положение отражалось и на торговле. Правда, тут был и свой плюс: в торговом обороте с Польшей местное купечество, почти исключительно вяземское, торопецкое и более всех смоленское (остальные три города были немощны экономически) имело самое большое участие. Но главное направление внешней торговли края было к Рижскому порту. Туда вязьмичи и смольняне слали пеньку, лен, кожи, сало, частью хлеб. Путь начинался от Бельской и Поречской пристаней, а для южной части края — Днепром, с которого волоком нужно было доставить товары к пристаням бассейна Зап. Двины. Значительная часть пути шла в пределах Польши. И вот тут польская казна и польские помещики старались не упустить своих выгод, и эти сборы и поборы делали отправку в Ригу смоленских товаров и дорогой и хлопотной. Значит, и в интересах развития торговли, а с нею и вообще хозяйства края правительство должно было дать местным продуктам свободный путь до Рижского залива. А этого достигнуть можно было только новыми территориальными захватами, минимум по Двину.

Пока, таким образом, край или, точнее говоря, помещики и купечество Смоленщины, только лет 40 пользовавшиеся сравнительно лучшими условиями хозяйствования, не могли развернуть его в меру своих аппетитов. Тем более, что им хотелось лучшего без принесения жертв с их стороны. Все должна сделать власть. Казна же должна предоставить им средства для расширения оборотов через организацию банков.

Очевидно, сравнительная скудость свободных средств объясняет малую развитость крупной промышленности. Мы знаем о мелком домашнем крестьянском производстве; в частности, здесь особенно, в пределах Великороссии, источники выдвигают крестьянские сукновальни, являвшиеся часто придатками хлебных мельниц, слышим о желании завести кожевенные, мыльные и др. заводы. Но пока вся промышленность представлена чулочной мастерской, стеклянным заводом, шляпной мануфактурой, писчебумажной мельницей; даже использование пеньки проводилось только на одной парусной мануфактуре, да на другую в 1761 г. был получен «дозволительный» указ. И это, кажется, исчерпывающий список.

Так рисуется к началу 1760 гг. Западный край, не богатый, не развернувший еще в полной мере и данных ему возможностей.

На юге и на востоке от центра экономические районы располагались иначе, чем в рассмотренных доселе направлениях. Сначала от Днепра до Волги, с захватом низовьев Камы и почти всего бассейна Вятки, идет *черноземная* почти всюду, *земледельческая* и на втором плане промышленная полоса. А далее идет до границ государства на юге и юго-востоке (в пределах Европы). *промысловая* и *скотоводческая* полоса. Граница между ними пройдет прямо от Киева по северным граням полтавщины и харьковщины, далее она поднимется на север, огибая землю донских казаков и отрезая небольшую часть Воронежской губ., и от устьев Вороны направится к Волге, севернее Саратова, на Малыковку (позднее Вольск). Поднявшись еще раз на север, теперь по Волге, эта граница от Симбирска ляжет в Заволжье почти прямой к устью Белой, а от него также прямой на верховья Вятки, где и сомкнется с пределами северного Поморья. Кроме того, на востоке надо будет выделить промышленный средний и южный *Урал*, а за ними особо надо говорить о

Сибири. При таких рамках старое административное деление, к которому приурочены кое-какие цифровые показатели, в частности о населении, оказывается резко нарушенным. Характеристику придется вести, применяясь к требованиям экономического районирования, и несколько суммарнее, чем это было сделано доселе. Но, с другой стороны, намеченные нами полосы столь велики, что не были, конечно, совершенно однородными, и в них придется, хотя бы грубо, наметить некоторые части и указать их особенности.

В земледельческой полосе, начиная с запада, прежде всего встречаемся с *Украиной*. Ее хозяйство со времен Петра не могло развиваться нормально. С одной стороны, мерами правительства суживались или ликвидировались ее торговля и промышленные заведения, чтобы они не были конкурентами российских собратий; Украину намеренно свели на положение сырьевого добавления к Р. В этих же целях сюда направлялись стада мериносов, улучшивших и местную породу, семена табака, скоро разросшиеся в хорошие плантации, и пр. В эпоху «террора» — при Анне — вдобавок вырывалось немало хозяев, налагались большие реквизиции в связи с военными операциями. Легче в этих отношениях стало только с 40-х и особенно с 50-х годов, когда восстановлением гетманства (*см.* XIV, 460/61) начата «эра» большого внимания к Украине. С другой стороны, с Петра же началось вторжение в богатый край русского помещика в форме официальных пожалований, самовольных захватов или временных использований должностных «маетностей» назначаемыми на эти посты русскими людьми. Этот процесс продолжался и при Елизавете, особенно щедро наделявшей землею на Украине русскую знать. При чем новые владельцы, часто выскочки и «припадочные персоны», не могли чувствовать себя прочно и вели хозяйство хищнически. На ряду с этим, уже в общем согласии и старых украинских и новых российских помещиков, энергично ковались крепостные цепи для сельских низов, и формальное завершение процесса было уже не за горами.

В этих условиях Украина не давала всего, что могла бы дать по своим природным условиям и при иной социальной обстановке. И все же славилась украинская пшеница, шедшая в центры; все шире завоевывали русских потребителей украинские табаки; очень одобряли и торговцы и промышленники стародубскую, вообще черниговскую пеньку, широко потреблялись фрукты. Гнался на снабжение, прежде всего столиц, украинский скот, везли лучшую, чем от великороссийских овец, шерсть на суконные фабрики. Из предметов обрабатывающей промышленности ставили на русские заводы вываривавшуюся там селитру, скупали украинские коврики домашней выделки крестьян и кое-что еще. Для собственного потребления района гнали деготь и севернее — смолу, курили свободно вино, в мелких «руднях» на Черниговщине вручную выковывала плоховатое железо, кое-где в мелких «гутах» варили стекло. Были и некоторые другие мелкие промышленные мастерские. Из более крупных предприятий стоят упоминания Шостенский пороховой завод недалеко от Глухова, Путивльская и Рясковская (в Придуцком районе) суконные фабрики, Топальская полотняная мануфактура и такая же в Почепе, переведенная в середине 1750-х гг. в Трубчевский уезд, в Великороссию. Как видим, все предприятия обслуживались местным сырьем. И характерно, что создавались они не украинским капиталом, а казною или российскими предпринимателями. Про-

мышленными изделиями Украина больше снабжалась из Великороссии.

Таким образом, при помощи ряда мероприятий Украина, сто лет назад стоявшая впереди Великороссии по степени развития хозяйства, превращена в колониальное добавление к империи.

Русский земледельческий юг, раздробленный административно между Белгородской и Воронежской губ., был тем районом, энергичное заселение которого как раз проводилось 100 лет назад. Теперь здесь числилось около 1 млн. душ ревизского населения. Нельзя сказать, чтобы колонизация была закончена и в середине XVIII века. Еще не мало было здесь свободных степей, еще в очень и очень многих местах жители позволяли себе роскошь переложной системы, поднимая целину или давно запущенную пашню, главным образом, под пшеницу. Еще продолжался сюда наплыв и вольных беглецов и невольных переселенцев из Руси и Украины, так что во многих местах, поюжнее, рядом лежали села и слободы, здесь в большинстве крупные по населению, разных национальностей. Главный колонизатор края — помещик — нес с собою крепостное право. Но не мог он поглотить старых военных поселенцев, теперь уже давно ненужных в качестве военной силы по охране далеко отодвинувшейся границы и только старым именем (пахотные солдаты, служилые казаки и пр.) да особым видом отбывания военной повинности напоминавших о своем боевом прошлом. Их ряды государственного крестьянства пополнены еще — с обложением подушной — однодворцами, все еще не могшими забыть о своем «дворянском» происхождении и многократно поднимавшими вопрос о своих попранных правах. Почти ровно пополам делилось здесь население на крепостных и «вольных» разных категорий. Так очень пестрым получился здесь и социальный состав населения. И борьба между классами и группами протекала здесь—в обстановке еще растущего, еще не вполне сбжитого края — особенно резко, откровенно-грубо. Процессы расслоения с ростом торговых оборотов, с внедрением промышленности шли здесь опять-таки более открыто. Но во всяком случае этот край не был теперь уже каким-то придатком к Великороссии; это была ее вторая, хотя и не столь цельная национально, часть.

Всюду здесь земледельческое хозяйство—на первом плане. Но из зерновых культур овес почти повсюду, а на юге иногда и рожь, уступали первое место пшенице — наиболее рыночному хлебу, который, при цене нередко в два раза выше ржи, легче мог добраться до потребителя и более удаленных районов. Из технических растений бесспорно царствует конопля, и в некоторых районах (Орловском и Брянском) ее выбрасывают на рынок в больших количествах. Рядом с земледелием — скотоводство, и не только для себя (на еду и для работы), но и на продажу. Удобрение здесь, можно сказать, еще нигде не применяется: земля родит и так. Но запасы соломы, достаточные луга позволяли держать больше скота, и избытки его продавали наезжавшим скупщикам. Разводили не только рогатый скот, но и овец в местах с большими пастбищами (на юге Воронежского края); отсюда предложение шерсти, овчин, сала.

Лесом край в большей части обеспечен был тогда достаточно хорошо, на западе (брянские места) даже с большими запасами, но кое-где, особенно на юге, испытывали нужду в строевых материалах (при тогдашних к ним требованиях: не меньше 4—6 вершков у отруба) и потому бок-о-бок с украинцами стали перенимать их манеру постройки —

плетневые, обмазанные глиною хатки.

Местная рыба большого значения не имеет, и край снабжается в этом отношении с Дона и с Волги. Нет здесь и местной соли. Чтобы избавиться от необходимости чумаковать за ней по степи в Крым, усиленно развивают варницы в Бахмуте и на Торе и доставляют самосадку с Эльтона.

Мы видим, таким образом, что даже земледелие и скотоводство поставлены в крае в расчете на сбыт, что снабжение рыбой, в некоторых местах лесом, не говоря уже о соли, проводится при посредстве рынка. Тем более с ним связана обрабатывающая промышленность. Конечно, и здесь, как и в других местах, крестьянин старался обеспечить свои скромные потребности внутри хозяйства производством семьи. Но часто домашняя промышленность выступала и на рынок, и не только с излишками. В благоприятной обстановке производство развертывалось прямо в расчете на сбыт: например, обработка дерева. В лесистых и связанных с речными путями, ведущими на Дон, районах Воронежского края строились лодки, готовились разные щепные изделия для донских казаков. На Украину были рассчитаны деревообделочные промыслы лесных районов по Десне, откуда сплавляли вниз и самый лес. Колесники, тележники и пр. тоже работали для рынка. Так же обстояло дело с кожей, выделка которой и изготовление изделий сосредоточены в отдельных местах (напр., известен своими кожевниками и чеботарями Болхов). Конечно, на рынок работали мелкие, с примитивным оборудованием передвижные селитроварные заводы, бороздившие здесь по летам степные пространства, и т. д.

Но со времен Петра и особенно в середине XVIII в. в крае выросла и мануфактурная промышленность, использующая местное сырье. Такова целая группа суконных фабрик (пять предприятий) Воронежа и его района, отдельные суконные мануфактуры на других путях подвоза шерсти к центру — в Орле, Салтовском, Путивльском, Белгородском, Брянском, Карачевском уездах; канатные заводы Орла, от которого ежегодно по веснам отправлялись вниз по Оке большие караваны с хлебом, и Брянска — пункта разных отправок на Украину; полотняные мануфактуры в с. Ревнах Трубчевского у. (перенесенная с Украины) и в Болховском у., красочная фабрика в Севске, крупные стеклянные заводы Мальцова в Трубчевском у., бумажная мельница в Брянском у. и нек. др. Особо нужно отметить мощную группу железных заводов в Брянском у. (четыре), такую же группу в районе Липецка и еще четыре доменных завода, разбросанных в Елецком, Трубчевском и Белевском уездах. Кроме того, знаем мелкие доменки в Воронежском и Елецком уу. На базе своего железа создавалась и металлообработка, исключительно в форме мелких предприятий, которыми известен Елец.

В связи с этим понятно и довольно оживленное торговое движение. Мы уже попутно видели основные направления вывоза из края по Десне на Украину (деревянные и металлические изделия местные и разные товары из центра), по Оке в центр (хлеб, пенька) и по основным грунтовым дорогам к центру же скот, по системе Дона в казачьи станицы (хлеб, деревянные и железные изделия, холст и разные товары центра). Соответственно им определялись и более крупные торговые центры — Брянск, Орел, Воронеж. А затем идет ряд меньших по значению и связанных с этими же выводными путями или с внутренним оборотом — Болхов, Мценск, Елец, Лебедянь. При чем во внутреннем обороте очень большую

роль играют весьма многочисленные ярмарки, некоторые из которых (Курская — Коренная, Лебедянская и нек. др.) имели не только районное значение.

Так южно-русский земледельческий район рисуется в общем, как живой и развивающийся, богато наделенный природой и еще не до конца использованный край.

Восточная часть черноземно-земледельческой полосы состояла из Тамбовской и Шацкой провинций Воронежской губ., Алатырской и Арзамасской провинций Нижегородск. губ., и всей тогдашней Казанской губ., кроме самой восточной Пермской пров. На этом громадном пространстве проживало, по данным третьей ревизии, около 1.900.000 душ. Крепостное право здесь было слабее, чем в западной части — едва ли более 40% населения находилось здесь в обладании помещиков, при чем в большей мере крепостные скучены к западу от Волги. Свободное население также состояло здесь из различных групп — того же военного происхождения, как и на юге: пахотные солдаты, однодворцы, рейтары и пр.; но, кроме того, тут проживали черносошные крестьяне (особенно в Вятской пров.) и «ясашные инородцы». Довольно заметную группу составляли здесь казенные крестьяне с особыми натуральными, часто очень тяжелыми повинностями: это приписные к корабельным лесам, обязанные проводить для государственных надобностей лесозаготовки, и приписные к заводам, не только казенным, но и частным, для которых должны были по букве закона отрабатывать на рубке и возке дров, копании и доставке руды и проч. только свои подушные, но фактически, частью по дальности заводов от их деревень (до 600 верст; а время передвижения крестьянам не оплачивалось), еще больше вследствие злоупотреблений заводских управителей, тратили на этот принудительный и очень плохо оплачиваемый (по «плакатным» ценам еще петровских времен) труд по полгода и более. Кроме того, в этом крае большую роль, чем на юге, играли монастыри, продолжавшие, хотя и на ограниченном праве, владеть крестьянами (в Казанской губ. они составляли около 10% ревизского населения). Таким образом, население восточной земледельческой полосы было более пестрым по составу, чем на юге. Еще резче отличалось оно по национальности. Кроме русских, которые в некоторых уездах были в явном меньшинстве, и немногих сравнительно украинских поселений на самом юге, здесь сосредоточено, можно сказать, все мордовское население (и мокша и эрзя), в районе к западу и югу от Волги; здесь живет и черемиса в пределах Нижегородской и Казанской губ., здесь же на старых местах оставались чуваши, в Казанском крае проживали татары, в лесах Вятского края — уд-мурты (вотяки) и нек. др. При этом надобно иметь в виду, что именно на мордву, чувашей и татар пали со времени Петра изнурительные повинности по рубке и возке корабельных материалов; что, с другой стороны, как раз при Елизавете проходил новый припадок «религиозной ревности» поскорее «просветить истинным светом» «заблуждающихся», и то одним указом (1743) предписывалось сломать все «мосюлманские» мечети под предлогом, что их существование слишком соблазнительно для новокрещенных, то рассылались проповедники всякими мерами крестить мордву и т. д. Крещенье для худших элементов населения было способом избавиться от рекрутчины, избежать угрожающего за преступление наказания, получить дары, из-за которых некоторые ухитрялись креститься по несколько раз, захватить лучшие куски пашни и

угодий у своих некрещенных собратий, и т. д.

При всех этих данных естественно, что в крае было не мало специфических местных поводов для недовольства, шли частые, чтобы не сказать постоянные, распри и столкновения между отдельными группами населения, вспыхивали по временам волнения, направленные против землевладельцев-помещиков, монастырей (напр., в 1757 г. в Шацк. у.), и много горючего материала тлело, не пробиваясь пока на поверхность.

Были известные особенности в этом крае и по части экономики. В области земледелия — это район гл. обр. «серых» хлебов: ржи и овса. Затем здесь же, и почти исключительно здесь, знаем засевы полбы. Технические культуры в большей части края сеялись почти только в пределах собственного потребления. Меньшее по сравнению с югом значение имеет здесь и скотоводство, кроме прилегающих к Воронежским местам районов Тамбовской пров. Лесом население было обеспечено здесь не в меньшей мере, чем на юге, и более равномерно повсюду; во многих местах здесь сохранились корабельные дубовые леса, оберегаемые для казны, и красные строевые леса, в которых проводились заготовки строительных материалов и для более бедного лесом Нижнего Поволожья. В местах, откуда шли отправки хлеба или других товаров, строились для них баржи. В ряде мест охота на зверя имела здесь серьезное экономическое значение, а бортничество и кое-где пчеловодство давали продукты на общегосударственный рынок. При наличии ряда крупных, еще не до конца истощенных рек, рыболовство в прибрежных селениях носило промысловый характер, но все же и сюда, особенно в обделенные рыболовными угодьями места, доставляли разную рыбу, а лучшие сорта ее — чуть не повсюду, только уже не с одной Волги, а и с Урала (по тогдашнему Яика). Солью снабжают край Эльтон по Волге и Соликамские варницы по Каме.

Занятое на пашне, у реки и в лесу сельское население в общем меньше времени могло уделять мелкой промышленности, работающей на рынок. Довольно слабо развита она и в городах. Стоит внимания, пожалуй, только выделка кож в Казани, Чебоксарах, Елабуге и еще в некоторых городах. Но промышленность мануфактурного вида и здесь представлена довольно хорошо.

Прежде всего необходимо указать на железную и медную промышленность. Крупные «вододействующие» доменные и молотовые заводы сгруппировались в двух местах: на ряде речек бассейна средней Мокши в пределах Кадомского, Темниковского, Инсарского и Краснослободского уездов было 7 заводов и на верхней Вятке 3 завода, из них семь построены в последние годы (с 1754-го). Рассчитаны они на удовлетворение потребностей ближайших, но более или менее обширных районов и потому дают не только полуфабрикаты в виде полосного и сортового железа, но и разнообразные готовые изделия, вплоть до «чашек для употребления иноверческих народов». Естественно, что бороться с крупными предприятиями, дающими десятки тысяч пудов продукции в год, оказалось не под силу мелким ручным доменкам, которые еще существовали в разных местах к востоку от Оки в первой четверти XVIII в. и все исчезли к 1760-м годам. Между двумя «железными» пятнами, в районе нижнего течения Вятки и вдоль Камы от Ижа и до Мёши, разместилось 9 медеплавильных заводов, в противуположность железным дававших только медь, а не изделия. Кроме металлургии, в крае принимались за обработку шерсти, двигавшейся по торговым путям с во-

стока и юга к центру (суконные фабрики в Казани, под Тамбовом, в Сапожке и Шацком у.), за использование местного сырья — пеньки (парусные мануфактуры в Керенске и Шацком у. и канатные заводы у пристаней в с. Морше — будущем Моршанске — и у Вышецкой пристани на притоке Цны). Развивалось с 1750 года и стекольное производство, представленное четырьмя заводами в Тамбовском, Шацком, Цивильском и Казанском уездах. Было две писчебумажных мельницы, в Симбирском у. и в Вятке. Очень любопытным начинанием была крановая плантация при г. Троицком Остроге, при которой имелось и промышленное заведение, изготовлявшее краску.

По карте видно, что шире раскинулись и разнообразнее представлены промышленные предприятия в районе к западу от Волги; на востоке все связано с основными артериями, Камой и Вяткой, а на какую-нибудь сотню верст в сторону начиналась глушь с очень примитивной, подчас едва не первобытной экономикой. Это особенно касается области, заселенной уд-муртами. Попадаются и на западе такие «захолустья», где мордва и чуваши сумели в большой нетронутости донести свой быт до XIX века. Медленно делали свое дело административные вторжения, ограничивавшиеся сборами податей в казну, поборами в карманы чиновников, вытребованием повинностей и формальным крещением, при котором старые боги не только не умирали, но даже не прикрывались христианской оболочкой, а жили рядом с Христом и популярным Николой.

Такая «отсталость» отдельных мест — очевидный свидетель того, что и торговое движение сравнительно мало прорезывало край и очень неравномерно втягивало в оборот местное население. Действительно, основными путями, по которым из края и через край направлялись товарные потоки, были реки — Волга, Кама, Вятка, для отправки местных продуктов, в центр и к далеким портам — еще Сура, Мокша, Цна, на юг, на Дон — Хопер. Грунтовые дороги были развиты еще слабо; важнейшие из них связывали с окраинами Москву (о них упоминалось выше). Для торговой жизни края, точнее его купечества и торгующей части крестьянства, характерны энергичное участие в связях с центром Дона (главным образом, Тамбов и некоторые другие центры южной полосы) и Яика (Симбирск, Сызрань, отчасти Казань) и весьма крупная роль — особенно мусульманского купечества Казани и некоторых второстепенных пунктов — в торговом обороте с башкирами и Средней Азией (через Оренбург). Внутренний обмен обслуживался разъезжими торговцами и скупщиками и сельскими ярмарками. Крупнейшая в государстве ярмарка — Макарьевская, хотя территориально и принадлежала к этому краю, была не местным, а общегосударственным торжищем, и местным товарам принадлежала на ней лишь совсем ничтожная роль.

Таким образом и с точки зрения экономической восточная часть черноземно-земледельческой полосы представляет картину большей пестроты, более резких контрастов, чем на юге.

В пределах европейской части государства нам остается познакомиться с самой *южной частью*. На громадном пространстве от Заднепровья до Яика в долготном направлении и шириною от полутораста-двухсот верст на западе, до тысячи, примерно, верст в Заволжьи и верст на 600 по Яику простираются здесь почти девственные степи, прерываемые в низовьях Волги песчаными полупустынями. В них свободно расположилось довольно редкое (не подсчитанное в ревизию) и очень разнородное население: выходцы с Балкан на западе и

—на востоке — прикочевавшие в начале XVII в. из Монголии калмыки, теперь, после знаменитого современника Петра хана Аюки, все крепче забираемые в русские руки, а рядом с первыми — украинские казаки, выходцы с Украины — слободские казаки, соседями калмыков — донские казаки и их ветви — волжские (с центром в Дубовке) и яицкие казаки. Вечно передвигающиеся юрты калмыков, мирные на севере станицы донских казаков, исключительно военные городки яицких их собратий и полувоенные, постоянно готовые к отпору поселения «гусар», слободских казаков и такого же характера южные станицы донцов — таковы типы поселений. Первобытный край и примитивное хозяйство. На всем пространстве степей, у всех народностей и групп *скотоводство* — одно из основных занятий. На западе, до земли донских казаков, его сопровождает земледелие, но какое! Дело не в примитивных приемах обработки богатейшего степного чернозема кусками, где кому взглянется, а и в количестве его. Даже в Слободскую Украину ввозят хлеб с земледельческого юга. На Дону еще живет старый запрет заниматься хлебопашеством. Калмыки совсем не знают пашни; не хотят ее знать и казаки на Яике. Вся эта восточная часть пользуется привозным хлебом из ближайших районов. Оттуда же идут разные изделья — утварь и орудия, материалы для обуви и одежды и т. д. Если и прядут и ткут казачки на Яике и Дону, то прежде всего для своей семьи, на Яике гл. обр. верблюжью шерсть, на Дону — овечью, и готовят домотканное сукно, становящееся понемногу и объектом торговли. В Слободской Украине ткут и холст, но — характерная черточка — этим заняты мужчины, и притом работают они гл. обр. по найму, а не каждый для своей семьи; но и здесь холста не хватает, покупают привозный «из России». В обмен за все подвозимое, обмен большею частью без посредства денег, натуральный, отдают скот, шерсть, шкуры степных зверей (в числе которых видную роль объектов охоты играют дикие лошади и сайгаки), рыбу. Ее ловят особенно в крупных реках: Днепр, Дон, Яик — главные угодья вольного рыболовства, которое на Яике проводится артельно, всем казачеством. Но Волга изъята из пользования вольницы почти целиком. Здесь — капиталистическое рыболовство, использующее силы наемных рабочих, почти исключительно пришлых. И отбиранье рыбных промыслов у калмыков — одна из серьезнейших ран, которую русская власть нанесла калмыцкому народу. Для засолки рыбы впрок используются местные соляные озера; бесплатное пользование ими — одна из немногих уже старых привилегий донцов и яицких казаков. Западные поселенья получают соль с Тора и Бахмута, где развернуто солеварение. Волжские промышленники за плату нагребают бузун в астраханских озерах или покупают самосадку с Эльтона.

Выварка соли на Торе и в Бахмуте и добыча ее на Эльтоне (с 1747 г.) развертываются интенсивно. В нач. 1760-х г.г. эти пункты дают свыше трех четвертей всей рыночной соли, добываемой в европейской части государства (Тор и Бахмут более 1.700.000 пуд., Эльтон ок. 5 млн. пуд.). И на летний период разработок в пустынные места соледобычи гл. обр. из соседней земледельческой полосы притекает бедняцкая масса, ищущая заработка.

Но и при таком примитивном хозяйстве в крае нет первоначального равенства. Начальствующие у балканских поселенцев, старшина в казацких обществах получают львиные доли народного дохода; на Дону атаманы и пр. полулегально, пользуясь поездками «на Русь», закупают и селят

по хуторам крепостных. У калмыков ханы, нойоны (родовые владыки) и ламы (духовенство) держат в порабощении массу населения.

По более крупным рекам и частью по грунтовым дорогам (в Слободскую Украину, на Яик) наезжают с севера купцы с разными товарами и еще более за местными продуктами. На местах еще не прошел процесс накопления свободных средств, не выделились свои купцы, а приезжим в большинстве районов (напр., на Дону) запрещено оседать на постоянное жительство. Поэтому и на местных ярмарках и на посещаемых жителями этой полосы ярмарках земледельческого края орудуют наезжие торговцы. Но Волга и здесь, хотя бы в северной части, исключение. По ней не только идет довольно оживленный, как мы уже знаем, обмен с прикаспийскими странами, не только импортируется налаживающий рыболовство капитал. Она притягивает и постоянных насельников. С ее верховьев и с Оки, утесняемые малоземельем, стремятся вырваться на волжские и заволжские просторы и помещики, вывозящие за собой крестьян, и сами крестьяне, бегущие от неволи. Идут к Волге и за нее русские и из черноземной полосы; селятся и украинцы, из которых рекрутируются обязательные «соляные возчики» для доставки соли с Эльтона в камышинские и саратовские «магазейны». Двигается по лесной полосе дальше на юг мордва, кое-где оседают и чуваши из пензенских и более северных мест. Появляются южнее закамской линии помещичьи селения; один из таких пионеров, неутомимый и отважный новатор в хозяйстве — Рычков — создает даже в верховьях Сока две маленьких медеплавильни. Южнее, у Иргиза, тайком ютятся тысячи свободных колонистов-беглецов. Но дальше не идут по степи: опасно; тут еще простираются кочевья калмыков, не упускающих случая захватить доходный русский полон, который продается в Среднюю Азию. По Волге редкая цепочка сел и деревень, почти исключительно по правому, нагорному берегу, доходит до Камышина. Южнее — несколько селений волжских казаков. Но уже кругом Царицына ни одной деревни. У истоков Ахтубы с 1757 г. создается казенный «шелковый завод» (шелководческое хозяйство), для которого частью привлекают всяких «безродных», частью насильно селят крестьян, разбегающихся от тяжелых условий жизни. А дальше, до самой Астрахани, ни одного постоянного населенного пункта, кроме Черного Яра и Енотаевска — крепостей, как и Царицын и Красный Яр. В самой дельте, южнее Астрахани, несколько селений земледельцев и садоводов татар и несколько поселков русских рыбаков у старинных учугов (перегородок на протоках для ловли рыбы). И все же, опираясь на приходящее к Волге население и рассчитывая на него как на потребителя, предприимчивые купцы пробуют на местных выходах руды ставить небольшие железные заводы у Малыковки (ныне Вольск), в Камышинском районе (вероятно, около с. Рудни), казна — на речке Толычеевой (на хоперских рудах). Но все эти попытки, как и затеи Рычкова, не привели к прочным результатам.

Настоящими городами — в смысле экономических центров — были только Саратов, пункт перегрузки соли и переотправки рыбы на широкий рынок и большого торга с калмыками, и оживленная торговлей и даже промышленностью (шелкоткацкие мануфактуры и кустарное домашнее ткачество, выделка сафьяна и кожи) Астрахань. Но эти ласточки нового, и даже постоянные сельские пункты севернее Камышина, и даже капиталистами налаживаемое рыболовство не делали еще края прочно освоенным,

с правильной эксплоатацией его больших богатств.

Другим районом очень примитивных хозяйственных отношений была в середине XVIII в. *Сибирь* (ср. *Сибирь*). Но ее жизнь построена иначе, чем на европейском юге и юго-востоке. Основную массу населения давали старинные здесь племена. К сожалению, мы не имеем для них никаких цифровых показателей. Их жизнь сравнительно мало изменилась за столетие. Хозяйство, как и раньше, строилось по линии самоудовлетворения и в соответствии с природными условиями. Рыболовство, охота, скотоводство кое у кого, в более южных широтах — первобытное земледелие, чаще — комбинации разных отраслей, таковы основные занятия сибирских племен, конечно, с переработкой всей добычи для обслуживания семьи питаньем, одеждой, жильем и пр. Но занесенные русскими купцами привычки к водке, к табаку создавали постоянные бреши в обеспечении собственных потребностей, а то вели и к развалу в хозяйстве, так как за эти дурманы, также за лоскуты материи, какие-нибудь побрякушки и пр. остяк или якут отдавал часто ловким обиралам-купцам не излишки, а существенно необходимое в ведении хозяйства или в самообслуживании. Платежи в казну, поборы администрации, у крещеных — сборы на церковь довершали работу купца, и обеднение, даже нищета, на ряду с эпидемиями и войнами между отдельными племенами или родами, вели, по общему мнению наблюдателей, к убыли туземной части населения.

Эта убыль едва ли покрывалась притоком новых жителей. Колонизация Сибири шла почти только самотеком, без содействия власти, которая, с своей стороны, слала сюда невольных насельников в лице преступного элемента и легализовала, как мы уже знаем, ссылку помещиками неугодных или ненужных им крепостных. Рост русского населения в Сибири шел непрерывно, но все же общий итог в начале 1760-х гг. оказывается совсем невысоким. По данным третьей ревизии в Зап. Сибири, или, по тогдашнему делению, в Тобольской провинции и значительной части Исетской провинции Оренбургской губ. было около 200.000 душ; на колоссальных пространствах Восточной Сибири, от Енисея до Великого океана и от китайской границы до Ледовитого океана, жило, примерно, 160.000 душ. При чем в Зап. Сибири русское население сосредоточено гл. обр. на юге (южнее 60-й параллели); на востоке оно, в сущности, вытягивалось тонкой ниткой редких селений по торговому тракту, да спускалось, еще более редкими населенными пунктами, по основным рекам к северу. Даже юг от тракта, с более мягким климатом, с богатой часто почвой, пугал поселенца и тайгой и плохой обороной границы от возможных набегов. И, напр., в Красноярском у., в котором тогда заключалась и позднейшая житница Сибири — Минусинский край, на пространствах, равных хорошему европейскому государству, в годы третьей ревизии не насчитали и 3.000 человек муж. пола. Правда, к ревизским данным по Сибири нужно относиться с особой осторожностью: там, в необъятных пространствах, в глухой тайге или среди мало доступных гор так легко было укрыться от учета, от платежа податей и пр. Недаром же еще в XIX в. путешественникам или же ученым исследователям случалось открывать целые группы селений, не знавших над собой государственной власти. Пусть, поэтому, мы удвоим, даже утроим цифру красноярских ревизских душ, все равно это будет ничтожная величина в соотношении с площадью.

Сибирский крестьянин не знал крепостного права; при громадности территории уездов не мог он быть чрезмерно «опекаем» и администрацией. И потому более свободно, чем в Р., строил свое хозяйство. Но обстановка была такова, что ему нужно было рассчитывать почти исключительно на самого себя и в качестве производителя и в качестве потребителя. Многие тысячи верст пути ложились таким накладным расходом на товары, что не было смысла везти из Сибири или в Сибирь дешевые и особенно тяжелые продукты и изделия. Только более дорогие товары, как вывозимые из Сибири ценные меха, благородные металлы (впрочем, в ту пору одно серебро), выдерживали такую перевозку. И вот выходило, что даже в Зап. Сибири не было смысла широко развертывать земледелие. Точно так же не доставишь оттуда и продуктов скотоводства, рыбы и пр. Неудивительно, что Сибирь поражала тогдашних наблюдателей изумительно низкими ценами на все местные продукты. Но за то цены на разные изделия, которых не изготовишь дома, стояли высокие. Вот это и являлось стимулом к созданию в Сибири промышленности, имевшей в виду обслуживать местное население. Естественно, что такая промышленность возникала в районах более заселенных, так как только в них можно было рассчитывать найти рабочие руки и быстрее и с меньшими накладными расходами сбыть продукцию. Здесь мы находим три больших винокуренных завода, три стеклянных, две писчебумажных фабрики, две или три шляпных мастерских. Все они сосредоточены в районе Тобольска, Тары, Ишима, Верхотурья, Ялуторовска, Туринска, т.-е. в юго-западном углу Сибири. Если мы не встречаем здесь железных заводов, то, очевидно, потому, что эта часть Сибири с удобством снабжалась железом с Урала. А дальше на восток, в Красноярском уезде, знаем частный купеческий железный завод да в районе Енисейска мелкие ручные домницы. На далекий восток дорого было доставлять даже сукно, и неподалеку от Иркутска еще с 1730-х гг. работала суконная фабрика. Мода на шелковые ткани, шедшие из Китая, хорошая транспортабельность основного сырья — шелка, который можно было получить тоже из Китая, дали основания для постройки в Иркутске и шелкоткацкой мануфактуры (в 1747 г.). Верстах в 200 от Иркутска был и свой местный небольшой (с продукцией около 1.000 пуд. главным образом готовых изделий) железный завод, впрочем остановившийся в 1758 г. за смертью владельца. Кроме того, для всего государства имели значение казенные серебряные и медные заводы на Алтае (производство начато Демидовым) и серебряные и свинцовые в Нерчинских горах. В качестве рабочей силы в последних применялись сосланные преступники, на Алтае — переведенцы с уральских заводов; для черных работ там и тут употребляли приписных крестьян.

В отношении торговли надо иметь в виду, что через Сибирь велся обмен с Китаем (в Кяхте), в котором видную роль играли иркутские купцы. Для внутреннего оборота в Сибири крупнейшее значение имела Ирбитская ярмарка, где сибирские торговцы запасались русскими и частью европейскими товарами и потом развозили их по более мелким ярмаркам и торговали ими в гостиных дворах более бойких городов. К числу последних, кроме Иркутска, надо отнести Тобольск, Енисейск, Томск, и нек. др.

На самом стыке Европы и Азии, по среднему и южному *Уралу*, расположен грандиозный даже по тогдашним мировым масштабам промышленный округ. Он занимал в

основном Пермскую провинцию Казанской губ. и Уфимскую и Оренбургскую провинции Оренб. губ. Если соединить крайние промышленные точки Урала, то получим неправильную, несколько вытянутую с севера на юг фигуру, длина которой от Петропавловского до Преображенского завода около 600 верст, ширина от Каменского до Ижевского — около 500. Так в 1750-х гг. определились те географические грани, за которые промышленный Урал не вышел и в XIX веке. На этой площади третья ревизия насчитала несколько более 200.000 ревизских душ. Но на этом же пространстве, по речкам, используемым в качестве двигательной силы, и в связи с более крупными водными путями, необходимыми для отправки продукции, разместилось около сотни крупных «вододействуемых» доменных, молотовых и медеплавильных заводов. При чем здесь были самые мощные предприятия: только на Урале встречаем заводы с выплавкой 200.000, даже 300.000 пуд. чугуна в год. Естественно, что они стали определяющим фактом в физиономии края. В связи с их потребностями возникали новые, большею частью прямо подсобные промышленные заведения: кирпичные заводы, пильные мельницы, дававшие лес и самим заводам и на судостроение для отпуска их изделий. Для нужд производства необходимо было гнать смолу, готовить деготь. В связи с большими отправками караванов, нуждавшихся в снастях и парусах, купец Дубровин поставил в 1760 г. в Екатеринбурге производство парусины и канатов. Необходимая для мехов кожа также постепенно начала выделываться на месте, а по связи с этим возникали и салотопни и мастерские по изготовлению свеч тем более, что в свечах нуждалось горное дело. Так как обеспечение рабочего люда по крайней мере самым необходимым продовольствием администрации заводов брали на себя, то около заводов появлялись «мушные» мельницы, крупорушки. Наконец, рабочие завода, очень плохо оплачиваемые на производстве, старались в пополнение бюджета использовать свои технические навыки вне предприятия, и на домах у них возникали разные мастерские по обработке железа, меди, дерева. Некоторые призаводские селения поражали ученых путешественников 1760-х гг. своей промышленной деятельностью.

Заводы были не только производителями, но и потребителями. Кроме того, что нужно самому заводу для производственных процессов, здесь надобно учесть его рабочее население и их семьи. Собственное хозяйство рабочих было очень мало, и многое приходилось им брать со стороны. Да кроме постоянных «мастеровых» здесь необходимо иметь в виду приходивших на отработки приписных крестьян, которые из дому, за 300 — 400, а то и все 600 верст, из Вятской и Казанской провинции, не могли привезти, тем более принести (многие приходили для «пеших» работ) даже продовольствия на период работ. А приходили на заводы подработать и по вольному найму; собирались у пристаней партии судовых рабочих. Сверх того, в пределах этого же промышленного округа, в районе Соликамска, были крупные соляные варницы, также с немалым числом постоянных рабочих, с дровосеками и возчиками леса, с судостроением и отправкой до полутора миллионов пудов соли. Отсюда понятно, какое мощное влияние и на другие отрасли хозяйства оказывали горное и соляное дело и металлургия на Урале: и земледелие, и скотоводство, и тем более разработка лесов — все велось с учетом нужд промышленности. Это особенно ярко видно на примерах помещичьих хо-

зяйств владельцев заводов. Они переселяли сюда крестьян или всякими правдами и неправдами кабалили местных жителей и ставили их трудами запашку на продовольствие заводов, коневодство для нужд производства, а для лошадей приходилось запасать много сена, и т. д. и т. д. Словом, надо всем господствовали здесь интересы заводов и варниц. И все же потребности их не полностью обеспечивались в пределах края. Многое, особенно на удовлетворение населения, приходилось подвозить из Р. Урал щедро окупал эти поставки. Он давал стране почти полностью все получаемое в государстве золото (в начале 1760-х гг. немного более полутора пуда; Воицкий рудник в Олонецком крае давал всего около $2^1/_2$ фунтов в год), свыше $^9/_{10}$ всей выплавляемой меди и не менее $^7/_{10}$ приготовляемого железа, при чем почти все шедшее в экспорт железо поставлял Урал; соликамские варницы выбрасывали на рынок около $^1/_6$ всей добываемой в государстве соли. Таков удельный вес уральской горной промышленности.

Но в отношении размеров ее Урал был близок к предельным для XVIII в. и начала XIX в. размерам. И здесь, как в промышленном центральном районе, сказывалось гибельное воздействие крепостной системы. Уральская промышленность, казенная и частная, обеспечивалась гл. обр. принудительным трудом крепостных людей и приписных крестьян. Да и «вольные», по крайней мере постоянные рабочие легко попадали в положение не лучшее, чем официальное крепостничество. Мы знаем, с какой охотой в этот период роста Урала его промышленники принимали всяких приходящих к ним людей, брали на работу, а потом, так как это были часто бездомные скитальцы, беглые крепостные, спасавшиеся от утеснений старобрядцы, укрывавшиеся преступники, опутывали их выдачами вперед харчей и денег, укрывали беспаспортных от взоров власти и зато распоряжались ими как собственными людьми. Естественно, что для таких «вольных» работников уровень зарплаты катастрофически быстро скатывался к давно отсталому от жизни уровню «плакатных» цен, установленных еще при Петре и обязательных для невольных рабочих. Для приписных крестьян их работа на заводах была прямым разорением, вынуждая их запускать собственное хозяйство. Естественно, что производительность труда была низкая, что дисциплина поддерживалась только палкой и кнутом. И в начале 1760-х гг. выведенные из терпения приписные крестьяне многих заводов отказались работать. Почва для пугачевского движения была хорошо подготовлена здесь уже в середине века.

Сделанный нами обзор районов лишний раз подчеркнул, как велики были сдвиги в стране на протяжении столетия, особенно за последние 15—20 лет. Но он же показал и теневую сторону этого движения, тяжелое положение массы населения и начавшую ощущаться гибельность для страны крепостничества.

9. В соответствии с значительным движением в области хозяйства стояли и дальнейшие шаги в области *духовной культуры*. Но как в сфере экономики крепостнический строй приводил к крайне неравномерному распределению участия в производстве и доли в потреблении произведенных благ, так и в отношении литературы, искусства, науки те же крепостнические отношения создавали исключительную привилегированность господствующих верхов. Жестоко эксплоатируемое и обремененное тяжелым трудом содержания, кроме самого себя, еще своих, все пышнее строивших свою жизнь го-

спод, крепостное крестьянство, настоящие рабы в дворянском государстве, слишком мало имело возможностей для развертывания строительства в духовной области. Проникнутые грустью и тоской песни о доле девушки, жены и матери-крестьянки; полные безнадежности и вместе отчаянной и безрезультатной удали «разбойничьи» песни; культивирование старой, постепенно вымирающей под напором новых тяжелых впечатлений, более светлой и подчас гордой былины, уже давно спустившейся от дружинных поэтов в низы, и давней прапрадедовской сказки, в которую все больше просачивались элементы современности (барин, генерал и пр.),— в области поэзии; поддержание также слабеющих с ростом бедности художественных вышивок, деревянной резьбы и пр.— в других областях народного искусства,— вот, пожалуй, и все, чем наполнена духовная жизнь крепостных. Не у всех раздвигаются горизонты по мере все большего отрыва от родной деревни и растущих передвижений в поисках куска хлеба; у немногих идет творчество с осмыслением новых соотношений в жизни общества, с критикой существующего, давящего личность порядка, с поисками выходов к лучшему. В старых традиционных формах разработки кое-где новых тем в поэзии, поддержания и усиления протестующих нот в области религиозных воззрений проявляется это творчество. Старообрядчество (*см.*), особенно в его крайних течениях, осуждающих земную жизнь, отвергающих ее, зовущих иногда к самовольному (путем самосожжения и иначе) переходу в потусторонний мир, где «воздастся каждому по делам его», где «страждущие и обремененные» найдут успокоение с Христом; мистическое сектантство («хлыстовщина»), дающее и здесь на земле блаженство экстатических состояний, когда совсем забывается вся тяжелая доля земная,— вот удел крепостного крестьянства. И характерно, что даже сохранение и развитие старых форм выработанного в предшествующие века и живого, действенного народного искусства, сохранение и расширение народной поэзии в гораздо большей мере было делом более свободных и более зажиточных в общем казенных (или государственных разных категорий) крестьян (на севере, в Сибири, на юге—среди однодворцев и др.). И не случайно, что новое учение с резким протестом против российской действительности середины XVIII в., с отрицанием не только официальной церкви, но и навязанного сверху государства для «избранного народа божия», в идеологии духоборчества (*см.*) рождается среди свободного, а не крепостного крестьянства, и в районе, где торговое движение и вторгшаяся промышленность быстро, в сторону неблагоприятную для низов, разлагали старые устои натуральных отношений с их большею сровнительно равностью экономического уровня — в местах тамбовско-воронежских.

Но все более отслаивавшаяся верхушка крестьянства, как уже указывалось выше, сливалась с буржуазией города и, конечно, постепенно, хотя и медленнее, чем в городе, поддавалась и в быту и в мировоззрении переделке под влиянием новых веяний. Медленно пока менялся и облик города; более бурно начнут вливаться в него волны нового с 60-х, особенно с 70-х и 80-х гг., но и теперь жизнь не стоит на месте. Вернувшееся в деревни дворянство, из которого более зажиточные обычно имеют дома в уездном городе и по зимам от деревенской скуки перебираются туда, все более европеизируется в костюме и обстановке, постепенно передавая эти новости и горожанам. Воинские команды, годами стоящие

теперь постоем по квартирам городских обывателей, не только сильно теснят этих последних самим фактом вселения и еще больше своевольством, но и рассказами бывалых военных раздвигают стены замкнутого городского мирка, зовут к новому, развивают фантазию. И дворяне и особенно военные являются лишними потребителями, для которых работают местные и окрестные производители, для которых купцы завозят издалека новые, соблазняющие и обывателей товары — сахар, кофе, чай, «немецкие» сукна и пр. Создание постоянного базара, становящегося обязательным почти в каждом городишке, учреждение ярмарок, собирающих хотя на короткое время тысячи людей, появление мануфактур, забирающихся в такие захолустья, как Путивль, Керенск, Тамбов (который «на карте генеральной кружком отмечен не всегда» даже еще в XIX веке), расшатывают старую экономику, превращают город административный в город экономический (хотя оставались еще и захудалые пункты с именем «город»). Принудительно создаваемая со времен Анны специальная духовная школа — семинария, появляющаяся в двух-трех десятках городов, не только дает повышенное, вплоть до элементов философии, хотя и отсталой, образование поповичам, но влияет и на горожан. Появляется более книжное духовенство; одиночки его даже получают образование в академическом университете, — как Платон, будущий митрополит московский, даже за границей, в Галле, — как Симон Тодорский, наставник цесаревны Екатерины Алексеевны (будущей Екатерины II). Но в постоянном общении с духовенством, с сотнями семинаристов, живущих на квартирах тех же обывателей, вкусы к книге, даже к «премудрости», получает и купеческая молодежь. Иные самоучкой, при содействии сверстников-бурсаков или под руководством более ревностных в просвещении префектов и профессоров семинарии, занимаются самообразованием, и позже один, увлеченный церковным красноречием, выступает с проповедями в церквах, оставаясь купцом по занятиям, другой по устным преданиям и собранным у обывателей документам пишет историю родного города и т. д. Навстречу потребности в среде разночинцев (конечно, города) в образовании, появляются и уже непрерывно действуют гимназии для них — рядом с дворянскими в Москве и Казани (видимо, участие в Семилетней войне было причиной задержки открытия их в других городах). Открыты для свободных горожан и стены московского университета (созданного в 1755 г.), доступен и академический университет, как раз теперь ожививший свою работу при энергичном участии Ломоносова и др. Выросла и изменила свой характер книжная продукция. Петр думал о «пользе» и пренебрегал беллетристикой, но большинство изданных при нем тяжеловесных по языку и часто трудных по теме трактатов находили очень ограниченный круг читателей. Теперь, в 1748 г., дается указ Академии наук «стараться при Академии переводить и печатать на русском языке книги гражданские различного содержания, в которых бы польза и забава соединены были с пристойным к светскому житию нравоучением». И если при Анне издавалось в среднем 14 названий в год книг гражданских, а в 1741 — 1750 гг. выходило по 15 книг, то в 1751 — 1760 гг. их было уже 23; в эти годы и вырастал новый читатель, на потребу которого в 1761 — 1770 гг. издано уже 105 названий ежегодно. Росли и тиражи изданий. Академическая типография, единственная, работавшая на русского читателя гражданского шрифта, оказалась не в состоянии удовле-

творять требованиям, и в 1750 г. открыта вторая — «для удовольствия народного». Очевидно, теперь книжное дело стало, наконец, доходным. Конечно, не одно дворянство читало эти книги. Очень скоро человек, воспитывавшийся в конце 50-х гг., определенно скажет, что у нас в Р. только те книги расходятся, кои приходятся по вкусу мещанству, т.-е. городскому населению (Новиков).

Какую же «забаву» находил читатель в издаваемой тогда книге? Начиная с переведенного Тредияковским и изданного в 1747 г. «Телемака» Фенелонова, идут через весь XVIII в. все в большем и большем количестве переводные романы, и наряду с ними продолжают бытовать и переписываться старые романы и повести. Среди романов середины XVIII в. было не мало фривольных, даже скабрезных. Но иногда они были таковыми только по форме, в роде тогда же переведенных и изданных «философических» романов Вольтера. Однако, даже и откровенно фривольный роман нередко играл тогда «просветительную» роль: он приучал, приохочивал к книге. Кроме того, романы Фенелона, Вольтера и др. давали гораздо более, чем только фабулу. В доступной, а то и увлекательной форме они раскрывали новый мир, и внутренний мир человека, и внешний мир жизни иных народов, иных государств. Они ставили вопросы о закономерности общественной жизни, трактовали вопросы политического устройства и т. д. От них переходили к более серьезным книгам, особенно знающие иностранный язык. Конечно, среди горожан знание иностранных языков было редкостью, но все же среди купцов, езжавших торговать в Германию, Англию, это явление вполне возможное. Воздействовала на читателей и своя русская литература, особенно — любимая тогда сентиментальная песенка.

Необходимо упомянуть и о театре. После Петра он вновь заперт во дворце, служит развлеченьем особо приглашаемых лиц, потчуя их при Анне итальянской оперой и немецкой драмой, а при Елизавете той же итальянской музыкой, но уже французскими трагедиями и комедиями. Однако, на этом дело не остановилось. Рядом с дворцом в Петербурге шляхетский корпус (игравший весь XVIII в. роль своеобразного «культурного» уголка, довольно широко влиявшего, благодаря открытию дверей своих кабинетов посредством на глазах у всех проводимых опытов, напр. сельскохозяйственных, через своих учителей и воспитанников) начал в 1749 г. ставить более доступные и в смысле пропуска посетителей и в отношении понимания русские «пиесы» — гл. обр. трагедии и комедии своего бывшего воспитанника, «российского Корнеля, Расина и Мольера» в одном лице — Сумарокова. Скоро корпусные артисты выступали уже и во дворце. А 7 мая 1757 г. в невской столице состоялось «первое представление для народа (а не только придворных или дворян) вольной трагедии русской за деньги». Впрочем, в Петербурге открытые спектакли длились недолго; с 1761 г. билеты на них стали распределяться по чинам, и только в 1780-х гг. вновь появился здесь доступный всем обеспеченным людям настоящий театр. Зато в Москве, по почину тоже воспитанника шляхетского корпуса Хераскова, с того же 1757 г. прочно водворился публичный театр. Конечно, посещало его и купечество. Ведь даже не в столице, а в Ярославле, и именно в купеческой среде родился первый в Р. публичный театр под руководством Волкова.

Значительно быстрее шел и глубже захватывал процесс разложения старого быта и старых воззрений в дворянской среде. Только нужно понимать

ее с известным ограничением. Дворянская мелкота, владевшая десятком-двумя, а то и меньше душ, мало отличалась по своей жизни от мужиков. Нередко такой «барин» шел за сохой рядом со своим подданным, а «барыня», как и крестьянка, вела сама все домашнее хозяйство, имея разве в качестве универсальной помощницы бездетную и бесхозяйную вдову или девку-перестарка из своих крестьян. Иное видим у дворян средней обеспеченности, а особенно в богатой верхушке. Единодушным хором наблюдатели и критики Р. 1750-х, 1760-х гг. утверждают, что быстро исчезала старая простота и на ее место водворялась «пышность». Императорский двор стал проводником нового уклада жизни. После Петра он рьяно усваивал роскошь и при Елизавете всеми силами подражал законодателю мод—французскому Версалю. Правда, этой роскоши хватало только на парадные комнаты дворца, тогда как в задних жилых покоях господствовали чуть не убожество и грязь; правда, богатой обстановки имелся лишь один ассортимент, так что при переездах императрицы в Москву вместе с нею перевозили из Петербурга мебель (как об этом с сарказмом свидетельствует Екатерина), но для непосвященных, знакомых только с открытыми для гостей залами, эта роскошь казалась ослепительной. Обстановке соответствовали и костюмы самой императрицы, не надевавшей дважды ни одного (парадного, надо думать) платья, и ее придворных. В параллель с этим стояли и чарующие архитектурные формы царских покоев, особенно Зимнего дворца. Тут можно было «облагораживать» вкус учиться ценить «изящное» в обстановке. Богатая знать,—в первую очередь Разумовские, Шуваловы, Воронцовы, и вызванные «из грязи в князи» старые родственники Екатерины I, ставшие теперь графами, Скавронские, Гендриковы и пр., а за нею и другое столичное дворянство—тянулась за двором, а от столицы в пределах возможного старалась не отставать дворянская провинция. Архитектурные палаты и «свои» церкви, которые строились для богачей лучшими зодчими, заграничная или своя, по иностранным образцам сооруженная мебель зал, гостиных и кабинетов, также выписанные из Европы статуи в «регулярных» садах, картины на стенах комнат, большой штат прислуги, одетой в богатые ливреи, уже начавшие появляться свои хоры, оркестры—правда, истощали дворянские карманы, но позволяли владельцам ощущать себя резко отличными от «подданных» и от прочих «черных людей» благородными господами, окончательно превращали, особенно молодое поколение, воспитывавшееся в новой обстановке, в бездельников, смотревших на жизнь как на непрерывный праздник, считавших своим назначением наслаждение всеми и всяческими красотами и утехами. Как вести свою жизнь, опять-таки увлекательно проповедывал живым примером двор, а за ним и столичные сферы. Слишком вольные, чтобы не сказать резче, нравы самой императрицы находили подражателей в верхах. Флирт, игра в любовь, свободные отношения полов и браки лишь для прикрытия действительных связей с другими стали обычными в придворной столичной среде; менее обеспеченное и менее взыскательное провинциальное дворянство удовлетворялось принужденными к тому, часто сменяемыми сожительницами и сожителями из своих крепостных. Эти «вольные» отношения становились положительно модой. Скоро морализирующие или политиканствующие критики подвергнут злой насмешке или бичующему осуждению это «развращение нравов» в благородном дворянстве. Особенно должно возмущать привлеченье к этому подневольных удовле-

творителей и удовлетворительниц барских прихотей. Но во всем этом своеобразно и даже уродливо сказывался протест личности против религиозно-моралистических запретов, стремление высвободиться из-под старой монашеской ферулы, отдаться всей воле «светского жития». Двор же учил красиво обставлять это «житие» не только мертвыми предметами, но и поведением самих искателей и практиков его. Обязательным требованием становились изящность манер, изысканная галантность в обращении кавалеров с дамами, учтивая любезность последних с первыми; вырабатывался тот своеобразный стиль речи, который вскоре с неподражаемым искусством будет пародировать, бичуя сатирой петиметров и модниц, Новиков в своих журналах. Конечно, и тут, как в императорском дворце, не нужно забывать изнанки. Щеголю в кружевах и шелковом кафтане ничто внутри не мешало сейчас же после любезностей в гостиной идти командовать на конюшне кнутобойством по отношению к провинившемуся лакею или повару, даже бить палкой нелюбимую жену, а модницe в фижмах и с мушками — собственными руками раздавать пощечины горничным в девичьей. Европейская галантность жила бок-о-бок в тех же покоях, в том же лице с «азиатской», или проще — с обычной помещичьей грубостью и распущенностью. Плоско и поверхностно понимаемое учение французских просветителей, казалось, оправдывало и благословляло такую «свободу» пустившейся «во вся тяжкая» личности, переставшей бояться «казней ада», забывавшей об упреках совести. И так как наиболее популярным в Р., вплоть до портретов на табакерках, из французских проповедников свободы был Вольтер, то имя «вольтерьянец» стало потом нарицательным для вольнодумного в вопросах религиозных (обычно до поры-до времени, до тяжкой болезни, до тяжелых испытаний, когда наступало «обращение к богу», ханжество), фривольного в нравах сластолюбца-барина, считающего с Вольтером, что свобода—для избранных, а народ — это быдло, скот, нуждающийся в ярме и погонщике.

Но необходимо учитывать, что наряду с такими поверхностными, даже примитивными «свободолюбцами» были тогда и другие, более глубокие и более искренние ценители и искатели свободы. Ведь тогда же, в той же среде жили и вырабатывали свои взгляды и будущие критики всех этих модников, взяточников и крепостников и пр. пр. С другой стороны, именно в середине XVIII в. впервые появились в Р. масонские ложи с русскими учениками и мастерами (см. *масонство*). Как ни относиться к масонству, но нельзя не признать, что в нем проявлялись проблески серьезных морально-философских исканий, попытки вместо традиционного воззрения найти более «разумное». Конечно, и масонство становилось модным увлечением, и в ложи входили люди только потому, что другие, особенно более знатные, вступили в них, но это гл. обр. позднее: в середине XVIII в. круг русских масонов довольно узок, фантастические росказни об их обрядах пугают простых любителей новых развлечений.

И для людей более серьезного склада 1750-ые годы давали и средства, развивающие ум, и пищу для удовлетворения исканий, особенно когда речь идет о дворянстве. Среди дворянства все шире распространялось знание иностранных языков, особенно французского. И не все ограничивались уменьем болтать в гостиных и занимать дам на маскарадах и куртагах. Любителям серьезного чтения (а таковые были,—Болотов, Дашкова не одинокие примеры) были доступны в оригиналах Вольтер и Монтескье, Дидро, энциклопедисты, английская

литература и немецкая философия. Шире распространено и больше давало теперь обученье. Кроме шляхетского корпуса, все расширявшего состав и программы, — Морская академия, дворянские гимназии в Москве и Казани, при чем даже последняя уже в первый год имеет почти сотню учеников. Из дворянских юношей гл. обр. состояли и первые контингенты московского университета. А затем в эту пору создавались почти исключительно для дворянских детей частные пансионы, содержимые иностранцами; все более обычными становились в достаточных помещичьих домах иностранцы-воспитатели. Верно, конечно, что они дали обильную пищу для сатириков следующих десятилетий и увековечены во Вральмане фонвизинского «Недоросля», но опять-таки не все были отрицательными фигурами, как мы знаем из мемуаров.

Общество времен Елизаветы не только учится, но и творит. Возьмем литературу. Ее деятели не ограничиваются Ломоносовым (*см.*), Сумароковым (*см.*) и Херасковым (*см.*), о которых говорили старые курсы литературы. Более мелкого калибра писателями были: Ржевский (*см.*), Демидов, Нарышкин, Нартов и др. Стоит отметить, что эти имена сплошь, кроме Ломоносова, принадлежат дворянам. Наоборот, в области изобразительных искусств первенство принадлежит разночинцам. Середина XVIII в. — это время деятельности архитекторов Чевакинского, Ухтомского, Кокоринова, расцвета таланта Растрелли и начала работ крупнейшего зодчего Баженова (*см.*), время творчества известных граверов Соколова и Чемесова (*см.*), а в области живописи разворошенье после Октябрьской революции дворянских усадеб и столичных хранилищ, частных и общественных, вскрыло ряд крупных дарований. В 1750-х гг. основана и Академия художеств (сначала при Академии наук, а с 1757 г. в качестве самостоятельной), и с нее русская художественная культура начала свое прочное развитие.

Наличие ряда писателей вызвало к жизни первые русские журналы. Их родоначальником были серьезные, почти тяжеловесные «Ежемесячные сочинения», выходившие с 1755 г. при Академии наук. Они сравнительно мало места уделяли беллетристике и все же имели по 600 подписчиков ежегодно. А затем появились частные, преимущественно литературные журналы: «Праздное время, на пользу употребленное» (1759—1760), «Трудолюбивая пчела» Сумарокова с 1759 г., «Полезное увеселение» с 1760 г., — и все не могли жаловаться на равнодушие публики. Для любителей политических новостей, которых не было в журналах, кроме «С.-Петербургских ведомостей» существовали теперь еще «Московские ведомости» (изд. университетом и имевшие до 600 подписчиков).

Наконец, в середине же XVIII в. родилась и русская наука. Если бы ее представлял только один гениальнейший, удивительно разносторонний Ломоносов, этот подлинный «первый русский университет», то нельзя было бы и говорить о более или менее широком движении. Но в науке, как в литературе и в искусстве, знаем ряд деятелей. Рядом с Ломоносовым действовали: Крашенинников — ботаник в Академии наук, Румовский — математик в московском университете, Котельников, Барсов, Поповский и др. И характерно, что в этой сфере дворянство если и играло роль, то роль меценатов (особенно Ив. Ив. Шувалов), а деятелями выступали сплошь разночинцы.

Показателем определенной духовной зрелости русского общества нужно признать и зарождение сатиры европейского типа. Она была еще

очень робка по своим формулам, узка по темам и довольно беспомощна по части стиля. Но смеяться над чем-нибудь своим значило и стоять выше того, над чем смеешься, и сознавать свои силы, чтобы позволить себе смех над самим собой. Еще интереснее, что главенствующие классы не довольствовались голым верховенством, но и считали нужным оправдать, прежде всего для самих себя, свое положение в обществе. Дворяне выступили сами. Молодые публицисты в тогдашних журналах смело пошли на защиту дворянских позиций, очевидно смутно ощущая, что новости жизни идут против них. Исходным пунктом их трактовки была модная, революционная в определенных руках, теория естественного права. Казалось бы, из признания равенства всех людей по природе с неизбежностью следовал вывод о противоестественности крепостного права, о неправомерности всех дворянских привилегий. Но ум помещика нашел выход. Это природное равенство является, так сказать, равенством в идее, в возможности. Разве в семье—основной ячейке общества, созданной самой натурой, все равны? Разве дети не нуждаются в помощи, в опеке родителей? И вот воскресала старая идея Петра о том, что «народ наш, яко дети». Только теперь дворянские публицисты считали, что дворянство после принудительной петровской и уже добровольной позднейшей школы вышло из детского возраста, само готово к роли воспитателя. На положении ребенка оставался народ, крепостные (дворянские публицисты не посмели всех, кроме себя, объявить детьми). Наш «несчастный», «невежественный» народ нуждается в опекуне, в воспитателе, даже вооруженном палкой, потому что его надо «приневоливать» итти к лучшему будущему—это тема, которую многие будут развивать еще и в XIX веке, даже и после ликвидации крепостного права. И вот крепостничество облагорожено до роли необходимой, «естественной» школы, воспитательного дома. Дворянство оказывается не захватчиком преимуществ в беге жизни, не похитителем народной воли и крестьянского труда. Наоборот, оно обременено (очевидно, от природы) тяжелою и ответственною ролью отца-кормителя и пестуна при ребенке-крестьянстве («вы — отцы, мы—ваши дети»—частая формула в устах крепостных). К чести дворянских публицистов этой поры нужно сказать, что они высказывались против крайностей помещичьего самодурства и излишеств помещичьей эксплоатации, настаивали на человеческих, «семейных» отношениях. Но мы видели, что жизнь шла мимо их рацей в этом направлении. Был и еще неудобный пункт в их конструкции. Когда ребенок станет самостоятельным, роль воспитателя должна кончиться, но о далеком будущем не беспокоились дворянские публицисты 1750-х и начала 1760-х годов.

Буржуазию, купечество не решились они прямо включить в свою школу. Не выдвинула русская буржуазия и своего пророка, который бы сформулировал ее взгляды на ее место в государстве. Но в переводном трактате немецкого профессора под скромным заглавием «Исторические описание о мануфактурах», появившемся в 1756 г. в академических «Ежемесячных сочинениях», русская буржуазия нашла то, что ей было нужно; не даром же настоящий певец русской буржуазии в 1780-х гг., М. Чулков (*см.*), счел нужным перепечатать этот не касавшийся Р. трактат в одном из томов «Истории российской коммерции». Осторожный немецкий бюргер не лез в открытый бой с юнкерством за права своего класса. Такое настроение хорошо подходило к периоду своеобразного

перемирия между купечеством и дворянством в Р. В трактате спокойно, в форме исторического повествования доказывалось, что мануфактура, дающая готовые изделия из сырья, поставляемого земледелием, скотоводством и пр., первенствует над сельским хозяйством, играет большую роль в жизни государства, создает богатства народа. А отсюда следовало, что и класс—создатель мануфактуры, есть настоящая соль земли. Благонамеренный профессор не делал и революционных политических выводов, не громил дворянского абсолютизма, не требовал буржуазной конституции. Не доросла до нее и русская буржуазия. Трактат проводил только идею о так называемой подзаконной монархии, когда законы, изданные властью, должны быть обязательны и для нее самой, ограничивают ее деспотизм. Но эту же мысль отстаивали и более умеренные французские просветители. Ее провозгласит (очевидно, под давлением или в осуществление чьих-то пожеланий) первый манифест Екатерины II, который потом она всячески старалась забыть.

Так чужими устами поквиталось с дворянством российское купечество. Мы видим, что и в области духовной культуры буржуазия старалась не отставать от дворянства, что в некоторых областях творчества уже в середине XVIII в. первенствовал разночинец, которого мы обычно считаем типичной фигурой XIX в.

10. Если в середине XVIII в. рост производительных сил начал испытывать, по крайней мере в наиболее развитых районах, противодействие со стороны старой формы производственных отношений, то во второй половине столетия, особенно к концу его, обнаружился уже настоящий конфликт новых явлений со старыми в области общественно-экономической. В связи с этим изменились и ход жизни, и характер деятельности руководящих общественных сил, и образ действия правительства. Мирная, спокойная в общем жизнь российских верхов сменилась нервной, беспокойной, с напряженной борьбой, с докучливыми заботами в настоящем, с тревожными опасениями за будущее. И, конечно, взаимоотношения классов сильно обострились. Вторая половина XVIII в. отмечена не только открытыми и очень широкими выступлениями угнетенных, но и борьбою — в разных видах — буржуазии и дворянства и отдельных групп в каждом из этих классов между собою. Само собой понятно, что и в сфере публицистики контакты нарушились, и мы можем наблюдать в литературе столкновения различных общественных тенденций и критику правительства и справа, и слева. И этот обстрел шел, несмотря на то, что, вместо вялой, ленивой, со скромными задачами и малой инициативностью работы правительства и его органов в прошлом, развернулась теперь энергичная деятельность с широкими планами, с постоянными попытками направлять жизнь государства в соответствии с личными замыслами. Медленное течение процессов жизни без ярких фактов сменилось бурным течением событий, одно другого красочнее; скромная, незаметная внешняя политика — блистательной дипломатической работой и громкими победами в военных столкновениях на суше и на море; восстановительное и заплатное законодательство уступило место мероприятиям реформаторским, законодательным памятникам широкого, общего значения. Серая толпа тусклых, безликих государственных сановников, не только не претендовавших на роли творцов, но бывших плохими исполнителями законов, сановников, из рядов которых не выделишь и десятка государственных людей, сразу заслонилась шумным выступлением целого ряда и на раз-

ных поприщах блиставших деятелей, увенчанных от имени современников всяческими лаврами, а со стороны власти — пышными титулами. И все это возглавлялось императрицей, скромно считавшей себя гением своего народа, стремившейся непрерывно играть роль и сумевшей присвоить себе успехи, достигнутые теткой, и мероприятия свергнутого мужа, которому помогла своими «Записками» стяжать в истории прозвание «скомороха». Такими чертами можно передать общее впечатление от тех 34 лет (1762—1796), которые принято было когда-то называть «веком Екатерины Великой».

На перепутьи от Елизаветы к Екатерине лежит кратковременный эпизод царствования *Петра III* (1761—1762; *см.*). Владетельный принц Голштейн-Готторпского герцогства по рождению, он, волею могущественной тетки, в 14 лет превратился в наследника Российской империи, но по ближайшем ознакомлении с ним и после появления у него сына — Павла — был предназначен к устранению от престола; однако, волею судьбы, помешавшей Елизавете осуществить это намерение, стал императором. Немец до мозга костей, пылкий почитатель Фридриха Прусского, с которым его тетка вела войну, Петр, еще ранее не считавший несовместимым с званием наследника русского престола сообщать Фридриху решения конференций, в которых сам принимал участие, теперь, получив полноту власти, одним из первых актов прекратил военные операции против Пруссии (см. *Семилетняя война*, XXXVIII, 237/41), объявил себя другом прусского короля и намеревался действовать в его защиту. Этот радикальный поворот русской внешней политики не мог встретить особых возражений в руководящих кругах государства. Война с Пруссией была мало понятна дворянству, не связана с его кровными интересами. Разрыв при этом с Англией был уже явно не в интересах и дворянства, и купечества, поскольку Англия играла исключительно крупную роль во внешней торговле Р., особенно в отношении закупки русских товаров. Прямыми пожеланиями дворян продиктован манифест 18 февр. 1762 г., провозгласивший «вольность» для дворян в отношении службы, поездок за границу, получения образования (см. *дворянство*, XVIII, 86); и все это — при сохранении за помещиками их земель и «подданных», при чем особый манифест в июне 1762 г. разъяснял волновавшимся крепостным, что их освобождения не будет. В соответствии с интересами дворянства была объявлена и давно назревшая секуляризация принадлежавших монастырям, архиерейским кафедрам и пр. духовенству имений с крестьянами (*см.* XIX, 191; XXIX, 265/66; XXV, 563/64, прил. 2/4). Этим помещики-дворяне избавлялись от главного, хотя и значительно к этому времени ослабленного, конкурента в области земле- и душевладения, а казна дворянского государства с отбираемых у духовных владельцев крестьян получала в свою пользу лишние доходы в виде оброков, дававших в 1760-х годах свыше 1.500.000 р., что при бюджете тех лет примерно в 20 млн. р. составляло весьма значительную сумму. Но, независимо от воли инициаторов этого мероприятия, оно должно быть рассматриваемо как начало раскрепощения крестьянства. Ведь освобождению, и при том с землею, подлежало около 1 миллиона душ, т.-е. свыше 13% всего ревизского населения Великороссии и Сибири. Эта сторона секуляризации была мероприятием по линии роста буржуазного развития. В том же направлении должно быть учтено и то обстоятельство, что среди монастырских крестьян было немало зажиточных и пря-

мо богатых, уже принимавших участие в торговом обороте страны. Теперь, освобожденные от опеки, они могли сильнее развернуть свою торговлю, поставки и пр. И в более поздние годы можно видеть, как приливали в города и вписывались в гильдии бывшие монастырские крестьяне. Наконец, совершенно вопреки желаниям власти и дворянства, секуляризация не могла не послужить лишним толчком к стремлениям на волю и крепостных помещичьих, обостряла взаимоотношения между барами и мужиками. Впрочем, и реализация провозглашенной при Петре III меры проводилась уже при Екатерине, и все ее следствия обнаружились уже после него. Еще более монопольность дворян, как душевладельцев, подчеркивал указ Петра о воспрещении фабрикантам и заводчикам покупать к предприятиям земли с крестьянами и отдельно людей. При этом необходимость теперь шире обращаться к наемному труду сулила также выгоды дворянам, крестьяне которых, как мы уже видели, особенно понуждались искать сторонних заработков. Но, конечно, этой мерой, оставшейся прочным законом вплоть до Павла, русские мануфактуры, особенно новооткрывавшиеся недворянские предприятия и новые отрасли производства, должны были в большей мере приобретать черты капиталистической промышленности. Если к этому прибавить еще уничтожение Тайной канцелярии, с удовлетворением встреченное образованным обществом, снижение цен на соль, важное в области народного питания и развития заготовок впрок мяса, рыбы и пр., смягчение режима в отношении старообрядцев и даже прокламирование чуть ли не полной свободы вероисповедания (указ Синоду 25 июня), то нельзя не признать, что этих мероприятий более чем достаточно для каких-нибудь 7 месяцев нового царствования. Совокупность таких «либеральных» распоряжений создает существо той новой программы и практики абсолютизма на Западе в то же примерно время, которые обычно называются «просвещенной монархией».

Эти меры должны были создать популярность, особенно в дворянских кругах, Петру III, хотя он сам менее всего повинен в провозглашении нового режима. Уже манифест о вольности дворянской вызвал большие, даже неумеренные восторги. Считали, что немногие государи кончали так, как Петр начал свою «деятельность» (Чернышев), пели в стихах о том, что этой мерой император «России (так под пером дворянского поэта звучало слово — «дворяне») вольность дал и дал ей благоденство» (Ржевский), предлагали (сгоряча) поставить в честь Петра «бриллиантовую статую на жемчужном пьедестале» (Рычков). Трезво смотревшие политики не приняли мер к осуществлению нереального по дворянским достаткам проекта зарвавшегося хвалителя, но сенат в полном составе явился благодарить государя за этот манифест (на неприятный, диссонирующий конец его, выражавший надежду, что свободные отныне дворяне не будут «обегать» государственной службы, и приглашавший «содержать в презрении» не служащих, намеренно не обращали внимания).

И, конечно, не анекдотические указы, не мальчишеское поведение взрослого императора, не пренебрежение супругой и умолчание о сыне в манифесте о вступлении на престол привели к бесславному финалу Петра III: во всем этом не было, в сущности, ничего, могущего изумлять петербуржцев, видевших преемников Петра I. Едва ли могли иметь серьезное значение приказы и тем более намерения в отношении церкви и русского духовенства: сошли же с рук Анне

издевательства над архиереями и взятие многих духовных, в том числе и архиереев, в Тайную канцелярию. Неприятное впечатление производило на петербургских патриотов афиширование восторженного почитания недавнего врага Р., вплоть до преклонения перед его портретом на публичном празднике. Не могло не задевать честолюбия сановников выдвигание на первые места голштинцев, а заласканная при Елизавете гвардия тяжело переносила оттеснение свое голштинским отрядом. Наконец, решительно восстановлял против Петра и гвардию, и дворянство, и купечество, прежде всего в Петербурге, его план, уже начатый реализацией в июне,— повести русскими силами и средствами войну с Данией для отвоевания обратно, в пользу Голштинии, Шлезвига. Здесь дело было не только в том, что армия и гвардия не пылали жаром воевать за чужие, непонятные интересы, но война с Данией запирала выходы для Р. из Балтийского моря и должна была прекратить почти целиком торговлю с Западом (кроме Швеции и Германии), что было бы весьма чувствительно прежде всего живущему этим оборотом торговому Петербургу, а потом и всем экспортерам вообще; недаром же к заговору в пользу Екатерины имел ближайшее отношение английский посол. Вот при наличии этой канвы заговорщики могли с успехом плести в разнообразных петербургских кругах узоры всяких сплетен про Петра и особенно про его намерения, для которых пьяная болтовня императора давала много материала. С другой стороны, через доверенных лиц императрицы активные сферы столицы хорошо и в преувеличенных формах осведомлялись о патриотическо-русском и либеральном образе мыслей Екатерины. Кроме того, участников дела могла привлекать и надежда на хорошую награду в случае успеха. Приходится говорить о Петербурге и его руководящих силах, потому что, несмотря на настойчивые внушения официальных актов и участников переворота, что воцарение Екатерины было проведено единодушным желанием «всего народа» и даже приглашением ее на трон «от народа избранными верноподданными», события 28—29 июня 1762 г. (*см.* XXXII, 135/36) были таким же «петербургским действом», как и предыдущие дворцовые перевороты, только в отличие от них теперь все происходило ясным днем с более широким вовлечением в дело всего петербургского гарнизона, особенно гвардейских полков, при участии с самого начала представителей знати наряду с рядовым офицерством. Петр III не только «беспристрастно и непринужденно» отказался от власти, но и был убит (6 июля) в пьяной драке с офицерами охраны. Населению его смерть была объяснена «припадком геморроидическим». Так открывалось новое царствование, которое уже по обстоятельствам начала не могло не проявить себя мерами либерализма, патриотизма и милостей.

Был отменен поход за Голштинию, но удержан мир с Пруссией, вскоре (1764) скрепленный союзным договором в целях совместных действий в Польше. С самого дня переворота и по сентябрьские коронационные дни награды сыпались на участников воцарения. Были розданы сотни тысяч рублей, невзирая на дефицит в бюджете 1762 г. в 1.152.000 р. при 15.350.000 всего дохода; в частную собственность отданы десятки тысяч душ крестьян, хотя великой княгиней Екатерина довольно решительно высказывалась против крепостного права. Но больше всего награждались чинами и орденами, также ведшими, конечно, к лучшей служебной карьере, дававшими более высокое жалование, обещавшими лучшую пенсию. Но этими более блестящими, чем

столь доходными, как два первых вида пожалований, наградами не все награждаемые были довольны; слышались речи, что императрица «нажаловала чести, да нечего ести». Далее, были вновь торжественно повторены почти все либеральные указы Петра III, но при проведении их в жизнь оказалось весьма различное к ним отношение.

Секуляризацию церковных и монастырских крестьян — для удовлетворения духовенства и еще более оттого, что освобождение этих крепостных вызвало надежды и волнения помещичьих «рабов»,—пытались отменить. Но за этим последовал такой ропот и такие волнения уже вышедших на свободу и не желавших возвращаться под чужую власть «экономических» крестьян (*см.* XXV, 563/64, прил. 3/4), что пришлось секуляризацию подтвердить.

А одновременно было более чем наполовину сокращено число монастырей: из 881 обители только 385 оставлены на государственном содержании, и то с очень ограниченным числом иночествующих, остальные или совсем ликвидированы, или, оказавшись внештатными, умирали постепенно сами. Вместе с тем решительный, но одинокий протест против секуляризации ростовского архиерея Арсения Мацеевича (*см.* III, 564/65) привел к осуждению его — по воле императрицы — самим раболепным синодом, который все же потом должен был выслушать резкую речь государыни, назвавшей членов церковного управления «государственными особами, состоящими под властию монарха» прежде всего, а потом уже «и законов евангельских»; эти факты прямо свидетельствовали о конце самостоятельной роли церкви.

Тайная канцелярия вновь объявлена уничтоженной, но одновременно созданная секретная экспедиция при Сенате с теми же задачами действовала в течение всего царствования ученицы французских философов, и Шешковский (*см.*) в 1780-х и 1790-х гг. внушал не менее ужаса, чем когда-то Ромодановский (*см.*) и Ушаков (*см.*): недаром Радищев, узнав, что отдан в руки Шешковского, упал в обморок. А 4 июня 1763 г. в Москве, потом и в др. городах, с барабанным боем публиковался вслух «манифест о молчании», увещавший всех «верноподданных единственно прилежать своему званию и должности, удаляясь от всяких продерзких и непристойных разглашений», под угрозой «всей тяжести» гнева царицы. Ссылка в Сибирь мелких дворян Хрущевых и Гурьевых (1762), высылка в деревню камер-юнкера Хитрова и в крепость св. Елизаветы капитана Н. Рославлева (1763) — участников переворота 1762 г. — были наглядными уроками того, к чему приводят «продерзкие и непристойные разглашения», а казнь Мировича (1764; *см.*) учила, до чего доходит «вся тяжесть» гнева императрицы в случаях выступлений против нее. И это — факты первых, наиболее «либеральных» лет ее царствования. А чем дальше, тем давление власти на мнения населения становилось сильнее, расправа со смеющими «свое суждение иметь» производилась все круче. Вот практика того, что под пером «певца Фелицы» (а за ним и кое-кого из историков) звучало так, будто она

> . . . «народу смело
> О всем и въявь и под рукой
> И знать, и мыслить позволяет
> И о себе не запрещает
> И быль, и небыль говорить».

Уже в июле 1762 г., повторив (но умалчивая об этом), только в более широковещательной форме, меру Елизаветы, новая власть объявляла решительную, но чисто словесную войну «скверному лакомству и лихоимству», примеры которых заставляли «содрогаться» сердце императрицы; но на практике страдали, как и ра-

нее, только отдельные, слишком зарвавшиеся взяточники, а порождавшие их общественный строй и система управления оставались без изменений. 15 янв. 1763 г. был дан действительно гуманный приказ о запрете производить пытки привлеченных к суду, хотя и ограниченный в применении только уездными органами, но его боялись даже опубликовать, очевидно из опасения протестов дворянства, требовавшего самых жестоких мер в обеспечение личности и собственности дворян от возможности покушений снизу, со стороны их «подданных». И, конечно, при такой секретности указ, несмотря на напоминания, «забывался», пытки продолжали практиковаться, применялись и в отношении впадавших в преступления «благородных». Об этом хорошо знало и «вышнее правительство» — и бездействовало. Даже, наоборот, — правда, не в уездных судах,—по велениям самой императрицы в интересовавших ее делах «расспрашивали с пристрастием под батожьем», а то и хуже.

В эти же годы были заявлены заботы о здравии всего населения империи и создана (1763) Медицинская коллегия, но более или менее заметные практические результаты этих забот проявились лет через 20, и то в отношении лишь городов, с учреждением в системе губернских установлений Приказов общественного призрения (*см.* VI, 17). Были созданы для «несчастливо рожденных младенцев» Воспитательный дом в Москве (1764), потом второй в Петербурге (1770), точно в столицы со всех концов государства могли приносить подкидышей, а смертность взятых в дома, достигавшая иногда почти 100% и не спускавшаяся ниже 50%, сводила совсем к скромным цифрам число «облагодетельствованных». Совершенно в стиле рационалистической педагогики той поры пытались создавать «новую породу людей» путем организации особых закрытых институтов для мальчиков и девочек и, конечно, были обмануты в ожиданиях (см. *Бецкий*). После неудачных опытов Петра и Елизаветы составить новое уложение на основе действующих законов задумано было, с привлечением к работе,—как это практиковалось и ранее, в том числе и при Елизавете,— представителей от населения, выработать совершеннейшее законодательство, исходя от рациональных принципов. Старательно разрабатывалась избирательная процедура в эту комиссию, чтобы заранее обезвредить все возможные опасности для власти, а сама императрица тайком от всех готовила для будущей комиссии «Наказ», долженствовавший служить главным руководством при работе (см. *Наказ Екатерины II*, XXIX, 548/52). С большой помпой проведены были выборы с устранением от них недовольного секуляризацией духовенства и не признаваемых гражданами помещичьих крестьян, с нажимом администрации там, где опасались сепаратизма (на Украине) или какой-нибудь оппозиции; с еще большими торжествами открыты заседания комиссии под надзором преданного видам императрицы А. А. Вяземского (*см.*) и под председательством верного ей А. И. Бибикова (*см.*). Но комиссия не сумела отвлеченные начала применить к конкретным нуждам страны; на заседаниях ее вместо ожидаемой мирной и почтительной работы зазвучали ноты резкой, хотя и в парламентарных формах, классовой борьбы по вопросам принципиальным, проявилась критика власти, и под первым благовидным предлогом (турецкая война) «представительный орган» ликвидировали (1768). Р. не получила новых законов, долженствовавших составить мировую славу «мудрой» законодательнице и обеспечить «блаженство всех и каждого»; только в руках власти остался мате-

риал, дающий сведения о состоянии разных районов государства и — главное — о нуждах отдельных групп населения (см. *комиссия*, XXIV, 598/603). А старый орган «вышнего правительства», сенат, проявлявший кое-какую строптивость и в части своего состава вздыхавший по некоторым притязаниям, был разбит на 6 деловых департаментов и прибран к рукам с назначением в качестве генерал-прокурора кн. Вяземского (1764), которому «секретная» инструкция прямо предписывала «не уважать» составившихся там «двух партий» (*см.* XXXVIII, 257/58).

Свободы вероисповедания, как и свободы мнения, «просвещенная» государыня не разрешала подданным. Но смягчение практики в отношении старообрядцев поддержано и продолжено вплоть до уничтожения (уже в 1780-х гг.) в официальных документах самого порицательного наименования их «раскольниками», отмены двойной подати и предоставления права служить по общественным выборам. Это касалось, конечно, согласий открытых, примирившихся с «еретической» или даже «антихристовой» (с точки зрения их основоположников) властью, руководимых в это время купечеством. Никакой политической опасности такие группы уже не представляли, а ослабление режима в отношении их развязывало силы и средства буржуазии: старообрядцев-купцов, и при том крупных, было много в Москве, в Нижнем, Ярославле, Калуге и разных других торговых и промышленных центрах. Для массы старообрядцев большее значение имели прекращение взимания двойной подушной, сокращение административных утеснений и продиктованный планами увеличения населения в империи призыв бежавших за рубеж с объявлением амнистии (1762). Вот тогда вернувшиеся из Польши поповцы создали ряд поселений за Волгой на притоке ее Иргизе, где появились и знаменитые в истории поповщины иргизские монастыри (см. *старообрядчество*, XLI, ч. 4, 380, 378).

Тем же желанием умножить число жителей, заселить пустующие пространства на востоке и юге и в то же время привлечь в страну технически лучше вооруженных земледельцев, ремесленников и фабрикантов, могущих служить примером для русских и содействовать росту и улучшению производств, — продиктовано развитие мер времен Елизаветы по части приглашения в Р. иностранцев (см. *колонии иностранные в России*, XXIV, 526/28). Только теперь во вкусе новой широковещательной политики это реализовано в специальном манифесте, напечатанном на разных европейских языках и распространенном во многих странах Европы. Деньгами на проезд, освобождением от податей, материальным содействием в устройстве хозяйства и пр. были привлечены в течение 1760-х—1790-х гг. около 75 тысяч колонистов (сб. п.), гл. обр. из Германии, а также из южной Европы, с о. Даго, из Турции, из Крыма и с Балкан. Надежды в смысле технического прогресса оправдались в малой степени, в отношении насаждения промышленности почти совсем оказались тщетными; не все поселенцы были даже порядочными землепашцами или ремесленниками. Но во всяком случае на юге, в Полесьи и особенно в Нижнем Поволжьи, постепенно выросли и окрепли новые населенные пункты. И, в частности, старообрядческие поселения по Иргизу и немецкие колонии по Караману и др. речкам установили, наконец, более тесные связи Яика с центральной Р., но в то же время стеснили еще более пределы калмыцких кочевий.

С первых же дней новой власти проявилось большое внимание к интересам буржуазии. Если подтвер-

ждение запрета Петра III покупать крепостных и вызывало вначале протесты со стороны фабрикантов и заводчиков, позже вполне примирившихся с этой мерой, то за другие акты слышались постоянные благодарности и хвалы со стороны купечества. Отмена всех монополий торговых и промышленных (кроме казенных и дворянской в отношении винокурения), ослабление, а потом и отмена правительственного контроля за производством и объявление полной свободы в организации промышленных предприятий (1775), уничтожение разорительных для купечества государственных служеб, восстановление права солеварения в Балахне и др.,— вот ряд мер в этом направлении. Расширение консульской службы, либеральный, но с охраной интересов русского производства, тариф 1767 г., свободный вывоз хлеба, особенно через Архангельск, и беспошлинный — пшеницы (1768), учреждение коммерческого банка в Астрахани (1764) и банковских контор в ряде городов (1768—1773), создание в Н.-Новгороде «торговой компании» с казенной ссудой в 20.000 р. (1767), разнообразное содействие средиземноморской такой же компании, поощрение морского судостроения, начало сооружения ряда каналов, учреждение штурманской школы и коммерческого училища (впрочем, слишком общеобразовательного, а потому и мало привлекшего к себе купеческих детей), — вот другая серия не менее существенных мероприятий. Наконец, стоят внимания и акты, поднимавшие вес купечества, как отмена для купцов ставившей их на одну доску с «подлым» народом «подушной» и взимание вместо нее одного процента из свободно объявляемого капитала (1775), а позже и отмена для купцов унизительных телесных наказаний, установление почетных званий и отличий для более богатых и «беспорочно служивших» по выборам, а равно действия по части благоустройства российских городов, начавших теперь по новым планам (с 1760-х гг.) принимать более «регулярный» вид, выдача им больших ссуд по случаю пожаров, поощрение каменного строительства, — все это приближало купечество к благородному дворянству.

Такие мероприятия отражали рост значения буржуазии в государстве и вместе с тем позволяли шире развернуться новым экономическим явлениям, в которых все заметнее становится участие и дворянства. В 1760-х и 1770-х гг. появилось немало новых промышленных предприятий. Мы не имеем о них данных от 1780-х гг. вследствие ликвидации мануфактур-коллегии, их ведавшей, но цифры за 1775 г. говорят о значительном приросте. Напр., суконных «указных» мануфактур вместо 46 стало 76, полотняных оказалось 72, а было в 1762 г. 53; хлопчатобумажных предприятий можно насчитать уже свыше десятка и т. д. Впрочем, темпы роста теперь отставали от того, который можно наблюдать во второй половине 1750-х гг.; особенно это заметно в такой определяющей отрасли производства, как металлургия. Этим подавались первые знаки грозного явления, которое развернется в 80-х гг. Росла в 1760—70-х гг. и торговля; впрочем, и здесь наши данные ограничиваются одними внешними оборотами: в 1762 г. они выражались почти 21 млн. руб., в 1778—80-х гг. в среднем немного менее 30 млн. Заслуживает внимания, что рост внешне-торгового оборота несколько отставал от увеличения числа мануфактур; а если еще иметь в виду, что промышленные предприятия одновременно становились в общем и более мощными, что, с другой стороны, в русском экспорте теперь все более заметную (хотя и далеко не перво-

степенную) роль начинает играть хлеб, то можно притти к выводу, подтверждаемому и другими показаниями, что отрасли крупной промышленности, работавшие раньше главнейшим образом на внешний рынок (черная металлургия, полотноткацкая), все больше поворачивали фронт к русскому потребителю.

Если буржуазия должна была остаться довольной новым правительством, хотя, конечно, заявляла все бóльшие требования, то отношения с новой властью дворянства, особенно руководящих группировок «благородного сословия», устанавливались не вполне гладко. Мы видели отклики недовольства в его среде даже наградами за переворот. Проявлялось оно и в отставках (далеко не всегда добровольных) сановников и рядовых служащих, а отставные, уезжая за границу (как гр. М. Воронцов, гр. И. Шувалов) или группируясь в Москве, составляли центры брюзжащих, критикующих власть. С дворянством связан ряд фактов, вызвавших определенное недовольство властолюбивой императрицы: пьяная болтовня Хрущевых и Гурьевых о воцарении заточенного Ивана Антоновича, разговоры в более значительной среде об устранении, даже путем убийства, временщиков Орловых (дело Хитрово), план организации госуд. совета с аристократически - ограничительными тенденциями Никиты Панина (*см.*), замыслы К. Разумовского сделать гетманство наследственным в своей фамилии, безрассудная попытка освободить и воцарить Ивана Антоновича (*см.*), предпринятая Мировичем (*см.*), составившим и проект обвинительного против Екатерины манифеста. И все это—на протяжении первых двух лет ее царствования. Понятно, что императрица настроена недоверчиво по адресу первенствующего сословия, окружавшего ее и при дворе, и в сенате, в Петербурге, в Москве и в поездках по стране. И если даже в 1762 г., по ее собственным, вероятно преувеличивающим «опасность», словам, она напоминала зайца, которого «поднимают и гонят изо всех сил», она все же решилась отвергнуть уже подписанный манифест об учреждении панинского совета, то позже она не только не склонна была делиться с кем-нибудь властью, но и выслушивать настоятельные, тем более обязательные советы. Она желала быть самодержицей, оправдывая для других в «Наказе» такую форму правления «обширностью» Российской империи, и хотя стремилась внушить мысль, что ее самодержавие совсем не деспотизм, по существу была настоящим деспотом. Всё и все должны зависеть от нее, всё должно направляться ее волей. Вот почему так обошлась она с «вольностью дворянской». Манифест Петра не был отменен, но и не был «конфирмован»; дворянству обещан «залог монаршего к нему благоволения», а пока в практике применения манифеста старались урезать даже «вольность» уйти в отставку; когда же комиссия об этой вольности, составленная из сановников, представила свой проект о правах дворянства, стараясь конструировать его как самостоятельное сословие, а права его понимая как неотъемлемые, ненарушимые и для самодержавного государя, — императрица отказала ему в утверждении. Понятно, что «обобрав президента Монтескье» при составлении своего «Наказа», она старательно опустила все места «Духа законов», где речь шла о необходимости разделения властей в качестве гарантии свободы, о политических привилегиях дворянства, противостоящего монарху и ограничивающего его власть. Екатерина, наоборот, хотела забрать это дворянство в свои руки, сделать своим орудием. Процессы, протекавшие тогда в Р., давали к тому известную возможность.

В этом направлении работало уже ранее начавшееся «оскудение» дворянства. Еще бо́льшими, чем при Елизавете, роскошью двора, за которой тянулась знать, пышностью придворных празднеств, на которые приглашались сотни и тысячи людей и в параллель которым в меньших размерах устраивались приемы, балы, маскарады и проч. провинциальными администраторами, позже еще дворянскими обществами и предводителями дворянства, втягивались в большие расходы посетители и подражатели этих увеселений. Дворянское хозяйство не выдерживало обращенных к нему требований. И если в 1760-х гг. мы имеем сведения о крупной задолженности даже таких магнатов, как Шуваловы, Воронцовы, то в 80-х и 90-х гг. дефициты — постоянное явление в дворянских бюджетах и крупнейших душевладельцев, начиная с Куракиных, Голицыных, даже Шереметевых, и средних по достаткам, в роде Тутолмина, Межакова, Огарева, и дворянской мелкоты, стремившейся в удобствах жизни поставить себя «по-благородному». Понятно, что, несмотря на юридическую возможность не служить, большинство искало службы, т.-е. прежде всего жалованья и «безгрешных доходов», с нею связанных, и если уходило в отставку, то на короткие сроки для устройства дел, для перемены служебного поприща. И Екатерина понимала, что делала, когда в эту жаждущую денег толпу бросала свои подарки и подачки. За время ее царствования из казны прямо деньгами или в виде ценных сервизов, табакерок и пр. ушли миллионы рублей, было роздано более 400.000 ревизских душ в награду «отлично служащим», а еще более прислуживающим на постах военном, гражданском и особенно придворном. Награды, доходы и жалованье привязывали к службе. А служба, тем паче весьма обычное тогда прислуживанье власть имущим, вплоть до императрицы, обюрокрачивали дворянина, особенно, когда он занимал высокие посты, отрывался от местных связей. И неслужащее, и служащее по дворянским выборам, а также на невысоких местных постах, в роде заседателей и пр., дворянство, угодничая перед сильными мира сего и заискивая у них, в то же время считало их отщепенцами, «изменниками» своему природному «званию». Круги московской и провинциальной оппозиции состояли, гл. обр., из неслужащих и отставных, и такие «охулители» мероприятий времени Екатерины, как занимавший высокие служебные посты кн. М. М. Щербатов, — не правило, а скорее исключение. И роль служащих в создании нужного власти мнения прекрасно понималась тогда: недаром все крупные фигуры явились в свои уезды на выборы дворянских депутатов в комиссию 1767 г. С другой стороны, попрежнему в ряды дворянства вливались, расстраивая единомыслие его, новые люди из разных слоев, путем службы и пожалований. Такие «выскочки», и в немалом числе, оказались и в группе высшей знати — это прежде всего фавориты императрицы. И характерно, что все эти получавшие графские и княжеские титулы Орловы, Потемкины, Васильчиковы, Мамоновы и пр. и пр. сплошь были из мелкого дворянства, а то и проходимцев неведомого происхождения (Зорич). И все протесты «столбового» дворянства против внедрения «новых людей» — в наказах депутатам комиссии 1767 г., в работе самой комиссии и в др. случаях — ни к чему не приводили. Наконец, единство настроения дворянства подвергалось сильному разложению со стороны обуржуазившихся представителей его. Все больше встречаем мы дворян фабрикантов и заводчиков, хотя далеко не во всех случаях числившееся за помещиком пред-

приятие и действительно им создано (были мануфактуры их крепостных под их именем) или им эксплоатировалось (знаем не мало случаев аренды принадлежащих дворянам помещений и рабочих рук купцами). Все чаще, особенно в 80-х и 90-х гг., можем наблюдать дворян в роли поставщиков, подрядчиков и откупщиков, хотя такие «неблаговидные» для благородного шляхетства занятия довольно часто прикрывались именами приглашаемых в компанию купцов или велись под фирмой собственных крестьян. Знаем даже дворян-торговцев; известным в литературе примером их является автор «Бригадира» и «Недоросля», торговавший предметами искусства, но другие спускались и до более прозаических предметов. Тот же Фонвизин, отражая, конечно, целое течение, перевел появившийся во Франции в 1756 г. и изданный у нас в 1766 г. трактат аббата Куайе «Торгующее дворянство», в котором высокому сословию бросался земной, но привлекательный и недурно обосновываемый лозунг: «обогащайтесь и честною жизнию составьте государственное благополучие; упражняйтесь в купечестве!». И даже такие столпы дворянско-помещичьего мировоззрения, как кн. М. Щербатов, всеми силами стремились сделать монополией дворянства все операции с земными «произращениями». Близость в настроениях и еще более настоятельная потребность чужими капиталами зачинить дыры в своем бюджете вели к довольно частым и даже не в низах дворянства «мезальянсам» — бракам с купеческими дочерьми и вдовами — и Фонвизин далеко не единственный в этом отношении пример.

При таких разнообразных подтачиваниях помещичьих классовых позиций, естественно, не отличались настойчивостью и упорством дворянско-сословные политические требования, не могла похвалиться устойчивостью и определенностью программы дворянская оппозиция. Можно было окриком или простым выражением недовольства заставить умолкнуть голоса требующих, легко было угрозой немилости или более или менее щедрой наградой перетянуть критика в число «преданных слуг ее императорского величества». Поэтому Екатерина и могла, разобравшись в обстановке, отклонять, и чем позже, тем с меньшими трудностями, политические притязания, «заразившие» лишь часть дворянства. Но, с другой стороны, она полностью поддерживала социальные права и привилегии помещиков. Правда, в первые годы, еще не вполне оценив сторонников самодержавной власти и не сознав разлагающих дворянство процессов, она, напр., работая над инструкцией по выборам в «Комиссию по составлению проекта нового уложения», старательно стремилась заранее оставить дворянских депутатов в меньшинстве в пленуме комиссии, заставила своих приверженцев участием в кампании воздействовать на тексты наказов, ловким ходом дала комиссии верного себе председателя и т. д. Тогда же в противовес политическим чаяниям дворянской среды она выдвигала пугалом крепостной вопрос, выдвигала, правда, очень дипломатично. Даже великой княгиней она, находя, что «противно христианской религии и справедливости делать людей, которые все родятся свободными, рабами»,— считала, однако, что устроить... «крутой переворот» в отношении рабства «было бы плохим способом заслужить любовь землевладельцев, которые полны упорства и предрассудков». Императрицей она более дорожила «любовью землевладельцев», чем думала о принципиальной постановке ликвидации рабства. В «Наказе» она уже говорила только об «отвращении» «злоупотреблений рабства», о возмож-

ности «учредить нечто полезное для собственного рабов имущества». Но когда ее предварительным цензорам-дворянам показалось, что мнения об определении размеров выкупа или о создании для помещичьих крестьян особого сельского суда из их выборных опасны, что они «могут разрушить самые стены общественного порядка», она, столь неуступчивая в других случаях, здесь с легкостью вычеркивала такие «разрушительные» положения: цель была достигнута, ее политический оппонент напуган. Но и после под рукой она выставляла или позволяла выдвигать больную для помещиков тему: то созданное по ее инициативе и на деньги, инкогнито ею пожертвованные, Вольное экономическое общество (*см.*) объявит конкурсной темой вопрос о собственности крепостных и увенчает наградами сочинения, говорившие об ограничении произвола помещиков; то в Комиссии 1767 г. допускается обсуждение крепостного вопроса, при чем и в дворянской среде находится изменник — Коробьин, выступающий, по всей видимости, по указаниям Екатерины, за освобождение крестьян. Когда Сумароков выступит с резкой критикой антипомещичьих тенденций «Наказа» и будет писать, что «наш низкий народ никаких благородных чувствий еще не имеет» и потому нуждается в благодетельном руководстве помещика, императрица основательно замечала: «и иметь не может в нынешнем (т.-е. угнетенном) состоянии»; когда ее критик рисовал идиллические картины взаимной любви крестьян и помещиков, при которой последние «живут покойно в вотчинах», Екатерина язвительно прибавляла: «бывают зарезаны отчасти от своих». Но когда крепостные даже не резали своих господ, а только отказывали им в повиновении, императрица посылала против них войска. Точно так же и для усмирения приписных к уральским заводам крестьян, находившихся в «возмущении» с 1760 г., был послан с военной силой кн. Вяземский. Он сначала экзекуциями и «увещаниями» привел к «повиновению» отказавшихся работать, а потом заставил управителей казенных и владельцев частных заводов пойти на некоторые уступки. Только теперь, после длительной забастовки многих тысяч крестьян, было восстановлено вознаграждение им за время прохода на завод и обратно, были точнее определены сроки и характер выполняемых ими работ, а позже, в 1769 г., была, наконец, изменена оплата рабочего дня их: цены были подняты вдвое против «плаката» 1724 г., по которому до сих пор велся с ними расчет. Таким образом приписные упорной борьбой кое-чего добились. Помещичьи крестьяне многочисленными, но разрозненными выступлениями не добились ровно ничего. Наоборот, в 1767 г. указано не принимать от крестьян жалоб на помещиков, в том же году предписано синоду внушать сельскому духовенству «о неписании людям и крестьянам на их помещиков... прошений», и в соответствии с этим с каждого ставленника в духовные чины стали отбирать такую подписку. Все сельское население, кроме помещичьих крестьян, обременялось дополнительными платежами: к 1 р. 70 к. подушного и оброчного сбора в 1768 и 1783 гг. прибавлено в два приема еще 2 р. оброка, а в 1794 г. — 30 коп. подушных (уже со всего крестьянства, включая и помещичьих), т.-е. обложение поднято на 135%. А сверх того та же деревенская масса вынесла на своей спине почти всю тяжесть поставок рекрут в армию в длительных и очень кровопролитных войнах «века Екатерины» (см. ниже — *войны Р.*).

Нет надобности подробнее показывать, что растущий процесс расслоения деревни все резче отлагал внизу

полуголодную, нищую бедноту, что при словесной борьбе с лихоимством — особенно в отношении безответной и далекой от глаз правительства деревни — разыгрывались аппетиты хищной и глумливой администрации, что постоянная нужда в деньгах вела к усилению эксплоатации крестьян со стороны помещиков. При благоприятной конъюнктуре для зерна, пеньки, льна помещичьи имения уже начинали превращаться в «фабрики» земледельческих продуктов, иногда и скотоводства; и если они были сопряжены с винокуренным заводом, полотняной фабрикой и пр., то крестьяне ни лето, ни зиму не были предоставлены самим себе. К 1780-м годам процент барщинных крестьян по 7 губерниям черноземной полосы достигал уже 74 (в отдельных губ. даже 90) и даже по 13 губ. менее благоприятной нечерноземной полосы был выше половины (55%). В качестве новинки появилась и настоящая плантаторская система ведения хозяйства, при которой крестьяне, как американские негры, совсем не имели своей запашки, все время работали на барина, получая от него основные продукты питания месячными выдачами (по ним и система окрещена именем «месячины»); яркую картину ее дает уже Радищев в своем «Путешествии». Для оброчников один лишь денежный оброк возрос примерно вдвое: с 2—3 руб. 1760-х годов до 5—6 руб. в 1780-х гг., а росли одновременно и натуральные оброки.

Нельзя упускать из виду, что чем более втягивалось крестьянство в торговый оборот, тем более и более становилась деревенская беднота и среднее крестьянство объектом эксплоатации еще со стороны торгового капитала, а нужда в деньгах в деревне развертывала широкое поприще для ростовщиков. При этом и скупщиками крестьянских продуктов, и поставщиками в деревню сторонних товаров, и кредиторами для нуждавшихся все значительнее, рядом с буржуазией городской, выступали свои деревенские «сильные» люди. Неудивительно, что обеднение, обнищание крестьянства шло вперед быстрыми шагами. Естественно, при отсутствии всяких запасов, что голод был, можно сказать, постоянным явлением в русской деревне то в одном, то в другом районе. И обычно фигурирующий в рассказах об «эпохе Екатерины» голод 1787 г. только выделялся из ряда обычных захватом огромной территории. И другой спутник нищего и к тому же невежественного и лишенного медицинской помощи населения — эпидемии были бытовым явлением в русской деревне. И в этом отношении всегда упоминаемая чума 1771 г. отличалась лишь размахом, да отмечена еще крупным движением в Москве (см. *Амвросий*, II, 414). Дополнительным бичом для крестьянина были эпизоотии, во многих местах регулярно ежегодно поглощавшие тысячи голов скота и лошадей и тем еще более подрывавшие неустойчивое крестьянское хозяйство.

Не лучше было и положение все вырастающих в числе фабрично-заводских рабочих. Ничтожная, все более отставшая от стоимости жизни плата еле-еле обеспечивала полуголодное питание и вынуждала итти к станкам не только рабочего, но и его жену, и малолеток-детей. Длинный рабочий день истощал последние силы. А жестокости и издевательства хозяев и мастеров исчерпывали терпение работающих, усиливали бегство, вели к забастовкам и пр.

Печальные картины являли *окраины*, особенно на востоке и юге. Не оправившаяся от последнего погрома Башкирия терпела тройной гнет: заводчики за бесценок или прямым насилием захватывали куски земли и леса для своих заводов, и нужда еще гнала башкир работать на этих за-

водах в качестве чернорабочих по добыче руд, перевозке и пр.; в «замиренный» край с богатыми, нетронутыми сохой землями, с обилием лесов, с ценными рыбными ловлями шел русский помещик, которому вырезали лучшие угодья, стесняя башкирское хозяйство, а он приводил своих крепостных из перенаселенных районов; наконец, не дремала в хищениях и самообеспечении администрация. Южнее, на Яике, прошли уже времена «равенства»; все больше выделялась старшина, льнувшая к империи и готовая в любую минуту продать казаков, а императорская власть, для которой военно-оборонительное значение Яицкой линии против напиравших с востока киргизов было очень велико, пользуясь всякими случаями, все прочнее забирала казаков в свои руки, укрощая силой волнения недовольства. В Поволжьи калмыки, почти лишенные рыболовства и все более стесняемые в районе кочевий, в главной массе в 1771 г., пограбив доступные русские и немецкие селения, успели уйти в Монголию, потеряв в бегстве не только много скота, но и людей. Оставшихся всех сосредоточили к западу от низовьев Волги и совсем уже — через их знать — сделали подданными Р. На Дону старшина переходила к земледелию и рассчитанному на сбыт скотоводству. Захватывались в частное пользование атаманов и есаулов громадные юрты, появлялись по речкам и даже у самого «вольного» Дона хутора, населенные купленными в центре «на вывод» крепостными. Пошли исчисления казаков и «иногородних». Лишь призраки вольностей оставались в головах у казачества. Украиной императрица была особенно недовольна. Все здесь не нравилось ей: и властная, желающая сохранения привилегий старшина, и духовенство, простирающее «иногда власть свою духовную над мирскою», и «несообразимое смешение правления воинского с гражданским», и вредные даже «самим посполитым людям (т.-е. крестьянам) с места на место переходы», и система хозяйства с «закоснелой... к земледелию и к другим полезным трудам леностью» и т. д. И новому правителю — после окончательной ликвидации гетманской власти — Румянцеву дается наказ (1764) по возможности все унифицировать, обрусить во всех отношениях край и население (*ср.* XLII, 183/84). В предосторожность от всяких случайностей ликвидируют на Украине пороховые заводы, для поддержки русской политики раздают земли и крестьян русским помещикам. Рядом с их «вечными» крепостными переходы «малороссиан» совсем уж нетерпимы, и они, наконец, ликвидируются, правда уже позднее (1783).

Таким образом, горючего материала, могущего вспыхнуть в любой благоприятный момент, было сколько угодно. Опасность в случае такого пожара грозила одинаково всем господствующим. И это было ясно уже в 1760-х гг. Чаяния низов попрежнему готовы были облечься в форму ожиданий своего «народного» царя. Петр III объявленными им «вольностями» монастырских крестьян, старообрядцев и таинственной судьбой рано привлек к себе внимание народа. Он легко мог превратиться в такого царя, который каждому даст желаемую им «волю». Уже в 1763 г. на Урале были толки, что Петр III жив, и духовенство о здравии его служило молебны. И до Пугачева появлялось много лиц, готовых играть роль императора-благодетеля, и некоторые, как Богомолов на Нижней Волге, имели временный успех. Все эти случаи относятся к югу и юго-востоку. Опасное для верхов настроение в центре широко развернулось в серьезном волнении в Москве в 1771 г. в период чумы. И потому

понятно, что, пугая дворян вопросом о крепостных, Екатерина только вела политическую игру; для нее своими были дворянские, а не крестьянские интересы. В грозные дни пугачевского движения (см. *Пугачев и пугачевщина*, XXXIV, 11/62) и кончилась эта поверхностная распря друзей.

Движение 1773—1775 гг. охватило громадную территорию на юго-востоке, на ней проживало около одной пятой всего населения империи. Но и в центре государства и даже к западу от Москвы бродили эмиссары восставших, распространялись воззвания нового императора с призывом к восстанию, к истреблению помещиков. И призывы эти встречали сочувствие. Массы обездоленных и угнетенных только ждали приближения отрядов Пугачева для того, чтобы ринуться в бой. Так, кроме районов, уже охваченных грозным пожаром народного гнева, вырисовывалась опасность повсеместного восстания низов. В отрядах, сражавшихся под знаменем Петра III, действовали разные группы населения. Яицкие казаки и башкиры, горнорабочие и помещичьи крестьяне, немецкие колонисты и низы городского населения были деятельными участниками борьбы. У каждой группы восставших были свои цели, имелись особые требования, вплоть до противоречий в отдельных случаях —напр. стремление башкир разорять уральские заводы и настойчивые желания сознательных рабочих сохранить металлургические предприятия, обратив их в промышленную базу для вооружения народной армии. Но и при расхождениях в частностях, при выдвиганиях специальных задач, всех восставших воодушевляло общее стремление к воле, все горели единой ненавистью к самодержавно-помещичьему режиму.

И вот перед лицом крайней опасности был заключен «союз» дворянства и верховной власти. Дворяне под мантией императрицы искали защиты своих «прав», имуществ, жизни; Екатерина объявила себя «помещицей» и снисходительно внимала тому, как провинциальные дворяне «равняли» ее с собой.

Чрезмерным напряжением всех сил, оставшихся в распоряжении господ государства, мобилизацией дворян, переброской с фронта внешней войны (с Турцией) ряда военных частей на фронт внутренний, посылкой против «банд мятежной черни» лучших полководцев удалось нанести сокрушительные удары восставшим. Долго потом тушили отдельные очаги и с ярой ненавистью жестоко расправлялись с побежденным врагом. И естественно, что залечивание чуть не смертельных ран, заботы об укреплении едва не сброшенного режима становятся в центре внимания правительства.

Сильный удар нанесло восстание хозяйственной жизни государства. Здесь нужно учитывать не только разгромленные и выжженные усадьбы помещиков, не только разрушенные заводы и пострадавшие города. Около двух лет громадная часть государства была театром ожесточенных боев, не действовали промышленные предприятия, не сеялись господские поля, прекратилась торговля. И это по связности уже всех частей государства не могло не отражаться на целом, должно было дезорганизовать хозяйственную жизнь и в районах, не переживших непосредственно бурь гражданской войны, тем более, что настроение крестьян и рабочих и в этих последних прямо требовало осторожности, не позволяло натягивать поводья. А потом надо было восстановить уничтоженное, наладить порванные взаимодействия. Удар пришелся по больному месту; трещины в крепостнической стране расходились шире. И надо было бросать выжимаемые из низов сотни тысяч рублей на под-

держку разоренных дворян; нужно было помогать возвращению к «нормальному» течению жизни.

11. Некоторые эпизоды внутренней войны обнаруживали неустойчивость в отдельных частях правительственной армии. И вообще она нуждалась в увеличении состава и в усилении мощи, чтобы быть готовой поддерживать трон и помещиков против покушений внутри и давать возможность вести активную политику вовне. И вот, несмотря на мирные после 1774-го годы, продолжались усиленные рекрутские наборы. Мерами главным образом Потемкина росли формирования, менее связанные с крестьянством. Тем же Потемкиным и Суворовым внедрялись новые взгляды в среду руководящих, поднималась в меру безопасного для социально-господствующих классов уровня сознательность солдат, проявлялась бо́льшая, чем раньше, заботливость об армии и в том числе о низших кадрах ее.

На очередь выдвинулся вопрос о реформе административной. Еще в 1760 гг. дворяне требовали в наказах «приближения власти к населению»: или прямо говорили о необходимости и целесообразности передачи власти в уездах в руки местных помещиков, или просили предоставить шляхетству выбирать помощника воеводы или особых защитников дворянских интересов, которые заседали бы в воеводской избе. Смысл всех этих заявлений был один и тот же: хотели более активной защиты дворянского хозяйства, имущества и жизни от мятущихся или прямо мятежных подданных и не доверяли в этом бюрократии или были недовольны ее действиями. В эпоху пугачевщины единый и универсальный владыка в уездах, — часто очень больших по числу населения и по площади и очень причудливых по фигуре территории, — воевода обнаружил неуменье или невозможность обеспечить даже нормальный в понимании помещиков порядок. И вот спешно была разработана и в 1775—1785 гг. осуществлена реформа местного управления (см. *губерния*, XVII, 311 сл.). Вместо 20 губерний Р. разделена теперь на 50, с более равномерным распределением по ним населения, с однообразным подразделением на уезды, которые приобрели теперь более правильные конфигурации. Освобождая больше времени у администрации для прямых задач управления и наблюдения за порядком, создали параллельно административным особые органы судебные и финансовые и — для новых забот о «населении» — «Приказы общественного призрения» (в губ. городах), ведавшие школами, больницами, богадельнями и пр. Подчеркивая большое расстояние дворянства от остальных групп населения и горожан от деревенщины, организовали отдельные учреждения для каждого сословия (кроме помещичьих крестьян, которые, ведь, не считались уже подданными государя, а только своих господ). Получился аппарат более сложный, чем в эпоху Петра, но теперь для него уже доставало людей. Более того. Громадное количество новых должностей, открывшихся в провинции, было кладом для местного дворянства, которое могло с удобством найти приработок (а то и основное содержание), не отрываясь вполне и надолго от хозяйства, как то было при полковой или столичной службе. Вместе с тем дворянство получало на местах власть в свои руки, и не только в том виде, что оно в качестве членов и заседателей сидело в разных присутствиях, но еще более в том, что руководитель нового уезда капитан-исправник был прямо дворянским избранником. За центром оставлено лишь верховное руководство и назначение на важнейшие должности. Наместники, назначаемые свыше представители импе-

ратрицы, не стесняемые никакими коллегиями, осуществляли всю полноту власти в губернии. А над ними стояли, объединяя два-три наместничества, генерал-губернаторы из особо доверенных лиц императрицы (П. Потемкин, гр. Воронцов, кн. Репнин, ген. Кречетников и под.).

Когда осуществление губернской реформы подходило к концу, были торжественно объявлены (1785) «жалованные грамоты» дворянству и городам; была заготовлена и грамота сельскому, конечно «вольному», населению, но так как ею лишний раз резко подчеркивалось полное бесправие помещичьих крестьян, то из опасения сделать ее возбудителем новых волнений среди крепостных поостереглись излить «монаршие милости» и на их ближайших соседей — государственных крестьян разных категорий. Грамота дворянству (*см.* XVIII, 87 сл.) была только систематизацией ранее добытых им прав и преимуществ. Правильнее конструировано теперь и зародившееся, особенно в 1760 гг., дворянское самоуправление, приуроченное к губерниям. Губернское дворянское общество получило право юридического лица; за ним закреплено право надзора за администрацией с возможностью непосредственных обращений к верховной власти. Но даже и теперь, когда «залог монаршего к нему благоволения» был реализован, шляхетство не получило ни положения независимого сословия, ни всеимперской организации. Более того, и на местах предводители дворянства, являясь непременными участниками разных комитетов и заседаний, в которых должны были отстаивать дворянские интересы, фактически оказывались подручными губернаторов, и последние нередко являлись закулисными организаторами выборов угодных им предводителей. Грамота городам (см. *город*, XV, 649 сл.) формулировала права отдельных групп городского населения, особенное внимание уделяя купечеству (*см.* об этом выше), и пыталась впервые конструировать город как всесословное целое с единой, составленной из представителей от разных категорий горожан, «шестигласной думой». Говорим: «пыталась», так как в действительности в очень многих уездных городах никак не могли организоваться думы в виду наличия только двух-трех групп населения.

Новые мероприятия на базе хозяйственных успехов предыдущих десятилетий отозвались большим оживлением жизни в провинции и вызвали заметные видоизменения. При проведении губ. реформы ряд старых городов, лишенных всякого экономического значения, был переведен в «заштатные» или даже превращен в сельские пункты (гл. обр. на сев.-западе и в центре). Наоборот, организация новых уездов потребовала создания и новых административных центров. В ранг уездных городов, естественно, старались возводить более крупные и экономически живые сельские пункты и посады, но крепостной строй вносил в эту схему очень существенную поправку. Если село становилось городом, то жители превращались в большей их части в мещан и купцов. Но нельзя же было обратить в российских граждан помещичьих крестьян. И потому нередки случаи, когда при наличии крупных и богатых помещичьих сел и слобод на роль уездного центра приходилось брать ничем не замечательное какое-нибудь казенное, в крайнем случае дворцовое село, которому трудно или невозможно было стать экономическим центром. В общем все же и центры были подобраны и территории были сконструированы достаточно удачно для целей и дворянского, и даже буржуазного государства: без радикальных изменений административное деление конца XVIII

в. дожило до революции 1917 г. (за исключением сильно колонизовавшихся позже районов).

Реформа перенесла в губернии ряд функций, выполнявшихся ранее центральными учреждениями, и уезд получил свою долю участия в административной жизни. С уездами и губерниями связаны дворянские организации. В уездных и губернских учреждениях проходило службу немало местных дворян. В большом количестве приезжали,—на высшие места, конечно, особенно в губернский город,—и чиновники из столиц. Для дворян, особенно с более скромными средствами или даже и для честолюбивых богачей, желавших играть первую роль в провинции вместо того, чтобы быть рядовыми членами столичного общества, губернские и частью уездные города становятся более притягательными, чем раньше, тем более, что изменялись, как уже отмечено, и внешний вид, и благоустройство городов, особенно крупных. Необходимость экономии чем далее, тем больше заставляла дворян воздерживаться, по возможности, от разорительных поездок в столицы, а искать общества и развлечений, устраивать дела и браки в своих, местных центрах. С другой стороны, и крестьяне, которым приходилось по делам бывать в городе, старались одновременно сбыть в нем свои продукты, на которые теперь — с ростом города — увеличивался спрос, и закупить необходимые товары. И вот, на удовлетворение потребностей новых обитателей — постоянных, как чиновники, и временных, как жившие по зимам и не служащие дворяне, а также наезжавших крестьян, начинают развертывать производство ремесленники, растет количественно и качественно, завозя новые столичные и европейские товары, торговля. В административных центрах устраивают ярмарки, если их не было раньше. И рядом с ростом экономическим, даже более заметно, бросается в глаза рост культурный. Дворянство, задававшее тон жизни в провинции, являлось рассадником новых привычек, удобств и украшений в быту. Новая мебель, европейское платье, употребление чая, кофе, сахара, виноградных вин в большей мере, чем раньше, светская книга, газета проникают в среду городских обывателей, особенно купцов. По признаниям самих дворян, в провинции у купцов можно стало встретить «порядочный, отделанный по английскому вкусу дом». А затем больницы и лекари для гражданского населения, которых не нужно всех подряд представлять себе в виде классической фигуры гоголевского Хр. Ив. Гибнера, несли новое и разлагали старые взгляды. Еще больше давала школа, которую с 1780 гг. более усиленно насаждают в городах. И сама школа (см. *школьное дело*, L, 127/28), с новыми приемами обучения (показом), с новыми предметами (естествознание, начатки истории и пр.), с библиотеками и кабинетами, с торжественными публичными актами и доступными жителям школьными праздниками, сильно ворошила застоявшуюся, однообразную жизнь, давала новые темы для бесед и предлагала новые средства для самообразования тем, кто не проходил ее. Да и в ней самой, особенно в губернских городах, обучались сотни детей и юношей из разных слоев городского населения. Наконец, роль бродильного начала в провинции должны были играть и насылаемые из столичной учительской семинарии учителя. И их опять-таки было бы неправильно рисовать сплошь в стиле чиновников-учителей николаевской поры, ломавших стулья от восторга перед подвигами Александра Македонского и не дававших учащимся навыков самостоятельной работы мысли. Из учительской среды конца XVIII в. вышел ряд составителей толковых описаний местных

губерний; учителя помогали академикам в сборе естественно-научных коллекций; в их составе знаем сотрудников столичных журналов, как «Философ горы Алаунской» — учитель В. А. Жуковского; с их участием издавались провинциальные — в эту пору впервые появившиеся — журналы: «Иртыш, превращающийся в Иппокрену» в Тобольске, «Уединенный Пошехонец» в Ярославле, «Урания» в Калуге (уже в начале XIX в.). Вот эти журналы, спектакли, а в иных городах и постоянные театры, общественные сады и «воксалы» с концертами, кое-где публичные библиотеки и чаще частные довольно значительные собрания, — все это опять-таки было в большой мере новостью 1780-х и 1790-х гг. в губернских центрах. Это оживление в провинции настолько бросалось в глаза, что даже резкий критик губернской реформы Винский связывал с нею, с новыми людьми, ею призванными в провинцию, установление «людскости, вежливости и других качеств, свойственных благоустроенным обществам», вместо «грубости и скотства, прежде господствовавших» в Уфе, где он был свидетелем реформы. Это рождение нового, особенно в области культурной, конечно, не обозначало полного вымирания старого, как можно понять Винского. Но новым резче подчеркивались «грубость и скотство» старой жизни, и не только в смысле обращения в обществе, о чем только и говорит в сущности Винский. Новые явления все более резко подчеркивали «грубость и скотство» старого общественного строя. Когда, напр., в Н.-Новгороде на акте в училище в 1790 г. преподаватель IV класса Ив. Кужелев с жаром отстаивал в публичной речи право всех на образование, свойственное самой природе человека, когда он по поводу сужения «влияния наук не далее породы, избираемой к правительствам и священнослужениям», восклицал: «Чем можно лютее наказывать человека, как отнятием у него самого человечества? Какую можно вымыслить замену разумной твари, умертвив самый разум?»; или когда он категорически подчеркивал, что небрежение обучением ведет к «истязанию... перед вечным правосудием», что «имеет право требовать каждый гражданин: отдай мне мое», то, конечно, слушавшие его разночинцы должны были понимать, что оратор отстаивает их равенство с дворянством, что укоры его идут по адресу не только родителей, которые, жалея отдать в учение детей, «убивают невежеством души» их, но и направлены против тех, кто своих «подданных» вообще не склонны признавать людьми. Официальный конец речи с неизбежным и страхующим оратора восхвалением «благодеяний премудрой и чадолюбивой монархини», которые «возвышают души всех и каждого по мере его дарования и состояния», конечно, не мог затушевать основных мыслей речи. И нельзя было успокоиться на том, что само «состояние» крепостных требует исключения их из числа получающих образование. Оратор прямо указывал, что те, кто «опасались мечтаемой взмерчивости и неустройств от просвещенного народа», «не предвидели того ужаса, какой грубости есть сроден». Говорить яснее было бы очень опасно. Но каждому и без того были доступны доводы и выводы оратора. А речь была еще напечатана и потому должна была вызвать отклики не одних только слушателей.

Фальшиво звучали в 1790-х гг. для всех мало-мальски разбиравшихся в обстановке хвалы монархине, ибо в эти годы уже и в словесности, идущей сверху, не слышно было заявлений о заботах возвышать «души всех и каждого». Манифесты этой поры говорили только о победах российского воинства над поляками, турками, шведами,

Еще в 1760-ые гг., под шум «либеральных» и «благожелательных» к подданным заявлений, принимались меры военной подготовки: возобновляли почти совсем развалившийся флот, подтягивали дисциплину в сухопутных и морских войсках, а скоро потом последовали и усиленные рекрутские наборы, поднявшие численность русской армии, несмотря на все кровопролитные войны, до 500.000 бойцов (с 200.000) и флота до 67 (вместо 21) линейных кораблей и до 40 фрегатов (в 1762 г. было 6). С первых же лет нового царствования было совершенно ясно по крайней мере одно направление военной агрессии. Приехавший на коронацию Екатерины Георгий Конисский (*см.*), православный еп. белорусский, «именем всего белорусского народа» просил защитить православных подданных Речи Посполитой от притеснений со стороны католицизма. Другой ходатай за православных в Польше—игум. Леонтович прямо указывал и «политическую пользу» от такой заступы: «Российскому нашему государству можно будет на 600 верст самой лучшей и плодороднейшей земли с бесчисленным православным народом перед всем светом праведно и правильно у поляков отобрать». Конечно, российскому дворянству, уже испытывавшему стеснения в хозяйстве, приобрести конфискуемые у польских магнатов «маетности» в Белоруссии вместе с православными подданными было весьма соблазнительно. Кроме того, русские помещики имели еще свои счеты с Польшей. В наказах 1767 г. весьма настойчиво звучит требование добиться от Польши прекращения приема беглых из Р. крепостных. Но заинтересованы были в приобретениях новых территорий на западе и купцы-торговцы и промышленники. При слабости в Белоруссии и польской Украине купеческого капитала, задавленного шляхетскими привилегиями, русские торговцы-«маркитанты» уже ввозили в пределы Польши кое-какие русские изделия и доставляли оттуда шерсть, сало, поташ и пр., нужное в качестве сырья русским фабрикам. Уничтожение границы должно было усилить этот оборот. С другой стороны, «торгующим к рижскому порту» русским экспортерам хорошо было известно, какие большие количества леса, поташа, хлеба и пр. доставлялись к Риге по Зап. Двине из пределов Польши. Взять в свои руки эти операции было бы лакомым кусочком для российских купцов. Неудивительно поэтому, что активные меры правительства в отношении Польши встречались одобрением «всей нации» (конечно, влиятельных классов). Мы уже знаем, что в 1764 г. было обеспечено в напоре на Речь Посполитую содействие Пруссии. В том же году союзникам удалось посадить на польский престол Станислава Понятовского, орудие в руках Екатерины, и сразу же началась под предлогом защиты диссидентов (вообще, а не только православных) энергичная дипломатическая работа, переходившая в подходящие моменты в открытые военные операции (см. *Польша*, XXXII, 601 сл.). Результатом трех разделов Польши (1772, 1793 и 1795 гг.) в составе Р. оказались значительная часть западной Украины, Белоруссия, Литва и Курляндия (*см.* XXXII, 602/06), т.-е. более «600 верст земли», хотя и не всегда «самой плодородной», и масса новых подданных, не только православных, но и католиков и протестантов.

Мы уже видели, что на юге оставалась незавершенной деятельность по захвату степной черноземной полосы. Для прочности сельско-хозяйственной эксплоатации уже занятых пространств и для захвата остальной части степи необходимо было ликвидировать Крым и подчинить связанных с ним ногайцев. Но за Крымом стояла

Турцию. Потому войны за юг превращались в военные операции не только против Крыма, но и против Турции. Столкновения с последней вызывались и другими интересами влиятельных в Р. классов. Для развертывания дворянского хозяйства на юге нужно было обеспечить ему сбыт продуктов в Европу. Тянуть хлеб, сало, кожи, смолу и пр. к балтийским портам уже из курских мест было бесцельно: транспортные расходы, при необходимости сухопутных на довольно большом расстоянии перевозок, поглощали всю прибыль экспорта. Поэтому для оживления хозяйства даже в уже захваченных местах нужен был выход через Черное море. Свободное плавание по нему и выход в Средиземное море был нужен и вообще русской торговле для отправок в Турцию и страны южной Европы. Таким образом, и здесь счастливо сочетались интересы помещичьего класса и буржуазии. Отсюда ясно, что и войны против «бусурман» с восторгом приветствовались «русским обществом». В двух войнах с Турцией (1768—1774 и 1787—1791) Р. прочно утвердилась в Причерноморьи от устьев Кубани до Днестра, захватила Крым (1783), из которого значительная часть татар от русских притеснений выселилась в Турцию, освободив места для новых поселенцев (см. ниже — *войны Р.*); одновременно полностью подчинены ногайцы, и ликвидирована не желавшая признавать ничьей власти Запорожская сечь (1775; *см.* XX, 528/31). Часть запорожцев поселилась в устьях Кубани, по которой шла теперь, как и по Тереку, прочная военная линия, имевшая целью открыть пути к Кавказу и сдерживать производившиеся ближайшими кавказскими владельцами набеги. Еще после первой русско-турецкой войны выход в Черное море и свободное плавание по нему были обеспечены для русских торговых судов. Быстрые и решительные успехи кружили голову, рождали новые захватнические планы и мечты. Уже в 1780-х гг. завязаны прочные связи с Грузией, куда посылаются и русские отряды, и русские агенты, изучаются пути через Кавказ и закавказские рынки, а в 1796 г., в ответ на напор Персии на Закавказье, началась русско-персидская война (см. *кавказские войны*, XXIII, 37). С другой стороны, составляются проекты изгнания турок из Европы и создания «Греческой империи» с центром в Константинополе и русским вел. кн. Константином Павловичем в качестве императора.

Кроме этих военных действий с Польшей и Турцией, Р. пришлось еще вести навязанную ей войну со Швецией (см. ниже — *войны Р.*), которая, воспользовавшись второй русско-турецкой войной и постоянно напряженными отношениями с Польшей, стала добиваться реванша. Решительный отпор, встреченный ею на море и на суше, привел к миру (1790) на условиях довоенных отношений. Наконец, замышляли еще «смирить гордость Китая», где предпринимали кое-какие шаги через иезуитов, и вновь возвращались к проектам о торговле с Индией, и в этих целях русских моряков посылали на службу в Индийский океан для изучения условий плавания там.

Общий итог приобретений Екатерины можно приблизительно определить в 300.000 *кв. км* территории и 9.000.000 чел. об. п. населения. Имея в виду, что численность всего населения Российской империи по V ревизии достигала около 36 млн. чел., нельзя не признать новые приобретения значительными. Но их ценность для господствующих классов не выражается только этими голыми цифрами; для этого нужно учесть те (отмеченные выше) экономические выгоды, которые они несли с собой в настоящем и обещали в будущем.

12. Войны нередко применяются правительствами в качестве средств для отвлечения внимания недовольных подданных в др. сторону, для разрежения сгущенной внутри атмосферы. Именно эти цели были в виду у русской власти во второй половине XVIII в. Соответствие военных предприятий интересам дворян и буржуазии и их большие успехи облегчали достижение правительством его намерений. «Гром победы, раздавайся» — стало лейтмотивом официальной печати и всех продажных или ищущих награды писак и писателей. Торжественные манифесты о войнах и мирах, «реляции» о победах, рескрипты и указы о наградах за подвиги, с одной стороны, бесконечные трескучие оды во славу русского оружия, печатаемые в газетах, журналах и отдельными листками, надписи к портретам героев, эпитафии в честь погибших на поле брани, — с другой, пышные празднования побед и заключений мира, лубочные картины квасно-патриотического содержания, — с третьей, — все было пущено в ход, для того чтобы выдвинуть на первый план военные события, заполнить ими содержание всей духовной жизни образованного общества и народных масс, отравить сознание их и потушить критику действий правительства. А на ряду с этим большое старание проявлялось, чтобы пресечь распространение опасных или неприятных для власти идей и мнений, погасить очаги, распространяющие их. Сколько сожалели, как стремились заставить забыть манифест о вступлении на престол Екатерины, в котором для большего очернения Петра III опрометчиво дана резкая критика «самовластия, необуздываемого добрыми и человеколюбивыми качествами в государе, владеющем самодержавно», где «наиторжественнейше императорским словом» неосмотрительно было обещано «узаконить такие установления..., чтобы... каждое государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению доброго во всем порядка». Казалось бы, достаточно подчищен был до «выпуска в публику» «Наказ», но его отвлеченные принципы, оставшиеся без применения, могли стать укором власти и послужить источником заразы «вредными умствованиями» для граждан. И вскоре после издания его, учреждениям, куда он был разослан и где должен был играть роль на ряду с законами, предписано никому из служащих и посторонних не давать его «не только для списывания, но ниже́ для прочтения». Если так опасны мысли, апробированные самой императрицей, то нечего говорить о других писателях. Еще в 1763 г., в разгар «либерализма», был запрещен «Эмиль» Руссо, так как он идет «против закона и доброго нрава». С 1762 г. скрылся с русской сцены «Гамлет» (Шекспира и в переделках), казавшийся, очевидно, опасным намеком на «действо» 1762 г. В 1770-х гг., в годы войн и пугачевщины, гибнут от «независящих обстоятельств» один за другим три сатирических журнала Н. Новикова (*см.*), ярко вскрывавшие неправду и взяточничество в администрации и суде и обличавшие крепостников. В 1780-е годы, казалось, вновь несколько повеяло свободой, когда разрешены «вольные типографии» (янв. 1783 г.), проведены либеральные меры в отношении старообрядцев (1782), когда Екатерина отказалась запретить представления трагедии Николева «Сорена и Замир», в которой Брюс нашел ряд «опасных» мест (1785). Однако, в эти же годы грозным окриком остановлены язвительные вопросы прославленного Фонвизина сочинителю «Былей и небылиц», т.-е. самой Екатерине (1783), отданы под надзор московские масоны и особенно издательство Новикова (*см.* XXXI, 575/76), назначено расследование по части

содержания книг, им изданных, и испытание веры его самого (1785), и т. д. А затем уж идут только запреты и кары: в 1788 г. Фонвизину не разрешено издавать журнал «Стародум»; в 1789 г. у Новикова отобрана университетская типография и «Московские ведомости»; в 1790 г. к смертной казни приговорен и «милостью» императрицы сослан на 10 лет в далекий Илимск Радищев (*см.*) за свою книгу; в том же году к Шешковскому вызывался певец «Фелицы» — Державин — за переложение псалма 81, уже напечатанное ранее; в 1792 г. разгромлена масонская организация в Москве, и на 15 лет в Шлиссельбург попал Новиков; в том же году публично сожжен «Вадим» — трагедия уже умершего к тому времени Княжнина (*см.*); в 1793 г. разбиралось второе дело Кречетова, и т. д. Французская революция, особенно с момента казни короля невольно внушавшая трепет каждому монарху и заставлявшая дрожать за свою живую и недвижимую собственность и исключительные привилегии дворянство, не могла, в свою очередь, не отозваться, в действиях власти усилением террора. Последние годы правления «вольнолюбивой Фелицы» отмечены уже широкообъемлющим цензурным запретом. В сущности наступила та пора жуткого молчания печати, которая обычно считается специфической чертой павловского режима.

Конечно, такое давление имело известные результаты: возвращаясь к сатире в «Московском Издании» (1781), Новиков уже не рисковал возобновлять свои речи по крепостному вопросу; присяжный, можно сказать, критик деяний Екатерины, кн. Щербатов (*см.*), оставил свои мысли в виде «неизглаголанных», а свои сочинения — в рукописях. Журналы 1790-х гг. являют картину большой благонамеренности. С другой стороны, несомненно, крупные военные успехи, к тому же так литературно и художественно обрабатываемые, кружили головы, заставляли сердца восторженно биться, насаждали «народную гордость» и карамзинскую «любовь к отечеству».

Однако, заставить всех думать по официальным рецептам, только восхищаться правительственной деятельностью и не критиковать ее, смотреть сквозь розовые казенные очки на российскую действительность и не видеть бедности и нищеты, насилий и хищений — правительству не удалось, как не удалось и дворянству одни свои идеи и свои интересы пропагандировать и обосновывать в тогдашней литературе и публицистике. Общество русское давно вышло из детского периода; течения мысли, захватывавшие его, были весьма разнообразны; интересы разных классов находили своих защитников в литературном движении, а безграмотная, вдали от блеска столиц и шума городов живущая деревенская масса, не видевшая внимания к своим нуждам и только вынужденная приносить жертвы «на алтарь отечества», эта масса попрежнему в своих сознательных представителях настроена резко против власти и против господ.

Можно привести ряд показателей зрелости русских верхов. Возьмем науку. В ней, правда, нет ни одного работника, который мог бы сравняться и по широте научных интересов и по талантливости в разработке научных проблем с Ломоносовым (ум. в 1767 г.). Но гении вообще появляются не часто, а обычных работников науки становилось все больше. Росла Академия наук, появилась еще «Российская академия», дававшая такие интересные издания, как «Словарь» русского языка. Московский университет обрастал новыми учреждениями, как «Педагогическая семинария», «Собрание университетских питомцев» и др.; в кураторство Хераскова (*см.*) все прочнее входил он в жизнь мос-

ковского общества, а через питомцев своих оказывал определенное влияние на всю Р. (*см.* XXIX, прил. 376′/77′). Возможны стали такие научные предприятия, как описание разных районов государства с упором внимания на естественные производительные силы, на быт и нравы разных народностей. И в этих путешествиях 1760-х—1780-х гг. на ряду с иностранцами-учеными принимают участие русские — Лепехин, Рычков, Озерецковский, Зуев и др. Ведется сложное, требующее большой и тщательной работы астрономическо-геодезическое определение отдельных пунктов, и к 1790-м гг. было определено уже 57 точек, тогда как ни во Франции, ни в Германии столь значительного числа еще не было определено. И тут заслуживают внимания работы русских: Исленьева, Иноходцева. Показательны успехи в исторической области, где также рядом с обрусевшими немцами действуют и русские. В это время впервые создается научное архивохранилище (в Москве), в котором, под руководством Г. Миллера (*см.*), уже работает Бантыш-Каменский (*см.*), позже Малиновский. Ставятся издания памятников — и не плохо для своего времени: «Никоновская летопись», выпущенная Академией наук в 1767—1792 гг. и замененная новым изданием только в начале XX в. (а всего в это 30-тилетие издано свыше десятка летописных текстов), башиловское издание «Судебника» (1768), «Древняя росс. вивлиофика» Новикова, сохраняющая ценность в некоторой части еще и доселе. В области научной обработки надобно упомянуть тяжеловесную, но подготовившую труд Карамзина «Российскую историю» Щербатова, очень интересные философско-исторические и критические работы Болтина (*см.*). В области искусств можно назвать ряд крупных мастеров и живописцев, и архитекторов, и скульпторов. Русский фарфор, открытый самостоятельно в середине XVIII в. товарищем Ломоносова по Марбургу и Фрейбергу Виноградовым, дал интереснейшие работы имп. фарфорового завода и частных предприятий. Литература представлена такими крупными фигурами, как Фонвизин, Державин, Радищев, а за ними идут десятки второстепенных, но читаемых не без интереса и теперь, писателей: Аблесимов, Княжнин, Богданович, Новиков, начавшие тогда писать Крылов, Карамзин и мн. др. При этом характерно, что наука и искусства развивались в Р. параллельно тому, что шло в Европе. Так, русские ученые, если и не дали каких-нибудь мирового значения трудов, то стояли во всяком случае на уровне средних ученых Европы. В области искусства показательно, напр., что переход от барокко к ампиру совершался в Р. совершенно в те же годы, как и в европейских странах. В литературе также шла параллельно европейской смена направлений и жанров. Свойственный придворно-дворянскому кругу классицизм уже ломался, частью вырождался, а рядом все больше почитателей привлекал сентиментализм; у Радищева же найдем отдельные сценки, прямо предвосхищающие стиль позднейшего реализма. Торжественная ода пропитывалась элементами шутки, даже сатиры (у Державина); ходульная трагедия все больше проникалась темами и подробностями обычной жизни, но не ей, а жизненной, реалистической (не по форме еще, а по содержанию) комедии и «мещанской драме», связанным с буржуазией, принадлежало первенство в театре. Рядом с длинными элегиями и пасторалями, жившими при дворе и в палатах вельмож, быстротечные темпы впечатлений городской жизни находили себе отражения в тех беглых и выразительных двух- и четырехстишиях, которые позже будут окрещены именем «частушки». Роман и повесть,

все чаще бравшие темы из русской жизни и при том не обязательно из быта верхов и дворянства, но и из жизни «среднего сословия», даже «подлых людей», стали самой распространенной и самой любимой формой прозаической литературы.

Внимание к крестьянству проявляется и иначе. Отойдя на довольно значительное расстояние от до-петровского уклада жизни, дворянство и вообще образованное общество, сравнительно много внимания уделявшее изучению прошлого, посмотрело и на крестьянство как на слой, сохранивший еще немало обломков старины в быту и обиходе. Подчеркнутый патриотизм также подсказывал познание своего, русского, и усвоение его. Наконец, просто отдельные стороны народной жизни и народного творчества казались любопытными для людей, привыкших к другой обстановке, к печатной литературе. И вот начинается издание народных сказок, хотя не всегда в их настоящем виде, народные песни включаются в популярные тогда «Песенники» и «Письмовник» (Курганова); XVIII-му веку принадлежит первая значительная запись былин (сборник Кирши Данилова). Записываются и с подчеркнутостью пускаются в ход пословицы — отрывки «народной мудрости». Чулков издает целый словарь российских «суеверий» — «Абевега». И в литературу проникают черточки народного творчества, замечаются подражания им. Модой становятся русские сарафаны, и при дворе бывают приемы, на которые все приглашенные должны явиться в русском платье. Проявляются — у лучших людей — и симпатии к простому народу, желание что-то сделать для улучшения его положения. Блеснет порой и мысль о «долге» перед народом. Словом, копится уже ряд элементов, из которых потом построится народничество, как литературно-бытовое направление.

В эти же годы довольно широко захвачено дворянство и отчасти увлечено и купечество новыми течениями мысли, шедшими с Запада. Два типа настроений отмечены двумя терминами — «вольтерьянство» и «масонство», но ими покрываются целые гаммы различных оттенков. И тому, и другому течению свойственны определенно критическое отношение к традиции, к окружающей действительности и в большей или меньшей мере рационализм, признание прав разума рассуждать даже и там, где раньше привычны были вера и сыновнее повиновение отцовским взглядам. В этом отношении и то, и другое течение свидетельствовали о росте заявляющей свои права личности. Но были и глубокие различия между этими группами. «Вольтерьянец» — всегда вольнодумец (ср. *свободомыслие*), прежде всего в области религии, где одни остаются на стадии иронического сомнения, другие открыто проповедуют деизм, третьи доходят и до атеизма. «Вольтерьянец» — скептик и в области морали, при чем опять одни только освобождают себя от пут старозаветного уклада, другие проповедуют относительность нравственных понятий, третьи просто считают, что с новой, самой современной точки зрения все позволено. Поэтому вольтерьянец приемлет все радости жизни, он нередко жуир, бонвиван, сластолюбец. Масон (см. *масоны*), настоящий, «истинный», наоборот, старается одеть себя бронею воздержания, укрощения страстей. Он сторонник обязательной, но рациональной морали, он искатель самосовершенствования; в религии он против вольнодумства, тем более насмешек и отрицания; он обязательно теист и очень часто преданный православный. Но в масонстве же — и мистики, ищущие небесного озарения, верящие в соприкосновение с божеством, жаждущие экстаза. Здесь же и искатели чудес природы — «фило-

софского камня», превращения в золото обычных веществ, и пр. А на ряду с этим и там, и тут немало просто увлекаемых модой людей, надевающих маску вольтерьянца или вступающих в «ложу», чтобы снискать покровительство сильных или просто быть «не хуже людей». Нередко все вольтерьянство выражается в ношении табакерки с портретом Вольтера, в рассказывании скабрезных анекдотов на библейские темы, в огорошивании простачков недоуменно-саркастическими вопросами из области богословия. Известно и немало масонов, искавших в ложе хорошей компании, ходивших на собрания, как в клуб, и заканчивавших вечер сухих и надоевших поучений настоящей попойкой. Но для нас в данной связи важна не эта накипь, появляющаяся при всяких кипениях, а более серьезные и, как видим, довольно глубокие искания и размышления. Не должно смущать нас и то, что искания оказывались непрочными, что убоявшийся смерти вольнодумец каялся, отрекался и превращался в исступленного православного, а испугавшийся власти масон готов был обличать «тайны» своих бывших собратий. Отступничество, ренегатство также часто сопутствуют всякому новому течению. Но все эти теневые стороны не должны закрывать от нас того значительного и нового, что несли с собой в русскую среду эти европейские влияния. Впрочем, разлагая старое, новые течения мысли довольствовались обычно сферами религии, личной морали, частью — политики. Их критическая обостренность останавливалась у порога классовых интересов. И сторонник естественного равенства людей — вольтерьянец, и строитель идеального братства — масон оставались в жизни крепостниками, иногда были и активными защитниками крепостных привилегий дворянства. Едва ли тут их единомышленниками были вольтерьянцы и масоны купцы.

Так богато и разнообразно проявлялось творчество верхов в сфере духовной культуры. Этого не может быть у младенческого общества; такое разнообразие не по плечу дворянству, а в отдельных частях даже и не связано со вкусами его. Выход на общественную арену буржуазии определенно видится в этом творчестве. Она и сама участвует в нем, на ее потребу, в соответствии с ее вкусами и взглядами, работают и деятели не буржуазного происхождения, даже не буржуазного настроения сами по себе.

Это особенно заметно, напр., в сатире того времени. К открытой жизни ее неосмотрительно вызвала власть. Первый специально сатирический журнал «Всякая всячина» вышел в свет (1769) под редакцией секретаря императрицы и при ее личном участии и, в сущности, закулисном руководстве. Вероятно, Екатерина надеялась дать выход накопившемуся недовольству, клапан для которого в виде Комиссии по составлению проекта нового уложения был уже закрыт в 1768 г., в приемлемой для правительства форме «улыбательной» сатиры, с насмешкой над грешками, с обличением пороков вообще, в отвлеченной проповеди, с возложением ответственности на козлов отпущения: мелких служащих - приказных, кокеток и модников-петиметров. Но, используя открываемую для общественного мнения лазейку, литераторы того времени пустили в публику еще 9 вольных журналов, сатира которых далеко не всегда шла в тон официозному органу. Наиболее резко и конкретно и вместе с тем наиболее талантливо в смысле образов и стиля ставили сатиру журналы Новикова (*см.*). И что же? Дворянин по происхождению, отнюдь не склонный предавать интересов своего класса, мишенью своей острой насмешки, язвительных сарказмов берет именно дворян: дворянских не-

тиметров — «поросят», возвращающихся из-за границы «настоящими свиньями», дворянок — модниц и развратниц, «продающих совесть» дворян-судей, берущих взятки дворян-администраторов и т. д. «Мещанство» осталось вне обстрела, а крестьяне с здравой смекалкой, с неразвращенными нравами еще часто противопоставляются, как пример или как антитеза, «благородному» сословию. И тут дело не в том, чтобы Новиков и его сотрудники не знали жизни купечества или быта крестьян; они именно стремились «исправлять» нравы дворянства. И дворянин оказывался объектом насмешки, даже издевательства, уничижающих «соль земли» в глазах буржуазии: ведь Новиков хорошо знал, что расходились тогда больше всего книги, пришедшиеся по вкусу «мещанству». А его журналы имели читателей больше всех других: «Живописец», наприм., за 30 лет был издан 5 раз — явление очень редкое для книг того времени. Точно то же можно сказать и по поводу обличения крепостничества. Новиков не против крепостного права, как такового; он сам не только не освободил своих крестьян, но еще вдобавок к родовому селу купил «благоприобретенное». Он обличает бесчеловечность крепостников и вместе их близорукость, показывая на отдельных примерах, как против самих господ обращается разорение их подданных. И все же его яркие картины жестокости, жадности и пр. дворян в отношении крестьян были водой на мельницу буржуазного отношения к крепостничеству; только буржуазия должна была делать из данных Новикова иные выводы, чем думали сами обличители. И блестящим по отделке комедиям Фонвизина с особым чувством должны были рукоплескать в театре разночинные зрители; в их глазах Бригадирши и Иванушки, Недоросли и госпожи Простаковы были не уродами в дворянской семье, а жизненными и широко распространенными типами дворянства. Опять-таки и Фонвизин не взял темы своих пьес из быта купечества, ремесленников или крестьян.

Еще примеры из других областей. Мы уже видели, что Фонвизин устами аббата Куайе обращался к дворянству с лозунгом «обогащайтесь!» и рекомендовал занятия, которые должны были превратить дворянина в буржуа. Новиков, предпринимая в 1783 г. издание «Прибавлений к Московским Ведомостям», прямо в объявлении писал, что имеет в виду принести «пользу» купечеству сообщением данных «о всех продуктах и товарах, в каких местах можно получить их в большем количестве и с большими выгодами». И действительно, вопросам торговли журнал — после педагогики — уделял наибольшее внимание; а специально для дворян журнал ничего не обещал и ничего не давал.

Эти примеры достаточно показывают, как оценивали тогда в литературе значение буржуазии. Можно сказать, что слова Куайе — «коммерция есть душа государства», «купечество не только есть жизнь народов, но и здравие государства», «тогда как в дворянстве много болезней», — выражали вполне определенное течение в дворянской среде Р. Тем более, конечно, эта оценка соответствовала самооценке верхов русской буржуазии. А Чулков, разночинец, придворный лакей, потом актер, своей многотомной и тяжеловесной «Историей российской коммерции», куда он включил и историю мануфактур, воздвиг монументальный, хотя и неуклюжий, памятник русскому купечеству. Ничего подобного по адресу дворянства мы не имеем: все «труды» о нем ограничивались одними родословными, где даже о «подвигах» дворянства, о которых так любили распространяться дворянские адвокаты, почти не было речи.

Идеи буржуазного характера наиболее определенно и полно выразил Радищев (*см.*), который стоит на позиции равноправия всех граждан и смеется над дворянскими родословными, который высказывается против самодержавия и источником права и закона выдвигает народную волю (волю всех), который требует ликвидации крепостного права и выдвигает против крепостничества доводы не только морального, но и экономического порядка (малопроизводительность труда крепостных). На случай «закоснения» помещиков он, «зря сквозь целое столетие», предсказывает революцию, двигателем которой будут разбившие свои оковы рабы. Радищев дает в своей книге и цельное новое мировоззрение, все основные пункты которого (кроме уже указанных — материализм, атеизм или деизм) прямо противоречат старой системе идеологии и старому порядку. Но нельзя сказать, чтобы Радищев был последователен во всем до конца: напр., характерным для дворянской, а не буржуазной точки зрения является его взгляд на развращающее действие города, и отсюда—возражение против отхожих промыслов; едва ли буржуазной нужно назвать его идеализацию крестьянства. С другой стороны, именно он дал сатирическую сценку из жизни купечества, он восстает против прибытков купеческих, он напоминает о поте рабов, создавших предметы торговли. В нем, так. обр., есть черты будущего, он не только в вопросе о революции «зрел вперед», если и не на столетие, то на несколько десятилетий.

Наиболее ярким и талантливым защитником дворянских прав был кн. М. М. Щербатов (*см.*), отстаивавший политическое господство аристократии и полноту прав дворянства на землю и подданных. Но прельщаемый выгодами, которые дают купцам коммерция и промышленность, он, поправивший свои дела только при помощи щедрой подачки из казны, усиленно отстаивал обеспечение за дворянами монополии на переработку «земных произращений» и торговлю ими, т.-е. сам толкал дворянство на буржуазную стезю. С другой стороны, очевидно уступая силе, которую тогда представляла буржуазия, даже в своем утопическом «Офирском» государстве он допускал в департамент «домостроительства» 15 депутатов от купечества, т.-е. вынужден был нарушить чистоту дворянского властвования. Так сказалось значение буржуазии даже у самого упорного защитника всех преимуществ дворян.

Если даже в теориях, допускающих свободу мысли, мы встречаем такие отступления от основных позиций, то еще сложнее были отношения в жизни. Здесь столкновения классовых интересов в начале занимающего нас периода ярко сказались в депутатских наказах 1767 г. и в прениях на заседаниях Комиссии. И пред нами не только вскрывается борьба дворянства с буржуазией, не только имеют место антидворянские выступления дворян же, не только намечаются компромиссы между этими классами, но и развертываются столкновения внутри этих классов между разными группами. Мы уже отмечали решительные заявления со стороны «столбового» (наследственного) дворянства против дослужившихся до дворянского звания. Параллельно мы видим и борьбу торговой буржуазии против промышленной, городской — против сельской. Для конца XVIII в. весь сложный переплет отношений и борьбу на разные фронты хорошо можно наблюдать в новых учреждениях, в которых то рядом сидели и пытались обезвредить противников или столковаться с ними представители разных общественных групп; то, наоборот, каждая из них в своей организации старалась возможно более благоприят-

ную обстановку создать для себя и ослабить в меру своих сил позиции противника.

Борьба между помещиками и купцами в основном велась за то, какую долю «прибытка» извлекут те или другие из основного производящего слоя — крестьянства. Само оно меньше всего заявило о своих требованиях в публицистике или художественной литературе. По старине у него преобладало формулирование своих взглядов в форме религиозной. При чем летаргия официальной церкви, где к тому же и руководство принадлежало не крестьянам, заставляет искать выражений их настроений вне господствующей организации. В старообрядчестве, по мере того как в старых согласиях его — поповщине, поморском, федосеевском—все больше верховодили купцы, шедшие на мир с властью, все более отслаивались влево согласия более крестьянские по составу и руководству. Кроме разных групп нетовщины, о которой приходилось говорить раньше, и небольшой группы пастуховщины, оставшейся с эпохи измены Выга на старых его позициях отрицания мира и «антихристовой» власти, особенно симптоматичным для этого момента и быстро разраставшимся было новое (с 1770-х гг.) согласие странников, или бегунов. Решительный отказ от мира находил себе выражение в непрерывном странстве «христа ради» в дебрях лесных без денег, без паспортов, на которых антихристова печать, конечно без брака и пр. Понятно, что такую позицию могли занять совсем отрешившиеся от земных связей разные беглые — солдаты и рекруты, помещичьи крестьяне и рабочие. И сразу же, чтобы оставить средства спасения и оседло живущим, пришлось итти на компромисс путем легализации, так сказать, «жиловых» (см. *бегуны*, VII, 299, и *старообрядчество*, XLI, ч. 4, 383). В сектантстве, после того как С. Уклеин увлек от духоборства в сторону библии часть искателей «духовной» веры и создал учение молокан (*см.*), совершенно приемлемое и для буржуазии, духоборство с отрицанием православной церкви и государства осталось прибежищем для части лево настроенных земледельцев. Народившееся в недрах христовщины (хлыстовщины) на почве полного разочарования в безрадостной жизни земной скопчество, проповедуемое беглыми крестьянами (см. *скопцы*, XXXIX, 271/74), довольно скоро оказалось орудием в руках купечества и роли в развитии специально крестьянской идеологии не сыграло.

Борьба между эксплоататорами и эксплоатируемыми—явление постоянное, но обострение столкновений внутри эксплоататорской массы обычно сопутствует неблагополучию в стране, ухудшению возможностей жить за чужой счет. И действительно, в Р. этой поры ощущались разнообразные хозяйственные затруднения.

Обычно говорят о финансовом кризисе. Войны и напряженная дипломатическая игра, поддерживаемая боевой готовностью («вооруженный нейтралитет»; *см.*), требовали больших расходов. Казна, пустовавшая при Елизавете, не наполнилась и при Екатерине. И сейчас же, с началом первых военных операций, пришлось увеличивать обложение — и не только крестьян, но и промышленности. Вскоре, в 1769 г., Р., по примеру европейских государств, перешла к выпуску бумажных денег (*см.* IV, 84/85). Сравнительно небольшое количество их и крупные купюры ассигнаций (самая мелкая в 25 руб.) вначале не только не несли с собой осложнений, но даже оказывались удачным облегчением денежного оборота: перевозить более или менее крупные суммы в тогдашней тяжеловесной медной монете (из пуда меди били всего 16 руб). было весьма нелегко, серебра в обращении было немного, золотая монета

была редкостью. Но легкость платать дыры с помощью печатного станка повела к быстрому росту количества ассигнаций, которые выпускались в 1780-х гг. и в 10 и в 5 руб. В 1787 г. в обращении было уже на 100 млн. ассигнаций, а в 1796 г. более чем на полтораста млн. Между тем в 1764 г. всего в обращении считалось денежных знаков на 80 млн. рублей серебром и медью. Получился излишек денег. Серебро исчезало. Р. перешла к бумажному обращению. Но излишек ассигнаций, не обеспеченных запасами золота и серебра, давил на рынок, курс бумажного рубля стал с 1786 г. неуклонно падать и в 1794 г. спустился до 68½ коп. на серебро. Начавшийся еще ранее рост цен при наводнении страны бумажками пошел более быстрым темпом. Правительство пробовало для казны парировать это новым повышением оброков и подушной, в 1790-х гг.—снова повышением сборов с промышленности, попыткой часть подушной брать с населения натурой (хлебом; указ 1794 г.), снятием с государственного бюджета служащих в городовых магистратах (указ 13 дек. 1787 г.), остановкой части казенного строительства (указ 20 окт. 1787 г.) и т. д. Но это новое обложение, эти меры экономии не могли покрывать громадных военных расходов. И, дав торжественное обещание в манифесте 28 июня 1786 г. не выпускать ассигнаций свыше 100 млн. руб., правительство прибавило к этому еще 57 млн Так создавалось расстройство денежного обращения, от которого страдала не одна казна, но и граждане; терпели не одни крестьяне, но и дворяне, и купечество, за интересы которых велись вызвавшие бумажный поток войны.

Бумажный рубль с падающим курсом не годился, конечно, для международных расчетов. Из Р. стало уплывать в Европу золото и серебро. Вексельный курс оказывался крайне неблагоприятным для русского государства. Правительство связывало это с тайным ввозом иностранных товаров и указом 10 мая 1788 г. «к отвращению унижения вексельного курса» усиливало надзор по границам, предписывало решительную борьбу с контрабандой. Пошатнулся и баланс внешнего торгового оборота в сторону, неблагоприятную для Р. Еще в 1789 г. перевес вывоза над ввозом дал стране 9½ млн. руб.; в 1790 г. он снизился до 1½ млн., а в 1791 г. уже ввоз стоил дороже вывоза на те же полтора миллиона рублей. При недостатке собственных благородных металлов это грозило еще бо́льшими осложнениями по части курса рубля и вексельного курса за границу. Правительство поспешило усилением таможенного обложения (тариф 1793 г.) сократить приток иностранных товаров и повысить сбор золота и серебра. Созванная в апр. 1793 г. комиссия купцов, русских и иностранных, причины понижения курса видела все в отношениях внешней торговли: связывала это с «неустройством» во Франции, вызвавшим в Европе ряд банкротств, но затруднения в Р. начались, как мы видели, еще до французской революции; указывала на «бывшее пресечение торга с китайцами», но он играл относительно очень малую роль в русском внешнем обороте; осуждала непомерную роскошь русских верхов и рекомендовала запретить ввоз предметов роскоши, но, конечно, дело было не столько в росте привоза, сколько в падении вывоза. Так, напр., экспорт ржи и пшеницы за 1790—1792 гг. сократился *вдвое* против 1778—1780 гг.; сильно снизились поставки в Европу пакли и растительных масел, смолы, воска, ворвани; очень показательным было заметное уменьшение вывоза парусины (с 60.000 кусков до 46.000) и юфти (выделанной кожи), которой вместо 140.000 п. продано только 112.000. В тех же статьях экспорта, где от 1778—1780 к 1790—1792 годам замечается рост, при сопо-

ставлении с более ранними или более поздними годами устанавливается почти всюду явное снижение темпов прироста, иногда цифры почти стационарны, между тем на протяжении 1780-х гг. были освоены новые территории, влилось новое население, так что небольшой абсолютный прирост на протяжении 12 лет должен расцениваться как относительное снижение.

Но как раз в то время, когда заседала купеческая комиссия, дело уже повернулось в благоприятную для Р. сторону. С началом войн против революционной Франции (1792) быстро вырос спрос на русское железо, парусину, лес, смолу, хлеб и пр. Средний баланс за 1793—1795 гг. был уже с превышением в пользу Р. почти в $15^1/_2$ млн. рублей. Но курс бумажного рубля и к 1796 г. далеко не дошел до паритета: ассигнационный рубль стоил на серебро 79 коп.

Указывая причины падения курса в моментах внешнеполитических и внешнеторговых, в качестве мер для поднятия его купцы рекомендовали, между прочим, «разрешение выпуска хлеба» и «восстановление упадших мануфактур и фабрик». Последнее показание авторитетных в этом вопросе людей для нас особенно интересно. Повидимому, кризис финансовый сочетался и с острым моментом хозяйственным, затруднения в области сбыта за границу сопровождались и снижением спроса на внутреннем рынке.

За отсутствием общих по Р. цифр мы не можем привести безусловных показателей положения промышленности в 1780—1790-е годы; обычно фигурирующие данные за 1796 г. мало надежны и не убедительны уже потому, что не сопоставимы с цифрами 1775 г.: последние включают только «указные» мануфактуры, помимо которых существовали и предприятия (в громадной части более мелкие), не искавшие выгод и преимуществ официально разрешенных фабрик и заводов; в цифрах 1796 г. явным образом фигурируют и те, и другие. Но по отдельным отраслям производства можно привести показательные примеры. Возьмем черную металлургию — крупнейшую отрасль промышленности в Р. XVIII в. В главном районе ее, на Урале, за последние 25 лет интересующего нас периода появилось всего 13 новых доменных заводов и две добавочных домны на предприятиях, уже действовавших ранее. Но и при отсутствии общих точных данных два новых завода выстроены вместо двух угасших. Прирост очень незначительный по сравнению с предыдущей четвертью века, когда начали работать около полусотни новых доменных заводов. Интересно при этом, что 12 заводов (из них два на смену переставшим работать) выстроены в 1786 — 1789 гг., когда строительство стимулировалось — частью с некоторым запозданием — усилением спроса на железо в связи с англо-американской (1775 — 1783) и второй русско-турецкой (1787—1791) войнами. В этот же период гл. обр. заботились и об увеличении использования имеющихся домн стройкой — для перековки их чугуна — новых молотовых заводов: в 1777 — 1784 гг. их появилось 9. Позже прибавилось два в 1791 г., а два, выстроенные в 1794-м, дождались пуска только в 1798-м. Можно подумать, что этот пример говорит только о колебаниях спроса на железо из-за границы и со стороны государства в зависимости от военных операций и потому не годится для характеристики внутреннего рыночного спроса. Тогда возьмем группу заводов к востоку от Уральского хребта. В этом районе в занимающую нас четверть века появилось 5 новых доменных заводов, причем они ставились все дальше вглубь Сибири, т.-е. с явным расчетом на выпуск железа для быстро выраставшего там населения. И вот характерно, что даты строительства четырех из этих заводов лежат в пределах 1773—1780 гг.

Пятый строился в 1789—1790 гг., и его вторая домна так и осталась незаконченной: очевидно, уже почувствовалось насыщение рынка железом. Может быть только сибирского? Ближайший же к Уралу с запада вятский район металлургии говорит, что то же явление наблюдалось и в европейской части государства. Заводы этого района гл. обр., в противоположность западному и южному Уралу, обслуживали внутренний рынок. Здесь довольно оживленное строительство развернулось в 1760-х и первой половине 1770-х гг., когда появилось 5 новых доменных заводов; шестой зато построен только в 1786 г. и то сразу попал в консервацию и пущен в действие только в разгар русско-турецкой войны — в 1788 г. А дальше не только до 1796 г., но даже до 1806 г. ни одной новой домны в этом районе не строят. Наоборот, в промежуток между 1775 и 1796 гг. пять доменных заводов перестали выпускать чугун. Таким образом, весь прирост здесь уже за 35 лет выражается всего единицей. В пределах старейшего района доменного производства в Р. — тульского — после 1763 г. не поставлено в XVIII в. ни одного нового завода. В калужском, где в промежуток 1762—1785 гг. угасло 3 завода, при строительстве одного завода в 1766 г. и двух в период второй русско-турецкой войны — металлургия только осталась на уровне до 1762 г. Строительство новых заводов на нижней Оке идет совершенно параллельно требованиям во время войн и, значит, отражает не требования обычного потребителя. Наоборот, работавшие на него небольшие частные заводы на Волге (три — в Буинск. у., около Малыковки-Вольска и в пределах позднейшего Камышинск. у.) все погибли еще к 1770 г., а такие же заводы в Онежском крае в пределах 1770-х гг. замолкли все до одного. Теперь уже общий вывод о какой то стабилизации спроса на железо со стороны русского частного потребителя, особенно с 1770-х годов, становится, думается, обоснованным.

Определеннее кризис производства вскрывается данными по выплавке меди. Медь почти совсем не шла за границу. Главным ее потребителем были монетные дворы, и около трети, потом более, шло на внутренний рынок. И вот за последние 25 лет не появилось ни одного частного нового медеплавильного завода, и, наоборот, свыше десятка старых прекратили свою работу. Место их продукции на рынке не заняла и привозная медь; не усилилась, сколько можем судить, и выплавка продолжавших действовать предприятий. Очевидно, и здесь нужно констатировать достижение промышленностью определенного предела и крушение всего того, что оказалось за пределами этого лимита.

Можно указать еще, что в одной из самых новых отраслей промышленности — в хлопчато-бумажной — при всей отрывочности данных также заметны признаки неблагополучия. Так, три новых предприятия, возникших в Воронеже и Вологде в 1770-х гг., исчезают к концу века; в Казанской губ. на протяжении десятилетия 1786 — 1796 гг. положение остается стабильным, и вообще в государстве заметный прирост хлопко-ткацких и ситце-набивных мануфактур начинается только в самом конце XVIII в.

Полотняная промышленность, развертывавшаяся под «золотым дождем» военных требований, русских и заграничных, в мирные годы не работала во всю мощность. И едва ли случайно, что среди отметок о датах создания мануфактур в ведомостях 1797—1803 гг. совсем не встречаются годы 1786—1796.

По этим данным можно, кажется, сделать вывод, что военные обстоятельства, стимулировавшие рост определенных отраслей промышленности (железо, парусина и вообще полотно), потом оказывались причиной тяжелых затруднений для создавшихся и раз-

вертывавшихся предприятий. Однако, и в отраслях, работавших на мирного потребителя, 1780-е и 1790-е годы были периодом неблагополучным.

В общей форме о депрессии в промышленности в эти годы, кроме приведенных слов купеческих экспертов об «упадших мануфактурах и фабриках», говорят и данные об отходе населения на заработки. По Галицкому и Кологривскому уу. Костромской губ., откуда наблюдался значительный отход (до 10% мужск. населения) промышленного и промыслового характера, мы видим от 1786 к 1796 г. падение числа взятых паспортов с 6.000 до 5.000 (кругло). По Пермской губ., отход из которой носил ту же окраску, сплошные цифры за 1782—1802 гг. позволяют видеть, что от максимума взятых паспортов в 1782 г.— 13.757—наблюдается падение до 5.455 (1787); затем новый подъем, достигающий в 1791 г. 10.650 паспортов, и после 1793 г. новое падение, доходящее в 1797 г. до минимума за весь период — 5.382 документа; свыше 10.000 паспортов начинают вновь выбирать уже в XIX в.

Эти данные об отходе говорят о сокращении работ не только в мануфактурной промышленности, но и в более мелких ее формах и в разных промыслах.

Ожидать от XVIII в. точных статистических показателей о положении сельского хозяйства не приходится; необходимо довольствоваться иными данными, хотя бы и косвенными. Возьмем Бирючский уезд, откуда по «недостаточности» земли жители уходили на сельские работы в соседние уезды той же Воронежской губ., «а наипаче в донские станицы», где при изобилии земель ощущалась нужда в рабочих руках, особенно в годы, когда казаки отвлекались на службу. Эта работа на Дону, где травы и хлеба поспевают ранее, не мешала отходившим вести и собственное хозяйство. И вот, количество паспортов, взятых сельскими жителями Бирючского у., с 887 в 1780 г. поднимается до 1.600 в 1781 и 1782 гг. и до 2.500 в 1784-м г.; далее, в пределах до 1788 г. число уходящих с паспортами стояло на уровне до 2.300, а затем — это в годы русско-турецкой войны, когда казаки принимают участие в войне — начинается падение: 1.600, менее 750 (в 1790 г.), 1.034; к 1794 г. вновь доходит почти до 2.000, а далее, хотя в наших данных с 1796 г. фигурируют уже и показания о купечестве, резкое падение до 569 в 1797 г.; 2.000 и более паспортов берут уже только с 1799 г. (максимум—2.498—в 1802 г.). Я нарочно беру здесь мирные и военные годы, годы закрытия для нашей торговли Черного моря и годы свободного плавания, годы урожаев и годы неурожаев. И, как видно, вне всякой зависимости от обстановки внешней торговли и наличия или отсутствия на Дону казаков стоят цифры отхода из Бирючского у.; неблагоприятные в сельско-хозяйственном отношении годы повышали число отходчиков сравнительно очень немного. Очевидно, мы имеем с 1789 г. сокращение спроса на сельско-хозяйственных рабочих в новых земледельческих районах юга. К сожалению, мы не можем привести таких же данных по другим районам Р. Но для центрального показательно громадное в сравнении с другими районами предложение деревень: очевидно, сельское хозяйство здесь оказывалось относительно мало доходным. Общим местом в дворянской переписке к концу XVIII в. становятся жалобы на «упадок земледелия» в связи с уходом крепостных в города на заработки, с малою тогда уже выяснившеюся производительностью подневольного труда.

Конечно, при громадности территории тогдашней Р., при различных укладах жизни в разных местах, затруднения в отдельных районах и в разных сферах хозяйственной жизни могли возникать не одновременно, протекать

не совершенно тождественно, с временными улучшениями положения за счет тех или других местных, а иногда и общих условий. Недостаточная изученность экономики XVIII в., подчас отсутствие необходимых данных не позволяют с полною категоричностью вычерчивать кривые хода этого болезненного процесса и устанавливать полностью его причины. Но приведенные примеры заставляют думать, что затруднения стали ощущаться примерно с середины 1780-х годов. Связывать их надо, как кажется, с тяжелым положением массы населения, с противоречиями крепостного строя.

В положении рабов находилась, по данным *пятой* ревизии (1794—1796), половина населения империи. Их обнищание снимало их с рынка, как потребителей; их убогое хозяйственное вооружение и полная незаинтересованность в результатах делали примитивно-непроизводительным хозяйство помещика. Путы крепостного права не позволяли развернуться как следует производительным силам населения, часто сковывали энергию особенно предприимчивых и тем лишали народное хозяйство двигателей и работников. Войны, одною из целей которых было дать дворянству новые земли, стоили Р. чрезвычайно дорого. За 35 лет царствования Екатерины только рекрутами, не считая иррегулярных казачьих войск, было изъято около полутора миллиона человек и при том в лучшем рабочем возрасте, и это при общей массе мужского населения (включая и стариков, и детей) менее 20 млн. Большая часть взятых в армию погибала от пуль, штыков и — больше всего—от эпидемий; немногие возвращались инвалидами или беспомощными стариками, требовавшими сторонних забот. Кроме жертв жизнями многих тысяч людей, войны требовали на миллионы рублей разных продуктов, лошадей, человеческого труда. И разрешив дворянскую задачу, дав желанный помещикам чернозем и именья польских панов, победы русских войск привели к приостановке технического развития в сельском хозяйстве: задачу об избыточном при данном уровне хозяйства населении в отдельных районах страны стали решать теперь не переходом на высшую ступень хозяйства, а переселением лишних крестьян на новые места; и в старых центрах продолжало жить трехполье с крестьянской сохой, а в новых местах при обилии земель даже возвращались к переложной системе.

Широкое предложение труда крепостных из-под палки барских требований создавало низкую заработную плату всех рабочих на фабриках и заводах. Дешевизна труда, поражавшая иностранцев, отодвигала на задний план вопросы технического прогресса в промышленности, и Р., еще в 1760-х гг. стоявшая примерно на уровне Европы (без Англии) в области техники, стала определенно отставать от нее к концу века.

Дворянские привилегии становились для их обладателей источником хозяйственных неприятностей. Монополия на владение населенными имениями лишала дворян-продавцов других покупателей деревень, и при возраставшем предложении спрос оставался небольшим, если не падал. При общем росте цен, цены на живой товар росли менее быстро, чем многие другие. С другой стороны, бесплатный труд крестьян отбивал у помещика еще в большей мере, чем дешевый у фабриканта, охоту думать об усовершенствованиях; большое количество рабочих рук, находившихся в полном распоряжении барина, соблазняло его, при затруднениях с деньгами, все шире ставить обеспечение своих потребностей внутри своего хозяйства, вплоть до ковров, изящной мебели, даже музыки, театра и пр. А натурализация помещичьего хозяйства, не могшая стать, конечно, совершен-

но полной, подрезывала промышленность и вела к новым осложнениям.

Создавался запутанный клубок затруднений и в области народного хозяйства вообще, и в пределах хозяйства господствующего класса в частности. Между тем в правительстве наступил период бездеятельности. Не только иссякли широкие планы о «блаженстве» всех подданных, о радикальной перестройке законодательства; не под силу оказывается или не интересует очень нужная в ту пору простая кодификация действующего права, приведение в систему накопившихся после Соборного Уложения узаконений. Измельчали и государственные люди, привлекаемые к делам внутреннего правления. И обыватель плохо верит даже военным героям, о подвигах которых столько трубят и пресса, и поэты. Кто-то в разгар русско-шведской войны пишет приятелю из Петербурга о страхе столичного населения по поводу возможного, как ему казалось, появления вражеского флота у самой Невы; даже после того как шведы были заперты русскими судами, он еще считает «дерзновенной» надежду русских адмиралов «принудить к сдаче» врага, «когда обессилеет»; победу на суше у Саволакса он объясняет только «помощию бога, на которого единого надежда, а министры наши — ох!». Более близко знакомый с делами любимый внук Екатерины, предназначаемый ею в наследники, в письме к своему воспитателю Лагарпу дает развернутую и уничтожающую критику положения дел в 1796 г.: «В наших делах господствует неимоверный беспорядок, грабят со всех сторон, все части управляются дурно, порядок, кажется, изгнан отовсюду». И правящую среду он рисует более резко и совсем безнадежно: «Я всякий раз страдаю, когда должен явиться на придворную сцену, и кровь портится во мне при виде низостей, совершаемых другими на каждом шагу для получения внешних отличий». Молодой человек, конечно, несколько кокетничал, позировал перед твердым республиканцем своими благородными чувствами. Но и другие дают аналогичные картины состояния правительства. Такое — оно не годилось для того, чтобы разрешать трудную задачу: вывести страну из затяжных затруднений. За это дело с свежими силами взялось правительство *Павла*.

13. В недавнем еще прошлом принято было всю историю правления Павла (1796 — 1801; *см.* XXX, 758/68) сводить к необдуманным, странным или даже нелепым мерам душевно-больного императора или смотреть на эти годы, как на время прохождения «какого-то шквала, который налетел извне, все спутал, все переворотил временно вверх дном, но не мог надолго прервать или глубоко изменить естественный ход совершающегося процесса» (Корнилов). Особенно странно, что это писалось уже после того, как М. Н. Покровским была показана внутренняя связь режимов Екатерины и Павла. Правда, надо признать, что сам Павел подчеркнутой оппозицией матери, демонстративной отменой многих ее мероприятий, с одной стороны, и его преемник первым же публичным заявлением, что он будет править «по законам и по сердцу бабки своей Екатерины Великой», — с другой, невольно внушали мысль, что промежуток между 1796-м и 1801-м г. был каким-то историческим недоразумением. Однако, за словесностью официальных высказываний, за проявлениями личного темперамента надо подметить непрерывный ход исторического процесса.

Если уже при Екатерине пытались мерами административного воздействия лечить болезни народно-хозяйственного организма, то Павлу и его друзьям из гатчинских казарм с их духовным горизонтом армейских служак и вовсе должно было казаться, что во всем виновато расстройство

дел управления и что для исцеления необходимо подтянуть дисциплину. Уже при Екатерине «просвещенная» позолота давно спала с абсолютизма, и он стал «непомерным деспотичеством» (Щербатов). Правительству Павла, после «ужасов» французской революции, в которых и ученица просветителей винила «философов», незачем было и прикрываться «просвещенностью», прямо ведущей к ненавистной «гидре о 1.200 головах» (как Екатерина называла национальное собрание). Постоянный страх власти и дворянства перед повторением пугачевщины, усилившийся теперь в связи с ухудшением положения крестьян и ростом крестьянских волнений, диктовал меры строгости и «внимания» к крепостным. Наконец, крайнее расстройство государственных финансов требовало необходимости строгой экономии.

Таковы были в сущности основные черты внутренней политики правительства Павла. В ней не было и тени больших преобразовательных замыслов; она проникнута исключительно консервативными, охранительными намерениями. Охрана чего? И Павлу, лично руководившему помещичьим хозяйством не очень крупного масштаба в Гатчине, более непосредственно, чем Екатерине, были близки и понятны интересы именно и прежде всего дворянства; и его первые сотрудники, принадлежавшие к тем слоям дворянства, которые болезненно ощущали все явления хозяйственных трудностей 80-х и 90-х гг. и не мечтали о формальном участии в «вышнем правительстве», могли думать о защите «собственной рубашки». Сознательное отстранение Екатериной сына от государственных дел замкнуло его в узком кругу гатчинского управления, в котором на первом плане стояла игрушечная армия. И из этого маленького окошка простыми казались отношения в большом мире, непререкаемой по-военному рисовалась власть командира-императора. Выстроить всю Р. «во фрунт», указать каждому его точное место в шеренге, потребовать от всех беспрекословного исполнения приказаний в «боевой обстановке» внутренних и внешних опасностей — было так естественно для гатчинцев, попавших в положение правителей всей Р. И если со времен Потемкина армия все больше становилась центром внимания власти и ее главнейшей опорой, то павловский режим можно назвать попыткой найти выход из затруднений при помощи *военной диктатуры*.

Но прежде всего и сама военная сила нуждалась в некоторых «исправлениях». В противовес строгой внешней дисциплине, прусской муштре и полной субординации гатчинской «армии» Павла (в две с половиной тысячи человек), гвардия и армия Потемкина — Суворова казалась несколько распущенной; положение солдата, к которому оба они требовали известного внимания со стороны командного состава и в котором поддерживали некоторый минимум сознательности и самостоятельности, казалось даже опасным. Суворов (*см.*) быстро попал в отставку (февраль 1797 г.). Павел энергично начал «вышибать потемкинский дух» из генералов и офицеров, увольняя всех мало-мальски строптивых или недостаточно поворотливых для нового тона в войсках; солдата муштрой старательно спускали на роль простого орудия в руках покорного высшей власти командного состава и, как бы в качестве постоянно напоминающего о строжайшей дисциплине символа, взамен свободного екатерининских времен мундира ввели обтягивающую прусскую форму с прической, с жесткой косой и пр.

Диктатура даже в интересах дворянства требовала сурового режима и от него самого. «Жалованная грамота» с упоминаниями о каких-го

«правах» не годится для эпохи диктатуры и формально отменена. Дворянство лишено права подавать петиции на имя императора, в чем выражалась как бы идея контроля сословия над администрацией; теперь, наоборот, дворяне должны были прямо попасть в руки местных губернаторов — ставленников диктатора; Павел отклонил даже прием делегации нижегородских дворян, желавших, по почину губернатора, поздравить его со вступлением на престол. Точно припоминая неприятный для дворянства конец манифеста о вольности дворянской, правительство Павла под рукой внушало мысли о необходимости служить, ибо не служащие «в сей праздности теряют то время, которое бы с пользою ныне могли посвятить на пользу отечества» (письмо генерал-прокурора астрах. губернатору от 21 окт. 1797 г.). «Комиссия для составления законов Российской империи» совершенно в тон основным настроениям предполагала отменить выбор дворянами судей в уездный и нижний земский суды, так как выбор «несвойствен монархическому правлению, но приличествует только аристократическому». Аристократия же совсем не в почете при Павле; при нем «велик только тот, с кем говорит» император, да и то лишь «пока он с ним говорит». В отношении дворян даже восстановлено телесное наказание. И смысл всех этих мер и намерений один: подтянуть дисциплину, стянуть руководство действиями к единому центру.

Но, с другой стороны, дворянство требовало внимания к своему оскудению. В поддержку энергично брошен единственный рессурс, которым можно было легче других распорядиться. Темпами, неслыханными даже для времен Екатерины, идет раздача дворянам населенных имений: всего за $4^1/_2$ года роздано 600.000 душ об. пола (а при Екатерине — ок. 850.000 за 34 года). Поддержка дворян совпадала здесь и с заботами о порядке: помещичья «отеческая полиция» должна была лучше, чем обычная администрация, гарантировать спокойствие в недовольных низах. Так, дворянин даже в качестве душевладельца призван играть государственную роль — роль полицеймейстера. А если его власти оказывалось недостаточно, то правительство с большей, пожалуй, чем ранее, быстротой и стремительностью применяло меры военного воздействия, вплоть до пушек. Впрочем, попытались и несколько ослабить мятежное настроение низов государевой «милостью». Манифест 29 янв. 1797 г. под угрозой жестокой расправы напоминал о необходимости безропотного повиновения крестьян помещикам, а другой манифест 5 апр. того же года запрещал помещикам заставлять крестьян работать в воскресные и праздничные дни и в форме пожелания рекомендовал трехдневную барщину. «Советом сказанное» крестьянами было понято, по крайней мере в некоторых местах, как категорическое предписание ограничить барщину, и стало основанием для ожиданий полного упразднения крепостной зависимости. Манифест оказался поводом для новой вспышки крестьянских «неповиновений» господам, посылок ходоков «за волей» к царю в Петербург. И для усмирения были командированы военные отряды. А на попытки дворовых в столице добиться управы на жестоких господ Павел ответил приказом наказать жалобщиков кнутом в размерах по желанию владельцев, вызвав тем «всеобщую похвалу и благодарность от всего дворянства».

Само собой разумеется, что павловские «милости» совсем не устраивали крестьян. Но и положение дворянства в целом не могло радикально измениться к лучшему оттого, что любимцы государя получали десятками тысяч крепостных, дальше стоящие — сотнями и десятками: раз-

дачи не лечили даже той болезни, которой страдало дворянское хозяйство. Мало помог тут и новый специально дворянский банк, который опять-таки позволял перевернуться в затруднениях, но не касался причин, их породивших.

Еще менее удачно обстояло дело с мерами в отношении промышленности. Ее по общей системе мероприятий отдали под контроль администрации, и вместе с тем восстановили право фабрикантов и заводчиков не из дворян покупать к предприятиям крестьян с землей и работников. Но правительственная опека только стесняла производственную деятельность, а к крепостному труду теперь после многолетней работы с наемными рабочими предприниматели уже не стремились, вследствие опытом установленной меньшей его производительности. По ведомостям фабрик и заводов разных отраслей промышленности (кроме горной и винокуренной) за 1797—1803 гг. можно видеть, как редки случаи покупок крестьян в эти годы промышленниками.

Что касается торговли, то попытка бороться с дороговизной полицейскими мерами (обязательной таксировкой цен в городах) приводила к прямому сокращению торгового оборота. С другой стороны, и показная борьба с инфляцией путем сожжения бумажек на 6 млн. руб. (менее 4% всех бывших в обращении) дала ничтожные результаты для поднятия курса. А новые выпуски ассигнаций на сумму около 50 млн. руб. снизили стоимость бумажного рубля до уровня более низкого, чем при Екатерине (в 1798 г. до $62^1/_2$ коп., затем после некоторого подъема—до $66^1/_2$ коп.), а это имело результатом подъем цен на товары. Таким образом, и в этих плоскостях меры административные не вели к исцелению болезней. По разным приведенным ранее данным видно, что заметное улучшение наступило лишь в первые годы XIX в., по окончании павловского режима.

В отношении горожан он был не более снисходителен, чем и по адресу дворянства. «Жалованная грамота городам» перестала действовать одновременно с дворянской. Городское «самоуправление» еще более дворянского попадало в зависимость от администрации.

Вообще время Павла было годами роста власти назначенных, а не выборных властей. Губернаторы в большей мере, чем раньше, становились сатрапами в провинции.

Стремления к экономии в расходах повели к некоторой перестройке местного управления — к сокращению числа губерний, к ликвидации некоторых органов и т. д. Но проводились эти мероприятия с удивительной необдуманностью и неподготовленностью: то губерния уничтожалась, то быстро восстанавливалась с приращением территории за счет соседней; то же было с уездами. И в результате получался хаос, создавалась задержка в делах, и это при стремлениях подтянуть порядок, усилить роль администрации. И средств на эти перестройки уходило столько, что они, кажется, поглощали всю экономию от сокращений.

Подбирая власть на местах, еще более старались упрочить руководство всем из центра. Если после екатерининской губернской реформы оказались ненужными и постепенно ликвидировались все коллегии, кроме трех «государственных» (иностранной, военной и адмиралтейской), то теперь четыре коллегии (камер-, берг-, мануфактур-и коммерц-коллегии) были механически восстановлены. Но не могли быстро наладиться соотношения системы централизации в коллегиях и децентрализации в губернских учреждениях. С другой стороны, дух коллегиальности уже давно отлетел из воссоздаваемых центральных органов, и при Павле это подчеркнуто

назначением не входивших в коллегии «директоров» и министров по разным отраслям с правом личных докладов государю и контроля за работой коллегий, а вместе с тем старая конструкция последних сохранялась. В результате нужной для диктатуры четкости и быстроты в работе аппарата управления не получилось.

В области вероисповедной политики были усилены меры строгости в отношении крайних течений инако верующих. А на ряду с этим прямо продолжая меры Потемкина, правительство Павла легализовало наиболее близкое к официальной церкви старообрядчество в форме «единоверия» (*см.*). Этим, как и манифестом о трехдневной барщине, стремились, очевидно, уменьшить опасность брожения и недовольства в низах. Но, не исполняя просьбы шедших на легализацию, им не дали старообрядческого епископа и прямо, вопреки их желанию, подчинили их синоду. И этим дело единоверия было скомпрометировано; в него приходилось загонять людей мерами административного внушения, а позже и более сильными приемами. А тем самым оказались недостигнутыми и политические результаты, к которым стремились.

Что же касается области идейных течений, то годы павловской диктатуры могли быть только годами удушения всякой независимой мысли. Развивая и расширяя мероприятия последних лет Екатерины, теперь прямо и резко прекратили всякий приток книг, даже нот из-за границы из боязни сеяния в Р. «плевел» запретных мыслей. Последовательно запрещены поездки для учения за границу, а все ранее уехавшие вызваны назад.

Внутри цензура повела борьбу не только с мыслями, но даже с отдельными словами. И в результате литература совсем замерла под «рев норда сиповатый»; журналы этих лет — собрание скучных нравоучений и невинных бесталанных повестей и стихотворений, и лишь каким-то чудом проскользнули через все препятствия кое-какие более живые произведения, в роде «Ябеды» Капниста (*см.*). В рвении истребить все семена «французской заразы» правительство занялось даже мелочной борьбой с французскими модами, вызывая недовольство щеголей и модниц и насмешки людей серьезных.

Подводя итоги внутренней политике военной диктатуры, нельзя не признать, что явившаяся на свет в значительной мере вследствие неподготовленности новых правительственных людей и в соответствии с личными вкусами Павла и проведенная в одном нелепо прямолинейно, в другом — с неоправдываемыми отступлениями, то с попытками какой-то демагогии, то без всякого внимания к запросам разных групп, она не дала и не могла дать ни результатов, которых ожидали ее инициаторы, ни счастливых следствий для страны. Однако, полный крах этой «системы» пришел в результате политики внешней.

Здесь Павел и его министры старались, сколько умели, решать оставленные им предшественниками задачи и даже в том, что принято объяснять сумасбродством Павла, продолжали дела, давно начатые. Так, знаменитое гроссмейстерство мальтийское стоит в тесной связи с вниманием к Средиземному морю. Торговая средиземноморская компания, посылка морских кадет в Средиземное море при Екатерине уже тогда ставили вопрос о станции для русских судов в этом бассейне, и уже тогда внимание русских политиков направлялось на Мальту, которая, помимо роли в развитии торговли, могла бы стать базой для военного флота в предприятиях против Турции. Есть указание, что Екатерина специально направляла внимание Павла на Мальту, давала ему читать

книги по истории мальтийских рыцарей. При Павле, во время войн против Наполеона, Мальта должна была служить и в действиях против Франции. При всем этом отказ от Мальты, когда она сама давалась в руки, а не прием предложения должен был бы вызывать недоумение. С другой стороны, поход донских казаков на Индию, конечно, связан и с замыслами Петра и с нащупываниями Екатерины. Только темперамент Павла, а вероятнее — недалекость донского руководства придали походу нелепую форму. Меры в Закавказьи, приведшие к подданству Р. грузинского царя (см. *кавказские войны*, XXIII, 37), были продолжением мер все того же ненавистного лично Павлу Потемкина, а война с Францией была реализацией обещаний Екатерины послать вспомогательный корпус в Европу. И с точки зрения ближайших интересов и дворянства, и буржуазии скорее всего именно эта борьба с послереволюционной Францией была едва ли нужной жертвой людей и тратой средств. Последовавший затем разрыв с Англией и выступление против нее были уже прямым «преступлением» против интересов связанных с ней своими поставками и закупками помещиков и купцов. И неудивительно, что тогда именно быстро созрел из давнего недовольства режимом заговор дворянского офицерства, завершившийся убийством Павла в ночь на 12 марта 1801 г.

Неудачи павловской диктатуры в борьбе со всеми затруднениями заставляли искать других средств против застаревшей уже болезни. И на сцену вышел «либерализм» «дней Александровых прекрасного начала».

П. Любомиров.

(*Продолжение в следующем томе*).

Энциклопедический словарь

7-е издание
переработан.
под ред. (до 33 тома) проф.
В. Я. Железнова,
М. М. Ковалевского,
С. А. Муромцева и
К. А. Тимирязева.

Изд. Русского
Библиографического
Института Гранат

2015147926